Георгий
Владимирович
ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Монголы и Русь

ИСТОРИЯ РОССИИ

THE MONGOLS AND RUSSIA

BY
GEORGE VERNADSKY

PROFESSOR EMERITUS OF RUSSIAN HISTORY
YALE UNIVERSITY

Nev Haven: YALE UNIVERSITY PRESS
London: OXFORD UNIVERSITY PRESS

Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Монголы и Русь

Тверь Москва
ЛЕАН АГРАФ
1997

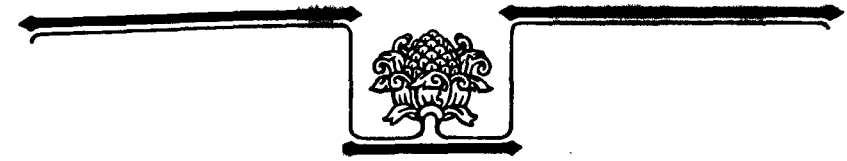
ББК 63.3.(2)4
В35

Редакция выражает благодарность
Андрееву Алексею Алексеевичу (г. Тверь)
и Тиличкину Олегу Аркадьевичу (г. Королев, Московская область)
за неоценимую помощь
в осуществлении настоящего издания.

Оформление: *Корольков В.А.*

© Издательство ЛЕАН. 1997 г.
© Издательство АГРАФ (оформление). 1997 г
© Беренштейн Е.П., Губман Б.Л., Строганова О.В. (перевод) 1997 г.

ISBN 5-85929-004-6



ПРЕДИСЛОВИЕ

Монгольский период — одна из наиболее значимых эпох во всей русской истории. Монголы владычествовали по всей Руси около столетия, и даже после ограничения их власти в Западной Руси в середине четырнадцатого столетия они продолжали осуществлять контроль над Восточной Русью, хотя и в более мягкой форме, еще столетие. Это был период глубоких перемен во всем политическом и социальном устройстве страны, в особенности Восточной Руси. Прямо или косвенно монгольское нашествие способствовало падению политических институтов Киевского периода и росту абсолютизма и крепостничества.

Положение Руси еще более усугублялось тем фактом, что одновременно с монгольским нападением с востока она подверглась тевтонскому натиску с запада. Находясь между двух огней, русские должны были временно признать сюзеренитет хана, с тем чтобы освободить себе руки для отражения тевтонского крестового похода. Монголы, по крайней мере, не вмешивались в религиозные дела своих подданных, в то время как немцы старались навязать свою собственную веру побежденным «раскольникам». После предотвращения германского нашествия оказалось, что от «монгольского ярма», навязанного ханами с безжалостной твердостью, не столь уж легко избавиться. Процесс освобождения русского народа от монгольского владычества был длительным и извилистым. Первоначально, не имея достаточных сил для отражения захватчиков, русские князья вынуждены были демонстрировать показное раболепие и использовать хитрость, как единственное оставленное им оружие. Но дух народа никогда не был сломлен, что явствует из ряда дерзких (даже в случае неудачи) восстаний горожан против монгольских представителей власти.

В целом историки, изучающие события этого далекого времени, не могут не находиться под впечатлением несгибаемого упорства, проявленного русскими людьми в их борьбе за выживание. Несмотря на бедствия и нарушение нормального течения жизни, они продолжали свою каждодневную работу, восстанавливая то, что могло быть восстановлено, и созидая вновь по мере сил. К 1350 г. многие из русских ран были залечены, и нация вновь обрела возможность расширять свои экономические ресурсы и утверждать свою культуру. К концу столетия русский промышленный и военный потенциал оказался более передовым, нежели у завоевателей, и освобождение Руси стало лишь делом времени. И к середине XУ века великий князь московский получил независимость от хана фактически, а в 1480 г. — юридически.

Таким образом, монгольское владычество подошло к концу, хотя оно и оставило на Руси шрамы, которые были заметны еще длительное время после падения Золотой Орды. Неизбежно в своей борьбе против монголов русские должны были принять многие черты монгольской политики и монгольской системы правления и администрации. В то же время тяжелый опыт Руси закалил ее народ и сделал его способным к выживанию в дальнейших испытаниях, которые несло ему будущее.

Поскольку Русь была частью Монгольской империи и региональным ханством Золотой Орды в течение столетий, ход русской истории в этот период не может быть достаточным образом понят без соответствующего исследования всего монгольского фона. Многие важные политические решения или административные распоряжения, которые глубоко затрагивали Русь, принимались великим ханом, живущим в Монголии или Китае. На протяжении всего существования Монгольской империи великий князь московский, вассал хана Золотой Орды, являлся также подданным правителя Пекина. Основные принципы правления и администрации, которыми руководствовалась Золотая Орда и которым также подчинялась Русь, были установлены основателем Монгольской империи Чингисханом — духовным отцом монгольской нации, чьи последователи верили, что он получил благословение Неба на земное правление. Очевидно, что изучение институтов правления Чингисхана является предпосылкой анализа административной системы, установленной монголами на Руси. Русь, в свою очередь, хотя

и не в качестве свободной силы, многое сделала для усиления и процветания как Золотой Орды, так и в целом Монгольской империи. Русские рекруты в монгольских армиях играли важную роль в кампаниях хана Золотой Орды, а также великих ханов. В 1330 г. было организовано подразделение русской гвардии в Пекине, ставшее, очевидно, важной опорой императорского режима Китая в это время. Лучшие русские ремесленники были призваны на службу хана, множество их работало в Золотой Орде и в Монголии. Характерно, что трон и императорская печать хана Гуюка были изготовлены русским ремесленником. Более того, золото и серебро, собранные на Руси в качестве дани, составили важный источник дохода хана Золотой Орды, помогая ему выплачивать свою долю «подарков», посылаемых местными ханами великому хану в Китае. И важность этой части для благосостояния империи не следует недооценивать. Следовательно, можно сказать, что знание этого периода русской истории, в свою очередь, имеет большое значение для изучающего Монгольскую империю в целом и Золотую Орду в частности.

Имея в виду эти соображения, я предлагаю читателю этого тома не просто историю Руси в монгольский период, а исследование взаимосвязи монголов и Руси в это время. Я убежден, что это — единственный путь к правильному пониманию основных тенденций политического и социального развития Руси в эту эпоху. Я также полагаю, что мой подход может оказаться до некоторой степени также полезным для изучающих монгольскую и тюркскую историю. Недостатком моего плана, о котором я хорошо осведомлен, является отсутствие в данном томе пространства для сбалансированной картины русской социальной, экономической и культурной жизни при монголах. Это в особенности справедливо относительно Западной Руси и Новгорода. Я надеюсь компенсировать этот недостаток в следующем томе серии путем ретроспекции.

Моей приятной обязанностью является выражение благодарности всем друзьям и коллегам, которые проявили интерес к моей работе, помогли советом и выслали мне копии своих ценных исследований, в особенности Фрэнсису Вудману Кливсу, Сергею Елисееву, Роману Якобсону, Акдес Нимет Курат, Николасу Н. Мартиновичу, Владимиру Минорскому и Иоханнесу Радеру. Много

лет назад, когда я впервые рассмотрел проблему монгольско-русских отношений, я встретил глубоко одобрительную реакцию со стороны покойного Владислава Котвича, которого бы хотел вспомнить здесь с теплой симпатией и глубоким уважением. Я с горечью думаю, что покойный Борис А. Бахметьев, первоначальный спонсор этой серии, не увидит данного тома.

Хочу адресовать глубокую благодарность за любезное содействие персоналу библиотеки Йельского университета, редакционному отделу Йель Юниверсити Пресс, и в особенности Роберте Йеркес и Элле Холлидей за их помощь в подготовке рукописи к печати. Я также весьма обязан Михаилу Карповичу, который великодушно помог мне вычитать корректуру, несмотря на перегруженность своей собственной работой, а также моей жене Нине Вернадской, которая подготовила указатели издания. Карты были выполнены Робертом Л. Вильямсом, работающим в картографической лаборатории мемориальной библиотеки Стерлинга.

Благодарю также за разрешение цитировать изданные ими книги сэра Руперта Б. Ховарта, за разрешение использовать цитаты из I тома монументальной работы сэра Генри Г. Ховарта «История монголов» (Логманс, Грин и Ко., 1876), Кембридж Юниверсити Пресс за «Историю персидской литературы под властью татар», Е.Г. Брауна и Принстон Юниверсити Пресс за «Первый крестовый поход» А.К. Крея.

Публикация этого тома не была бы возможной без финансовой поддержки Гуманитарного Фонда Нью-Йорка, и автор хочет выразить свою благодарность этой организации.

Нью-Хейвен, Коннектикут
6 февраля 1953 г.

Глава I.

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

1. Всемирно значимые моменты монгольской экспансии

Монгольская экспансия XIII века была одним из важных и судьбоносных взрывов в истории человечества, которые время от времени меняют судьбы мира. По масштабам своего влияния на всемирную историю оно может быть соотнесено с варварскими нашествиями V века, которые опрокинули Римскую империю, положив конец древнему миру, а также с триумфальным маршем ислама в VII столетии. Несмотря на всю их значимость для культурной и экономической истории Европы, крестовые походы, которые представляли противоположное движение — контратаку христианского Запада против ислама, достигли гораздо более ограниченных целей и принесли с собой меньшие территориальные изменения, нежели арабский натиск, не говоря уже о монгольском потопе.

Говорилось, что монгольское вторжение «может быть описано поистине как одно из наиболее ужасных несчастий, которые когда-либо постигали человечество».[1] И, разумеется, когда мы думаем о таких плодах монгольской победы, как разорение стран с древней культурой, подобных Китаю и Персии, о превращении частей процветающего царства Хорезм (Туркестан) в пустыню, разрушении процветающих русских городов с их передовой цивилизацией и, прежде всего, о тотальной резне в том случае, когда

нации пытались оказать сопротивление захватчикам, то нетрудно понять ужас, наводившийся монголами в одинаковой степени как на мусульман, так и на христиан. Даже если число мужчин, женщин и детей, убитых на пути их вторжения, преувеличено хронистами, общее число жертв монгольских войн могло достигать нескольких миллионов.

Счет потерь шокирует. Ни одна территория и период истории не знали подобной концентрации массовых убийств. И все же следует запомнить, что и противники монголов не испытывали отвращения к кровопролитию. Со всеми своими высокими идеалами и возвышающимися цивилизациями, как средневековая Европа, так и средневековый Ближний Восток представляют на протяжении длительного периода печальную хронику жестокости и варварства не только в войнах между нациями, но и в подавлении религиозных и иных меньшинств внутри каждой нации. Более того, как свидетели двух мировых войн и двух революций — красной и коричневой, мы знаем, что параллельно с технологическим прогрессом присутствует значительный рост массовых убийств. Разумеется, наше «просвещенное» поколение перекрыло рекорды Чингисхана и его полководцев. И не приходим ли мы постепенно, судя по данным ежедневной прессы, к идее, что число смертей во второй мировой войне будет значительно большим в глобальной войне с использованием новых источников энергии, доступных нам?

Как бы то ни было, монгольское нашествие было, конечно, ужасным несчастьем для подвергшихся ему стран. Но описание трагических результатов человеческой жестокости и безумия — не единственный долг историка; он должен изучать целостное воздействие войн и революций на жизнь и историю человечества. Историки второй мировой войны вовлечены сейчас не только в исчисление жертв и цены потерь, но также и в широкое изучение правительственной и военной политики того времени и влияния войны на мир. Точно также исследователь монгольского нашествия должен рассматривать как сам мрачный террор, принесенный им человечеству, так и его влияние на азиатские и европейские нации. Не будет преувеличением сказать, что большая часть Старого Света — огромное пространство от берегов Тихого океана до Адриатического побережья, от Китая до Венгрии — было поглощено мон-

голами на длительный или короткий период, в зависимости от силы монгольского захвата. Курс истории множества могучих азиатских и европейских наций внезапно изменился, а итоги и последствия монгольского владычества ощущались столетиями в Китае, Персии и Руси.

В то время как нации Запада трепетали при первых вестях о монгольском нашествии на Русь, и еще более, когда волна прилива достигла Польши и Венгрии,[2] Западная Европа была одним из немногих уголков Старого Света, не затронутых крутой переменой за рубежами. Более того, натиск на запад турок-османов в конце XIV и XV столетий был, с точки зрения истории, побочным продуктом монгольской экспансии. Османское завоевание Константинополя (1453 г.) гораздо более впечатлило западные нации, нежели разграбление Киева монголами два столетия назад. Хотя монгольские всадники подошли близко к воротам Вены, они не остались там надолго; но опасность для Вены со стороны османских турок длилась до конца XVII века. В этой косвенной форме последствия монгольского натиска угрожали Западной Европе почти столь же долго, как они терроризировали Русь. И следует напомнить, что Константинополь — теперь известный как Стамбул — все еще находится в турецких руках. Конечно, благодаря странной иронии судьбы, Стамбул сегодня рассматривается как оплот западного мира, в то время как «святая Москва» стала для многих жителей Запада столицей неверных и оплотом отвратительного Востока.

Картина истории, однако, не является всецело черно-белой. В любом конфликте между нациями никогда не бывает так, чтобы негодяи были на одной стороне, а герои — на другой. Существуют объективные силы, затрагивающие в равной мере политику добрых и злых правителей. Составляющие исторический процесс силы используют каждый возможный канал. Как указывает сэр Генри Ховарт, монголы принадлежали *«к тем твердым, мускулистым расам, взращенным среди нужды и тяжелых обстоятельств, в крови которых присутствует хороший элемент железа и которые периодически посылаются для уничтожения живущих в роскоши и достатке; для того, чтобы оставить пепелища от искусств и культуры, которые способны взрасти лишь под сенью богатства и легких жизненных обстоятельств... Подобно чуме и голоду, монголы были,*

по сути, мотором уничтожения; и если это и болезненная, угнетающая при чтении история, она все же необходима, при условии нашего желания понять великий путь человеческого прогресса».[3] По мнению сэра Генри, радикальные методы, примененные монголами, послужили цели обновления упадочных обществ, подвергшихся агрессии. Процветание этих народов *«было пустым и претенциозным, их величие было заметным, но поверхностным сиянием, и больное тело нуждалось в остром средстве излечения; надвигающаяся апоплексия могла быть, возможно, отсрочена интенсивным кровопусканием, деморализованные города должны были быть приправлены солью, а их обитатели подвергнуться вливанию свежих потоков сильной крови из незараженной пустыни».*[4]

Это — пример аргумента «крови и железа», который служил столетия в интерпретации социологической функции войн в истории. Существует, однако, более позитивный аспект исторической роли монгольской экспансии. Объединив большую часть Евразии под единым правлением, монголы преуспели, хотя и на относительно недолгий период, в обеспечении безопасности великого сухопутного пути из Китая к Средиземноморью. Естественным результатом монгольского мира стал определенный культурный обмен между Китаем, Ближним Востоком и Европой. «У меня нет сомнений, — говорит Ховарт, — ... что искусство печати, морской компас, огнестрельное оружие и многие другие детали социальной жизни были не открытием Европы, а импортированы при посредстве монгольского влияния с Дальнего Востока».[5] Как пишет турецкий историк А. Зеки Валиди Тоган, «вторжение турок и монголов... не было всеобщей катастрофой. Оно акцентировало исторический момент, на протяжении которого новые регионы вошли в орбиту цивилизации».[6]

Социологическая экспансия монголов стала последней великой волной западной эмиграции евразийских кочевников. Монголы последовали путем скифов, сарматов, гуннов[7]; им предшествовали в понтийских степях печенеги и половцы.[8] Арабская экспансия VII столетия была параллельным натиском иной группы кочевников.

Принимая во внимание масштабность территории, завоеванной монголами, мы можем сказать, что монгольская фаза кочевнической экспансии составила кульминацию этих натисков. Однако

первоначальные монгольские племена, объединенные Темучином (Чингисханом), были численно не сильнее печенегов и половцев. В чем же причины ошеломляющего успеха монгольского натиска? Каким образом случилось, что нация, насчитывающая не более миллиона человек, завоевала большинство иных наций с общим населением около ста миллионов? Одной из побудительных причин для монгольского воина была его часть в военной добыче, но этот мотив поведения относится в равной степени и к воинам иных кочевых племен. Среди главных условий успеха монголов были неподготовленность их соперников, отсутствие единства немонгольского мира и неспособность других понять устремленный характер монгольского натиска. Другой причиной было совершенство армейской организации, достигнутое Чингисханом. До изобретения пороха и огнестрельного оружия немногие нации могли создавать и поддерживать силу, тактически и стратегически равную монгольской кавалерии или способную соперничать с ней в духе и воле к завоеваниям.

Внезапный взрыв агрессии среди монголов в начале тринадцатого столетия все еще остается психологической загадкой. Если использовать аналогию с физической наукой, взорвался сгусток психической энергии. Общепринято, что начальная сила арабской экспансии VII века, говоря психологически, была производной от рвения и фанатизма новой религии. Но Чингисхан не принадлежал ни к одной из великих укоренившихся церквей; его называли язычником как мусульмане, так и христиане. Его религиозная политика состояла в веротерпимости относительно всех исповеданий. Традиционные верования монголов являли собою смесь шаманизма и поклонения Небу. Во все критические моменты своей жизни Чингисхан вспоминал «Вечное Голубое Небо». Но он не позволял шаманам вмешиваться в государственные дела. Итак, мы не можем сказать, что Чингисхан принадлежал к шаманистской «церкви»; наоборот, он полагал, что связь между ним и церковью была личной. И это понимание было сопряжено с осознанием собственной миссии — завоевать мир, чтобы установить в нем универсальное состояние мира. Это было глобальной задачей; и по крайней мере некоторые народы исламского Ближнего Востока и христианского Запада, уставшие от внутренней борьбы и постоянных войн, должны были находиться под ее впечатлением. Исто-

рик XIII в. Аб-уль-Фарадж так комментировал ведущую идею Чингисхана: *« ...в поведении, подобном его, монгольская вера в Бога проявила себя. И благодаря этому они завоевывали и будут завоевывать».*[9]

Суммируя, мы можем сказать, что Чингисхан был вдохновлен религиозным чувством, связанным с идеалом универсального государства. Его религиозность не может быть, однако, названа государственной религией, поскольку психологически связь между ним и Богом была прямой, а не через какую-либо традиционную церковь. На этой почве Гиббон даже счел возможным охарактеризовать религию Чингисхана как «систему чистого теизма и совершенной терпимости». Сравнивая ее с законами Чингисхана, он говорит: «Именно религия Чингиза более всего заслуживает нашего восторга и аплодисментов».[10]

2. Мусульманский и христианский миры накануне нападения монголов

В ноябре 1095 г. на церковном соборе в Клермонте, во Франции, духовный глава западного мира папа Урбан II призвал христианские нации «поднять крест» против неверных и «освободить» Святую землю, уверяя их, что такова Божья воля. Через несколько недель вся Европа знала об этом, и вскоре мусульмане Леванта — на которых намечалась атака — были также проинформированы о планах христиан. Это пример тесной связи между христианским и мусульманским мирами в средние века. Наслаждаясь спокойной жизнью или погружаясь в состояние войны, эти два мира находились в состоянии единства. Как знают все, первый поход был победоносным: Иерусалим пал в 1099 г. Мы часто склонны забывать, когда разглагольствуем о высоких целях крестового похода, что захват Святого города сопровождался ужасной резней. Согласно Фульхерию Шартрскому, крестоносцы не щадили даже женщин и детей. Другой хронист, Раймонд Аржильский, передает, что *«в храме и на крыльце Соломона люди ехали верхом по колено и до поводьев в крови... Город был полон мертвыми телами и кровью». И все же он полагал это «великолепным судом Господа, согласно которому это место должно быть заполнено кровью неверных, по-*

скольку страдало столько времени от их святотатств».[11] Город был вновь взят мусульманами в 1187 г.; третий крестовый поход оказался не в состоянии освободить его от их власти. В результате дипломатической игры и коммерческих амбиций Венеции четвертый поход оказался направлен против Византийской империи и против мусульман. Иерусалим «освобожден» не был, и вместо этого крестоносцы взяли и безжалостно разграбили Константинополь (1204г.).[12]

В то время как христиане сражались с мусульманами, и христиане Запада атаковали христиан на восточном направлении, тучи сгущались на Дальнем Востоке. В 1206 г. в дальних областях Монголии родовое собрание предводителей *(курултай)* провозгласило одного из соплеменников, Темучина, императором Земли и дало ему новое имя Чингисхан. Надвигался монгольский «крестовый» поход.

Это моментальное событие прошло совершенно не замеченным мусульманами или христианами. Никто на Западе в это время не знал о существовании Монголии. В 1241 г. мнение многих выразил образованный европеец, говоря, что «существует только семь краев на свете: а именно те, где живут индусы, эфиопы или мавры, египтяне, иерусалимцы, греки, римляне и французы». На этом основании они отказывались верить, что монголы в действительности пришли с Дальнего Востока.[13]

Мусульманский Ближний Восток был, конечно, гораздо ближе к Монголии, нежели к европейскому Западу. Хорезмские купцы торговали с уйгурами восточного Туркестана, а уйгурские торговцы посылали свои караваны к монголам. Однако прошло много лет, прежде чем решения курултая 1206 г. стали известны в Хорезме, и даже тогда их зловещее значение не было сразу же понято.

Хорезмская империя являлась в это время важнейшей мусульманской силой на Ближнем Востоке. Власть шаха Хорезма была признана в большинстве мест Туркестана и Персии.[14] Далее на юге халифат Аббасидов в Ираке находился в состоянии упадка. Египет и Сирия управлялись султанами династии Айюбидов, основанной знаменитым Саладином (Салах ад-Дином) в 1169 г. В Малой Азии султанат сельджуков был главной силой.[15] Между этими большими государствами были зажаты меньшие по разме-

ру, среди которых были христианские царства Грузия и Армения. Особая исламская религиозная группа в Персии, с ветвью в Ливане, упивалась большим влиянием и властью по отношению к малому числу ее приверженцев. Основанная в конце XI в., она принадлежала к так называемому движению исмаилитов в шиитской ветви ислама. Группа была связана строгой дисциплиной и верностью шейху, «Старцу Горы», как именовали его крестоносцы. Основным методом расправы последнего со своими противниками было тайное убийство. Ни один обидевший его человек не мог укрыться от кинжалов его агентов, чей фанатизм увеличивался благодаря курению гашиша, от чего и происходит их имя и наше понятие — «убийца» («ассасин»).[16] Ассасины вели постоянную скрытую войну против Аббасидов, крестоносцев и сельджуков. Среди их жертв были избранный король Иерусалима Конрад (убит в 1192 г.) и известный визирь сельджуков Низам аль-Мульк, автор замечательного трактата о государстве «Сийасет-нама», убитый в 1092 г.[17]

Христианский мир являл не более единства, нежели исламский. На Западе было два института, претендовавших на универсальность: римская католическая церковь и Священная Римская империя германской нации. Их власть не признавалась всей Восточной Европой, но в особенности — греческим православием. Более того, историческое продолжение подлинной Римской империи — Византийская империя — группировалась вокруг Константинополя до 1204 г.

Еще до низвержения греческой империи на Босфоре и установления там латинской империи власть папы римского чрезвычайно укрепилась благодаря крестовым походам. Папы теперь имели в своем распоряжении армию и испытывали большое искушение использовать ее в своих интересах.[18] Крестовые походы постепенно приобрели новый смысл, получив направленность не только против мусульман, но также и против раскольников (греческих православных). Атака на Константинополь представляла собой южное направление римско-католического натиска; одновременно северный путь был открыт немецким миссионерам и рыцарям в Балтийском регионе. Орден меченосцев был создан в Ливонии в 1202 г. За ним последовал Тевтонский орден в Пруссии (1229 г.).[19] Так быстро обретал форму антиправославный крестовый поход.

Одновременно в 1209 г. начался внутренний крестовый поход, направленный против «еретиков» дома — альбигойцев и катаров.[20] Хотя власть папы имела тенденцию к быстрому расширению, ее рост в значительной степени подрывали расхождения между Римом и «Римской империей» германцев. Глубокий конфликт между императорами и папами высасывал силы обеих сторон. Драматическая борьба Фридриха Барбароссы (1155-99гг.) и папы завершилась поражением амбициозных планов первого и компромиссом. Сын Фридриха Конрад сохранял, по крайней мере внешне, мир с папой, но в правление его сына Фридриха II (1215-50гг.) началось новое силовое столкновение между церковью и империей. Кроме того, император встретился с оппозицией со стороны некоторых из его сильных вассалов, а также ряда городов; и вне империи существовали могучие государства, подобные Франции и Англии.

Политические и религиозные трения в мусульманском и христианском мирах, равно как и конфликт между двумя Палестинами, ослабил потенциал их сопротивления какой-либо внешней опасности, подобной той, что исходила из Монголии. В социальной организации существовало много сходства между западным феодализмом и иктой (феодом) как формами организации Переднего и Ближнего Востока.[21] Хотя императоры и короли поддерживались могучей аристократией, время от времени приходилось отвечать на требования своих неверных вассалов, которые казались им чрезмерными. Крестьяне эксплуатировались либо их господами, либо сборщиками налогов, в зависимости от природы режима в каждом случае. Города поднимались; ремесла и торговля процветали в Европе и на Ближнем Востоке, от Хорезма до Италии.[22] Относительно образования и технологии, несмотря на так называемый «Ренессанс XII века» в Европе, мусульманский Восток был, возможно, все еще на более высоком культурном уровне в то время, нежели Запад. При этом жизнь как в Европе, так и на Переднем и Ближнем Востоке была легка лишь для немногих. Деспотические капризы восточных властителей затрагивали даже этих избранных, а правители на Западе тоже бывали тиранами. Несколько процветающих городов Северной Италии были разрушены императорами; когда начинался внутренний крестовый поход, без разбору уничтожались как действительные, так и подозревае-

мые «еретики»; задача спасения душ невинных оставалась на долю Бога.

Быстрое распространение «ересей» на Западе, Переднем и Ближнем Востоке было само по себе знаком неудовлетворенности обычного человека своей судьбой. Это подчеркивало еще один аспект внутренней слабости как христианского, так и мусульманского миров.

До сих пор с целью упрощения аргументации я избегал каких-либо ссылок на Русь. Читатель найдет картину политической, экономической и культурной ситуации на Руси в конце XII и начале XIII веков в предшествующем томе этой серии.[23] Здесь же достаточно сказать, что, подобно Западной Европе, Русь, несмотря на политические расхождения среди князей, добивалась постепенных экономических и культурных завоеваний. Более того, ее свободные политические институты обеспечивали ей уникальность положения между восточными монархиями и западными феодальными государствами. Однако внутренняя борьба ее князей и нарастающая опасность крестового похода с Запада серьезно ставили под угрозу шансы Руси отвратить опасность нашествия с Востока.

3. Монгольские племена в конце XII столетия

Монголия может рассматриваться как наиболее восточная часть евразийской степной зоны, которая протянулась от Маньчжурии до Венгрии. С древнейших времен эта степная зона была колыбелью различных кочевых племен иранского, тюркского, монгольского и маньчжурского происхождения.

Кочевое общество проявляло высшую мобильность, а политика кочевников отличалась динамизмом. Пытаясь использовать проживающие рядом народы и контролировать наземные торговые пути, кочевники собирались время от времени в огромные орды, способные начать натиск на далекие земли.[24] В большинстве случаев, однако, создаваемые ими империи не были очень крепкими и разваливались так же легко, как и создавались. Итак, периоды единства кочевников и концентрации их власти в одном особом племени или группе племен перемежались с периодами раскола во власти и отсутствия политического единства. Следует вспом-

нить, что западная часть степной зоны — понтийские (причерноморские) степи — контролировалась первоначально иранцами (скифами и сарматами),[25] а затем тюркскими народами (гуннами, аварами, хазарами, печенегами и половцами).[26] Также тюрки в ранний период контролировали саму Монголию: гунны — от древних времен до I века нашей эры; так называемые восточные тюрки — от VI до VIII веков; уйгуры — в конце VIII и начале IX столетия. Предположительно, монгольские элементы были перемешаны с тюркскими во многих из кампаний последних и тогда, когда монголам уже удалось сформировать относительно крепкое собственное государство (Сяньби в восточной Монголии с 1-го по 4-й века; Кидан в Монголии, Маньчжурии и Северном Китае в XI столетии)[27]; но в целом до Чингисхана монголам не удавалось играть какую-либо ведущую роль в степной политике.

В XII столетии в Монголии не существовало централизованного государства. Множество племен и объединений родов жили в различных частях страны без каких-либо пограничных линий между ними. Большая часть их говорила на монгольском языке, за исключением западного региона, где тюркский язык был также в ходу. В более отдаленном этническом фоне была сильная примесь иранской крови как у тюрков, так и у монголов. Предполагают, что народы, принадлежавшие к кавказской расе, населяли Центральную и Восточную Азию, включая Китай, с незапамятных времен. К этой расе, согласно Грум-Гржимайло, должно относиться имя Дилинг, упоминаемое в китайских хрониках.[28] Несмотря на этот туманный фон, можно сказать более ясно, что в течение последних столетий до христианской эры северные иранцы, историческим центром которых был регион Хорезма, распространились на запад и восток от него. Как лингвистические, так и археологические данные говорят об этой экспансии. Изображения всадников, выбитые на камнях по реке Енисей, поразительно схожи с образами аланских всадников на настенных изображениях в Крыму.[29] На надписи начала VIII века, обнаруженной в Монголии, упоминаются войны между тюрками и асами (аланами[30]).[31] Позднее мы встречаем «асуд» (т.е. ас), включенными в «правое крыло» монгольской нации, т.е. среди монгольских племен.[32] Каким бы ни был этнический источник племен, населявших Монголию в XII столетии, все они были схожи в стиле жизни и соци-

альной организации, и поэтому можно говорить об их принадлежности к одной культурной сфере. В то время, однако, не существовало родового имени для обозначения целостности этих племен и родов. Имя «монгол» изначально относилось к одному маленькому племени. Это племя вышло на передний план в начале XII века, но в середине века было разбито своими соседями — татарами — и подверглось дезинтеграции. Затем татары, в свою очередь, стали одним из лидирующих племен Монголии.[33] Меркиты, кераиты и найманы были тремя другими ведущими племенами.[34] Следует вспомнить, что в Западной Европе слово «татары», произносимое как «тартары», применялось в качестве родового имени ко всем монгольским завоевателям. Эта именная форма была частично игрой схожести изначального имени с классическим Тартаром. Как объясняет хронист Матвей Парижский, *«эта ужасная раса сатаны-татары... рванули вперед, подобно демонам, выпущенным из Тартара (поэтому их верно назвали «тартарами», ибо так могли поступать только жители Тартара)»*.[35] В русском языке имя сохранилось в своей изначальной форме (татары). Многие воины монгольских армий, которые вторглись на Русь, были тюрками под монгольским руководством, и поэтому имя татары в конечном итоге применялось на Руси к ряду тюркских племен, которые поселились там после монгольского вторжения, подобно казанским и крымским татарам. В современную эпоху русские востоковеды для обозначения тюркских народов стали использовать имя «тюрко-татары». Что же касается имени «монгол», то оно избежало забвения благодаря причуде истории — случайной принадлежности будущего императора Чингисхана к одному из монгольских родов. С его приходом к власти все племена Монголии объединились под его предводительством, и была создана новая «нация», известная как монголы. Для большей простоты мы должны называть все эти племена монголами, даже говоря о XII столетии.

Следует отметить, что, хотя монгольские племена и жили в степной зоне, некоторые племена и роды селились на северном краю степей или даже в лесной зоне, на Байкале, верхнем Енисее и на Алтае. Деление первоначальных монгольских племен на лесные и степные очень важно для лучшего понимания раннего монгольского фона.[36] Степные племена были в основном коневодами и скотоводами, как того и следовало ожидать; охота была их вто-

ричным занятием. Люди лесов, с другой стороны, являлись главным образом охотниками и рыболовами; среди них были также очень искусные кузнецы. Экономически две части монгольских племен находились в отношении взаимодополнения. Степные люди особенно интересовались сибирскими мехами, поставляемыми жителями лесной зоны; они также нуждались в опытных обученных кузнецах для изготовления своего оружия.

По своим религиозным верованиям лесные племена были шаманистскими; степные люди, хотя и подверглись влиянию шаманизма, были, в первую очередь, почитателями Неба; среди обеих групп широкое распространение получил культ огня. Обе группы имели тотемных животных и табу. Обе использовали грубо вырезанные фигурки, некоторые из них имели человеческие черты, а другие представляли собою животных. Это были не «идолы», как их называли ранние европейские путешественники, или «фетиши» в обычном употреблении слова, а скорее религиозные или магические символы почитания; они известны как *онгон*.[37]

Среди лесных племен шаманы в конечном итоге получили значительную политическую власть. В степном окружении быстро развивалась могущественная светская аристократия, среди которой существенное количество приверженцев нашли в течение XII столетия как буддизм, так и несторианское христианство.[38] Согласно хронисту Аб-уль-Фараджу, все племя кераитов было обращено в несторианство уже в XI веке.[39] Несторианская вера достигла Монголии из региона Переднего Востока через Туркестан. Уйгуры — тюркский народ, который поселился в восточном Туркестане (теперь известном как Синьцзян) в середине VIII в. и достиг относительно высокого уровня культуры, — служили посредниками между Передним Востоком и Монголией в этом, равно как и во многих других случаях.

Монгольское общество XII столетия базировалось на патриархальных кланах.[40] Монгольский род *(обог)* состоял из родственников по отцу и был экзогамным; брак между его членами был запрещен, и, таким образом, невесты приобретались путем сватовства или покупались у иных родов. Поскольку полигамия была традиционным институтом у монголов, каждый из них нуждался во многих женах, что еще более осложняло проблему. Все это часто вело к умыканию будущих жен и, следовательно, к многочислен-

ным столкновениям между родами. С тем чтобы сохранять мир, некоторые роды заключали взаимные соглашения относительно браков своих потомков на базе регулируемого обмена. Когда в процессе естественного роста семей род становился слишком велик, чтобы оставаться неделимой единицей, его ветви отходили от общего ствола с целью формирования новых родов. Образованные таким образом роды, однако, признавали свое происхождение от общего отца: о них говорили как о принадлежавших одной и той же «кости» *(ясун)*.[41] Браки между потомками всех этих родов были запрещены. Каждому монголу преподавалась с раннего детства его генеалогия и родовые отношения, и это знание было для него священно. Историк Рашид ад-Дин сравнивает силу родовых связей среди монголов с аналогичными приоритетами у арабов.[42]

Единство рода базировалось не только на кровных отношениях, но и на религиозном чувстве. Каждый род, включая живых его членов, мертвых предков и будущих потомков, был самодостаточной религиозной группой и в этом смысле рассматривался как бессмертный. Центром духовной жизни рода и, в меньшей степени, семьи был культ очага. Исключение из числа участвующих в обрядах рода и актах почитания означало изгнание из самого клана. Старший сын основной ветви, исходящей от вождей рода, традиционно отвечал за клановый культ. Наиболее почитаемые имели титул *беки*. С другой стороны, самый младший сын в семье рассматривался как хранитель очага *(очигин)* и наследовал основную часть отцовского имущества.[43] Этот дуализм функций и прав кажется свидетельством двух различных понятий в системе религиозных и кровнородственных отношений родов и семей.

Чтобы пасти свой скот и обрести определенную защиту против внезапного нападения других родов и племен, несколько родов обычно объединялись во время сезонной миграции. Такое объединение совместно устраивало палаточный лагерь, который иногда насчитывал около тысячи жилищ, расположенных по периметру огромного круга, известного как *курень*.[44]

Наиболее богатые и сильные роды предпочитали, однако, пасти свои стада сами. Лагерь такой группы, состоявший из относительно малого количества палаток, именовался *аилом*. Следует отметить, что некоторые богатые роды сопровождались вассальным или рабским родом *(унаган богол)*, в этом случае рабство было

результатом поражения в межплеменной войне. Аильская система выпаса стад составляла экономический фундамент богатства и могущества выдающихся родов. На этой базе среди монголов установилось аристократическое общество, сравнимое с феодальным обществом средневековой Европы. Монгольский рыцарь был известен как *багатур* (храбрый; сравни с русским «богатырь») или *сецен* (мудрый). Глава группы рыцарей назывался *нойоном* (господином).

На более низкой ступени иерархической лестницы находились простолюдины, имеющие статус свободных. Их называли *харачу*, дословно «черные».[45] Еще ниже были рабы. Большинство их в этот период не были индивидуально связаны с личностью господина, но являлись членами побежденного рода, обязанными, как и род в целом, служить победителям. С формированием класса рыцарей начался процесс феодальной интеграции, наиболее сильный нойон в округе принимал на себя властные функции сюзерена по отношению к иным рыцарям, его вассалам. Общение с китайцами способствовало формированию понятий вассальных отношений, и некоторые из нойонов обращались к китайскому императору за инвеститурой и получали китайские титулы такие, как таиши (герцог) и *ван* (царь). В XII веке Китай был разделен на две империи: Южный Китай находился под властью династии Сун; на севере управляли маньчжурские завоеватели — Чжурчжэни (по-китайски — Нучен), которые обосновались в Пекине в 1125 г. Они были известны как Золотая династия (Цзинь). Продолжая традиции ранних китайских императоров, Цзинь жестко отслеживали события в Монголии, с тем чтобы предотвратить создание там единого государства. Агенты Цзинь старались сохранять баланс власти между индивидуальными монгольскими племенами. Как только одно племя становилось опасно сильным, Цзинь поставляли оружие соседнему племени, с тем чтобы оно воевало против выскочки, или же пытались организовать коалицию племен против него. Эта дипломатия по отношению к «северным варварам» базировалась на принципе, который направлял Рим и Византию в отношениях с северными соседями: разделяй и властвуй (Divide et impera). Именно с помощью китайцев татары получили возможность разгромить монголов в середине XII столетия. В 1161 г. для поддержки татар сильная китайская армия была послана в Монголию.

Обманным путем татары захватили монгольского хана Амбагая и послали его в столицу Цзинь — Пекин (тогда известный как Енкин). Здесь его казнили — прибили гвоздями к деревянному ослу, что считалось особо унизительным способом расправы с преступником. Правительство Цзинь надеялось, что монгольская опасность таким образом будет устранена. Но, как показали события, китайцы добились лишь временной отсрочки.

4. Подъем Темучина

Власть степного аристократа зависела от поддержки как его свиты, так и рода, а также родов, принадлежащих одной «кости». Его богатство состояло в основном из его стад, равно как и из добычи, полученной в набегах на соперничающие с ним роды и племена. После удачного рейда стада соперника присоединялись к его собственным. Неудачливый предводитель набега терял свой престиж в глазах сородичей и вассалов, которые могли даже оставить его и перейти к более сильному нойону. Если кони и скот аристократа были истреблены животными паразитами или уведены более счастливым соперником, это могло стоить ему жизни. Если он выживал, он и его сородичи могли стать рабами победителя. Даже избежав рабства, он находился под постоянной угрозой нужды и должен был существовать охотой и рыболовством. Если в это время его оставляли все вассалы и большинство родичей, что наиболее вероятно, он не имел людей для охоты с обкладыванием зверя, для большой игры и должен был удовлетворяться ловлей сурков и мышей. Именно это и случилось в юности с будущим завоевателем мира. Только железные люди не поддаются отчаянию в таких обстоятельствах и стремятся к финальному торжеству даже с малым шансом на успех. Темучин оказался таким человеком Его поддерживали в его твердости традиции его рода, которые были привиты ему с детства, и вера в свою судьбу.

По рождению Темучин принадлежал к монгольскому роду Борджигин.[46] Он был праправнуком могущественного Кабул-хана, который решался воевать не только с татарами, но также и с китайцами. После поражения в войне с татарами монгольские роды значительно утратили свое влияние. Отец Темучина Есугей-Бага-

тур был мелким вождем по сравнению с дедом, но в маленьком мирке, в котором он вращался, его положение позволяло ему наслаждаться престижем храброго воина и главы рыцарского сообщества, славного представителя традиций своего клана. Как было принято среди монголов, Есугей заучил генеалогию своего клана, и позднее то же сделал его сын. В 1240 г. эта генеалогия была зафиксирована в письменной форме и введена в официальную историю монголов, в так называемую «Тайную историю», представлявшую собой скорее героическую поэму, нежели ученый трактат, хотя она и базировалась частично на действительных фактах.

Согласно этой генеалогии, монголы происходят от пары тотемных животных: серого волка (Борте Чино) и самки оленя (Коа-Марал).[47] В данной связи следует отметить, что волк и олень (или самка оленя) были среди тотемных животных тюрков, а также северных иранцев.[48] В дополнение к Коа-Марал монголы чтили память еще одной прародительницы — Алан-Коа, жены рыцаря Добун-Мергана, потомка первоначальной пары прародителей. Имя Алан-Коа требует специального внимания. «Коа» означает «красивая». «Алан» является, возможно, этническим именем могущественного иранского народа — аланов. Как уже упоминалось, кланы аланского происхождения существовали среди монгольских племен. Кажется, что у Борджигинов, как и некоторых других монгольских родов, была примесь аланской крови. Важно, что монгольский эквивалент слова «слава» *(алдар)* является заимствованием из аланского.[49] По-осетински[50] «алдар» означает «вождь», «князь».[51] Весьма возможно, что аланские рыцари древности впечатляли праотцев монголов своими великими делами. Случилось так, что в мингрельском языке аланы *(алан)* означает «герой», «храбрец».[52] В общем, Алан-Коа может быть переведено как «Прекрасная Аланка».

Согласно монгольской традиции, последние три сына Алан-Коа (одним из которых был прародитель Чингисхана) были рождены через длительное время после смерти ее мужа. Относительно этого была создана легенда, которая рождение этих трех сыновей приписала вмешательству свыше.[53] Это предание было введено в монгольскую генеалогию, а его вариант включен персидским историком Рашидом ад-Дином в «Историю монголов». С осторожностью, достойной похвалы, Рашид возложил ответственность за под-

линность истории на свои источники — в данном случае на монгольскую традицию.[54] Согласно как «Тайной истории», так и Рашиду ад-Дину, сама Алан-Коа объяснила своим родным и, позднее, сыновьям случившееся чудо. *«Каждую ночь во сне я видела кого-то со светлыми волосами и голубыми глазами бесшумно входящим, подходящим близко ко мне и затем исчезающим прочь.[55] Когда они вырастут... эти дети, рожденные мной, будут императорами и ханами нашего народа и иных народов».*[56] «Тайная история» упоминает о луче света, исходящем от чудесного посетителя Алан-Коа.[57]

Где источник этой истории? Эрнст Херцфельд предположил, что монгольская легенда — не более чем вариант повествования о сверхъестественном рождении Александра Великого.[58] Херцфельд отмечает, что легенда об Александре была широко распространена в исламском мире; он даже рассматривает имя Алан-Коа (которое транскрибирует: Алангоа) как искажение Олимпии (имени матери Александра) и пытается его объяснить вероятными особенностями арабского способа транскрипции Олимпии. Хотя теория Херцфельда кажется остроумной и вызывающей, его аргументация неубедительна и частично базируется на простом непонимании. Верно, что легенда об Александре была популярна в исламском мире, включая Персию, но в ранней монгольской литературе нет и следа ее. Приписать какую-либо особую роль арабским текстам и арабской транскрипции в перемещении имени с Переднего Востока к монголам значит не принять во внимание факт неграмотности монголов до Чингисхана, равно как и целостный фон монгольского фольклора. Херцфельд кажется недостаточно знакомым с фактами первоначальной монгольской генеалогии. Все его доказательства относятся к надписи начала пятнадцатого столетия на могиле Тимура.[59] Эта надпись содержит генеалогию Тимура; поскольку Тимур полагал себя потомком Алан-Коа, ее история и приводится. Он был мусульманином, и, соответственно, в надписи легенда приняла исламское обличие с цитатами из Корана. Два стиха из Корана, приводимые в связи с Алан-Коа (19.17 и 19.20), действительно касаются Девы Марии.[60] Здесь, как кажется, мы обнаруживаем ключ к истинному истоку легенды Алан-Коа. Принимая во внимание значительное распространение несторианского христианства среди некоторых монгольских племен, кажется

достаточно вероятным, что история Девы Марии была адаптирована к монгольским понятиям и в конечном итоге введена в «Тайную историю».

Теперь перед нами стоит другая задача — определить, когда легенда о сверхъестественном рождении трех последних сыновей Алан-Коа была введена в монгольскую генеалогию. Было ли это после того, как Темучин стал императором, или же до того? Этот вопрос имеет отношение к духу и психологии Темучина. Если мы полагаем, что легенда была частью монгольской традиции до его рождения, то мы должны признать ее полное влияние на ум мальчика Темучина. В этом случае легенда должна была послужить одним из оснований веры Темучина в его великую судьбу. Хотя вопрос не может получить точного ответа, простой факт того, что не только сын Алан-Коа, от которого происходил Чингисхан, но и два других ее сына также по преданию были рождены сверхъестественным путем, служит свидетельством создания легенды задолго до прихода Темучина на императорский трон и, возможно, задолго до его рождения.[61] Легенда со всей очевидностью была направлена на возвеличение не только рода Борджигинов (т.е. клана Темучина), но и всей группы, к которой принадлежал он и связанные с ним роды.

Как мы видели, Есугей-Багатур имел огромную популярность в степном сообществе; им должны были восхищаться женщины и мужчины его рода. Однако когда он решил жениться, ему пришлось считаться с обычаями рода, которые запрещали брак внутри собственной «кости». Есугей, таким образом, был озадачен поиском невесты за пределами клана. Он решил проблему, умыкнув красивую девушку племени Олконоут, которая была доставлена одним меркитом в его дом в качестве невесты.[62] Ее имя было Оэлун. Затяжная кровная вражда между меркитами и борджигинами стала результатом этого эпизода.

Темучин был первым сыном Оэлун и Есугея. Существует некоторая неопределенность относительно даты его рождения. По вычислениям Рашида ад-Дина Темучин родился в месяц Зулкада, 549г. гиджры, что соответствует периоду между 7 января и 5 февраля 1155 г.[63] С другой стороны, в дошедших до нас копиях китайской истории династий Юань (монголов) утверждается, что Чингисхан умер в возрасте шестидесяти шести лет.[64] Сейчас твердо

установлен год его смерти — 1227 г., из чего вычислено, что он родился в 1162 г.[65] Это фактически невозможно, поскольку не может быть скоррелировано с циклом лет в монгольской хронологии. Каждый такой цикл состоял из двенадцати лет; каждый год был известен под именем животного.[66] Согласно Рашиду ад-Дину, Чингисхан родился в год свиньи.[67] Таким годом как раз и был 1155 г., а 1162 г. был годом лошади.

Как могла быть сделана ошибка в официальной истории династии Юань, даже если она была скопирована после падения этой династии? Предположительно, ошибка произошла не в первоисточнике, а в последующих копиях. Случилось так, что в списке «Описания кампаний Чингисхана», использованном архимандритом Палладием для его перевода этой работы, говорится, что Чингисхан умер в шестьдесят пять лет. Однако Палладий отмечает, что число в оригинале было «шестьдесят», а «пять» было добавлено китайским ученым XIX века Хо Кью-тьяо (от которого Палладий получил список), чтобы связать возраст Чингиса ко времени его смерти с его годами в период кампании против найманов, указание на которую содержится в ранней части «Описания».[68] Важно, что, сообразно с тибетской традицией, Чингисхан умер в шестьдесят один год.[69] Более того, покойный Поль Пеллио недавно обнаружил подобное же свидетельство в китайских документах.[70] Если мы принимаем, что Чингисхану было шестьдесят во время его смерти в 1227 г., то мы должны принять 1167 г. за год его рождения. Этот год — вновь год свиньи и столь же допустим как 1155 г.

Если 1167 г. принимается за год рождения Темучина, то это означает, что в 1219 г. — в начале туркестанской кампании — Чингисхану было пятьдесят два года, а не шестьдесят четыре, как полагали вплоть до недавнего времени. Напряженная активность Чингиса в этой кампании, длившейся несколько лет и полной трудностей, скорее по силам пятидесятилетнему человеку, нежели более старому мужчине. Более того, если исходить из предположения, что он родился в 1155 г., то в жизни Чингисхана остается пробел (начиная от времени заключения его брака почти до 1200 г.), который нельзя заполнить исходя из повествования «Тайной истории».

Когда Темучину было девять лет, Есугей решил начать перего-

воры о его помолвке, лишая сына возможности в должное время умыкнуть невесту, как сделал некогда он сам. С этой целью сын и отец направились в путешествие к родным Оэлун, принадлежавшим к племени олконоутов. На своем пути они встретили Даи-Сецена, рыцаря племени унгират, ветвью которой были олконоуты. Оказалось, что у него есть дочь по имени Бортэ — ребенок, уже славившийся своей красотой. Отцы симпатизировали друг другу, так же относились и к детям, поэтому соглашение вскоре было заключено. Мальчик Темучин, будущий зять Даи-Сецена, должен был остаться, согласно древнему монгольскому обычаю, в его лагере.[71]

Довольный этим соглашением, Есугей-Багатур отправился домой один. На пути он был приглашен группой веселившихся татар посетить их пир. Отказ противоречил бы степному этикету, и Есугей присоединился к их кутежу, несмотря на традиционную кровную вражду между его родом и татарами. Продолжив после этого путь домой, он почувствовал себя плохо и понял, что коварные татары подмешали яд в его напиток. Он умер несколько дней спустя после своего возвращения (около 1177 г., если принять, что Темучин родился в 1167 г.).

Следуя наказу, данному Есугеем перед смертью, Мунлик, которого он назначил опекуном своей семьи, вызвал Темучина домой. Мать мальчика, Оэлун, была храброй женщиной и попыталась удержать род под своей властью, но эта задача оказалась непосильной, поскольку родичи ее мужа не согласились принять ее руководящую роль. Через некоторое время все родичи и вассалы Есугея, включая клан тайчжиутов, покинули лагерь Оэлун, уведя большинство ее скота. Даже Мунлик покинул ее. Оэлун осталась без всякой помощи с пятью детьми (три сына, кроме старшего -Темучина, и дочь), с другой женой своего мужа, с ее детьми и малым количеством служанок. Годы трудностей и обездоленности начались для семьи Есугея, но дух Оэлун не был сломлен. Ей стоило огромного труда научить Темучина всему, что касалось славного прошлого его рода. Мальчик жадно слушал и запоминал все древние предания. Однако невзгоды семьи не завершились на этом. На их лагерь напали тайчжиуты, их бывшие союзники. Темучин был взят в плен, но ему удалось бежать.Он считал, что с помощью небесных сил.

Прошло несколько лет. Мальчик быстро мужал и становился сильным воином. Когда какие-то неизвестные люди украли восемь из девяти коней семьи, Темучин поехал за ними на единственном оставшемся коне и с помощью другого юноши, встреченного им по пути, смог вернуть назад лошадей. Его новый друг решил присоединиться к семье Темучина в качестве военного сотоварища. Его звали Богурчи; позднее он стал одним из выдающихся предводителей армии Чингисхана. Этот первый успех, сколь бы незначительным он ни казался, дал Темучину почувствовать собственную силу, и он решил жениться на своей невесте. Ему, вероятно, было восемнадцать в это время. Даи-Сецен сдержал слово, данное отцу Темучина, и вскоре в его лагере состоялась свадьба. Затем Темучин привел Бортэ в свою палатку. Ее приданое включало ценное соболье одеяние, что было неслыханной роскошью в бедном доме Темучина.[72] Эта богатая одежда стала основанием политической карьеры Темучина. Взяв меха с собой, он появился при дворе Тогрул-хана, властителя могущественного племени кераитов. В лучшие дни Есугея он и Тогрул стали названными братьями *(анда)*. Теперь Темучин пришел с подарком — меховым одеянием — к своему названому дяде, к которому обратился как к «отцу». Тогрул благородно пообещал юноше свое покровительство (около 1185 г.).

Получив покровительство одного из могущественнейших монгольских правителей и став, таким образом, его вассалом, Темучин обрел определенный статус в феодальном обществе. В любом случае, он уже не был столь беспомощен, как ранее, или, по крайней мере, так ему казалось. В жизни рыцаря степей много опасностей. Вскоре после поездки к Тогрулу на лагерь Темучина напали меркиты, что явилось следствием затяжной мести за похищение невесты меркитского воина Есугеем двадцать лет назад. Исходя из того, что нападавших было слишком много, Темучин не стал защищать свой лагерь и, оставив жену, поскакал с немногими соратниками к близлежащей горе Буркан, которая принадлежала роду Борджигинов и почиталась священной. Тем временем Бортэ была взята меркитами в плен. Получив сведения, что нападавшие направились домой, Темучин поблагодарил гору за спасение своей жизни, сняв пояс и шапку в знак повиновения Небу, и, после молитвы и девятикратного коленопреклонения, совершил возлия-

ние кумысом. После этого он направился к Тогрул-хану с просьбой помочь вызволить его жену. При дворе хана он встретил друга детства Джамуху, теперь уже выдающегося воина Джамуху-Сецена. Они стали названными братьями, и Джамуха и Тогрул согласились наказать меркитов. Атака была удачной, меркиты разбежались, и Бортэ воссоединилась со своим мужем. В плену ее принудили стать любовницей одного из захватчиков. Это не погасило привязанность Темучина к ней, видимо он понимал, что ему следует винить в ее несчастье прежде всего себя. Однако когда она родила первого сына, названного ими Джучи, Темучин не был уверен, что ребенок его, и никогда не заботился о нем.

В кампании против меркитов Темучин проявил значительную доблесть и завоевал много друзей. Фактически это было начало его карьеры. Обратив внимание на хорошие отношения Темучина с Тогрул-ханом и его дружбу с Джамухой, многие его сородичи, которые ушли после смерти Есугея, теперь проявили готовность признать лидерство Темучина. Вскоре Темучин стал столь же сильным предводителем, как и его отец. В качестве вассала Тогрул-хана Темучин вошел в высокую политику и межплеменные войны, в которых он показал себя не только выдающимся военным вождем, но также и высококлассным дипломатом. Благодаря активной роли агентов империи Цзинь в монгольских делах, Темучин установил контакты с китайцами и многому научился в их дипломатии, что значительно помогло ему впоследствии в его отношениях с Китаем.

Основной тип степной политики был достаточно прост. Если одно из племен становилось слишком сильным, другие племена объединялись против него. Многообразие союзов объяснялось значительным числом межклановых отношений, единством или разладом родов в одном и том же племени, а также дружбой или соперничеством вождей. Вассальная зависимость и лояльность одному сюзерену или названому брату длились до тех пор, пока казались политически полезными обеим сторонам и до того, как дружба омрачалась обидой. В этом мобильном феодальном обществе степей любой вассал по обычаю имел право бросить вызов своему сюзерену и предложить свои услуги другому. Поэтому, даже если племенной вождь преуспевал в создании большого ханства, его власть никогда не была тверда, сформированное им государ-

ство могло распасться так же быстро, как было основано. Игра могла идти до бесконечности и шла до тех пор, пока Чингисхан не поменял правила.

Первым шагом Темучина было установление твердой связи с Джамухой. Они объединили силы и жили единым лагерем в течение полутора лет. Затем их отношения стали натянутыми, и в конечном итоге они решили расстаться. Согласно «Тайной истории», именно Бортэ посоветовала Темучину разделить лагерь с Джамухой. В. Бартольд попытался интерпретировать разрыв между двумя лидерами как результат фундаментального расхождения их социальных философий. Он представил Темучина сторонником аристократии, а Джамуху — сторонником простого человека. В. Владимирцов первоначально принял эту интерпретацию, но затем, справедливо на мой взгляд, отверг ее.[73] В действительности нет никаких свидетельств «демократичности» политической программы Джамухи. Конфликт между ним и Темучином был столкновением между двумя аристократическими лидерами, стремившимися к власти. Предположительно, Джамуха, который был хорошо известным воином во времена, когда Темучин появился при дворе Тогрул-хана, рассматривал себя в качестве естественного лидера этого союза. Очевидно, что Темучин не мог надолго принять дружбу на подобных условиях.

Новость о разрыве между двумя предводителями породила много шума среди родичей и вассалов каждого. Сразу же стало ясно, что некоторые из них находились более под влиянием личности Темучина, нежели Джамухи. Многие влиятельные родовые предводители решили следовать за Темучином, а не за Джамухой. Среди них был один дядя Темучина и несколько других вождей родов, связанных с Борджигинами. Один из них, Корчи, принадлежавший к клану баарин, заявил, что видел сон, в котором Великий Дух открыл ему высокую судьбу Темучина. Соответственно, собрание родовых вождей при дворе Темучина провозгласило его своим ханом, заявило о верности и обещало ему лучшую часть добычи от будущих походов. После этого, гласит «Тайная история», они дали своему новому хану новое имя — Чингис.[74] Это кажется предвосхищением более поздних событий, и, по моему мнению, может быть добавлением, сделанным копиистом «Тайной истории» к первоначальной эпической поэме.

Сюзерен Темучина, Тогрул-хан, был вовремя проинформирован о решении вождей монгольских родов. Тогрул казался довольным честью, возданной его вассалу, и подтвердил результаты выборов. Вскоре после этого, поддерживаемые дипломатией Цзинь, Тогрул и Темучин предприняли кампанию против татар. Темучин, естественно, благосклонно отнесся к возможности отомстить за смерть своего отца. Татары были побеждены, и в знак признания победы правительство Цзинь даровало Тогрулу титул «ван» (царь), а Темучину — «джохури» (региональный ответственный за пограничные территории). С этого времени Тогрул-хан был известен как Ван-хан. Что же касается Темучина, то дарованный ему титул был слишком скромен, чтобы хвастаться им.

Тем временем Джамуха сумел собрать впечатляющее количество вассалов и родичей и представил свои требования на племенное руководство, в результате чего был провозглашен своими последователями Гур-ханом.[75] Ван-хан и Темучин решили сразу же ответить на этот вызов и повели своих воинов против Джамухи. Силы последнего были недостаточными, и он вынужден был спешно бежать. Осознав собственную силу, Темучин решил действовать самостоятельно. Сперва он наказал тайчжиутов за их предыдущее предательство. Затем он обратился к остаткам татар, которых в конечном итоге подчинил. Две татарские красавицы, Есуи и Есугэн, стали его женами. Этот успех колоссально повысил престиж Темучина. Ван-хана стали одолевать сомнения относительно намерений его названого сына. Тем не менее он попросил Чингиса присоединиться к готовящейся кампании против находящегося на крайнем западе монгольского племени найманов, чья сила в тот период нарастала, и Темучин ответил согласием. Когда начался поход, Ван-хан изменил свои планы и повернул назад, не известив своего союзника. Темучин едва ускользнул из западни. В качестве возмещения он попросил руки дочери Ван-хана. Но Тогрул отказал ему, и два властителя порвали дипломатические отношения.

В последующей войне Темучин использовал в основном хитрость. Ван-хан, захваченный врасплох, когда Чингис появился со своими воинами в лагере кераитов, бежал к найманам и был ими убит. Кераиты поклялись в верности Темучину. Последний готовился к кампании против найманов, чей хан оскорбил его, дав прибежище Джамухе. В этот период он начал важнейшие рефор-

мы в организации армии. Чтобы не дать возможности будущим врагам захватить его врасплох, как он захватил Ван-хана, Темучин создал специальное подразделение для охраны своего лагеря днем и ночью. Оно состояло из 80 ночных и 70 дневных стражников. В дополнение был организован полк из 1000 багатуров под командованием вождя джелаир, одного из родов, который присоединился к Темучину сразу после его разрыва с Джамухой.[76] Вся армия была разделена на подразделения по тысячам, сотням и десяткам.

Когда реорганизация его штаба и войска завершилась, Темучин был готов к битве с найманами, не только одним из наиболее сильных монгольских племен, но также и одним из наиболее цивилизованных. Соседи уйгуров, они использовали их алфавит, который опирался на согдианский алфавит, коренящийся, в свою очередь, в сирийском.[77] Найманский хан обладал даже секретарем и государственной печатью.

Прежде чем приказать своим воинам двинуться на найманов, Темучин выставил свое родовое знамя и освятил его путем возлияния. Найманы были разбиты в 1204 г., их хан погиб в битве, и лишь его сын Кучлук сумел скрыться со своей свитой. Он бежал первоначально на Алтай, но, не чувствуя там себя в безопасности, позднее перебрался в страну Кара-Кидан. Это была ветвь тех киданов, которые после низвержения Чжурчжэнями (Цзинь) в 1125 г. империи Кидан (Ляо) в северном Китае направились на запад и преуспели в создании царства в Трансоксании[78] и районе Хотан Китайского Туркестана (Синьцзян).[79] Тем временем найманы, оставшись без предводителя, подчинились власти Темучина.

Темучин вслед за этим напал на своих старых недругов меркитов и разгромил их. Меркитская красавица Кулан стала его четвертой женой. Вскоре соперник Темучина Джамуха, которому удалось бежать из плена во время поражения найманов, был схвачен своим собственным вассалом и доставлен к Темучину. Последний приговорил его к смерти, но, помня о прежней дружбе, разрешил ему умереть, «не проливая крови». По верованию монголов, душа человека находится в его крови; убить его, не пролив крови, почиталось благом для его души. Эта милость обычно даровалась членам царских семей, виновным в предательстве, и в исключительных случаях другим высокопоставленным преступникам. Согласно приказу Темучина, кости Джамухи с полагающимися почестя-

ми были помещены в специальный гроб.

Поставленная Темучином задача «собирания воедино всей Монголии» была теперь успешно решена. Полководцы и предводители родов, поддерживающие его, чувствовали, что их только что созданная нация и уже опытная армия готовы к дальнейшим завоеваниям. Поэтому было созвано торжественное национальное собрание для обсуждения новых целей монгольской политики и завершения реорганизации государства. Этот судьбоносный курултай собрался в восточной Монголии вблизи истоков реки Онон в год тигра (1206).

5. Основание Монгольской империи

Все племена Монголии — «люди, жившие в войлочных палатках», как говорит «Тайная история» — были приглашены для участия в Большом Курултае.[80] Но это не было, однако, «демократическим собранием»;[81] «народ» был представлен на нем родовыми вождями. Братья и кузены Темучина, равно как и его доверенные полководцы, также были привилегированными его участниками. Белое знамя с девятью хвостами было поднято над площадью собрания как монгольский национальный флаг.[82] Прежний символ (или онгон) Темучина как вождя рода — знамя — теперь стало онгоном Темучина как правителя монгольской нации. В него верили как в зримое воплощение незримого гения его рода, защищающее теперь всю нацию.

Первым актом и главной целью собрания стало провозглашение Темучин-хана императором (*каганом* или *кааном*)[83] и название его новым именем Чингис. Среди ученых не существует согласия относительно истока имени. Его происхождение от тюркского слова *денгиз* (*дениз*, в современном турецком), «море», было предложено Пеллио, но вряд ли были какие-либо основания для названия Темучина «правителем моря»[84], если мы не примем термин «море» в абстрактном смысле («безграничный, как море»). Эрих Хэниш предположительно выводит имя «Чингис» из китайского слова *чьен* (верный, правильный, истинный). Чингисхан будет означать «наиболее правильный правитель»[85]. Рашид ад-Дин интерпретирует «Чингисхан» как «Великий Суверен»[86]. Е. Хара-

Даван указывает, что на языке западных монголов (ойратов или калмыков), «Чингис» означает «сильный», «крепкий»[87]. По мнению Хара-Давана, в древнемонгольском, и в применении к Темучину, «Чингис» вбирает полноту телесной и духовной энергии и силу правителя. Следует отметить, что согласно В. Котвичу, слово Чингис не встречается в современном языке восточных монголов.[88] Хара-Даван предполагает, что это слово могло существовать среди восточных монголов в век Чингисхана, но стало табуированным после его смерти[89].

Какими бы ни были обозначения имени «Чингис», символический смысл присвоения его Темучину ясен. В прошлом вождь рода, а затем монгольский хан, Темучин был теперь провозглашен Всемогущим императором. Непосредственным следствием этого события стал прежде всего вызов, брошенный соседней империи Цзинь. Никакое нападение на эту империю не могло быть предпринято монголами без первоначального обеспечения жесткого контроля над различными тюркскими и тангутскими племенами в приграничных землях между Монголией и Китаем, равно как и над землями окраин Монголии в сибирских лесах. Эти племена были первыми, почувствовавшими могучий монгольский натиск.

Очевидно, что главной задачей нового императора было укрепление его армии и администрации; мандат на это он приобрел самим фактом своего избрания. Теперь он получил абсолютные полномочия; а курултай, который был основан как конституционное собрание, стал органом имперских советников, оказывавших помощь властителю в осуществлении необходимых реформ.[90] Децимальная система организации армии — подразделениями по десять, сто и тысяче человек — была доведена до совершенства, кроме того, было создано еще большее подразделение из десяти тысяч (по-монгольски, *тумен*; по-русски, *тьма*). Когда тысячные подразделения были сформированы, оказалось, что воинов достаточно для создания 95 тысячных батальонов, «не считая людей леса» (которые еще не были полностью подчинены).[91]

Император лично назначил всех 95 нойонов, новых командиров тысячных подразделений. Среди них были Богурчи, который еще юношей помог Темучину вернуть назад украденных лошадей;[92] Джэбэ, бывший вассал тайджиутов и некоторое время противник Темучина; Мухали, один из тех, кто укрепил веру Темучи

на в его судьбу во времена тяжелого давления на него со стороны врагов и Субэдэй, позднее возглавивший западный поход монголов. Кроме титулов командиров тысячи и Богурчи, и Мухали получили поручение руководить вновь сформированными десятитысячными соединениями.

Сообразно со следующим приказом Чингисхана, скромное дворцовое охранное соединение, сформированное перед его кампанией против найманов, было увеличено и реорганизовано с тем чтобы составить ядро имперской гвардии (*кэшик*) числом десять тысяч. Тысяча багатуров стала одним из батальонов гвардии. Лучшие офицеры и солдаты из каждого армейского подразделения были выбраны для службы в гвардии. Сыновья командиров сотенных и тысячных подразделений автоматически причислялись к гвардии, других же принимали путем отбора. Этот метод создания гвардии гарантировал лояльность и соответствие гвардейцев и имел, кроме того, иные преимущества. Каждое подразделение армии было представлено в гвардии, и, поскольку подразделения из десяти, сотни и тысячи человек более или менее соответствовали родам и группам родов, каждый род был представлен в гвардии. Через доверенных гвардейцев и их связи в армейских соединениях Чингисхан мог теперь усилить свою власть надо всем монгольским народом. Гвардейцы стали опорой всей армейской организации и административной системы империи Чингисхана. В качестве подразделения они имели множество привилегий. Согласно повелению Чингисхана, рядовой гвардии был выше по положению, нежели любой командир армейского соединения, включая тысяцкого. Поэтому каждый гвардеец мог в случае необходимости командовать любым армейским соединением. Гвардия, таким образом, стала чем-то наподобие военной академии, чьи выпускники получали высочайшие поручения в армии, когда это было необходимо.

Гвардейцы находились на постоянной службе даже в мирное время. В военные годы они составляли главную дивизию под личным командованием императора. Неся постоянную службу, они не могли заботиться о себе и поэтому получали жилье и пищу в лагере императора. Назначались специальные дворцовые чиновники (*черби*), которые обеспечивали продовольствием как императорскую семью, так и стражников. Несколько позднее членам императорской семьи были дарованы наделы.[93] В отличие от фе-

одальной Европы, наделы состояли не из земельных владений, а из выделенных групп людей с соответствующими стадами. Так, мать Чингисхана Оэлун вместе с очигином, т.е. самым младшим братом Есугея, получили 10 000 юрт (палаток, а следовательно — хозяйств или семей).[94] Части, выделенные для четырех сыновей Чингиса, были распределены по старшинству: старший, Джучи, получил 9000 юрт; Джагатай (Чагатай, Чаадай) получил 8000; Угэдэй (Огатай) и Толуй — каждый по 5000. Среди братьев Чингиса Хазар получил 4000 юрт; Бигултай 1500. Племянник Алчидей был одарен 2000. Наделы подвергались контролю императора, и, соответственно, Чингис назначил несколько нойонов советниками каждого из их получателей. Итак, императорская семья как институт стала частью имперской системы. Лагерь (*орду, орда*) каждого члена императорского дома стал частью власти, подчиненной великому хану.[95]

Предположительно в это же время Чингисхан создал основу фельдъегерской и почтово-конной служб (*ям*), которая позднее была развита в один из наиболее полезных институтов Монгольской империи. Другой важной реформой было создание Высшего Суда, возглавляемого сводным братом Чингиса Шиги-Хутуху, который показал себя добросовестным и компетентным судьей.

Вместе взятые, все эти реформы и их воплощение создали основу нового монгольского императорского закона — Великой Ясы Чингисхана.[96]

Хотя Чингис не намеревался позволять шаманам вмешиваться в государственные дела, он полагал полезным отметить свою приверженность традиционному родовому культу и назначил старика Усуна из рода баарин — старшей ветви потомков Алан-Коа — главным беки.[97] Усуну был дарован белый меховой плащ и белый конь. Его функцией было «отмечать и освещать годы и месяцы». Предположительно, он отвечал за монгольский календарь. Он также стал тем, кого можно назвать национальным авгуром.

В период, когда происходили выборы Чингисхана на императорский трон, монгольская нация была неграмотной. Очевидно, что новая империя не могла подобающим образом функционировать без летописей и архива. Когда найманы были побеждены, секретаря их хана захватили монголы. Его привели к Темучину, который приказал своему пленнику объяснить ему тайны письма

и значение государственной печати. Темучин, со свойственным ему даром быстро схватывать все новое, сразу понял потенциальную значимость грамотности. Поэтому он приказал пленнику преподавать письмо избранной группе своих соратников. Судья Шиги-Хутуху был среди первых монголов, освоивших уйгурскую письменность, используемую секретарем найманов.

Задача завершения завоевания лесных людей была поручена старшему сыну Чингиса — Джучи. Большинство этих людей, включая ойратов к западу от озера Байкал и киргизов в бассейне верхнего Енисея, подчинились монгольскому императору без значительного сопротивления в 1207 г. и в знак подчинения прислали ценные подарки — белых соколов, белых соболей и белых лошадей. Поскольку в дополнение к соколам и мехам енисейский регион также производил зерно, его завоевание стало важным экономическим моментом для империи. Задача обучения избранных монгольских юношей искусству письма существенно облегчилась признанием в это время сюзеренитета Чингисхана со стороны идикута уйгуров.[98] Тесный контакт между монголами и гораздо более цивилизованными уйгурами пошел во многих отношениях на пользу первым. В конечном итоге ученый уйгур стал секретарем Чингисхана.

В то время как родовые вожди лесных людей стали законопослушными вассалами Чингиса, шаманы, казалось, противодействовали укреплению императорской власти. Наиболее влиятельным шаманом среди монголов был Кокочу, старший сын старика Мунлика, которого Есугей как раз перед смертью назначил опекуном своей семьи[99], но который бежал в тревожное время. Кокочу был известен среди своих последователей как «Небесный» (Теб Тенгри). Он попытался посеять ссору в императорской семье, заставляя Чингиса сомневаться в намерениях некоторых своих братьев. *Какое-то время ему это удавалось, и в «Тайной истории»* даже говорится, что смерть матери Чингиса Оэлун была ускорена горем, порожденным распрями ее сыновей. Кокочу также, кажется, затеял игру, используя недовольство простолюдинов и рабов — как среди монголов, так и среди лесных людей — широкими привилегиями родовых вождей. Согласно «Тайной истории», даже некоторые из конюхов и рабов Чингисхана были готовы перейти на сторону шамана. Этого Чингис не мог стерпеть. В конце концов,

он помирился со своими братьями и разрешил им поступить с Кокочу по своему усмотрению. Они убили шамана, «не пролив его крови» — сломав ему позвоночник.[100]

6. Монгольская экспансия в правление Чингисхана

Завершив реорганизацию монгольской армии и администрации, усилив империю уйгурами и лесными людьми, Чингис был готов атаковать царство тангутов (они были народом тибетского происхождения) в регионе ордос и кансу. Когда он подступил к их столице, они согласились платить дань монголам; Чингисхан не настаивал на их полном подчинении. Главной целью его рейда было обессилить тангутов и таким образом устранить опасность их атаки во время планировавшейся китайской кампании.

К этому походу велись тщательные приготовления как с дипломатической, так и с военной точек зрения. В империю Цзинь было заслано множество шпионов для изучения общей ситуации в ее пределах. Уйгурские купцы, торгующие с Китаем, также были проинструктированы в плане сбора необходимой информации. Основная слабость Цзинь состояла в том, что она осуществляла контроль лишь за частью Китая. Более того, соперничающая с нею южная империя Сун находилась под властью исконно китайской династии. Цзинь были пришельцами (чжурчжэнского происхождения) и, несмотря на быструю ассимиляцию китайцами, местным населением воспринимались как чужаки. Их контроль распространялся от Маньчжурии до района, расположенного южнее Желтой реки, включая провинции Чихли, Шаньси, Шаньдун и северный Хэнань.[101] Первоначальным местом проживания чжурчжэней была Северная Маньчжурия. Южную Маньчжурию населяли киданы, которые правили Северным Китаем до завоевания чжурчжэней. Лояльность киданов к династии Цзинь была сомнительной. Все эти обстоятельства принимались во внимание Чингисханом и его советниками. Доверенные агенты были тайно посланы к влиятельным родовым вождям киданов, чтобы подготовить будущее сотрудничество.

Для монголов война против Цзинь стала естественным актом мести за ту поддержку, которую Цзинь прежде оказывали татарам

и в особенности за позорную казнь Амбагай-хана около пятидесяти лет назад. В родовом обществе степей кровная вражда продолжалась годами, и оскорбление, нанесенное праотцам, остро ощущалось их внуками и правнуками. Действуя как воплощение монгольской нации, Чингисхан объявил священную войну. Перед походом он удалился в свою палатку, где провел три дня в молитве, прося Вечное Синее Небо поддержать его готовность отомстить за страдания своих предков. В то время как их император возносил молитвы, солдаты и народ вокруг его палатки в состоянии нервного возбуждения взывали к Небу, крича: «Тенгри, Тенгри!». На четвертый день появился Чингис и объявил, что Небо гарантировало им победу.[102]

Первая китайская кампания монголов началась в 1211 г.[103] Армии Цзинь были многочисленнее, но Чингисхан оказался более ловким стратегом, нежели полководцы Цзинь. Монгольские войска были разделены на различные армейские группы, которые действовали в совершенном взаимодействии. Одновременно атакованные с разных сторон, полководцы Цзинь распылили свои силы; это дало возможность гвардии Чингисхана проникнуть через Великую Стену в месте, где враг не ожидал атаки. Дивизии монгольской армии направились затем прямо к Пекину, в то время как другие соединения достигли берегов залива Чихли. Чрезвычайно важным оказалось то, что монголам удалось захватить большинство императорских табунов, содержавшихся на севере от Пекина. Это лишило Цзинь главного источника пополнения их кавалерии. Не имея опыта и орудий для штурма, монголы на этой стадии не предприняли попытки захватить надежно защищенный Пекин. Но они жестко контролировали весь регион Пекина. Дипломатия Чингиса начала приносить плоды: в 1212 г. против Цзинь восстали киданы, и их родовые вожди признали сюзеренитет Чингисхана. Двумя годами позже император Цзинь подписал мирный договор с Чингисом, по которому Чингис получил в жены приемную дочь императора Цзинь с фантастически богатым приданым. Мир продолжался недолго, поскольку ни одна из сторон не собиралась его поддерживать. Император Цзинь решил покинуть Пекин и перенести свою столицу в южную часть империи, с тем чтобы организовать там оборону. На пути туда часть его войска, рекрутированная у киданов, взбунтовалась и направилась назад в Пекин. Не желая упустить благоприятный момент, монголы сразу же

возобновили войну. Пекин пал в 1215 г.

Это не привело к завершению войны, поскольку Цзинь продолжали сопротивление в южной части их царства. Однако главная задача Чингисхана была достигнута. Монгольское владычество жестко установилось как в Северном Китае, так и в Маньчжурии, и эти страны стали интегральной частью империи Чингиса, что оказало долговременное влияние на структуру монгольской армии и государства. Чингис теперь имел в своем распоряжении не только корпус китайских военных инженеров, но мог также использовать услуги опытных, высококультурных и хорошо обученных гражданских чиновников. С их помощью, а также при поддержке уйгуров, монголы обрели способность управлять миром, к завоеванию которого они были так близки. Наиболее известным китайским советником Чингисхана был Елюй Чуцай, потомок киданской княжеской семьи, но китаец по образованию и культуре.

После установления своей власти в Пекине Чингисхан возвратился в Монголию, поставив перед Мухали задачу довершить завоевание империи Цзинь. Его внимание теперь обратилось от китайских дел к Центральной Азии, где у него оставалась некоторая незавершенная работа. Вспомним, что после победы Темучина над найманами в 1204 г. сын последнего найманского хана Кучлук бежал в западном направлении, в конце концов достигнув царства Кара-Кидан. Вскоре Кучлук воспользовался внутригосударственными распрями там, где получил убежище, и сам захватил власть. Первоначально христианин несторианской деноминации, Кучлук позднее обратился в буддизм. Как правитель царства Кара-Кидан он попытался подавить там и христианство, и ислам, чем вызвал значительную оппозицию. Через уйгуров Чингисхан был хорошо информирован относительно этих событий.

Одним из главных принципов стратегии Чингисхана было стремление уничтожить врага до конца. На несколько лет он, казалось, забыл о Кучлуке, занимаясь подготовкой, а затем и осуществлением китайской кампании; однако теперь, когда его власть в северном Китае укрепилась, он мог позволить себе нанести последний удар по своему старому врагу. Последовательно два монгольских тумена были посланы в регион Кара-Кидан под командованием Джэбэ-Нойона. Как только Джэбэ оказался на территории врага, он провозгласил полную религиозную свободу. Поэтому монголы

были встречены как освободители и христианами, и мусульманами. При поддержке местного населения Джэбэ нанес молниеносное поражение войскам Кучлука. Кучлук погиб при попытке к бегству. В результате победы Джэбэ западная граница Монгольской империи теперь достигла пределов Хорезма.

Хорезм, расположенный в Западном Туркестане, в бассейне нижнего течения Амударьи, является древнейшим культурным районом мира. Высокий уровень сельского хозяйства стал возможным вследствие остроумной ирригационной системы, отходящей от Амударьи; ремесла и производства процветали в этом регионе с незапамятных времен.[104] Не менее важной была роль Хорезма в международной торговле. Находясь на пересечении путей между Китаем и средиземноморским миром, между Индией и Южной Русью, Хорезм был местом встречи торговых караванов с востока и запада, севера и юга. Он может быть назван островом оседлой цивилизации в море степей и пустынь; Бартольд верно уподобляет его роль в степной торговле роли Британских островов в морской торговле.[105]

Коренное население Хорезма имело иранские истоки. В IX и X веках страна процветала под просвещенной властью династии Саманидов. Однако, начиная с X века, царство Саманидов находилось под постоянным и нарастающим давлением широкой федерации тюркских племен, известных как огузы. Исторически государство огузов было частью тюркского каганата, который существовал с VI до VIII века.[106] Этнически огузы представляли собою смесь тюрков и иранцев (аланов).[107] В середине XI века ветвь огузов, известных по своему вождю как сельджуки, обосновалась в Хорезме и в Персии. Позднее сельджуки вторглись в Малую Азию[108], но постепенно утратили свой контроль над Ближним Востоком. Одним из центров оппозиции им был Хорезм. Начиная с 1117 г. этот район управлялся военным губернатором Кутбеддином Мухаммедом, происходившим из турецких наемников, которые обычно рекрутировались из рабов.[109] Ему удалось основать династию способных правителей[110]; находясь первоначально под сельджукским сюзеренитетом, они в конечном итоге стали самостоятельными и приняли старый персидский титул шаха. Город Ургенч в нижнем течении Амударьи стал столицей их империи. В последней четверти XII века Бухара и Северная Персия были при-

соединены к Хорезму. В период между 1206 и 1215 г. Хорезм-шах Мухаммед II завоевал южную часть Персии, а также Афганистан. Теперь ему предстояло встретиться с Чингисханом, и в этом конфликте он окажется не на высоте.

Хотя империя Мухаммеда II была обширной и процветающей, она не отличалась прочностью и была раздираема внутренними противоречиями. Для населения вновь обретенных персидских провинций Хорезм-шах был чужаком; в целом в империи его иранские подданные не особо смешивались с тюрками. Что касается религии, то большинство населения империи были мусульманами, но существовал вечный конфликт между шиитской и суннитской доктринами, и различные шиитские секты добавляли свою долю к этому противостоянию. Крестьянство роптало под бременем налогов; купцы ненавидели продажность городских наместников и отсутствие безопасности на дорогах. Не существовало единой армии. Владельцы поместий (*икта*) командовали подразделениями ополченцев, рекрутированными из арендаторов их земельных участков. Эти войска были плохо обучены. Туркменские соплеменники, храбрые и воинственные, были недисциплинированными, гвардейцы шаха Кангли (Кипчакии)[111] оказались деморализованы; армейские техники, занятые катапультами и другими военными механизмами, проявляли компетентность, но их подразделение не было объединено с остальной армией. Кроме того, дом шаха потрясали интриги. Его мать, амбициозная и энергичная женщина канглийского происхождения, часто вмешивалась в планы своего сына и поддерживала его сомнения относительно самого способного из сыновей, Джалал ад-Дина, чья популярность среди людей в целом росла также быстро, как падал престиж его отца. Ситуацию ухудшало и то, что отсутствие у шаха чувства такта привело его к ссоре с некоторыми из ведущих мулл.

От хорезмских купцов, которые торговали с уйгурами и китайцами, Хорезм-шах узнал о завоевании Чингисханом Северного Китая. Он решил послать посольство монгольскому правителю под предлогом передачи поздравлений. Истинной же целью была оценка силы монголов. Чингисхан великодушно встретил послов и торговцев и в знак ответа послал своих представителей и торговый караван в Туркестан. Контингент как дипломатической миссии, так и каравана состоял в основном из хорезмских и бухарс-

ких купцов — подданных Мухаммеда II, которые поддались искушению значительно расширить торговлю с Дальним Востоком и согласились стать агентами Чингисхана. Достигнув границ Хорезмской империи, караван остановился в городе Отрар, на берегу реки Сырдарьи; отсюда посланцы последовали в Ургенч, чтобы добиться приема у шаха. Шах согласился побеседовать с ними, но одновременно губернатор Отрара (предположительно, действуя по секретному приказу шаха) приказал убить купцов Чингиса и забрать их товары. Когда монгольский император получил известие об этих событиях, он послал представителя к Мухаммеду, требуя передачи ему губернатора Отрара. Мухаммед не только отказался это сделать, но и приказал убить монгольского посланника. Сопровождающий посланника получил разрешение вернуться в Монголию, но только после того, как его борода будет обрита, что почиталось тяжким оскорблением. У Чингисхана теперь не оставалось альтернативы войне. Он созвал экстренный курултай, на котором были рассмотрены и приняты к действию все необходимые планы туркестанской кампании (1218). Предположительно, на этом собрании были систематизированы и одобрены в виде письменно зафиксированного кодекса, Великой Ясы, законы Монгольской империи, обнародованные в 1296 г.[112]

Монгольская кампания против империи Хорезм-шаха была столь же тщательно подготовлена, как и против Китая.[113] Джэбэ, без сомнения, мог дать полезный совет на основе своего рейда в близлежащую страну Кара-Кидан. В дополнение принималась во внимание вся информация о Туркестане, исходившая от мусульманских купцов, уйгуров и иных источников. В любом случае, как показали последующие события, Чингисхан был склонен переоценивать силу Хорезм-шаха. Чтобы увеличить свою армию, он отправил посланника к правителю тангутов с просьбой о дополнительных войсках. Ответ был далеко не дружелюбен: *«Если у Тебя нет достаточного количества войск, Ты не достоин быть ханом»*. Это было ничто иное, как оскорбление. Однако, со своей обычной сдержанностью, Чингисхан решил отложить наказание тангутов до окончания туркестанской войны. Концентрация монгольской армии в Северной Джунгарии была завершена весной 1219 г. Основная армия состояла из ста тысяч всадников; с дополнительными войсками ее сила могла быть около полутораста тысяч. Значительное

число бойцов Чингиса были ветеранами китайской кампании, которая также послужила отличной школой для его полководцев. Войска Хорезм-шаха насчитывали около трехсот тысяч, но большинство его воинов были значительно хуже подготовлены. Кроме того, у Мухаммеда II не было дара вождя, необходимого в тяжелые времена. Многие из его подданных приветствовали бы назначение Джалал-ад-Дина как верховного главнокомандующего, но, как уже говорилось, Мухаммед не доверял своему сыну, опасаясь, что в случае победы он придет к власти.

В сложившихся обстоятельствах Мухаммед одобрил план, который озадачил как его современников, так и большинство историков его правления. Вместо концентрации своей армии для отражения нападения монголов он распылил войска, разместив значительную их часть в больших укрепленных городах, подобных Отрару, Бухаре и Самарканду; лишь перед некоторыми соединениями хорезмской армии была поставлена задача обеспечения коммуникаций между гарнизонами городов и полевого маневрирования; тем временем были отданы приказания наместникам Персии собрать там резервную армию. С моей точки зрения, план войны Мухаммеда мог базироваться на его оценке информации относительно китайской кампании Чингиса, переданной ему послами, которых он направил к Чингису до разрыва между двумя властителями. До этого времени монголам не удалось взять штурмом ни одной крепости. Если таковы были расчеты стратегии Мухаммеда, то он жестоко просчитался. Чингисхан имел теперь в распоряжении множество китайских военных инженеров, готовых ему помочь. Неясно, были ли некоторые орудия осады, подобные катапультам, которые монголы использовали в туркестанской кампании, действительно привезены из Китая, или все они строились непосредственно на месте мусульманскими техниками под руководством китайцев. Фактом является лишь то, что эти машины использовались во многих случаях. Когда не применялось никаких машин, монголы использовали элементарные приспособления и тактику в своей осаде укрепленных городов, подобных Отрару и Бухаре, например, заполнение рвов грязью и камнями или постройку осадных конструкций для штурма стен. Предположительно эти работы направлялись китайскими инженерами или же обученными ими монголами. Военнопленные и призванные для несе-

ния воинской повинности местные жители использовались в качестве рабочей силы. Во многих случаях их также посылали первыми на штурм стен, большинство погибало, но это мало беспокоило монголов.

Осенью 1219 г. войска Чингисхана появились у стен Отрара. Оставив несколько туменов для осады этого города, монгольский император прямо направился к Бухаре с избранными войсками своей армии. На его пути многие малые селения сдавались без боя, избегая таким образом уничтожения. Монголы приказывали в каждом случае срыть городские стены; в целом население не беспокоили, но оно должно было поставить должное количество работников и заплатить умеренную контрибуцию. Власти Великого города Бухары, однако, решили защищать город. Лишь после того как гарнизон в попытке проникнуть через кольцо осады покинул город и погиб в бою, Бухара сдалась. Отчаянная группа воинов, запертых во внутреннем замке, продолжала сопротивление в течение еще двенадцати дней, до тех пор, пока большинство из них не было убито. Когда все закончилось, Чингисхан приказал населению оставить город и все имущество. Торговцы и ремесленники были рекрутированы на работу для монголов. Другие люди были предоставлены своей судьбе и, согласно некоторым источникам, большинство из них погибли. Оставленный город был отдан на разграбление солдатам, в результате чего он сгорел (1220 г.).

Бухара стала примером для всех вражеских городов, которые не желали покориться без борьбы. Когда пал Отрар, его наместник, виновный в убийстве торговцев каравана Чингиса, был захвачен живым и скончался после мучительных пыток. Вскоре и Самарканд также был взят монголами. Потеряв таким образом основные свои крепости и лучшие войска, Хорезм-шах и его сын сбежали на юг. Различие в характерах отца и сына стало теперь совсем очевидным. Мухаммед думал лишь о своей собственной безопасности, которая, как он надеялся, была ему обеспечена на острове в Каспийском море. Джалал ад-Дин, напротив, хотел продолжить сопротивление и по прибытии в Газни, в Афганистане, сразу же начал организацию новой армии. Два монгольских тумена, возглавляемые соответственно Джэбэ и Субэдэем, были посланы на юг, чтобы захватить убегающего шаха. Потеряв из виду Мухаммеда, монгольский экспедиционный корпус завоевал тер-

риторию вдоль южного берега Каспийского моря и достиг Азербайджана, наиболее западной провинции государства Хорезм-шаха. Два полководца попросили теперь разрешения Чингисхана двинуться на север через Кавказ, чтобы провести разведку «западных стран». Чингис одобрил их планы. В результате был совершен дерзкий рейд на Южную Русь в 1220-23 гг., в ходе которого русским было нанесено тяжкое поражение в битве на Калке.[114]

Военные операции основных монгольских армий в 1220-21 гг. имели двойную задачу: захват столицы Хорезма, Ургенча, и разгром вновь сформированной армии Джалал ад-Дина. Против последнего Чингисхан сначала послал тумен под командованием своего сводного брата Шиги-Хутуху, верховного судьи. Эти войска были разбиты Джалал ад-Дином, что стало единственной неудачей монголов в ходе туркестанской кампании. Затем Чингисхан, осознав серьезность ситуации, в сопровождении самого младшего сына повел свою главную армию против хорезмского принца. Джалал ад-Дин отступил, но принял битву на берегах верхнего Инда. Здесь его армия была разбита, а его жены и дети захвачены монголами. Сам же он, однако, кинулся со своим конем в бурную реку, переплыл на другой берег и скрылся по суше, добравшись в конечном итоге до Дели. В течение некоторого времени Чингисхан, очевидно, взвешивал возможность продолжения своей кампании далее на юг и завоевания Индии. Как он, так и его советники поняли, однако, огромные трудности всего этого предприятия и, в особенности, — преодоления высоких горных цепей. Среди противников кампании был и Елюй Чуцай. В конце концов монгольский хан решил оставить эту идею и повернул свою армию назад.

Тем временем три его сына — Джучи, Чагатай и Угэдэй — которым было приказано захватить Ургенч, преуспели в этом после некоторой задержки, объяснимой ссорой Джучи с двумя другими братьями. В качестве выполнения части осадных операций монголы разрушили главную дамбу на Амударье над городом, чем нанесли невосполнимый ущерб всей системе ирригации и, в итоге, хорезмскому сельскому хозяйству. До недавнего времени полагали, что разрушение великой дамбы также привело к изменению русла Амударьи, которая якобы повернула на запад и стала вливаться в Каспий, а не в Аральское море, как прежде. Недавние археологические раскопки, однако, не подтверждают эту теорию.[115]

После завершения завоевания Туркестана Чингис дал себе и армии отдых. Именно в это время он вел философские беседы с даосским монахом Чан-Чуном.[116] Уже в 1219 г. Чингис услышал, что даосы хорошо понимают алхимию и близки к открытию эликсира жизни. Поэтому он предложил Чан-Чуну, который рассматривался как наиболее известный представитель этой школы, посетить его. До этого Чан-Чун отказывался от подобных приглашений, но на сей раз согласился и проделал длительное и сложное путешествие. В лагере Чингиса он был встречен с великими почестями. В ходе первой встречи император немедленно выразил желание получить секрет продолжительности жизни. Философ честно сказал, что не обладает таким секретом. Хотя и разочарованный, Чингисхан не потерял интереса к даосскому учению и устроил еще три встречи с Чан-Чуном. Кара-киданский офицер переводил слова последнего на монгольский. Чингисхан был доволен лекциями и отметил, что философия Чан-Чуна может поддерживать жизнь человека, даже если и не может сделать человека бессмертным.

Тем временем предпринимались меры для восстановления порядка во вновь завоеванной стране; была введена новая система налогообложения под компетентным руководством местных торговцев, один из которых, Махмуд Ялавач, вошел в число наиболее доверенных советников Чингисхана. Людям было приказано заниматься своими мирными делами, дороги были освобождены от грабителей. Итак, после того как начальный период ужасного разрушения миновал, страна не только возвратилась к нормальной жизни, но даже получила лучшую, чем ранее, администрацию. Однако ушло много времени, прежде чем ирригационная система Хорезма была восстановлена.

Чингисхан вернулся в Монголию в 1225 г. Теперь он был готов к тому, чтобы наказать тангутов за их отказ помочь ему в туркестанской кампании. Но ему некуда было торопиться, поскольку он знал о неотвратимости их уничтожения. Он уделял много времени совершенствованию организации своей империи. Уже созданные административные институты теперь приспосабливались к контролю огромного покоренного мира и того, что еще надлежало покорить. Вероятно, в 1225-26 гг. была переписана и одобрена финальная редакция кодекса законов, названная Яса.

Осенью 1226 г. Чингисхан двинулся на тангутов. Тангутские города пали один за другим, монголы праздновали победу. Но еще до завершения кампании Чингисхан был ранен при падении с коня и умер.[117] Согласно указанию Чингиса, его смерть хранилась в секрете его самым младшим сыном Толуем, который сопровождал отца как в этой кампании, так и на туркестанской войне, и который унаследовал командование войсками, ведущими боевые действия. Только когда сопротивление тангутов было окончательно сломлено, скорбную весть объявили друзьям и врагам. Тело Чингисхана привезли в Монголию. Точное место захоронения было сохранено в тайне; согласно некоторым источникам, он был похоронен в лесах горы Буркан.[118]

Даже после своей смерти Чингисхан продолжал жить в монгольской истории как путеводный дух и воплощение нации.[119] Его имя упоминается в каждом важном государственном документе, изданном его продолжателями; Яса осталась основой монгольского императорского закона; сборник его высказываний (Билик) стал источником мудрости для будущих поколений; в качестве претендентов на трон рассматривались только его потомки. Столь ревностное почитание памяти Чингисхана осложняет для историка оценку роли его личности в создании империи. Был ли успех Чингисхана в первую очередь плодом его собственного напряженного усилия? До какой степени он объясним талантом его наместников и советников или разобщенностью его противников? Не каждый правитель знает, как воспользоваться ошибками своих врагов; Чингисхан, конечно, пользовался ими в полной мере. Что же касается роли его помощников, нет сомнения, что способность Чингисхана назначать нужного человека на соответствующее место во многом способствовала успеху его предприятий как в военных кампаниях, так и в организации империи. Сам Чингисхан охотно признавал помощь, оказанную ему его полководцами, дипломатами и чиновниками, и щедро вознаграждал их. И все же, очевидна его ведущая роль во всех важных военных и политических решениях, принятых в период его правления. Не подлежит сомнению талант Чингисхана умело координировать деятельность своих подчиненных. И, я полагаю, можно уверенно сказать, что как военный предводитель и государственный деятель он имел широкий кругозор и чувство реальности.

Чингисхан оставался неграмотным до конца своей жизни и был типичным кочевником в привычках и понимании прелестей жизни. Как у всех кочевников, наслаждением для него была охота; он был знатоком лошадей; не будучи по натуре развратником, Чингисхан, согласно традициям своего народа и времени, имел несколько жен и множество любовниц; предостерегая своих подданных от излишних возлияний, сам не испытывал отвращения к вину. В некоторых отношениях великий завоеватель был еще более примитивным и диким, чем его помощники. Согласно Рашиду ад-Дину, Чингисхан однажды спросил своих полководцев, в чем они видят высшее наслаждение человека. Богурчи сказал, что высшее наслаждение — скакать на лошади весной, на хорошей скорости и с соколом. Другие также высоко ценили охоту.

Чингисхан не согласился. *«Высшее наслаждение человека, — сказал он, — состоит в победе: победить своих врагов, преследовать их, лишить их имущества, заставить любящих их рыдать, скакать на их конях, обнимать их дочерей и жен».*[120] Кажется парадоксальным, что человек, который произнес эти слова, мог наслаждаться беседой с учеными людьми своего времени и всегда проявлял готовность приобретать новые знания, философствовать о жизни и смерти. По имеющимся свидетельствам, Чингисхан был здоровым и крепким человеком. Однако есть и указания на существование нервного надрыва в его личности, который, видимо, должен был увеличиваться многими болезненными шоками, испытанными в детстве и юности. Отсюда его религиозная экзальтация, его рвение к молитве во время каждого серьезного жизненного кризиса до начала китайской кампании. Хотя в юности он во многих случаях лично вел своих последователей против врага и считался храбрым воином, у него, кажется, отсутствовало истинно благородное отношение к окружающим, присущее его отцу. Он не был безрассуден и думал о своей личной безопасности в ситуациях, когда типичный монгольский юноша думал бы только о борьбе. Это особенно очевидно в случае нападения меркитов на его лагерь, когда он спасся, бежав и оставив свою юную невесту на милость врагов. Конечно, его жизнь должна была быть сохранена не ради ее самой, а во имя его великой судьбы, будущего империи, которую ему надлежало создать. И все же, поведение Чингисхана больше похоже на трусость, даже если считать этот поступок сви-

детельством его самоконтроля.

Владимирцов верно называл Чингисхана «гениальным дикарем». Обсуждая проблему гениального дикарства, Радослав А. Цанов ссылается на полинезийскую веру в существование у определенных выдающихся и счастливых людей сверхъестественной способности, которую он именует «*мана*». Это понятие тайного высшего дара, чего-то «выше обычной силы человека, выше природных процессов».[121] В границах этого подхода вера Чингисхана в его универсальную миссию может быть рассмотрена как рефлексия по поводу владевшей им силы «мана». Сам он понимал это как предопределение Неба.

Не существует надежного описания внешности Чингисхана. Отчет агента Сун, который посетил Пекин в 1221 г., до недавнего времени рассматривался как важный источник, но, как теперь считают, не описывал Чингисхана.[122] Существует, однако, его прекрасный портрет, выполненный китайским художником в серии портретов монгольских императоров в Императорском дворце в Пекине; он опубликован в 1928 г. Все детали головного убора и одежды каждого императора кажутся достоверными.[123] Предположительно, изображение лица в каждом случае опиралось либо на достоверные описания, либо на рисунки времен правления этих императоров.

7. Монгольская экспансия в правление Угэдэя

Перед смертью Чингисхан выделил каждому из своих сыновей от первой жены, Бортэ[124], часть империи как соответствующий улус.[125] Толуй, как самый младший сын, получил ядро владений рода Борджигинов — центральную и западную часть Монголии. Чагатай получил территорию бывшего царства Кара-Кидан, имеющую центром бассейн реки Или. Джунгария, включая и район верхнего Иртыша, стала владением третьего сына — Угэдэя. Наконец, вновь завоеванный регион к северу от Аральского моря (сегодняшний Казахстан) был отдан самому старшему сыну — Джучи; после смерти Джучи (о чем Чингисхан был извещен незадолго до своей собственной кончины) он перешел к его второму сыну — Бату.

В дополнение к полученному улусу каждый сын Чингиса принял командование над частью монгольской армии. Толуй получил львиную долю: сто одну тысячу войск из ста двадцати девяти тысяч. Ни раздел земли, ни раздел войск не был ориентирован на подрыв единства империи. Разделение войск должно было длиться лишь в период междуцарствия, до выбора курултаем нового великого хана. Временно регентом был назначен Толуй.

Все монгольские вожди пришли к согласию, что только сыновья Чингисхана могут занять трон; курултай должен был лишь сделать выбор между ними. Следует отметить в этой связи, что хотя Толуй и был фаворитом своего отца, Чингисхан незадолго до смерти назначил в качестве своего приемника Угэдэя, поскольку, по его мнению, Угэдэй был более способен к управлению империей, нежели три других сына. Регент, очевидно, не хотел оказывать какое-либо давление на родовых вождей и дал им достаточно времени для рассмотрения кандидатов. Курултай, на котором должно было быть принято решение, собрался в 1229 г. Многие из его членов готовы были отдать предпочтение Толую. Последний, однако, отказался от выдвижения своей кандидатуры, и великим ханом единогласно избрали Угэдэя.[126]

Новый правитель полностью разделял идеи своего отца относительно универсальной империи и отнесся к этой задаче с полной серьезностью. Под его властью монгольское государство определенно обратилось от старых привычек степного владычества к новым административным системам. Характерная история излагается в китайском повествовании о монгольской династии. После завоевания Северного Китая один монгольский вельможа старой школы предложил Угэдэю уничтожить народ Северного Китая, стереть с лица земли города и деревни, а всю территорию Северного Китая превратить в пастбища. Никакой выгоды, рассуждал он, для монголов в существовании северных китайцев нет. Выступив против этого варварского плана, Елюй Чуцай ввел Угэдэя в искусство извлечения выгоды из некочевых подданных Монгольской империи путем введения налогов и сборов с их торговли и производства, использования железорудных и иных минеральных залежей. Он обещал большие доходы в деньгах, тканях и рисе.[127] К счастью для китайцев — и для самих монголов — Угэдэй принял программу Елюя Чуцая. Сделав это, он заложил серьезные осно-

вания для будущей администрации Монгольской империи.

Угэдэй прибегал также к советам своего госсекретаря уйгура Чинкая и мусульманского торговца Махмуда Ялавача. Прислушиваясь к их мнению, он приложил огромные усилия для развития и улучшения институтов императорской администрации и усиления власти императора во внутренних и внешних делах. Он действовал в строгом взаимодействии с Чагатаем, с которым, как со своим наиболее старшим по возрасту братом, он консультировался по всем важным делам.

До завоевания какой-либо новой страны следовало восстановить ослабевшее монгольское владычество в Китае и Персии. После смерти Мухали в 1223 г. монгольское наступление в Китае замедлилось, и в 1228 г. началось контрнаступление противника. Из Персии монголы ушли еще до кончины Чингисхана; Джалал ад-Дин, который вернулся из Дели при первой же возможности, был признан султаном персидскими вельможами и городами. Угэдэя более заботила ситуация в Китае, нежели персидские дела; и, соответственно, главная монгольская армия под командованием Толуя была послана против Цзинь. Чтобы гарантировать успех кампании, Угэдэй заключил соглашение с империей Сун в Южном Китае. Сун изъявила желание послать военный контингент против Цзинь с условием, что после победы монголы отдадут им бывшую провинцию Цзинь Хэнань. Во взаимодействии с Сун монголы завершили завоевание империи Цзинь к 1234 г. Толуй умер до окончания кампании.

Одновременно с основным наступлением в Китае монгольские войска были посланы против Кореи и Персии. Корея признала сюзеренитет монголов в 1231 г. Три монгольских тумена под командованием Чормаган-Нойона вошли в Персию в 1230 г.[128] К счастью для монголов и к несчастью для себя султан Джалал ад-Дин не понял неизбежность их грядущей атаки на его государство. Вместо подготовки своей армии к последней битве с монголами он погрузился в передневосточную политику, стараясь увеличить свои владения за счет Ирака, Северной Сирии и Грузии. Единственным результатом этого было его столкновение со всеми западными соседями и потеря друзей, когда монголы появились в Азербайджане, где располагалась его полевая ставка. Хоть и застигнутый врасплох, Джалал ад-Дин сумел вновь совершить труд-

ный побег, которым он был так знаменит. Но его попытка организовать новую армию провалилась. Оставленный большинством сторонников и преданный собственным визирем, султан на своем пути к Анатолии был вновь окружен монголами. Он снова сбежал и направился к горам Курдистана, где и был убит в 1231 г. разбойниками, которые даже не знали, кем он был. *«Это выглядит как предопределение Судьбы, что этот храбрейший лев должен был быть убит лисами»*, — прокомментировал смерть султана один восточный писатель.[129]

Одним из последствий поражения Джалал ад-Дина стало распыление остатков туркменских (огузских) войск. Многие туркменские роды последовали за Джалал ад-Дином в его первом бегстве перед монгольским наступлением. После возвращения султана из Дели в Персию они собрались для его поддержки. Теперь ситуация повернулась так, что они вновь оказались без вождя. Некоторые из них решили вернуться в Туркестан и признать сюзеренитет монголов. Другие предпочли мигрировать на запад, в Сирию и Малую Азию. Среди последних было около пятисот семей во главе с Ертогрулом. Этой группе удалось достигнуть сельджукского султана; Ертогрул стал вассалом султана и получил землю близ Сугута во Фригии, недалеко от византийских границ. Хотя этот эпизод выглядел незначительным в то время, он оказался главным фактором в будущей истории Переднего Востока, поскольку сын Ертогрула Осман в конце концов стал основателем Османской империи.

Более крупная группа туркменских воинов, обычно обозначаемых как «хорезмцы», двинулась в Ирак и предложила свои услуги местным мусульманским правителям. Деморализованные и недисциплинированные, они не упускали ни единого шанса разорить близлежащие районы.[130]

С падением империи Цзинь и исчезновением с политической картины Персии личности Джалал ад-Дина, монголы были готовы к новым завоеваниям. Для одобрения планов в 1235 г. был созван совет курултая. На этом историческом собрании монгольские вожди решили предпринять четыре наступательные кампании одновременно: две на Дальнем Востоке — против Кореи, которая восстала после своего первого подчинения, и против империи Сун в Южном Китае; одну на Ближнем Востоке — против Ирака, Сирии,

Транскавказа и сельджукского султана в Малой Азии; и одну на Западе — против Европы.

Лучшие монгольские войска были направлены на Корею и Европу; некоторое подкрепление было послано Чормаган-Нойону на Ближний Восток. Большинство воинов армии, которую планировалось использовать в Южном Китае, были рекрутированы из чжурчжэней и северокитайцев, бывших подданных Цзинь. Война с Южным Китаем стала неизбежной после отказа Угэдэя передать Сун провинцию Хэнань, как было предусмотрено договором. Три армии под предводительством монголов вторглись в Южный Китай, но после короткого первоначального успеха вынуждены были отступить; военные действия приняли затяжной характер и не менялись на протяжении последних лет правления Угэдэя. Монголы одержали убедительную победу в Корее, где сопротивление было сломлено после нескольких тяжелых сражений (1241).

Хотя монгольские силы на Ближнем Востоке под командованием Чормаган-Нойона и смогли восстановить контроль империи над Северной Персией, они оказались недостаточными для кампании против Багдадского халифата в Ираке. Монголы, тем не менее, преуспели в завоевании Грузии, Азербайджана и Армении. Несчастная Грузия, разграбленная монголами в 1220-21 г. и еще раз Джалал ад-Дином в 1226 г., стала монгольским протекторатом в 1239 г. Монголы теперь были в состоянии подготовиться к атаке на владения сельджукских султанов в Малой Азии, хотя никакого общего наступления на сельджуков в правление Угэдэя осуществлено не было.

Именно в западном направлении при Угэдэе монголы достигли наиболее значительного успеха. «Западные земли» рассматривались как территория потенциального расширения улуса Джучи. Его второй сын и наследник Бату (по-русски, Батый) был назначен главнокомандующим западного фронта. Было, однако, очевидно, что силы Бату недостаточны для выполнения этой задачи. При раздаче монгольских войск своим сыновьям Чингисхан отдал под командование Джучи четыре тысячи монгольских воинов. Бату, однако, получил властные полномочия создать новые армейские подразделения из туркменских племен и иных тюрков, что проживали в его улусе, под командованием монгольских офицеров. Лояльность тюрков, вместе с тем, нуждалась в проверке, и,

в любом случае, даже усиленная тюрками региональная армия Бату не была достаточно сильной для завоевания Запада. Поэтому Угэдэй приказал, чтобы все улусы Монгольской империи посылали свои войска на помощь Бату. Западная кампания, таким образом, стала панмонгольским делом.

Бату оказался во главе совета князей, представлявших всех потомков Чингисхана. Среди них выделялись сыновья Угэдэя Гуюк и Кадан, сын Толуя Мункэ, а также Байдар и Бури — соответственно сын и внук Чагатая. Каждый привел с собой значительный контингент отборных монгольских войск. В то время как Бату являлся формальным главнокомандующим, один из наилучших и наиболее опытных монгольских военачальников Субэдэй был назначен, в нашем понимании, начальником штаба. Субэдэй хорошо знал русский театр военных действий по опыту своих прежних рейдов на Русь в 1222-23 гг. Монгольское ядро армий Бату, вероятно, равнялось пятидесяти тысячам воинов. С вновь сформированными тюркскими соединениями и различными вспомогательными войсками общее количество могло составлять 120000 или даже более того, но вследствие огромных территорий, подлежащих контролю и гарнизонному обеспечению, в ходе вторжения сила полевой армии Бату в его основной кампании едва ли была более пятидесяти тысяч в каждой фазе операций.

Кампания была столь же хорошо подготовлена, как любой из классических походов Чингисхана. Разведчики и шпионы собрали необходимую информацию заранее. Было решено, что булгары и другие народы восточной окраины Руси по течению Волги, равно как кипчаки (половцы) и иные племена нижнего Поволжья и нижнего Дона должны быть разбиты в первую очередь, с тем чтобы обеспечить надежные коммуникации и тылы армий, действующих на Руси. Большинство из этих целей были успешно достигнуты в течение двух лет (1236-37 гг.). В то время как Мункэ отвечал за кампанию против куманов, Бату при помощи Субэдэя предпринял завоевание ханства волжских булгар. Столица последнего — Великий Булгар — была уничтожена в 1237 г. Осенью этого года основная армия Бату пересекла Волгу в булгарском регионе.

Следует отметить в данной связи, что, хотя первый рейд монголов в 1222-1223 гг. был направлен против Южной Руси, на этот раз Субэдэй решил завоевать сперва Северо-восточную Русь. Он

должен был хорошо сознавать во время своей первой русской кампании, что его успех в битве на Калке отчасти объяснялся пассивностью великого князя владимирского.[131] Он должен был узнать от своих пленников, что этот князь был сильнейшим из русских правителей. Поскольку Субэдэй намеревался продолжить поход далеко на запад, в киевские земли и затем в Венгрию, он должен был обеспечить безопасность своего северного фланга для будущих операций. Это делало уничтожение власти северорусских князей предпосылкой дальнейшей западной экспансии. Как ни кажется парадоксальным для современного читателя, особенно если вспомнить известные страдания армий Наполеона и Гитлера от «генерала зимы», Субэдэй рекомендовал зиму как наилучший период военных операций в Северной Руси. Дело в том, что в Монголии зима сурова, и монголы привычны к морозам; кроме того, они были хорошо защищены от холода своими меховыми одеждами. Монгольские кони также не боялись крепких морозов и, когда снег не был слишком глубоким, умели находить под ним листья или жнивье. Основным преимуществом зимней кампании было то, что многочисленные реки и озера Северной Руси были покрыты льдом, что очень облегчало операции захватчиков.

Хотя русские знали о монгольском походе на ханство волжских булгар, они не оценили всю серьезность ситуации, возможно, предполагая, что монголов несколько задержит сопротивление булгар. Поэтому, когда Бату пересек Волгу, русские не были готовы достойно встретить его атаку.[132] Вместо того чтобы направиться прямо к городу Владимиру, монголы прежде всего напали на Рязань в среднем течении Оки. Город пал 21 декабря 1237 г. Отсюда они направились на Москву. Хотя это не был еще главный русский город, его центральное местоположение делало его важной целью стратегии Субэдэя. Взяв Москву, которую он сжег, Субэдэй не только блокировал Владимир, но и стал угрожать всему русскому северу, включая богатый Великий Новгород, финансовую основу могущества великого князя.

Великому князю Юрию II ничего не оставалось, как отступить на север со своею свитой, чтобы организовать сопротивление на верхней Волге. Надеясь на силу фортификационных сооружений своей столицы, города Владимира, он оставил там свою жену и двух сыновей с довольно большим гарнизоном, очевидно полагая, что город

выдержит осаду до тех пор, пока он освободит его с новой армией, которую он планировал собрать на севере. Юрий устроил свою ставку на берегу реки Сить, притока Мологи, которая, в свою очередь, является притоком Волги. Проанализировав ситуацию, Субэдэй послал свой авангард на север для наблюдения за движением русских войск, и повел основную армию на Владимир. После шестидневной осады город был взят штурмом 8 февраля 1238 г., и все, кто еще уцелел, были убиты, включая семью великого князя. Затем Владимир был разрушен. Монголы сразу же двинулись к реке Сить. Перехитрив русских, они атаковали армию великого князя с различных направлений. Русские были разбиты, а Юрий II погиб в битве 4 марта. Дорога к Новгороду была теперь открыта, и монголы направились к нему. Они остановились, однако, за сто километров до своей цели. После внимательного анализа предводитель монголов решил повернуть назад, испугавшись наступления весенней оттепели, которая могла сделать дороги непроходимыми. Вместо того чтобы возвращаться прежним путем — через районы, где уже все города, источники питания и фуража были уничтожены, — монгольская армия направилась прямо на юг. Грабя боярские поместья и деревни на своем пути, они, очевидно, обходили города, избегая каких-либо столкновений, которые могли замедлить их марш. С одним, однако, исключением. Маленький городок Козельск в современной Калужской области, который находился на их пути, отказался сдаться. Убежденные, что штурм не займет много времени, монголы решили взять его. Но они просчитались; осада Козельска длилась семь недель и закончилась лишь тогда, когда все его защитники были убиты. После этого монголы двинулись на юго-восток к бассейну нижнего Дона. Здесь армия получила значительную передышку, в которой очень нуждались и люди, и кони. Богатый источник пополнения поголовья лошадей составляли кони, захваченные у половцев вместе с табунами, которые гнали из Казахстана.

В течение следующего 1239 г. монголами предпринимались лишь малые военные операции. Мункэ завоевал значительную часть аланов и черкесов в северокавказском регионе; Бату вынудил большую часть половцев в конечном итоге признать власть монголов. Однако около сорока тысяч половцев под предводительством хана Котяна[133] предпочли мигрировать в Венгрию. За ними последовали многие аланы (ясы) региона Донца.[134]

Около 1240 г. армии Бату, отдохнувшие и реорганизованные, были готовы возобновить свой поход на запад. Летом этого года монголы захватили и разорили города Переслав и Чернигов. Затем Мункэ, который, очевидно, командовал авангардом, послал эмиссаров в Киев с требованием подчиниться. Киев в это время управлялся наместником, назначенным князем Даниилом Галицким. [135] В городе существовала группа, которую мы бы теперь назвали партией «умиротворения». Чтобы предупредить какие-либо действия с ее стороны, киевские власти приказали убить посланника Мункэ. Это стало проклятием города. Вскоре монголы были у ворот, и, после нескольких дней отчаянного сопротивления 6 декабря 1240 г. город был взят штурмом. Большинство выживших были убиты, а город разрушен. Многие менее значимые князья и сельские общины современной правобережной Украины[136] признали власть захватчиков и согласились «обрабатывать землю для монголов», то есть поставлять просо и иные сельскохозяйственные продукты, в которых монголы нуждались.

Многие из западнорусских князей, однако, предпочли искать убежища в Венгрии и Польше, что дало Бату повод, если таковой был нужен, напасть на эти две страны. Бату также протестовал против решения венгерского короля Белы IV предоставить убежище хану Котяну и его половцам. Основным объектом интереса монголов в Венгрии было то, что она представляла собою самую западную точку степной зоны и могла служить отличной базой для монгольской кавалерии в любой из ее будущих операций в Центральной Европе так же, как она выполняла эту роль для Аттилы и его гуннов восемь столетий назад.[137] Кроме того, сами мадьяры когда-то были кочевниками, а история их происхождения тесно связана с тюрками[138], что делало возможным их участие в монгольско-тюркском союзе.

Монголы не имели непосредственного интереса в Польше, но стратегия Субэдэя требовала похода на эту страну, чтобы устранить потенциальную угрозу монгольскому правому флангу в его операции против Венгрии. Итак, к концу года не только Центральная, но и Западная Европа подверглась монгольской угрозе. Многое зависело от способности западных наций скоординировать свои действия и организовать единое сопротивление против захватчиков. Это, однако, было легче сказать, чем сделать. Фео-

дальную Европу разрывали внутренние противоречия, и, кроме того, разгорался конфликт между светской и духовной властями римской католической Европы — борьба между императором Фридрихом II и папой, в которой каждый делал все возможное для подрыва престижа другого.

Именно в 1238 г. западные нации узнали о приближении монголов из двух источников — из Новгорода и Сирии. Английский хронист Матвей Парижский передает, что *«жители Готланда и Фрисланда[139], боясь их (монголов) нападений, не приплыли, как обычно это делали, в Ярмут в Англии, где загружались их суда во время рыбно-селедочной распродажи: и из-за этого сельдь в том году не имела цены, поскольку ее было множество»*[140]. Фрисланд — обычное обозначение Нидерландов в этот период; очевидно эта страна не могла в 1238 г. быть прямо затронутой монгольским вторжением на Русь. Однако как Фрисланд, так и остров Готланд в Балтийском море имели тесные коммерческие связи с Новгородом, опиравшиеся на договор 1195 г.[141] Новгородские корабли, равно как и готландские и фризские суда ходили по Балтийскому и Северному морям. В свете этих событий мы можем лучше понять повествование Матвея Парижского. При подготовке новгородцев в 1238 г. к защите своего города от монголов все людские и материальные ресурсы города должны были быть мобилизованы. Следовательно, новгородские купцы не могли тогда ни послать свои корабли в Северное море, ни принять какие-либо обязательства, связанные с покупкой сельди[142].

Одновременно с тем, как были получены известия относительно монгольского вторжения с Балтийского моря, во Францию и Англию прибыли посланцы с рассказами о походах кочевников на Переднем Востоке. Специальный посол сарацин, «в основном, по поручению Старейшины Горы» (т.е. шейха убийц), просил западные нации о помощи[143]. Для понимания этого хода со стороны передневосточных мусульман нам следует вспомнить, что напряженные отношения между мусульманами и христианами в Палестине несколько разрядились в результате примирительной политики императора Фридриха II в ходе крестового похода, который обычно называется шестым, хотя он не был признан папой (из-за конфликта с императором) как подлинный крестовый поход. Политика Фридриха была заклеймена папистами, которые не хотели никакого компромисса с

«неверными», как умиротворительная. По этой причине, а также потому, что убийцы вряд ли могли рассматриваться как достойные уважения союзники, посол сарацин встретил в 1238 г. небольшую поддержку как во Франции, так и в Англии. Ответ епископа Винчестерского был весьма характерен: *«Пусть эти собаки уничтожают друг друга, да так, чтобы все они были поедены и погибли; и тогда мы продолжим борьбу с оставшимися врагами Христа, убьем их и очистим лик земли, так чтобы мир был подчинен одной католической церкви, был бы один пастырь и одно стадо».*[144]

Следует отметить, что агрессивный дух католической церкви, отраженный в словах епископа, был направлен не только против нехристианских «неверных», но также против «еретиков» и «схизматиков», включая греческое православие. Католические нации отвергли идею сотрудничества с мусульманами на Переднем Востоке, а две из них, шведы и тевтонские рыцари, даже посчитали, что настал подходящий момент для нашествия на Русь. Как шведы, так и тевтонские рыцари были вовлечены в это время в христианизацию языческих народов — финнов и карелов к северу от Финского залива, леттов и эстонцев к югу от него — мечом и крестом. И те и другие, кажется, рассчитывали тогда на слабость северорусских городов — Новгорода и Пскова. Хотя ни один из городов не был уничтожен монголами, оба временно были лишены какой-либо помощи от разоренного Великого княжества Владимирского.

Итак, в июле 1240 г. шведы, под предводительством могущественного герцога Биргера, появились в устье Невы в попытке преградить Новгороду выход в море. Прежде чем они смогли двинуться дальше, молодой новгородский князь Александр, племянник Юрия II, привел свою маленькую, но сильную армию к Неве и нанес суровое поражение шведам. Последние потеряли значительную часть своих сил и лишь немногие, включая самого Биргера, сумели уплыть назад в Финляндию. После этой победы князь Александр стал известен как Невский.[145] Все это произошло примерно во время захвата Чернигова монголами.

Пока шло шведское предприятие против Новгорода, ливонские рыцари направили свои усилия против Пскова, но в 1240 г. не добились никакого решительного успеха. Тем временем монголы напали на Польшу и Силезию, и тевтонский орден, с которым

были связаны ливонские рыцари, вынужден был внять призывам герцога Силезского о помощи и повернуть свои войска от Пскова. 9 апреля 1241 г. монгольский передовой корпус нанес удар по объединенной польско-германской армии близ Лигница в Силезии.[146] Согласно польскому историку Матвею из Мичова, победившие монголы отрезали одно ухо у каждого вражеского трупа, найденного ими на поле сражения; было собрано девять больших мешков ушей.[147] Еще до этого главная монгольская армия пересекла Карпаты и вошла в Венгрию. 11 апреля Бату и Субэдэй разбили венгров у слияния рек Тисы и Солоны. Западный экспедиционный корпус монгольской армии теперь повернул от Силезии на юг, к Богемии и Моравии. Следуя приказу о скорейшем движении в Венгрию, эти силы не могли терять время на осаду городов. Они разделились на несколько маленьких отрядов и грабили страну по мере продвижения. Богемский король Вацлав отбросил одну из этих орд при Кладно, что укрепило чешский моральный дух, но не оказало влияния на монгольскую стратегию. В противовес широко распространенной легенде, в Моравии не было решительных битв; через неделю или две все орды пересекли ее территорию.[148]

В то время как монголы оставались в Венгрии в течение лета 1241 г., разоряя несчастную страну, король Бела IV пытался организовать сопротивление в Хорватии. Из Загреба он посылал отчаянные послания папе, Фридриху II и королям, умоляя о срочной помощи.

Еще до обращения Белы западные нации получили просьбы о помощи из или от имени Польши и Богемии. Граф Лорэна написал герцогу Брабанта, рисуя несчастья Польши. Герцог брабантский написал епископу парижскому, а архиепископ Кельна — королю Англии. Епископ парижский немедленно проинформировал королеву Бланш, мать Людовика IX, о содержании письма, а она вызвала своего сына и спросила его, что он намеревается предпринять в связи с надвигающейся опасностью. Он ответил с характерными для него глубоким религиозным чувством и покорностью судьбе: *«Мать моя, пусть правит нами покой небесный. И если эти люди, которых мы называем татарами, должны прийти к нам, то или мы закинем их назад в район Тартара, откуда они вышли, или же они всех нас отправят на небо».*[149]

После получения новостей о поражении Венгрии император

Фридрих II, со своей стороны, послал циркулярное письмо ко всем западноевропейским монархам, побуждая их помочь Венгрии, Богемии и Польше. Папа Григорий IX также призвал к крестовому походу против монголов. Поскольку вражда между императором и папой продолжалась, их обращения произвели меньший эффект, нежели могли. Фридрих предупредил французского короля *«о папской хитрости и жадности», «поскольку в своих ненасытных амбициях он (папа) теперь имеет целью подчинить себе все христианские королевства, принимая в качестве примера то, как он наступил на корону Англии; и теперь он пытается с большими поспешностью и самонадеянностью заставить имперское величие сгибаться при его кивке»*[150]. С другой стороны, поддерживающие папу распространили слухи, *«что император по соглашению с татарами организовал это нападение, и что этим умным письмом он, в основном, прикрыл свое гнусное преступление, и что своими неуемными амбициями он схож с Люцифером или Антихристом, организуя заговор против монархии во всем мире, ведущий к окончательному крушению христианской веры».*[151]

Естественным результатом всего этого было то, что король Бела не получил сколь-нибудь существенной помощи с Запада. Единственным крестовым походом, который действительно имел место, был поход тевтонских рыцарей против Пскова и Новгорода. Несмотря на свои потери в битве при Лигнице, тевтонский орден мог теперь поддержать ливонский натиск. Псков был взят в 1241 г., и в марте 1242 г. рыцари двинулись против Новгорода. Но они не ушли далеко. Князь Александр встретил и разбил их на льду Чудского озера в знаменитом «Ледовом побоище» (5 апреля 1242 г.).[152]

Монголы в Венгрии пересекли замерзший Дунай в конце декабря 1241 г. и вторглись в Хорватию, захватив вскоре Загреб. Одно войско было послано за королем Белой, который бежал в Далмацию. К тому времени как монгольские всадники достигли Адриатического моря у Сплита, король сел на корабль и укрылся от опасности на одном из островов. Монголы объехали далматинское побережье до Дубровника (Рагуза) и Каттаро. Другое монгольское войско было послано из Венгрии к Клостерноебургу, близ Вены, предположительно, для разведки дорог на запад. Основная монгольская армия после продолжительной передышки в Венгрии была теперь в состоянии нерешительности перед новым воен-

ным походом на Европу. Западные нации из-за своей разобщенности едва ли имели возможность выдержать надвигающееся нашествие.

Запад был неожиданно спасен событием, произошедшим в далекой Монголии. Великий хан Угэдэй умер 11 декабря 1241 г. Когда новость достигла Бату весной 1242 г., он не только отложил всю подготовку к походу, но и повел свою армию через Северную Сербию и Булгарию назад в Южную Русь. Причина этого шага была чисто политической: Бату хотел повлиять на выбор нового великого хана, в особенности потому, что сам считался потенциальным кандидатом. Более того, в ходе венгерской кампании он поссорился с сыном Угэдэя Гуюком и внуком Чагатая Бури, которые оба вернулись в глубоком возмущении в Монголию. По жалобе Бату Угэдэй сделал суровый выговор обоим князьям. Теперь, после смерти Угэдэя, можно было ожидать, что они будут мстить, интригуя против Бату. Бату был, очевидно, обеспокоен; борьба за власть в монгольской политике казалась ему более важной, нежели завоевание Европы.

Угэдэю должно было быть пятьдесят один год ко времени его смерти. Он, кажется, подорвал свое здоровье неумеренным пьянством. Незадолго до своей кончины, оценивая свои достоинства и грехи, он отметил с похвальной открытостью, что имел два основных порочных увлечения: вино и развратные женщины.[153] Как отмечает отец Мостерт, портрет Угэдэя в серии династии Юань обнаруживает, разумеется, черты хронического пьяницы.[154] Можно сомневаться, однако, что он умер естественной смертью. Согласно Иоанну де Плано Карпини, он был отравлен «теткой» его сына Гуюка.[155] Кем бы ни была эта женщина, ее следует рассматривать как спасительницу Западной Европы.

Глава II

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

I. Правление Гуюка

Монгольская империя, которая до 1206 г. существовала только как мечта в сознании Темучина и нескольких других монгольских родовых вождей, оформилась при Чингисхане. К концу правления Угэдэя империя уже твердо сложилась, имея свою столицу в Монголии — Каракорум. Итак, в течение тридцати пяти лет родилось и представило свои требования мировым лидерам могучее государство. В течение этого, относительно короткого, промежутка времени монголы завоевали огромные территории в Азии и Европе; фактически как хозяева евразийской степной зоны они теперь могли контролировать всю Северную Азию и большую часть Восточной Европы — Евразийского субконтинента.

Хотя монголам еще предстояло совершить новые территориальные приобретения как в Китае, так и на Ближнем Востоке, основной период монгольского завоевания закончился. Правители империи должны были сплотить и поглотить завоеванное ими. Это была задача не из легких. Еще требовались огромные усилия для обеспечения стабильного существования империи, и в течение века после смерти Угэдэя имперские институты функционировали с относительной эффективностью и точностью в большинстве частей империи, несмотря на внутренние конфликты.

Смерть Угэдэя в 1241 г. стала важной вехой как в истории

международных отношений, так и монгольской политики. Хотя она спасла Западную Европу от вторжения, но породила затяжной политический кризис в самой Монголии. Чагатай вскоре умер, и внуки Чингисхана оказались в довольно сложной ситуации, которую им предстояло разрешить, не имея в семье кого-либо, способного сделать это в силу своего возраста и авторитета. Вдова Угэдэя, хатун[1] Туракина, стала регентом, рассчитывая сохранить трон своему старшему сыну Гуюку. Однако следовало ожидать сильную оппозицию Гуюку со стороны многих принцев и родовых вождей, вследствие его вражды с могущественным победителем Запада Бату. Необходимо было поэтому предпринять множество политических маневров до сбора курултая. Фактически междуцарствие длилось четыре года (1242 — 46 гг.).

Для обеспечения свободы действий хатун сместила трех помощников Угэдэя: китайского советника Елюя Чуцая, уйгурского канцлера Чинкая и хорезмского мусульманина Махмуда Ялавача. Другой мусульманин Абд ар-Рахман теперь стал главным регентским советником, после того как пообещал ей удвоить налоговые поступления с китайской части империи. Обескураженный и огорченный Елюй Чуцай умер несколько месяцев спустя после своего смещения. Что же касается внешних дел империи, то активное наступление было необходимо в течение междуцарствия лишь на Переднем Востоке. Новый командующий монгольской армией в этом регионе Вайджу-Нойон сумел нанести решающее поражение сельджукам в 1243 г., после чего сельджукский султан стал вассалом монголов. Восприняв это как предостережение, хан Малой Армении Хетум I поспешил предложить свое подчинение и помощь монголам. Он контролировал район Киликии напротив острова Кипр. Через него монгольское влияние распространилось на восточную часть Средиземноморья.

Политически самым главным изменением в Монгольской империи в эти годы было основание Бату ханства Кипчакия в Южной Руси, которое впоследствии стало известно как Золотая Орда. Столицей ее был город Сарай на нижней Волге. Одним из первых действий Бату стал созыв ведущих восточнорусских князей в Сарае, с тем чтобы они принесли вассальную клятву верности. Когда монгольская армия во главе с Бату вернулась в Южную Русь из Венгрии, большинство неджучидских князей со своими военными

соединениями отправились назад в Монголию. Некоторые, однако, решили остаться во вновь покоренной стране, которая им нравилась. Итак, количество монгольских войск под властью Бату несколько увеличилось, и, конечно, он имел в своем распоряжении хорошо выученную тюркскую армию под командованием верных ему монгольских офицеров. В дополнение к центральноазиатским туркменам к силам Бату присоединились многочисленные половецкие и аланские воины.

Хотя военное могущество Бату не подлежало сомнению, его положение в монгольской политике было довольно слабым, поскольку от него зависела лишь малая часть монгольской армии и родовых вождей. По необходимости он заключил политический союз с сыном Толуя Мункэ, своим близким другом еще со времен европейской кампании. Однако даже их объединенные усилия смогли лишь оттянуть предвыборное решение относительно кандидатуры Гуюка, но не предотвратить его. К 1246 г. большинство монгольских князей и родовых вождей согласились поддержать Гуюка, и тогда собрался выборный курултай у истоков реки Орхон близ Каракорума. Сославшись на ревматизм, Бату отказался участвовать в нем и остался в Сарае. Он согласился, однако, послать в Монголию брата покойного Юрия II Ярослава (отца Александра Невского), которого он утвердил великим князем владимирским.

Кроме Ярослава в Монголию были вызваны другие монгольские вассалы — сельджукский султан Килидж-Арслан IV и царь Грузии Давид V; Царь Малой Армении Хетум I был представлен своим братом Самбатом. Случилось так, что папский посланник, брат Иоанн де Плано Карпини, был также в императорской ставке во время выборов Гуюка. Миссия Плано Карпини была результатом нового подхода к монгольской проблеме со стороны папы Иннокентия IV, который взошел на папский престол в 1243 г. Продолжая неустанную борьбу Рима против императора Фридриха II, этот папа пытался восстановить авторитет католической церкви сильной международной политикой, базировавшейся на трех идеях:

1. продолжение крестового похода в Палестине;

2. распространение папской власти на восточные церкви дипломатическим, а не военным путем;

3. достижение взаимопонимания с монголами, по возможности, путем обращения их в христианство [2].

Следует отметить, что из-за нежелания западных правителей (за исключением императора) прийти к соглашению с мусульманами, ситуация на Переднем Востоке изменилась к худшему. В 1244 г. египетский султан побудил хорезмцев [3] двинуться из Ирака в Сирию. В августе этого года они захватили и разграбили город Иерусалим. Папа тогда решил благословить новый седьмой крестовый поход. Чтобы начать его, он созвал в Лионе (Франция) церковный собор 1245 г. , который был признан римскими католиками XIII Вселенским собором.[4] Французский король Людовик IX с готовностью принял руководство новым походом, который весьма медленно обретал материальные очертания. Лишь к середине сентября 1248 г. армия Людовика сконцентрировалась на Кипре.

Монгольская ситуация обсуждалась также Лионским собором, наибольшая часть информации о котором исходит от русского церковного деятеля епископа Петра.[5] Собор попытался собрать европейские силы для борьбы с монголами, но в то же время одобрил папский план переговоров с ними. Незадолго до открытия собора папа послал несколько миссий для контактов с монголами. Две из них были успешны. Доминиканский монах Асцелин и его свита направились в Северо-западную Персию; [6] а францисканец Иоанн де Плано Карпини и монах Бенедикт из Польши достигли Монголии. Брат Иоанн покинул Лион в апреле 1245 г., взяв с собой письмо, адресованное «царю и народу тартар», в котором папа, выступая как глава христианского мира, порицает монголов за их вторжения в христианские земли и, угрожая им гневом Божьим, увещевает воздержаться от подобных походов в будущем и принять христианство. Поскольку монахи должны были совершить путешествие через Западную Русь, папа также проинструктировал их прибегнуть к увещеванию западнорусских князей и духовенства, убеждая их *«вернуться к единству святой матери церкви»*.

Путешествуя через Богемию и Силезию, Плано Карпини прибыл в Краков, где он и сопровождавшие его лица остановились на несколько месяцев, готовясь к путешествию через степи. Они были дружелюбно встречены князем Василько Волынским. Он, однако, отказался принять католицизм без согласования со своим старшим братом Даниилом Галицким, который был в это время в ставке Бату. В феврале 1246 г. брат Иоанн и его спутники миновали

разоренный Киев; в апреле они достигли лагеря Бату, где вскоре на приеме у Бату вручили ему письмо папы. Монахи помогли переводчикам Бату перевести письмо на русский, «сарацинский» (персидский) и татарский (монгольский) языки. Бату немедленно отправил все эти варианты в Каракорум со специальным посланником и посоветовал францисканцам двигаться дальше в Монголию. Они прибыли в императорскую ставку 22 июля и были приняты достойно, но им было сообщено, что ответ на послание папы не может быть дан до интронизации хана.

Это событие свершилось 24 августа. Наиболее значимым моментом церемонии было усаживание нового хана на кусок войлока, на котором его поднимали вверх.[7] Все монгольские князья и родовые вожди, равно как и правители вассалов, клялись в своей непогрешимой верности новому хану. Плано Карпини описал Гуюка следующими словами: *«Императору может быть сорок или сорок пять лет, или даже старше;[8] он среднего роста, очень осмотрительный и в высшей степени проницательный, серьезный и спокойный в своих манерах; его никогда не видели легко смеющимся или же демонстрирующим какое-либо легкомыслие, в чем мы были уверены христианами, которые постоянно с ним. Нас также уверили христиане, принадлежащие к персоналу его дома, что он близок к принятию христианства»*[9]. Большинство христиан при дворе Гуюка были несторианами, но было там и некоторое количество православных — в основном, русские ремесленники на службе хана. Среди них выделялся золотых дел мастер Космас (Кузьма), который был очень добр к францисканцам и снабжал их едой. Космас показывал францисканцам изготовленный им трон императора, еще до его установки.[10] *«Трон был сделан из черного дерева, украшен удивительной скульптурной резьбой; он был инкрустирован золотом, драгоценными камнями и, если я верно помню, жемчужинами; к вершине его вели ступени, и сзади он был закруглен.»*[11] Космас также вырезал императорскую печать Гуюка.[12]

Одним из первых шагов Гуюка было увольнение ставленника его матери Абд ар-Рахмана (которого затем приговорили к смерти) и возвращение Чинкая и Махмуда Ялавача в их прежние должности.

Именно с Чинкаем (несторианским христианином) и двумя его помощниками посланцы папы должны были обсудить предмет своей миссии. Когда монгольский текст ответа великого хана был готов,

он был устно переведен францисканцам, которые записали его по латыни; в дополнение к монгольскому оригиналу они также получили персидский перевод документа. Чинкай затем сообщил им, что император предложил отправить с ними в Европу своих послов. Францисканцам стоило больших трудов отговорить монголов от этого. В отчете о своей миссии Плано Карпини говорит довольно честно о многих мотивах отказа монгольским посланцам в их желании следовать за ним. *«Первой причиной было наше опасение, что они увидят разногласия и войны между нами, и что это подвигнет их выступить против нас. Второй причиной была наша боязнь их шпионов».*[13] После некоторых колебаний монголы оставили этот план.

Ответ хана папе был типичен для монгольского понимания императорской власти. Отказываясь рассматривать папский призыв стать христианином и отклоняя папское право цензурировать его, он предложил папе и королям лично прибыть в Монголию, чтобы продемонстрировать ему свое уважение. *«Если вы противостоите этому, что можем мы знать? Лишь Богу известно.»*[14]

Францисканцы покинули Каракорум в середине ноября 1246 г. и достигли Лиона около Дня Всех Святых 1247 г. Но еще до этого миссия монаха Асцелина вернулась из Персии с письмом Байджу-Нойона, монгольского командующего на Ближнем Востоке, вместе с посланием от хана Гуюка к Байджу-Нойону. Содержание двух этих документов было схоже с письмом, привезенным монахом Иоанном папе. Взаимосвязь противостоящих друг другу сил Запада и Востока была теперь ясна. Папские притязания на универсальное лидерство столкнулись со столь же универсальными притязаниями монгольского императора. В отношениях между ними было трудно ожидать компромисса или сотрудничества.

Фактически, при всей твердости в принципах и бескомпромиссности на высшем уровне, монгольская политика могла быть приспособлена к обстоятельствам на местном уровне, в особенности, если того требовали военные соображения. Похоже, Гуюк планировал сконцентрировать все свои усилия на Переднем Востоке, по крайней мере, на время. Туда был послан новый командующий Алджигидей, чтобы сменить Байджу-Нойона.[15] Алджигидей прибыл в монгольскую ставку в Армении в середине июля 1247 г. с новыми инструкциями. Новый план Гуюка, касающийся экспансии на Пе-

реднем Востоке, казалось, базировался на полном объединении с христианами против мусульман. Христиане должны были отнестись к этому плану со всей серьезностью. Казалось возможным, что сам Гуюк теперь станет христианином, а следовательно — членом несторианской церкви. Итак, сразу по получении Алджигидеем новостей о прибытии короля Людовика IX на Кипр, он послал эмиссаров с целью координации их обоюдных усилий по «освобождению» христиан Палестины. Эти посланники достигли Кипра 14 декабря 1248 г. и были приняты французским королем 20 декабря. Месяц спустя они отправились в обратный путь вместе с французской миссией, возглавляемой Андре де Лонгжюмо. Они прибыли в лагерь Алджигидея в апреле или в мае. Однако хан Гуюк умер осенью 1248 г.[16], и Алджигидей не мог быть уверен, что его инструкции все еще были в силе. Поэтому он и убеждал французского посла поехать в Монголию встретиться с регентом.

Правление Гуюка было слишком коротко, чтобы в полной мере осуществить все его замыслы. Зная, что в других случаях каждой крупной монгольской кампании предшествовал период тщательной подготовки, мы можем быть уверены, что он сделал все, чтобы обеспечить будущий успех своим передневосточным планам. На основании того, что нам известно о Гуюке, можно утверждать, что он использовал любую возможность для укрепления императорской власти в самой Монголии. Делая это, он вероятно задевал многих влиятельных князей и родовых вождей. Его обращение к христианству, если мы это принимаем, или же, по крайней мере, его доброжелательное отношение к христианам также должно было вызвать недовольство со стороны так называемой монгольской партии, члены которой все еще были устойчивы в своих традиционных верованиях.

С политической точки зрения, отношения между Гуюком и Бату были напряженными с начала правления последнего, отчасти из-за отказа Бату присутствовать на выборном курултае. Гуюк продолжал настаивать на визите Бату. Летом 1248 г. Бату направился в улус Гуюка. Когда он достиг озера Алакул на границе Джунгарии, то получил известие от вдовы Толуя, что Гуюк движется навстречу, чтобы встретить его на полпути. Она добавила, что намерения у кагана недобрые и Бату следует остерегаться. Бату остановился у Алакула и принял меры предосторожности. Гуюк

умер на расстоянии недели пути до лагеря Бату.[17] Можно сомневаться в естественности его смерти; возможно, он был отравлен агентами вдовы Толуя или самого Бату.

2. Правление Мункэ

Смерть Гуюка породила даже более тяжелый политический кризис в Монголии, нежели тот, что последовал за смертью его отца. Регентство приняла вдова Гуюка хатун Огуль-Гаймиш, убежденная шаманистка, женщина жадная и склонная к предрассудкам, если верить источникам, большинство из которых отражают точку зрения соперничающей группы. Очевидно, что хатун не имела авторитета у монгольских вождей. В сложившихся обстоятельствах она не могла продолжать политику своего мужа на Переднем Востоке и, вероятно, даже не одобряла ее. Послы Людовика IX прибыли к ее двору в начале 1250 г. Вместо какого-либо обещания сотрудничества на равной основе хатун в своем письме королю потребовала от него ежегодной дани.[18] Это письмо достигло Людовика IX в апреле 1251 г.

В те два года, которые понадобились королевским послам для путешествия в Каракорум и назад, с королем Людовиком случилось многое. Седьмой крестовый поход закончился неудачно. Ряды французских рыцарей, вторгшихся в Египет, подкосила чума, они потерпели полное поражение, и сам Людовик IX был взят в 1250 г. мусульманами в плен. Позднее его отпустили за огромный выкуп. Письмо хатун лишь усилило его разочарование. Согласно историку Жуанвилю, *«король очень жалел о том, что некогда послал миссию»*.[19]

В 1250 г. горячие споры монгольских лидеров по поводу наследования трона великого хана зашли в тупик, и стал очевиден разрыв между двумя противоборствующими группами Чингисидов — с одной стороны, потомками Джучи и Толуя, и потомками Чагатая и Угэдэя — с другой. Поскольку последняя группа не имела сильного лидера, Бату и Мункэ чувствовали себя увереннее своих противников и в конце концов решили взять все в свои руки и подавить противодействующую фракцию.[20] Когда первое заседание выборного курултая, который собрался в 1250 г. близ озера

Иссык-Куль в улусе Чагатая, не пришло к какому-либо решению, Бату послал своих сына Сартака и брата Берке на восток с тремя армейскими соединениями, чтобы организовать второе заседание курултая на берегах реки Керулен в Монголии, то есть в улусе Толуя. Наиболее влиятельные потомки Чагатая и Угэдэя отказались присутствовать на этой встрече, что не помешало противоборствующей группе настаивать на ее легитимности. Поскольку Бату отказался от трона, Мункэ был провозглашен великим ханом 1 июля 1251 г. Видимо, существовало секретное соглашение между Мункэ и Бату, в котором Бату была обещана полная автономия его улуса. На этой базе два двоюродных брата пришли к полному взаимопониманию.

Первым шагом Мункэ стало безжалостное подавление противодействующей фракции. Множество князей домов Чагатая и Угэдэя были обвинены в заговоре против нового хана и казнены или посажены в тюрьму вместе со своими сторонниками. Среди прочих Алджигидей, монгольский командующий в Персии, был отозван в Монголию и казнен. Канцлер Чинкай также должен был заплатить своей головой за верность дому Угэдэя. Хитрый Махмуд Ялавач стал единственным уцелевшим императорским советником. В 1252 г. хатун Огуль-Гаймиш была приговорена к смерти. Ненависть Мункэ к ней явно проглядывает и в его стремлении опорочить ее память два года спустя в официальном документе, его письме Людовику IX : *«она была злее суки»*, — писал великий хан французскому королю.[21] Монаху Вильяму из Рубрука Мункэ сказал, что Огуль-Гаймиш *«была наихудшей из ведьм, и что она извела своим колдовством всю свою семью»*.[22]

Переход наследования от дома Угэдэя к дому Толуя был, разумеется, государственным переворотом. Хотя жесткая политика террора Мункэ временно подавила всякую мысль о восстании, тяжелый перелом не был залечен, и новый конфликт должен был произойти в правление его наследника. На какое-то время, однако, все выглядело блестяще для монгольского императора, поскольку Мункэ оказался способным и энергичным правителем. В его правление были предприняты два основных монгольских наступления — на Переднем Востоке и в Южном Китае. На Переднем Востоке король Людовик IX попытался еще раз прийти к соглашению с монголами. Услышав о добром отношении Бату к христианам и

обращении его сына Сартака, король послал новую францисканскую миссию в Южную Русь под руководством вышеупомянутого монаха Вильяма. На этот раз францисканцам было рекомендовано скрывать дипломатический характер своего визита и путешествовать как миссионеры. Они покинули Константинополь в мае 1253 г. и прибыли в ставку Бату 31 июля. Бату приказал одному из спутников монаха Вильяма остаться в Южной Руси при дворе Сартака, а двум другим продолжать путь в Монголию.

Монахи достигли лагеря Мункэ в декабре 1253 г. и были приняты великим ханом 4 января 1254 г. В сообщении о своей миссии монах Вильям описывает прием следующим образом: *«Мункэ восседал на кушетке и был одет в пятнистую и блестящую кожу, похожую на кожу тюленя. Он — небольшой человек среднего роста, сорока пяти лет, и молодая жена сидела рядом с ним; очень некрасивая достаточно взрослая девочка Цирина с другими детьми расположились на кушетке рядом с ними. Это жилище принадлежало некоей христианке, которую он очень любил и от которой имел эту девочку.»*[23] Монахам предложили напитки на выбор: рисовое вино, «черный кумыс»[24] и мед. Они выбрали рисовое вино. Затем они попросили разрешения «провести богослужение» для хана и его семьи во время своего пребывания в Монголии. Они сослались на дружелюбие Бату и обращение Сартака в христианство. В этой связи Мункэ сделал торжественное заявление о своем полном согласии с Бату: *«Подобно тому, как солнце посылает всюду свои лучи, моя власть и власть Бату простирается всюду»*. К этому времени, согласно монаху Вильяму, переводчик хана был уже пьян и Мункэ стало трудно понимать речь гостей. Сам великий хан также показался монаху пьяницей.[25] После того, как официальная часть приема была завершена, беседа пошла о Франции, и монголы начали спрашивать монаха, *«много ли в ней овец, скота и лошадей, и не стоит ли им прямо двинуться туда и забрать все это»*. [26]

Монахам разрешили остаться в Монголии еще на два месяца. Фактически же они оставались дольше. Подобно миссии Иоанна де Плано Карпини, брат Вильям и его спутники встретили множество христианских пленников в Каракоруме. Среди них была женщина Паша из Метца в Лорэне, ставшая женой русского плотника. Она рассказала монахам о *«неком золотых дел мастере Гийоме, уроженце Парижа, а его фамилия была Буше, имя же его отца*

было Лоран Буше. Она полагала, что он все еще имел живого брата, живущего на великом Мосту, по имени Роже Буше»[27]. Позднее в Каракоруме монахи встретили Гийома Буше и восхищались «волшебным фонтаном», созданным им для дворца великого хана.[28] Монах Вильям был принят еще раз на аудиенции 5 апреля 1254 г., затем ему вручили письмо хана Людовику IX. Он покинул Каракорум в августе 1254 г. и достиг Кипра 16 июня 1255 г. К этому времени Людовик IX был уже во Франции, но неизвестно почему архиепископ францисканского ордена отказался санкционировать визит монаха Вильяма к королю. Ханское письмо и отчет монаха были посланы к Людовику IX по каналам ордена. Когда король наконец получил письмо Мункэ, он нашел там мало полезного для себя, поскольку великий хан в качестве основы будущего сотрудничества требовал его формального подчинения Монгольской империи.[29]

Ко времени переговоров Мункэ с Рубруком монгольское наступление на Передний Восток уже началось. Возглавлял этот поход брат великого хана Хулагу.[30] Его основная армия сконцентрировалась в Монголии в 1253 г. Все было предпринято для обеспечения успеха экспедиции. Четыре тысячи техников китайской армии были мобилизованы для обеспечения работы военных механизмов, предназначенных для метания камней, дротиков и горящей смолы на вражеские города. Фураж для кавалерийских лошадей и их пополнение собирались армией Хулагу на всем пути от Монголии до Персии. Вперед были посланы инженеры для строительства или ремонта мостов над главными реками; огромные склады провианта и вина были созданы в Персии.[31]

В сентябре 1255 г. Хулагу достиг Самарканда и в январе 1256 г. пересек Амударью с отборными войсками; в этом пункте его армия была укреплена несколькими подразделениями армии кипчакского ханства. Первый удар Хулагу нанес по племени ассасинов. В течение года были уничтожены около сотни замков и крепостей сектантов, включая их оплот — Аламут. Большинство членов секты было убито или попало в тюрьму; некоторые пошли на монгольскую службу. После подавления ассасинов Хулагу атаковал Багдадский халифат. В феврале 1258 г. Багдад был взят штурмом и разграблен, а халиф, последний из династии Аббасидов, взят в плен и казнен. Хотя весь суннитский мир ошеломила эта

весть, шииты не могли не испытывать удовлетворения от крушения лидера «еретиков.»[32]

Следующей целью Хулагу была Сирия, чьи монахи находились под сюзеренитетом султана Египта. С 1250 г. Египет управлялся новой династией — Мамлюками, которая была основана предводителем мамлюкской гвардии бывшего султана; гвардия рекрутировалась из пленных-иностранцев, в основном кипчакского происхождения. Новая династия дала Египту сильное правление, и, поскольку ожидалось упорное сопротивление султана монголам, Хулагу должен был тщательно подготовится перед решающим ударом. Поэтому после захвата Багдада в монгольских операциях на Переднем Востоке наступило затишье.

Тем временем китайская кампания, которая началась в 1253 г., так же успешно развивалась под командованием другого брата Мункэ — Хубилая, наиболее способного из всех братьев.[33] Монгольские вожди последовали смелому стратегическому плану, согласно которому сильная армейская группировка под личным предводительством Хубилая блокировала центр империи Сун. Пройдя через провинцию Шечван, войска Хубилая вошли в Юньнань, а к 1257 г. некоторые из подразделений дошли до Тонкина. Успех и растущая популярность Хубилая породили подозрения при дворе Мункэ. В 1257 г. Мункэ вызвал Хубилая в Каракорум и послал генерального инспектора в Южный Китай для расследования предполагаемых нарушений, совершенных администрацией Хубилая. Разрыв между двумя братьями казался неизбежным. Однако Хубилай мудро подчинился приказу Мункэ и вернулся в Монголию, оставив сына Субэдэя Урьянгэдэя командовать войсками в тонкинском регионе. Хотя великий хан был удовлетворен объяснениями своего брата, он все же решил лично принять верховное командование кампанией. Хубилаю было доверено командовать армейской группировкой, которая должна была осуществлять операции в Хэнани, Хубэе и Анвее; Урьянгэдэй получил приказ двинуться на север от Тонкина для соединения с войсками Хубилая. Сам великий хан должен был закончить завоевание Сычуани. В целом все операции развивались успешно. Вскоре, однако, в Сычуани разразилась эпидемия дизентерии, которая нанесла большие потери войскам великого хана. Среди ее жертв был и сам Мункэ. Он умер в августе 1259 г.

3. Правление Хубилая

В течение правления Мункэ князья дома Чагатая и Угэдэя не имели альтернативы подчинению дому Толуя. В целом большинство монголов, казалось, приняли лидерство Мункэ. Серия выдающихся военных успехов лишь увеличила его престиж, равно как и престиж Хубилая и Хулагу. Бату скончался на западе, около 1255 г.[34] Его сын Сартак прибыл в Каракорум и был утвержден Мункэ ханом кипчаков; он, однако, скончался на обратном пути в Сарай в 1255 г. Его сменил его брат Улагчи, чье правление было также очень коротким. [35] Предположительно и Сартак, и Улагчи были отравлены своим дядей — братом Бату Берке, который принял власть в Кипчакии около 1258 г.[36] Отношения Бату с Мункэ казались довольно дружелюбными, и следовало ожидать, что он останется лоялен по отношению к дому Толуя.

Предполагалось, что трон твердо обеспечен потомкам Толуя, и что Хубилай, как старший из здравствующих сыновей Толуя, станет естественным кандидатом на императорский титул. Однако неожиданно появился другой кандидат, самый младший из братьев Хубилая — Ариг-Буга, встречные претензии которого породили раскол в доме Толуя и дали возможность князьям соперничающих домов бросить вызов власти потомков Толуя. В роли очигина Ариг-Буга жил в Каракоруме и должен был принять регентство после смерти Мункэ. Он превысил свои полномочия и, не дожидаясь прибытия Хубилая или Хулагу, созвал курултай, на котором присутствовали князья и родовые вожди, бывшие поблизости в Монголии. Среди них было несколько известных полководцев, включая Аландара. Очевидным намерением Ариг-Буги было самому завладеть троном.

Тем временем Хубилай, получив известие о смерти Мункэ, спешно заключил перемирие с династией Сун, чья империя почти рассыпалась и которая теперь получила передышку. Затем он поспешил на север с сильным воинским соединением, чтобы быть готовым к любой случайности. Благодаря этой предосторожности, когда он достиг Пекина и услышал о намерениях Ариг-Буги, то был достаточно силен, чтобы утвердить свою власть. Его первым кон-

трдействием стал созыв соперничающего курултая близ Долон-Нор в Северном Чихли. Это собрание посетили некоторые родственники Хубилая, а также сын Угэдэя Кадан и внук младшего брата Чингиса Темуга-Очигин. Этот курултай вряд ли можно назвать законным, но таковым не был и курултай, собранный Ариг-Бугой 6 мая 1260 г. Хубилай был провозглашен своим курултаем великим ханом; две недели спустя другой курултай избрал императором Ариг-Бугу. Все попытки Хубилая достичь компромисса потерпели фиаско, и между двумя братьями разразилась война. Аландар и другие последователи Ариг-Буги попытались перетянуть армии в Шечван и Кансу на его сторону, но были разбиты полководцами Хубилая. В следующем году армия Хубилая вторглась в Монголию. Вслед за этим Ариг-Буга отправился в Джунгарию и вступил в союз с Алугу, внуком Чагатая,[37] которого Ариг-Буга признал ханом Трансоксании. Хубилай использовал дипломатию вместо войны и преуспел, отколов Алугу от Ариг-Буги. Последний в итоге должен был сдаться. Хубилай отчитал, но простил его; сообщники его, однако, были арестованы (1264). Несколько недель спустя было объявлено, что Ариг-Буга скончался от болезни.[38]

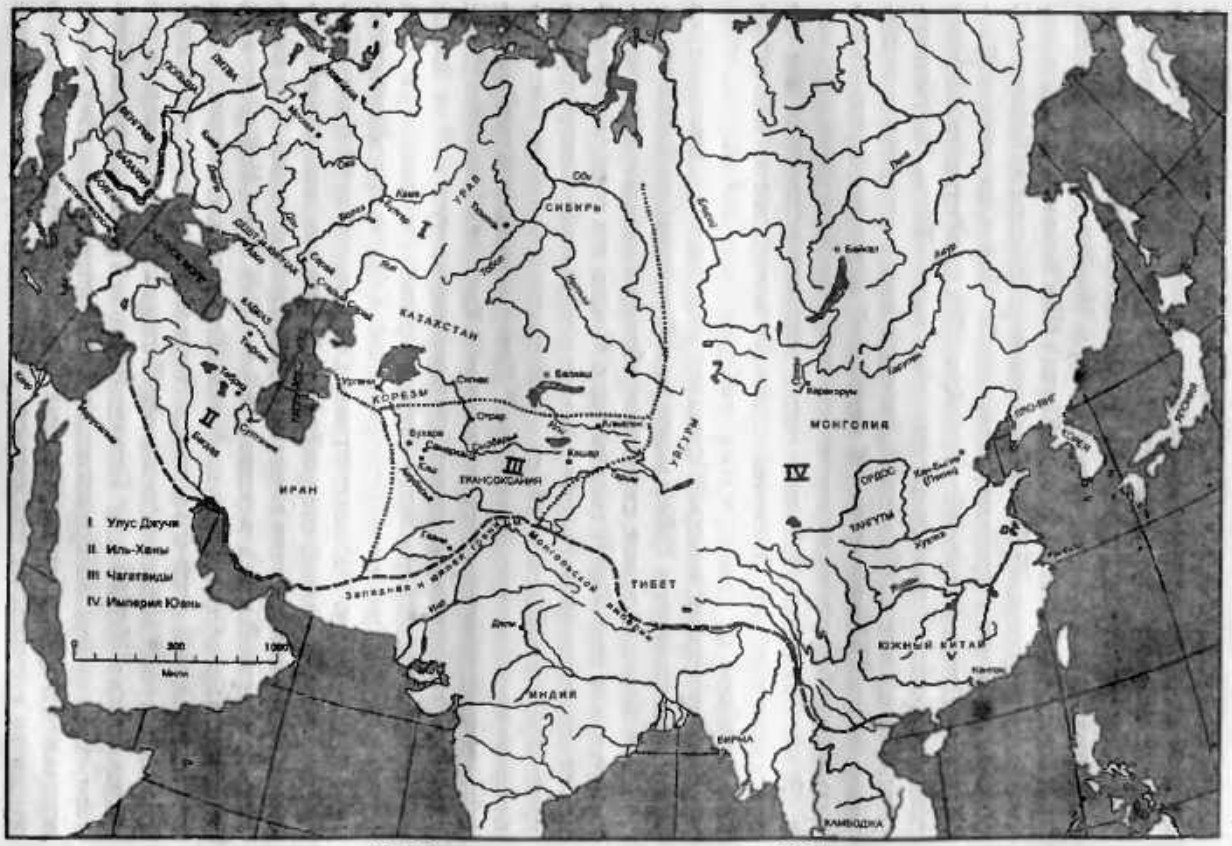
Смерть Мункэ и последующие затруднения серьезно подорвали монгольские позиции на Переднем Востоке. Также как смерть Угэдэя спасла Западную Европу, кончина Мункэ спасла Сирию. Это был еще один радикальный пример того, как монгольская политика влияла на военные дела. В 1259 г. Хулагу закончил приготовления для силового вторжения в Сирию. Услышав о кончине великого хана, он понял, что его присутствие на курултае важнее, нежели сирийская кампания. Он решил двинуться в Монголию, взяв с собой свои лучшие войска.

Руководство в сирийской кампании было поручено опытному полководцу Кит-Буке. Он был христианином несторианского вероисповедания и старался завоевать симпатии передневосточных христиан в своей борьбе против мусульман. По словам Рене Груссе, это был «желтый крестовый поход».[39] К несчастью для монголов и христиан силы под командованием Кит-Буки не были достаточными для решения этой задачи. Его основная армия состояла лишь из одной группировки тюркских войск, под руководством монгольских предводителей. Сначала он добился некоторого ус-

пеха. Как Алеппо, так и Дамаск пали перед желтыми крестоносцами (январь — март 1260 г.). В этот момент египетский султан решил послать свои лучшие войска в Сирию, чтобы остановить захватчиков. Следует напомнить, что мамлюкские войска были также тюркского происхождения, в основном, кипчаками. Итак, битва между «монголами» и «египтянами», разыгравшаяся в Галилее 3 сентября 1260 г., была, в действительности, дуэлью между двумя группами тюркских солдат.[40] Монголы потерпели сокрушительное поражение; сам Кит-Бука был взят в плен и казнен. Это поставило предел монгольской экспансии на Переднем Востоке. Битва в Галилее, как безусловная победа ислама, фактически обрекла на вымирание остатки государств, созданных западными крестоносцами в Палестине.

Хотя Хулагу пожертвовал успехом своего сирийского похода в попытке повлиять на выборы нового великого хана, он оказался не способен активно вмешаться в монгольскую высшую политику. Быстрые действия Хубилая и Ариг-Буги по созыву каждым своего собственного курултая сделали невозможным присутствовие Хулагу на каком-либо из них, вследствие большого расстояния между Персией и Монголией. Хулагу заявил о своей полной поддержке Хубилая и вернулся в свою ставку в Персии, чтобы укрепить власть над этой страной и организовать новую кампанию против мамлюков. Эти планы, однако, пришлось отложить из-за его столкновения с кипчакским ханом Берке. Во время войны Хулагу против племени убийц и Багдадского халифата кипчакский хан посылал воинские соединения для усиления армии Хулагу. После завершения кампании, Берке потребовал своей доли добычи, прозрачно намекая, что хотел бы получить Азербайджан. Цена показалась Хулагу слишком высокой. Он сам интересовался Азербайджаном, Муганские степи которого были отличным пастбищем для коней его кавалерии. Конфликт между Хулагу и Берке был обострен и симпатией Берке к Ариг-Буге, а также его обращением в ислам. Переговоры между двумя кузенами длились много лет без особого результата. Наконец Берке двинул свою армию в Транскавказ; битва закончилась серьезным поражением войск Хулагу (1263-64 г.).[41]

Хулагу умер в 1265 г., Берке — в 1266 г. Конфликт между ильханом (наследником Хулагу) и кипчакским ханом продолжался с неослабевающей силой, но, несмотря на это, как Хулагиды, так и



1 Монгольская империя около 1300 г.

Джучиды признали Хубилая в качестве сюзерена. Оба посылали ему войска для завершения завоевания империи Сун. Итак, Хубилай мог сохранить монгольских воинов в новой кампании в Южном Китае, которая началась в 1267 г. Большинство его армии состояло из солдат, рекрутированных в Персии и Руси. Китайский полководец (из Северного Китая) Ше Танг-це был назначен главнокомандующим.[42] В целом отношение Хубилая к Китаю очень отличалось от его предшественников. В 1264 г. он сделал Хан-Былик — Пекин — своей столицей; в 1271 г., следуя китайскому стандарту, он дал своей династии новое имя — Юань. Он рассматривал Китай как наиболее ценную часть своих владений и постепенно оказался под влиянием китайской культуры, приняв буддизм как собственное вероисповедание.

Новая политика Хубилая также находила отражение и в его военных операциях. Он использовал все возможности для спасения китайцев от ужасов войны и обещал почетный мир каждому китайскому городу, который сдавался добровольно. Эта политика приносила плоды, и в 1276 г. монгольский полководец Байян захватил Ханижоу в Шеньяне, где искала убежища вдовствующая императрица и ее сын. Байян отослал их в Пекин, где мальчик-император по совету своей матери формально передал свои императорские права Хубилаю. Последний, со своей стороны, великодушно обеспечил содержание последних Сун.[43] Даже после этого один из сунских принцев продолжал сопротивление в Кантоне. И только в 1279 г. весь Китай подчинился монгольскому императору.

Хотя властное первенство Хубилая было признано в Китае, в монгольском мире оно встретило противоборство со стороны внука Угэдэя Кайду. Во время прихода Мункэ к власти Кайду был среди младших князей соперничающей фракции, которые не рассматривались в качестве опасных и подлежащих казни. Ему было даже дано небольшое владение в районе Или. Хотя Кайду вряд ли нравилось преобладание князей дома Толуя в монгольских делах, он понимал, что пока его ресурсы были недостаточны для противостояния им.[44] Итак, он сделал своей главной целью объединение улуса Угэдэя. К 1269 г. он был господином Трансоксании и Кашгара, и его лидерство признавалось большинством родичей, равно как и некоторыми князьями дома Чагатая. Более того, какое-то время он старался не находиться в оппозиции к императорской

власти Хубилая открыто. И лишь в 1274 г. Кайду почувствовал себя достаточно сильным, чтобы заявить о независимости.

Первым шагом Кайду стала попытка изгнать наместников Хубилая из Кашгара, Ярканда и Хотана. В 1276 г. он вторгся в центр Уйгурии — район Куча-Турфан — с тем чтобы потребовать вассальной зависимости идикута уйгуров. Хубилай быстро среагировал, послав в Центральную Азию экспедиционный корпус под командованием одного из своих сыновей — Номогона. Вскоре императорская власть была восстановлена в Кашгаре и Хотане. Но энергичный Кайду не считал себя побежденным. В союзе с сыном Мункэ и с другим племянником Хубилая Кайду поспешил в Монголию и захватил старую столицу Каракорум в 1277 г. Это событие произвело глубокое впечатление на монгольских вождей. Все те, кто считался принадлежащим к старомонгольской партии и выступал против прокитайской политики Хубилая, теперь смотрели на Кайду как на своего лидера.

Понимая серьезность ситуации, Хубилай послал своего лучшего полководца Байяна в Монголию. Кайду и его союзники были разгромлены, и Каракорум вернулся под власть Хубилая в 1278 г. Однако Кайду все еще контролировал Западную Монголию и большую часть Туркестана, отрезав линию коммуникации между Китаем и западными ханствами (Персия и Кипчакия). Было ясно, что Хубилай должен оставить все иные предприятия и сконцентрировать свои силы на подавление восстания Кайду. К этому Хубилай не был готов: он имел ресурсы, способные лишь парализовать периодически повторяющиеся попытки Кайду организовать рейды в Центральную и Восточную Монголию (1287-88 и 1293).

Вслед за завоеванием Южного Китая Хубилай обратил свое основное внимание на периферийные государства, отдельные из которых находились под реальным или номинальным сюзеренитетом либо династии Чин, либо династии Сун. Дорога к Тибету была открыта для монголов после разгрома царства Тангут Чингисханом в 1227 г. В ходе последующих войн с Китаем монголы пересекли восточную часть Тибета и захватили некоторые из его провинций. После своего обращения в буддизм Хубилай рассматривал себя как естественного защитника тибетских монахов и в 1261 г. назначил ламу Пагба Ханом Закона, дав ему духовную и светскую власть в Тибете. В ответ лама благословил династию

Юань.[45] Именно Пагба разработал новый монгольский алфавит, так называемую «квадратную письменность», которая использовалась монголами в период Юань.[46]

В то время как отношения между монголами и Тибетом были дружественные, Хубилай должен был послать войска в Бирму и Индокитай, чтобы подчинить их властителей. В своих экспедициях в Аннам, Чампу, Камбоджу и Бирму в 1280 г. монголы одержали несколько первоначальиых побед, но в большинстве случаев их войска пострадали от дизентерии и иных тропических болезней; в целом, солдаты монгольской армий — монголы, тюрки и др. — не могли приспособиться к влажному климату нового театра военных действий. Это в конце концов привело к поражению и отступлению монголов. И все же правители индокитайских государств находились под сильным впечатлением от монгольской мощи, и к 1288 г. многие из них признали сюзеренитет Хубилая. Лишь монгольская морская экспедиция на Яву в 1293 г. получила явный отпор, а власти великого хана был брошен твердый вызов со стороны раджи Маджапахита.

То, что монголы не имели своей силы на море, также выявилось в провале двух их попыток завоевать Японию в 1274 и 1281 гг. Для второй из них Хубилай собрал в северокитайских и корейских портах огромную флотилию, чтобы перевезти экспедиционный корпус в Хакату на остров Кюсю. Высадка армии произошла по плану, но вскоре после этого монгольские корабли были уничтожены или разбросаны по морю тайфуном. Отрезанная от своих баз, армия была окружена и разбита японцами. После этого несчастья Хубилай оставил идею подчинения Японии.[47]

Отношение Хубилая к Западу отличалось от взглядов его предшественников столь же радикально, сколь не походила на предыдущую его политика по отношению к Китаю. Поскольку он был поглощен созданием собственной Китайской империи и поддержанием контроля над монгольскими князьями, он оставил идею покорения Европы. Он был наиболее могущественным властителем в мире; большая часть Азии, равно как и восточная часть Европы, признали его высшую власть. У него не было побудительного мотива расширять свою империю далее на Запад; если бы это и дало какие-либо преимущества, то они в большей степени касались бы интересов местных ханов, а не империи. Кроме того, Ху-

билай был достаточным реалистом, чтобы признать, что если европейские правители и согласились бы сотрудничать с монголами на Переднем Востоке, то сделали бы это только как союзники, а не как его подданные. Несмотря на свое обращение в буддизм, он также питал искреннее уважение к христианству. Несторианская церковь имела полную свободу в его империи, и он был готов допустить в свои владения и римскую католическую церковь.

С политической точки зрения, соглашение с христианами было в особенности важно для монгольского ханства в Персии, поскольку его правители в качестве иль-ханов[48] были готовы продолжать свою борьбу с Египтом. Уже в 1267 г. преемник Хулагу Абага послал свои поздравления папе по поводу его победы над последним Гогенштауфеном, Манфредом Сицилийским.[49] Несториане на Ближнем Востоке со своей стороны пытались поддержать взаимопонимание между монголами и Западом. При содействии Абаги два несторианских клирика присутствовали на XIV Вселенском соборе в Лионе в 1274 г.[50]

Хорошо известно, какую важную посредническую роль в контактах монголов и Запада играли в течение правления Хубилая три венецианских купца — Маффио и Никколо Поло и сын последнего Марко, известный как Иль Мильоне. Маффио и Никколо прибыли в Китай первый раз в 1262 г. В 1266 г. Хубилай отправил их назад в Европу со специальной миссией к папе, с просьбой о посылке в Китай сотни христианских ученых и техников, чтобы дать представление его подданным о западном образе жизни и религии. Когда братья Поло достигли Рима в 1269 г., папский престол пустовал. Как только новый папа Григорий X был избран в 1271 г., братья Поло были посланы назад в Монголию с его благословением и обещаниями о сотрудничестве. На этот раз молодой Марко сопровождал своего отца и дядю. Дела Марко в Китае, равно как и его впечатления о империи Хубилая живо описаны в его бессмертной книге и общеизвестны. Он говорит о внешности великого хана следующим образом: *«Он хорошего телосложения, не высок и не низок, среднего роста. Он не имеет избытка плоти, его части тела стройны. Цвет его глаз сочетает белый и красный оттенки, глаза черны и красивы, нос красивой формы и хорошо посажен».*[51] Марко Поло провел семнадцать лет при дворе Хубилая (1275-92), ему была доверена важная дипломатическая

миссия на Дальнем Востоке, он выполнил и различные административные задачи. Его успех в Китае стал важным фактором благосклонности Хубилая к Западу.

Позитивное отношение собора в Лионе к идее монголо-христианского сотрудничества на Переднем Востоке было понято ильханами как подтверждение союза между ними и папой. Фактически же Запад, вследствие собственных внутренних противоречий, не был склонен предлагать им какую-либо военную помощь. Ильханы, однако, не оставляли надежды достичь взаимопонимания с Западом и в этом плане. В период между 1285 и 1290 гг. иль-хан Аргун послал множество дипломатических миссий к западным правителям — к папе Николаю IV, Филиппу IV Французскому и Эдуарду I Английскому — побуждая их всех присоединиться к планируемому походу на Египет.[52] Но эти миссии не привели к какому-либо военному сотрудничеству, и в 1291 г. войска египетского султана Килавуна штурмовали Акру, последнее укрепление крестоносцев в Палестине.

С другой стороны, переговоры между монголами и Западом подготовили почву для распространения католических миссий на Ближнем и Дальнем Востоке. В 1289 г. папа Николай IV послал францисканца Иоанна из Монтекорвино с письмами иль-хану Аргуну и великому хану Хубилаю. Задачей Иоанна было установление католической иерархии на Востоке. Он достиг Тебриза в 1290 г. и в следующем году направился в Индию, чтобы предложить руководство несторианским общинам на ее территории. Ко времени, когда он наконец достиг Пекина, Хубилай умер.

Внутренние реформы Хубилая были не менее значимы, нежели его военная и дипломатическая деятельность. В соответствии с лучшими китайскими традициями он поддерживал развитие искусств и знаний. В Китае совет ученых с античности рассматривался как существенная часть хорошего правительства.[53] Подобный совет, нечто наподобие ученой академии, оформился при Хубилае и существовал при его наследниках.[54] Он также имел своей задачей координацию действий монгольских и китайских институтов. В первый период после монгольского завоевания Китай подчинялся военному закону. Монгольские военные начальники управляли также гражданской администрацией. Сами монголы признавали лишь их собственный закон — Ясу. Она, однако,

мало подходила китайцам, оседлой нации с древней цивилизацией. После того как первая разрушительная стадия завоевания была завершена, монгольские правители должны были молчаливо признать существование национальных законов и регулирования поведения в Китае. После завоевания Северного Китая монгольские императоры оставили в силе кодекс Цзинь для китайского населения, поскольку он не противоречил Ясе. Однако Хубилай, почувствовав, что его власть в Северном Китае твердо установлена, решил изменить существующую систему закона и управления. Он отменил кодекс Цзинь в 1271 г. и издал несколько новых законов. Они оказались чужды духу китайского законодательства, и китайские советники Хубилая смиренно, но постоянно указывали на необходимость подготовки нового всеохватывающего кодекса законов. Хубилай в итоге сдался, в 1291 г. проект будущего кодекса был одобрен.[55]

Административно Хубилай разделил Китай на двенадцать провинций (шен). В Пекине было создано три учреждения центральной администрации: правительственное управление (шун-шу-шен) внутренних дел; секретный государственный совет (шу-ми-юань) иностранных дел и военной администрации; контрольное управление (йю-ших-тьяй) по надзору за работой общественных служащих.[56] По мнению Ф.Е. Краузе, административная система, основанная Хубилаем, была лучшей среди когда-либо существовавших в Китае.[57]

Образовательные и финансовые институты следовали старому китайскому типу. Когда монголы завоевали Китай, они познакомились с бумажными деньгами; Хубилай сделал их официальной валютой империи. В 1282 г. был выпущен важный закон относительно печатания бумажных купюр, их отношению к золоту и серебру и изъятию из обращения испорченных купюр. Пятью годами позже появились новые инструкции, регламентирующие обменный курс бумажных денег на золото и серебро.[58] Подобно своим предшественникам, Хубилай уделял большое внимание безопасности и улучшению дорог. В Китае это также предполагало заботу о водных путях. Именно в правление Хубилая было завершено строительство Большого канала, соединяющего устье Янцзы с устьем Пейху.[59] Это, среди прочего, обеспечило щедрые поставки риса быстро растущему населению Пекина.

Хубилай дожил до почтенного возраста — примерно до семидесяти лет, прожив необычно долгую жизнь для человека его положения. Он умер в 1294 г.

4. Династия Юань после Хубилая

I

Как мы видели, в ранний период Монгольской империи все четыре сына Чингисхана и их потомки рассматривались как достойные трона, выбор кандидата проводился курултаем. С выбором Мункэ права на трон были фактически отданы лишь потомкам Толуя. После смерти Мункэ состязание за власть происходило между двумя членами дома Толуя, и ни один князь, принадлежащий другой ветви, не был достаточно силен для представления своих притязаний. И все же столкновение между самым старшим из здравствующих сыновей Толуя и его самым младшим сыном почти сокрушило единство империи и должно было произвести болезненное впечатление не только на самого Хубилая, но и на многих его советников. Назревала реформа права наследования. Это и произошло с установлением Хубилаем в Китае династии Юань. Следуя китайскому типу властвования, Хубилай сократил право наследования до своих прямых потомков мужского пола. Согласно Марко Поло, четыре жены Хубилая рассматривались как законные супруги, и *«старший из его сыновей от первой жены должен был стать по закону императором»*.[60] Следует отметить, что это согласовывалось с традиционными китайскими представлениями о государстве и обществе. Согласно им, лишь старший сын должен был заменить отца в семье; наследование по линии семейного культа в свою очередь означало наследование отцовского владения, а на государственном уровне — преемственность власти.[61]

Соответственно, старший сын Хубилая был провозглашен законным наследником трона. Поскольку он не пережил своего отца, его сын и внук Хубилая Тимур (его монгольским храмовым именем было Олджайту, а китайским почетным титулом — Чьен-Цун)

был определен в 1293 г. в качестве наследника.[62] Предположительно, во всех случаях, когда не было очевидной линии наследования, вследствие ранней смерти старшего сына, правящий император должен был назначать наследника. Новые установления достигли своей цели в том смысле, что до конца династии Юань лишь потомки Хубилая рассматривались как достойные трона. Порядок старшинства, однако, не всегда соблюдался. В большинстве случаев утверждение нового императора курултаем считалось необходимым.

Ко времени смерти Хубилая его наследник Тимур оказался в Монголии, охраняя свой регион против любой возможной атаки Кайду. Мать Тимура собрала курултай, на котором были те Чингисидские князья, которые жили в самом Пекине или поблизости от него. Сначала казалось, что кандидатура Тимура встретит определенную оппозицию.[63] Но все разрешилось, благодаря усилиям командира императорской гвардии Байяна, который заявил, что не потерпит какого-либо противостояния Тимуру, поскольку последний был назначен Хубилаем в качестве его преемника.[64] Ультиматум Байяна был принят, и собрание проголосовало за Тимура. Он был немедленно вызван в столицу и провозглашен императором.

В правление Тимура (1294-1307 гг.) большинство государственных дел, оставленных незаконченными Хубилаем, были более или менее удовлетворительно завершены. Цари Камбоджи и Бирмы поклялись в верности императору (1296-1297 гг.). Держась подальше от вовлечения в проблемы тихоокеанского побережья, Тимур уделял большое внимание монгольским делам. Его войска сражались во многих битвах в 1297-1298 гг. с Кайду и его союзниками. Военные походы осложнялись дипломатическими действиями и контрдействиями, постоянно меняющейся комбинацией князей, персональным соперничеством и предательствами. В целом Кайду постепенно терял почву. Он, однако, воспользовался затишьем, и в 1301 г. предпринял решающую попытку захватить Каракорум. Но был разбит и умер в том же году. Оставшись без лидера, сыновья Кайду и многие другие князья домов Угэдэя и Чагатая согласились признать сюзеренитет Тимура и улаживать все будущие конфликты между собой переговорами, а не войнами (1303 г.). Это важное соглашение было довершено участием в нем персидского иль-хана. После смерти в 1304 г. иль-хана Газана Тимур

послал большое посольство в Персию, чтобы утвердить в качестве нового иль-хана брата Газана Олджайту и проинформировать его об умиротворении Центральной Азии. Хан Золотой Орды Тохта также поддержал новое соглашение. Характерно, что он, в свою очередь, собрал своих вассалов, русских князей на съезд в Переяславле Суздальском, где его посланник огласил решение, принятое ведущими монгольскими властителями.[65] Успех политики Тимура был, конечно, впечатляющим, и Монгольская империя, можно сказать, достигла апогея своего могущества в период его правления. Все это привело к восстановлению единства империи в новой форме панмонгольской федерации, во главе с великим ханом Пекина.[66]

В своей внутренней политике, равно как и в отношении к Западу, Тимур следовал традициям Хубилая. Когда Иоанн из Монтекорвино, в конечном итоге, достиг Пекина (1295 г.), он встретил благосклонный прием и получил позволение проповедовать христианство и организовать диоцез католической церкви. Деятельность Иоанна была довольно успешной; в 1304 г. 6000 человек крестились в Пекине по римско-католическому обряду. Многие из них были, возможно, не китайцами, а иностранцами, живущими в Китае.[67] Была основана семинария, рассчитанная на 150 молодых мужчин, для обучения латыни и греческому, а также григорианскому песнопению, которое очень нравилось Тимуру.[68] В 1305 г. близ императорского дворца на средства итальянских купцов была построена католическая церковь. Двумя годами позже папа Климент V назначил Иоанна архиепископом Китая и послал трех францисканских монахов в качестве его викариев.[69]

В Персии иль-ханы Газан (1295-1304 гг.) и Олджайту (1304-1316 гг.) также пожелали находиться в контакте с Западом, хотя первый из них стал мусульманином в начале своего правления, а второй, первоначально христианин, был обращен в ислам в середине своего правления (1307 г.). Олджайту разрешил папской миссии продолжить свою работу на Востоке. В 1300 г. король Якоб II предложил Газану военную помощь против Египта,[70] что, однако, не имело практических последствий. После панмонгольского соглашения 1303-1305 гг. Олджайту полагал необходимым объявить о новом курсе монгольской политики как для Египта, так и для Западной Европы и призывал мусульманских и христианских правителей установить мирные отношения между всеми

нациями в мире.[71] Значение этого обращения не было достаточно понято на Западе. Король Эдуард II Английский в своем ответе просил Олджайту «освободить» Палестину от мусульман (1307 г.).[72] С политической точки зрения, эти переговоры оказались столь же бесполезными, как и все, ранее происходившие. [73]

II

Восемь императоров правили в течение двадцати шести лет между смертью Тимура (1307 г.) и приходом на трон последнего императора династии Юань Тоган-Тимура (1333 г.). Правление большинства из них было коротким. В отсутствии войн с зарубежными державами и завоеваний в этот период внимание большинства хронистов привлекали, в основном, дворцовые интриги и личное соперничество вокруг трона. По этой причине в исторической литературе присутствовали, до недавнего времени, односторонние характеристики этого периода — т.е. всего произошедшего между смертью Хубилая и падением в 1368 г. династии Юань, — как упадочного и застойного. И все же, если мы решим обратиться от дворцовой жизни к общей политике императорского правительства этого периода, то не можем не заметить множество свидетельств конструктивной работы. Тимур не оставил потомков мужского пола. Трон стал предметом борьбы его двоюродного брата Ананда и двух племянников, сыновей Дхармапала. Сторонники Ананда потерпели поражение, и в результате соглашения между двумя племянниками Тимура старший сын Дхармапала — Кайшан (монгольское имя — Кулук, китайский титул — Ву-цун) стал императором (1307-1311 гг.).[74] Расточительность всех сторон в избирательной кампании существенно опустошила императорскую казну. К 1308 г. дефицит достигал более семи миллионов тинге, как именовались единицы денег. Была сделана попытка ввести серебряные сертификаты (1309 г.) и медные деньги (1310 г.). Реформа, однако, не была успешной, и в 1311 г. была восстановлена система бумажных денег.[75] Преемником Кулука стал его младший брат Айюрпарибхардра (монгольское храмовое имя — Буйянту; китайский титул — Джен-цун (1311-1320 гг.)). Буйянту производит впечатление весьма одаренного правителя, окруженного груп-

пой выдающихся государственных деятелей. Последовательность его администрации была четко продемонстрирована, когда хан Центральной Азии Есен-Бука, потомок Чагатая,[76] восстал против империи в 1316 г.

Следует отметить, что Есен-Бука попытался получить помощь Узбека, хана Золотой Орды, в своих предприятиях. Согласно так называемому «Продолжению анналов Рашида ад-Дина», Есен-Бука отправил посланца к Узбеку, чтобы проинформировать его, что «Каан» (т.е. Буйянту) намеревается устранить Узбека с трона и заменить его другим Джучидским князем. Получив новость, Узбек был вначале очень раздосадован и думал о присоединении к восстанию, но советники сумели убедить его, что не следует доверять Есен-Буке. Поэтому Узбек остался верен Буйянту.[77] Императорские армии быстро подавили восстание и после разгрома сил Есен-Буки достигли на западе озера Иссык-Куль. Победа императорских сил стала решающей, и после этого со стороны князей Центральной Азии не было более попыток противостояния великому хану вплоть до крушения империи.

В каждое правительственное учреждение Буйянту назначил столько же китайских чиновников, сколько монголов и некитайцев.[78] Пытаясь положить конец дворцовым интригам,[79] другим декретом Буйянту освободил монастыри и иные религиозные учреждения, включая христианские, от налогов и повинностей.[80] Согласно О. Ковалевскому, Буйянту считался покровителем искусств и наук. При его дворе встречались ученые из Самарканда, Бухары, Персии, Аравии и Византии. [81] В правление Буйянту новый импульс получила законотворческая работа, которая началась при Хубилае и медленно прогрессировала при его непосредственных преемниках. В 1316 г. был составлен кодекс законов, базирующийся на изданных ранее императорских манифестах, декретах, ордонансах и правилах дворцовых процедур. В 1323 г. в правление сына и наследника Буйянту Судипала (монгольское храмовое имя — Геген; китайский титул — Йин-цун (1320-23 гг.)) этот кодекс был одобрен специальной комиссией. [82]

Вскоре после этого Геген был убит в результате дворцовой интриги. Сторонники соперничающего крыла потомков Хубилая воспользовались этим для того, чтобы посадить на трон своего кандидата Йесун-Тимура (китайский титул — Тьян-тин), который был

в это время в Каракоруме. Йесун-Тимур правил пять лет (1323-28 гг.). Он, вероятно, принадлежал к старомонгольской партии. Предположительно, группа государственных деятелей, которые контролировали ход событий в правление Буйянту и Гегена, потеряла свое влияние. Их оппозиция новому императору достаточно понятна. Она объяснима не только личными, но и политическими мотивами. Оппозиционеры должны были гордиться успехами, которых достигли в администрировании и законотворчестве, и ненавидеть изменение политики. У них не было шанса действовать, пока Йесун-Тимур здравствовал и прочно владел троном. Однако когда он умер, оппозиция стала открытой, и ее лидеры отказались признать сына Йесуна в качестве императора. Они поддержали вместо него сына Кулука, как имевшего право на трон. Последовала короткая, но жестокая гражданская война, закончившаяся победой революционеров. Старший сын Кулука Кусала (монгольское храмовое имя — Хутуху; китайский титул — Мин-цун) был провозглашен императором. Он умер через несколько дней, предположительно отравленный противоположной партией. Его брат Туг-Тимур (монгольское храмовое имя Джайягату; китайский титул— Вен-цун (1329-32 гг.)) наследовал ему. [83]

III

Туг-Тимур «глубоко симпатизировал и интересовался китайской культурой. Сам он писал китайские стихи, упражнялся в китайской каллиграфии и создавал картины в китайском традиционном стиле».[84] Революция, приведшая его на трон, была простым военным путчем. Кажется, что к власти вернулась та же группа государственных деятелей, которая была активна при Буйянту и Гегене. Эль-Тимур (Юань-Тимур), лидер оппозиции Йесун-Тимуру, стал новым канцлером. Он был поставлен во главе законодательной комиссии, которой было доверено составить обзор вышедших до этого статутов. Обзор был обнародован в 1331 г. [85]

В это же время Совет ученых Пекина подготовил общую карту Монгольской империи.[86] Фактически, эта «карта» является схематической диаграммой основных частей империи и главных районов и городов каждой ее части. В целом она аккуратна, и все

имена можно опознать. Основными тремя частями империи за границами Китая, как показано на карте, является Центрально-азиатское ханство, управляемое Ду-лай Тье-мурхом (Дува-Тимуром, потомком Чагатая) [87], Персия под руководством Бу-сай-ина (иль-хана Абу-Саида, потомка Хулагу) [88]; и Золотая Орда под властью Йюе-дсу-бу (Узбека, потомка Джучи). В северо-западной части владений Узбека мы обнаруживаем регион А-ло-ш, т.е. Русь.[89]

Карта — свидетельство интереса пекинского правительства к императорским отношениям и его осознания единства империи. Обзор законов также подчеркивает серьезность цели и добрые намерения правительства во внутренних делах. В целом кажется, что империя этого периода была управляема добросовестными государственными деятелями, наделенными определенной широтой видения.

Существуют свидетельства того времени, демонстрирующие, что единство империи существовало не только на бумаге. Меморандум о империи Юань, подготовленный около 1330 г. архиепископом Салтании для римского папы Иоанна XXII под названием «Книга владений великого хана», начинается со следующего заявления: *«Великий Каан Катая (Китая)— один из самых могущественных царей мира, и все крупные властители этой страны являются его вассалами и воздают ему почести; и, в особенности, три великих императора, а именно: император Армалек (Альмалик)[90], император Буссай (Абу-Саид) и император Узбек (Узбег). Эти три императора посылают год за годом живых леопардов, верблюдов, кречетов и, кроме того, огромное количество драгоценностей своему господину Каану. Этим они признают его своим суверенным повелителем».*[91]

Кроме того, в этот период существовала оживленная торговля между Китаем и Золотой Ордой. Согласно как Аль-Умари, так и Ибн-Батуту, который посетил Сарай около 1332 г., множество китайских вещей можно купить на базарах столицы Золотой Орды. Говорили, что итальянскому или венгерскому купцу не надо ехать в Китай за покупкой китайского шелка; он мог свободно получить его в Сарае.[92]

Присутствие сильного соединения русских войск в Китае было другим аспектом тесного сотрудничества Золотой Орды с великим ханом в этот период. Следует вспомнить, что кипчакские, алан-

ские и русские контингенты составляли часть армий Хубилая.[93] После восстановления императорского контроля над Центральной Азией в правление Тимура и вновь в правление Буйянту, в Китай должны были быть направлены новые отряды кипчакских и русских воинов ханом Золотой Орды. Ближе к правлению Туг-Тимура соединения русских воинов (сотни и, возможно, тысячи) были распределены между многими туменами императорской армии. Далее был создан специальный русский тумен (по-русски, тьма) в 1330 г. Согласно «Истории династии Юань», ее командир (по-русски, темник) получил титул *«капитан десятитысячного соединения Охранников Жизни (с именем) Герольд Верности»*.[94] Он рассматривался как офицер третьего ранга, согласно императорской системы рангов, и был прямо подчинен Тайному Государственному Совету. Для создания военной колонии русского тумена были отведены земли к северу от Пекина. Русских снабжали одеждой, быками, сельхозорудиями и семенами. Они должны были доставлять к императорскому столу всякий вид дичи и рыбы, водившейся в лесах, реках и озерах местности, где была расположена их колония. В 1331 г. темник русского тумена получил новое имя *«командира русских войск Охранников Жизни»* с тем же титулом Герольда Верности. Он получил должностную серебряную печать.[95] Значение изменения в титуле капитана неясно. Оно могло быть результатом уменьшения количественного состава этой группы русских воинов, так что они более не составляли целого тумена. Другой вариант — русский тумен был увеличен и теперь был чем-то большим, нежели один тумен. Другие сведения того же года действительно упоминают 600 новых рекрутированных русских воинов.[96] В данной связи надо сказать, что еще одна колония русских и аланских войск была одновременно создана в провинции Ляоян (объединяющей южную Маньчжурию и части Кореи).[97]

В дополнение к воинам, рекрутированным на Руси расположенной там монгольской администрацией, русские, захваченные и порабощенные во время карательных рейдов монголов на Русь, также время от времени привозились в Китай и поселялись там. В 1331 г. Сатун (брат Эль-Тимура) «подарил» императору 16 русских семей, за что и получил ответный «дар» в 107 инготов (тинге) серебра и 5000 тинге бумажными деньгами.[98] Русским в дан-

ном случае обеспечили овец и пастбища. В 1332 г. принц Чан-ки (очевидно, чагатаидский принц Джинши) подарил императору 170 русских пленников, за которых получил 72 ингота серебра и 5000 тинге бумажных денег. Одновременно канцлер Эль-Тимур отдал императору 2500 русских пленников.[99] Это были, наиболее вероятно, русские из Тверского княжества, захваченные в ходе карательных рейдов монголов и москвичей зимой 1327-28 гг.[100]

IV

После смерти Туг-Тимура императором был провозглашен его семилетний племянник (младший сын Кузалы); он умер через несколько месяцев, и его сменил его старший брат — Тоган-Тимур (китайский титул Шун-ти (1333-68 гг.)). Вскоре после этого умер Эль-Тимур — ведущая фигура правления Туг-Тимура. Теперь на первый план вышли его брат Сатун и его друг Байян. Байяна назначили командиром русских Охранников Жизни[101] в 1339 г.; но он был послан в Южный Китай и умер по дороге туда.[102]

В период между 1307 и 1332 г. католические миссионеры продолжали свою деятельность в Персии, Индии и Китае. Особенно важна была миссия францисканского монаха Одорика из Порденона, который посетил все три вышеназванные страны (1318-1330 гг.).[103] В Пекине Одорик был гостем Иоанна из Монтекорвино. Когда последний умер (около 1332 г.), его наследником по пекинскому приходу стал французский францисканец брат Николас, в прошлом профессор Парижского университета, который привез с собою в Китай 26 других монахов. В 1336 г. один из них, Эндрю возвратился в Европу, чтобы передать письмо от Тоган-Тимура папе Бенедикту XII, поскольку великий хан продолжал доброжелательную политику своих предшественников по отношению к христианству. В ответ на это письмо папа послал еще две миссии в Китай; одна из них получила аудиенцию у Тоган-Тимура в 1342 г.[104]

Император также приказал пересмотреть учебники по юриспруденции, и в 1346 г. появился новый обзор императорских декретов и постановлений.[105] Но наиболее серьезной проблемой, с которой должно было совладать правительство Тоган-Тимура в пер-

вой половине его правления, было постоянное изменение русла Желтой реки (Хуанхэ). Около 1300 г. радикально изменилось направление ее течения: от Кайфенга на восток, к заливу Чихли.[106] Смена русла основной северокитайской реки затронула жизнь миллионов людей: некоторые пострадали от наводнений, другие — от возникших трудностей с орошением. На смену опустошительным наводнениям периодически приходил голод. Ситуация стала особенно угрожающей в 1330-х годах. Всеобщий голод наступил и в 1334 г., еще одна голодная волна накрыла население в 1342 г.[107]

Правительство великого хана попыталось регулировать течение реки путем строительства и обновления системы дамб. В 1351 г. главная дамба была прорвана, и возникла чрезвычайная ситуация; были призваны сто семьдесят тысяч рабочих для укрепления речных берегов.[108] Эти и другие общественные работы, предпринятые правительством Тоган-Тимура, требовали значительных фондов, которые становились дополнительным бременем для казны. Новые инструкции относительно бумажных денег были оглашены в 1350 г., это была попытка привести их циркулирующий объем в равновесие с нуждами народа. Хотя в 1341 г. было выпущено менее одного миллиона тинге, этот объем удвоился в 1352 г., а в 1356 г. было напечатано шесть миллионов тинге бумажных денег.[109]

Стихийные бедствия и ухудшение императорской финансовой системы питали нарастающее недовольство среди населения. Во всех странах и во все времена люди склонны в неудачах и невзгодах винить свое правительство. Это особенно справедливо по отношению к Китаю, поскольку, согласно традиционным китайским представлениям, на правителе лежит ответственность даже за природные катастрофы. Человеческое общество воспринималось частью универсального порядка. Грехи правителя побуждают к бунту не только людей, но и природу.[110]

В результате престиж императора в Северном Китае значительно упал. В Южном Китае он никогда не был высок, вследствие чужеродности правящей династии. Следует отметить в этой связи, что в Северном и Южном Китае существовало четкое различие в подходах к династии Юань. Даже до монгольского завоевания Северный Китай во многих случаях управлялся императорами иностранного происхождения; и нужно вспомнить, что династия Цзинь была маньчжурской, а не китайской. Поэтому для северокитайцев

не было чего-то необычного в принятии власти иностранцев, в особенности потому, что в каждом случае эти иностранцы были готовы следовать, по крайней мере отчасти, китайскому типу культуры. В Южном Китае дело обстояло иначе, поскольку он всегда управлялся местной администрацией. После низвержения династии Сун монголами южнокитайцы должны были подчиниться неизбежному и принять правление Хубилая и его наследников, но в своем сердце они считали династию Юань чужеродной, и их лояльность по отношению к ней весьма спорна.

В течение многих лет присутствие монгольских гарнизонов предотвращало возможность всеобщего восстания в Южном Китае. Однако время от времени случались местные восстания и выступления. Постепенно монгольские воины осели в Китае — как и в иных странах с древней культурой, подобных Персии; потеряли военное рвение и, по словам Марко Поло, «значительно опустились».[111] В 1352 г. восстания начались одновременно в различных местах по течению Янцзы, а также в районе Кантона. Это движение в конечном итоге трансформировалось в социальную революцию, явившуюся выступлением крестьян и издольщиков против владельцев больших земельных владений, как монголов, так и китайцев.[112] К 1360 г. весь Южный Китай контролировался множеством местных вождей, которые часто ссорились между собой.

К этому времени единство империи подверглось серьезной угрозе вследствие распада ханства иль-ханов. Вслед за смертью Абу-Саида (1335 г.) в Персии начались беды, вылившиеся в быструю смену на троне противоборствующих кандидатов, каждый из которых был лишь инструментом в руках могущественных местных властителей. Ханы Золотой Орды воспользовались обстоятельствами и усилили свое влияние на Азербайджан. В итоге в 1366 г. хан Джанибек захватил Тебриз, оставив там в качестве наместника собственного сына Бердибека. В 1357 г. на пути домой Джанибек умер, и Бердибек поспешил в Сарай, чтобы унаследовать власть,[113] оставив Персию, по словам Бертольда Шпулера, в руинах.[114] Вскоре после смерти Бердибека (1359 г.) сама Золотая Орда вошла в период затянувшегося династического и политического кризиса.[115] Улус Чагатая в Центральной Азии также получил свою долю политических бед. Все эти события серьезно повлияли на развитие панмонгольской торговли, в особенности, с черномор-

ским и восточно-средиземноморским регионом, с одной стороны, и Китаем — с другой. Это не могло не затронуть с неблагоприятной стороны пекинский режим. Кроме того, ежегодная доля дани из Персии и Золотой Орды более не приходила или же, по крайней мере, прибывала нерегулярно.

Возвращаясь к Южному Китаю, следует отметить, что около 1360 г. один из местных противоборствующих друг другу вождей Чу Юан-чан сумел устранить или подчинить себе большинство своих соперников. Социальное восстание теперь трансформировалось в национальную революцию. В момент, когда пекинское правительство оказалось перед лицом этого кризиса, многие родовые вожди в Монголии восстали против Тоган-Тимура.[116] Если последний казался китайцам слишком монголом, то для старомонгольской партии он был слишком китайцем. Хотя нападение степных монголов на Пекин удалось отбить, пекинское правительство продолжало держать свои лучшие войска на севере для защиты Великой Стены. В сложившихся обстоятельствах быстрое продвижение китайских революционных сил было неизбежно. В 1363 г. Чу Юан-чан оккупировал провинции Хубэй, Хэнань и Анвей, а в 1367 г. — Шеньян и Кванси. В 1368 г. он нанес поражение монгольской армии к востоку от Пекина и с триумфом вошел в столицу. Тоган-Тимур бежал в пустыню Гоби, где и умер в 1369 г. Его сыновья и остатки армии отступили в Монголию. Тем временем в Пекине Чу Юан-чан провозгласил себя императором. Основанная им династия стала известна как Мин.

5. Монгольская имперская идея

Монгольская экспансия была результатом комбинации многих разнородных факторов и мотивов, варьирующихся от жадности воинов по захвату богатых трофеев до более конструктивного торгового империализма монгольских правителей и грандиозной концепции универсальной империи.

Именно имперская идея стала отличительной чертой ведущего монголов вперед духа завоевания, победившего примитивную ментальность феодализированного родового общества. Монгольские императоры вели свои войны с очевидной целью достижения все-

общего мира и международной стабильности. В случае достижения этой цели, ценой безопасности человечества становилось постоянное служение государству каждого и всех; это должно было установить порядок жизни и социального равенства. Богатые будут служить государству, так же как и бедные; и бедные должны быть защищены от несправедливости и эксплуатации со стороны богатых. Согласно армянскому историку Григорию Аканцу, одной из посылок Ясы было «Уважение старых и бедных».[117] Ибн аль-Атир говорит, что монголы были жестокими только по отношению к богатым.[118] Основа понимания природы императорской власти была четко выражена в письмах первых великих ханов к правителям Запада.[119] Преамбула характерна в каждом случае. Письма начинаются со ссылки на Небо, за которой следует ссылка на Чингисхана и правящего императора. Рассмотрим в качестве примеров письмо Гуюка папе (1246 г.), привезенное в Европу монахом Иоанном де Плано Карпини, и письмо Мункэ Людовику Святому (1254 г.), привезенное монахом Вильямом из Рубрука, а также эдикт Мункэ, дополняющий его письмо.

Монгольский оригинал письма Гуюка не сохранился, или же, по крайней мере, не обнаружен. Письмо было известно длительное время лишь в латинском переводе брата Иоанна; в 1920 г. был открыт персидский перевод (с примесью тюркских фраз). В латинском переводе преамбула звучит следующим образом: «Dei fortitudo, omnium hominum imperater «.[120] Во французском переводе персидского текста, сделанном Пеллио, мы читаем: *«От имени силы вечного Неба, (мы) Океанический Хан всего великого народа; повелеваем»*.[121] Очевидно, что в латинском переводе монах Иоанн воплотил монгольскую формулу в краткое утверждение, опускающее детали. Персидская версия кажется более близкой к монгольскому оригиналу. Следует отметить, что во французском переводе использование слова «Океанический» спорно. Это попытка передать монгольское слово «далай». Пеллио интерпретирует его как «океан» и сравнивает с именем «Чингис», которое понимает как «море», хотя его значение скорее — «всемогущий», «великий».[122] «Далай», если судить по использованию в письме Гуюка, имеет то же толкование. Согласно Е. Хара-Давану, изначальное значение «далай» в языке ойратов (калмыков) — «великий», «бесконечный»; «океан»— лишь производная коннотация.[123] Что же касает-

ся фразы «всего великого народа», по переводу Пеллио, то мы можем сравнить ее с соответствующей фразой на печати Гуюка, также переведенной Пеллио: *«От имени добродетели Вечного неба и Высшего Хана великой монгольской нации, повелеваем».*[124]

Письмо Мункэ королю Людовику IX известно только в латинском варианте монаха Вильямса из Рубрука. Ханский эдикт, который сопровождал письмо, дает общую правовую формулу, на которой должны базироваться международные документы наследников Чингиса. Как указывает Эрик Фогелин, эта формула исходит из Ясы.[125]

Приведем латинский вариант преамбулы в варианте, рекомендованном эдиктом, и действительной преамбулы самого письма.

Эдикт: Preceptum eterni: Dei est. I coelo non est nisi unus Deus eternus, super terram non sit nisi unus dominus Chingischan, filii (sic) Dei. Hos est verbum quod vobis dictum est.

Письмо: Per virtutem eterni Dei, per magnum mundum Moallorum, preceptum Mangu chan.[126]

Английский перевод В.В. Рокхилла:

Эдикт: *(Это) — повеление Вечного Бога. На Небе существует лишь один вечный Бог, и на Земле существует лишь один повелитель, Чингисхан, Сын Бога. Это вам сказанное.*

Письмо: *Через добродетель вечного Бога, через великий мир монголов. Это — слово Мункэ-хана.*[127]

На основании цитированных выше трех документов (письма Гуюка, эдикта Мункэ и письма Мункэ), и принимая во внимание иные письма монгольских монархов этого периода, мы может установить следующую иерархию трех основных элементов монгольской концепции императорской власти:

1. Бог (Небо — Вечное Небо).
2. Чингисхан (Данный Небом).
3. Правящий император.[128]

Что касается второго пункта, то Чингисхан упоминается по имени лишь в эдикте Мункэ — т.е. в образце формы императорских писем, рекомендованном Великой Ясой. Я убежден, однако, что как в письме Гуюка, так и в послании Мункэ, Чингисхан упоминается без открытого произнесения его имени. В письме Гуюка он назван «Высший Хан» (Далай-Хан). Вставка Пеллио (в его французский перевод) слова «мы» (nous), предшествующего титулу, не

только излишня, но и вводит в заблуждение, поскольку она делает титул применимым к правящему императору (Гуюку), а не к основателю монгольской нации (Чингисхану), как, я уверен, должно быть. Заключительные слова, *«повелеваем»* (notre ordre), относятся к правящему императору; в эдикте Мункэ соответствующая фраза звучит: *«Это вам сказанное»*; в письме Мункэ: *«Это — слово Мункэ-хана»*.

Два отличных друг от друга элемента персидского варианта письма Гуюка (Высший Хан и монгольская нация) слиты в латинском переводе письма Мункэ, осуществленном Рубруком: *«Великий мир монголов»*. В монгольском варианте мы можем принять фразу как звучащую: «великий хан всех монголов». Очевидно, что в монгольском типе мысли монгольская нация метафизически связана с Чингисханом, как ее основателем. В шкале власти Чингисхан, как Сын Неба, является промежуточным звеном между Небом и правящим императором. В качестве Высшего Хана монгольской нации он — направляющий дух Монгольской империи.

Монгольская империя, в понимании ее монгольских лидеров, была инструментом Бога для установления порядка на земле. Как говорит Эрик Фогелин: *«Хан обосновывает свои притязания на правление миром на Божественном Порядке, которому он сам подчинен. Он обладает лишь правом, производным от Божественного Порядка, но он действует сообразно с долгом»*.[129]

Чувствуя себя инструментом Бога, монгольский император в обращении к врагам не хвастается силой армии, но просто ссылается на волю Божью. Здесь Великая Яса Чингисхана рекомендовала следующую формулу: *«Если вы сопротивляетесь — что с нашей стороны можем мы знать? Вечный Бог знает, что случится с вами»*.[130] Как мы видели, эта формула действительно была использована ханом Гуюком в его письме папе.[131] Даже если фактически далеко не все нации признавали власть монголов, юридически, с точки зрения первых великих ханов, все нации являлись их подданными. В соответствии с этим принципом, в своих письмах папе и королям как Гуюк, так и Мункэ настаивали, чтобы западные правители признали себя вассалами великого хана.

Только в правление Хубилая такое отношение ханов к данному

вопросу изменилось, и был испробован иной подход к достижению международной стабильности. Идея полного подчинения всех народов монгольскому правлению теперь сменилась планом создания мировой федерации с великим ханом во главе.[132] Однако даже в этот поздний период основные представления о божественном источнике имперской власти остались прежними. Итак, мы находим в письме иль-хана Аргуна к королю Франции (1289 г.) формулу, которая очень близка к преамбуле посланий Гуюка и письмам Мункэ.

Во французском переводе В. Котвича она звучит так: *«От лица силы Вечного Неба, от лица* ***суу*** *императора, мы, Аргун, говорим...».*[133] Суу (или сю) означает «судьба».[134]

В письме иль-хана Олджайту королю Франции, датированном 1305 г., нет традиционной преамбулы. Сначала Олджайту ссылается на своих предков, на своего прапрадеда (Хулагу), далее — на императора Тимура и других правящих потомков Чингисхана; он также поминает небесное вдохновение и защиту.[135] Следует помнить, что как Аргун, так и Олджайту были местными, а не великими ханами, этим объясняется то, что используемая ими формула несколько отлична от присущей великому хану.

Каково же основание и истоки монгольской имперской идеи? Очевидно, что она не была изобретением Чингисхана, хотя он стал ее главным носителем и символом. Он лишь сформулировал понятие, выросшее в его окружении, т.е. среди элиты монгольских родовых вождей, в особенности, рода Борджигин и группы родов («кости»), ветвью которой он был. В целом понятие Неба (Вечного Голубого Неба) как защитника скотоводческих наций являлось базисной верой монгольских и тюркских народов.

Легенда о божественном происхождении трех сыновей Алан-Коа указывает на возможность влияния христианских понятий на становление идеи божественного основания императорской власти среди монголов.

Еще один корень монгольской имперской формулы обнаруживается в исторических традициях бывших кочевых империй в Монголии и Центральной Азии, как тюркских (гуннских), так и иранских. С этой точки зрения, титул «каган» («каан»), который Чингис получил на курултае 1206 г., является сам по себе достаточно характерным, поскольку выражает старотюркское по-

нятие, использовавшееся английскими тюрками в VI-VIII веках и хазарами в VII-IX веках. Мы также обнаруживаем титул «высший хан»[136] у дунайских булгар в IX в.; а они, как нам известно, были частью той ветви гуннов, которая вторглась в Европу в V веке. И, конечно, великий хан этих гуннов, Аттила, по поводу предполагаемого открытия меча Марса, объявил, что Бог назначил его властителем всего мира.[137] Император алтайских тюрков именовался *«Небоподобным, рожденным Небом, мудрым Каганом»*.[138] В Орхонской надписи VIII в. тюркский принц описывает исток Тюркского каганата следующими словами: *«Когда Голубое небо и темная Земля под ним появились, люди были созданы в пространстве между ними, а мой праотец Бумин-Истеми Каган воссел (на трон)»*.[139]

Вследствие ранней экспансии аланов в Центральной Азии и Джунгарии и тесных отношений между тюркскими и иранскими племенами в районе Хорезма, мы можем предположить, что тюркская (гуннская) политическая мысль испытала влияние иранских представлений о монаршей власти. То, что скифы и сарматы Южной Руси приписывали власти своих правителей божественное происхождение, было твердо установлено М.И. Ростовцевым.[140] Персидская империя, управлявшаяся в гуннский период династией Сассанидов, была еще одной школой монархических идей. Не следует забывать в этой связи о роли Хорезма.[141] Важным каналом проникновения иранских политических идей в тюркско-монгольскую среду были уйгуры, в особенности после того, как они осели в Восточном Туркестане вблизи провинции Согдиана с ее древней культурой.

Еще один и даже более значимый источник монгольских идей нужно искать в китайской политической мысли. Надо помнить, что древняя тюркская (гуннская) империя в Монголии и Джунгарии вела серию затяжных войн против Китая, которые перемежались периодами мира и сближения. В итоге, как и следовало ожидать, гуннские властители и аристократия подверглись значительному китайскому влиянию. Гуннский тип политической мысли не мог не отражать некоторые традиционные китайские идеи. Поэтому, когда мы размышляем о влиянии китайских понятий на монгольскую имперскую идею, нам следует принять во внимание как древнекитайский фон политических понятий кочевников, так и более позднее китайское влияние на

монголов в XII и XIII столетиях. Вслед за завоеванием Китая монголами относительная значимость китайского элемента в монгольской мысли быстро возросла, но это произошло уже после того, как осложнились основные черты монгольского понятия имперской власти. Согласно традиционному китайскому понятию, император — носитель «воли Неба» (тьен мин).[142] Он — мистическое звено между Небом и управляемой им нацией.[143] Это кажется очень близким монгольской идее божественного источника имперской власти. Однако китайское понимание предписания Неба во многих отношениях отличалось от монгольского. Оно было частью общего стереотипа «естественного закона» в его китайском понимании, т.е. соответствия социального порядка и порядка природы.[144] Император, как предполагалось, должен подчиняться основному закону природы и «управлять» как можно меньше.[145]

Можно сказать, что традиционная китайская идея имперского правления была менее динамична, нежели монгольская. С другой стороны, следует отметить, что монголы в XI и XII веках должны были иметь дело не с коренной китайской династией, а с двумя иностранными династиями, правившими последовательно Северным Китаем, — Кидан, а затем Цзинь. Представители династии Кидан, кажется, были монгольского происхождения, а представители Цзинь — маньчжурского. Ментальность обеих была гораздо ближе к мировоззрению монгольских родовых вождей, нежели к китайским представлениям.[146]

Резюмируя, можно сказать, что монгольская идея божественного источника имперской власти базировалась на древних традициях и знакомстве с более близкими во времени политическими понятиями, превалировавшими при дворе Кидан и Цзинь. Из этого огромного мыслительного резервуара монгольские родовые вожди конца XII века извлекли свои принципы действия, и в этой интеллектуальной среде вырос молодой Темучин, чтобы в конечном итоге стать вождем Чингисханом. Нелегко объяснить интенсивность чувств и серьезность цели, которые характеризуют как Чингисхана, так и его близких советников. Имперская идея не только разожгла их воображение, но и стала важным фактором их жизни. Мы можем, возможно, лучше понять происшедшее, сравнивая появление имперской мечты Чингисхана с религиозным воз-

рождением и, конечно, с рождением новой веры. Чингисхан был не только пророком: он стал воплощением идеи.

6. Великая Яса

Монгольское слово яса (ясак, джасак) означает «поведение» или «декрет». До недавнего времени было обычным говорить о Великой Ясе как о собрании общепринятых монгольских правовых установлений. Это происходило, частично, потому, что статьи Ясы, относящиеся к уголовному законодательству и наказанию, привлекали большее внимание историков, нежели любая другая часть кодекса.

Не существует сохранившейся полной копии Великой Ясы, хотя восточные авторы XIII-XV веков свидетельствуют, что такие списки существовали. Согласно историку Джувейни (ум. 1283 г.), подобный список хранился в сокровищнице каждого потомка Чингисхана.[147] Рашид ад-Дин (1247-1318 гг.) упоминает о существовании этих списков множество раз.[148] В персидском трактате о финансах, приписываемом Назиру ад-Дину Тузи (ум. 1274 г.) имеются многие ссылки на Ясу.[149] Макризи (1364-1442 гг.) был проинформирован своим другом Абу-Нашимом о списке, имеющемся в багдадской библиотеке.[150] На основе информации Абу-Хашима Макризи попытался представить полный отчет о содержании Ясы. Фактически же, ему удалось очертить лишь часть кодекса, в основном статьи, посвященные уголовному законодательству и наказанию. Рашид ад-Дин, со своей стороны, цитирует многие ордонансы и высказывания Чингисхана,некоторые из которых были, возможно, фрагментами Ясы, а другие — так называемыми «максимами» (билик). Долгое время современные историки, имеющие дело с Ясой, базировали свои заключения в основном на информации, предоставленной Макризи и Рашидом ад-Дином. До недавнего времени недостаточное внимание уделялось краткой сумме Ясы, сделанной Григорием Аб-уль-Фараджем (Бар Хэбрэусом (1225/1226-86 гг.) или же более расширенному пересказу Джувейни. Но эти два писателя наметили канву наиболее значимого деления Ясы, касающегося государственного закона монголов.

С моей точки зрения, Яса как целое ни в коем случае не может быть охарактеризована как обычное законодательство. Она

была монгольским императорским законом, сформулированным Чингисханом; и сами монголы рассматривали ее именно в этом свете. Для них она была обобщенной мудростью основателя империи; и мы знаем, что они считали Чингисхана боговдохновенным Сыном Неба. Армянский историк Григор из Алканца записал историю появления Ясы на базе услышанного от монголов.[151] Хотя ее нельзя рассматривать как точную в деталях, она адекватно передает дух монгольского отношения к Чингисхану и делу его жизни. Согласно Григору, когда монголы *«осознали свое положение, весьма подавленные своей несчастной и бедной жизнью, они обратились к помощи Бога, Создателя неба и земли, и заключили с ним великое соглашение, повинуясь его повелениям. По приказанию Бога им явился ангел в виде орла с золотыми перьями* [152] *и заговорил их собственной речью и языком с вождем, которого звали Чанкез (Чингиз)... Затем ангел сообщил им все повеления Бога... которые сами они называют ясак».*

Джувейни также рассматривает боговдохновенный разум Чингисхана как источник Ясы: *«В то время как Всемогущий (Бог) выделил Чингисхана из числа его современников по разуму и интеллекту... он (Чингисхан), лишь опираясь на глубины своей души и без утомительного изучения (исторических) анналов, без согласования с (традициями) древних времен, изобрел все приемы (государственного управления).»*[153]

Как по мнению Джувейни, так и по мнению Макризи, Яса была талисманом, обеспечивающим победу на поле сражения.[154] Как указывает А.Н. Поляк, монголы и тюрки приписывали Великой Ясе полумагическую власть.[155]

Без полной копии Великой Ясы нельзя сказать наверняка в каком порядке размещались статьи, которыми мы обладаем. Предположительно, она начиналась с преамбулы, которая послужила основанием для той, что использовалась преемниками Чингисхана в их переписке с иностранными правителями. Она должна была содержать упоминание Неба и ссылку на Высшего Хана монгольской нации, Чингисхана. Третье предложение формулы преамбулы «повелеваем», очевидно, должно было означать собственное повеление Чингисхана, поскольку он был и основателем нации, и правящим императором в это время. Затем, вероятно в порядке, очерченном Джувейни и Аб-уль-Фараджем, излагались общие принципы и ста-

тьи о международном праве и организации армии и государства.

I. Общие предписания

Содержательное деление Великой Ясы может быть предположительно реконструировано на основе имеющихся в различных редакциях фрагментов. Следующие выдержки могут дать его общую идею.

«Следует возвеличивать и уважать чистых, непорочных, справедливых, ученых и мудрых, к каким бы людям они не принадлежали; и осуждать злых и несправедливых людей» (Аб-уль-Фарадж, разд. 2).[156]

«Первым является следующее: любите друг друга; во-вторых, не совершайте прелюбодеяние; не крадите; не лжесвидетельствуйте; не предавайте кого-либо. Уважайте стариков и бедных» (Григор из Алканца).[157]

«Он (Чингисхан) запретил им (монголам) есть что-либо в присутствии другого, не приглашая его разделить пищу; он запретил любому человеку есть больше, чем его товарищи» (Макризи, разд. 12).[158]

«Поскольку Чингис не принадлежал какой-либо религии и не следовал какой-либо вере, он избегал фанатизма и не предпочитал одну веру другой или не превозносил одних над другими. Напротив, он поддерживал престиж любимых и уважаемых мудрецов и отшельников любого племени, рассматривая это как акт любви к богу» (Джувейни, разд. 2).[159]

«Он (Чингисхан) приказал уважать все религии и не выказывать предпочтения какой-либо из них» (Макризи, разд. II).

Эта часть Ясы стала основанием монгольской политики религиозной терпимости.

II. Международное право

Когда необходимо писать восставшим и посылать им представителя, не запугивайте их силой и великим размером вашей армии, а только скажите: *«Если вы добровольно сдадитесь, то вы найдете хорошее обращение и покой, но если вы сопротивляетесь — что с нашей стороны можем мы знать? Вечный Бог знает, что*

случится с вами» (Аб-уль-Фарадж, разд. 1).[160]

Следует отметить, что, с точки зрения Ясы, каждая нация, отказывающаяся признать высший авторитет великого хана, рассматривается как восставшая. Как указывает Эрик Фогелин, это противоречит нашим представлениям о международном праве, которые предполагают существование суверенных государств: *«Монгольская империя не есть... государство среди других государств мира, а imperium mundi in statu nascendi, а представляет собою Мировую-империю-в-Процессе-Становления».*[161] Следует вспомнить, что письма великих ханов Гуюка и Мункэ к правителям Запада[162] верно следовали вышеприведенному предложению Ясы.

Важным принципом монгольского международного законодательства был принцип неприкосновенности послов. И в каждом случае, когда враг нарушал этот принцип, следовало суровое возмездие. Не существует, однако, прямого выражения такового в существующих фрагментах Ясы.

III. Правительство, армия и администрация

А. ИМПЕРАТОР И ИМПЕРАТОРСКАЯ СЕМЬЯ

В сохранившихся фрагментах Ясы лишь одна статья, рассматривающая императорский титул, касается этого предмета.

«(Монголы) не должны давать своим ханам и благородным людям много возвеличивающих имен или титулов, как это делают другие нации, в особенности, последователи ислама. И к имени того, кто сидит на троне царства им следует добавить одно имя, т.е. Хан или Каан. И его братья, сестры и родственники должны называть его первым именем, данным при его рождении»(Аб-уль-Фарадж, разд.3).[163]

Можно сказать, что титул «каан» (каган) сам по себе выражает полноту императорской власти. В то же время, для членов своей семьи император остается старейшим в роде, близким родственником; отсюда и личная форма обращения, рекомендуемая родным.

Из «Тайной истории» мы знаем, что Чингисхан издавал специальные ордонансы для поддержания императорского хозяйства и

наделов членов императорской семьи. Предположительно, основные правила относительно подобных вещей были включены в Ясу.

Б. МОНГОЛЬСКАЯ НАЦИЯ

Как мы видели, в преамбуле ханских писем иностранным правителям Чингис именуется Высшим Ханом монгольской нации. Стереотип этой преамбулы должен был следовать преамбуле Ясы. Хотя нет специальной статьи относительно власти нации в существующих фрагментах Ясы, некоторые указания об этом могли быть включены в законы Ясы. В китайской надписи 1338 г. монголы обычно именуются «государственным родом» (куо-цу), т.е. «правящей нацией».[164] Именно через избрание нового великого хана после смерти его предшественника монгольская нация при империи могла политически самовыразиться. Несмотря на то, что выборные курултаи не всегда четко работали, очевидно, что существовал определенный набор правил их заседаний, хотя установленный порядок не всегда соблюдался. В каждом улусе империи функционировали местные курултаи для выбора своих ханов. Большая часть нашей информации об этих собраниях улусов связана с владением иль-ханов (Персия); принимаемые здесь правила, скорее всего, следовали нормам великих курултаев. Весьма вероятно, что этот стереотип был включен в законы Великой Ясы.

В. АРМИЯ И АДМИНИСТРАЦИЯ

1. Статут об охоте. *«Когда монголы не заняты войной, они должны отдаваться охоте. И они должны учить своих сыновей, как охотиться на диких животных, чтобы они набирались опыта в борьбе с ними и обретали силу, энергию выносить усталость и быть способными встречать врагов, как они встречают в борьбе диких и неприученных зверей, не щадя (себя)»* (Абуль-Фарадж, разд. 4).[165]

Очевидно, что охота, не была только наиболее популярным спортом монголов, она рассматривалась Чингисханом как государственный институт и основа военной подготовки.[166]

2. Армейский статут. *«Бойцами рекрутируются мужчины от двадцати лет и старше. Для каждого десятка должен назначать-*

ся офицер, и для каждой сотни, и офицер для каждой тысячи, и офицер для каждых десяти тысяч... Ни один воин из тысячи, сотни или десятка, в которые он был зачислен, не должен уезжать в другое место; если он сделает это, то будет убит, и также будет с офицером, который принял его» (Аб-уль-Фарадж, разд. 5 и 7).[167]

«Он (Чингисхан) приказал воинам после возвращения из военного похода исполнять определенные повинности на службе правителя» (Макризи, разд. 20).

Создание императорской гвардии стало одной из наиболее важных реформ военной организации Чингисхана. Весьма вероятно, что высокое положение гвардии было зафиксировано Ясой, хотя об этом нет упоминания в существующих фрагментах.

Принцип десятичной организации монгольской армии, равно как и значимость императорской гвардии как института, уже обсуждались.[168] Заслуживает внимания в данной связи и другой принцип прикрепления каждого человека к месту его службы. Армия, в особенности в период первых завоеваний, являлась становым хребтом монгольской администрации как целого. Поэтому принцип универсальной службы, предполагавший, что каждый человек имеет свое особое место, с которым он связан и которое не может покинуть, стал основанием не только монгольской армии, но и Монгольской империи. Мы можем назвать это Статутом связанной службы, и, как явствует из заявления Макризи, эта служба не сводилась только к исполнению воинских обязанностей. Важным аспектом обязанности служения государству было то, что эта повинность поровну распределялась среди всех подданных хана.

«Существует равенство. Каждый человек работает столько же, сколько другой; нет различия. Никакого внимания не уделяется богатству или значимости» (Джувейни, разд. 5).

Не только мужчины, но и женщины должны были служить.

«Он (Чингисхан) приказал женщинам, сопровождающим войска, делать работу и выполнять обязанности мужчин, когда последние отсутствовали, сражаясь» (Макризи, разд. 19).

Статус связанной службы стал базисом всемогущества великого хана, которое произвело такое впечатление на монаха Иоанна де Плано Карпини. Однако существовали и исключения из казавшихся железными правил. Священники всех религий, равно как врачи и ученые, не должны были выполнять обычную службу или

платить налоги (Макризи, разд. 10). От них ожидалась иная отдача — духовная или профессиональная. Помимо освобождения от повинностей всей социальной категории, специальные привилегии могли получить и индивиды, принадлежащие к числу обычных граждан. Получатель подобного иммунитета был известен по-монгольски как дархан (по-тюркски — тархан; в этой форме термин был заимствован в русском языке).[169] Этот институт получил полное значение лишь в поздний период (XIV-XV века); он не упоминается в существующих фрагментах Ясы.

Среди других статей Великой Ясы, рассматривающих административное право, можно упомянуть следующие: учреждение почтово-конных станций (Аб-уль-Фарадж, разд. 8; Джувейни, разд. 9; Макризи, разд. 25); сборы и налоги (Аб-Уль— Фарадж, разд. 6; Джувейни, разд. 9); обязанность монголов представлять своих дочерей (предположительно также и пленных девушек, которыми они владели) на конкурсы красоты, где наиболее прекрасные («луноликие девушки», по характеристике Джувейни) избирались в качестве жен и любовниц хана и князей ханской крови (Джувейни, разд. 7; Макризи, разд. 21).

3. Уголовное законодательство. Версия Ясы аль-Макризи дает солидный набор свидетельств относительно монгольского уголовного законодательства. К этому могут быть добавлены некоторые разбросанные фрагменты из иных источников.

Уголовное законодательство Ясы главной своею целью имело поддержание мира и порядка в государстве и обществе. Его общее моральное предписание, по Григору Алканцу, заканчивалось следующей санкцией: *«Если нарушитель этого будет найден среди них, то преступники подлежат смерти»*.[170] Итак, хотя финальная цель казалась в широком смысле гуманной, закон утверждался с непреклонной жестокостью.

В целом Яса признавала в качестве преступлений, подлежащих наказанию, следующие группы правонарушений: против религии, морали и установленных обычаев; против хана и государства; и против жизни и интересов отдельной личности.[171]

Главной целью наказания, в понимании Ясы, было физическое уничтожение преступника. Поэтому смертная казнь играет важную роль в этом кодексе. Яса признает временную изоляцию пре-

ступника через заключение в тюрьму, депортацию, смещение с должности, а также запугивание через причинение боли или наложение штрафа. В некоторых случаях не только сам преступник, но и его жена и дети подлежат наказанию.

Смертная казнь предписывалась почти за все виды преступлений. Она следовала за значительную часть преступлений против религии, морали или установленных обычаев; за большинство преступлений против хана и государства; за некоторые преступления против собственности; за третье банкротство; за конокрадство — в случае, когда вор не мог заплатить штраф.

Наказание через тюремное заключение и депортацию предусматривалось за нарушение Ясы членами ханского рода. Каждый офицер военного соединения подлежал разжалованию, если не справлялся со служебными обязанностями. Воины и охотники наказывались путем причинения боли за мелкие проступки против военной дисциплины. Убийство каралось штрафом. За кражу коня преступник подвергался репрессиям, штрафу, или даже смертной казни.

4. Гражданское законодательство. Свидетельства о гражданском законодательстве Ясы скудны. Это, возможно, объясняется не только неполнотой существующих фрагментов, но также тем фактом, что подобные отношения регулировались общепринятым родовым законом. Однако одна важная статья относительно наследования была включена в Ясу: *«У умершего человека, не имеющего наследника, ничего не изымается в пользу хана, но его имущество должно быть отдано человеку, ухаживавшему за ним»* (Аб-уль-Фарадж, разд. 9; Джувейни, разд. 10).

5. Коммерческое право. Известно, что Чингисхан уделял большое внимание торговле. Сохранение безопасности коммерческих путей для международной торговли было одной из важных целей его политики. Поэтому естественно предположить, что Яса содержала какой-либо статут относительно торговли. Однако среди фрагментов присутствует лишь одна сохранившаяся часть торгового законодательства: *«Если кто-либо возьмет товар (в кредит) и обанкротится, затем опять возьмет товар вновь и еще раз обанкротится, а затем вновь возьмет товар и обанкротится, то*

должен быть приговорен к смерти после его третьего банкротства» (Макризи, разд. 5).

Признание стимулирующей роли Чингисхана в создании Ясы не мешает задаче изучения источников кодекса. Как Чингисхан, так и его советники жили в определенном окружении и в определенное время; их представления и решения, естественно, были обусловлены целостным историческим, экономическим и социальным фоном.

Источники монгольской имперской идеи обсуждались в предыдущем разделе. Моральные предписания, провозглашенные Ясой, были тесно связаны с понятием универсальной империи и, хотя бы отчасти, принадлежали тому же культурному и духовному циклу. Что касается административных статутов, то они были, до определенной степени, порождением монголо-тюркских традиций, в них также отражено некоторое влияние типологических особенностей прилежащих государств — Цзинь, Уйгурии, Кара-Кидан. Поляк предполагает, что одним из источников Великой Ясы могли быть местные законы мусульманских тюркских правителей Ближнего Востока.[172] Это сомнительно, и гипотеза нуждается в дальнейшем развитии и подтверждении.[173]

В любом случае, старые монгольские и тюркские традиции тщательно пересматривались и трансформировались Чингисханом и его советниками, и был создан набор новых представлений и установок. Например, децимальная система организации армии являлась старым институтом среди тюрков, а также иранцев, хотя она обычно устанавливалась параллельно с родовой и племенной организацией. Чингисхан не только модернизировал систему, но и соединил ее с принципом связанной службы, таким образом укрепив ее более сильно, нежели кто-либо до него. Строгость новой армейской организации была наложена на связи старых родов.

Статьи Ясы по уголовному праву частично опирались на монгольское обычное право; но здесь вновь нужно принять во внимание нормы закона соседних империй. В целом, карательное законодательство Ясы, видимо, было более жестоким, нежели традиционное и племенное право монголов.

Как Рашид ад-Дин, так и Макризи датируют обнародование Ясы Великим Курултаем 1206 г.[174] Это, однако, была лишь первая

редакция кодекса. Она дополнялась новыми законами на курултаях 1210 г. и 1218 г. Кодекс был также пересмотрен и дополнен после возвращения Чингисхана из туркестанской кампании и после его последней экспедиции против тангутов, т.е. около 1226 г.

Чингисхан намеревался сделать созданный им кодекс законов незыблемым. Он предписал своим наследникам долг сохранения кодекса неизменным.[175] Его второй сын Чагатай, известный своей верностью и твердостью, был назначен хранителем Ясы. *«Он приказал Чагатаю... следить за соблюдением Ясы»* (Макризи, разд. 26) Каждый новый властитель империи или собственного улуса, начинал свое правление с подтверждения правильности Ясы.[176] Согласно Ибн-Батуту, потомки Чингисхана должны были собираться раз в год вместе с высшими офицерами каждого царства для свидетельства, что ни один принц Чингисовой крови не нарушил Ясы в истекший период. Любой принц, признанный виновным, должен был быть низложен.[177] *«Кто бы ни нарушил Ясу, должен потерять свою голову»*, — гласит типичный приказ Бату, хана кипчаков.[178]

Существование Великой Ясы не исключало дополнительного законодательства наследников Чингисхана. Но подобное законодательство не должно было противоречить принципам Ясы и имело, в основном, местное значение. Например, ханы Золотой Орды выпустили множество хартий и ордонансов относительно управления своим ханством. Они были известны как ярлык. Достаточно характерно, что ярлыки, выданные ханами Золотой Орды русской церкви, содержат прямую ссылку на Великую Ясу как основу освобождения духовенства от налогообложения.[179] Существуют также ссылки на Ясу в кодексе законов династии Юань в Китае.[180]

Следует отметить, что вследствие веры наследников Чингисхана в полумагическую силу Великой Ясы, кодекс обычно скрывался монгольскими и тюркскими правителями от подчиненного населения и иностранных наций.[181] Единственным исключением был, кажется, Египет. Согласно арабскому писателю Ибн-Тагхрибирди, египетский эмир Арташ изучил Ясу полностью.[182] Эссуюти заявляет, что султан Бейбарс намеревался применить законы и правила Ясы в Египте.[183] Фактически светское законодательство Мамлюкского царства, именуемое Ас-Сияса, в действительности бази-

ровалось на кодексе Чингисхана.[184] Египет, однако, был особым случаем. Мамлюкские правители этой страны были тюркского происхождения и, кроме того, некоторое время рассматривали себя в качестве вассалов хана Золотой Орды.[185] Как показал Поляк, общая организация мамлюкского государства следовала монгольскому типу.[186]

7. Монгольская армия и военное искусство

Монгольская армия XIII века была ужасным инструментом войны. Она являлась, вне сомнения, наилучшей военной организацией мира в этот период. В основном она состояла из кавалерии, сопровождаемой инженерными войсками. Исторически монгольская армия и военное искусство следовали древним традициям военного дела степных кочевников. При Чингисхане монголы довели древние стереотипы до совершенства. Их стратегия и тактика стали кульминацией развития кавалерийских армий степных народов — лучших из всех известных.

В древние времена иранцы могли похвастаться сильнейшей кавалерией на свете: Парфия и Сассаниды в Иране, а также аланы в евразийских степях. Иранцы делали различие между тяжелой кавалерией, вооруженной мечом и копьем как основным оружием, и легкой кавалерией, вооруженной луком и стрелами.[187] Аланы, в основном, зависели от тяжелой кавалерии. Их примеру следовали восточногерманские племена, связанные с ними, — готы и вандалы.[188] Гунны, которые вторглись в Европу в V веке, были, в основном, нацией лучников. Вследствие превосходства аланской и гуннской кавалерии, могучая Римская империя оказалась беспомощной при столкновении с постепенным натиском степных народов. После поселения германцев и аланов в западной части Римской империи и формирования германских государств примеру аланской кавалерии последовали средневековые рыцари. С другой стороны, монголы развили и довели до совершенства гуннскую экипировку и приспособления. Но аланские традиции также играли важную роль в монгольском военном искусстве, поскольку монголы использовали тяжелую кавалерию в дополнение к легкой.

При оценке монгольской военной организации следует рассмат-

ривать следующие аспекты: 1. люди и кони; 2. оружие и экипировка; 3. тренировка; 4. организация армии; 5. стратегия и тактика.

1. Люди и кони. «Культура коневодства»— основная черта жизни степных кочевников и основание их армий. Древние авторы, которые описывают стиль жизни скифов, аланов и гуннов, а также средневековые путешественники, имевшие дело с монголами, представляют, в основном, одинаковую картину кочевого общества. Любой кочевник — прирожденный кавалерист; мальчики начинают ездить на коне в раннем детстве; каждый юноша — идеальный всадник. Справедливое относительно аланов и гуннов, справедливо и по отношению к монголам. Кроме того, монголы были более крепкими. Это частично объяснялось удаленностью их страны и весьма незначительным, в этот период, смягчающим влиянием более культурных народов; отчасти же — более суровым климатом, нежели в Туркестане, Иране и Южной Руси, где жили иранцы.

В дополнение к этому, каждый степной монгол или тюрок — прирожденный разведчик. При кочевой жизни острота зрения и зрительная память относительно каждой детали пейзажа развиваются в высшей степени. Как отмечает Еренджен Хара-Даван, даже в наше время *«монгол или киргиз замечает человека, пытающегося спрятаться за кустом, на расстоянии пяти или шести верст от того места, где он находится. Он способен издалека уловить дым костра на стоянке или пар кипящей воды. На восходе солнца, когда воздух прозрачен, он в состоянии различить фигуры людей и животных на расстоянии двадцати пяти верст».*[189] Благодаря своей наблюдательности, монголы, как все истинные кочевники, обладают глубоким знанием климатических и сезонных условий, водных ресурсов и растительности степных стран.

Монголы — по крайней мере те, что жили в XIII в., — были наделены удивительной выносливостью. Они могли находиться в седле в течение многих суток подряд при минимуме еды.

Монгольский конь был ценным спутником всадника. Он мог покрывать длительные расстояния с короткими передышками и существовать, питаясь пучками травы и листьев, найденными им на своем пути. Монгол хорошо заботился о своем коне. Во время похода всадник менял от одного до четырех коней, скача на каждом по

очереди. Монгольская лошадь принадлежала к породе, известной китайцам с древних времен. [190] Во втором веке до н.э. как китайцы, так и гунны познакомились с породой центральноазиатских коней, используемых иранцами. Китайцы высоко ценили этих лошадей, и китайский посланник в Центральную Азию передавал императору, что лучшие кони были производителями «небесных жеребцов».[191] Многие центральноазиатские кони импортировались в Китай и, предположительно, также в Монголию. Монгольские скакуны XIII в., видимо, были гибридами. Монголы придавали особое значение не только породе, но и цвету коней. Белые считались священными.[192] Каждое подразделение императорской гвардии использовало коней особой масти, воины отряда багатуров, например, скакали на вороных конях.[193] Это проливает свет на приказ Бату населению Рязанского княжества в начале русской кампании отдать монголам десятую часть «всего». Десятая часть коней должна была отбираться отдельно по каждой масти: упоминались черный, рыжевато-коричневый, гнедой и пегий цвета.[194]

2. Оружие и экипировка. Лук и стрела были стандартным вооружением монгольской легкой кавалерии. Каждый лучник обычно имел при себе два лука и два колчана. Монгольский лук был очень широк и принадлежал к сложному типу; он требовал по крайней мере ста шестидесяти шести фунтов натяжения, что было больше, нежели у английского длинного лука; его поражающая дистанция составляла от 200 до 300 шагов.[195]

Воины тяжелой кавалерии были вооружены саблей и копьем, а в дополнение — боевым топором или булавой и лассо. Их защитное вооружение состояло из шлема (первоначально из кожи, а позже из железа) и кожаной кирасы или кольчуги. Кони также были защищены кожаными головными пластинами и доспехами, предохранявшими верхнюю часть туловища и грудь. Седло делалось прочным и приспособленным для езды на дальнее расстояние. Крепкие стремена давали хорошую опору всаднику, державшему лук.

В зимние кампании монголы были одеты в меховые шапки и шубы, войлочные носки и тяжелые кожаные сапоги. После завоевания Китая они круглогодично носили шелковое нижнее белье. Каждый монгольский воин имел при себе запас сушеного мяса и молока, кожаный кувшин для воды или кумыса, набор для отточки стрел, шило, иголку и нитку.

До Чингисхана монголы не имели артиллерии. Они познакомились с осадными механизмами в Китае и встретили их вновь в Средней Азии. Механизмы, использовавшиеся монголами, были, в основном, передневосточного типа и имели дистанцию поражения 400 метров. Те, что швыряли глыбы или камни при высокой траектории, работали с тяжелым противовесом (как требюше на Западе). Приспособления для метания копий (баллисты) отличались гораздо большей точностью.[196]

3. Тренировка. Подготовка к лагерной жизни начиналась для любого монгола в раннем детстве. Каждый мальчик или девочка должны были адаптироваться к сезонной миграции рода, пасшего свои стада. Верховая езда считалась не роскошью, а необходимостью. Охота была дополнительным занятием, которое в случае потери стада могло стать необходимым для выживания. Каждый монгольский мальчик начинал учиться держать в руках лук и стрелы в три года.

Охота также рассматривалась как отличная тренировочная школа для взрослых воинов, насколько нам известно из включенного в Великую Ясу статута об охоте. Правила Ясы относительно большой охоты делают очевидным, что это занятие играло роль армейских маневров.

«Любой, кому надлежит воевать, должен быть обучен обращению с оружием. Он должен быть знаком с преследованием, чтобы знать, как охотники подбираются к дичи, как они сохраняют порядок, как они окружают дичь в зависимости от числа охотников. Когда они начинают погоню, им необходимо сначала послать разведчиков, которым следует получить информацию. Когда (монголы) не заняты войной, они должны предаваться охоте и приучать к этому свою армию. Целью является не преследование как таковое, а тренировка воинов, которые должны обрести силу и стать опытными в обращении с луком и в других упражнениях» (Джувейни, разд. 4).

Начало зимы определялось как сезон большой охоты. Предварительно направлялись приказы войскам, прикрепленным к ставке великого хана, и в орду или в лагеря князей. Каждое армейское подразделение должно было выделить определенное количество людей для экспедиции. Охотники разворачивались как армия — с центром, правым и левым флангами, каждый из которых нахо-

дился под командованием специально назначенного предводителя. Затем императорский караван — сам великий хан с женами, наложницами и запасами продовольствия — направлялся к главному театру охоты. Вокруг огромной территории, определенной для охоты, которая охватывала тысячи квадратных километров, формировался круг облавы, который постепенно сужался в течение периода от одного до трех месяцев, загоняя дичь к центру, где ожидал великий хан. Специальные посланники докладывали хану о ходе операции, наличии и числе дичи. Если круг не охранялся соответствующим образом и какая-либо дичь исчезала, командующие офицеры — тысячники, сотники и десятники отвечали за это лично и подвергались суровому наказанию. Наконец, круг замыкался, и центр оцеплялся веревками по окружности десяти километров. Затем хан въезжал во внутренний круг, полный к этому времени различными ошарашенными, воющими животными, и начинал стрельбу; за ним следовали князья, а затем обычные воины, при этом каждый ранг стрелял по очереди. Бойня продолжалась несколько дней. Наконец группа стариков приближалась к хану и смиренно умоляла его даровать жизнь оставшейся дичи. Когда это совершалось, выжившие животные выпускались из круга в направлении ближайшей воды и травы; убитые же собирались и пересчитывались. Каждый охотник, по обычаю, получал свою долю.[197]

4. Организация армии. Две основные черты военной системы Чингисхана — императорская гвардия и десятичная система организации армии — уже обсуждались нами.[198] Необходимо сделать несколько дополнительных замечаний. Гвардия, или войска орды, существовала до Чингисхана в лагерях многих правителей кочевников, включая киданов.[199] Однако никогда ранее она не была столь тесно интегрирована с армией как целым, как это случилось при Чингисхане.

Дополнительно каждый член императорской семьи, которому давался надел, имел свои собственные гвардейские войска. Следует вспомнить, что определенное количество юрт или семей было связано с ордой каждого члена императорской семьи, являвшегося владельцем надела.[200] Из населения этих юрт любая хатун или любой князь имели разрешение набирать войска. Эти войска орды находились под командованием военачальника (нойона), назна-

ченного императором в качестве управляющего хозяйством надела, или же самим князем в случае, когда он занимал высокое положение в армии. Предположительно, единица таких войск, в зависимости от ее размера, считалась батальоном или эскадроном одной из «тысяч» войск регулярной службы, в особенности, когда сам князь имел звание тысяцкого и сам командовал этой тысячей.

В войсках обычной армии меньшие единицы (десятки и сотни) обычно соответствовали родам или группам родов. Тысячное подразделение могло представлять собой комбинацию родов или маленькое племя. В большинстве случаев, однако, Чингисхан создавал каждое тысячное соединение из воинов, принадлежащих к различным родам и племенам.[201] Десятитысячное соединение (*тумен*) почти всегда состояло из различных социальных единиц. Возможно это, хотя бы отчасти, было результатом сознательной политики Чингисхана, пытавшегося сделать большие армейские соединения приверженными скорее империи, нежели старым родам и племенам.[202] В соответствии с этой политикой предводители больших соединений — тысячники и темники — назначались лично императором, и принципом Чингисхана было выдвижение каждой талантливой личности вне зависимости от социального происхождения.

Вскоре, однако, стала очевидной новая тенденция. Глава тысячи или десяти тысяч, если у него был способный сын, мог попробовать передать свою должность ему. Подобные примеры были частыми среди командиров войск орды, в особенности, когда военачальником был князь. Известны случаи передачи поста от отца к сыну. Однако подобное действие требовало личного утверждения императора,[203] которое давалось далеко не всегда.[204]

Монгольские вооруженные силы делились на три группы — центра, правой и левой руки. Поскольку монголы всегда разбивали свои палатки лицом к югу,[205] левая рука означала восточную группу, а правая — западную. Специальные офицеры (*юртчи*) назначались для планирования диспозиции войск, направления движения армий в течение кампаний и расположения лагерей. Они также отвечали за деятельность разведчиков и шпионов. Должность главного юртчи может быть сравнена с должностью главного квартирмейстера в современных армиях. Черби имели своей обязанностью комиссариатские службы.

В правление Чингисхана вся военная организация была под постоянным наблюдением и инспекцией самого императора, и Великая Яса рекомендовала это будущим императорам.

«Он приказал своим наследникам проверять лично войска и их вооружение перед битвой, поставлять войскам все необходимое для похода и наблюдать за всем, вплоть до иголки и нитки, и если какой-либо воин не имел необходимой вещи, то его надлежало наказать» (Макризи, разд. 18).

Монгольская армия была сплочена сверху донизу железной дисциплиной, которой подчинялись как офицеры, так и простые воины. Начальник каждого подразделения нес ответственность за всех своих подчиненных, а если сам он совершал ошибку, то его наказание было еще более жестоким. Дисциплина и тренировка войск и линейная система организации держали монгольскую армию в постоянной готовности к мобилизации в случае войны. А императорская гвардия — сердцевина армии — была в состоянии готовности даже в мирное время.

5. Стратегия и тактика. Перед началом большой кампании для обсуждения планов и целей войны собирался курултай. На нем присутствовали начальники всех крупных армейских соединений, они получали необходимые инструкции от императора. Разведчики и шпионы, прибывшие из страны, избранной в качестве объекта нападения, подвергались расспросам, и если сведений было недостаточно, то для сбора дополнительной информации отправлялись новые разведчики. Затем определялась территория, где надлежало сконцентрироваться армии до выступления, и пастбища вдоль дорог, по которым пойдут войска.

Большое внимание уделялось пропаганде и психологической обработке противника. Задолго до того как войска достигали вражеской страны, секретные агенты, находившиеся там, старались убедить религиозных инакомыслящих, что монголы установят веротерпимость; бедных, что монголы помогут им в борьбе против богатых; богатых купцов, что монголы сделают дороги безопаснее для торговли. Всем вместе обещали мир и безопасность, если они сдадутся без борьбы, и ужасную кару, если окажут сопротивление.

Войско входило на вражескую территорию несколькими ко-

лоннами, осуществлявшими операции на некотором расстоянии друг от друга. Каждая колонна состояла из пяти частей: центра, правой и левой рук, арьергарда и авангарда. Связь между колоннами поддерживалась через посланников или дымовыми сигналами. При наступлении армии, выставлялся наблюдательный контингент в каждой крупной крепости врага, в то время как мобильные части спешили вперед для столкновения с полевой армией противника.

Основной целью монгольской стратегии было окружение и уничтожение главного войска противника. Они пытались достигнуть этой цели — и обычно преуспевали, — используя тактику большой охоты — кольцо. Первоначально монголы окружали большую территорию, затем постепенно сужали и уплотняли кольцо. Способность командиров отдельных колонн к координации своих действий была поразительной. Во многих случаях они собирали силы для достижения главной цели с точностью часового механизма. Операции Субэдэя в Венгрии могут рассматриваться как классический пример этого метода. Если монголы при столкновении с основной армией противника не были достаточно сильны для прорыва ее линий, они изображали отступление; в большинстве случаев, неприятель принимал это за беспорядочное бегство и бросался вперед в погоню. Тогда, принимая свои навыки маневрирования, монголы неожиданно поворачивали назад и замыкали кольцо. Типичным примером этой стратегии была битва при Лигнице. В сражении на реке Сить русские были окружены до того, как они смогли предпринять какую-либо серьезную контратаку.

Легкая кавалерия монголов первой входила в битву. Она изматывала врага постоянными атаками и отступлениями, а ее лучники поражали ряды противника с расстояния. Движения кавалерии во всех этих маневрах направлялись ее командирами с помощью вымпелов, а ночью использовались различного цвета фонари. Когда враг был в достаточной степени ослаблен и деморализован, в бой против центра или фланга бросалась тяжелая кавалерия. Шок от ее атаки обычно ломал сопротивление. Но монголы не считали свою задачу выполненной, даже выиграв решающее сражение. Одним из принципов стратегии Чингисхана было преследование остатков армии врага до ее окончательного уничтожения. Поскольку одного или двух туменов вполне хватало в таком слу-

чае для окончательного прекращения вражеского организованного сопротивления, другие монгольские войска делились на мелкие отряды и начинали систематически грабить страну.

Следует отметить, что со времени своей первой среднеазиатской кампании монголы приобрели весьма эффективную технику осады и окончательного штурма укрепленных городов. Если предвиделась длительная осада, на некотором расстоянии от города воздвигалась деревянная стена вокруг него, с тем чтобы предотвратить поставки извне и отрезать гарнизон от связи с местной армией за пределами городской территории. Затем, с помощью пленников или рекрутированных местных жителей, ров вокруг городской стены наполнялся фашинами, камнями, землей и всем, что было под рукой; осадные механизмы приводились в состояние готовности бомбардировать город камнями, наполненными смолой емкостями и копьями; вплотную к воротам подтягивались таранные установки. В конце концов в дополнение к инженерному корпусу монголы стали использовать в осадных операциях и пехотные войска. Они набирались из жителей иностранных государств, которые до этого были покорены монголами.

Высокая мобильность армии, а также выносливость и бережливость воинов, во многом упрощали задачу монгольской интендантской службы во время кампаний. За каждой колонной следовал верблюжий караван с минимумом необходимого. В основном предполагалось, что армия будет жить за счет покоренной земли. Можно сказать, что в каждой крупной кампании монгольская армия имела потенциальную базу необходимых запасов впереди, нежели в своем арьергарде. Это объясняет тот факт, что, согласно монгольской стратегии, захват больших территорий противника рассматривался и как выгодная операция, даже если армии были малы. С продвижением монголов их армия росла за счет использования населения покоренной страны. Городские ремесленники рекрутировались для службы в инженерных войсках или для производства оружия и инструментов; крестьяне должны были поставлять рабочую силу для осады крепостей и перемещения повозок. Тюркские и иные кочевые или полукочевые племена, ранее подчиненные враждебным властителям, принимались в монгольское братство по оружию. Из них формировались подразделения регулярной армии под командованием монгольских офицеров. В резуль-

тате, чаще всего монгольская армия была числено сильнее в конце, нежели накануне кампании. В данной связи можно упомянуть, что ко времени смерти Чингисхана собственно монгольская армия насчитывала 129 000 бойцов. Вероятно, ее численность никогда не была больше. Только лишь рекрутируя войска из покоренных ими стран, монголы могли подчинить и контролировать такие огромные территории. Ресурсы каждой страны, в свою очередь, использовались для покорения следующей.

Первым европейцем, который в должной мере понял мрачное значение организации монгольской армии и дал ее описание, был монах Иоанн де Плано Карпини.[206] Марко Поло описал армию и ее операции во время правления Хубилая.[207] В Новое время, вплоть до недавнего периода, она привлекала внимание не многих ученых. Немецкий военный историк Ганс Дельбрюк в своей «Истории искусства войны» полностью игнорировал монголов. Насколько мне известно, первым военным историком, попытавшемся — задолго до Дельбрюка — адекватно оценить смелость и изобретательность монгольской стратегии и тактики, был русский генерал-лейтенант М.И. Иванин. В 1839 — 40 гг. Иванин принял участие в русских военных действиях против Хивинского ханства, которые обернулись поражением. Эта кампания велась против полукочевых узбеков Центральной Азии, т.е. на фоне, навеивающем воспоминания о среднеазиатской кампании Чингисхана, что и стимулировало интерес Иванина к истории монголов. Его очерк «О военном искусстве монголов и центральноазиатских народов» был опубликован в 1846 г.[208] В 1854 г. Иванин был назначен русским комиссаром, ответственным за отношения с внутренней Киргизской ордой и, таким образом, имел возможность собрать больше информации о тюркских племенах Центральной Азии. Позднее он вернулся к своим историческим занятиям; в 1875 г. после его смерти было опубликовано переработанное и расширенное издание написанной им книги.[209] Работа Иванина была рекомендована в качестве учебника слушателям Императорской военной академии.

Только после первой мировой войны военные историки Запада обратили свое внимание на монголов. В 1922 г. появилась статья Анри Мореля о монгольской кампании XIII в. во «Французском военном обозрении».[210] Пятью годами позже капитан Б.Х. Лиддел

Харт посвятил Чингисхану и Субэдэю первую главу своей книги «Великие военачальники без прикрас».[211] Одновременно исследование «периода великих походов монголов» было рекомендовано главой британского генштаба офицерам механизированной бригады.[212] В течение 1932 и 1933 гг. начальником эскадрона К.К. Волкером была напечатана серия статей о Чингисхане в «Канадиэн дефенс квортерли». В переработанной форме они были позднее изданы в виде монографии под названием «Чингисхан» (1939 г.).[213] В Германии Альфред Павликовски-Чолева опубликовал исследование о военной организации и тактике центральноазиатских всадников в приложении к «Дойче кавалери цайтунг» (1937 г.) и еще одно, посвященное восточным армиям в целом, в «Байтраге цур гешихте дес Нэен унд Фернен Остен» (1940 г.).[214] Вильям А. Митчел в своих «Очерках всемирной военной истории», которые появились в США в 1940 г., уделил Чингисхану столько же места, сколько Александру Великому и Цезарю.[215] Итак, парадоксальным образом интерес к монгольской тактике и стратегии возродился в эру танков и самолетов. *«Разве здесь не содержится урока для современных армий?»* — вопрошает полковник Лиддел Харт. С его точки зрения, *«бронемашина или легкий танк выглядит прямым наследником монгольского всадника.... Далее, самолеты кажутся обладающими теми же свойствами в еще большей степени, и может быть в будущем они будут наследниками монгольских всадников».*[216] Роль танков и самолетов во второй мировой войне выявила справедливость предсказаний Лиддела Харта, по крайней мере, отчасти. Монгольский принцип мобильности и агрессивной силы кажется все еще правильным, несмотря на все различие между миром кочевников и современным миром технологической революции.

8. Монгольское правительство и администрация

Великий хан был абсолютным монархом, и его власть, по крайней мере теоретически, была неограниченной. Как говорит Иоанн де Плано Карпини, *«он обладает удивительной властью над всеми своими подданными».*[217] Согласно заявлению монаха Бенедикта из Польши в изложении Симона из св. Квентина, когда трон был предложен Гуюку на выборном курултае, последний сказал знати:

«Если вы хотите, чтобы я правил над вами, то готов ли каждый из вас делать, что я прикажу, прийти, когда бы я не призвал, отправиться, куда бы я вас ни послал, убить любого, кого я прикажу?». Они ответили утвердительно.[218] По словам Рашида ад-Дина, *«Чингис был Богом Созвездия Планет, монархом Земли и Времени и все монгольские роды и племена стали его рабами и слугами»*.[219]

Другая интересная формула, описывающая власть великого хана обнаружена в поздней монгольской летописи «Алтан Тобчи» («Золотой итог»). Согласно ей, Чингисхан был Богом Пяти Цветов.[220] Для того чтобы понять полное значение этой фразы, мы должны вспомнить, что с древних времен китайцы обозначили стороны света цветами. Черный был цветом севера, красный — юга, синий — востока, белый — запада. Центральная территория была представлена желтым. [221] Все вместе пять цветов символизировали весь мир.[222]

Поскольку желтый цвет — цвет золота, это, предположительно, побудило династию Чжурчжэней принять имя Цзинь, что означает «золотая». Китайская концепция пяти цветов была принята многими евразийскими кочевниками, включая монголов. Желтый стал императорским цветом. Государственный шатер в орде великого хана стал известен как Золотая Орда (Orda Aurea, Алтан Орду). В подобном шатре был возведен на трон Гуюк.[223] По этим же причинам монгольская императорская семья — потомки Чингисхана — были известны как Золотая Родня (Алтан Уруг).[224]

Все подданные великого хана — монголы или вновь завоеванные народы — должны были служить государству и подчиняться воле хана. И все же существовало, по крайней мере, психологическое, различие в степени подчинения. Монголы были правящей нацией, и подданные великого хана также были избранным народом, сюзереном которого он являлся. Их родовые вожди избрали Чингисхана на трон. Им принадлежали плоды завоевания и из них избирались армейские командиры и чиновники администрации. Клянясь в неизменном повиновении вновь избранному хану Гуюку, монгольская знать ожидала от него «щедрых даров, наслаждения справедливостью и почета для каждого князя и вождя сообразно с его рангом».[225] Тюрки Центральной Азии и Южной Руси, равно как и аланы, принимались в братство наций степей под монгольским покровительством. Оседлое население, завоеванное монголами, находилось внизу политической иерархии.

Высшее положение в этой иерархии занимал сам род Чингисхана, и в особенности его потомки — Золотая родня. Будущие императоры и ханы избирались исключительно из мужчин рода. Первоначально выбирать императора среди них могла через родовых вождей вся монгольская нация, в более поздний период это стало прерогативой курултая, состоящего лишь из родственников правящей династии. После выборов каждого великого хана члены императорской семьи должны были поддержать его политику всем своим достоянием и влиянием. Если кто-либо из них оказывался нелояльным или нарушал установления Великой Ясы иным путем, он получал предостережение великого хана, а если обнаруживалось его упрямство, то он мог подвергнуться тюремному заключению и даже смертной казни, но этого нельзя было сделать без рассмотрения вопроса собранием сородичей.[226]

Основанием богатства и власти главных родичей были наделы, полученные ими от их предка Чингисхана. Правовая природа этих наделов — спорный вопрос. В. Владимирцов склонен называть все их улусами (государствами).[227] Существует, однако, отличительная черта между двумя типами улусов. Многим князьям выделялось определенное количество юрт; эти семьи обеспечивали содержание господина, который, как мы знаем, мог также собирать войско, выбранное из этих людей. Все сыновья Чингисхана получили подобные наделы. В дополнение каждый сын имел определенное количество сотен или тысяч регулярной армии. Это означает, что он был не только феодальным властителем, но и наместником хана в своем улусе; его должность была должностью заместителя императора, которому вменялось в обязанность управление частью империи. Таким путем появились региональные ханства, подобные иль-ханству Персии и Золотой Орде в Южной Руси. Очевидно, что эти большие, выглядевшие как государства, улусы не были того же уровня, что и наделы более мелких принцев местного значения. Владения последних стали известны как *инджю*.[228] Разумеется, правящий император также обладал собственными владениями, и они обычно значительно превышали размерами наделы его родичей. Поэтому можно сказать, что немалая часть территории и населения Монгольской империи скорее подчинялась полуфеодальному режиму, нежели органам обычной государственной администрации.

Имперские владения должны были составлять могучий экономический организм. Он имел своим центром дворец великого хана. При Чингисхане дворцовая администрация состояла из четырех частей, каждая из которых была известна как орда.[229] При Хубилае дворцовая администрация, кажется, была централизована. Люди, приписанные к императорским владениям, снабжали дворцовые склады всем необходимым для поддержания ханского хозяйства и удовлетворения потребностей хана. Следует вспомнить, что русские, поселенные близ Пекина в 1330 г., должны были поставлять дичь и рыбу к императорскому столу. Русская колония была лишь одной из многих подобных групп поставщиков ко двору. Их работа находилась под наблюдением чиновников дворцовой администрации, каждый из которых заведовал специальным департаментом, занятым разведением лошадей и скота, сбором зерна и овощей, охотой и рыболовством. Важным должен был быть и департамент соколиной охоты. В дополнение во дворце, или же для него, работали различные ремесленники, включая ювелиров высокого класса, подобных русскому Космасу при дворе Гуюка и французу Буше при дворе Мункэ.

Давайте обратимся теперь к общей государственной администрации. Прежде всего следует подчеркнуть, что Монгольская империя была создана в процессе военного завоевания. Поэтому вполне естественно, что армия стала хребтом администрации, по крайней мере, в ранний период развития империи. Через армейских офицеров — от темника до десятника — народ узнавал приказы великого хана. Офицеры должны были находиться в постоянном личном контакте с императором: *«Темники, тысяцкие и сотники, которые приходят услышать наши мысли в начале и конце года, а затем возвращаются (к своим постам), могут командовать нашими войсками; состояние тех, кто сидит в своих юртах и не слышит этих мыслей, подобно камню, который падает в глубоководье, или же стреле, которая выпущена в камыши, — они пропадают. Таким людям не подобает командовать»*(Билик, разд.3). Как известно, контроль императора над армией осуществлялся через императорскую гвардию. Высшие офицеры гвардии были всегда готовы для консультаций с императором и получения приказов от него. Предположительно, они составляли нечто наподобие постоянного совета при императоре. Когда это было необходимо, собиралось

заседание ханского совета. На подобных сборищах при Угэдэе присутствовали братья и старшие родичи великого хана, а также командиры всех армейских соединений.[230]

Менее заметной, но не менее важной была роль немногочисленных высококвалифицированных и опытных гражданских советников великого хана, каждый из которых занимал место, сравнимое с постом государственного секретаря или министра. Первоначально почти все они были немонголами. Как мы видели, высшими вельможами при Чингисхане и Угэдэе были выходец из Китая, уроженец Уйгурии и мусульманин из Центральной Азии. Лишь главный судья был монголом. Сначала никому из них не давалось той власти, которой пользовался ближневосточный визирь. Следует вспомнить, что один из них, мусульманин, попытался получить власть визиря в регентство Туракины, но немедленно пал после прихода на трон Гуюка. Лишь в поздний период монгольской истории, в особенности в правление иль-ханов, визирство стало важным институтом. В Китае, начиная с Хубилая, центральные посты в администрации развивались согласно китайскому типу.

При помощи советников император устанавливал принципы деятельности правительства и основные его задачи; он так же инструктировал и контролировал крупных деятелей провинциальной и районной администрации. Последняя создавалась вокруг центров армейских округов, на которые делилась страна.

Нижеследующее высказывание Иоанна де Плано Карпини может помочь нам понять основные черты чингисхановской системы распределения армейских соединений по стране и его контроля над этой системой: *«Он (хан) приказывает, где должны жить темники; темники в свою очередь, дают приказания тысяцким; последние — сотникам, а они — десятникам. Более того, когда бы, что бы и кому бы император ни приказал, будь то война, жизнь или смерть, они подчиняются ему, не прекословя».*[231]

Глава каждого подразделения получал нагрудный знак своего ранга. В древние времена среди тюрков — и также, возможно, среди монголов — лук и стрелы служили знаком власти. Согласно тюркской исторической традиции, прародитель тюрков Огуз-хан приказал, чтобы лук был знаком командиров войск правой руки, а стрела — войск левой руки.[232] В гуннской империи V века золотой

лук являлся эмблемой власти заместителей Аттилы.[233] По свидетельству «Тайной истории», Чингисхан награждал некоторых из своих ближайших сподвижников правом носить колчан, лук и стрелы [234]; эта экипировка была известна по-турецки как *садак* или *сайдак* (по-древнерусски, *сайдак* или *сагайдак*). Поскольку каждый монгольский всадник был обеспечен колчаном, луком и стрелами, Чингисхан должно быть подразумевал в этом случае не реальное оружие, а символ, знак привилегированного положения его носителя и того, что он имеет статус даркхана, освобожденного от налогов. Однако в обычной администрации Монгольской империи не лук (*или* колчан) использовался в качестве знака, а «пластина власти», как называет ее Марко Поло. Она была известна как *пайце* (по-русски, *пайцза*). При Чингисхане знаком чиновника первого ранга была золотая пластина с головой тигра; на ней содержалась иероглифическая надпись: *«Священный Декрет Тьен-це («Данного небом»), императора Чингиса. Пусть дела вершатся по воле его»*. Знаком второго ранга была простая золотая пластинка с той же первоначальной формулой, сопровождавшаяся одним словом — «срочно». Серебряная пластина с той же надписью представляла знак третьего ранга.[235] В Персии, при иль-хане Газане (1295-1304 гг.), знак высшего ранга был круглым и сделан из золота, он имел изображение головы тигра; знак второго ранга, похожий на него, был особым образом декорирован.[236] При Хубилае пластина темника, сделанная из золота, имела выгравированную голову льва; тысяцкого — из золота или позолоченного серебра; сотника — из серебра. Когда обстоятельства требовали наделения официального лица высшей властью, символом на пластинке был кречет.[237]

Лагерь каждого из армейских командиров становился центром местной администрации. Следует помнить, что, в отличие от императорской гвардии, армия не находилась на постоянной службе; предполагалось, однако, что возможно проведение мгновенной мобилизации. Для достижения этой цели вся страна была поделена на множество военных округов, соответствующих размеру и численности армейских соединений и названных на основании их распределения. Так, наиболее крупные районы были известны как тумены; и каждый тумен подразделялся на тысячи, сотни и десятки. В каждом таком районе, вплоть до сотни, находился руководя-

щий штаб соответствующего армейского соединения, который в случае необходимости служил центром мобилизации.

Население каждого района поставляло по уведомлению свою часть людей и коней с полной экипировкой. Так, население каждой тысячи должно было дать во взаимодействии с низшими единицами тысячу воинов и две — пять тысяч коней. Число солдат, которых должно было поставлять население района в целом, можно назвать лишь приблизительно, поскольку точные цифры отсутствуют. Предполагается, что все население Монголии к моменту смерти Чингисхана составляло около одного миллиона человек. Чтобы обеспечить существование армии общим числом 129 000 воинов, а такой армией он обладал, каждый район должен был мобилизовать около 13% своего населения. Это число может быть сопоставлено с пропорцией воинов «ордо армий» в Китае при династии Ляо (Кидан) в XI веке и в начале XII века. Согласно китайским источникам этого периода, максимальная общая численность этих армий составляла 101 000 конников; они рекрутировались из 203 000 хозяйств с мужским взрослым населением 408 000 человек.[238] Все взрослое население этих хозяйств должно было составлять около 800 000 человек. Поэтому пропорция воинов ко всему взрослому населению была около 12,5%.

Цифра 129 000 для монгольской армии представляла кульминацию национального прорыва в критический период экспансии. После того как главное завоевание состоялось, напряжение должно было спасть. Обычная суммарная сила чисто монгольских контингентов в императорских армиях едва ли превышала 100 000 человек. Если принять это, то соотношение воинов ко всему населению должно было примерно равняться тому, что существовало в хитанской армии, т.е. не более 10%. Это дает нам возможность привести предположительные цифры народонаселения в военных округах. Население сотни, видимо, было не менее, а возможно, и более одной тысячи, тысячи — десять тысяч и более, а тумена — сто тысяч и более.[239]

Районные штабы становились центром гражданской, равно как и военной администрации. Через них были организованы и поддерживались системы почтово-конной (ям) и курьерской служб, а также сбора налогов. Таким образом, каждый командир более крупного армейского соединения становился одновременно гражданс-

ким наместником района. Нормальная организация почтово-конной службы была существенна для поддержания быстрой связи через курьеров между центральным правительством и его местными представительствами, равно как и для координации действий армейских соединений. Иностранные послы также имели привилегию использования лошадей. Купцам сначала разрешалось использовать ямскую службу бесплатно, но позднее Мункэ постановил, что они должны путешествовать за собственный счет. Купцы, в любом случае, имели солидную выгоду от безопасности дорог. Почтово-конные станции строились через некоторые интервалы пути на главных дорогах.[240] По приказу Угэдэя, определенное количество всадников, возниц и служащих, равно как и коней, быков и кибиток должны были приписываться к каждой станции. Кобылы и овцы содержались на таких станциях для обеспечения путешественников кумысом и мясом[241] ; несколько коней стояли уже оседланными для императорских курьеров. Каждый курьер носил пояс с колокольчиками: *«И когда те, кто находился на следующем посту, слышали колокольчики, они готовили следующего коня и человека, экипированного таким же образом».*[242]

Был создан Ямской департамент для наблюдения за почтово-конной службой. Почтовые дороги были разделены с целью лучшей организации управления на множество районов. Лежащие рядом тумены должны были поставлять все необходимое для поддержания службы каждого ямского района.[243] Монгольская почтово-конная служба была описана и высоко оценена Иоанном де Плано Карпини, Марко Поло и другими путешественниками. Это был, конечно же, весьма полезный и хорошо управляемый институт.

Чтобы избежать недоразумений и нарушений, чиновники и гонцы, ехавшие по делам службы, а также иностранные послы, получали пластины власти, схожие с теми знаками, что носили армейские предводители подразделений (пайцза). Эти пластины были сделаны из различного материала, в зависимости от ранга путешественника. Три серебряные пайцзы и одна железная сохранилась в Эрмитаже в Ленинграде. Пластины более низких рангов были деревянными. [244] Путешественник с более значимой пластиной мог использовать больше коней, нежели с низшей по статусу пайцзой. Местные власти имели инструкции оказывать всяческую помощь держателям пластин. [245]

Будет уместным упомянуть, что эмблемы, подобные пайцзам, использовались в Персии до монголов. Когда Апполоний Тианский путешествовал из Экбатана в Индию в середине первого века, *«идущим первым верблюд (его каравана) имел золотую пластину на лбу в качестве знака для всех встречавшихся, что путешественник был одним из друзей хана и ехал по воле хана».*[246]

Достойной внимания чертой монгольской администрации являлась ее программа поддержки нуждающихся. Среди обязанностей императора была помощь бедным. Собрание высших чиновников и военных вождей при Угэдэе рекомендовало ввести специальный налог для создания благотворительного фонда.[247] Отдельным декретом Угэдэй приказал вырыть колодцы в районах засухи, чтобы сделать их пригодными для жизни.[248] В более поздний период, согласно имеющимся источникам, существовали зернохранилища и склады, устроенные правительством для помощи нуждающимся во времена голода. Как было сказано, последний император династии Юань также учредил программу общественных работ для регулирования течения Желтой реки.

Что же касается государственного дохода, то основная тяжесть налогов лежала на населении покоренных стран. При Чингисхане монголы не должны были платить каких-либо налогов. При Угэдэе был введен натуральный налог. Из каждого стада овец один годовалый баран должен был поставляться ежегодно к ханскому столу и одна годовалая овца из сотни овец в фонд поддержки нуждающихся.[249] Дополнительные налоги могли быть введены в более поздний период. Однако не государственные налоги, а сборы и службы различного рода, возложенные на население владений князей, являлись тяжелой ношей для монголов в XIV и XV веках, в особенности потому, что владения князей значительно разрослись в этот период. Комплекс натуральных налогов и служб, требуемый от каждого хозяйства, был известен как *албан.*[250]

Напротив, бремя налогов, которое несли побежденные народы, было тяжелым с самого начала монгольской экспансии. Каждая покоренная нация должна была во-первых, заплатить ежегодную дань монголам, а во-вторых — регулярные налоги. Они были трех основных видов, согласно трем основным социально-экономическим делениям. Городские жители (торговцы и ремесленники) должны были уплатить налог, известный как *тамга;*[251] скотоводы —

налог на скот (*копчур*); [252] земледельцы — поземельный налог (*калан*).[253] В-третьих, в дополнение к основным были взимаемы многие специальные налоги, а также введены службы, которые надлежало выполнять завоеванным народам. Кроме того, следует иметь в виду, что монгольские князья и военачальники получили частные владения в завоеванных странах. Они принадлежали к типу инджю; местные жители, жившие на таких землях, были близки к крепостному состоянию.

Помимо этого, из каждой подчиненной нации в армию великого хана или региональных ханов рекрутировались воины, пополнявшие ее ряды. Чтобы обеспечить неуклонное выполнение всех вышеприведенных требований, завоеванные страны делились на военные округа, схожие с собственно монгольскими. В каждом таком районе базовый состав монгольских и тюркских офицеров имел своей задачей мобилизацию местных воинов для ханских армий и наблюдение за сбором налогов. Для обеспечения должного повиновения населения, командир военного района имел власть формировать под своей командой местные подразделения, рекрутированные из живущего на данной территории населения.

Взятая как единое целое, монгольская администрация покоренных стран являлась инструментом подавления и служила мрачной цели обеспечения и поддержания ханского контроля над местными жителями. Только когда ханская администрация была ослаблена на высшем уровне династическими и иными бедами, местное население увидело возможность освобождения от монгольского владычества.

9. Внутренние противоречия Монгольской империи

Сила и эффективность армии и администрации дали возможность монголам поддерживать более чем столетие после смерти Угэдэя контроль над огромными завоеванными территориями. Однако в течение всего своего существования Монгольская империя была наполнена внутренними конфликтами и стояла перед лицом постоянно нарастающих противоречий. Хотя она подтвердила свою жизнестойкость и была способна преодолеть многие кризисы, империя в конечном итоге распалась, а ее правящий народ удалился в степи и

пустыни Монголии.

Внутренние противоречия, угрожавшие всей структуре Монгольской империи были многочисленными и разнообразными. Прежде всего, существовала базисная несовместимость ряда принципов, на которых была построена империя; в первую очередь, проявлялось несоответствие между имперской системой и феодальной природой монгольского общества. Во-вторых, не было абсолютной согласованности действий, что приводило к многочисленным конфликтам между империей и местными ханствами, равно как и между самими этими ханствами. В-третьих, при примитивных технологических условиях этого времени сама обширность империи представляла для ее правителей вечную проблему.

Более того, существовал определенный дисбаланс между размерами правящей нации — монгольским народом — и подчиненными народами; пропорция была 1 к 10. Значительная часть монголов была кочевниками и гордилась этим, что отличало их от большинства подданных. В целом монголы как нация находились на более низком культурном уровне, нежели некоторые из завоеванных ими народов, несмотря на факт появления монгольской элиты, члены которой, наделенные внутренними духовными и интеллектуальными способностями, удачно воспользовались контактами с древними цивилизациями некоторых из соседних или захваченных стран.

Многочисленность этих контактов сама по себе содержала потенциальную опасность, поскольку подрывала изначальное единство монгольской традиции. С точки зрения религиозной приверженности, различие между монголами старой школы, которые оставались почитателями Неба и шаманистами, и теми, кто был обращен в буддизм, ислам и христианство, выливалось в ослабление духовных уз между всеми этими группами. Кроме того, процесс аккультурации монголов, поселившихся в покоренных странах, никогда не завершался. По словам Карла А. Виттфогеля и Фен Чья-шена, как «общество завоевания, монголы никогда не склонялись к тому, чтобы отбросить свои культурные традиции и всецело заимствовать их у местных жителей. В результате всегда оставалось различие между обществом победителей и обществом побежденных в каждой из этих порабощенных стран, которое в итоге способствовало развитию, в большинстве из них, национальной борьбы против монголов».

Геополитически Монгольская империя состояла из двух отлич-

ных друг от друга частей: монгольско-тюркского ядра, т.е. степей и пустынь Монголии, Джунгарии, Семиречья (регион Или), Восточного Туркестана, Трансоксании, Кипчакии и Казахстана; и периферийных управляемых монголами государств с преобладающим сельскохозяйственным населением. Степная зона была потенциально главным резервуаром монгольской военной мощи. Большинство правителей периферийных государств хорошо это понимали. Сам выбор Пекина как столицы династии Юань в Китае и Сарая как столицы Кипчакского ханства в этой ситуации показателен. Каждый из этих городов находился на границе периферийного государства и вблизи степной зоны. Лишь иль-ханы Персии проводили несколько иную политику. Если бы они последовали примеру своих родичей в Китае и Южной Руси, для них было бы логичным держать свои штабы где-либо в северном Хорасане, если не в Туркмении. Вместо этого они сделали Тебриз в Южном Азербайджане своей первой столицей. Этот выбор, видимо, был продиктован их желанием усилить свой контроль над Ираком и Малой Азией, чтобы иметь подходящую базу для длительной борьбы против Египта. Позднее, под давлением ханов Кипчакии, иль-ханы перенесли свою столицу на юг в Султанию, в гористый район между Тебризом и Тегераном. Следует вспомнить, что они имели в своем распоряжении степную территорию в районе Муган в Северном Азербайджане, которую они использовали как пастбище для выпаса своих кавалерийских коней. Однако отодвинув столицу слишком далеко от основного ядра монгольских степей, иль-ханы подорвали возможности своего влияния на внутримонгольскую политику, равно как и шансы на получение подкреплений из внутренней зоны империи. Ханы Кипчакии использовали это обстоятельство для укрепления своих собственных позиций в Хорезме. В итоге Тамерлан, начинавший как мелкий вождь в Трансоксании, захватил бывшее царство иль-ханов, не встретив значительной оппозиции.

Вследствие центрального положения монгольской сердцевины империи и ее контроля за внутренними линиями коммуникации, стабильность империи зависела в значительной степени от собственной интеграции этой зоны. Фактически центральноазиатский регион стал полигоном монгольской феодальной политики, которая имела разрушительный эффект для имперского единства. Поскольку внутренняя монголо-тюркская степная зона рассматривалась как общая родина

монгольской нации, каждая ветвь императорской семьи требовала своей доли улусов и владений на этой территории. Большая часть собственно Монголии составляла основной улус потомков Толуя и контролировалась императорами Юань, хотя, как мы видели, во многих случаях им приходилось охранять свои права с оружием в руках.

Первоначально тюркская территория между Монголией и Казахстаном являлась наделом потомков Угэдэя и Чагатая. В конце концов Чагатай установил свой контроль над большей частью региона.

Вследствие процесса феодальной дезинтеграции ни один старший князь этой линии не преуспел в формировании сильного централизованного государства. Со значительной долей нежелания Чагатаиды были вынуждены признать верховенство великого хана. Однако если опасность (с точки зрения единства империи) чагатаидской блокады линий сообщения между Пекином, с одной стороны, и Сараем и Султанией, с другой, была устранена, не следовало ожидать активной поддержки имперской политики от центральноазиатских князей. Итак, военная и политическая значимость степного ядра империи была в значительной мере уменьшена. Вечный конфликт между двумя западными ханствами — иль-ханов и властителей Кипчакии — не способствовал процветанию империи.

Чтобы лучше понять сложность монгольских отношений между князьями, нужно сказать несколько слов по поводу притязаний каждой ветви потомков Чингисхана на собственную долю покоренных земель. Как нам известно, во всех основных монгольских кампаниях, будь они в Китае, средней Азии, в Персии или на Руси, князья всех четырех ветвей потомков Чингисхана находились во взаимодействии — лично, или же посылая военные соединения. В качестве воздаяния за это каждый ожидал получения определенной части богатств из завоеванной страны или же частных владений там. Итак, согласно Джузджани, Бату, хан Кипчакии, имел свою долю доходов со всех районов Ирана, и его агенты наблюдали за сбором налогов на выделенных территориях.[254] Бату также имел вложения в Китае, в провинции Шаньси. В XIV веке хан Узбек еще собирал свои доходы там.[255] Потомки Угэдэя и Чагатая также получили свою часть китайских доходов. Аналогичным образом в западной части Монгольской империи прибыль от крымских портов делилась между «четырьмя ханами», как говорит египетский писатель Ибн-Муфаддаль, т.е. пред-

положительно между старшими князьями четырех ветвей Чингисидов.[256] Подобное партнерство различных ветвей Чингисидов в эксплуатации ресурсов империи давало двойной эффект. С одной стороны, в их интересах было поддерживать солидарность и быть лояльными по отношению к хану. С другой, — личные требования и притязания время от времени нарушали привычный порядок вещей и зачастую приводили к раздорам, как например, в случае конфликта между иль-ханами и ханами Кипчакии.

Быстрое увеличение императорской семьи стало еще одним фактором в изменении структуры монгольского государства и общества. С разрастанием ветвей Чингисидов, каждый князь которых ожидал своего иадела, все больше пастбищ и юрт в Монголии распределялись между князьями.[257] В результате «правящая нация» монголов обнаружила свое подчинение Золотой Родне, и правление элиты заменило ранее существовавшую общность родов, возглавлявшихся своими вождями. Таким образом монгольская национальиая база, на которой была построена империя, значительно сузилась и потеряла значительную часть жизненных ресурсов.

Этот процесс также затронул структуру курултая и армии. В XIV веке большинство постов командиров крупных армейских соединений (туменов и тысяч) занимали князья. Благодаря их ведущей роли как в монгольском обществе, так и в армии, князья были способны контролировать избирательное собрание. Курултай, на котором Буйянту был избран императором (1311 г.), был отмечен присутствием 1400 князей.[258] Фактически в XIV веке они представляли собою социальную и военную олигархию, с которой должен был считаться каждый император и хан. В Китае власть подобной верхушки была в определенной мере нейтрализована ростом бюрократии. Как в Персии, так и в Центральной Руси усилившаяся олигархия в итоге расшатала правительство ханов. Принимая это во внимание, можно сказать, что подъем влияния князей не мог не затронуть эффективность действий армии. В действительности оказались подорваны два важных принципа Чингисхана: равенство на службе и продвижение на основе способностей. Хотя среди князей, безусловно, были способные полководцы, их монополия на высшие должности, без сомнения, мешала продвижению по службе многих выдающихся монгольских офнцеров, которые не принадлежали к дому Чингиса. Некоторые воины, подобно Тамерлану, преуспели в получении власти, несмотря

на препятствия, приписывая все почести марионеточному хану из дома Чингиса, в действительности же — правя от его имени. Не многие, однако, были столь удачливы как Тамерлан, и отчаянные попытки пробиться тех, кто не преуспел, подобно Мамаю в Золотой Орде, вносили дополнительную сумятицу в правительство.

Обращаясь к проблеме межкультурных отношений между монголами и завоеванными нациями, надо иметь в виду, что процесс аккультурации варьировался в соответствии с историческим и этническим фоном оккупированных территорий. В тюркской степной зоне между Монголией и Южной Русью слияние победителей и побежденных было более легким и быстрым, нежели в странах с древними культурами и в основном сельскохозяйственным населением. Монголы предложили военное руководство и установили рамки своей администрации у центральноазиатских тюрков. Однако представляя лишь меньшинство среди населения региона, они постепенно приняли язык страны. Характерно, что имя Чагатай (Джагатай) используется для обозначения тюркского языка и литературы, которые процветали в регионах Семиречья и Трансоксании в XV и XVI веках. Турецкий был родным языком жестокого завоевателя Тамерлана, несмотря на то, что по происхождению он являлся потомком древнего монгольского рода.

Ассимиляция монголов тюрками в регионе Центральной Азии в значительной степени облегчалась сходностью религиозного фона большинства обеих групп. Хотя, как мы знаем, некоторые из племен Монголии, равно как и тюрки Восточного Туркестана и Трансоксании, были в течении нескольких столетий знакомы с буддизмом, несторианским христианством и исламом, большинство тюрков, живших племенами в Джунгарии и Казахстане, в XIII столетии все же являлись почитателями Неба или шаманистами , и такими были основные роды улуса Чагатая. Даже в XIV веке многие князья Джагатаиды все еще придерживались традиционных монгольских религиозных верований. Ислам, однако, быстро прогрессировал и затрагивал как монголов, так и тюрков в этом регионе. Тамерлан, хотя и следовал военной доктрине Чингисхана, был верным мусульманином, что, между прочим, не делало его менее жестоким, чем Чингисхан.

В Китае, как мы знаем, Хубилай принял буддизм в качестве своей собственной веры и официальной религии династии Юань. Более того, он даже укрепил его, предложив поддержку тибетской церкви.

Буддизм, однако, не был единственной религией китайцев, и таким образом лишь часть китайского народа могла с одобрением воспринять его действия. Кроме того, буддистское духовенство, наделенное различными привилегиями, которые доходили почти до экстерриториальности буддистских монастырей, не являлось простым орудием династии Юань. Оно вскоре оказалось независимой силой, с которой было трудно прийти к соглашению во многих случаях. Между прочим, вождь революции Мин Чу Юан-чан сам некоторое время в юности был послушником в буддистком монастыре.

Хотя правящая монгольская династия в Китае приняла одну из китайских религий, монголы как группа держались обособленно по отношению к китайцам, которыми они управляли, и административно, и социально. Они твердо придерживались монгольского языка. Свидетельство Марко Поло в этом отношении говорит о многом. Как верно указывали Виттфогель и Фен, несмотря на близкое знакомство с правящей монгольской группой и частые путешествия по Китаю, Марко Поло мало что мог сказать о китайском народе.[259] Очевидно, что монголы в Китае жили в своем собственном мире. Хотя в дворцовом церемониале и в административных институтах они следовали многим китайским стереотипам, в целом монголы продолжали следовать Великой Ясе. И они сохраняли многое из древнего образа жизни своих предков и привычек питания, равно как и традиционный монгольский ритуал большой охоты. При Хубилае стада белых кобыл содержались близ императорских дворцов для поставки кумыса. Они почитались священными, и получаемый из их молока напиток предназначался только для императора, его потомков и, в качестве специальной милости, для членов хориатского рода.[260] Правила великой охоты, установленные Чингисханом, четко соблюдались его наследниками. Описание охоты при императоре Тугтимуре, сделанное Одориком де Порденоном, для которого писатель, возможно, использовал копию официальных инструкций, очевидно базировалось на предписаниях Ясы.[261]

В одном отношении многие монголы в Китае порвали с древними традициями. Они захотели иметь земельные поместья в сердце Китая, что приводило к слиянию их социальных и экономических интересов с интересами высшего слоя китайских землевладельцев. Именно это было одной из причин антимонгольских настроений среди крестьян Южного Китая в середине XIV столетия. Монголы вы-

казывали схожий интерес к приобретению земельных владений в Персии. Эта тенденция способствовала подъему феодализма и местного сепаратизма в царстве иль-ханов и ускорению его политической раздробленности.

Что касается вероисповедания, то большинство народов, контролируемых иль-ханом, были мусульманами в течение нескольких столетий, хотя и существовал раскол между шиитами и суннитами. Хулагу, основатель династии иль-ханов, был почитателем Неба. До обращения его наследников в ислам в конце XIII столетия различие религиозного толка мешало какой-либо глубокой ассимиляции завоевателей. Более того, в первый период монгольского владычества в Иране как хан, так и представители монгольской знати сохраняли свои традиционные обычаи и жизненный уклад, как они это делали и в Китае.

Культурный и этнический фон жизни народов на территориях, находившихся под контролем ханов Кипчакии, был еще более сложным, чем в Китае и Иране. Кипчаки (половцы) черноморских степей — или большинство из них — во время монгольского вторжения являлись все еще язычниками. Хорезмцы и волжские булгары были мусульманами. Большинство аланов донского региона, Северного Кавказа и Крыма придерживались христианства греко-православного вероисповедания, как и готы в Крыму. Русские (бродники), жившие в степной зоне — в районах нижнего Дона и нижнего Буга — были также греко-православными. [262] При всем этом именно Русь, Русская федерация к северу от степей, составляла основной оплот греко-православного христианства в Золотой Орде.

Экономически и культурно кипчакские степи (Дешт-и-Кипчак), дом скотоводов и владельцев молочных хозяйств, представляли разительный контраст с Северной Русью с ее сельским хозяйством и лесопроизводством. Само различие ресурсов на юге и на севере способствовало живой торговле между двумя регионами, в которую были вовлечены русские и волжские булгары. С уничтожением монголами булгарских и многих русских городов ведущая роль в торговле перешла к мусульманским купцам Центральной Азии. Они находились под защитой монгольских властителей со времен Чингисхана и играли важную роль в монгольских финансовых делах.

Вследствие различия религиозного и культурного фона в Кипчакском ханстве было естественным, что его ханы колебались в окон-

чательном выборе религиозной деноминации. Бату, первый хан Кипчакии, был почитателем Неба. Его сын Сартак принял христианство. Брат Бату Берке был обращен в ислам. Его наследники вновь вернулись к почитанию Неба, и лишь в XIV веке Узбек ввел ислам как официальную религию ханства. Финансовое и торговое преобладание мусульман в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, без сомнения явилось важным фактором обращения в ислам черноморской группы монголов, равно как и их тюркских подданных.

Можно предположить, что если бы ханы Золотой Орды предпочли христианство исламу, то они бы оказались, по крайней мере временно, в положении наполовину ассимилированных властителей Руси, уподобившись Хубилаю и его наследникам в Китае. В подобном случае могло бы образоваться единое христианское государство с мусульманским меньшинством. В связи с обращением ханов в ислам, создание такого государства было отложено на несколько веков. В подобных условиях в XIV и XV веках не существовало предпосылок для перспективного культурного слияния монголов и русских. Политически Золотая Орда раскололась на мусульманскую и христианскую части.

Глава III

ЗОЛОТАЯ ОРДА

1. Улус Джучи

Ханство кипчаков, знакомое нам, как Золотая Орда, являлось лишь частью более крупного политического организма, известного как Улус Джучи. Следует вспомнить, что незадолго до смерти Чингисхан сделал каждого из своих сыновей властителем отдельной части империи, улуса, под верховной властью великого хана. Поскольку Казахстан и «западные земли», которые предполагалось завоевать, были дарованы старшему сыну Чингисхана Джучи, эта часть Монгольской империи стала называться Улусом Джучи, или западным ханством; Марко Поло говорил о Джучидах, как о «татарах Запада».

После смерти Джучи правителем этого улуса был признан его второй сын Бату. После завоевания Руси Бату, как мы знаем, основал свою столицу в Сарае на нижней Волге. Первоначальный Улус Джучи стал удельным владением старшего брата Бату Орды. Оно включало в себя обширную территорию, в состав которой входили Западная Сибирь, Казахстан и нижний бассейн реки Сырдарья.[1] Два других сына Джучи, Шибан и Тука-Тимур, также получили свою долю владений на этой территории. Хотя братья Бату, правившие в восточной части Улуса Джучи, вначале находилась под его сюзеренитетом, позднее восточное ханство обрело фактическую независимость.

Поскольку Улус Джучи являлся крайней западной частью империи, мы можем допустить, что в соответствии с системой соотношения между определенным цветом и стороной света, он был обозначен белым. Согласно Иоанну де Плано Карпини, во время каждого из четырех дней, на протяжении которых шли церемонии избрания Гуюка, монголы, присутствовавшие на курултае, были одеты в платья определенного цвета. В первый день цвет был белым.[2] По мнению Хара-Давана, этот день символизировал участие Улуса Джучи в выборах.[3] Прием в этот день проводился в большом шатре из белого бархата. Таким образом, Улус Джучи, по всей видимости, был известен как Белая Орда. После его разделения на два подулуса — восточный и западный — проблема цветов принадлежности стала более запутанной. В источниках упоминаются два названия подулусов — Белая и Синяя Орда, но неясно, какой цвет относится к какому ханству.

Большинство исследователей соглашаются сейчас с тем, что восточное ханство называлось Белой Ордой (по-тюркски — Ак-Орду), а западное — Синей Ордой (по-тюркски — Кек-Орду).[4] По моему мнению, такое толкование вызывает сомнения. В первую очередь, мы должны принять во внимание свидетельства русских летописей. В них западное ханство (которому Русь была непосредственно подчинена) называется Большой Ордой, или просто Ордой, а о восточном ханстве говорится как о Синей Орде. Русские в использовании названия «Синяя», несомненно, следовали своим татарским информаторам. Кроме того, это название представляется логичным применительно именно к восточному ханству, поскольку синий — цвет востока. В восточных источниках нет единства по поводу названий Синяя Орда и Белая Орда. Верно, что в некоторых персидских источниках, таких, как хроника Искандера Анонима XV века, о восточной Орде говорится как о Белой, а о западной — как о синей.[5] Однако в другом персидском источнике, поэме Кутбы «Хосров и Ширин», говорится о Тинибеге, хане кипчаков середины XIV века, как о правителе Белой Орды.[6] Немецкий путешественник Иоганн Шильтбергер, который посетил ханство кипчаков в начале XV века, называл его «Большие Татары» (что соотносится с Большой Ордой русских летописей) или «Белые Татары» (что соотносится с Белой Ордой).[7] Можно прибавить, что в рассказе об убийстве Ахмата, одного из после-

дних ханов Золотой Орды, ханом Ибаком из Тюмени в 1481 г говорится, что Ахмат был убит в его «белом шатре».[8]

Таким образом выясняется, что Улус Джучи в целом, а затем его западная часть — ханство кипчаков — были известны как Белая Орда. И тем не менее, в современной историографии Белая Орда называется Золотой Ордой. Откуда такое название? Как мы видели, золото, представляющее желтый цвет, было символом монгольской императорской власти. В то же время, желтый географически был цветом среднего, то есть центрального государства.

Название «Золотая Орда» впервые появляется в наших источниках для обозначения императорского шатра великого хана Гуюка. И, как мы знаем, потомки Чингисхана были известны, как Золотой род. Правители Белой Орды принадлежали к Золотому роду, и по крайней мере один из них, мусульманский хан Узбек (годы правления: 1313 — 1341) восседал во время придворных приемов в так называемом «золотом шатре» (pavillon d'or, согласно французскому переводу «Путешествий» Ибн-Батуты).[9] Трон хана в этом шатре был покрыт пластинами позолоченного серебра. И все же ни Ибн-Батута, который в подробностях описал и шатер, и трон, ни какой-либо другой восточный писатель XIV-XV веков не называли ханство кипчаков Золотой Ордой.

Первое упоминание названия «Золотая Орда» в русских источниках появляется в «Истории о Казанском царстве» (написанной около 1564 г.). Автор этого труда, который был детально знаком с историей возникновения Казанского ханства, получил свои сведения, по крайней мере — частично, от казанских татар.[10] Представляется вполне вероятным, что после отделения Крымского и Казанского ханств от Белой Орды эта последняя могла считаться центральным государством в группе из трех государств-преемников, и со временем стала называться Золотой Ордой в значении: «Центральная Орда».

Поскольку название «Золотая Орда» стало традиционным в исторической литературе, замена его формально более соответствующим названием «Белая Орда» привела бы только к путанице и могла бы вызывать недоразумения. В связи с этим для удобства о ханстве кипчаков, или Белой Орде, далее будет говориться, как о Золотой Орде.

2. Правление Бату и его сыновей

Основы Золотой Орды как автономного государства внутри Монгольской империи заложил хан Бату после своего возвращения из венгерского похода в 1242 г. Четыре года спустя, во время путешествия Иоанна де Плано Карпини в Монголию, очертания нового государства уже приобретали отчетливые контуры. Юго-западная Русь и половецкие степи находились под властью командующих монгольскими войсками. Управление было сильным, и путешествие — безопасным.

Двор Бату на берегу Волги был обустроен «совершенно великолепно», как отмечает Плано Карпини. Сам хан и его семья жили в больших полотняных шатрах, которые раньше принадлежали королю Венгрии. Прием при дворе хана описан Иоанном в следующих словах: *«Он (Бату) восседает на возвышении, как на троне, с одной из своих жен; но любой другой (из его семьи), как его братья и сыновья, так и те, кто ниже рангом, сидят ниже на скамьях в середине (шатра). Все прочие люди расположились сзади них на земле, мужчины справа, а женщины слева».*[11]

Семью годами позже другой путешественник, Вильгельм де Рубрук, описывал лагерь Бату, как *«большой город с жилищами и народом, простирающийся на три или четыре лиги в округе. И как среди народа Израиля, где каждый знал, в какой стороне от скинии должен он поставить свой шатер, так и эти люди знают, с какой стороны от орды они должны разместиться, когда возводят свои жилища».*[12] Церемония аудиенции брата Вильгельма была подобна церемонии, описанной Плано Карпини. О внешности самого Бату Вильгельм де Рубрук говорит, что *«он показался мне примерно такого же роста, что и мой господин Жан де Бомон, пусть его душа покоится в мире».*[13] Карамзин по этому поводу замечал с иронией: *«Как жаль, что мы не имели чести встречаться с месье де Бомоном!»*[14] Вскоре после путешествия брата Вильгельма Бату основал свою резиденцию в новом, заложенном им городе Сарае.

Согласно археологическим свидетельствам, столица Бату располагалась на восточном берегу Ахтубы (рукав дельты нижней Волги), примерно в ста километрах к северу от Астрахани.[15]

Указателем духовных качеств Бату является эпитет «саин», ко-

торый дается ему в некоторых восточных анналах, а также в тюркском фольклоре. Его переводят как «хороший». Поль Пеллье отмечает, однако, что это слово имеет также толкование «умный», и в случае с Бату его надо понимать именно в этом смысле.[16] Таким образом саин-хан может обозначать: «благоразумный хан» или «мудрый хан».

Дешт-и-Кипчак (половецкая степь) представлял собой сердцевину ханства Бату. Его западной оконечностью была Булгария, а восточной — Хорезм. На севере сопротивление Руси было сломлено, но еще следовало установить механизм оккупации и контроля. На юге владычество Бату простиралось до Крыма и Северного Кавказа. Закавказье, оккупированное монголами во время царствования Угэдэя, и сельджукский султанат в Малой Азии, завоеванный во время регентства вдовы Угэдэя, формально не находились под юрисдикцией Бату. Однако монгольскими войсками в этих регионах командовали армейские военачальники (нойоны), а не кто-либо из князей-чингисидов. Таким образом, из всех чингисидов Бату ближе всех географически располагался к арене событий, и был старшим по отношению к остальным. При таких обстоятельствах можно было ожидать от него, что он проявит некоторый интерес к этим недавно завоеванным землям, и их правители спешили установить с ним контакты. К примеру, сельджукский султан Джиязад-Дин Кай Хосров II направил три посольства к Бату. Грузинский князь Давид (будущий хан Грузии Давид) прожил некоторое время при дворе Бату как заложник.[17]

Что касается Руси, перед Бату стояли две главные проблемы: навязать русским князьям покорность его воле и организовать сбор дани и налогов. Во время путешествия Плано Карпини в Северной Руси он не видел монгольских войск; на юго-западе армия под командованием Куремсы (Курумши)[18] располагалась в районе Днепра к югу от Киева. В 1246 г. в Киеве не было русского князя; киевский регион, а также часть черниговского региона и Подолия, находились под непосредственным контролем монголов. Согласно Плано Карпини, около 1245 г монголы набирали рекрутов для своей армии из населения именно этих территорий.

Чтобы распространить свой контроль дальше на запад, север и восток, они нуждались во взаимодействии с русскими князьями.

Восточные русские князья первыми вынуждены были присягнуть на верность. Еще в 1242 г. великий князь владимирский Ярослав I направился в ставку Бату, где его утвердили в должности. Его сын Константин был отправлен в Монголию, чтобы заверить регента в своей и отцовской приверженности. В 1246 г., как мы знаем, великий князь Ярослав Всеволодович сам отправился в Каракорум, где присутствовал на церемониях, посвященных восхождению Гуюка на трон.[19] Ярослав Всеволодович больше не вернулся на Русь; он заболел и умер в Монголии. Если верить Иоанну де Плано Карпини, его отравила хатун, мать Гуюка. Как Карамзин, так и Рокхилл выражают сомнение по поводу рассказа Плано Карпини, аргументируя это тем, что великий хан всегда мог казнить великого князя владимирского открыто, если бы того пожелал, и потому монголам не нужно было прибегать к уверткам.[20] Однако, сведения Иоанна де Плано Карпини, полученные от русских в Каракоруме, обычно точны. Нам следует также принять во внимание напряженность в отношениях между Гуюком и Бату. Если Гуюк считал Ярослава I орудием Бату, возможно, он посчитал необходимым тихо избавиться от него. Более того, как мы знаем, Гуюк не одобрял политику своей матери во время ее регентства, поэтому есть вероятность того, что хатун отравила Ярослава Всеволодовича назло своему сыну. Получив известия о смерти отца, сыновья Ярослава, Александр Невский и Андрей Суздальский, отправились в ставку Бату, чтобы присягнуть ему на верность. Бату приказал им обоим направиться в Каракорум, для того чтобы засвидетельствовать свое почтение великому хану (1247 г.).

Тем временем Бату улаживал западнорусские проблемы по-своему. Ему приходилось иметь дело с двумя выдающимися русскими князьями, которыми были Даниил Галицкий и Михаил Черниговский.[21] Для феодального общества на востоке Центральной Европы характерно, что даже после жестокого урока, преподанного монгольским вторжением в 1240-1241 гг., межкняжеские и межнациональные раздоры и соперничество не ослабели. Как Польша, так и Венгрия пытались воспользоваться ситуацией, поддерживая то одну, то другую сторону, что привело к установлению их собственного контроля над Галичем. Этим объясняются постоянные конфликты между венграми и поляками, а также между теми и другими и русскими. Галицкие князья, вынужденные объединять

силы то с поляками, то с венграми, несколько раз были втянуты в центральноевропейские конфликты, вмешиваясь в венгерско-чешское и чешско-польское соперничество.

В ранние годы правления внимание Бату было сосредоточено на переговорах монгольских вождей по поводу будущего избрания нового великого хана; его также заботили закавказские и анатолийские отношения. Поэтому он не вмешивался в деятельность западнорусских князей до 1245 г. К этому времени в Монголии было достигнуто соглашение по поводу кандидатуры Гуюка на трон. Даже если Бату и не одобрял его, он вынужден был с ним согласиться. Теперь он мог усиливать свой контроль над Западной Русью.

Тем временем в 1245 г. Даниил Галицкий и его брат Василько Волынский нанесли сокрушительное поражение князю Ростиславу (сыну Михаила Черниговского), которому венгры и поляки оказывали совместную поддержку. Эта победа сделала галицкого князя Даниила Романовича самым сильным из правителей на востоке Центральной Европы, и Бату поспешил предотвратить любую попытку со стороны князя Даниила отстоять свою независимость. Он приказал галицкому князю возвратить управление Галичем монгольскому военачальнику. Вместо этого Даниил Романович решил присягнуть на вассальную верность лично самому Бату, и с этой целью он отправился в ставку хана. Он должен был низко склониться перед ханом, но принят был милостиво, и ему всячески выказывалась благосклонность. *«Пьешь ли ты наши напитки — черное молоко и кумыс?»* — спросил Бату Даниила.[22] *«До сих пор не пил, но сейчас я сделаю все, что ты прикажешь, и выпью их»*. Бату был, несомненно, доволен. *«Теперь ты один из наших»*, — сказал он и приказал, чтобы русскому князю был поднесен кубок вина. *«Ты не приучен к молоку, поэтому выпей немного вина»*. Несмотря на добрый прием, гордость Даниила Галицкого, как и его витязей, была сильно уязвлена. *«О, из всех зол большее — почет от татар»*, — комментирует галицкий летописец. *«Даниил, великий князь, господин земли Русской, теперь склоняет колени и называет себя рабом хана»*.[23]

Через несколько месяцев после паломничества Даниила Галицкого в Сарай князь Михаил Черниговский отправился на встречу с Бату. Он оказался менее удачлив, нежели его соперник. Разницу

в отношении Бату к двум князьям можно объяснить тем фактом, что галицкий князь был значительно сильнее, чем черниговский, и Бату счел необходимым добиться от него покорности. Кроме того, Галич находился близко к Венгрии и Польше, и Даниил Галицкий всегда мог найти убежище в одной из этих стран. И Михаил Черниговский, и его сын Ростислав провели несколько лет в Венгрии, и Ростислав вернулся туда после провала его похода против Даниила Романовича.[24] Михаил Черниговский, однако, предпочел возвратиться в свой стольный город, где оказался во власти Бату. Более того, Бату, по все вероятности, не доверял намерениям черниговского князя. Он согласился принять Михаила Всеволодовича, только если тот очистится, пройдя между двух огней. Это была обычная монгольская процедура для иностранцев, желающих быть допущенными к ханскому двору, основанная на вере в магические свойства огня. Между прочим, Даниил Галицкий избежал ее.

Вдобавок, согласно Плано Карпини, Бату потребовал, чтобы князь Михаил Черниговский простерся перед идолом (онгоном) Чингисхана. Князь Михаил отказался выполнить требования Бату и даже стал вызывающе поносить «мерзких идолов». За это он был казнен вместе с одним из верных ему бояр, который сопровождал его в ставку хана и убеждал его *«принять мученический венец»*.[25] Еще один князь из черниговского дома — Андрей, сын Мстислава, был казнен примерно в это же время.[26] Согласно Плано Карпини, он был наказан за самовольную поставку коней за границу.[27]

Казнь князя Михаила Черниговского убрала со сцены старого соперника Даниила Галицкого и тем самым укрепила его положение. Более того, оказавшись в качестве вассала Бату, Даниил Романович снискал авторитет среди соседних правителей, которые теперь искали его дружбы. Король Венгрии Бела IV отдал свою дочь за сына Даниила — Льва и способствовал браку еще одного из данииловских сыновей, Романа, с Гертрудой, племянницей покойного герцога Австрийского. Таким образом, Роман стал претендентом на австрийский трон. Это дало возможность Беле IV заинтересовать Даниила вопросом об австрийском престолонаследии и получить от него военную помощь против Священной Римской империи.[28]

Нужно заметить, что после возвращения из ставки Бату в 1246 г.

Даниил Галицкий реорганизовал и переснарядил свою армию по монгольскому образцу. Когда австрийские посланники прибыли в его лагерь, они были удивлены, увидев всадников галицкого князя, одетых в кирасы монгольского типа, и их лошадей, защищенных шлемами и наплечными и грудными доспехами. «А их оружие блестело». Сам князь Даниил, однако, был одет, согласно летописцу, «по русскому обычаю»: в одежду для верховой езды из греческой парчи, украшенной золотым галуном; в сапоги из зеленой кожи. Его сабля была инкрустирована золотом, а седло его великолепной лошади позолочено.[29]

Несмотря на старания Белы IV и Даниила Галицкого, уже был кандидат на престол, которого поддерживала Священная Римская империя — Оттокар Богемский (король Богемии с 1253 г.), который со временем стал герцогом Австрии.[30] Между прочим, Даниил не имел намерения разжигать пожар в Центральной Европе. Наоборот, к этому времени он пришел к заключению, что ему нужна поддержка Запада против монголов. Конечно, его раболепство перед Бату было лишь тактическим ходом. Его далеко идущая стратегия заключалась в подготовке к борьбе против монголов. Однако, он должен был действовать осторожно и скрывать свои намерения.

Первым шагом Даниила в его новой дипломатической игре стала попытка установить контакт с папой, чей авторитет резко возрос после смерти в 1250 г. его злейшего врага, императора Фридриха II. Следует вспомнить, что несколькими годами раньше сам папа через Плано Карпини убеждал западнорусских князей признать его господство. Во время пребывания папского посла в Волыни (предположительно, в декабре 1245 г.) Даниил находился в лагере Бату, а его брат Василько, хотя и симпатизировал идее папы, отказался брать на себя какую бы то ни было ответственность в вопросе объединения церквей. Поскольку братья продолжали свое путешествие в Монголию, папа послал еще одного клирика к Даниилу, чтобы подготовить почву для восстановления дружественных отношений.[31] На обратном пути из Монголии Плано Карпини и его спутник остановились в Галиче (июнь 1247 г.), где Даниил и Василько приняли их «с большой радостью». Согласно Иоанну де Плано Карпини, оба князя говорили, *«что им хотелось бы иметь папу единственным их господином и отцом, а римскую церковь*

их госпожой и повелительницей... И после этого они отослали с нами к папе свои письма и посланников».[32] Затем последовал обмен посольствами. Даниил согласился убедить духовенство и народ Галича и Волыни признать папу главой их церкви. Папа, в свою очередь, обещал Даниилу королевскую корону и военную помощь римско-католических народов.[33]

Одновременно Даниил вступил в переговоры с великим князем Андреем Владимирским (братом Александра Невского), за которого он в 1251 г. отдал замуж одну из своих дочерей. Андрей согласился сотрудничать с Даниилом, но не смог сделать многого, поскольку по причинам, которые будут рассмотрены позднее, в 1252 г. лишился своего трона. Таким образом, единственной надеждой Даниила оставалась возможность получить поддержку с Запада. Папа, как и обещал, прислал ему знаки королевской власти, и Даниил был коронован королем в городе Дрогичине в 1253 г. Однако усилия папы, направленные на то, чтобы сплотить католические силы для крестового похода против монголов в помощь Даниилу, не привели ни к чему.

Теперь мы можем вернуться к событиям в Восточной Руси. Когда Александр Невский и его брат Андрей, в конце 1247 г. или в начале 1248 г., появились при дворе Гуюка, хан сделал Андрея великим князем владимирским, а Александра — князем киевским. Последнее назначение знаменательно, поскольку оно демонстрирует, что Гуюк хотел, чтобы Западной Русью правил кто-либо, зависимый от него. Братья вернулись на Русь в 1249 г. К этому времени Гуюк умер, но в период междуцарствия не происходило перераспределения княжеских тронов. В то время как Андрей стал править Владимиром, Александр отправился не в Киев, а в Новгород. Новый митрополит Руси в 1251 г. посетил его там. В связи с этим следует отметить, что предыдущий митрополит Иосиф скончался в Киеве в 1240 г. Только после шестилетнего перерыва Даниил Галицкий взял на себя инициативу восстановления митрополитского престола и отправил своего кандидата, западнорусского монаха по имени Кирилл, в Никею[34] за одобрением патриарха. Кирилл был должным образом посвящен в сан митрополита Киевского, но из-за запутанной ситуации на Ближнем Востоке он не возвращался на Русь до 1249 или 1250 г. Обнаружив Киев совершенно разоренным и непригодным для установления там епархиальной администра-

ции, он отправился в Восточную Русь. Его неодобрение переговоров Даниила с папой явилось дополнительным мотивом для такого решения. Более того, Александр официально являлся киевским князем, хотя фактически находился в Новгороде.

Тем временем междуцарствие в Монгольской империи подошло к концу, когда новым великим ханом был избран Мункэ (1251 г.). Это событие вызвало возобновление всех ярлыков на княжение. Однако, благодаря близкой дружбе между Мункэ и Бату и широким полномочиям, которые Мункэ дал Бату, русские князья в то время должны были ехать в Сарай, а не в Каракорум, для подтверждения их должности. Между прочим, Бату, в свою очередь, поручил своему сыну и соправителю Сартаку — христианину, вероятно, несторианской конфессии — управлять русскими делами. С этого момента русские должны были иметь дело только с Сартаком. Александр Невский без колебаний направился в Сарай. Андрей Суздальский, однако, отказался совершить это необходимое путешествие. Если он рассчитывал на помощь Даниила Галицкого в противостоянии хану, то он просчитался; галицкий князь еще не был готов к тому, чтобы оказать сильное сопротивление монголам. Сартак немедленно послал карательную экспедицию во Владимир. Князь Андрей Ярославич встретил монгольские войска возле города Переяславля-Суздальского.[35] Его армия была разбита, и он вынужден был бежать в Новгород. Оттуда он проследовал в Колывань (Ревель, известный теперь как Таллинн), а затем стал искать убежища в Швеции. Монголы разграбили Суздаль.

После этого Сартак даровал ярлык на владимирский стол Александру Невскому. Александра приветствовал по его возвращении во Владимир митрополит Кирилл, духовенство и множество горожан.[36] Примечательно, что бояре не упомянуты в отчетах о приеме. Один из летописцев, однако, утверждает, что Андрей бежал в Новгород «со своими боярами».[37] По всей вероятности, владимирские бояре, как группа, поддерживавшая князя Андрея Суздальского в его противостоянии монголам, в то время противилась Александру Невскому и его политике лояльности хану.

Для того, чтобы лучше понять мотивы поведения Александра Невского, следует сравнить их с мотивами Даниила Галицкого. В первую очередь, важна географическая разница между двумя русскими государствами. Галич находился от Сарая значительно даль-

ше, чем Владимир. Поэтому Александр Невский, в отличие от галицкого князя, не мог питать надежд на отстаивание своей независимости от хана. Даниил Романович, как мы знаем, рассчитывал на поддержку с Запада. Александр не доверял Западу. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что существовала отчетливая разница в характере западных государств, с которыми князьям приходилось иметь дело. Несмотря на конфликты князя Даниила с Польшей и Венгрией, правители обеих этих стран были не более чем его соперниками (а иногда и друзьями). С точек зрения социальной и психологической, славянская Польша и полуславянская Венгрия относились к той же центральноевропейской среде, что Галич и Волынь. И наоборот, тевтонские рыцари и шведы, с которыми в юности Александр Невский встретился лицом к лицу, были в то время непримиримыми врагами Руси, пронизанными духом завоевания и интересами колониальной экспансии со всеми вытекающими последствиями. В то время как Даниил Галицкий мог надеяться сделать Галич партнером в федерации дружественных государств, Александр знал, что если он когда-либо получит помощь с Запада, то эта помощь будет оказана только на продиктованных Западом условиях. Получение защиты со стороны тевтонских рыцарей повлекло бы за собой признание их сюзеренитета. Более того, даже с их помощью Александр не мог надеяться на то, чтобы защитить Владимир от монгольских войск. Северная Русь была бы разделена между тевтонскими рыцарями и монголами, Новгород отошел бы к первым, а Владимир — ко вторым. Александр предпочел остаться лояльным по отношению к монголам, нежели делить страну.

Существенной была также разница в отношении Александра и Даниила к связям с церковью. Что касается Даниила, в центральноевропейском культурном окружении римско-католическая церковь являлась церковью тех соседних стран, с которыми он находился в равном социальном и политическом положении. Частыми были браки между домами западнорусских князей и ближайшими центральноевропейскими народами.[38] Для Александра же, с другой стороны, римско-католическую церковь представляли рыцари-крестоносцы. К этому следует еще добавить и различие между двумя князьями в духовном отношении. Александр представляется значительно более горячим поборником греко-православной

церкви, нежели Даниил, и для него эта церковь символизировала Вселенскую истину. По складу своего характера Даниил был беззаботен и увлекался обычаями и взглядами западного рыцарства, в то время как Александр имел более серьезные цели и глубокое чувство ответственности по отношению к своей стране и народу. Выдающийся военачальник, Александр Невский был также здравомыслящим государственным деятелем, достаточно реалистически мыслящим, чтобы принять как неизбежное курс на сдержанность, как бы это ни было трудно. И, взяв этот курс, он не собирался отклоняться от него, что позволяло ему добиваться своих целей, даже когда это касалось мятежных новгородцев.

Бату умер около 1255 г., и ему наследовал его сын Сартак. Его смерть не оказала никакого воздействия на положение русских князей, поскольку они уже находились под властью Сартака. Хотя русский народ подвергся новым тяготам в это время, их виновником был не Сартак, а великий хан Мункэ. Нуждаясь в большом количестве войск для китайской кампании и для предполагаемого завоевания Ближнего Востока, Мункэ приказал провести новую перепись населения во всей империи, для того чтобы рекрутировать воинов и собрать налоги.[39] Сартак умер около 1256 г. Новый хан, Улагчи, созвал всех русских князей в Сарай, чтобы возобновить их ярлыки. Наряду с другими при дворе Улагчи появился и прежде непокорный великий князь владимирский Андрей «со многими дарами». По всей видимости, именно Александр Невский принял меры к возвращению своего беглого брата из Швеции. Андрей был прощен и получил ярлык на суздальское княжение. Хотя Улагчи и принял милостиво своих русских вассалов, он не отказался от поддержки императорского приказа о переписи и рекрутировании.

Монгольские чиновники, уполномоченные выполнять эти обязанности, появились в Восточной Руси — в Рязанском и Муромском княжествах и в Великом княжестве Владимирском — в 1257 г. Хорошо помня ужасы карательной экспедиции 1252 г., народ Великого княжества Владимирского не делал попыток к сопротивлению. Постоянный механизм действия монгольской администрации теперь был установлен в Восточной Руси, и страна разделилась на военные районы (мириады, тысячи, сотни и десятки), что должно было упростить как рекрутирование, так и сборы нало-

гов.[40] Таким образом, завершив реорганизацию управления в Восточной Руси, монголы направили свое внимание на Новгород.

Сначала новгородцы отказались впустить монгольских чиновников в свой город. Прекрасно зная, какие несчастья может им принести военное сопротивление, Александр Невский сам взялся убедить их согласиться на проведение переписи. Когда новгородцы отвергли его посредничество, он прибег к мерам принуждения. На этот раз против него восстал даже его сын Василий, его наместник в Новгороде; Александр захватил его, сурово наказал нескольких его сподвижников, и отправил сына во Владимир. Предупрежденные, что монгольские экспедиционные войска готовы выступить на Новгород, жители в конце концов согласились на проведение переписи на условиях, о которых вскоре будет сказано.

В 1258 г. монгольские чиновники явились в северную метрополию вместе с великим князем Александром Невским, его братом князем Андреем Суздальским и князем Борисом Ростовским. С помощью такой впечатляющей свиты из ведущих восточнорусских князей монголы, видимо, предполагали предупредить новгородцев, чтобы те не ожидали поддержки от русских владык, если они возобновят сопротивление. Несмотря на подобное дипломатическое давление, когда чиновники начали «подсчет» жителей, в городе разразился мятеж. Монголы попросили у Александра Невского защиты, и он приказал своим войскам подавить бунтовщиков. Его твердая позиция произвела должное впечатление на новгородцев, и они в конце концов согласились позволить монголам продолжать перепись. Сжатый отчет об этих событиях в Первой Новгородской летописи отражает диапазон противоборствующих чувств различных групп населения и их подавленное негодование по поводу «умиротворяющей» политики Александра.[41] Гордый город вынужден был покориться завоевателям, и требуемую часть воинов удалось навербовать. Хотя перепись легла в основу подсчета обязательств со стороны новгородцев, на этой территории так и не были организованы постоянные монгольские военные округа. По всей вероятности, новгородские власти сами взяли на себя обязательство вербовать воинов и собирать налоги в будущем. Нечто вроде подобного соглашения, видимо, оговаривалось в предварительных переговорах. Это было очень важной уступкой со стороны монголов — ценой, которую они заплатили Александру Не-

вскому за сотрудничество. Между прочим, купцы из Золотой Орды получали постоянные доходы от новгородской балтийской торговли и намеревались увеличить их в будущем. Они предпочитали собирать золотые яйца, а не убивать курицу, которая их несет.

3. Правление Берке

Смерть Улагчи (1258 г.) открыла путь к трону кипчаков брату Бату Берке, суровому и честолюбивому правителю. С ним был привнесен новый религиозный элемент в политику западной ветви монголов: исламский. Берке, обращенный в ислам в юности, сделал новую веру краеугольным камнем своей ближневосточной политики. Мусульманин, он был готов вступить в дружественные отношения с египетским государством мамлюков. Это имело своим последствием конфликт с его двоюродным братом Хулагу, монгольским ханом в Персии.

В начальный период экспансии монголов на Ближнем Востоке, о чем следует вспомнить, не было четкого разделения сфер влияния великого хана и хана кипчаков на Ближнем Востоке. Бату, как мы уже видели, вмешивался в ближневосточные дела во многих случаях. Все изменилось с решением курултая в 1253 г. организовать новую монгольскую экспедицию на Ближний Восток под командованием брата Мункэ Хулагу. По условиям монгольской межкняжеской политики это означало передачу управления ближневосточными делами от потомков Джучи потомкам Толуя. Поначалу Джучиды приняли это решение и согласились сотрудничать с Хулагу, направив свои воинские подразделения для его поддержки. Но семена возможных разногласий были уже посеяны. Многое зависело от самих личностей ханов кипчаков и их особых политических интересов. Как Сартак, так и Улагчи проявляли не только лояльность великому хану Мункэ, но и большую заинтересованность в эксплуатации их русских доминионов, нежели в ближневосточных делах. Когда Берке взошел на трон кипчаков, он дал клятву верности Мункэ, по условиям которой должен был поддерживать продвижение Хулагу на Ближний Восток. Контингент войск, посланный предшественником Берке Улагчи, принял участие в завоевании Багдада в феврале 1258 г.

Смерть Мункэ в 1259 г. вызвала затяжной кризис в Монгольской империи, конфликт между двумя братьями — претендентами на трон: Хубилаем и Ариг-Бугой. Ввиду начинающейся размолвки между Хулагу и Берке, практически неизбежным было то, что каждый из них будет поддерживать разных кандидатов. В то время как Хулагу признал императором Хубилая, Берке поддерживал Ариг-Бугу.

Гражданская война между Хубилаем и Ариг-Бугой продолжалась до 1264 г., и в этой атмосфере общей неопределенности и путаницы конфликт между Берке и Хулагу со временем перешел в открытое противоборство.

К и без того сложной ситуации на Ближнем Востоке добавился новый фактор, связанный с падением Латинской империи в Константинополе и реставрацией Византийской империи в 1261 г. Михаилом VIII Палеологом (императором Никеи с 1259 г.). Это привело к общей перестройке политических и коммерческих тенденций в Восточном Средиземноморье. Поскольку Латинская империя снабжалась венецианцами, Михаил вместо этого даровал привилегии генуэзским купцам, что дало последним преимущества перед их конкурентами.[42] Никейская империя традиционно находилась в дружественных отношениях с монголами в Иране. Теперь, с перенесением греческой столицы обратно в Константинополь, Михаил VIII находился в выгодном положении также и для торговли с кипчакскими монголами. Политическая и коммерческая революция на Босфоре фактически открыла удобный морской путь между кипчаками и Египтом через Византию, который мог быть использован и для обмена посольствами между Берке и мамлюкскими султанами.

Возвращение византийского императора и патриарха в Константинополь явилось также важным событием для Руси, поскольку Константинополь был более доступен для Руси, нежели Никея, что давало возможность возобновить отношения между русской церковью и патриархом, которому в духовном отношении она была подчинена. Политически Русь, конечно же, находилась под властью монголов, и хан кипчаков стал «царем» для русских. Между тем, византийский государь обладал определенной степенью морального и духовного престижа среди русских и, более того, мог оказывать влияние на политику патриарха по отношению к рус-

ской церкви. Следует заметить, однако, что из-за согласия признать господство папы на время недолгой церковной унии, провозглашенной на соборе в Лионе в 1274 г., император Михаил VIII вызвал значительное противостояние среди греко-православного духовенства как в Константинополе, так и на Руси. Специфическая ситуация получила дальнейшее развитие, и в ней политическая зависимость Руси от монголов защищала русскую церковь от давления со стороны папы. Монголы, в свою очередь, вполне отдавали себе отчет в возможности использовать русское духовенство в качестве посредников в их отношениях с Византией. Важный шаг в сторону координации дел русской церкви с монгольской администрацией был сделан в 1261 г., когда Берке одобрил предложение, выдвинутое Александром Невским и митрополитом Кириллом, об организации русского епископства в Сарае.[43] В связи с этим следует заметить, что вдобавок к старому городу Сараю, основанному Бату, Берке основал новый город, также названный Сараем. Он располагался на восточном берегу верхней Ахтубы, близко к современному городу Ленинску (ранее известному, как Царев), примерно в пятидесяти километрах к востоку от Волгограда.[44] Старый Сарай, однако, оставался официальной столицей Золотой Орды при Берке и его преемниках, вплоть до царствования Узбека (1313-1341 гг.), когда столица была перенесена в Новый Сарай.

Занятый конфликтом в Монгольской империи, так же как и широким кругом запутанных проблем ближневосточной политики, Берке, казалось, уделял меньше внимания русским делам, нежели его предшественники. Однако, он вынужден был уладить положение в Галиче и Волыни, где, как мы знаем, князь Даниил Галицкий пытался добиться независимости от монголов. С начала 1250-х годов князь Даниил, вдобавок к остальным своим заботам, был поставлен перед проблемой сдерживания быстро нарастающей литовской экспансии. Следует вспомнить, что раньше, лет за пятьдесят до описываемых событий, его отцу Роману удалось покорить ближайшие к рубежам Волыни литовские племена.[45] Теперь, под давлением тевтонских рыцарей с Запада, литовцы рассеялись в южном и восточном направлениях, вступая в конфликт с русскими и со временем проникая в отдельные части западнорусских земель.

В процессе приспособления к изменившейся политической ситуации литовские племена постепенно вышли из своей изоляции; на их социальную организацию и прежний образ жизни сильное воздействие оказал контакт с соседями, который оказался плодотворным для них во многих отношениях.[46] В начале XIII века клановая организация у литовцев уже распадалась. Бок о бок с кланом возникали местные соседские организации, в которых смешивались представители разных групп, а также те люди, что утратили связь с тем или иным кланом. В Восточной Литве и Жмуди эта местная организация со временем получила русское название «волость». Ведущая роль в каждом из таких районов принадлежала наиболее богатым землевладельцам, большинство из которых было связано с виднейшими старыми кланами. В Пруссии эти местные вожди назывались королями, rikai (ср. латинское rex); в Жмуди — kunigai (заимствовано из готского).[47] В русских летописях о них говорится как о князьях. Что касается религии, литовцы все еще традиционно следовали языческому культу.[48] С социальной и экономической точек зрения, литовская цивилизация была сельской по своей сущности. Единственным городом, построенным на окраине Литвы в ранний период, была Городна (Гродно), который был основан и заселен русскими и впервые упоминается в русских летописях в 1128 г.[49]

Под влиянием тевтонской опасности многие литовские вожди кланов видели срочную необходимость в реформах, особенно — касающихся политического объединения и создания хорошо обученной армии. Многие из них также понимали необходимость создания укрепленных городов и развития торговли. Во всех этих отношениях образцы русской политической и социальной организации могли оказать большую помощь литовцам. По этой причине контроль над ближайшими русскими городами и землями становился важной целью для большинства наиболее проницательных литовских князей. В результате, попытки части литовских лидеров централизовать их правление шли одновременно с захватом соседних русских городов. Такой, по преимуществу, была политика князя Миндовга (по-литовски — Миндаугас), который объявил себя около 1235 г. правителем Новгорода-Литовска (известного также как Новгородок или Новогродек) в так называемой Черной Руси.[50] Черная Русь — это название самой западной части терри-

тории кривичей, древнерусского племени, являвшегося предками белорусов.[51]

Черная Русь легла в основание державы Миндовга. В начале 1250-х гг. кроме Новгородка Миндовг контролировал также города Гродно, Волковыск и Слоним. Еще до этого племянник Миндовга Товтивил стал полоцким князем, а еще один племянник — витебским князем. Таким образом, значительная часть современной Белоруссии управлялась литовскими князьями. Русские князья из Пинска в бассейне реки Припяти также признали Миндовга своим сюзереном. В большинстве этих случаев продвижение литовцев было следствием не открытого завоевания, а соглашения с русскими. В связи с этим следует заметить, что Полоцк находился под немецкой угрозой с того времени, как немцы укрепились в бассейне Западной Двины.[52] Пинск располагался в районе Турова[53], который был разорен монголами в 1240 г., хотя сам Пинск избежал разрушений в то время. После этого его князья находились в постоянном страхе перед новым монгольским набегом. Таким образом, как Полоцк, так и Пинск нуждались в защите, каждый — от разных врагов. Вследствие этого они, наряду с некоторыми другими белорусскими городами, приветствовали литовских князей с их окружением, как надежных защитников. Литовцы были свирепыми воинами, хотя в то раннее время им недоставало дисциплины и вооружения; а многие литовские князья проявили себя выдающимися военачальниками, особенно после того, как они познакомились с русскими приемами и методами военной подготовки.

Результатом литовского проникновения в Белоруссию явилось быстрое распространение русской культуры среди тех литовцев, которые находились на службе у Миндовга и Товтивила, и создание того, что можно было бы назвать прорусской партией среди группы литовских князей и клановых вождей. С другой стороны, продолжающееся противостояние другой литовской знати политике централизации, проводимой Миндовгом, вело к формированию старо-литовской партии, которая во многих случаях стояла на антирусских позициях как с точки зрения политической, так и культурной. Несмотря на его собственную прорусскую ориентацию, Миндовг оставался лояльным по отношению к литовскому языческому культу вплоть до 1250 г., когда он заявил о своем обращении в римско-католическую веру. Это был чисто полити-

ческий шаг, рассчитанный на то, чтобы обеспечить себя поддержкой со стороны папы для предотвращения каких-либо нападений тевтонских рыцарей на Литву в будущем. Даже после своего обращения Миндовг в тайне продолжал поклоняться старым богам.[54] Папа, естественно, был доволен его обращением и послал Миндовгу свое благословение, а также королевскую корону (1252 г.).[55] Миндовг, со своей стороны, уступил часть жмудского региона тевтонскому ордену.

Упрочив свой престиж благодаря новому титулу, и не опасаясь, по крайней мере — в текущий момент, нападений со стороны тевтонских рыцарей, Миндовг мог переключить свое внимание на отношения с князьями Галича и Волыни. Выяснилось, что обе стороны больше были расположены к достижению согласия, нежели к продолжению войны. Даниил Галицкий нуждался в союзниках для борьбы с монголами, а Миндовг знал, что его мир с тевтонскими рыцарями — не более, чем временное перемирие. Около 1251 г. князь Даниил Романович, у которого умерла первая жена, женился на племяннице Миндовга (сестре Товтивила из Полоцка). Некоторое время спустя сын Миндовга Войшелк (политовски — Вайшелга) был крещен в соответствии с обрядом греко-православной церкви, в эту веру обратился также и Товтивил. После коронации Миндовг назначил Войшелка своим наместником в Новгородок. Однако Войшелк с пылом искреннего неофита выразил желание принять монашеский постриг и отказаться от своих княжеских прав. Он предложил своему отцу передать княжение в Новгородке одному из сыновей Даниила. Соглашение по этим пунктам было достигнуто между Даниилом и Миндовгом в конце 1254 г.[56] Сын Даниила Роман (прежде претендовавший на австрийский трон) получил княжество Новгородокское в качестве вассала Миндовга. Одновременно с этим дочь Миндовга была выдана замуж за брата Романа Шварна. Войшелк поступил в русский монастырь возле Новгородка.

В соответствии со своей новой политической ориентацией Даниил перенес столицу из Галича на север в город Холм, к заселению и развитию которого он проявил особенный интерес, и который он очень любил. Поскольку Даниил Галицкий не получил с Запада никакой поддержки, он вскоре охладел к мысли об объединении церквей. В 1255 г. папа посчитал нужным сделать ему выго-

вор за неудачу в организации институтов католической церкви в его владениях. Теперь папа решил столкнуть Даниила и Миндовга — двух восточноевропейских королей, коронованных им, — друг с другом и «позволил» литовцам напасть на Волынь.[57] Миндовг, по всей видимости, не придал значения предложению папы, по крайней мере — в текущий момент — и предпочел придерживаться своего соглашения с Даниилом Галицким.

Благодаря этому князь Даниил Романович около 1256 г. открыто бросил вызов монголам, изгнав их войска из Северной Подолии, Болховской земли и Восточной Волыни.[58] Поскольку внимание монголов было сосредоточено в то время на восточнорусских делах, ситуация не позволяла им перевооружить свои войска в Днепровском регионе. Однако командующему в этом регионе, Куремсе, было приказано напасть на Галич и Волынь. У него в распоряжении было лишь немного войска, и он должен был продвигаться «тайком», как об этом пишет Галицкая летопись (около 1257 г.). Его попытки штурмовать города Владимир-Волынский и Луцк в обоих случаях закончились неудачей. Холм сильно пострадал от пожара, причиной которого был несчастный случай, а не какое-либо нападение монголов. В скором времени монголы отвели свои войска от Волыни.

Даниил Галицкий мог быть вполне удовлетворен результатами своей политики сопротивления монголам. При таком положении дел, однако, Миндовг изменил свою тактику и решил нарушить их соглашение. В 1258 г. он заключил под стражу Романа и захватил его удел в Черной Руси. Это событие изменило всю расстановку политических сил в Западной Руси, серьезно подрывая потенциальную силу князя Даниила и его шансы на противостояние монгольскому натиску, который, несомненно, должен был возобновиться. В 1259 г. хан Берке заменил Куремсу энергичным Бурундаем (Боролдаем)[59] и снабдил его большим количеством войск. Бурундай решил сделать упор на разногласиях между русскими и литовскими князьями и избрал Литву объектом своего первого похода, предложив русским князьям оказать ему поддержку своими войсками.

Начиная с этого момента монголы стали уделять значительное внимание литовским делам. По всей вероятности, они были озабочены растущей силой Литвы и распознали в ее экспансии, даже в

этот ранний период, потенциальную угрозу их власти в Западной Руси. Видимо, мусульманские купцы из Золотой Орды были заинтересованы в открытии еще одного торгового выхода к Балтийскому морю через Литву вдобавок к новгородскому пути. В монгольских интересах было предотвратить возможность какого бы то ни было будущего союза между западнорусскими и литовскими князьями, который мог бы усилить русских и подстегнуть их к противостоянию.

Опасаясь возмездия за свое предыдущее нападение на монголов, Даниил Галицкий предпочел избежать встречи с Бурундаем, послав к нему вместо себя своего брата Василько Волынского. Василько Романович принял чрезвычайно активное участие в кампании против литовцев, но в ней участвовали также князь Даниил и его сын Лев. Как монголы, так и русские захватили большую добычу, но русские должны были уступить большую часть своей доли монголам. Однако основным силам литовцев удалось избежать решающего боя, и русские так и не смогли обнаружить, где находится князь Роман и освободить его. На следующий год Бурундай снова направил свои войска в Волынь и приказал русским князьям разрушить крепостные сооружения их главных городов. Даниил Галицкий бежал в Польшу и Венгрию, оставив своего брата Василько и сына Льва, чтобы те умиротворили Бурундая. Последний настаивал на их покорности его приказам, и у русских князей не оставалось иного выхода, кроме как разрушить крепостные сооружения во Владимире-Волынском, Луцке, Кременце и Львове. Однако гарнизон в Холме отказался уступить город без непосредственного приказа князя Даниила Романовича. В отместку за это монголы опустошили окрестности Холма, а также несколько других районов в Волыни и Галиче.[60]

После этого набега Бурундай посчитал свое задание выполненным и отвел свою армию из Волыни, расположив ее в районе среднего Днепра. В военные округа Подолии, Галича и Волыни подобно тому, как это было в Восточной Руси, для наблюдения за сбором налогов и рекрутированием были назначены представители монгольской администрации.[61] Западнорусские князья обязаны были получать ханский ярлык при любой перемене на троне в каждом княжестве.[62] Великий план сопротивления, выдвинутый Даниилом Галицким, таким образом, рухнул, а сам он возвратился

на родину с тяжелым сердцем, как покорный вассал хана. В довершение всех несчастий литовцы совершили набег на Волынь в 1262 г. Примерно в это же время князь Роман расстался с жизнью, вероятно, он был убит теми, кто взял его в плен. Даниил умер в 1264 г., разочарованный и несчастный.

Вскоре после провала сопротивления монголам в Западной Руси произошло восстание в Суздальской земле на востоке Руси (1262 г.). Его инициатива исходила от городов этого региона: Ростова, Владимира, Суздаля и Ярославля. После разрушения Владимира армиями Бату в 1238 г. Ростов стал крупнейшим городом в Суздальской земле, и, по всей видимости, он взял на себя руководящую роль в движении сопротивления. Восстание стало выражением протеста против тягот, которые испытывало население из-за обременительной системы сельскохозяйственных налогов, широко применявшейся в Монгольской империи, а также использовавшейся и в Суздальской земле. Собирателям налогов — главным образом, мусульманским купцам из Центральной Азии — монголы позволяли забирать неплательщиков и заставлять их работать в счет неуплаченных налогов или даже продавать их в рабство.[63]

В Ярославле главным сборщиком налогов был некто Изосима, русский, обращенный в ислам. Давление на налогоплательщиков возросло с прибытием от «татарского царя» главного сборщика, которого Суздальская летопись характеризует как «мерзкого мусульманина». В каждом из четырех главных городов Суздальской земли было созвано вече, и решение восстать против монголов было принято единогласно. Многих доверенных лиц монголов и сборщиков налогов убили во время последовавших за этим бунтов, включая и предателя Изосиму.

По сведениям из Суздальской летописи — старейшего из сообщений о восстании — явствует, что русские князья не принимали в этом мятеже абсолютно никакого участия.[64] Однако в некоторых более поздних летописных сводах, таких, как Никоновская летопись, говорится о согласии князей воевать с монголами.[65] В Устюжской летописи упоминается приписываемое Александру Невскому обращение к жителям Устюга, чтобы те подняли восстание против монголов.[66] На этом основании Насонов находит возможным предположить, что восстание, в целом, было спланировано и шло под руководством Александра Невского.[67]

Чтобы объяснить приписываемое Александру Невскому изменение политической ориентации, от покорности к сопротивлению, Насонов выдвигает предположение, что сборщики налогов были посланы в Суздальскую землю не ханом кипчаков Берке, а великим ханом Хубилаем, и что Александр Невский, знавший о натянутых отношениях между Берке и Хубилаем, полагал, что его противодействие доверенным лицам Хубилая не будет противоречить интересам Берке. Теория Насонова основана на его интерпретации фрагмента из Суздальской летописи, цитированного выше, где речь шла о приезде главного сборщика налогов, «мерзкого мусульманина», от «татарского царя»; после этой последней фразы летописец добавляет слова: «по имени Кутлубей». Насонов считает это имя именем «татарского царя» и реконструирует его как Хубилай.[68] Однако представляется, что это имя скорее относится к сборщику налогов, нежели к хану.[69] Помимо того, в Суздальской летописи великий хан обычно назывался «кааном», а не «царем». Таким образом, основания теории Насонова довольно шатки. Более того, ввиду того факта, что в 1262 г. путь из Китая на Русь все еще был прегражден Ариг-Бугой, трудно представить себе, что кому-либо из доверенных лиц Хубилая удалось бы добраться до Руси. Вообще, сеть округов, плативших налоги, была организована на Руси совместно великим ханом Мункэ и ханом кипчаков Улагчи. В 1262 г. сбор дани на Руси, вероятно, был под совместной юрисдикцией Ариг-Буги и Берке. Большинство из мусульманских сборщиков налогов были, скорее всего, из Хорезма, а следовательно — подданными Берке. И в любом случае, независимо от того, кто послал сборщиков налогов в Суздальскую землю в 1262 г., Берке имел право на большую долю в собранных деньгах. Нам трудно согласиться с Насоновым, что Берке мог допустить, чтобы бунт русских против сборщиков налогов прошел без суровых карательных мер.

Александр Невский, вероятно, хорошо представлял себе ситуацию и не питал особых иллюзий по поводу позиции Берке. Несомненно, восстание суздальских городов было такой же неожиданностью для великого князя владимирского, как и для монголов, но не имея в своем распоряжении достаточного количества вооруженных сил, он был не в состоянии сдержать этот мятеж. Ввиду всего этого, теория Насонова о поддержке, оказанной вос-

станию Невским, несостоятельна. Нет достоверных сведений о каких-либо изменениях в политической ориентации этого осторожного князя. Достаточно характерно, что первым шагом Александра после восстания было то, что он поспешил в ставку Берке, чтобы «умолить хана простить народ» Суздальской земли.[70] Вряд ли он осмелился бы предстать перед Берке, если бы сам принимал участие в бунтах.

Александр Невский провел несколько месяцев в Орде, и ему удалось достичь главной цели своей миссии: Берке согласился на то, чтобы не посылать никакой карательной экспедиции в Суздальскую землю. Однако, по все вероятности, мятежные русские города должны были заплатить за убытки.

Это была последняя служба, которую великий князь владимирский Александр Невский сослужил русскому народу. Он заболел во время своего пребывания в Орде и умер на обратном пути в городе Городце на реке Волга. Его тело было перевезено во Владимир и захоронено там. Горе горожан было глубоким и искренним. Митрополит Кирилл выразил общее чувство, когда провозгласил, что *«солнце Руси закатилось»*. И народ ответил: *«Горе нам! Мы погибли!»*.[71] Именно Кирилл написал первую биографию Александра Невского — краткий очерк его добрых дел для страны, выполненный в стиле жития святых. На основе этого позднее было написано расширенное житие Александра, известно несколько его редакций.[72] Его память начали почитать почти сразу же после смерти. В 1380 г. его мощи были выставлены и, начиная с этого времени, день его смерти отмечался во владимирских церквах, как день поминовения святого. На соборе русской церкви в 1547 г. Александр был официально канонизирован.[73] Прижизненных портретов его не сохранилось. В своем завещании, написанном в 1356 г., великий князь Иван II упоминает в ряду принадлежащих ему вещей икону святого Александра, которая, как считает Е.Е. Голубинский, вероятно, являлась изображением Александра Невского. Если это так, она, видимо, была написана во времена правления Ивана II (1353 — 1359 гг.).[74] Шлем Александра восточной работы — по всей видимости, подарок хана — находится в Московской Оружейной Палате.[75]

Суздальское восстание чрезвычайно досадило Берке, поскольку оно произошло в то время, когда его переговоры с Хулагу заш-

ли в тупик, и казалось, что война между двумя двоюродными братьями неизбежна. Дипломатически Берке был хорошо подготовлен к конфликту, благодаря дружественному соглашению с мамлюкским султаном Египта Бейбарсом I. Следует вспомнить, что в 1260 г мамлюкам удалось нанести поражение монгольской армии, посланной Хулагу в Галилею.[76] Однако они понимали, что для Египта продолжает существовать опасность, исходящая от Хулагу, и трезво смотрели в будущее. Для них было бы вполне естественно обратиться за помощью к Берке. Здесь следует отметить еще и то, что, ввиду натянутых отношений с двоюродным братом, Берке приказал кипчакским вспомогательным войскам, посланным в Персию его предшественниками, покинуть Хулагу. По всей видимости, они не были расположены к тому, чтобы возвращаться домой, и направились в Египет. Это было воспринято мамлюками как проявление доброй воли Берке.

В 1261 г. Бейбарс послал Берке через аланского купца письмо, в котором пытался убедить его в том, что его долг, как мусульманина, развязать «священную войну» против язычника Хулагу в защиту ислама.[77] В конце 1261 г. или в начале 1262 г. посланники Бейбарса пришли к взаимопониманию с византийским императором Михаилом VIII, который согласился позволить посольствам кипчаков и Египта следовать через Константинополь.[78] Посланники Берке, отправившиеся в Египет в мае 1263 г., использовали этот новый путь. Однако летом этого же года Михаил, видимо, под давлением Хулагу, изменил свое отношение к ханству кипчаков и арестовал как посланников, направленных Берке в Константинополь, так и египетских посланников, которые оказались в Константинополе на их пути к кипчакам. Это нарушение обещания усугубило двойной конфликт: между Берке и Хулагу, и между Берке и Византией.

Свидетельства о войне между Берке и Хулагу и, соответственно, их преемниками противоречивы. Большинство персидских историков в большей мере задерживается на успехах иль-ханов, чем на их поражениях. Сведения египетских историков, напротив, благоприятны по отношению к ханам кипчаков. О начальной стадии конфликта рассказывает Рашид ад-Дин, который описывает с некоторыми подробностями поражение кипчакских войск, которыми командовал родственник Берке, молодой князь Ногай. Эта битва

произошла в районе Дербента на Кавказе в конце 1262 г.[79] Ибн-Вассыл, с другой стороны, рассказывает о сокрушительном поражении, нанесенном Берке Хулагу в 662 г. гиджры (1263-1264 гг.). Потери обеих сторон были велики. Согласно Ибн-Вассылу, когда Берке увидел поле боя, усеянное трупами, он воскликнул: *«Пусть Аллах накажет Хулагу, который убил так много монголов руками монголов! Если бы мы объединились, мы бы завоевали весь мир!»*.[80]

Что касается Византии, то Берке послал в 1264 г. во Фракию князя Ногая, который заручился для борьбы с греками поддержкой вассала Берке, болгарского князя Константина Тиха. В 1265 г. самому Константинополю угрожали объединенные монгольско-болгарские силы.[81] Тем не менее Михаил не желал порывать своих связей с иранскими монголами и даже укрепил их, выдав свою незаконнорожденную дочь Марию замуж за сына и наследника Хулагу Абаку. Смерть Хулагу в феврале 1265 г.[82] не положила конца конфликту между иранскими и кипчакскими монголами. В 1265-1266 гг. армия Берке появилась в Закавказье. Авангард его войск находился под командованием энергичного Ногая, отозванного для этой цели из Фракии. В одной из стычек молодой князь лишился глаза. Берке умер во время этой кампании в Тифлисе (Тбилиси) в 1266 г., после чего его войска отступили.[83]

Хотя ханство кипчаков и не получило никакой реальной выгоды от всех этих войн, интервенция Берке, несомненно, спасла Египет от нападения со стороны Хулагу. Вполне естественно, что престиж Берке в Египте был высок. Как показал Поляк, Берке почитали как сюзерена мамлюкского государства.[84] Формирования кипчакских и русских войск в ряде случаев направлялись из Южной Руси в Египет для усиления армии мамлюков.[85]

4. Правление Менгу-Тимура

Берке не оставил сыновей. Если бы он имел возможность назначить наследника, его выбор, вероятно, пал бы на князя Ногая, который проявил себя выдающимся военачальником и которого он, по всей видимости, очень любил. Однако новый хан должен был быть избран местным курултаем, собранием князей-Джучи-

дов и высших военачальников. Генеалогическое старшинство не было абсолютно необходимым условием для избрания кандидата, но часто давало серьезное преимущество. Ногай не мог претендовать на старшинство в доме Джучи. Его отец, Татар, был сыном Боала, седьмого сына Джучи.[86] А все еще жили два внука Бату: Менгу-Тимур (Монгка-Темюр) и Туда-Менгу (Теда-Монгка), оба — сыновья Тугана.[87]

Ввиду высокого престижа Бату, как основателя ханства кипчаков, представляется вполне естественным, что избирательное собрание предпочло его внуков Ногаю. Поэтому именно Менгу-Тимур, а не Ногай наследовал Берке в качестве хана кипчаков. Поскольку к тому времени Ариг-Буга сдался Хубилаю (1264 г.), последний являлся бесспорным хозяином империи, из чего мы можем заключить, что Хубилай одобрил кандидатуру Менгу-Тимура в качестве великого хана (примерно в 1267 г.).

Ногай, однако, представлял собой слишком видную фигуру, чтобы полностью уйти со сцены. Помимо того, что он был джучидом, он был еще и военачальником высокого ранга — мириархом. Более того, он имел в распоряжении собственную армию — войска его орды, набранные, главным образом, из племени мангкытов.[88] Основной территорией проживания мангкытов в то время был бассейн реки Яик.[89] Позднее они стали известны как ногайская орда. Поскольку «Ногай» означает «собака», можно предположить, что собака была тотемным животным ведущего клана мангкытов. В египетских источниках хан Ногай упоминается под двойным именем: Иса-Ногай.[90] Вполне возможно, что Иса — это его собственное имя, а Ногай — клановое имя (то есть, название клана, вождем которого он был). В 1287 г. Ногай заявил, что получил особый указ от хана Бату поддерживать единство и порядок среди своей родни после смерти последнего в ханстве кипчаков.[91] Если так было в действительности, Бату, должно быть, утвердил господство Ногая над войсками его орды (орды мангкытов), считая их специальным подразделением, предназначенным для поддержания законного правительства в ханстве.

Представляется возможным, что, по соглашению с Менгу-Тимуром, Ногай был признан действующим правителем нижнедунайского региона и уполномочен вести дипломатические отношения как с Византийской империей, так и с Египтом. Согласно

византийскому историку Георгию Пахимересу, Ногай был послан «ханами» на Балканы.[92] Нельзя ли сделать вывод из употребления Пахимересом множественного числа в слове «ханы», что соглашение Менгу-Тимура с Ногаем было подтверждено Хубилаем?

Для себя Менгу-Тимур оставил ведение переговоров с иль-ханом Абагой, а также ведение русских дел. Поскольку Менгу-Тимур поклонялся Небу и не был мусульманином, религиозный мотив в предыдущей борьбе между Золотой Ордой и иль-ханами теперь исчез. Помимо того, великий хан Хубилай оказывал давление как на Абагу, так и на Менгу-Тимура, чтобы уладить их разногласия. В результате, в 668 г. гиджры (1269-1270 гг.) они заключили мирный договор, который, естественно, сильно расстроил султана Бейбарса.[93] Однако султан был ободрен, получив на следующий год дружеское послание от Ногая.[94]

В 1271 г. Ногай начал кампанию против Константинополя с целью принудить императора Михаила VIII позволить его посольствам и посольствам египетского султана пользоваться босфорским морским путем.[95] Серьезно рискуя потерпеть поражение, император запросил мира и предложил Ногаю свою дружбу. В 1273 г. Михаил выдал свою внебрачную дочь Ефросинью замуж за Ногая.[96] Таким образом, дом Палеологов теперь установил семейные связи (через внебрачных принцесс) как с иль-ханами, так и с правителями кипчаков.

Политика Менгу-Тимура по отношению к Руси была более благожелательной, нежели у его предшественников. Летописец замечает под датой 6774 г. от сотв. мира (1266 г.): *«В этом году хан Берке умер и притеснение со стороны татар сильно облегчилось»*.[97] По всей вероятности, сбор налогов мусульманскими купцами прекратился, и вместо этого были назначены постоянные сборщики налогов. Еще одним актом, имевшим большое значение, стал выпуск хартии неприкосновенности, или ярлыка, для русской церкви. Следуя заповедям Ясы Чингисхана, предшественники Менгу-Тимура не включали русских настоятелей, монахов, священников и пономарей в число «сосчитанных» во время переписи.[98] Теперь же были утверждены привилегии духовенства как социальной группы, включая и членов семей; церковные и монастырские земельные угодья со всеми работающими там людьми не платили налога; и все «церковные люди» были освобождены от военной службы.

Монгольским чиновникам запрещалось под страхом смерти отбирать церковные земли или требовать выполнения какой-либо службы от церковных людей. К смерти приговаривался также любой, виновный в клевете и поношении греко-православной веры. Чтобы усилить воздействие хартии, в ее начале было помещено имя Чингисхана. В качестве благодарности за дарованные привилегии от русских священников и монахов ожидали, что они будут молить Бога за Менгу-Тимура, его семью и наследников. Особо подчеркивалось, что их молитвы и благословения должны быть ревностными и искренними. *«А если кто-то из священнослужителей будет молиться с затаенной мыслью, то он совершит грех».*[99]

По всей видимости, первоначально ярлык был написан по-монгольски и сразу же переведен на русский язык.[100] Следует вспомнить, что, согласно Плано Карпини, в канцелярии Бату были русские переводчики и писцы; и наследники Бату, должно быть, нанимали определенное количество русских секретарей. Можно также предположить, что текст ярлыка был составлен совместно Менгу-Тимуром (или его главным монгольским секретарем) и епископом Сарая Митрофаном, представлявшим русское духовенство. А если так, то моральная санкция против неискренней молитвы, должно быть, была сформулирована этим епископом.

Благодаря этому ярлыку, а также ряду подобных ему, выпущенных наследниками Менгу-Тимура, русское духовенство и люди, находившиеся под его юрисдикцией, составляли привилегированную группу, и таким образом была заложена основа церковного богатства. Выпустив этот ярлык, Менгу-Тимур следовал традициям Чингисхана и практике наследников Чингиса в Китае, так же, как и другие местные монгольские ханы.[101] С этой точки зрения его ярлык соответствовал основным идеям монгольского правления и был, в принципе, закономерным. В то же время, он явился удачным внешнеполитическим шагом, поскольку обеспечивал, по крайней мере, до определенной степени, лояльность по отношению к хану наиболее образованной социальной группы на Руси, которая пользовалась большим авторитетом среди народа. Благодаря ярлыку можно было ожидать, что русский дух сопротивления хану будет существенно ослаблен.

Из-за политики лояльности князей по отношению к хану, утвердившейся в Восточной Руси благодаря Александру Невскому, и кру-

шения сопротивления западнорусских князей во время правления Берке, задача сдерживания русских князей не представляла для Менгу-Тимура особых сложностей. После смерти Александра Невского разрешение занять владимирский стол было дано ханом Берке брату Александра, князю Ярославу Тверскому (Ярослав II, великий князь владимирский, 1263-1272 гг.). Его власть подтвердил Менгу-Тимур. Преемником Ярослава стал его брат, князь Василий Костромской (великий князь владимирский, 1272-1276 гг.). После его смерти не осталось больше сыновей Ярослава I, и Менгу-Тимур предоставил владимирский стол старшему из здравствующих сыновей Александра Невского, князю Дмитрию Переяславскому.

Новая тенденция в политической организации на Руси стала заметна после восхождения Ярослава II на владимирский стол. Каждый из братьев Александра Невского, а затем каждый из его сыновей, титулованных великими князьями владимирскими, предпочитал оставаться в своих собственных уделах, наезжая во Владимир только ради коротких визитов, чтобы быстро решить те государственные дела, которые требовали их присутствия. Это свидетельствует о временной победе удельного принципа над национально-государственным.[102] Следует вспомнить, что наследование киевского стола по праву старшинства было поколеблено уже в конце XII века, когда Галицкое княжество в Западной Руси и Суздальское (позднее — Великое княжество Владимирское) в Восточной Руси, каждое — под властью собственной княжеской ветви, обрели фактическую независимость от Киева. Более того, в местных княжествах младшие члены княжеского дома держались за свои уделы, и каждый из них стремился сделать свой удел собственным наследным княжеством. С другой стороны, старший князь в любом из региональных государств старался установить свою верховную власть в княжестве и не считал местные уделы раз и навсегда утвержденными. Короче говоря, нет сомнений в том, что новый «удельный порядок», который наступил в Восточной Руси после смерти Александра Невского, частично стал выражением тенденций, уже проявивших себя в предшествующий период. Однако победе этих тенденций над противоположными в большой мере способствовало монгольское правление на Руси.[103]

Давая ярлыки русским князьям, хан руководствовался, по крайней мере, отчасти, монгольскими представлениями о взаимоотно-

шениях между империей и улусами, так же, как и между местными ханствами и удельными владениями меньших князей. С этой точки зрения, желание каждого русского князя обеспечить свои наследственные права на его удельное княжество было вполне понятно монголам и считалось пригодным для стабильности владений на Руси.

Среди русских князей, проявлявших верноподданнические отношения к Менгу-Тимуру во время его правления, Менгу-Тимур отдал предпочтение ростовским князьям и выделил их. В его отношениях с ними можно обнаружить определенный замысел: желание хана создать среди русских князей группу, на которую он мог бы полагаться безоговорочно и которую он мог бы использовать для усиления монгольского владычества в том случае, если проявятся симптомы русского противостояния ему. Выбор Ростовского княжества в качестве основного пункта в ханской политике, связанной с русскими делами, можно объяснить его страхом перед возможным повторением русского мятежа, подобного восстанию 1262 года. Поддерживая дружественные отношения с ростовскими князьями, хан надеялся обеспечить покорность ему всей Ростовской земли в целом и подорвать авторитет городского веча, которое как он, так и ростовские князья, считали опасным для их интересов. Более чем естественно, что в качестве награды за преданность ростовских князей хан был только рад позволить им обуздать власть веча.

Ростовские князья были потомками великого князя Всеволода III Большое Гнездо по линии его старшего сына Константина, знаменитого покровителя просвещения.[104] Наиболее выдающимися среди них во время правления Менгу-Тимура были внуки Константина, князь Борис Ростовский и князь Глеб Белоозерский, а также их зять, Федор, сын князя Ростислава Смоленского. Федор женился на княжне Марии Ярославской (правнучке Константина) и получил Ярославль в свой удел. Мать Бориса и Глеба, которую тоже звали Мария, была дочерью князя-мученика Михаила Черниговского. Хорошо образованная и глубоко религиозная, она играла важную роль в духовной жизни элиты ростовского общества.[105]

В это же время один из князей-Джучидов, обращенный в христианство ростовским епископом Кириллом около 1259 г. и на-

званный Петром, поселился в Ростове и там женился на дочери монгольского чиновника, чья семья тоже была христианской. Он стал известен на Руси как царевич Петр из Орды (Петр Ордынский). Ввиду монгольской религиозной терпимости, перемена религии не аннулировала права и привилегии Петра, как монгольского князя. Поэтому его пребывание в Ростове считалось полезным для поддержки дружеских отношений между ростовскими князьями и ханом. Особенно дружен с Петром был князь Борис Ростовский. Согласно биографу Петра, Борис так любил Петра, что всегда вместе с ним трапезничал и, наконец, с благословения епископа, провозгласил Петра своим названым братом.[106] Но дружба дружбой, а дело делом. Князь Борис, по всей видимости, имел настоящую деловую хватку. Петр, который был очень богатым человеком, напротив, не знал цену деньгам; когда он решил построить церковь на берегу озера близ Ростова, князь Борис, которому принадлежала та земля, запросил за нее умопомрачительную цену, и Петр ее сразу же заплатил. Как говорится в житие Петра, сумма заключалась в одном фунте золота и девяти фунтах серебра.[107] Ключевский рассказывает, что эта сделка служила главной темой разговоров в Ростове на протяжении некоторого времени.[108]

Когда Петру сказали о необходимости составить документ о покупке земли, он ответил, что не понимает, к чему документы. Борис Ростовский на этот раз оказался достаточно порядочным, чтобы передать документ Петру. Это оказалось очень полезным для потомков Петра, когда, позднее, внуки Бориса Ростовского пытались предъявить свои претензии на эту землю.[109] На старости лет Петр превратил церковь, которую построил, в монастырь, завещал ей постоянный доход и, приняв постриг, сам стал монахом. Он был канонизирован русской церковью в середине XVI века.[110]

Ростовские князья часто ездили в Орду. В 1257 г. князь Глеб отправился в Монголию и был тепло принят при дворе великого хана Мункэ. Там он женился на монгольской княжне, которая согласилась принять крещение; она получила имя Феодоры. Когда Менгу-Тимур стал ханом кипчаков, Глеб с рядом других русских князей отправился в его ставку, чтобы получить ярлык на княжение. Он пробыл в Орде до 1268 г. В 1271 г. он снова был в лагере Менгу-Тимура. В 1277 г. его брат Борис со своей женой и детьми совершил поездку в Орду. Там он заболел и умер. В 1278 г.

Глеб, ставший князем ростовским после смерти Бориса, послал сына Михаила к Менгу-Тимуру вместе с Константином Угличским (сыном Бориса) и Федором Ярославским.[111]

Еще одним регионом Руси, к которому Менгу-Тимур проявлял значительное внимание, был Новгород. В этом случае мотивы хана имели коммерческий характер: он рассчитывал поддержать балтийскую торговлю, в которой Новгород являлся главным каналом для Восточной Руси и Востока. Международная торговля была одной из основ благосостояния Золотой Орды, и большинство ханов поддерживало ее развитие. Во время правления Менгу-Тимура были заложены основы ее широкого распространения.

В то время, как Новгород являлся наиболее удобным северным пунктом монгольской внешней торговли, крымские порты имели огромное значение для поддержания черноморской и средиземноморской торговли, в которой в то время доминировали, главным образом, итальянские купцы — венецианцы и генуэзцы. В связи с этим новгородские и крымские порты привлекали пристальное внимание Менгу-Тимура. Генуэзцы проникли в Черное море, предположительно, во второй половине XII века.[112] Во время существования Латинской империи в Константинополе (1204-1261 гг.) вся черноморская торговля была монополизирована венецианцами. Двое братьев Поло были среди других венецианских купцов, прибывших в крымский порт Солдайя[113] в 1260 г.; это был отправной пункт их великого приключения. Однако после восстановления Византийской империи Михаилом VIII Палеологом генуэзцы не только возвратились в Черное море, но и оказались в более привилегированном положении, нежели венецианцы, и усмотрели реальную возможность для себя учредить «фактории» в Крыму Около 1267 г. Менгу-Тимур даровал им особые привилегии для их торговли в Каффе (современная Феодосия).[114] А в 1274 г. они утвердились в Солдайе.[115]

Для параллельного развития на севере Менгу-Тимур взял на себя роль защитника Новгорода и основателя свободной торговли в районе Балтики. После заключения соглашения между Новгородом и великим князем Всеволодом III Суздальским (1211 г.) только князья из суздальского дома могли претендовать на княжение в Новгороде.[116] Каждый из них, однако, во время его избрания должен был подписать договор, гарантировавший традиционные

свободы городу. Александр Невский, как и другие, подписал подобный договор, но копии его не сохранилось. После смерти Александра Ярославича новгородцы согласились признать своим князем его брата Ярослава II, князя тверского и великого князя владимирского (1264 г.). По этому случаю был заключен новый договор между великим князем и городом Новгородом; его условия формулировались в двух одинаковых грамотах — одной, адресованной новгородцами великому князю, и другой — от великого князя Новгороду (около 1265 г.). Оригинал новгородской грамоты сохранился до сих пор в русских архивах.[117]

Два года спустя грамоты были подтверждены обеими сторонами.[118] Вскоре после этого Ярослав Тверской нарушил некоторые условия договора, и новгородцы немедленно потребовали, чтобы он покинул город. Не желая уступать их требованиям, Ярослав Тверской обратился за помощью к хану, обвиняя новгородцев в желании поднять мятеж.[119] К его разочарованию, Менгу-Тимур приказал ему вступить в переговоры с новгородцами, и князю Ярославу ничего не оставалось, кроме как согласиться. Был заключен новый договор, подтверждающий права и привилегии города. Чтобы утвердить этот ритуал на будущее, Менгу-Тимур направил двух посланников, в чьем присутствии князь Ярослав II поклялся «целованием креста» соблюдать условия договора (1270 г.).[120] Одновременно Менгу-Тимур приказал Ярославу Тверскому не вмешиваться в торговлю между Новгородом и Ригой. Ярослав Ярославич должен был также известить об этом Ригу.[121]

Тем не менее, нельзя считать Менгу-Тимура поборником политических свобод для Новгорода. Он был только заинтересован в поддержке балтийской торговли через Новгород и ее распространении на Восток. Наиболее удобный путь из Новгорода в Сарай проходил через район верхней Волги, то есть через Великое княжество Владимирское. В связи с этим, хотя Менгу-Тимур проявлял готовность защищать Новгород от любых нападок со стороны великого князя владимирского, он также настаивал на продолжении политической связи между Новгородом и великим князем. После смерти Ярослава II (1272 г.) новгородцы избрали своим князем Дмитрия Переяславского. Новый великий князь Василий Костромской, который сам претендовал на новгородский стол, обратился к хану. Последний направил часть монгольских войск

для поддержки кандидатуры князя Василия, что вынудило новгородцев «переменить свое мнение», как говорит летописец, и признать Василия Костромского своим князем.[122] Когда после его смерти (1276 г.) Дмитрий получил ярлык на великое княжение во Владимире, хан согласился утвердить его также и новгородским князем.

В 1275 г. на Руси прошла новая общая перепись и набор рекрутов. Вероятно, приказ об этом исходил в 1273 или 1274 гг. от великого хана Хубилая, который нуждался в пополнении войск для кампаний в Южном Китае и Индокитае. Поскольку хан Менгу-Тимур, со своей стороны, намеревался укрепить свою власть на Кавказе, ему также был бы очень полезен свежий контингент войск. На этот раз наряду с Восточной Русью, перепись была проведена и на Смоленской земле. В 1281 г. ханский фаворит, великий князь Федор Смоленский (возвратившийся к этому времени в Смоленск из Ярославля) установил свое господство над Витебском, который раньше относился к Полоцкому княжеству. Монгольские сборщики, должно быть, были посланы также и в Витебск.[123]

В 1277 г. Менгу-Тимур развязал кампанию против алан на северном Кавказе. Как мы знаем, эта группа алан, так же как и другие аланские племена в бассейне Дона и в Крыму, была завоевана монголами во время похода Бату в 1239 г. После этого они сотрудничали с монголами и предоставляли войска для монгольского завоевания Китая. Во время междоусобиц между Берке и ильханами аланы северокавказской группы (осетины) воспользовались случаем, чтобы освободиться от подчинения хану кипчаков. Фактически, те, кто жил в высокогорных долинах, никогда полностью не были завоеваны монголами. Менгу-Тимур приказал ряду русских князей с их боярами и свитой присоединиться к его походу против алан. Согласно Никоновской летописи, в кампании приняли участие князья Глеб, сын Бориса Константин, Федор Ярославский и Андрей Городецкий (сын Александра Невского). Поход был удачным; русские взяли главную твердыню аланов, укрепленный город Дедяков[124] (1278 г.), захватили богатую добычу, большая часть которой, вероятно, перешла к хану. Менгу-Тимур похвалил своих русских вассалов и наградил их многими дарами.[125]

Теперь давайте обратимся к западнорусским делам. Следует вспомнить, что после кампании Бурундая против Литвы отноше-

ния между князем Даниилом Галицким и Миндовгом Литовским стали напряженными.[126] Даниил умер в 1264 г. В этом же году часть литовской знати, возмущенная политикой централизации, проводимой Миндовгом, организовала против него заговор, во время которого он был убит. Сын Миндовга, монах Войшелк покинул монастырь, чтобы отомстить за отца. Многие из заговорщиков были схвачены и казнены, и Войшелк, с помощью русских войск, набранных в Новгородке и Пинске,[127] стал правителем Литвы. В 1267 г он вернулся в монастырь и передал власть над Литвой своему шурину, сыну Даниила Шварну. Расположение звезд на политическом небосклоне представлялось чрезвычайно благоприятным для Даниловичей (сыновей Даниила); теперь они были в состоянии взять на себя ведущую роль в объединении Западной Руси и Литвы. Однако, как пишет волынский летописец, *«сатана, который никогда не желает добра человечеству, наполнил теперь сердце Льва завистью по отношению к Шварну»*.[128] В результате Лев (брат Шварна) убил не Шварна, а его покровителя Войшелка.

Убийство Войшелка, естественно, вызвало огромное возмущение среди литовцев, и после смерти Шварна (1270 г.) ни у одного из Даниловичей не было ни малейшего шанса стать князем Литвы. Власть взял в свои руки литовский князь Тройден (Трайденис, 1270-1282 гг.); а после его смерти еще один древний литовский клан пришел к власти.

После завершения осетинской кампании Менгу-Тимур направил свое внимание на византийские и египетские дела. До этого, как мы знаем, отношения как с Византией, так и с Египтом находились в компетенции Ногая. По все видимости, Менгу-Тимур решил обуздать авторитет Ногая. Когда болгарского хана Константина Тиха убили в бою с еще одним претендентом на трон в 1277 г.,[129] в Болгарии начались раздоры, связанные с тем, что сразу несколько кандидатов на трон заявили о своих притязаниях Поскольку Михаил VIII и Ногай поддерживали разных кандидатов, отношения между ними ухудшились. Представляется, что именно эта неразбериха привела Менгу-Тимура к мысли о вмешательстве в балканские дела. В русских летописях записано, что хан Менгу-Тимур и митрополит Кирилл направили сарайского епископа Феогноста[130] к императору Михаилу VIII и патриарху Константинопольскому, как своего совместного посланника, с пись-

мами и дарами от каждого из них. Это посольство, вероятно, состоялось около 1278 г., поскольку Феогност возвратился в Сарай в 1279 г.[131]

По всей видимости, отношения с Египтом также обсуждались Феогностом с императором и патриархом. Во всяком случае, примерно в это же время Менгу-Тимур пытался установить прямую дипломатическую связь с Египтом через Константинополь. Друг Берке, египетский султан Бейбарс I, умер в 1277 г. Два его сына правили вслед за ним по очереди, каждый — в течение довольно краткого периода, и в 1279 г. к власти пришел Килавун (Калаун). В июле 1280 г. его посланники прибыли к кипчакам, скорее всего, в ответ на миссию, посланную в Египет Менгу-Тимуром около 1279 г. Ко времени, когда послы Килавуна приехали к кипчакам, Менгу-Тимур уже умер.[132]

5. Двойное правительство в Золотой Орде: Ногай как соправитель

После смерти Менгу-Тимура курултай избрал ханом кипчаков его брата Туда-Менгу. Таким образом, притязания Ногая опять были отвергнуты. Однако, Ногай был теперь достаточно силен, чтобы утвердить себя в качестве реального соправителя нового хана. Фактически, с этого времени в русских летописях, за исключением ростовских анналов, Ногай, как и Туда-Менгу, назывался ханом. В некоторых западных источниках Ногай называется императором[133], а в египетских анналах — маликом (королем).[134] Скорее всего, во время избрания Туда-Менгу Ногай собственнолично объявил себя ханом ногайской (мангкытской) орды. Возможно, во избежание столкновения между последователями Ногая и Туда-Менгу курултай, избравший последнего ханом кипчаков, почел за лучшее признать Ногая ханом мангкытов. А если так, то декрет, выданный Бату Ногаю, о котором упоминалось выше[135], лег в основу такого решения курултая.

Каким бы ни был формальный статус Ногая, фактически он стал более могущественным, чем официальный хан кипчаков, хотя это было и недостаточно для того, чтобы полностью устранить последнего. Результатом этого явилась нестабильная двойствен-

ность правительства, и хотя время от времени два хана сотрудничали друг с другом, в ряде случаев они отдавали противоречивые приказы, что создавало крайнюю неразбериху, по крайней мере, в русских делах.

Как мы уже видели, в последний год правления Менгу-Тимура отношения между Ногаем и Византией обострились как из-за болгарских проблем, так и из-за решения Менгу-Тимура вступить в прямые отношения с императором Михаилом VIII. Первым шагом Ногая после смерти Менгу-Тимура стало восстановление дружеских отношений с византийским императором. Он предложил свою помощь против мятежного правителя Фессалии и направил к Михаилу VIII 4 000 отборных монгольских войск. Император был чрезвычайно удовлетворен, но кампания так и не состоялась из-за внезапной смерти Михаила VIII (1282 г.).[136] Его сын и наследник, император Андроник II, начал свое правление с признания болгарским ханом Тертера, боярина половецкого происхождения (известного как хан Георгий Тертерий I), который в 1280 г. установил свое правление на значительной части болгарской территории. Однако, когда Ногай возразил против этого, Андроник II не только прекратил поддерживать Тертера, но даже захватил его. После этого Ногай провозгласил ханом Болгарии своего кандидата, другого болгарского боярина по имени Смилец.[137]

Видимо по соглашению с Ногаем, император Михаил VIII заключил с египетским султаном Килавуном договор, гарантирующий купцам и послам, направляющимся из Золотой Орды или в Орду беспрепятственное прохождение по морскому пути через Босфор.[138] Примерно в это же время как Ногай, так и Туда-Менгу обменялись посольствами с Килавуном. Посланники последнего, отправленные к Менгу-Тимуру, но прибывшие к кипчакам только после его смерти, были тепло встречены Туда-Менгу; они возвратились в Египет в 1282 г. вместе с посланниками Туда-Менгу.[139] В этом же году Ногай отправил к Килавуну свое собственное посольство.[140]

В это время, как и раньше, дипломатическая корреспонденция между Золотой Ордой и Египтом велась на монгольском языке.[141] С другой стороны, с религиозной точки зрения, ислам, распространявшийся из Египта, постепенно все больше набирал силу, и не только в Золотой Орде, но также и в государстве иль-ханов. В

1282 г. иль-хан Ахмед стал мусульманином[142], а в 1283 г. Туда-Менгу объявил о своем обращении в ислам.[143] Представлялось, что с установлением религиозной гармонии на всем Ближнем Востоке политическая напряженность между иль-ханами и Египтом подойдет к концу. В ближайшем будущем, однако, должны были произойти некоторые конфликты, в особенности потому, что обращение в ислам не было окончательным ни для государства ильханов, ни для Золотой Орды.

В 1280 г. все русские князья, за исключением великого князя Дмитрия Александровича, направились в Орду, чтобы приветствовать нового хана, Туда-Менгу, и получить ярлыки на княжение. Внимание великого князя Дмитрия в то время было поглощено его раздорами с новгородцами, которым он «много пакости дея».[144] Возможно, из-за этих действий — того, что Дмитрий не появился при ханском дворе, и его нападения на новгородские земли — Туда-Менгу отобрал его ярлык и выдал новый — на владимирский стол — младшему брату Дмитрия, Андрею Городецкому и Костромскому[145], другу ростовских князей и на протяжении долгих лет преданному вассалу хана Менгу-Тимура. Отказ князя Дмитрия уступить стол привел к жестокому конфликту. Туда-Менгу направил монгольские войска, чтобы усилить дружину Андрея Городецкого. Монголы заполонили всю территорию Великого княжества Владимирского, захватывая и изгоняя наместников Дмитрия и его войска, опустошая страну. Затем они возвели Андрея на владимирский стол. Новый великий князь развлекал монгольских князей, принимавших участие в экспедиции, и других монгольских военачальников на щедром приеме и пиру.[146]

Под властью прежних ханов вопрос был бы уже решен, и Дмитрию Переяславскому осталось бы либо уступить, либо бежать. Теперь, однако, с ростом авторитета Ногая, Дмитрий нашел путь противодействия распоряжениям хана Туда-Менгу. Он совершил паломничество в лагерь соперника, хана Ногая, и дал ему клятву верности. Вероятно, Ногая оскорбляло нежелание Туда-Менгу советоваться с ним по поводу выдачи ярлыков русским князьям, и сейчас он был рад получить повод для проявления своей власти. Он подтвердил права Дмитрия на владимирский стол и направил ему в поддержку сильное подразделение войск. Не дождавшись никакой поддержки от Туда-Менгу, Андрей Горо-

децкий вынужден был уступить великое княжество Дмитрию и установить с ним мир. После этого Андрей Городецкий удалился в Кострому. Князь Дмитрий поклялся не мстить брату и его сторонникам, но вскоре нарушил свою клятву: в 1283 г. двое его бояр появились в Костроме и арестовали главного советника Андрея – боярина Семена Тонилевича; они убили его после короткого допроса.[147]

А.Н. Насонов делает вполне правдоподобное предположение, что Ногай даровал великому князю Дмитрию привилегию, которая устраивала город Новгород: он уполномочил его надзирать за сбором налогов в своих владениях; монгольские чиновники, собиравшие налоги, по видимости, были отозваны. Если так обстояло дело в действительности, то, видимо, Ногай старался привлечь на свою сторону больше русских князей, ставя их в привилегированное положение.[148]

Хотя Туда-Менгу и не был достаточно силен для того, чтобы открыто противостоять Ногаю, он не утвердил ярлык, выданный Ногаем Дмитрию Переяславскому и продолжал считать Андрея Городецкого официальным великим князем.[149] Ростовские князья, со своей стороны, оставались лояльными Туда-Менгу. Вполне характерно, что в ростовских летописях только Туда-Менгу называется ханом, а Ногая упоминают лишь по имени без какого-либо титула.[150] Среди всех русских князей наибольшее благоволение хана снискал великий князь Федор Смоленский (прежде – Ярославский). Федор провел несколько лет при дворе Менгу-Тимура и за это время удостоился права стоять рядом с ханом на придворных пирах и вручать ему церемониальный кубок, что считалось великой честью.[151] После смерти его первой жены, княгини Марии Ярославской (около 1285 г.) за Федора выдали замуж монгольскую княжну (возможно, дочь Менгу-Тимура), которая была крещена и получила имя Анны.

Уже упоминалось, что в 1283 г. Туда-Менгу был обращен в ислам. Представляется, что он принял новую веру не по политическим соображениям, а как духовное откровение. Психологически, этот случай похож на обращение в христианство царевича Петра Ордынского, который со временем, как мы знаем, ушел в монахи Туда-Менгу стал суфистом, последователем мистического учения в исламской мысли. Сильный толчок к развитию суфизма дал

персидский поэт Джалал ад-Дин Руми (1207-1273 гг.), который провел некоторое время при дворе сельджукских султанов (вассалов иль-ханов) в Малой Азии, а затем возвратился, чтобы основать орден дервишей.[152] Его мистические поэмы снискали огромную популярность и имели большое влияние в Малой Азии, Иране, а позднее в Оттоманской Турции. Высшим в учении суфизма считался отказ от радостей и красот этого мира; истинный суфист должен был жить в бедности и очищать душу через любовь ко всему человечеству и пантеистическое сознание, что считалось сущностью всех религий, через которые все народы могут надеяться на спасение.

Под влиянием суфизма Туда-Менгу утратил интерес к своей власти и пренебрегал государственными делами к ужасу ведущих князей и знати. Вскоре распространились слухи, что хан душевно болен. По-видимому, через недолгое время Туда-Менгу предложили передать часть власти его племяннику Тула-Буге (Теля-Буга). Во всяком случае, Тула-Буга представительствовал вместо хана в 1285 г. при попытке уладить разногласия между Золотой и Ногайской Ордами. К этому времени Ногай решил расширить сферу господства монголов на запад, в Венгрию, и пригласил Тула-Бугу принять участие в этой экспедиции.

Чтобы лучше понять политику Ногая в отношении Венгрии, нам нужно кратко рассмотреть как общую природу, так и этническую основу государства Ногая. В течение двадцати лет после его первого появления на Балканах (1265-1285 гг.) Ногаю удалось построить процветающую империю. Ее этническим ядром стал его собственный «ногайский», или мангкытский, народ, которому подчинялось разнородное множество других народов. Сам ногайский народ продолжал оставаться кочевым. Некоторые завоеванные народы, такие, как половцы, были полукочевниками; другие, как болгары, занимались сельским хозяйством. Важной группой среди подданных Ногая были аланы, которые мигрировали из Крыма и района нижнего Дона в Молдавию в начале его правления. Следует вспомнить, что другая группа аланов занимала именно этот регион около 400 г. н.э., как раз в то время река Прут стала называться Аланской рекой.[153] По всей вероятности, именно в V веке был основан город Яссы,[154] который в дальнейшем стал важным торговым городом, называемым в русских летописях «Ясским (или Асским) Торгом».[155]

Далее, во владениях Ногая было много русских, среди них бродники в районах нижнего Днестра и нижнего Дуная.[156] Русские на этой территории также занимались торговлей. Перечень «русских городов» этого периода в Молдавии записан в Воскресенской летописи.[157]

Последними по очереди, но не по значению, должны быть упомянуты валахи (румыны). Следует вспомнить, что предки румын жили на Балканском полуострове, на землях нижнего Дуная и в Трансильвании со времен Римской империи.[158] В XII веке валахи вместе с половцами приняли активное участие в создании так называемого Второго Болгарского Царства.[159] В Трансильвании румыны находились под постоянным влиянием мадьяр. С этой точки зрения монгольское вторжение в Венгрию в 1241 г. можно считать важной вехой в истории румынского народа, поскольку оно смягчило давление со стороны мадьяр, хотя бы на какое-то время.[160] Как группа, входящая в федерацию народов, управляемых Ногаем, румыны в конце концов оказались в состоянии утвердиться, как более или менее сплоченная общность, сначала в Валахии, а позднее в Молдавии. В Молдавии они жили в тесном контакте как с аланами, так и с русскими. Румыны приняли кириллический алфавит, и их цивилизация в то время находилась под значительным славянским влиянием.[161]

Согласно византийскому историку Георгию Пахимересу, все народы, подчиненные Ногаю, постепенно перешли под монгольское влияние, надевая татарские одежды и изучая татарский язык.[162] Социологически империя Ногая напоминала западноскифское и сарматское государства, а также Готское королевство IV века. Простираясь от Днепра на запад к территории нижнего Дуная, она занимала примерно ту же территорию, что и Готское королевство. Государство было богато сельскохозяйственными продуктами и рыбой и удобно расположено для ведения широкой торговли с Венгрией, Литвой и Русью на севере, с Византией на юге и с Крымом на востоке.

Быстрый рост империи Ногая не мог не отразиться на соседних странах, особенно на Венгрии. Как мы знаем, Венгрия была захвачена монголами в 1240-1241 гг. Уход Бату в 1242 г. предотвратил включение ее в состав Монгольской империи, но даже после этого монголы считали мадьяр потенциальными членами монгольско-тюркской федерации ввиду их исторического происхож-

дения. Тюркский элемент в Венгрии существенно усилился благодаря миграции туда сильной группы половцев в 1239 г.[163] С ними обосновалась и группа аланов. Румыны составляли еще один немадьярский элемент в Трансильвании. С половцами, аланами и румынами в Ногайской империи Венгрия теперь была значительно более, чем раньше, открыта для влияния народов из причерноморских степей.

Результатом этого стало возрождение старых степных традиций при венгерском дворе, по крайней мере — среди части мадьяр, и рост влияния Орды Ногая и половцев в венгерских делах. Правящий король Венгрии Ласло IV (1272-1290 гг.) имел половецкое происхождение по матери, которая была половецкой княгиней. Именно через своих половецких родственников Ласло IV постепенно пристрастился к образу жизни и привычкам степных народов. Он зашел столь далеко, что заключил в тюрьму свою супругу, королеву Изабеллу Анжуйскую, взял себе в жены двух ногайских княжон и отрекся от христианства. Это, естественно, вызвало негодование папы, а также опасения у соседних христианских правителей. В самой Венгрии существовала сильная оппозиция «татаризации» страны. Лишь небольшая часть мадьяр выразила готовность следовать за королем по избранному им пути.

Именно на таком фоне можно лучше понять вмешательство Ногая в венгерские дела. Обеспокоенный оппозицией христиан, король Ласло IV достиг взаимопонимания с ханом Ногаем[164], который, в свою очередь, вступил в сотрудничество с ханом Тула-Бугой. Зимой 1285-1286 гг. Ногай повел армию с юга через Брасов в Трансильванию; Тула-Буга предпринял завоевание Словакии с севера. В то время как кампания Ногая завершилась успешно, армия Тула-Буги застряла в покрытых снегом долинах северных Карпатских гор.[165] Потеряв большое количество людей и коней, Тула-Буга вынужден был отступить в Галицкое княжество, чтобы реорганизовать и перевооружить армию и обеспечить новые поставки лошадей. Поскольку табуны конского пополнения направлялись в Галич из кипчакских степей, монголы весной и летом 1286 г. пасли их на галицких и волынских лугах, принося много вреда сельскому хозяйству обоих этих княжеств. Вдобавок разгневанные воины армии Тула-Буги, разочарованные в своих надеждах на богатую добычу в Венгрии, разорили Галич и Волынь. Но

интервенция Ногая помогла Ласло IV на некоторое время удержать трон. При таком стечении обстоятельств, однако, венгерский король начал сомневаться в мудрости своей собственной политики и, казалось, был готов к тому, чтобы вернуться в лоно христианства. Но в 1290 г. он был убит половцами. Его смерть знаменовала собой окончательную победу христианства в Венгрии. Так закончилась драматическая карьера этого загадочного и талантливого правителя, оказавшегося между двумя разными культурными мирами. Михаэль де Фердинанди удачно сравнивает его с Юлианом Отступником, в то же время считая его подражателем Аттилы.[166]

После венгерской кампании Ногай и Тула-Буга переместили свое внимание на Польшу. Их целью, по всей вероятности, было предвосхитить польскую интервенцию в поддержку христианской партии в Венгрии. В конце 1286 г. Ногай появился в Галиче со своей армией, и два монгольских предводителя, усиленные русскими вспомогательными войсками под командованием галицких и волынских князей, напали на Польшу. Они снова действовали порознь. В то время как Ногай вел свои войска по направлению к Кракову, Тула-Буга продвигался в сторону Сандомира. Монголам хитростью удалось занять несколько польских замков. Согласно польским хроникам, в некоторых случаях русские князья, сопровождавшие монголов, клялись в том, что после добровольной сдачи гарнизону и обитателям не будет причинено никакого вреда; однако монголы всегда нарушали клятву.[167] Хотя монголы хорошо поживились в Польше, им не удалось захватить страну, и в начале 1287 г. они возвратились в Галич и Волынь и вновь их разорили. Опустошение этих областей было столь же полным, как и киевских земель при Бату. В результате потерь населения и богатств власть князей из галицкого дома была настолько подорвана, что в процессе объединения Западной Руси их подчинили себе великие князья Литвы.[168]

Князь Владимир Волынский (сын Василько) умер вскоре после возвращения его родственников из польской кампании. История его болезни и смерти в Волынской летописи, а также текст его завещания, приведенный летописцем, содержит массу важных свидетельств для изучения западнорусской (украинской) истории в этот беспокойный период.[169] Из них следует, что князь Владимир

был высоким и красивым мужчиной, любителем книг и покровителем церковного искусства. Читая этот панегирик, возникает чувство, что летописец оплакивал в лице Владимира Волынского последнего князя великого века.

После возвращения Тула-Буги в Сарай Туда-Менгу принудили к отречению, и Тула-Буга стал полноправным ханом, несмотря на противодействие группы князей и военачальников, которые отдавали предпочтение сыну Менгу-Тимура Тохте. Отношения между Ногаем и Тула-Бугой обострились во время их совместной кампании против Венгрии и Польши, когда Тула-Буга стал жаловаться, что Ногай не оказывал ему достаточной поддержки. Теперь, как вполне состоявшийся хан, Тула-Буга посчитал, что может позволить себе большую независимость, и его отношения с Ногаем становились все хуже и хуже.

Неразбериха, которая была результатом отсутствия согласия между двумя ханами, прекрасно иллюстрируется рассказом о монгольском чиновнике (баскаке)[170] Ахмеде и курских князьях.[171] Ахмед должен был собирать налоги в курской земле. Согласно рассказу, он основал там два новых города, население которых росло очень быстро, поскольку горожанам было даровано освобождение от налогов. А владения князей Олега Рыльского и Святослава Липецкого, напротив, были доведены до обнищания.[172] Вскоре оба эти князя решили пожаловаться хану. Так как баскак Ахмед был подчиненным Ногая, князья обратились к Тула-Буге. Он повелел, чтобы города, основанные Ахмедом, были разрушены. После этого дружинники Олега и Святослава напали на них и разорили.

Ахмед тут же пожаловался Ногаю. Взбешенный действием двух князей, Ногай отправил сильную орду под командованием Ахмеда с приказом схватить Олега и Святослава, а также их бояр. Услышав об этой карательной экспедиции, Олег бежал в ставку Тула-Буги, а Святослав — в воронежские леса в Рязанском княжестве. Обоим князьям, как и боярам Святослава, удалось скрыться, но бояре Олега были пойманы по дороге на восток воинами Ахмеда и приведены в лагерь баскака. Ахмед приказал немедленно их казнить. Владения обоих князей беспощадно разорила орда Ахмеда. На следующий год было достигнуто соглашение между Тула-Бугой и Ногаем, которое позволяло Олегу возвратиться в Рыльск. Тем временем Святослав тоже вернулся, и поскольку о нем не

упоминалось в соглашении, он еще раз совершил нападение на города Ахмеда. Опасаясь возможных последствий этого деяния, Олег опять направился к Тула-Буге, который приказал ему наказать Святослава и послал монгольские войска для выполнения этого приказа. Выполняя волю хана, Олег убил Святослава. После этого брат Святослава Александр отправился к хану Ногаю просить о защите. Хан послал свои войска в помощь Александру. С их помощью Александр смог захватить Олега и двух его сыновей и убил всех троих.

Весь этот эпизод характеризует как зарождающийся упадок монгольского правления, так и деморализацию, которая в своих худших чертах проявилась в русских князьях.

II

Весной 1288 г. Тула-Буга развязал кампанию против государства иль-ханов, возобновив междоусобицу между двумя ветвями Чингисидов, которая была начата Берке. Целью хана Золотой Орды был, как и раньше, захват Азербайджана. Ни эта кампания, ни вторая, последовавшая весной 1290 г., не принесла каких-либо прочных результатов.[173] Но народ Ростова воспользовался тем, что внимание хана сосредоточилось на Закавказье, и поднял восстание против монгольских чиновников.[174] Нет никаких свидетельств о карательной экспедиции, посланной по этому случаю в Ростов Тула-Бугой. Вероятно, мятеж был подавлен объединенными усилиями ростовских князей и монгольских гарнизонов, расположенных в соседних городах.

Если Тула-Буга надеялся, благодаря войне с иль-ханами, поднять свой престиж, который был так или иначе поколеблен его предыдущей безуспешной кампанией против Венгрии и Польши, то он просчитался. Его неудачная попытка завоевать Азербайджан, должно быть, сурово критиковалась многими князьями и военачальниками. Лидеры оппозиции, видимо, были готовы поддержать притязания Тохты на трон. Во всяком случае, Тула-Буга решил захватить Тохту. Предупрежденный об опасности, Тохта бежал к Ногаю и попросил у него, как у старейшего из живущих Джучидов, защиты. Ногай был только рад использовать этот повод для подрыва авторитета Тула-Буги. Поэтому он предоставил

Тохте приют в своей орде и гарантировал беженцу безопасность. Именно в связи с этим случаем он упомянул декрет Бату, делавший его посредником между князьями-Джучидами.[175] Ногай не понимал, что совершает роковую ошибку, заводя дружбу с Тохтой. Человек, которому он помог, вскоре сверг его.

После совещания с Тохтой Ногай решил хитростью избавиться от Тула-Буги. Изображая желание прийти к соглашению, он пригласил Тула-Бугу на встречу в условленном месте. Каждый должен был явиться с небольшой свитой. Тула-Буга оказался достаточно наивным, чтобы поверить Ногаю, и попал в ловушку. Он был схвачен воинами Ногая вместе с некоторыми другими сопровождавшими его князьями и доставлен к Тохте, который приказал убить всех их традиционным монгольским способом — без пролития крови, то есть, сломав им позвоночник (1291 г.).[176] После этого Ногай провозгласил Тохту ханом кипчаков. Тохта со своей стороны, согласно египетскому источнику, «отдал Крым» Ногаю.[177] Как уже отмечалось, лишь одна четверть с дохода от крымских городов была в распоряжении кипчакских ханов.[178] Вероятно, это была та доля, которую Тохта уступил Ногаю.

Хотя Тохта и получил от Ногая помощь в завоевании трона, он не намеревался оставаться всю жизнь его должником. Тохта проявил себя очень способным правителем и человеком совершенно иного склада характера, нежели Тула-Буга и Туда-Менгу. Благоговейный приверженец культа Неба, он был проникнут суровыми монгольскими традициями и верил во всемонгольское единство. Достаточно осторожный, чтобы избегать поначалу открытого столкновения с Ногаем, Тохта с самого начала своего правления занялся организацией сильной армии и администрации. Но он вынужден был сделать еще несколько уступок Ногаю, прежде чем почувствовал себя готовым открыто противостоять ему.

Пользуясь переменой на троне в Золотой Орде, официальный великий князь Андрей Городецкий в сопровождении нескольких ростовских князей и ростовского епископа отправился к Тохте для возобновления ярлыка и изложил ему свои жалобы на креатуру Ногая — правящего великого князя Дмитрия Переяславского. Последний отказался появиться при дворе Тохты, считая себя вассалом Ногая. Князь Михаил Тверской (сын великого князя Ярослава II) также принял сторону Ногая и направился для подтверж-

дения своего права на трон к нему, а не к Тохте. И князь Даниил Московский (самый младший сын Александра Невского) отказался появиться при дворе Тохты. Таким образом, разделение властей в Золотой Орде привело к образованию двух соперничающих групп среди русских князей. Тохта отказался мириться с подобным положением и предпринял энергичную попытку утвердить свое господство над всей Северной Русью. Он не только признал Андрея Городецкого великим князем владимирским, но и уполномочил его и великого князя Федора Смоленского свергнуть Дмитрия Переяславского. Как того и следовало ожидать, князь Дмитрий не намеревался уступать стола и пренебрег приказами Тохты. Тогда хан послал армию в поддержку своих русских вассалов под командованием своего брата Тудана, которого русские летописи называют Дюденем.[179] Великое княжество Владимирское заплатило страшную цену за противостояние Дмитрия Тохте. Сам Владимир, как и большинство городов, включая Москву, были немилосердно разграблены, а земли вокруг полностью разорены (1293 г.). Один лишь город Тверь оказал решительное сопротивление захватчикам; чтобы преодолеть его, Тохта направил еще одну монгольскую рать под предводительством Тохтамира, которая принесла много несчастий тверичам.[180] Тем временем Дмитрий Переяславский бежал в Псков и вступил в переговоры с Андреем. Было достигнуто временное перемирие. Вскоре после этого Дмитрий умер, и Андрей Городецкий был признан великим князем большинством северорусских земель (1294 г.).

Хотя хан Ногай решил на сей раз не вмешиваться в русские дела, его, вероятно, беспокоили решительные действия Тохты. Он посчитал необходимым напомнить Тохте, что высшая власть в делах Золотой Орды все еще принадлежит Ногаю. В связи с этим в 1293 г. главная жена Ногая, Байлак-хатун, нанесла визит ко двору Тохты и была принята с достойным почетом. Через несколько дней празднеств она сказала Тохте, что его «отец» (т.е. сюзерен) Ногай хочет предостеречь его от ряда военачальников, которые раньше поддерживали Тула-Бугу, и которых Ногай считает опасными. Она назвала двадцать трех из них. Тохта вызывал каждого по очереди в свой шатер, захватил их всех и казнил одного за другим.[181]

Это свидетельство преданности Тохты успокоило Ногая. Теперь он мог перенести внимание на балканские дела с целью рас-

ширить свое влияние в Сербии. Несколько местных балканских князей, включая Шишмана из Видина,[182] обратились к нему с просьбой о защите от короля Милутина Уроша II Сербского. Ногай послал свою армию в Сербию, и у короля не было выбора, кроме как признать себя вассалом Ногая (около 1293 г.).[183]

В этом же самом году началась затяжная война между Генуей и Венецией. Ввиду широкой торговой экспансии этих двух итальянских республик в Восточном Средиземноморье, их конфликт повлиял не только на отношения каждой из них с рядом восточных стран, но и на международную политику в целом, как в Европе, так и в Азии.[184] Как мы знаем, генуэзцы прочно обосновались в крымских портах во время правления Менгу-Тимура.[185] Венецианцы, возмущенные тем, что утратили былые преимущества в прибыльной черноморской торговле, вскоре попытались восстановить свое положение в Крыму. Есть упоминание о венецианском консуле в Солдайе в 1287 г.[186] В 1291 г. венецианцы решили направить миссию к Ногаю. Вероятно, они рассчитывали на сотрудничество с этим ханом в деле разрушения генуэзской монополии в Крыму.[187] Согласно историку, изучавшему итальянскую морскую торговлю, именно венецианская агрессивность в районе Черного моря спровоцировала основной конфликт между двумя итальянскими республиками.[188] Однако Ногай уклонялся от того, чтобы предпринять какое-то решительное действие против генуэзцев. Тем временем, его отношения с Тохтой стали напряженными. По всей вероятности, генуэзцы попросили Тохту о защите как от венецианцев, так и от поддерживавшего их Ногая. А Ногай предложил убежище и сотрудничество ряду военачальников Тохты, которые дезертировали от своего хана. Сыну одного из них Ногай даже отдал в жены свою дочь.

Тохта направил посланника к Ногаю, чтобы потребовать объяснений, и, если они не будут удовлетворительными, пригрозить ему войной. Ногай принял вызов и ответил таким посланием: *«Наши кони жаждут, и мы хотим позволить им напиться из Дона»*. Эта красочная формула объявления войны имеет формы в традиционной эпической поэзии степных народов; она использовалась еще в скифские времена и упоминается в «Слове о полку Игореве».[189] Тохта сразу же повел армию на врага. Согласно египетскому историку Рухн ад-Дину Бейбарсу, решающий бой в этой войне состоял-

ся у берегов Яса, то есть реки Прут.[190] Марко Поло во время его пребывания в Персии рассказывали, что эта битва проходила на равнине Нерги.[191] «Нерге» по-персидски значит «линия».[192] Я полагаю, что это название относится к древней укрепленной линии между реками Днестр и Прут в Бессарабии и Молдавии, названной стеной императора Траяна, руины которой существуют до сих пор.[193] Таким образом, поле боя, видимо, находилось в южной Бессарабии.

Битва закончилась победой Ногая. Тохта бежал на восток с остатками своих войск, преследуемый ордой Ногая вплоть до реки Дон. Обещание Ногая сбылось: его воины действительно поили своих коней из Дона. Теперь Ногай обратил свой гнев против генуэзцев. В 698 г. гиджры (1298-1299 гг.) его войска разорили Каффу и Солдайю.[194] Примерно в это же время война между Генуей и Венецией завершилась победой генуэзцев в решающем морском бою при Курцоле (7 сентября 1298 г.). Между прочим, именно в этом бою Марко Поло, вернувшийся из Китая в Венецию в 1295 г., был захвачен в плен генуэзцами, и именно в генуэзской тюрьме он рассказал свою историю соседу по камере Рустичьяно из Пизы, который записал ее и сохранил для потомков. Возможно, не будь этого тюремного заточения, он так и не нашел бы времени изложить на бумаге эту историю. Хотя Генуя и выиграла войну, условия мирного договора не были суровыми для Венеции, и право венецианцев торговать на Черном море было признано в 1299 г.[195]

Отказавшись от преследования Тохты до его окончательного разгрома, Ногай нарушил один из самых главных принципов стратегии Чингисхана. Вероятно, он переоценивал свою собственную силу; кроме того, он становился все старее.[196] Тохта воспользовался этой ошибкой. Через два года у него снова была новая, хорошо обученная орда, которую он в 699 г. гиджры (1299-1300 гг.) вновь повел на запад. Согласно арабским источникам, решающая битва во второй войне между Тохтой и Ногаем произошла у Куканлыка (Каганлыка). Это место можно идентифицировать как реку Кагамлык в Полтавской области.[197] На сей раз фортуна изменила Ногаю. Его армия была разгромлена, а сам он убит русским дружинником из армии Тохты. Воин принес голову Ногая Тохте, ожидая щедрую награду. Вместо этого Тохта приказал казнить его, сказав: «У простолюдина нет права убивать хана».[198] Несомненно, Тохту возмутило, что Ногаю не была предоставлена приви-

легия умереть без пролития крови.

Старшему сыну Ногая Чике (Джоге) удалось избежать гибели, и с остатками орды он направился сначала в «землю алан» (Молдавию), а затем в Болгарию. Болгарский хан Смилец умер в конце 1298 г., и наступил период междуцарствия, когда одним из претендентов на трон выступил сын Тертера Святослав. Когда появился Чика, Святослав признал его своим сюзереном и помог ему взойти на болгарский трон в Тырнове (конец 1300 или начало 1301 г.). Таким образом, ханом Болгарии стал Чингисид. Однако, это продолжалось недолго. Опасаясь репрессивных мер по отношению к Болгарии со стороны Тохты, Святослав вскоре предал Чику. Заговор, который он возглавлял, удался, и Чика был брошен в тюрьму и там задушен.[199] Затем Святослав объявил себя ханом Болгарии, по всей видимости, в качестве вассала Тохты.

Энергичная личность Ногая и драматическая история его взлетов и падений сделали его излюбленным персонажем как тюркской, так и русской эпической поэзии. Во многих русских былинах упоминается «собака Калин-Хан». Стоит вспомнить, что «Ногай» означает «собака» по-монгольски; «калин» по-тюркски значит «толстый», а известно, что Ногай был толстым. Таким образом, «собака Калин-Хан» русских былин — никто иной, как хан Ногай.[200]

6. Золотая Орда в первой половине XIV века

I

После решающей победы Тохты над Ногаем период двоевластия в Золотой Орде прекратился. Сначала Тохта столкнулся лицом к лицу со сложной ситуацией. Страна и народ были изнурены междоусобной войной. Помимо того, в причерноморских степях в 1300 г. и на протяжении двух последующих лет свирепствовала сильная засуха.[201] Однако трудности были быстро преодолены, и положение стало улучшаться. Согласно писателю, который продолжил «Историю» Рашида ад-Дина, Тохта был терпеливым и талантливым правителем. *«В дни его правления страны, подчиненные ему, достигли высокой степени процветания, и весь его улус стал богатым и довольным».*[202]

Действительно, Тохта не терял времени, восстанавливая единство правления в ханстве кипчаков и принимая на себя управление международными делами, а также вассальными народами и князьями. После смерти Чики ногайская орда распалась; часть ее мигрировала в русскую Подолию[203], еще одна часть признала сюзеренитет Тохты, и ей позволено было остаться в причерноморских степях; со временем они стали называться малыми ногайцами. Остальные ногайские кланы предпочли вернуться к своим прежним местам обитания в бассейне реки Яик, к северу от Каспийского моря, чтобы воссоединиться со своими родичами, которые оставались там на протяжении всего правления Ногая. Они стали называться великими ногайцами.

Тохта пошел по стопам Ногая, установив дружественные отношения с Палеологами в Византии. Дружба, как и в случае с Ногаем, была скреплена семейными узами: Мария, внебрачная дочь императора Андроника II, стала одной из жен Тохты.[204]

Следует заметить здесь, что в конце XIII века в Малой Азии произошли важные события, последствия которых должны были повлиять на судьбы Византийской империи, а позднее — и Руси. В 1296 г. иль-хан Газан сместил сельджукского султана Гиасаад-Дина Масуда II с престола. Под началом его преемника в сельджукском государстве начался мятеж, который был подавлен войсками Газана в 1299 г.[205] После этого Сельджукский султанат распался. Местные эмиры в Анатолии, которые все это время являлись вассалами султана, теперь вынуждены были давать клятву верности иль-хану. Многие из них стали фактически независимыми и среди прочих — сын Ертогрула Осман. На протяжении его правления Осману удалось создать сравнительно сильное собственное государство. Находясь на смертном ложе, он получил радостное для себя известие о том, что его сын Орхан[206] захватил важный город Бруссу, находящийся близко к южному побережью Мраморного моря (1326 г.). Брусса стала первой столицей Оттоманской империи.

Тохта поддерживал оживленные дипломатические отношения как с египетским султаном, так и с иль-ханами. Последним он представил многолетние притязания кипчаков на Азербайджан, которые были отклонены. Он также вмешался в дела района Газни в Восточном Иране (Афганистане), и поначалу ему удалось

посадить своего собственного кандидата на местный княжеский трон; однако, этот вассал вскоре был изгнан.[207] Дальнейшее развитие конфликта между Тохтой и Газаном предотвратили действия великого хана Тимура, который, следует вспомнить, пытался восстановить единство Монгольской империи в форме федерации всех монгольских ханов. Как Тохта, так и преемник Газана Олджайту одобрили этот план и торжественно поклялись его поддерживать (1304-1305 гг.).[208]

Важным результатом мирных взаимоотношений между Золотой Ордой и иль-ханами во время правления Тохты стало возрождение торговли между двумя ханствами. Согласно Вассафу, «Вновь была открыта дорога купцам и владельцам караванов. Арранский район (Северный Азербайджан) был покрыт шатрами и повозками, и как обычные предметы торговли, так и изысканные товары наводнили рынки благодаря быстрому товарообороту»[209]. Черноморская торговля, наоборот, испытывала регресс из-за разногласий между Тохтой и генуэзцами. В 1308 г. Каффа была разграблена монголами. Однако в других портах торговля не ослабевала.

Это восстановление порядка в Золотой Орде не могло не отразиться также и на русских делах. Все русские князья вынуждены были подчиняться Тохте, поскольку теперь не было хана-соперника, к которому можно было бы обратиться за защитой. Таким образом, внешне было восстановлено подчинение Руси хану. И тем не менее, прежняя самоуверенность у монгольской власти исчезла. Во время предшествующего периода двоевластия в Золотой Орде страх русских перед неумолимым механизмом монгольского управления существенно уменьшился. По крайней мере, чары были разрушены. Многие русские князья обнаружили, что они, хотя и слишком слабы, чтобы противостоять объединенному ханству, тем не менее могут извлечь пользу из разногласий между монголами. И пусть Тохта был теперь единым правителем Золотой Орды, все же он вынужден был считаться в своей политике — по крайней мере, до определенной степени — с вельможами, окружавшими его трон, старшими князьями-Джучидами и военачальниками, а также с ведущими купцами и другими «влиятельными группами». Поскольку по ряду вопросов между ханскими советниками возникали разногласия, русские князья всегда могли искать протекции у одного или другого монгольского князя или чиновника. И по-

скольку среди русских князей существовало соперничество, каждый пытался обеспечить себе своего собственного покровителя среди монголов, впутывая последнего таким образом в русские раздоры. В ожесточенной борьбе за существование между русскими князьями каждый из них, в первую очередь, думал об увеличении своего удела и усилении собственного контроля над ним. Если он считал это полезным, то вступал в альянс с одним или несколькими соседними князьями, но на столько времени, на сколько это представлялось ему выгодным. В этой игре допустимыми считались все приемы: сила, дипломатия, уловки, интриги при ханском дворе. Со временем некоторые из князей стали значительно сильнее других, потому что им открылась новая перспектива: возможность одному править всей или большей частью Восточной Руси. Таким образом, борьба за уделы переросла в борьбу между ведущими князьями за верховную власть; из разобщенных уделов постепенно возникало национальное государство. Этот процесс некоторым образом напоминал становление французской монархии под властью династии Капетингов после периода распада в позднюю каролингскую эпоху.

Следует вспомнить, что в начале 1290-х гг. стали отчетливо выделяться две соперничающие группировки среди русских князей: группа князей, объединенных вокруг Ростова, и объединение князей Центральной Руси — Переяславля, Твери и Москвы. В 1294 г. все они, по крайней мере — номинально, признали господство великого князя Андрея Городецкого. Три года спустя, однако, отношения между двумя княжескими группами снова стали напряженными, и война казалась неизбежной.[210] Это произошло в то время, когда Тохта готовил свое первое нападение на Ногая. Однако он посчитал ситуацию на Руси столь критической, что решил сразу же вмешаться. Тохта направил особого посланника, которого русские летописи называют Неврюй, с сильной ратью, и попросил сарайского епископа Исмаила сопровождать Неврюя и попытаться примирить противоборствующие стороны. Все русские князья были вызваны во Владимир, и после бурных споров епископ Исмаил убедил их прийти к соглашению.[211]

Четырьмя годами позже возникли новые осложнения, когда князь Даниил Московский захватил город Коломну, который относился к Рязанскому княжеству. Князь Константин Рязанский

обратился к местному монгольскому баскаку за защитой, но это не остановило князя Даниила, которому удалось нанести поражение как рязанским, так и монгольским войскам (1301 г.)[212]. С помощью хитрости Даниил Московский захватил и привез в Москву самого князя Константина, где продержал его несколько лет, оказывая ему должные почести. После смерти Даниила Московского по приказу его сына и наследника князя Юрия несчастный Константин Рязанский был убит.

Ободренный успехом, Даниил Московский в 1303 г. занял Можайск, который до этого являлся частью Смоленского княжества. В этом году умер князь Иван Переяславский, не оставив сыновей, которые могли бы наследовать ему. Великий князь Андрей Городецкий тут же посадил своих наместников в Переяславле. Князь Даниил Александрович был возмущен, поскольку сам предназначал этот город себе, и заявил, что князь Иван Переяславский завещал город ему. Поэтому он изгнал наместников великого князя и занял город.

Один явный мотив можно различить во всех агрессивных действиях князя Даниила Московского: его желание расширить свой удел. Коломна находится на юго-востоке от Москвы, Можайск — на западе, а Переяславль — на северо-востоке. Хотя изначально территория его удела не охватывала Московский уезд (если пользоваться терминологией административного деления Руси до 1917 г.), Даниил Московский стал контролировать как западную, так и юго-восточную части Московской губернии — Можайский и Коломенский уезды; Переяславль находился даже за пределами этой губернии. Несмотря на громкий протест оскорбленных сторон, Даниил Александрович продолжал удерживать все три захваченные им города. Упорство князя в достижении своих целей стало образцом для его преемников. Умение крепко удерживать то, что однажды захватили, сильно помогло Даниловичам в том, чтобы со временем стать правителями Руси.

Захват московским князем Переяславля резко изменил баланс всей структуры межкняжеских отношений, которые не отличались стабильностью и прежде. Великий князь Андрей Городецкий направился в Орду, чтобы изложить хану свою жалобу на действия Даниила Московского. Тохта приказал русским князьям снова собраться в Переяславле осенью 1304 г. под председательством его

собственных посланников. Среди ведущих русских князей, присутствовавших там, были великий князь Андрей Городецкий, князь Михаил Тверской, князь Юрий Московский — старший сын и преемник Даниила Александровича. Князь Даниил умер в марте 1304 г.[213] Присутствовал также и глава русской церкви, митрополит Максим.[214] Собрание было открыто ханскими посланниками, торжественно провозгласившими заявление о восстановлении всемонгольского единства и образовании всемонгольской федерации, главную сторону которой представлял Тохта, а русские князья становились теперь ее сочленами. Текст всемонгольского соглашения был зачитан, и русские князья без колебаний дали клятву следовать ему.[215]

После того, как закончилась официальная часть собрания, перешли к обсуждению частных русских проблем. С одобрения ханских посланников Переяславль перешел не к великому князю Андрею Городецкому, а к князю Юрию Московскому. Это стало важным симптомом новой политики Тохты по отношению к русским делам. Предшественники Тохты установили тесные связи с ростовскими князьями, предоставив контроль над всеми остальными русскими княжествами великому князю владимирскому. Теперь, с выходом на передний план сильных княжеств в Центральной Руси, таких, как Тверское и Московское, трудно было бы ожидать, чтобы старая политика не давала сбоев, и Тохта вынужден был считаться с новой ситуацией. Поэтому он решил сделать как князя московского, так и князя тверского своими прямыми вассалами, но в то же время не допускать чрезмерного усиления ни того, ни другого. Таким образом, поскольку Тохта удовлетворил князя московского, даровав ему Переяславль, его следующий шаг был сделан в пользу князя тверского. В 1305 г.[216] великий князь Андрей Александрович умер, и оба — Юрий Московский и Михаил Тверской — ринулись ко двору хана, каждый в надежде получить великокняжеский ярлык. Перед тем, как отправиться в Сарай, тверской князь Михаил Ярославич дал указание своим боярам захватить Переяславль. Однако тверское войско, посланное к этому городу, было разбито братом Юрия Московского Иваном.[217] Тем временем Тохта выдал ярлык на Великое княжество Владимирское Михаилу Тверскому. А в качестве компенсации московскому князю Юрию Даниловичу притязания Михаила Твер-

ского на Переяславль были отвергнуты. Сочетая авторитет великого князя владимирского и возможности Тверского княжества, Михаил Ярославич боролся за верховенство, затем последовал период «холодной войны» между Тверью и Москвой.

Представляется вполне вероятным, что Тохта не был удовлетворен поворотом дел на Руси и строил новые планы для полной политической реорганизации своего Русского улуса. К сожалению, сведения о последних годах царствования Тохты скудны. В русских летописях того периода — лишь сжатые отчеты о взаимоотношениях между русскими князьями. А арабских и египетских летописцев в большей степени интересовали отношения Золотой Орды с Египтом и Ираном, чем с Русью. Но один важный намек на планы Тохты касательно Руси сохранился у писателя, который продолжил «Историю» Рашида ад-Дина в его сообщении об обстоятельствах смерти Тохты в 1312 г. Согласно ему, Тохта решил сам посетить Русь; он отправился на корабле вверх по Волге, но, прежде чем достигнуть пределов Руси, заболел и умер на борту.[218] Решение Тохты поехать на Русь было уникальным в истории Золотой Орды. Ни один из монгольских ханов ни до, ни после него не посещал Русь в мирное время в качестве правителя, а не завоевателя. Несомненно, этот исключительный шаг Тохты был вызван намерением провести далеко идущие реформы в управлении его северным улусом. О характере этих реформ мы можем только догадываться.

Судя по тому, что мы знаем о его предшествующей русской политике, мы можем предположить, что Тохта намеревался упразднить Великое княжество Владимирское, чтобы сделать всех русских князей своими прямыми вассалами и наделить каждого определенным уделом с полномочием собирать налоги в своих владениях. Чтобы предотвратить конфликты в будущем, он, видимо, также собирался сделать межкняжеское собрание постоянным институтом. Вероятно, он хотел лично открыть его первый съезд, а затем назначить высокого монгольского чиновника (возможно, князя-Джучида) в качестве своего полномочного и постоянного руководителя этого органа. Все это (если принять, что наши предположения соответствовали планам Тохты) означало бы признание Руси (Восточной Руси, во всяком случае) вполне состоявшимся партнером как внутри Золотой Орды, так и во всемонголь-

ской федерации. Какими бы смелыми и творческими ни были возможные планы Тохты, они пошли прахом с его смертью.

II

Преемником Тохты стал его племянник Узбек (правил с 1313 по 1341 гг.); его царствование обычно считают «Золотым веком» Золотой Орды. Узбек был мусульманином — обстоятельство, которое несколько отложило его избрание из-за оппозиции старомонгольской партии. С его восхождением на трон ислам стал официальной религией при ханском дворе и постепенно был принят большинством монгольских и тюркских подчиненных хана. Обращение на сей раз оказалось окончательным. В знак своей преданности Пророку Узбек выстроил большую мечеть в городе Солхате в Крыму (1314 г.), которая стоит до сих пор[219].

В своей международной политике Узбек, в целом, был агрессивнее Тохты. Он вмешался в 1324 г. в болгаро-византийский конфликт во время междоусобной войны в Византии, оказывая поддержку болгарскому хану Георгию Тертерию II[220]. Несмотря на помощь монголов, болгарская армия была разбита византийцами при Адрианополе.[221] Позднее византийский император Андроник III (внук Андроника II, которого он сверг с престола в 1328 г.) установил дружеские отношения с Узбеком уже знакомым путем: отдав за него замуж свою дочь. Известная под именем хатун Байялун, она — важный знак перемены религиозной атмосферы в Золотой Орде — должна была принять ислам.[222] Около 1333 г. Байялун было дано позволение навестить ее отца в Константинополе. Она уехала, сопровождаемая арабским путешественником Ибн-Батутой, и больше не вернулась.[223]

В 1330 г. Узбек еще раз вмешался в балканские дела, и снова — безуспешно. К тому времени сформировалась византийско-болгарская коалиция против Сербии. Как молдавские аланы, так и валахи под предводительством воеводы Иоанна Бессараба поддерживали болгар. Участие Бессараба в коалиции стало сигналом появления румын на международной арене. Узбек, со своей стороны, направил 3000 ногайских воинов для усиления коалиции. Объединенная союзническая армия составляла 15 000 человек. Размеры сербской армии неизвестны; чтобы усилить ее, сербский

король Стефан Урош III решил использовать испанских и немецких наемников. Решающий бой в этой войне состоялся при Вельбужде (Кюстендиле) 28 июня 1330 г. и закончился полной победой сербов.[224] После этого Сербия стала самым сильным из балканских государств и вскоре достигла своего наибольшего расцвета при короле Стефане Уроше IV, по прозвищу Душан (1336-1355 гг.).

Как и во время правления Тохты, отношения между ханом и генуэзцами при Узбеке периодически портились из-за случавшихся конфликтов. В 1322 г. монголы разграбили город Солдайю и разрушили там много христианских церквей. Согласно Ибн-Батуте, это нападение явилось результатом столкновения между греками и турками в Солдайе.[225] Однако не греки, а именно генуэзцы представляли самую сильную христианскую группу в то время. В другом месте Ибн-Батута называет Солдайю «портом неверных», не проводя различия между греко-православными и католиками.[226] По всей вероятности, ведущая роль в конфликте в Солдайе принадлежала не грекам, а генуэзцам. Во всяком случае, среди разрушенных церквей было много римско-католических, и папа посчитал необходимым вмешаться, прося Узбека восстановить их.[227] По-видимому, на его требование не обратили внимания. Когда Ибн-Батута посетил Солдайю около 1333 г., он обнаружил, что здесь доминирует турецкое население.[228] В связи с этим следует заметить, что в других крымских портах генуэзцам не досаждали. Кафа снова развивалась, и начиная с 1318 г. она стала престолом римско-католического епископа. Генуэзцы также утвердились в этот период в Боспоре (Керчи) и в Херсоне.[229]

С Египтом Узбек поддерживал активные отношения. В 1314 г. султан аль-Малик аль-Насир выразил желание жениться на княжне из Джучидов. Узбек с готовностью согласился, но запросил огромный калым за невесту. Посланник султана растерялся, поскольку не имел с собой достаточно денег. Узбек любезно договорился с ведущими купцами Золотой Орды, чтобы те дали султану денег взаймы. Было подписано предварительное соглашение, но лишь в 1320 г. княжне по имени Тулунбай было дозволено проследовать в Каир в сопровождении большой группы вельмож и слуг. Кортеж остановился на несколько дней в Константинополе, где император Андроник III щедро принимал знатных путеше-

ственников. Прием Тулунбай в Александрии был не менее пышным. Как только невеста сошла на берег, был подписан свадебный договор, и она проследовала в Каир. Однако, брак не был счастливым: султан развелся с Тулунбай через несколько дней и передал ее одному из своих эмиров. Узбек ничего не слышал ни об этом инциденте, ни о последовавшей затем смерти Тулунбай на протяжении пяти лет. Он был сильно оскорблен и отправил несколько посольств в Египет с требованием объяснений (1332, 1335 гг.). Позднее он выразил желание жениться на одной из дочерей султана, но ему сообщили, что ни одна из них не достигла брачного возраста.[230] Очевидно, что из двух монархов Узбек больше стремился к тому, чтобы установить сердечные отношения. Между прочим, у него был ряд конфликтов с иль-ханами, и он нуждался в помощи мамлюков.

Первый период напряженности между Узбеком и иль-ханом Абу-Саидом относится к 1318-1319 гг. Узбек основал свою ставку на Северном Кавказе, что не вылилось в какую-либо большую войну. В 1324-1325 гг. войска иль-хана вторглись в долину Терека на Северном Кавказе, но были отброшены. Десятью годами позже, когда Узбек развязал войну против Азербайджана, его войска были остановлены персами.[231]

Узбека высоко превозносили мусульманские историки и путешественники за его защиту и пропаганду исламской веры, за справедливое правление и поддержку торговли. Согласно Ибн-Арабшаху, историку XV века, при Узбеке торговые караваны безопасно курсировали между Крымом и Хорезмом, не нуждаясь в каком-либо военном сопровождении, и на протяжении всего пути было вдоволь пищи и корма для скота.[232] Как уже было отмечено, Узбек основал свою столицу в Сарае Берке. Ибн-Батута, который посетил владения Узбека около 1333 г., описывает Сарай, как большой и красивый город с широкими улицами и прекрасными рынками. В нем жило шесть «народов»: монголы, аланы, кипчаки, черкесы, русские и греки — и у каждого был в городе свой район. Для защиты себя и своих товаров иностранные купцы останавливались в особой части города, обнесенной стеной.[233] Как и его предшественники, Узбек проводил в городе лишь часть года, в остальные месяцы странствуя со своей свитой. Летом он часто направлялся на высокое плато Северного Кавказа, расположенное близ-

ко к горам. Его всегда сопровождали жены и высшие придворные чиновники. Эта странствующая орда описана Ибн-Батутой, как огромный, в постоянном движении, город из шатров.[234]

Любимой женой Узбека была хатун Тайдула.[235] Ибн-Батута называет ее «Великая хатун», и ему рассказывали люди, которым он доверял, что у Тайдулы было особое телосложение. Каждую ночь Узбек снова и снова обнаруживал ее девственницей, и поэтому предпочитал ее всем остальным своим женам.[236] Двор Узбека был знаменит роскошными приемами, которые давались каждую пятницу в Золотом Шатре.[237] Празднование окончания поста было особенно пышным и изысканным[238].

В отношении русских дел политика Узбека была менее конструктивной, чем политика Тохты. Он не делал попыток изменить положение вещей на Руси и поставил себе значительно более узкую цель: предотвратить формирование объединенного русского государства и сохранить баланс между русскими князьями, особеино тверскими и московскими. Он реализовал один новый проект: поскольку он даровал право собирать налоги ряду крупнейших русских князей, институт баскаков стал излишним, поэтому вместо них хан назначил специальных уполномоченных, которых можно было бы назвать его политическими комиссарами, наблюдавшими за делами в том или ином русском княжестве.

В начале своего правления Узбек подтвердил титул Михаила Тверского, как великого князя владимирского. Это место традиционно сочеталось с контролем над Новгородом, но новгородцы отказались признать Михаила Тверского и вместо него пригласили на княжение Юрия Московского. Михаил Ярославич пожаловался хану, и московскому князю было приказано безотлагательно появиться в Орде. Пользуясь средствами, собранными в Новгороде, Юрий Московский мог осыпать хана и вельмож богатыми подарками. Он несколько лет провел в Орде и получил в жены сестру Узбека Кончаку, которая при крещении получила имя Агафья. В конце концов, Узбек отобрал ярлык у Михаила Тверского и передал его Юрию Московскому. Кавгадый, один из высших монгольских чиновников, был назначен специальным уполномоченным хана при дворе князя Юрия и сопровождал его и Кончаку на Русь. Не ожидая серьезного сопротивления со стороны Михаила Тверского, Юрий Московский и Кавгадый двинулись на Тверь

с небольшим количеством войск. Михаил Ярославич без труда разбил их, но он был достаточно осторожен, чтобы напасть на ставку Кавгадыя. В то время как московский князь Юрий бежал в Новгород, тверичи захватили в плен его монгольскую жену.[239] После этого Кавгадый приказал обоим князьям явиться в Орду. Они вынуждены были отправиться в долгое путешествие, поскольку Узбек в это время находился на Северном Кавказе из-за конфликта с иль-ханом. Тем временем Кончака умерла в плену в Твери, и Кавгадый возложил ответственность за ее смерть на тверские власти. Тверского князя Михаила Ярославича судил высший суд Золотой Орды за непокорность ханской воле и за то, что не проявил достаточной заботы о своей пленнице, сестре хана. После долгого судебного разбирательства он был приговорен к смерти и сразу же казнен (1319 г.)[240]. У его сыновей в Твери не было иного выхода, кроме как признать Юрия Московского великим князем. Они, однако, были вынуждены принять особые меры предосторожности, чтобы предотвратить возмущение тверского народа против монголов. В 1320 г. произошло восстание в Ростове; его жестоко подавил монгольский военачальник Ахмыл. Он был послан на Русь, чтобы восстановить порядок, в сопровождении младшего брата князя Юрия — Ивана. Вместе им, в конце концов, удалось утихомирить бунтарский дух ростовчан (1322 г.).[241]

Хотя Узбек и остался доволен действиями князя Ивана, он стал подозрителен по отношению к московскому князю. Возможно, Ахмыл получил тайные сведения от Михайловичей (сыновей Михаила Тверского), что Юрий Данилович укрывает в своей сокровищнице часть налогов, которые он собрал для хана. Во всяком случае, Узбек лишил Юрия Московского ярлыка на великое княжение и передал его князю Дмитрию, старшему из Михайловичей (1322 г.). Юрий Московский возвратился в Новгород, и после того, как он собрал побольше денег, еще раз направился ко двору хана. Опасаясь Михайловичей, он избрал кружной путь из Новгорода через придвинские земли, а затем вниз по реке Каме. Князь Дмитрий Михайлович также поспешил в Орду. Когда он встретил Юрия Даниловича, которого считал ответственным за смерть своего отца, он потерял контроль над собой и убил московского князя. За самоуправство князя Дмитрия Михайловича казнили по приказу хана (1325 г.). Ярлык на великое княжение во

Владимире был передан его младшему брату Александру. В качестве меры предосторожности, Узбек назначил особого баскака, Шевкала, ответственным за тверские дела.

К несчастью, тверичи не могли дольше сдерживать своих антимонгольских чувств, и вскоре после того, как Шевкал прибыл в Тверь, они восстали и убили как самого монгольского баскака, так и большинство из его чиновников и охраны (1327 г.).[242] Узбек тут же вызвал Ивана Калиту в Орду и приказал ему вести карательную экспедицию против Твери вместе с князем Александром Суздальским. В связи с этим следует отметить, что после событий 1322 г. город Ростов утратил свое прежнее лидирующее положение в Суздальской земле; города же Суздаль и Нижний Новгород, напротив, выдвинулись на передний план. Когда московские и суздальские войска, усиленные монгольскими частями, приблизились к Твери, князь Александр Михайлович бежал на запад. Как Тверь, так и вся Тверская земля были безжалостно разорены захватчиками, а тысячи тверичей угнаны в плен. Некоторые из них, как мы видели, были привезены в Китай.[243]

Хотя Узбек сурово наказал Тверь руками Ивана Калиты, он, вероятно, не желал чрезмерно усиливать Московское княжество. Показательно, что ярлык на княжение в Великом княжестве Владимирском он даровал не Ивану Московскому, а Александру Суздальскому (1328 г.). Лишь после смерти князя Александра, четыре года спустя, Иван Калита получил ярлык на Великое княжество Владимирское. Однако, несколько княжеств были ему неподвластны: это Тверское, Суздальское и Рязанское. Князь каждого из них был уполномочен собирать налоги и привозить деньги прямо к хану без посредничества великого князя. Чтобы обеспечить себе устойчивое милостивое отношение хана, Иван Калита совершал частые визиты в Орду. Несмотря на это, он находился под постоянным наблюдением ханского баскака Аль-Буги, который исполнял свою службу в Москве.[244]

До определенной степени Узбек мог быть удовлетворен результатами своей политики. В течение десятилетия правления Ивана I в качестве великого князя владимирского в Восточной и Центральной Руси серьезных волнений не было. Летописцы отмечают растущее благосостояние Московского княжества под мудрым руководством бережливого Ивана, прозванного Калита (т.е. денеж-

ный мешок). В силу добрых отношений между Иваном I и Узбеком жизнь на московской земле представлялась более безопасной, нежели в любом другом месте, и население быстро увеличивалось. Чтобы защитить торговлю, Иван принял энергичные меры против разбоя на больших дорогах и, согласно летописцу, добился в этом значительных успехов.[245]

Поскольку резиденция великого князя находилась в Москве, а не во Владимире, глава русской церкви митрополит Петр, достойный священнослужитель, обладающий высокими моральными качествами, также предпочел остаться в Москве и выразил желание быть похороненным там. После его смерти в 1342 г.[246] могила митрополита стала национальной святыней. Таким образом, Москва превратилась, практически, в церковную столицу Руси, хотя митрополит официально именовался «митрополитом Киева и всея Руси». Совершенно очевидно подражая титулу митрополита, Иван I добавил к своему собственному титулу фразу «и всея Руси».[247] Это расширение великокняжеского титула имело глубокое значение. Оно ознаменовало начало движения к объединению Руси и готовность московского князя занять в этом процессе лидирующее положение. Быстрый рост Москвы потенциально представлял серьезную угрозу Золотой Орде. Однако силы хана все еще значительно превышали силы московских князей, и у Узбека, казалось, было мало поводов для беспокойства о будущем, тем более что Иван I всячески проявлял свою преданность хану.

Время от времени хана беспокоила ситуация в Западной Руси, где его вассалы, русские князья, оказались перед лицом постоянно растущего давления со стороны Польши и Литвы. Следует сказать, что сами монголы еще раньше подорвали силы Галича и Волыни, опустошив эти земли в 1285-1286 гг. Начиная с конца XIII века, однако, Даниловичи, особенно Лев I (ум. 1301 г.) и его сын Юрий I, прилагали много усилий, чтобы улучшить внутреннее положение их страны.[248] Во время правления Юрия I (1301-1308 гг.) Галич, казалось, был на пути к восстановлению, а сам он даже получил королевский титул (Rex Russiae).

Тем временем, через тридцать с лишним лет после смерти Тройдена, литовским великим князьям удалось организовать сильную армию и управление и более тесно объединить под своей властью и литовские, и белорусские области. Объединенные средства и

людские ресурсы Великого княжества Литовского и Русского были талантливо использованы правителем, наделенным очень большими способностями, великим князем Гедимином, который взошел на литовский престол в 1316 г. Во время его правления, которое длилось до 1341 г., Литва стала самой мощной державой в Восточной Европе. Одним из важных пунктов в политике Гедимина стало желание распространить свое господство на столько западнорусских земель, на сколько это возможно. Он предпочитал расширять сферу своей власти путем дипломатии и династических браков, а не с помощью войны, но когда это было необходимо, не уклонялся и от использования силы. Он уделял значительное внимание контролю над торговыми путями, установил дружественные отношения с Ригой и пытался проложить путь к балтийской торговле через свои владения.[249] В этой связи ему представлялось важным установить литовский контроль над русскими городами на Днепре (Смоленском и, со временем, — Киевом), с одной стороны, и над Волынью и Галичем — с другой.

После смерти Юрия I ситуация в Волыни и Галиче стала резко ухудшаться. Между князьями и боярами возникали постоянные конфликты. В 1323 г. умерли оба сына Юрия I, и после этого галицкий стол был предложен князю Болеславу Мазовецкому, сыну дочери Юрия Марии и Князя Тройдена Мазовецкого (1325 г.). Его назначение подтвердил хан Узбек, и он стал называться Юрием II[250]. Чтобы укрепить свой международный престиж, он женился на княжне Офке, дочери великого князя Гедимина (1331 г.). Вдобавок, согласно правдоподобному предположению Грушевского, Юрий отдал свою собственную дочь замуж за сына Гедимина Любарта[251]. Оба этих дипломатических брака принесли большую пользу Гедимину, чем Юрию II, и монголы решили вмешаться в волынские дела, чтобы остановить агрессивные планы Литвы и Польши. В 1336 г. монгольские войска совершили набег на приграничные земли Литвы, а на следующий год — на Люблин в Польше.[252] В конце 1330-х гг. смоленский князь признал великого князя Гедимина Литовского своим сюзереном и таким образом выразил неповиновение власти Узбека. Тогда Узбек послал несколько своих восточнорусских вассалов на Смоленск, чтобы вернуть этот город в свои владения (1339 г.).[253]

На следующий год в Галиче проявился серьезный кризис. Хотя

Юрий II имел дипломатические способности и успешно утверждал международный статус Галича, ему приходилось сталкиваться с постоянно усиливающейся боярской оппозицией дома. В 1340 г. распространились слухи, что он насильно намеревается ввести в Галиче католицизм; в это же время Юрий II внезапно умирает, возможно, отравленный боярами. Его смерть побудила как поляков, так и венгров выдвинуть свои притязания на Галич. В 1339 г. король Польши Казимир Великий заключил соглашение с венгерским королем Карлом Робертом. В нем говорилось, что Карл Роберт уступает Галич (который ему в действительности не принадлежал) Казимиру до конца его жизни с условием, что если у того не будет наследников мужского пола, он должен будет завещать Галич сыну Карла Роберта Людовику (Лайошу). На основе этого соглашения Казимир направился в Галич, как только до него дошли известия о смерти Юрия II. Совет галицких бояр во главе с их старейшиной, Дмитрием Дедко, взял управление городом и страной от имени князя, которого надлежало избрать. Затем они предложили галицкий стол сыну Гедимина Любарту, признанному одновременно с этим волынскими боярами князем волынским. Если принять вышеупомянутую гипотезу Грушевского, Любарта можно было считать по линии его жены наследником Юрия II. Он устроил свою резиденцию в Волыни, оставив Дедко в Галиче в качестве своего наместника. Поскольку Любарт дал клятву вассальной верности хану Узбеку, для защиты Галича и Волыни от поляков была направлена монгольская орда. Казимир вынужден был отступить, хотя он и не оставил своих притязаний.[254]

III

После краткого периода правления старшего сына Узбека, Тинибека (1341-1342 гг.), к власти пришел его младший брат Джанибек (1342-1357 гг.). В своей политике Джанибек полностью следовал традициям отца, за исключением того, что он не вмешивался в балканские дела. Вдова Узбека хатун Тайдула продолжала занимать выдающееся положение в Золотой Орде на протяжении всего правления Джанибека.

Как и его отец, Джанибек вступил в конфликт с генуэзцами и пытался отнять у них Каффу, но безуспешно (1344 г.). С другой

стороны, он подписал торговый договор с Венецией (1347 г.). В 1349-1355 гг. Венеция и Генуя развязали еще одну войну, в которой победителем оказалась Венеция. Вслед за этим был подтвержден договор венецианцев с Джанибеком (1356 г.). Венецианцы получили право устанавливать свою торговлю в Солхате, на условиях оплаты таможенных пошлин из расчета двух процентов от стоимости проданных товаров, и в Солдайе — из расчета трех процентов.[255] Отношения между Золотой Ордой и Египтом продолжали оставаться дружественными. Как и раньше, значительное число кипчаков и русских привозилось в Египет либо в качестве рабов, либо — воинов вспомогательных войск. Большинство из них, если не все, были обращены в ислам. В период правления Джанибека один из русских воинов сделал блестящую карьеру в Египте, достигнув ранга эмира. Его имя дано в восточных источниках как Бейбуга Рус (или Урус).[256]

Через четыре года после восхождения Джанибека на трон Золотую Орду постигло страшное бедствие. Чума, которую называли «черной смертью»(очагом ее, скорее всего, был Дальний Восток), проникла в Хорезм из Китая и Индии вместе с торговыми караванами; в 1346 г. эпидемия поразила Крым, убив 85 000 человек.[257] Из Крыма вдоль азиатского берега Эгейского моря и через остров Кипр болезнь достигла Египта и проникла в Сирию. Затем через Средиземное море чума охватила Западную Европу и, распространяясь снова на восток через Балтийское море, поразила Новгород и в 1353 г. достигла Москвы. Эпидемия четко следовала по главным торговым путям; она расцветала пышным цветом на многолюдных рынках и кораблях. Поскольку торговля между городами Золотой Орды и Руси была в этот период обширной, парадоксальным представляется то, что «черная смерть» пришла в Новгород через Балтийское море, а не через Южную и Центральную Русь. Южнорусские степи, малонаселенные, используемые, главным образом, как пастбища для монгольских табунов, видимо, создали нечто вроде безопасного пояса.

В 1350-х гг. в зоне проливов произошло важное событие, которому было суждено изменить всю политическую ситуацию на Ближнем Востоке. В 1355 г. небольшой отряд оттоманских турок пересек Геллеспонт и на следующий год прочно укрепился в Галлиполи.[258] С этого опорного пункта они вскоре начали завоевание Бал-

канского полуострова и разрушение Византийской империи. Рост военной мощи оттоманских турок и захват ими Дарданелл, а позднее и Босфора, дал им возможность полностью контролировать Черноморскую торговлю. Неуклонное ослабление Византийской империи, державшей проливы под своим неусыпным вниманием до того, как там появились турки, не представляло серьезной проблемы для ханов Золотой Орды, которые всегда могли оказать военное давление на Византию, чтобы обеспечить себе право на передвижение в Египет. Итальянцы, в свою очередь, были заинтересованы в свободе навигации через проливы и добивались этого от Византии. Поскольку Золотая Орда процветала благодаря торговле с Египтом и Италией, тот факт, что турки обосновались в Галлиполи, представлял угрозу ее благосостоянию, хотя значение этого события не сразу было понято в Сарае.

Мало что изменилось на Руси при Джанибеке. Когда в начале его правления все русские князья появились при дворе хана, он даровал ярлык на Великое княжество Владимирское князю Симеону Московскому, старшему сыну Ивана I, который умер. В то же время была подтверждена независимость от Москвы Тверского, Суздальского и Рязанского княжеств. Более того, рязанский и суздальский князья получили титул великого князя в рамках их владений, а через несколько лет такая же привилегия была дана и тверскому князю.[259] Таким образом, Русь разделилась на несколько великих княжеств; владимирское великое княжество теперь, практически, хотя и не номинально, смешалось с княжеством Московским. Оно все еще сохраняло особый престиж, как первоначальное великое княжество; и, как мы знаем, начиная с Ивана I, великие князья владимирские и московские добавляли слова «и всея Руси» к своему титулу. Великий князь Симеон был известен как «Гордый». Гордость он, видимо, проявлял по отношению к другим русским князьям, но внешне он также раболепствовал перед ханом, как и его отец, и так же, как отец, совершал частые визиты в Орду. В 1349 г. возникла ситуация, потенциально угрожавшая интересам Москвы: великий князь Ольгерд (Альгирдас) Литовский (сын и преемник Гедимина) послал своего брата Кориата предупредить хана о надвигающейся опасности усиления Московского государства по отношению как к Золотой Орде, так и к Литве. Ольгерд предложил хану монгольско-литовский альянс

против Москвы. Как только Симеону сообщили о прибытии Ольгерда в ставку хана, он сам поспешил туда и выразил протест против планов Ольгерда. Джанибек, удовлетворенный преданностью Симеона, не только отклонил союз с Литвой, но и выдал Кориата Симеону. Только после длительных переговоров, по ходу которых Ольгерд проявил свое дружеское расположение к Симеону, последний согласился освободить Кориата.[260] В то время, как внимание Ольгерда было обращено на восток, Казимир Польский развязал новую кампанию против Галича и Волыни (1349 г.). Ольгерду теперь пришлось просить у монголов помощи против поляков, изгнанных из Волыни в 1352 г. Галич, тем не менее, был захвачен Казимиром.[261]

Симеон умер в 1353 г. от чумы и ему наследовал его младший брат Иван II Кроткий, который без каких-либо затруднений получил ярлык на великое княжение. Во время его правления (1353-1359 гг.) выдающуюся роль в московском правительстве играли ведущие бояре. Из них особо выделялись в то время семья Плещеевых. Их предок, Федор Бяконт, первоначально — из Чернигова, приехал в Москву в конце XIII века. Поскольку митрополит Феогност (преемник Петра) умер от чумы в то же время, что и великий князь Симеон, престол митрополита оказался вакантным. С одобрения Ивана II московские бояре решили послать к патриарху Константинопольскому члена семьи Плещеевых, епископа Алексея Владимирского, сына Федора Бяконта, в качестве русского кандидата на этот престол.

Тверской князь и бояре не одобрили кандидатуру Алексея и выразили поддержку другому кандидату, Роману, которого великий князь Ольгерд Литовский направил в Константинополь со своими рекомендациями. Патриарх решил дилемму, назначив обоих: Алексея — митрополитом «Киева» (то есть, фактически, Москвы), а Романа — митрополитом Литвы. Таким образом, русская епархия оказалась расколотой на две, но это разделение на сей раз оказалось только временным.[262] Просвещенный священнослужитель и глубоко религиозный человек, митрополит Алексей был также выдающимся государственным деятелем. Как член семьи Плещеевых, он пользовался значительным влиянием у великого князя и у бояр, и стал ведущим лицом в московском правительстве во время правления Ивана II и в первые годы правления

2. Налоговые округа (тьмы) в России при монголах

сына и преемника князя Ивана, Дмитрия.[263] К нему также относились с большим уважением при дворе хана, особенно хатун Тайдула, которую он вылечил от заболевания глаз в 1357 г.

В этом же году в Москве произошел инцидент, который явился отражением конфликта между боярами и простым народом. 3 февраля 1357 г. на главной площади Москвы было найдено тело московского тысяцкого, Алексея Петровича Хвоста, с явными признаками насильственной смерти.[264] Следует вспомнить, что, начиная с киевского периода, тысяцкий, который командовал городским ополчением, занимал особое положение в княжеской администрации.

Хотя он и избирался князем из числа ведущих бояр, его считали выразителем интересов народа.[265] Ввиду этого понятно, почему население Москвы посчитало бояр виновными в смерти Алексея Петровича. В городе начались бунты, и самые видные бояре бежали в Рязань. Большинство их вернулось на следующий год, и один из них, Василий Вельяминов, был назначен тысяцким.[266] Его отец, которого тоже звали Василий, служил тысяцким при Иване I.

В 1356 г. Джанибек развязал войну против пришедшего в упадок государства иль-ханов и стал первым из правителей Золотой Орды, завоевавшим Азербайджан; но на обратном пути из Тебриза в Сарай он умер. Согласно Искандеру Анониму, он был убит по приказу своего сына Бердибека (1357 г.).[267]

7. Государство и общество в Золотой Орде

На протяжении первого столетия своего существования Золотая Орда была одним из улусов Великой Монгольской империи. Потомки Чингисхана правили Золотой Ордой даже после падения империи, а когда Орда распалась, они владели государствами, пришедшими ей на смену. Монгольская аристократия являлась высшим слоем общества в Золотой Орде. Поэтому правление в Золотой Орде основывалось, главным образом, на принципах, которыми руководствовалось правительство империи в целом. «Великая Яса» Чингисхана составляла его правовую основу. В то же время, однако, как и в других частях империи, применение основных принципов монгольского правления в Золотой Орде обусловливалось географическим положением, этническим составом населения и духовной атмосферой на той или иной территории.

Монголы составляли национальное меньшинство в золотоордынском обществе. Большей частью населения в Орде были тюрки. С религиозной точки зрения, распространение ислама как среди монголов, так и среди тюрков в Орде стало фактором огромной важности. Постепенно мусульманские институты утвердились наряду с монгольскими.

Большинство монголов Золотой Орды были выходцами из того четырехтысячного войска, которое было передано Джучи Чингисханом; они относились к племенам Хушин, Кыйят, Кынкыт и Сайд-

жут.[268] Вдобавок, были также и мангкыты, но они, как мы знаем, держались в стороне от остальных и, со времен Ногая, составляли отдельную орду. Как уже упоминалось, тюрки были признаны полноправными членами степного общества. В западной части Золотой Орды тюркский элемент был представлен, главным образом, кипчаками (половцами), а также остаточной частью хазар и печенегов. К востоку от среднего течения Волги, в бассейне реки Кама, жили оставшиеся булгары и полутюркизированные угры (башкиры). К востоку от нижней Волги мангкыты (ногаи) и другие монгольские кланы правили рядом тюркских племен, таких, как кипчаки и огузы, большинство из которых смешалось с иранскими аборигенами. Численное превосходство тюрков делало естественным то, что монголы постепенно должны были тюркизироваться, а монгольский язык, даже внутри правящих классов, уступить место тюркскому. Дипломатическая переписка с зарубежными странами (такими как Египет) велась по-монгольски, но большинство документов конца XIV и XV веков, касающихся внутреннего управления, из тех, что мы знаем — на тюркском языке (в основном, на чагатайском тюркском). Из неофициальных текстов недавно была обнаружена рукопись монгольского стихотворения (написанного на бересте), относящаяся к началу XIV века.[269] На более низком политическом уровне, чем тюрки, находились русские, аланы и черкесы с предоставленными им слободами в городе Сарае. Племена финно-угорского происхождения, такие, как черемисы, мордва и мещера, жили в бассейне нижней Оки, а много итальянцев и греков — в Крыму и на Азовском море.

С экономической точки зрения Золотая Орда представляла собой симбиоз кочевого и оседлого населения. Южнорусские и северокавказские степи предоставляли монголам и тюркам обширные пастбища для табунов и скота. С другой стороны, некоторые части этой территории на периферии степей использовались также для выращивания зерновых. Страна булгар в районе средней Волги и Камы была также сельскохозяйственной с высокоразвитым земледелием; и, конечно, Западная Русь (Украина) и южные княжества Центральной и Восточной Руси, особенно Рязань, производили зерно в изобилии. Сарай и другие большие города Золотой Орды с их высокоразвитыми ремеслами служили пунктами пересечения кочевничества и оседлой цивилизации. Как хан, так и князья часть года жили в городах, а на протяжении другой части

года следовали за своими табунами. Большинство из них владело также земельными угодьями. Значительная часть городского населения проживала там постоянно, так что был создан городской класс, состоявший из разнообразных этнических, социальных и религиозных элементов. Как у мусульман, так и у христиан были свои храмы в каждом крупном городе. Города играли роль первостепенной важности в развитии золотоордынской торговли. Сложный экономический организм Орды был сориентирован на международную торговлю, и как раз от нее ханы и вельможи получали большую долю своего дохода.

Как мы знаем, Золотой Ордой правила ветвь Джучидов из дома Чингисхана. Юридически, вплоть до падения Монгольской империи, хан Золотой Орды являлся вассалом великого хана, и он был также в определенном смысле пайщиком имперского концерна, поскольку имел уделы в других улусах. Хан избирался ассамблеей князей-Джучидов, региональным курултаем. Церемония вступления нового хана в свою должность следовала модели возведения на трон великих ханов. Согласно Иоганну Шильтбергеру, немецкому путешественнику, который посетил Золотую Орду в начале XV века, «когда они выбирают хана, они берут его и усаживают на белый войлок, и трижды поднимают на нем. Затем они поднимают его и проносят вокруг шатра, и усаживают его на трон, и вкладывают ему в руку золотой меч. По обычаю, ему должны присягать».[270] Ритуал пронесения нового хана на войлоке по-тюркски называется khan kutermiak.[271]

Кроме функционирования в качестве избирательного органа в периоды междуцарствия, курултай регулярно собирался, чтобы обсудить вместе с ханом все важные вопросы внутренней и внешней политики. Более того, члены курултая княжеского рода занимали самое важное положение в армии и администрации. Со временем их стали называть oglan. Как и в других монгольских государствах, женщины, принадлежавшие к правящему клану — хатун — играли активную роль в политической жизни. Не менее важным был и тот факт, что каждый член правящего дома, включая женщин, получал удел, независимый от общего государственного управления. Таким образом, мы можем сказать, что Джучиды правили в Золотой Орде двумя путями: как суверены и как феодальные сеньоры.

Ниже князей находились те, кого можно назвать монгольскими и тюркскими вельможами: первоначально именовавшимися нойонами (монгольский термин), а позднее — беками (тюркский термин); а также высшие управленческие и судебные чиновники. Многим из них даровались земельные наделы феодального типа, которые назывались soyurghal.[272] Часто хан выдавал вельможе ярлык о неприкосновенности, освобождающий его и людей, закрепленных за земельным наделом, от налогов и государственной службы. Владелец такого надела назывался даркханом. Нередко этот термин применялся по отношению к более мелким землевладельцам, поскольку предполагалось, что вельможи в любом случае пользовались неприкосновенностью. В результате такой политики к середине XV века «феодальный» сектор (назовем его так условно) расширился значительно больше, чем «государственный» сектор. Этот фактор сыграл огромную роль в распаде Орды.

Организация армии в Золотой Орде строилась в основном по монгольскому типу, установленному Чингисханом, с десятичным разделением. Армейские части группировались в два основных боевых порядка: правое крыло, или западная группа и левое крыло, или восточная группа. Центр, по всей вероятности, составляла гвардия хана под его личным командованием. За каждым большим армейским подразделением был закреплен *букаул* (интендант).[273] Как и в других частях Монгольской империи, армия составляла основу ханской администрации, каждой армейской части был подчинен отдельный район в Орде. С этой точки зрения мы можем сказать, что в административных целях Золотая Орда была разделена на мириады, тысячи, сотни и десятки. Командир каждого подразделения отвечал за порядок и дисциплину в его районе. Все вместе, они представляли собой местное управление в Золотой Орде. Ярлык о неприкосновенности хана Тимур-Кутлуга от 800 г. гиджры (1397-1398 гг.), выданный крымскому тархану Мехмету, был адресован «огланам правого и левого крыла; почтенным командирам мириад; и командирам тысяч, сотен и десятков».[274]

Для сбора налогов и других целей военной администрации помогал целый ряд штатских чиновников. В ярлыке Тимур-Кутлуга упоминаются сборщики налогов, гонцы, лица, обслуживающие конно-почтовые станции, лодочники, чиновники, отвечающие за мосты, и рыночная полиция. Важным чиновником был государствен-

ный таможенный инспектор, которого называли *«даруга»* (в русских летописях произносится также как «дорога»). Основное значение корня этого монгольского слова — «нажимать» в смысле «штамповать» или «ставить печать».[275] Термин может быть передан как «хранитель печати». В обязанности даруги входило наблюдение за сбором налогов и учет количества собранного.

Вся система администрации и налогообложения контролировалась центральными правлениями (*диванами*). В каждом из них дело, фактически, вел секретарь (*битикчи*). Главный битикчи заведовал ханским архивом. Иногда хан доверял общий надзор над внутренней администрацией особому чиновнику, которого арабские и персидские источники, говоря о Золотой Орде, называют «визирем».[276] Неизвестно, был ли это в действительности его титул. Такие чиновники при ханском дворе, как стольники, виночерпии, сокольничьи, содержатели диких животных, егеря, также играли важные роли.

Судопроизводство состояло из Верховного суда и местных судов. В компетенцию первого входили наиболее важные дела, затрагивающие государственные интересы. Следует вспомнить, что целый ряд русских князей представал перед этим судом. Судьи местных судов назывались *яргучи* (*дзаргуджи*)[277]. Согласно Ибн-Батуте, каждый суд состоял из восьми таких судей под председательством главного (*амир яргу*). Он назначался специальным ярлыком хана. В XIV веке мусульманский судья (*кази*) вместе с адвокатами и писарями также присутствовал на заседаниях местного суда. Все вопросы, подпадающие под исламское право (шариат), относились к нему.[278]

Ввиду того, что торговля играла важную роль в экономике Золотой Орды, было вполне естественно, что купцы, в особенности имевшие выход на заграничные рынки, пользовались большим уважением со стороны хана и вельмож. Хотя официально и не связанные с правительством, именитые купцы могли достаточно часто оказывать влияние на направление внутренних дел и внешних сношений. Фактически мусульманские купцы представляли собой международную корпорацию, контролирующую рынки Центральной Азии, Ирана и Южной Руси. Индивидуально они давали клятву верности тому или иному правителю, в зависимости от обстоятельств. Коллективно они предпочитали мир и стабильность во

всех странах, с которыми им приходилось иметь дело. Многие из ханов зависели от купцов в финансовом отношении, поскольку те распоряжались большим капиталом и имели возможность одалживать деньги любому хану, чья казна истощалась. Купцы также с готовностью собирали налоги, когда от них этого требовали, и были полезны хану во многих других отношениях.

Основную часть городского населения составляли ремесленники и самые разнообразные работники. В ранний период формирования Золотой Орды одаренные мастеровые, захваченные в плен в завоеванных странах, становились рабами хана. Часть из них отсылалась к великому хану в Каракорум. Большинство же, обязанное служить хану Золотой Орды, селилось в Сарае и других городах. В основном они являлись уроженцами Хорезма и Руси. Позднее и свободные работники тоже, видимо, стали стекаться к ремесленным центрам Золотой Орды, главным образом — в Сарай. В ярлыке Тохтамыша от 1382 г., выданном Ходже-Беку, упоминаются «старейшины ремесленников».[279] Из этого можно заключить, что кустари были организованы в гильдии, скорее всего, каждое ремесло формировало отдельную гильдию. Одному ремеслу отводилась особая часть города для мастерских. Согласно свидетельствам археологических исследований, в Сарае были кузницы, ножевые и оружейные мастерские, фабрики по производству сельскохозяйственных орудий, а также бронзовых и медных сосудов.[280] Большое количество работников занималось выделкой кожи и ткачеством. Ткачи производили, главным образом, шерстяные ткани, хотя для некоторых тканей использовался и хлопок-сырец, ввозимый из Центральной Азии. Керамические изделия высокого качества также изготавливались в Сарае, в основном, по хорезмским образцам.

Немногое известно о положении крестьян в земледельческих районах Золотой Орды. Они упоминаются в ярлыке Тимур-Кутлуга как *сабанчи* (пахари) и *уртакчи*. Последние были издольщиками.[281] Крестьян, вероятно, сильно отягощали налоги, но в некоторых случаях, видимо, они с выгодой пользовались своим положением, если были приписаны к поместью с гарантированной неприкосновенностью. Однако в этом случае, без сомнения, на них налагались различные поместные обязанности. Некоторые крестьяне, видимо, были свободными людьми — потомками военноплен-

ных, осевших на земле. Обычно военнопленных обращали в рабов, но если они были умелыми мастеровыми, то, как упоминалось выше, их реквизировал хан. С остальными завоеватели могли делать все, что пожелают: использовать на работе у себя в доме или продать. Для итальянских, как и для мусульманских купцов, торговля рабами была прибыльным делом.

8. Монгольская администрация на Руси

I

Цель монгольской администрации в завоеванных странах была двойственной: обеспечивать армию рекрутами и собирать налоги для поддержания государства и императорской семьи. Монгольская политика на Руси не отличалась по своим целям от политики в других землях, находившихся под контролем хана.

Методы применения этой политики варьировались в разных частях Руси. На Юго-западной Руси (Украине) — в Переяславской и Киевской землях и в Подолии — монголы полностью убрали княжескую администрацию, заменив ее своим прямым управлением. В Галицкой, Волынской, Смоленской и Чернигов-Северской землях, как и в Восточной Руси, монголы установили собственное управление наряду с княжеской администрацией. Новгород после 1260 г. был освобожден от присутствия монгольских чиновников, но не от обязанности платить налоги. Даже в тех русских землях, где князья оставались у власти в качестве вассалов хана, монголы оставляли за собой право ставить определенные местности и группы населения под свой прямой контроль. Естественно поэтому, что великий князь Иван I Калита, не исключая возможности взятия монголами некоторых волостей его княжества, принял в своем завещании соответствующие меры на такой случай.[282] Некоторые русские земли даровались также в удельное владение членам семьи Чингисидов. Так, город Тула с прилегающими к нему окрестностями был передан великой хатун Тайдуле.

В большей части Руси, однако, монголы позволяли местным князьям продолжать править их княжествами под властью хана Золотой Орды и сюзеренитетом великого хана Монголии и Китая.

Как мы знаем, каждый русский князь должен был получить ярлык на княжение от хана. После этого посланник хана (*элчи*) торжественно короновал его. Хан мог в любое время забрать назад княжеский ярлык, если у него были причины сомневаться в преданности князя. В случаях открытой оппозиции со стороны князя или народа, а также ссор между князьями хан посылал на Русь рать во главе с баскаком. Со времени правления Узбека и позднее хан назначал баскака в стольный город каждого из важнейших русских княжеств.

Хотя русские князья и оставались при власти, их административные полномочия, как вассалов хана, были ограничены, поскольку ханы назначали своих собственных чиновников для вербовки воинов и сбора налогов. В завоеванных ими землях монголы спешили определить платежеспособность населения, проводя его перепись. Монгольские переписи населения на Руси проводились по приказу великого хана, согласованному с ханом Золотой Орды. Первую перепись в Западной Руси провели еще в 1245 г.; тогда были обложены налогом: Киевская земля, Подолия и, возможно, Переяславская и Черниговская земли. После карательной экспедиции Бурундая в 1260 г. перепись населения была проведена в Галиче и Волыни. В Восточной и Северной Руси осуществлялись две общих переписи. В 1258-1259 гг. подсчет населения производился в Великом княжестве Владимирском и в Новгородской земле. В 1274-1275 гг. еще одна перепись была проведена в Восточной Руси, а также в Смоленске. После этого монголы больше не прибегали к всеобщей переписи, используя данные предыдущих в качестве основы для налогообложения.

В соответствии с основными принципами монгольской политики монгольская перепись («число» — по-русски) имела две основных цели: установить количество возможных рекрутов и определить общее число налогоплательщиков. Соответственно и термин «число» имел два значения: количество воинов, которые должны быть навербованы,[283] и перепись населения с целью взимания налогов. Именно в свете этого двойного значения нам следует подходить к проблеме числовых разделений, установленных монголами на Руси. Они были идентичны основным подразделениям в армии и администрации по всей Монгольской империи, о чем говорилось выше.[284] Население Руси, за исключением новгородских

земель и людей, живших на церковных землях (не облагавшихся налогом), было разделено на мириады, тысячи, сотни и десятки. Это разделение использовалось и для целей местной администрации; так, «тысяча» обозначала не только группу людей, живших в определенном районе, но и сам район. Другими словами, каждое числовое деление представляло собой военно-финансовый район, территориальную единицу, с которой взималось определенное количество рекрутов и налогов. Как и в самой Монголии, количество солдат, которое должен был поставить район, по всей вероятности, являлось основанием числового деления. Таким образом, «десяток» должен был предоставить десять воинов, «сотня» — сто и так далее.[285]

Соотношение воинов и общего числа населения в районе было значительно ниже на Руси, нежели в Монголии. Как уже говорилось, в Монголии армия составляла примерно одну десятую всего населения (как мужского, так и женского). Во время их первого нападения на Русь в 1237 г. монголы потребовали десятую часть «со всего», включая людей.[286] Таким образом, контингент воинов, который монголы требовали от Руси, составлял одну десятую (10%) мужского населения, или, грубо говоря, одну двадцатую (5%) всего населения.

Исходя из этого, население района, известного по терминологии монголов, как десяток, могло равняться приблизительно 200 человек (мужского и женского пола), а население тьмы, или мириады, — примерно 200 000. Количество семей, принадлежавших к каждому десятку, должно быть, варьировалось в зависимости от местных условий и обычаев. Согласно Милюкову, в XVII веке на Руси средняя семья состояла из семи членов.[287] Типичная семья, или «большая семья» у крестьян в Центральной Руси в XIX веке включала в себя от 15 до 20 членов.[288] Если мы допустим, что средняя русская семья в монгольский период состояла из 10 человек, то десяток включал в себя около 20 семей; если мы предположим, что в семью входило 20 человек (что представляется в большей мере присущим этому периоду), то в таком случае десяток составляли бы 10 семей.

Фактически население подобных районов, должно быть, варьировалось в разных частях Руси. После 1270-х гг. больше не проводилось общей переписи. С последующими колебаниями численно-

сти, фактического населения в одних районах, вероятно, было меньше, а в других существенно больше зарегистрированного количества населения. Постепенно тьма становилась скорее единицей налогообложения, нежели населения, точно также на более низком уровне сотня была основной единицей в системе обложения и взимания налогов; а сотник нес ответственность за текущие вопросы местного налогообложения. Общий доход с налогов от Руси (исключая большие города) оценивался в соответствии с количеством тем (множественное число, родительный падеж от слова «тьма»), которое было установлено первоначально во время общих переписей и считалось постоянным. Большие города должны были выплачивать особые налоги и поэтому не включались в систему тем.

Список тем Западной Руси появляется в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея, составленном для польского короля Сигизмунда I (1507 г.).[289] В этом документе Менгли-Гирей подтверждает более ранний ярлык своего отца Хаджи-Гирея, адресованный великому князю литовскому Витовту (около 1428 г.). Спасенный Витовтом от расправы со стороны мятежных ханов, Хаджи-Гирей «даровал» ему все прежние владения ханов Золотой Орды в Западной Руси. Фактически, большинство из них было занято и удерживалось литовскими великими князьями на протяжении нескольких десятилетий. Несмотря на это, они числились в списках Золотой Орды как тьмы, и теперь Менгли-Гирей всех их перечислил. Тот же список, с некоторыми вариациями, был повторен в письме короля Сигизмунда крымскому хану Сагиб-Гирею (1540 г.). [290]

Из этих документов мы знаем о существовании тем, названных по следующим городам и районам: 1. Киев; 2. Владимир-Волынский; 3. Луцк; 4. Сокал; 5. Подолия [291]; 6. Каменец (в Подолии); 7. Браслав (в Подолии); 8. Чернигов; 9. Курск; 10. «Тьма Эголдея» (к югу от курского региона) [292] ; 11. Любуцк (на реке Ока) [293]; 12. Охура [294] ; 13. Смоленск; 14. Полоцк [295] ; 15-16. Рязань (по крайней мере, две тьмы — Рязань и Пронск). К этому перечню, касательно первого века монгольского правления, следовало бы добавить Галич (отошедший к Польше в 1349 г.), где, вероятно, было три тьмы: 17. Галич; 18. Львов; 19. Санок. Что касается Восточной Руси, известно, что в 1360 г. Великое княжество Владимирское состояло из 15 тем [296] ; а при правлении Тохтамыша — из 17 тем [297].

Эта цифра не включает в себя рязанские, нижегородские и тверские тьмы. Как мы только что видели, Великое княжество Рязанское платило, по меньшей мере, за две тьмы. Великое княжество Нижегородское числилось как пять тем [298]; Тверское, вероятно, также состояло из пяти [299].

Таким образом, мы приходим к тому, что до Тохтамыша в Восточной Руси было 27 тем (в Великом княжестве Владимирском — 15 тем; Рязанском — две; Нижегородском и Тверском — по пять). Включая 16 тем в Западной Руси [300], общее число составит цифру 43. Допустив, что в среднем на тьму приходилось 200 000 человек, общее население во всех русских тьмах к 1275 г. составляло примерно 8 600 000 человек. К этому числу должно быть добавлено население регионов, не включенных в систему тем: Русские земли в Великом княжестве Литовском, не подчиненные монголам, такие, как Черная Русь; Новгород и Псков; Тула и другие уделы Чингисидов. Кроме того, много русских жило в то время в Сарае и Молдавии. И нам не следует забывать о населении больших городов (не включенном в систему тем), а также и о церковных владениях (на которые налогообложение не распространялось). В целом, приблизительно можно установить общую численность населения в 10 000 000 человек.

II

В каждой тьме вербовкой воинов и сбором налогов занималась тщательно разработанная сеть административных чиновников, которые никоим образом не подчинялись русским князьям и несли ответственность только перед ханским правительством. Когда на Руси установились численные районы, командиры монгольской регулярной армии были поставлены во главе каждой тьмы и тысячи. У любого из этих командиров был в качестве помощника налоговый инспектор (даруга) соответствующего ранга [301]. Позднее даруга брал на себя всю полноту ответственности за район. В рескрипте Тайдулы митрополиту Феогносту (на основании ярлыка Джанибека) упоминаются три категории даруг: волостные, городские и деревенские. Их имена следуют после упоминания о «князьях улусов». Русский перевод в этом месте, как и в ряде других, не вполне ясен, и возможно, что под князьями подразумеваются

даруги более высокого ранга. В терминологии древнерусского перевода ханских ярлыков улус, вероятнее всего, соответствовал тьме; волость — тысяче, город — сотне [302] ; а село — десятку. О существовании даруг высшего ранга мы также узнаем из русских летописей. Таким образом, можно заключить, что во главе каждого численного района любого уровня находился даруга.

В летописях даруги, служившие на Руси, называются баскаками. Это тюркский термин, значение которого полностью соответствует монгольскому «даруга» [303]. Налоговый инспектор, ответственный за все Великое княжество Владимирское, назывался «великим баскаком» [304]. Каждый баскак имел в своем распоряжении небольшой отряд монгольских и тюркских солдат, вокруг которого он должен был создать мобильное воинское подразделение для сохранения порядка и дисциплины в районе. В связи с этим следует заметить, что, хотя большую часть рекрутировавшихся русских воинов периодически отправляли в Золотую Орду и Китай, часть из них удерживалась для местных нужд. Каждому баскаковскому подразделению отводилось постоянное жилье, которое со временем становилось процветающим поселением. Следы таких поселений сохранились в русской топонимике. Целый ряд городов и деревень, носящих название Баскаки или Баскаково, расположены в различных регионах Руси на территории прежних тем [305]. Когда войска баскака оказывались не в состоянии самостоятельно справиться с такими затруднениями, как бунты населения, русские князья обязаны были поддержать их, используя войска, находившиеся в их распоряжении.

Следует вспомнить, что во время правления Берке налоги на Руси взимались мусульманскими купцами. Эта система стала причиной многих страданий жителей и позднее была отменена; после этого количество налоговых чиновников существенно возросло. В ханских ярлыках русскому духовенству упоминаются три категории сборщиков налогов: писцы (по-тюркски, битикчи), сборщики налогов в сельской местности — даньщики и сборщики налогов и таможенных пошлин в городе — таможенники.

Существовало две основных разновидности налогов: (1) прямые налоги с населения сельских районов; (2) городские налоги. Основной прямой налог назывался данью. В основе его была десятина. Первоначально, как мы знаем, монголы требовали деся-

тую часть «со всего». В их первом приказании люди и лошади были упомянуты особо (каждая масть лошади отдельно). Несомненно, скот и продукты сельского хозяйства также подлежали десятине. Однажды в Новгороде в 1259 г. монголы собрали налог, называвшийся tuska, который был, видимо, больше обычного, поскольку стал причиной горьких жалоб. *«И было великое смятение в Новгороде,* — говорит летописец, — *когда проклятые татары собрали туску и причинили много зла людям в сельской местности».* [306] Это, видимо, тот же самый налог, который называется tzgu в армянской летописи Григора Алканца [307]. Сам термин «туска» сходен с тюркским словом tuzghu, которое обозначает *«пищу, которую приносят в дар приехавшим правителям или посланникам»* [308]. С другой стороны, в уйгурском документе середины XIV века упоминается налог называемый tüsh ür, и это название, возможно, связано с уйгурским словом tüsh, которое обозначает «интерес», «доход» [309]. Русская форма «туска», по-видимому, произошла либо от tüshük, либо от tuzghu. Во всяком случае, туска была сверхналогом, и вполне можно понять возмущение новгородцев по поводу этого дополнительного побора. Такой налог был введен монголами как карательная мера после восстания в Новгороде. Он больше не повторялся, и основой дани продолжала оставаться десятина. Со временем количество десятины было упорядочено, и дань выплачивалась в серебре, а не натуральным продуктом. В Новгороде в XIV и XV веках сбор налога, соответствовавшего дани, назывался «черным бором». Первоначально, должно быть, его платили шкурами черных куниц. Такие платежи назывались «черными», в отличие от платежей «белым» серебром. Однако во времена правления Василия II «черный бор» определялся в серебряных гривнах [310].

Помимо дани существовал ряд других прямых налогов. Поплужное (на Севере Руси — посоха) было налогом на вспаханную землю. Поплужное происходит от слова «плуг»; этот термин пришел в русский язык из немецкого. Сохой (откуда происходит посоха) на Севере Руси называли «легкий плуг». Таким образом, термины «поплужное» и «посоха» можно передать как «деньги с плуга». В связи с этим можно добавить, что исконное славянское слово для обозначения плуга — «рало» употребляли, главным образом, в Южной Руси. Действительно, в некоторых южных регио-

нах «рало» было единицей налогообложения в киевский период [311]. Ям являлся особым налогом на содержание конно-почтовых станций. Еще один налог, упоминающийся в ханских ярлыках, — война (военный, или солдатский налог) [312]; по-видимому, его собирали в те годы, когда не вербовали рекрутов. И еще один налог в ярлыках называется пошлиной. [313] Как И. Березин, так и Б. Шпулер толкуют его в терминах монгольской системы налогообложения в Золотой Орде и других частях Монгольской империи как калан. В самом прямом смысле калан (тюркское слово) являлся налогом на землю; но это слово употреблялось и в более широком значении с дополнительным смысловым оттенком «подчинение», «порабощение». Как мы увидим [314], в Западной Руси в монгольский и послемонгольский период существовала категория царских рабов, которые назывались каланными. Если мы допустим, что «пошлина» соотносится с «каланом», мы сможем толковать ее как денежную плату вместо обязанности работать в качестве каланного. Однако, четко не установлена идентичность «пошлины» и «калана».

Вдобавок к постоянным налогам ханы сохраняли за собой право, если считали необходимым, требовать дополнительный налог. Известный как запрос, он упоминается в ярлыках, а иногда и в летописях [315]. Кроме того, когда князья-Чингисиды и ханские посланники путешествовали по Руси, предполагалось, что русские будут делать им «подарки», снабжать их пищей, фуражом для коней, а также обеспечивать лошадьми и повозками для передвижения [316].

Основной налог с городов назывался тамга. Как на монгольском, так и на тюркском языках термин «тамга» обозначает «эмблему», особенно — эмблему клана, а отсюда и «клеймо», чтобы метить лошадей и другие виды собственности, принадлежащие клану. В качестве эмблемы администрации, тамга представляла собой рисунок на печати, а затем и саму печать, в особенности клеймо на поступающих в налог вещах. В Персии при Хулагу тамга являлась основным сбором в количестве примерно 0,4 % от капитала: ежегодно предприниматели и купцы должны были платить один динар из каждых 240 динаров их капитала [317]. Тамга платилась золотом или, по крайней мере, подсчитывалась в золоте. Наиболее богатые купцы (по-русски — гости) облагались налогом индиви-

дуально; купцы среднего достатка объединялись в ассоциации, которые служили единицами налогообложения. Со временем тамга приняла форму налога на оборот товаров и собиралась как таможенная пошлина. В современном русском языке «таможня» происходит от слова «тамга». Взимался также местный налог на товары — мыт [318] .

В Персии иль-ханов существовал особый налог на то, «что накапливается в мастерских, у ремесленников и купеческих объединений, а также дополнительный налог на выдачу лицензий в некоторых ремеслах» [319]. Русские ремесла, по-видимому, подлежали такому же налогообложению. Известно, что в 1258 г. в Новгороде были сосчитаны все дома с целью сбора городских налогов. Летописец комментирует, что сами бояре устроили это, так что самое тяжкое бремя легло на бедных [320] .

III

Теперь мы можем обратить наше внимание на регионы, находившиеся под прямым контролем монголов. Население было организовано в общины (десятки) и группы общин (сотни и орды), каждая из которых избирала собственных старшин: сотников и ватаманов [321] . Ватаман (в современном русском — атаман; по-украински — отаман) — слово иранского происхождения [322] , обозначающее «предводитель».

Подобные группы организовывали в тех районах внутри русских княжеств, которые были свободны от юрисдикции русских князей и находились под непосредственным господством хана. Такие группы на западе Руси назывались *«люди сотные»*, *«ордынцы»* и *«люди каланные»*. На востоке Руси подобные же категории назывались *«люди численные»*, или *«числяки»* (то есть, люди, относившиеся к числовым делениям), *«ордынцы»* и *«делюи»* (люди, обязанные исполнять особую службу) [323] . Свидетельство о восточнорусских группах такого типа скудны. Сведения о Западной Руси в границах Великого княжества Литовского более разнообразны, но не всегда ясны. Лишь о соответствующих группах в Галиче, в границах Польского королевства, мы имеем в нашем распоряжении достаточно документальных свидетельств, чтобы понять внутреннюю структуру группы и функции сотников и ор-

дынцев. Однако, доступные документы об этих землях относятся к послемонгольскому периоду (конец XIV и XV века). Хотя группы, о которых идет речь, все еще существовали в то время, их статус мог некоторым образом видоизмениться в новых политических условиях.

Начнем разговор с сотных людей — согласно галицким документам, каждый член сотни был навсегда прикреплен к сотской общине. Если он хотел покинуть общину, он должен был найти себе замену — человека, который взял бы на себя его обязанности; эту замену должны были утвердить сотские власти. Во главе сотни стоял сотский. Сотня делилась на десятки, каждую из них возглавлял десятский. Главной обязанностью сотных людей было обрабатывать землю. При польском режиме королевский уполномоченный (капитан, capitanens), располагавшийся в ближайшем замке, имел полномочия выделять участки земли сотным людям. При монголах сама община под надзором сотского, должно быть, занималась распределением земельных участков. Сотня владела скотом, выделяя быков и других животных каждому члену общины в соответствии с его потребностями. При польском правлении урожай с земель сотни шел в закрома ближайшего замка. В монгольский период продукция, скорее всего, использовалась для потребностей отрядов баскака в примыкающих районах и для рекрутированных там воинов. В конце XV века галицкие сотные общины концентрировались возле замка Санок. Как сотни, так и десятки упоминаются во многих документах Великого княжества Литовского; однако не всегда представляется возможным определить, какие из них относятся к той самой категории, о которой мы сейчас ведем речь. Видимо, в отличие от Галича, не все сотные люди в Великом княжестве Литовском обрабатывали землю. Некоторые держали пчел; иные, вероятно, выполняли обязанности другого характера для ближайшего великокняжеского замка.

Числяки в Восточной Руси представляются группой, подобной галицким сотным людям, и так же, как и те, упоминаются в наших источниках лишь по окончании ханского господства над ними. Впервые мы обнаруживаем их в завещании великого князя Ивана I, которое было написано около 1339 г. Разделяя свои владения среди сыновей, Иван Калита наставлял их держать числяков под совместным контролем [324]. Подобные же пункты появляются в за-

3. Реки московского региона (до создания Волго-Московского канала)

вещаниях и межкняжеских договорах преемников Ивана Калиты. В большинстве из них утверждается, что земли, на которых расселены числяки, не должны продаваться. Очевидно, что числяки считались группой, подчиненной московскому княжескому клану в целом, а не какому-либо отдельному князю. Мы можем сказать, что они находились под великокняжеской властью. Вероятно, первоначально они подчинялись непосредственно хану, а затем район, где они жили, был дарован ханом великому князю Ивану I. Поскольку, как мы знаем, хан имел право освобождать отдельные районы из-под власти русских князей и подчинять их своей собственной администрации, он несомненно имел право и возвра-

щать какие-либо из этих районов русской администрации, если на то была его воля. Статус числяков от этого не изменялся, но продукты их труда поступали уже в Великое княжество Московское, а не к хану.

Галицкие ордынцы, как и сотные люди, были организованы в общины. Термин «орда» (по-монгольски — орду), как мы знаем [325], обозначает лагерь или ставку хана или кого-либо из членов императорской семьи, а также — командира большого военного соединения. Орда в данном случае получила свое название, потому что как группа должна была выполнять определенные службы для ставки ближайшего военачальника. В более узком смысле, каждая деревенская община такого типа также называлась ордой. Люди, не принадлежавшие к орде, могли присоединиться к ней, если принимали на себя все обязанности и обязательства ордынца (т.е. члена орды). Человек, однажды вступивший в орду, должен был служить там на протяжении всей жизни, и сыновья его — тоже. Таким образом, крепостное состояние каждого члена орды было постоянным и наследуемым. В источниках упоминается две категории должностных лиц орды: *тивуны* и *ватаманы*. Первый термин — это пережиток киевского периода (тиун), когда он употреблялся в значении либо княжеского управляющего, либо судьи [326]. Ордынский тивун, вероятно, был судьей. Ватаман был предводителем местной ордынской единицы. По видимости, как тивуны, так и ватаманы избирались народом.

В XV и начале XVI века галицкие ордынцы жили в пяти деревнях галицкого округа и в десяти деревнях львовского округа. Они должны были предоставлять запряженные повозки для перевозки грузов по требованию князя; постоянно держать смену лошадей в ближайшем замке, чтобы облегчать продвижение повозок; перевозить княжескую почту на расстояние в десять миль; предоставлять четырех всадников [327] для любого похода, в котором принимает участие князь или комендант княжеского замка и местное дворянство; пасти и охранять княжеский скот, когда это требовалось [328].

Согласно документам Великого княжества Литовского, обязанности «слуг ордынских», как обычно называли там ордынцев, носили самый разный характер. Одни из них должны были следить за плотинами на водяных мельницах; другие обеспечивать повоз-

ками княжеских посланников и курьеров; третьи — сопровождать в качестве охранников посольства к татарским ханам и являться верхом в полном вооружении.

Службы, исполнение которых требовалось от ордынцев в Московии, видимо, были подобны тем, что выполнялись ордынцами и «слугами ордынскими» на западе Руси. В московских документах ордынцы впервые упоминаются в договоре между великим князем Дмитрием Московским и его двоюродным братом князем Владимиром Серпуховским (приблизительно, 1367 г.) [329]. Согласно этому договору, ордынцы должны были исполнять те же службы, что и во времена отцов обоих князей, подписавших документ, что относиться к периоду правления Ивана II (1353-1359 гг.). Скорее всего, именно в то время район, где проживала группа ордынцев, перешел из-под власти хана к московскому великому князю. Иное (менее правдоподобное) объяснение могло бы состоять в том, что эта группа была образована Иваном II по монгольскому образцу. В договоре между Василием I и Владимиром Серпуховским (1390 г.) появляется пункт, запрещающий кому-либо покупать земли ордынцев, который отражает тот факт, что они, как и числяки, принадлежали великому князю.

Давайте теперь рассмотрим статус каланных и делюев. В Галиче в послемонгольский период каланных трудно было отличить от сотных людей. При монголах они, должно быть, составляли отдельную группу. Две эти группы держались порознь в Великом княжестве Литовском даже в послемонгольский период. В галицких документах каланные определяются как *«несвободные люди»* (homines illiberi), а также как *«королевские люди»* (homines regales). Производное слово «каланство» обозначает рабство. Хотя и прикрепленные к княжеским владениям, каланные не являлись рабами. Они могли обращаться в суд и выступать в качестве свидетелей; имели право владеть собственностью. По всей видимости, они были потомками русских, взятых монголами в плен в ранние времена, которых хан обратил в рабов, чтобы они выполняли для него разнообразные службы. Возможно также, что некоторые из этих пленников были выкуплены королем Польши или великим князем литовским и должны были работать на них, чтобы компенсировать расходы. Представляется, что позднее в Галиче большинство каланных присоединилось к ордынской общине. В Великом

княжестве Литовском каланные, или, по крайней мере, некоторые из них, обрабатывали землю на угодьях великого князя.

Происхождение делюев, видимо, такое же, что и у каланных. По моему мнению, термин «делюй» происходит от персидского слова del, которое обозначает «середина, центр». Согласно монгольским правилам распределения военной добычи, большая часть военнопленных сохранялась для правящего хана, как для верховного главнокомандующего. Эта часть по-персидски называлась delia-i buzurg (большая середина) [330]. Хан имел право обращаться с этими пленниками по своему усмотрению. Вероятно, многие из них становились рабами хана и расселялись на земельных участках или должны были исполнять службы определенного характера. Как уже упоминалось [331], ханы других улусов, таких как Джинкши, например, также получали свою долю русских пленников, и некоторых из них привозили в Китай. В московских источниках делюи с ордынцами впервые появляются в вышеупомянутом договоре между великим князем Дмитрием Московским и князем Владимиром Серпуховским. Значит, происхождение этой группы можно отнести ко времени правления Ивана II. Возможно, район, заселенный делюями, был к тому времени дарован ханом великому князю Московскому. Однако, не исключено, что эта группа была образована русскими великими князьями из русских пленников, относившихся к группе delia, которых они выкупили. Выкупленные получили земли для обработки. Статус делюев и их земель был аналогичен статусу ордынцев.

IV

Монгольская система управления функционировала в том виде, в котором первоначально была установлена, на протяжении примерно столетия. Она прекратила свое существование в Галиче в 1349 г., когда эту страну захватила Польша; к 1363 г. большинство других западнорусских (украинских и белорусских) земель признало господство великого князя литовского и также было потеряно для монголов. Монгольское правление в Восточной Руси продолжалось еще на протяжении столетия. Однако его характер изменился после реформы налоговой системы в начале XIV века. Впоследствии, как мы увидим [332], после периода неурядиц в Золо-

той Орде в 1360-х и 1370-х гг. монгольский контроль стал значительно слабее, исключая краткий период реставрации при Тохтамыше (1382-1395 гг.).

Следует вспомнить, что некоторые русские князья в конце XIII века и все русские князья в начале XIV века имели привилегию — и обязанность — собирать дань и другие налоги [333]. В связи с этим баскаки были отозваны, а мелкие сборщики налогов теперь назначались самими русскими князьями. Каждый русский великий князь после сбора денег должен был иметь дело с особым монгольским высокопоставленным чиновником (даругой высшего ранга), который подсчитывал количество собранного и принимал деньги для сокровищницы хана. Эти даруги, однако, проживали в Сарае, а не на Руси. Такой даруга, ответственный за Великое княжество Московское («московский даруга»), упоминается в Симеоновской летописи под датой 1432 г. [334] Скорее всего, существовал тверской, нижегородский и рязанский даруги [335]. Общая сумма, которую каждый великий князь должен был выплатить хану, называлась «выходом». Это слово представляется русским переводом арабского термина kharaj. Первоначальным значением этого арабского слова было «дань» в общем смысле; позднее оно стало обозначать более узкое понятие — «налог на земельную собственность» [336].

Большую часть выхода составляли деньги от дани. Что касается других налогов, то тамгу продолжали собирать, но вырученная от нее сумма обычно оставалась в сокровищнице великого князя. После 1360 г., очевидно, только один хан, Тохтамыш, мог собирать тамгу [337]. Ям также регулярно не выплачивался ханам. Поплужное смешалось с данью, которая постепенно стала начисляться, исходя из количества сох. Согласно В.Н. Татищеву, сумма дани определялась на основании количества сох еще в 1273 г. [338], но это не подтверждают известные нам летописи и документы. Утверждение Татищева, хотя по сути и резонное, видимо, неверно датировано. Согласно летописям, в 1384 г. дань собиралась из расчета половины рубля с деревни. [339] Эта единица измерения, должно быть, соотносилась с одной сохой. В своем письме от 1409 г. Василию I эмир Едигей говорил, что, по его сведениям, великий князь московский собрал по одному рублю с каждых двух сох. [340] В своем завещании, написанном в 1423 г., великий князь Василий I советовал собирать дань в соответствии с количеством людей и их

платежеспособностью («по людям и по силе»). [341] Завещание Василия II (написанное в 1461 или в начале 1462 г.) содержит более точную формулу: «по сохам и по людям». [342]

Из разрешения, данного городом Новгородом великому князю Василию II собирать «черный бор» на торжокской земле (около 1456 г.), мы узнаем, что один плуг считался, как две сохи. Соха, с которой мы уже сталкивались в значении «легкий плуг», определяется как «две лошади и одна половина лошади». [343] И снова, в Никоновской летописи: *«Три обжи составляют одну соху. Обжа представляет собой следующее: один человек пашет на одной лошади. А когда человек пашет на трех лошадях с помощью двух работников, это — одна соха»* [344]. Кроме того, как указано в новгородском документе, четыре человека без лошадей также составляли одну соху. Единицей налогообложения для несельскохозяйственных работ тоже служила соха. Согласно тому же самому документу, дубильная бочка, рыболовная сеть, кузница приравнивались к одной сохе; большой чан; или црен, использовавшийся для выпаривания в производстве соли, считался двумя сохами.

Все это относиться к новгородской сохе. В Москве XVI и XVII веков термин соха применялся по отношению к значительно большей единице. Однако представляется, что в XV веке московская соха была единицей таких же размеров, что и новгородская. [345] Следовательно, для сельскохозяйственных районов три человека, видимо, во всяком случае считались минимальным числом, составляющим каждую соху. Трое мужчин, соответственно с их семьями и иждивенцами, могли составлять группу примерно в двадцать человек. Это примерно соответствовало большой усадьбе семейной общины («большой семье»).

В наших источниках не упоминается годовое количество выхода. Платежи значительно уменьшились во время неурядиц в Золотой Орде в 1360-1370-е гг. Тохтамыш восстановил первоначальные нормы налогов, но после его падения выход не выплачивался регулярно. Невыплаченный баланс оставался в казне русских князей, главным образом, в сокровищнице великого князя московского. Мы обнаруживаем некоторые цифры, имеющие отношение к выходу, в княжеских завещаниях и межкняжеских договорах, но эти цифры предназначались для подсчета доли каждого из князей в платежах, и не отражают общей суммы выхода. В своем завеща-

нии, написанном в апреле или мае 1389 г., великий князь Дмитрий Донской устанавливал квоту дани, которую должен был собирать каждый из пяти сыновей с удела, по тысяче рублей за выход. [346] В договоре Дмитрия с двоюродным братом, князем Владимиром Серпуховским (март 1389 г.), доля последнего определена в пять тысяч рублей за выход. [347] Эта цифра повторяется в договоре между Василием I и Владимиром Серпуховским (1390 г.). [348] В еще одном соглашении между этими же князьями (1401 или 1402 г.) в качестве основы для межкняжеских расчетов взята сумма в семь тысяч рублей. [349] В завещании князя Владимира Серпуховского, написанном также в 1401 или 1402 г., снова упоминается цифра — пять тысяч рублей. [350] В завещании князя Юрия Звенигородского и Галицкого (1433 г.) значится сумма — семь тысяч рублей. [351] Очевидно, что ни одна из этих цифр не покрывает полностью сумму выхода.

Единственный возможный способ определить общую сумму выхода, хотя бы приблизительно, — это учесть нормы налогов, установленные Тохтамышем в 1384 г. В то время дань собиралась по норме: одна полтина с хозяйства, то есть — с сохи, или примерно с двадцати человек. [352] С точки зрения численного деления населения, установленного монголами, соху можно было бы приравнять к одной десятой десятка. В тьме была 1 000 десятков, что соотносится, по меньшей мере, с 10 000 хозяйств (или сох). Во всяком случае, половина рубля с сохи означала бы сбор пяти тысяч серебряных рублей с тьмы. [353] Эту цифру можно считать квотой, требуемой с каждой тьмы. [354] Если в действительности собиралось больше, излишек поступал в казну великого князя; если меньше, то великий князь должен был восполнить недостачу из излишков с других тем, или же из своего собственного кармана. Считая, что Великое княжество Владимирское состояло из 17 тем (при Тохтамыше), мы приходим к цифре в 85 000 серебряных рублей, как общей сумме дани, выплачивавшейся Великим княжеством Владимирским в 1384 г. Если и другие восточнорусские великие княжества платили по той же норме, то Рязань должна была выплачивать 10 000 рублей, а Нижний Новгород и Тверь — по 25 000 рублей. Общая цифра для Восточной Руси, исключая Новгород Великий, равнялась бы тогда 145 000 рублей. К этому следовало бы еще добавить налоговый сбор с тамги.

Количество, выплачивавшееся Новгородом Великим, определить на том же основании трудно, поскольку Новгород находился вне системы тем. Главным источником ханского дохода с Новгорода, вероятно была тамга (в те периоды, когда ее платили), а не дань. Что же касается дани, я склонен думать, что на основные новгородские земли была наложена дань, как на пять тем. Поскольку новгородцам самим было предоставлено право собирать налоги, они вполне могли счесть для себя более удобным приравнять каждую волость одной тьме. Конечно, возможно и то, что организация так называемых пятин [355] в Новгороде приняла окончательную форму в монгольский период в соединении с принятой тогда системой налогообложения.

Глава IV

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУСИ

1. Две Руси

I.

В первой половине четырнадцатого века Золотая Орда достигла вершины своего расцвета. Однако после смерти хана Бердибека (1359 год) в Орде начался затяжной политический кризис, который продолжался около двадцати лет, серьезно отражаясь на авторитете ханов и ослабляя их власть над зависимыми народами, включая Русь. Русские воспользовались благоприятной ситуацией и попытались отстоять свою независимость. На западе, под предводительством великого князя литовского, они отвоевали значительную часть территории, первоначально оккупированную монголами, и даже, на определенное время, вышли к берегам Черного моря.

Образование в тот период двух сильных государств: Великого княжества Литовского, контролирующего ресурсы Западной Руси, и Великого княжества Московского (номинально Владимирского), управляющего большой и постоянно увеличивающейся частью Восточной Руси, — факт первостепенного значения в русской истории. Оно привело к разделению русских земель между Литвой и Московией. В конце концов, вследствие унии Литвы с Польшей, между Москвой и Польшей развился продолжительный конфликт. Политический раздел усугублялся социальными и культурными переменами и внес огромный вклад в постепенное разде-

ление первоначально единой русской нации на три народа — великороссов (в настоящее время называемых просто русскими) на востоке, малороссов (украинцев) и белорусов на западе. Долгое время, однако, народы каждой из этих трех ветвей продолжали называть себя просто русскими.

Политическое разделение Западной и Восточной Руси частично являлось следствием неспособности монгольских ханов обеспечить русским на западе надлежащую защиту от посягательств Польши и Литвы. Пока Западная и Восточная Русь находились под контролем хана, обе были частями одного политического образования, Золотой Орды. Но после падения Ногая золотоордынские ханы стали уделять меньше внимания положению в своих западных русских провинциях, чем контролю над Восточной Русью. Тогда как Узбек счел необходимым защитить Галицию от нападения польского короля Казимира Великого в 1340 году, его преемник Джанибек оказался не в состоянии отразить вторую атаку Казимира на Галицию в 1349 году, а только помог литовскому князю Любарту выбить поляков из Волыни. Любарт, однако, хотя формально и был вассалом хана, фактически представлял интересы растущего литовского государства и потенциально являлся врагом монголов. Таким образом, мы можем сказать, что власть монголов над Западной Русью начала ослабевать в 1349 году. Вскоре после начала усобиц в Золотой Орде великий князь Ольгерд Литовский предпринял против монголов успешную кампанию с целью установления контроля над Киевом и Подольской землей. Сопротивление ему было слабым, в 1363 году он разбил силы трех монгольских князей у Синих Вод вблизи устья Буга и вышел к берегам Черного моря[1].

Несмотря на то, что преемники Ольгерда в конце концов утеряли выход к Черному морю, они сохранили за собой Киев и Подольскую землю, хотя после смерти Ольгерда его сын, князь Владимир Киевский, вынужден был признать ханский сюзеренитет и выплачивать ему дань. В любом случае, большая часть Западной Руси была освобождена от монголов, чье владычество над ней теперь сменилось владычеством Литвы и Польши. Монгольскому сюзеренитету над Восточной Русью суждено было продолжаться еще около ста лет, что само по себе являлось фактором углубления различий в историческом развитии Восточной (или Великой) и Западной (Малой и Белой) Руси.

Что же касается этих названий, то Малая Русь (позже использовалось в форме МалоРусь), судя по всему, появилось в конце тринадцатого или начале четырнадцатого века. Когда в 1303 константинопольский патриарх по настоянию короля Юрия I согласился учредить в Галиче митрополичью кафедру, новый прелат получил титул Митрополита Малой Руси (по-гречески — Μικρα Ρωσια, по-латыни — Russia Minor)[2]. Кроме Галича ему подчинялись следующие епархии: Владимир-Волынский, Холм, Перемышль, Луцк и Туров. Таким образом, Малой Русью в то время называли Галицкую, Волынскую и Туровскую земли. То, что название было связано не только с церковными делами, но получило также и политическое значение, ясно из указа Юрия II (1335 год), в котором он именует себя «князем Малой Руси» (Dux Russiae Minoris)[3].

Происхождение названия «Белая Русь» (позже Белоруссия; на польском Biala Ruś) неопределено[4]. Было бы весьма заманчиво усмотреть в нем древние сарматские корни. Как мы знаем, сарматославянское племя, поселившееся в Галиции в раннем Средневековье, в девятом столетии называли Белыми хорватами, что, согласно китайской системе цветов, значит — Западные хорваты. Возможно какое-либо другое западное сарматское племя несколько раньше вышло к верховьям Днепра. Напомним, что одна из ветвей аланской группы сарматов была известна как аорсы (белые) или аланорсы (белые аланы)[5]. Однако не существует убедительных свидетельств, подтверждающих гипотезу сарматского происхождения названия Белая Русь. К тому же его необходимо рассматривать вместе с «Черной Русью» (Ruś Czarna), район под этим названием был занят литовцами на начальной стадии формирования Великого княжества Литовского[6]. Эти два названия, судя по всему, составляли ономастическую пару и поэтому должны анализироваться вместе. Возможность объяснения терминов в свете их религиозных основ рассматривается в фольклористике, по крайней мере для Белой Руси. Высказывается предположение, что название «Белая Русь» было связано с культом Белбога (Белого Бога), гипотетического языческого божества славян[7]. Сейчас в славянских мифологиях иногда упоминается также Чернобог (Черный Бог); используя подход, применяемый к Белой Руси, мы должны бы считать Черную Русь сферой культа Черного Бога. Однако достоверность существования Белбога и Чернобога находится под сомнением.

По другому подходу предлагается интерпретировать названия через славянскую терминологию социальных отношений. Указывается, что славянское слово «белый» имеет значение «свободный» (относительно собственности — «необлагаемый налогом»), а слово «черный» — «несвободный» («облагаемый налогом»)[8]. С этой точки зрения Черная Русь называлась бы так из-за своего раннего подчинения Литве, в отличие от свободной Белой Руси. Эта теория представляется малоубедительной, поскольку Белая Русь, как мы знаем, тоже была завоевана литовцами, лишь немного позднее Черной. Согласно другому толкованию, Черная и Белая Русь получили свои названия по цвету одежд жителей, что кажется самым простым объяснением, но, пожалуй, слишком ненадежным. Кроме того, различие в цвете одежды могло иметь какое-то исторически обусловленное значение.

Таким образом, проблему происхождения названий Белая и Черная Русь нельзя считать полностью разрешенной. В качестве нового предположения я хотел бы подчеркнуть факт, что в течение восьмого и девятого столетий в бассейны всех рек, впадающих в южные и восточные части Балтийского моря (от Одера на западе до Двины на востоке), проникли древние скандинавы. Как известно, Черная Русь находится в бассейне верхнего Немана, а Белая Русь — в бассейне Двины и (через волоки) верхнего Днепра[9]. В этой связи необходимо отметить, что ирландские хронисты, говоря о викингах, различали Белых чужестранцев (Finngaill) и Черных чужестранцев (Dubgaill). Это различение обычно трактуется как различие между «светловолосыми норвежцами» и «темноволосыми датчанами». Однако Т.Д. Кендрик считает подобное различение, имеющим «лишь относительное этнологическое значение»[10]. С моей точки зрения, различение основывалось не на цвете волос соответствующих викингов, а на цвете их одежд и вооружения. На Осебергских тканях есть изображение воина с белым щитом[11]. Насколько мне известно, в наших источниках нет ничего, что говорило бы о цвете, характерном персонально для шведов. Полагаю, что Белые и Черные были особыми объединениями викингов. Черных, по-видимому, было больше среди датчан, а Белых — среди норвежцев. Оба объединения, очевидно, существовали и среди шведов. На основании вышеизложенных соображений я склонен думать, что район, известный как Черная Русь, в определенное

время, скажем, в девятом веке, контролировался Черными викингами, а территория, называемая Белой Русью — Белыми. Таково возможное объяснение происхождения этих названий.

Название «Великая Русь» (позже — Великороссия) впервые появляется в указе византийского императора Иоанна Кантакузина князю Любарту Волынскому в 1347 году, подтверждающем упразднение митрополичьей кафедры в Галиче. Император повелел «по всей Руси — Великой и Малой — быть одному митрополиту, Киевскому»[12]. Можно добавить, что в середине семнадцатого века царь московский, Алексей (второй царь династии Романовых), сделал официальными все три названия Руси, включив их в свой титул: «Царь Всея Великой и Малой и Белой Руси» (1654).

II

В Московии постепенно складывалось централизованное царское самодержавие. В Великом княжестве Литовском, напротив, в конце концов установилось аристократическое правление. Даже на ранних стадиях своего формирования, Великое княжество являлось не централизованным государством, а политической федерацией под военным руководством великого князя. Эта федерация, с момента своего образования во время правления Миндовга, состояла как из литовских, так и из русских земель. При Гедимине вся Белая Русь и части Украины признали власть великого князя литовского. При Ольгерде эта власть распространилась на всю Украину кроме Галиции, которая, как мы знаем, была захвачена Польшей.

В этом процессе политического поглощения Западной Руси Литвой определенное количество удельных русских князей сохраняли свои отчины и большинство бояр свои имения. Большие княжества, однако, такие, как Киевское и Волынское, отходили литовским князьям — потомках Гедимина. Собственно говоря, Киев после его разрушения монголами в 1240 году несколько лет находился под их прямым контролем, а когда в начале четырнадцатого века монголы позволили русскому князю править в Киеве, то выбрали одного из второстепенных князей (по-видимому, Черниговского дома). Факт, что древняя традиция престолонаследия в Киеве была, таким образом, нарушена, облегчил Ольгерду задачу сде-

лать одного из своих сыновей (Владимира) князем киевским. В случае с Волынью, где древний правящий дом Романа Мстиславича (отца Даниила и Василько) пресекся, не могло быть никаких препятствий на этом основании для вторжения сына Гедимина Любарта; к тому же, как уже отмечалось, он мог претендовать на определенную степень родства с древним правящим домом через свою жену.

В то время как литовские великие князья присоединяли русские земли к своим владениям, они оставляли в неприкосновенности все традиционные русские социальные и политические институты. Русский язык и «русская вера» никоим образом не затрагивались. Напротив, влияние русской цивилизации распространялось на собственно Литву. Например, некоторые слова в литовском языке, касающиеся церкви и церковной службы, заимствованы из русского[13]. Тогда как в четырнадцатом веке основная часть литовцев все еще оставались язычниками, многие литовские князья приняли греческое православие, особенно после того как взяли русских жен. Хотя Ольгерд, по политическим причинам, не желал афишировать своей церковной принадлежности, есть основания полагать, что он был православным; все его сыновья приняли русскую веру и не скрывали этого, даже если некоторые из них, как Ягайло, позже по политическим соображениям перешли в католичество. Русское влияние было так же велико в организации литовской администрации. В княжествах Вильно и Тракай — составляющих самое сердце великокняжеских владений — для обозначения должностных лиц различных административных служб употреблялись русские термины, такие, как *городничий* (глава города), *тивун* (судья), *конюший* (смотритель конюшен). В сфере социальных отношений в Литве использовалось русское слово «боярин»[14], хотя в конце концов оно приобрело там несколько другое значение. Еще более значимым является факт, что русский язык стал главным инструментом великокняжеского суда. Даже значительно позже, в шестнадцатом столетии, когда русский язык в официальных документах уже в значительной степени заменяла латынь, Литовский статут (впервые опубликован в 1529 году) был составлен на русском (древнем белорусском). Фактически это был русский свод, получивший законную силу во всем Великом княжестве.

Хотя литовцы сами были неукротимыми воинами, русские подданные великого князя тоже играли заметную роль в его армии; и особенно в начальный период роста государства русские составляли значительную часть литовского военного личного состава. Как свидетельствуют немецкие хронисты, такие, как Питер Дуйбургский и Виганд Марбургский, русские приняли активное участие в борьбе литовцев против тевтонских рыцарей[15]. Тевтонская угроза юному литовскому государству существовала в течение всего четырнадцатого столетия, и великим князьям требовалось прилагать много усилий, чтобы избежать опасности с этой стороны. По соглашению великий князь Ольгерд и его брат Кейстут — каждый взяли на себя определенную задачу. В то время как Кейстут, который был выдающимся военачальником, принял руководство борьбой против рыцарей, Ольгерд, умелый политик, получил возможность сосредоточить свое внимание на русских и польских делах[16].

После смерти Ольгерда (1377) его сын Ягайло (по-литовски Jogaila; по-польски Jagiello) был признан великим князем, хотя и не без некоторого сопротивления. Вскоре, однако, между Кейстутом и Ягайло начался конфликт. Ягайло обманом захватил своего дядю и тайно задушил его в замке Крева (1381). Поскольку Кейстут был у литовцев популярным героем, особенно в среде приверженцев старой веры (он до конца оставался язычником и был кремирован в соответствии с древними языческими ритуалами), его смерть произвела болезненное впечатление и привела к сильной оппозиции по отношению к Ягайло со стороны многих влиятельных князей и бояр. Кроме того, теперь Ягайло вынужден был сам защищать страну от тевтонских рыцарей, для чего он оказался недостаточно силен. Выход из сложной ситуации, казалось, был найден, когда поляки (которые, в свою очередь, тоже боролись с рыцарями) предложили объединить силы двух наций через династический брак. Ягайло должен был взять в жены королеву Ядвигу Польскую и стать королем Польши, оставаясь великим князем литовским. Ягайло и ведущие литовские бояре приняли предложение, и 15 августа 1385 года в Креве Ягайло подписал документ объединения за себя и от лица всех удельных князей Великого княжества. Затем его приняли в лоно католической церкви под именем Владислав (Wladislaw).

Кревская уния (ратифицирована в 1386 году) была много боль-

шим, чем просто династическое или личное соглашение[17]. Она означала полное соединение Литвы и Польши. Римский католицизм становился официальной религией Литвы; литовские аристократы, после обращения в католичество, получали все права и привилегии польской аристократии. Хотя зто последнее условие вполне устраивало литовских и русских бояр, русские немедленно выступили против попытки урезать права Православной церкви. К тому же, и литовцев, и русских возмутил план ликвидации государственной самостоятельности Великого княжества. По зтим причинам король Владислав-Ягайло не смог навязать кревскую унию своим народам и в 1392 году вынужден был признать лидера оппозиции — своего двоюродного брата Витовта, сына Кейстута (по-литовски Vytautas, по-польски Witold), великим князем Литовским под своим сюзеренитетом.

В области международных отношений самым важным плодом польско-литовской унии стала решительная победа объединенных польских и литовско-русских войск над тевтонскими рыцарями у Таннеберга в Восточной Пруссии (1410). Тремя годами позже Польша и Литва заключили новый договор в Гродно. Хотя принципы объединения Литвы и Польши были в нем подтверждены, было, между тем, согласовано, что после смерти Витовта литовские бояре (*паны*) и аристократия (*шляхта*) выберут в качестве своего следующего великого князя кандидата, приемлемого для короля Польши. Это означало, что их право избирать своего великого князя было в принципе признано, хотя и с некоторыми формальными ограничениями. Фактически Великое княжество Литовское имело полную автономию при Витовте, который к концу своей жизни стал самым могущественным правителем Восточной Европы.

III

Москва впервые упоминается в русских летописях под 1147 годом. В то время она была лишь небольшим поселением в центре одного из владений князя Юрия I Суздальского[18]. Несколькими годами позже зтот князь построил крепость на высоком берегу Москвы-реки, основную часть Кремля. Ко времени монгольского нашествия город, несомненно, вырос значительно, поскольку в нем правил князь, сын великого князя Юрия II.

Возвышение Москвы началось вскоре после ее разрушения монголами в 1238 году. Как и подъем Твери в то же самое время, оно частично было обусловлено миграцией населения вследствие монгольских набегов. Хотя при своем первом нападении на Русь монголы разрушили Москву и разграбили Тверское княжество, разорение центрального района Восточной Руси было, все-таки, не таким ужасным, как Суздальской и Рязанской земель. И в последующие годы тоже Москва и Тверь в целом меньше страдали от карательных экспедиций монголов, чем Суздальское княжество.

Однако причиной притока людей в московский и тверской регионы была не только монгольская угроза более доступным для них районам. Благоприятным фактором являлось выгодное для торговли географическое положение этих двух городов. Оба лежат в западной части русской «месопотамии», в междуречье верховий Волги и Оки. Этот район находится в центре системы русских речных путей: с одной стороны, притоки верхней Волги и Оки соединяют его с притоками верхнего Днепра, а с другой стороны, верхняя Ока и ее притоки протекают вблизи верховий Донца, Дона и их притоков[19]. Тверь расположена при слиянии Волги и Тверцы, чьи истоки лежат рядом с истоками Мсты, которая впадает в озеро Ильмень. Таким образом, Тверь — ворота в речной путь из Новгорода в волжскую систему.

Ключевский в Лекции 21 своего знаменитого «Курса русской истории»[20] — эту лекцию можно назвать поистине классической — подчеркнул важность того факта, что Москва контролирует внутренний путь, связывающий верхнюю Волгу с верхней Окой: вверх по Шоше (притоку Волги) и Ламе (притоку Шоши), а затем, через короткий волок, вниз по Истре и Москве. О важности этого речного пути свидетельствует ранний рост города Волоколамска (Ламский Волок) на полпути между верховьями Волги и Москвой. Из Москвы, далее на юг, купцы легко могли спуститься по Москве-реке в Оку, при слиянии которых находится город Коломна, очень привлекавший князя Даниила Московского и, как мы видели, в конце концов им захваченный. Если в начале четырнадцатого века могло казаться, что шансы Москвы и Твери в борьбе за первенство примерно равны, то к концу века Москва, вне всякого сомнения, лидировала в гонке и фактически выигрывала ее. Каковы же были причины?

Прежде всего, можно подчеркнуть, что положение Москвы в центре внутренних путей сообщения «месопотамии» не только давало ей значительное преимущество в торговле, но и представляло собой первостепенную стратегическую ценность во время военных действий. Далее, как уже было сказано, при митрополите Петре Москва стала церковной столицей Руси, и все последующие попытки тверских князей перенести митрополичью кафедру в собственный город плодов не принесли. Не менее важным обстоятельством было то, что Новгород скорее предпочитал встать на сторону Москвы, чем Твери. Это частично можно объяснить опасением новгородцев, что тверской князь, являясь их непосредственным соседом, будет склонен подавлять их свободы, а в случае, если такое желание возникнет, будет иметь для этого больше возможностей, чем князь московский. Таким образом, случилось так, что в большинстве конфликтов между Тверью и Москвой, последняя могла рассчитывать на поддержку Новгорода. Эта поддержка была не столько военной, сколько финансовой. Из Новгорода московские князья получали огромные субсидии, которые не только увеличивали резервы их казны, но и могли использоваться ими для продвижения их интересов при ханском дворе.

И последнее, но далеко не по значимости, обстоятельство заключалось в том, что московские князья много лучше тверских умели извлечь пользу из своих ресурсов и преимуществ. В русской историографии существуют две точки зрения относительно личностных характеристик московских князей. Платонов подчеркивает их таланты и практичность как важный фактор возвышения Москвы[21]. Ключевский, напротив, считает их посредственностями, которые обязаны своим успехом благоприятным историческим обстоятельствам. С его точки зрения, ни один московский князь до Ивана III не отличался индивидуальностью; каждый был простым повторением одного фамильного типа. Они «как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий»[22]. Не обсуждая способностей московских князей, трудно согласиться с саркастической характеристикой Ключевского «Иванов» и «Василиев». Действительно, по крайней мере, с моей точки зрения, практически каждый московский князь имел яркие характерные черты, отличающие его от других. Сравните дерзкого и агрессивного Юрия

III и его спокойного и снисходительного брата Ивана I. Сопоставьте «кроткого» Ивана II с его отважным и энергичным сыном Дмитрием Донским. Обратите внимание на разницу между сыном Дмитрия Василием I, искусным дипломатом, и сыном последнего Василием II, правителем без выдающихся способностей, однако стойким и упорным, не отступающим перед неудачей. В фамильном типе, о котором говорит Ключевский, наблюдалось большое разнообразие. С другой стороны, мы можем согласиться с Ключевским в том, что большинство московских князей было хорошими хозяевами и эффективно управляли своими имениями и состояниями. В этой черте он усматривает узость их интересов и недостаток государственного мышления.

Собственно говоря, любые политические устремления русских князей того времени неизбежно должны были вращаться в ограниченной сфере зависимой нации. Выступление против ханской администрации было бы смелой политикой — но была ли бы она конструктивной? Тверские князья попытались и проиграли. Подчинение московских князей власти монголов до периода больших усобиц в Золотой Орде являлось горькой необходимостью. То, что в этом отношении они следовали традициям своего предка Александра Невского, свидетельствует об их политической мудрости, а не об узости интересов. Будучи ограничены в своих политических действиях добровольно избранной лояльностью к хану, московские князья, естественно, вынуждены были сосредоточиться на экономической активности. Становясь богаче и прибавляя к своим владениям новые города и территории, они накапливали ресурсы, необходимые для будущего сопротивления. Когда Дмитрий Донской увидел шанс успешно выступить против монголов в 1370-тых годах, он ударил, не колеблясь. Мятеж Дмитрия, однако, оказался преждевременным, и битву Москвы за полную независимость отложили еще раз.

Отдавая дань уважения московским князьям за их роль в создании Московского государства, мы не должны забывать, что своим успехом они в значительной степени обязаны поддержке бояр и церкви. С ростом Москвы все больше знати собиралось при дворе великого князя московского и владимирского, поскольку служить ему стало выгоднее, чем второстепенным князьям. Кроме того, литовские и западнорусские князья и бояре переходили к Москве,

когда их не устраивали условия жизни дома: после смерти Ольгерда и, даже больше, после попытки Ягайло навязать польско-литовскую унию и урезать права греческой православной церкви в Западной Руси.

2. *Великая смута в Золотой Орде и восстание московитов*

L

Великая смута (по-русски — Великая Замятня) началась как семейная усобица, конфликт между тремя сыновьями Джанибека — Берлибеком, Кульпой и Наврусом. Напомним, что Берлибек, по всей вероятности, сел на трон, убив своего отца[23]. Если так, то последующее противодействие ему со стороны его брата Кульпы и некоторых вельмож вполне понятно. В 1359 году в Золотой Орде произошел дворцовый переворот, руководимый Кульпой; Берлибека убили и Кульпу провозгласили ханом. Следует отметить, что два сына Кульпы носили русские имена — Михаил и Иван; первое имя было популярно у тверских князей, а второе — у московских. Нет сомнений, что оба сына Кульпы были христианами. Их крещение, должно быть, оскорбило мусульманское большинство князей и вельмож и помогло младшему сыну Джанибека Наврусу организовать другой дворцовый переворот, в котором убили и Кульпу, и его сыновей (примерно 1360 год). Конфликт между сыновьями Джанибека, таким образом, с уничтожением двух старших окончился, и Наврус, казалось, получил великолепный шанс восстановить линию престолонаследия ханов рода Узбека.

Однако династический кризис в Золотой Орде деморализовал Джучидов как род; ханы восточной части Джучидова улуса — потомки Орды, Шибана и Тука-Тимура — сочли возможным, в свою очередь вступить в схватку, вдохновляемые той сказочной наградой, которая ожидала победителя — достоянием Золотой Орды, собранным за время ее процветания. Это достояние, казалось, находилось в пределах досягаемости любого предприимчивого Джучида. Так началась вторая фаза великой смуты. В 1361 году несколько знатных вельмож тайно предложили потомку Шибана по имени Хузр принять трон. При приближении армии Хузра Навруса вероломно захватили его собственные приближенные и передали Хузру. Тот немедленно распорядился казнить Навруса и всю его

семью. Среди убитых тогда князей и княгинь была «Великая Хатун», Тайдула. После непродолжительного правления Хузр пал от руки собственного сына, Темир-Ходья, который просидел на троне только пять недель[24], когда несколько оставшихся в живых потомков Узбека предприняли попытку вернуть власть. Однако они не сумели договориться между собой. В 1362 году один из них, по имени Келди-Бек, правил в Сарае, а другой, Абдулла, в Крыму. В том же году еще один джучидский князь, Булат-Тимур (по всей вероятности, восточной ветви Джучидов), захватил булгарскую территорию в бассейне средней Волги.

Ни один из упомянутых нами до сих пор джучидских правителей не обладал выдающимися способностями ни полководца, ни государственного деятеля. Но такой лидер появился среди монгольских темников Золотой Орды неджучидского рода. Его звали Мамай. Не имея прав на трон, он вынужден был использовать одного из Джучидов в качестве марионеточного хана. В результате Мамай поддерживал Абдуллу в борьбе против Келди-Бека. Однако, несмотря на все усилия Мамая, он оказался неспособным отнять Сарай у ряда ханов-соперников, таких как Мюрид в 1362-63 годах и Азиз-Хан (сын Темир-Ходья) в 1364-67 годах. После смерти Абдуллы, примерно в 1370 году, Мамай посадил на трон еще одного Джучида, Мухаммад-Булака (в русских источниках Мамат-Салтан). Фактически власть Мамая признали только в западной части Золотой Орды — западнее Волги. За считанные годы ему удалось восстановить на этой территории порядок. В некотором смысле государство Мамая было слепком Ногайской империи, хотя и не простиралось на запад так далеко. После 1363 года, как известно, часть черноморского побережья между Бугом и Днестром контролировал великий князь Ольгерд Литовский. В Молдавии формировалось новое, независимое от Валахии, румынское государство. Им управляла череда местных вождей, кроме периода 1372-77 годов, когда трон занимал племянник Ольгерда Юрий, сын Коряты.

Напомним, что во время некоторых предыдущих золотоордынских кризисов или конфликтов с другими монгольскими ханствами, в качестве посредника мог выступать великий хан Китая. Однако, как мы знаем, в 1360 году весь Южный Китай восстал против великого хана, в 1368 году династия Юань была свергнута, ее

сменила китайская династия Мин. Это означало конец панмонгольской империи, а местные монгольские ханы, оставшись без центральной власти, должны были теперь самостоятельно решать свои проблемы, исходя из собственных ресурсов.

Пока Золотая Орда была на время фактически парализована внутренними распрями, в Центральной Азии сформировались два новых центра монголо-тюркской власти: один в южном Казахстане в Сугнаке в низовьях Сырдарьи; другой в Самарканде в Мавераннахре. В Сугнаке самый могущественный из потомков Орды, Урус-хан, учредил свой двор в 1360 году[25]. Все больше и больше Джучидских царевичей и монгольских темников признавали его своим сюзереном. «Урус» по-тюркски — «русский». По всей вероятности, мать Урус-хана была русской княжной. Очевидно, что на этом основании он был готов заявить свои притязания на Русь.

В Мавераннахре в шестидесятые годы четырнадцатого века в затянувшийся период безнадежного беспорядка и путаницы местных конфликтов выделилась динамичная личность Тимура (Тамерлана)[26]. Тимур родился в городе Кеш в 1336 году, в год Мыши. Он был древнего монгольского рода Барласов и объявлял себя потомком мифической прародительницы монголов Алан-Коа[27]. Однако он не был Чингисидом, это означает, что он не принадлежал к Золотому Роду и не имел права на трон. Даже став всемогущим, он был вынужден править, как Мамай, от имени марионеточных ханов дома Чингиса.

Роль Тимура в истории часто сравнивают с ролью Чингисхана. Нет сомнений, что своим современникам он казался даже более могущественным. И, действительно, добиваясь поставленных целей, Тимур был безжалостен, как Чингисхан, и даже более изобретателен в жестокости, чем он. Как полководец Тимур, безусловно, не уступал Чингисхану. Однако как государственный деятель он был менее конструктивен. Хотя им, как и Чингисханом, руководила идея покорения мира, непосредственным мотивом его походов было скорее стремление к большей власти и наживе, чем к установлению всеобщего порядка. Существовали также религиозные и культурные различия между этими двумя мировыми завоевателями. К моменту рождения Тимура члены его рода, хотя и гордились своим монгольским происхождением, уже были тюркизованы. Они говорили на тюркском языке, и большинство из них приняли ис-

лам. Тогда как Чингисхан был «язычником», Тимур являлся мусульманином. Его религиозная принадлежность весьма помогла ему во время ближневосточной кампании; с другой стороны, она делала его отношение к немусульманским народам более ограниченным, чем у Чингисхана. Можно также сказать, что вместо содействия панмонгольскому движению, начатому Чингисханом, Тимур, с одной стороны, продолжил панисламистские традиции халифа, а с другой — дал могучий импульс пантуранскому движению будущего[28].

Первой важной вехой на пути Тимура к власти стало его воханение в качестве местного правителя в родном городе Кеш в 1360 году. Затем в Мавераннахре последовал период гражданской войны, в которой Тимур поддерживал то одну сторону, то другую. В это время он вряд ли представлял собой нечто большее, чем просто главаря банды разбойников. В одной из многочисленных стычек, в которых он принимал участие, его ранили в правую ногу, и он охромел на всю жизнь. Отсюда его прозвище — «Хромой Тимур», по-турецки — Темир-Аксак, по-персидски — Тимур-Ленг, откуда происходит английская форма Тамерлан. Этот беспокойный период в жизни Тамерлана закончился, когда он, победив и предав смерти своего бывшего сюзерена Хусейна, стал правителем Мавераннахра со столицей в Самарканде. Теперь он был готов начать строительство собственной империи. Старая Монгольская империя распалась на части только за два года до того, как он захватил Самарканд. Чтобы укрепить свое положение, Тамерлан предпринял ловкий дипломатический ход, признав себя вассалом Хон-Ву, первого китайского императора династии Мин[29]. Таким образом он получил имперскую санкцию на свои будущие завоевания. В определенном смысле этот поступок находился в ряду ранее использованных им уловок во время борьбы в Мавераннахре. Быть вассалом могущественного правителя значило для него укрепить свой авторитет; свергнуть этого правителя и захватить его власть было следующим шагом в игре. И действительно, именно так Тамерлан намеревался поступить в подходящий момент со своим китайским сюзереном. Увенчать свои победы покорением Пекина ему помешала смерть.

Принимая во внимание политическую ситуацию в Центральной Азии после своего захвата Самарканда, Тамерлан решил

прежде всего установить свой контроль над тюрками Казахстана; другими словами, над восточной частью улуса Джучи. Это означало возможное столкновение с Урус-ханом. Не желая рисковать в немедленном нападении на него, Тамерлан попытался подорвать силу Урус-хана изнутри, завоевывая друзей среди князей и военачальников его окружения. Чтобы эта политика принесла плоды, требовалось время, и Тамерлан тихо выжидал несколько лет, прежде чем совершил решительный шаг. В этот момент Урус-хан, ничего не зная о построениях Тамерлана, начал поход на запад, оставив своего сына Кутлуг-Буку управлять в Сугнаке. Примерно в 1372 году его армия достигла низовий Волги, а в следующем году захватила оба Сарая. После вступления в Новый Сарай Урус-хан объявил себя ханом Золотой Орды. Он был самым сильным противником, с которым до сих пор суждено было столкнуться Мамаю, и, казалось, последний имел мало шансов удержаться у власти. Однако в это время дали результаты интриги Тамерлана: Тохтамыш, один из самых способных военачальников Урус-хана, покинул его и отправился к Тамерлану за защитой и поддержкой.

Тохтамыша обычно считают племянником Урус-хана и, следовательно, потомком Орды. Однако согласно родословной пятнадцатого века, называемой Муиз, предком Тохтамыша был не Орда, а другой сын Джучи — Тука-Тимур[30]. В любом случае, Тохтамыш был Джучидом высокого положения. Как и следовало ожидать, Тамерлан принял бежавшего монгольского князя с подобающими почестями и признал его правителем Сугнака. С армией и вооружением, полученными от своего нового сюзерена, Тохтамыш выступил против сына Урус-хана Кутлуг-Бука. Тот погиб в первой же битве, однако его войска одержали победу. Тохтамыш бежал в Самарканд. Вскоре после этого видный монгольский темник из племени мангкытов, Едигей, тоже оставил лагерь Урус-хана и предложил свои услуги Тамерлану. Некоторое время Тохтамыш и Едигей служили одному хозяину, хотя позже их пути разошлись.

Получив известия о гибели сына в бою и уходе Едигея, Урус-хан поспешил вернуться в Сугнак и отправил к Тамерлану гонца с требованием выдать ему Тохтамыша и Едигея. Тамерлан отказал, и война между ними продолжилась. На этот раз Тамерлан сам повел армию на Сугнак, но кампания не принесла решительной

победы ни тому, ни другому (1376 год). В следующем году Урусхан скончался, а ему наследовал младший сын Тимур-Мелик.

Тамерлан дал возможность Тохтамышу еще раз попытать счастья в походе против нового правителя Сугнака. В конце концов он вышел победителем и в 1377 году захватил Сугнак. Однако его честолюбивые планы этим не ограничивались — он желал стать также ханом Золотой Орды и, таким образом, установить свою власть над всем улусом Джучи.

II

В начальный период великой смуты русские князья продолжали действовать согласно установившемуся ранее порядку и испрашивали у каждого нового хана подтверждения своих ярлыков. При быстрых переменах на золотоордынском троне иногда случалось, что правящий хан не успевал выдать новые ярлыки, и русским приходилось ждать в Орде, чтобы это сделал следующий хан.

Когда власть делили два, или иногда больше соперничающих ханов, возникала ситуация как во времена Ногая. Тогда русские могли использовать одного хана против другого в своей собственной дипломатической игре. Результатом явилось падение авторитета ханов и рост духа независимости у русских. В русских летописях нет упоминаний о каких-либо решениях Кульпы относительно русских дел. Он правил только около пяти месяцев, и когда русские прибыли в Орду, им уже пришлось иметь дело с новым ханом, Неврусом. Тот подтвердил большую часть ярлыков на удельные княжества. Но отказался выдать великокняжеский ярлык юному сыну Ивана II Дмитрию Московскому (родился в 1350 году), а вместо этого назначил великим князем владимирским Дмитрия Суздальского. Московские бояре были возмущены, поскольку привыкли рассматривать великое княжение как наследственную вотчину князей московских. Составитель Троицкой летописи замечает, что принятие Дмитрием Суздальским Владимирского стола противоречило закону наследования от отца к сыну[31].

Как только Хидур убил Невруса, московские бояре повезли своего малолетнего князя к новому ханскому двору. Им не удалось получить для Дмитрия ярлык, и они были счастливы уже

тем, что покинули Орду до нового дворцового переворота. Дмитрий Суздальский, в свою очередь, отправился в Орду за подтверждением ярлыка и оказался свидетелем волнений. Он посчитал удачей, что остался в живых, и поспешно вернулся домой. Возможно, русское слово *«кутерьма»* обязано своим появлением впечатлению от этих насильственных и бессмысленных возведений ханов на престол (с церемонией «несения на войлоке» — *«кутермяк»* — совершаемой каждый раз) и последующими дворцовыми переворотами.

Когда ханом Сарая стал Мюрид, оба Дмитрия возобновили попытки получить великокняжеский ярлык. Помня о своих недавних испытаниях, никто из них не поехал в Сарай лично, а каждый послал к хану своих киличей (полномочных представителей). Мюрид выдал ярлык Дмитрию Московскому. Поскольку Дмитрий Суздальский не желал расставаться с великокняжеским столом, московские бояре, взяв с собой своего князя, повели московское войско на Переславль, где сосредоточил силы Дмитрий Суздальский. Сражения не произошло, потому что суздальский великий князь бежал в собственный удел. Дмитрия Московского торжественно возвели на владимирский стол.

В этот момент правитель западной части Золотой Орды, Мамай, счел необходимым продемонстрировать право хана, которого он поддерживал — Абдуллы, произносить свое слово в русских делах. Послы Мамая доставили в Москву ярлык Абдуллы, утверждающий Дмитрия великим князем владимирским. Московские бояре не имели ничего против того, чтобы получить второй ярлык для своего князя и оказали послам подобающие почести (1363 год). Но их акция оскорбила хана Мюрида Сарайского, выдавшего первый ярлык. Он лишил Дмитрия Московского прав на Владимир и издал новый ярлык в пользу Дмитрия Суздальского. Тот бросился во Владимир, но смог удержаться у власти лишь двенадцать дней. На этот раз москвичи не только выбили суздальского князя из Владимира, но также штурмовали Суздаль. Дмитрий Суздальский вынужден был отказаться от всех претензий на владимирский стол.

До поры до времени москвичи, казалось, восстановили прежнее верховенство своего города в Восточной Руси. Больше того, с ослаблением Золотой Орды они почувствовали себя более неза-

висимыми от монгольской опеки. Они ликвидировали угрозу власти Москвы со стороны суздальских князей, что, с их точки зрения, могло послужить предостережением также и тверским князьям. Но, тем не менее, тверские князья вскоре предприняли еще одну попытку перехватить у Москвы лидерство в русских делах. Не полагаясь в данных обстоятельствах на монголов, они теперь обратились за помощью к растущей державе Западной Руси, Великому княжеству Литовскому. Великий князь Ольгерд, напомним, еще в 1349 году предлагал монголам заключить союз против Москвы, но тогда его план провалился. С тех пор силы Ольгерда многократно возросли и, как нам известно, теперь он контролировал часть понтийской степи, которую отнял у монголов в 1363 году. Это, в конце концов, поставило его в выгодное положение для ведения переговоров с монголами (некоторые из них поступили к нему на службу). Позже, при его преемнике Ягайло, была достигнута определенная степень монголо-литовского взаимодействия против Москвы. Пока же, однако, монголы, казалось, были бесполезны, и Ольгерд обратил свое внимание на Тверь как на возможного союзника[32].

После 1363 года отношения между Ольгердом и Москвой осложнились. Несколько лет, однако, открытой войны между ними не было, частично потому, что потенциальные союзники Ольгерда, тверские князья, были поглощены внутренними распрями. Серия междоусобных столкновений произошла между тверским великим князем Василием, князем кашинским (сыном великого князя Михаила I, неудачливого соперника Юрия III Московского) и его племянником, князем Михаилом Микулинским. В 1368 году великий князь Дмитрий Московский предложил свое посредничество в этом конфликте. Однако, когда Михаил Микулинский прибыл в Москву, то был немедленно арестован, вероятно, по наущению его двоюродного брата Еремея Дорогобужского. Михаила освободили только после того, как он пошел на некоторые уступки Еремею. Из Москвы Михаил Микулинский уехал уязвленный до глубины души и обратился за поддержкой к Ольгерду.

Все годы тверского кризиса правителей Москвы беспокоила возможность интервенции Ольгерда. Они сочли разумным принять некоторые меры предосторожности, самой важной из которых — и оказавшейся весьма своевременной — была замена в 1367

году деревянных укреплений Кремля на каменные стены. Ольгерд, судя по всему, был готов напасть на Москву, когда князь Михаил появился при его дворе. Уже вскоре он вел на запад объединенную литовско-русскую армию. Ольгерд являлся мастером скрытных военных передвижений. Московская армия была застигнута врасплох, когда Ольгерд, по дороге разбив несколько небольших передовых отрядов московских войск, появился у новых кремлевских стен (ноябрь 1368 года). Хотя он не смог взять Кремль штурмом, его войска безжалостно разграбили селения вокруг Москвы. Это было первое вражеское нашествие, которое испытала Москва с 1293 года. Князь Михаил Микулинский, поддерживаемый Ольгердом, был признан великим князем тверским (Михаил II) — зловещее событие с точки зрения московских политиков. Удар для Москвы не был, однако, смертельным, и в 1370 году, пользуясь тем, что Ольгерд и его брат Кейстут сражались тогда с тевтонцами в Пруссии, московские войска опустошили тверское княжество. Великий князь тверской бежал в Литву и еще раз обратился к Ольгерду с мольбой о помощи.

Ольгерд снова появился у стен Москвы в декабре 1370 года, но опять попытка штурмовать Кремль ни к чему не привела. Тогда он предложил подписать мирный договор; Дмитрий, однако, согласился только на перемирие до дня Св. Петра и Павла (29 июня) 1371 года. Разочарованный в своих надеждах, Михаил Тверской теперь отправился к Мамаю и получил ярлык нового марионеточного хана Мухаммед-Булака на великое княжение владимирское. Специальный посол Мамая Сары-Хоя был уполномочен возвести Михаила на владимирский престол. Однако жители Владимира, действуя по инструкциям Дмитрия, отказались принять Михаила и Сары-Хоя. Вместо этого посла пригласили в Москву, обласкали, одарили и отправили к Мамаю. По совету Сары-Хоя Мамай предложил Дмитрию нанести визит в Орду. Дмитрий прибыл ко двору Мамая с богатыми дарами и самому Мамаю, и хану, и ханшам, и мурзам. В результате Мамай согласился устроить отмену ярлыка Михаила, и Дмитрий был утвержден великим князем владимирским. По этому случаю Дмитрий предложил выплатить 10 000 рублей кредиторам сына Михаила, молодого князя Ивана, пребывавшего в Орде. Предложение было принято, деньги выплачены, и Дмитрий забрал тверского князя в Москву, где его держали, пока

отец не вернул деньги полностью. Этот эпизод, как справедливо отмечает Соловьев, ясно показывает насколько большими финансовыми средствами располагали московские князья по сравнению с тверскими[33].

Тогда как тверские проблемы, казалось, разрешились в пользу Москвы, новый вызов Москве бросили из Рязани. Мотивы оппозиции Дмитрию со стороны великого князя Олега Рязанского неясны. Наиболее вероятно, что она являлась следствием соперничества монголов в делах Руси — если предположить, что Олег был вассалом не Мухаммед-Булака, хана Сарайского. В любом случае, между Москвой и Рязанью началась война. Московской армией руководил литовский князь Дмитрий Боброк-Волынский, сын Кориаты, муж московской княжны Любови[34]. Судя по всему, он был одаренным стратегом и являлся выдающимся русским полководцем того времени. Войска Олега потерпели жестокое поражение. Его двоюродный брат князь Владимир Пронский воспользовался ситуацией и объявил себя великим князем рязанским (1371 год). В следующем году, однако, он был свергнут Олегом. Это столкновение между Москвой и Рязанью было несчастьем для русского союза, поскольку в последующей войне Москвы с монголами Олег оказался на стороне монголов.

В 1372 году великий князь Михаил Тверской заключил еще один союз с Ольгердом и напал на уделы некоторых своих родственников, второстепенных тверских князей, которых он считал марионетками Москвы. Дмитрию Московскому ничего не оставалось делать, как защищать своих друзей. Этот новый конфликт в Тверском княжестве, поддерживаемый Литвой, с одной стороны, и Москвой, с другой, продолжался три года. В это время зарождается оппозиция князю Дмитрию в самой Москве. В 1374 году, когда умер тысяцкий Василий Вельяминов, Дмитрий Иванович никого не назначил на его место. Как мы знаем, семнадцатью годами ранее в Москве между боярами и тысяцким (предшественником Вельяминова) были серьезные разногласия. Теперь московский князь решил вообще упразднить этот институт.

Необходимо отметить, что с принятием монгольской системы воинской повинности и уменьшением роли вече, городское ополчение (тысяча), которой руководил тысяцкий, утратила свою пре-

жнюю значимость (исключая Новгород). Княжеский *двор* стал основой новой организации русской армии. В связи с этим был учрежден новый институт *окольничих*. В московских документах окольничий впервые упоминается в договоре великого князя Семена с своими братьями Иваном и Андреем (около 1350-51 года)[35]. И московский тысяцкий, и московский окольничий — оба подписали этот договор как свидетели. Теперь, с упразднением института тысяцких, окольничий стал главным помощником великого князя в военных делах.

Иван Вельяминов, сын Василия, который, вероятно, ожидал быть назначенным преемником отца, бежал в Тверь вместе с богатым купцом по имени Некомат. Последнего в наших источниках называют «сурожанин», что свидетельствует о том, что он занимался торговлей с городом Сурож в Крыму. Оба склоняли великого князя Михаила Тверского напасть на Москву, пытаясь, очевидно, убедить его в том, что он встретит достаточную поддержку у населения. Больше того, они оба отправились из Твери к Мамаю. Некомат вернулся в Тверь с ханским ярлыком на великое княжение владимирское, выданным Михаилу Тверскому[36]. Иван Вельяминов остался у Мамая на несколько лет.

Однако ни одна из этих уловок не сработала; московские войска подавили сопротивление тверичей. Не получив помощи ни от литовцев, ни от монголов и разочаровавшись в надеждах обойти Москву, тверской князь Михаил Александрович был вынужден просить мира. По мирному договору от 1375 года князь Михаил Тверской признал себя «младшим братом» (то есть вассалом) Дмитрия Московского[37]. Более того, он обещал никогда не претендовать на великое княжение владимирское или новгородское; он согласился на независимость одного из удельных тверских княжеств, кашинского; и взял на себя обязательство поддерживать Москву тверскими войсками в ее будущих войнах. Это обязательство ограждало Москву от возможных конфликтов с монголами и Литвой. Михаил Тверской, таким образом, вынужден был прекратить дружбу с Ольгердом.

В результате этого договора Дмитрий стал признанным сюзереном — на бумаге, по крайней мере, — всей Восточной Руси, исключая Рязань.

III

Аннулирование Мамаем ярлыка московскому князю Дмитрию Ивановичу на великое княжение владимирское и его безуспешное назначение великим князем Михаила Тверского (1375 год) свидетельствовало о важном изменении в политике монгольских правителей относительно Руси. Они проявляют страх Мамая перед растущей силой Москвы. Некомату, который, безусловно, был прекрасно осведомлен о планах Москвы, удалось, наконец, убедить Мамая, что экспансия Москвы должна быть остановлена сейчас или никогда. События 1374 года явились дальнейшим свидетельством полного пренебрежения князя Дмитрия Ивановича монгольской властью. Тогда Мамай отправил своих послов и отряд из 1 500 воинов в город Нижний Новгород, возможно, чтобы добиться от князя Дмитрия Суздальского нарушения верноподданства Дмитрию Московскому. Прибытие посольства стало сигналом к городскому восстанию против монголов. Большинство посланников и воинов Мамая было убито, а старший посол и его личная охрана захвачены в плен. До сих пор русские князья всегда были готовы подавить народные бунты и помочь монголам в восстановлении их власти. На этот раз великий князь Дмитрий Суздальский — вне всякого сомнения действуя по указанию своего сюзерена Дмитрия Московского — одобрил поступок горожан. Всех захваченных татар[38] доставили в Нижний Новгород. В следующем году князь Василий (сын Дмитрия Суздальского) приказал разделить пленников на небольшие группы и заключить в тюрьмы разных городов. Когда они отказались подчиниться и попытались оказать сопротивление, их всех умертвили[39].

Узнав о происшедшем, Мамай послал другой отряд разорить южные районы Нижегородского княжества, пока ограничивая свои действия этим карательным набегом. Он понимал, что было бы бессмысленно пытаться подавлять местные бунты по отдельности, когда перед ним более серьезная опасность — надвигающееся выступление самого великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Чтобы победить, монголам требовались разнообразные приготовления, военные и дипломатические. Что же касается потенциальных союзников, то Тверь была потеряна, по крайней мере,

на время. Можно было использовать против Москвы Рязань, но силы ее были невелики. Именно поэтому Мамай стал искать поддержку в Великом княжестве Литовском. Требовалось время, чтобы склонить осмотрительного великого князя Ольгерда возобновить его дорогостоящую борьбу против Москвы; а когда он в 1377 году умер, в самой Литве началось беспокойное время. Только после 1380 года сын и преемник Ольгерда Ягайло твердо почувствовал себя в седле и стал готов к союзу с монголами.

Для Мамая возникло новое осложнение, когда Тохтамыш захватил Сарай и, вне всякого сомнения, готовился продолжить свое продвижение на запад (1378 год). Теперь Мамай стоял перед дилеммой. Он мог или предпринять кампанию против Тохтамыша и позволить Москве копить силы, или попытаться разбить Москву, а затем, используя русские ресурсы, обратить внимание на Тохтамыша. Он выбрал второе.

Великий князь Дмитрий Московский тоже спешил подготовиться к надвигающемуся испытанию сил. Победа над Тверью делала его более уверенным в успехе, чем когда-либо. Он мог рассчитывать на поддержку своей политики со стороны больших групп русских людей. В крупных русских городах оппозиция монголам никогда не была подавлена полностью. Теперь же, когда князья санкционировали выступления, старый дух разгорелся как никогда. Большинство бояр выступало за смелые действия, и некоторые церковные прелаты теперь желали объявить «священную войну». Когда в 1378 году скончался митрополит Алексей — тогда события еще не достигли кульминации — духовным лидером Русского Православия стал преподобный *старец*[40] Сергий, настоятель Троицкого монастыря. Его отказ принять сан митрополита только укрепил его нравственный авторитет в целом среди людей, которые считали его святым (он был канонизирован русской церковью в 1452 году).

Нельзя думать, однако, что у русских существовало полное единство мнений, даже в Москве. Позиция Некомата была типичной для наиболее богатых купцов, имевших дело с Крымом. Некоторые бояре тоже сомневались в мудрости политики князя Дмитрия Ивановича. Один из них, Иван Вельяминов, как мы знаем, бежал с Некоматом. Безусловно, были и другие, кто, оставаясь лояльными князю Дмитрию Московскому, не одобряли его действий. К

ним относился Федор Кошка, предок Романовых. Позже, в письме от 1409 года великому князю Василию I (сыну и преемнику Дмитрия) монгольский правитель Едигей высоко оценивал Кошку за его дружественные чувства к Орде (*добрую думу к Орде*)[41].

Кошка начал свою карьеру при Дмитрии Ивановиче. Во время похода князя Дмитрия Московского против Мамая в 1380 году Кошка был оставлен защищать Москву. Это может быть показателем его прохладного отношения к этой войне. Возможно, что люди, подобные Некомату и Кошке, чувствовали, что время работает на Русь, и для Руси выгоднее оставаться автономным государством в составе Золотой Орды, чем начинать преждевременное восстание и, даже в случае победы, заплатить страшную цену за полученную независимость.

Не обращая внимания на все предупреждения, великий князь Дмитрий Иванович, тогда находясь в расцвете сил, начал осуществление своих смелых планов. Его первым шагом было закрепление его левого фланга на средней Волге, распространяя контроль вниз по течению насколько возможно. Для этого он послал своего лучшего военачальника князя Дмитрия Боброка с мощным отрядом, укрепленным суздальской армией, в булгарский регион, на восток от средней Волги. Главный город региона — Булгар — оказал сильное сопротивление. Стоит заметить, что татары использовали огнестрельное оружие: согласно летописцу, они *«посылали громы с крепостных стен»*. Но русские захватили город, и местные татарские мурзы вынуждены были стать вассалами московского князя. Русские взяли с города военную контрибуцию 5 000 рублей и назначили своих собственных чиновников — *дорогу* (сборщика налогов) и *таможника* (таможенного инспектора)[42].

Булгарский регион принадлежал не Мамаю, а сарайскому хану Араб-шаху (сыну Булат-Темира). Его сильно обеспокоило наступление русских, и в следующем году он повел свои войска в южные части Нижегородского княжества. Окружив объединенную армию Москвы и удельных русских князей, он разбил ее на берегах реки Пьяны, после чего поспешил в Нижний Новгород и разграбил его. Однако Араб-шах не имел возможности развить свой успех, поскольку в это время его столицу, Сарай, захватил Тохтамыш. Теперь в борьбу вступил Мамай. Вдохновленный известиями о несчастье русских, он послал против Москвы сильную армию под

командованием своего самого способного сподвижника, князя Бегича. Русские, руководимые великим князем Дмитрием, окольничим Тимофеем Вельяминовым и князем Владимиром Пронским, встретили монгольские войска в северной части Рязанского княжества на берегах Вожи (притока Оки). В последовавшей битве русские успешно использовали классический монгольский тактический прием окружения вражеской армии с обоих флангов; монголы потерпели жестокое поражение, и их остатки в беспорядке бежали на юг (1378 год). В следующем году москвичи арестовали Ивана Вельяминова, который к тому времени тайно вернулся на Русь. Его публично казнили в Москве (30 августа 1379 года) по приказу великого князя Дмитрия. Согласно летописцу, *«множество людей были на казни, и многие плакали, думая о его благородстве и прошлом величии»*. Сам летописец объясняет выступление Вельяминова против великого князя происками Сатаны[43].

IV

Победа у реки Вожи, естественно, вызвала в Москве большой энтузиазм, но в то же время возникло много опасений по поводу будущего. Все знали, что решительное сражение еще впереди.

Действительно, как бы ни был Мамай напуган известием о поражении Бегича, удержаться у власти он мог, только предприняв максимальные усилия подавить Москву. Для укрепления своей армии он нанял безжалостных воинов из генуэзцев, черкесов и аланов. В отличие от старых монгольских армий, состоящих только из конницы, он решил использовать и пеших воинов. Генуэзская пехота имела прекрасную репутацию хорошо вооруженного и подготовленного рода войск. Он также достиг полного взаимопонимания с великим князем Олегом Рязанским и Ягайло Литовским. Было согласовано, что в случае победы территория Великого княжества Владимирского будет поделена между Рязанью и Литвой; Олег и Ягайло будут управлять побежденными русскими землями как вассалы хана[44]. Рязанские войска должны были поддержать армию Мамая по пути на север; Ягайло обещал присоединиться к ней в назначенном месте — в бассейне верхнего Дона — в конце июля 1380 года. Когда его армия была готова к походу на Москву, Мамай выслал к Дмитрию Московскому посланников с

требованием восстановить вассальную зависимость от хана и согласиться платить дань в гораздо большем размере, чем он выплачивал до 1375 года.

По совету митрополита Киприана (преемника Алексея) Дмитрий не отверг ультиматум сразу, а отправил к Мамаю собственных послов для дальнейших переговоров. Однако на границе Рязанского княжества этим послам сказали, что армия Мамая уже в пути. Те тут же послали к князю Дмитрию Ивановичу гонца, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и испросить дальнейших инструкций. Понимая, что теперь альтернативы войне нет, митрополит Киприан одобрил решение Дмитрия оказать сопротивление. Безотлагательно во все крупные города направили послания с предложением как можно скорее собрать войска. Удельных князей пригласили на встречу в Москву, а всем собранным войскам было приказано встретиться в Коломне 15 августа. Великий князь Дмитрий совершил паломничество в Троицкий монастырь за благословением преподобного Сергия; настоятель направил двух монахов, Пересвета и Ослябю, поддержать мужество воинов.

Большинство удельных русских князей Великого княжества Владимирского — такие, как белозерский, устюжский, костромской, ростовский и ярославский — повели свои отряды в Коломну. Князья суздальский и нижегородский остались дома, по-видимому, будучи назначенными охранять район средней Волги, стратегически важный для левого фланга русского театра войны. Новгород Великий по договорам был освобожден от обязанности посылать свои войска за пределы новгородского региона. Тверь по договору от 1375 года была обязана выставить вспомогательные войска, но не выполнила своего обязательства. Таким образом, пункт договора, которым великий князь Дмитрий особо гордился, не был выполнен именно в тот момент, когда он в этом особенно нуждался. Однако он мог оставаться уверенным, что Тверь не поддержит и монголов. Так народ Великого княжества Владимирского выступил против Мамая без какой-либо поддержки со стороны.

Насколько велика была армия Дмитрия? Никоновская летопись называет цифру 400 000 человек, что, конечно же, большое преувеличение. Поскольку для сбора дани и рекрутов для монголов Великое княжество Владимирское было поделено на пятнадцать тем, оно могло предоставить, в лучшем случае, 150 000 вои-

нов[45]. Вряд ли более трети от этого числа можно было фактически поставить под ружье в краткие сроки. Кроме того, нужно исключить тех, кто использовался в службах обеспечения и связи, а также назначенных в гарнизон Москвы и некоторых других городов. Отсюда полевая армия Дмитрия Московского не могла составлять больше 30 000 человек. Армия Мамая была примерно такой же величины. Однако конные войска у него превалировали, что, в условиях того времени и местности, являлось преимуществом.

К концу июля армия Мамая достигла равнины, расположенной между верхним Доном и его притоком Непрядвой, близ Куликова поля. Там Мамай остановился, чтобы ждать прибытия Ягайло с его литовцами. Тот, однако, опаздывал на встречу. В то время два брата Ягайло, князья Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский, отказавшиеся признать его власть, решили поддержать Дмитрия Московского. Оба со своими частями присоединились к великому князю в Коломне. Там на военном совете в конце августа оба князя настаивали на том, что русская армия должна пересечь Дон и атаковать Мамая до того, как Ягайло соединится с ним (он тогда был уже в 25 верстах). Их знали как умелых военачальников и приняли совет, тем более, что он соответствовал посланию преподобного Сергия, вдохновляющего армию на бой за веру и отечество. Русская армия переправилась через Оку к 1 сентября, а через значительно более мелкий Дон — шесть дней спустя.

Как только русские пересекли Дон, они оказались лицом к лицу с монголами. Кровавая битва на Куликовом Поле произошла 8 сентября[46]. Из-за численного преимущества монгольской конницы русские не могли применить обходные маневры. Однако Дмитрий поместил в засаду в близлежащем лесу у Дона сильное подразделение отборных войск под командованием своего отважного и верного двоюродного брата князя Владимира Серпуховского с князем Дмитрием Боброком в качестве советника. Главным воеводой основной армии князь Дмитрий Иванович назначил боярина Михаила Бренока. Сам великий князь выбрал сражение в строю.

Согласно летописям, битве предшествовал, по героической традиции рыцарства степной войны, вызов татарского богатыря Темир-мурзы любому русскому, который осмелится сразиться с ним. Вызов принял Пересвет, один из двух монахов, посланных

преподобным Сергием[47]. Он на полной скорости поскакал на татарина, и они оба погибли от страшного удара при столкновении. Затем по всему фронту началось основное сражение[48]. Примерно через четыре часа стало ясно, что преимущество на стороне Мамая; русская пехота вся была раздроблена на части, русская конница тоже испытывала затруднения. Под великим князем Дмитрием было убито два коня подряд. Когда монголы готовились нанести последний удар, Дмитрий Боброк сказал князю Владимиру, воеводе засадного отряда, которому давно не терпелось вступить в бой, что момент ударить настал.

Неожиданное появление свежих русских войск сразу же изменило положение. Первым отступил Мамай, вся его армия скоро последовала за ним в полном беспорядке. Русские преследовали их несколько верст и захватили лагерь Мамая со всем вооружением и припасами. О дальнейшем преследовании не могло быть и речи из-за огромных потерь и полного изнеможения оставшихся в живых русских. Потери татар были так же велики, как и у русских; каждая рать потеряла около половины своих людей. Когда князь Владимир, возвратившись после преследования отступающих монголов, встал на усеянном телами поле брани для переклички, многие замечательные воеводы не откликнулись. Среди павших были и главный воевода Михаил Бренок, князь Федор Белозерский, другие князья и бояре, а также монах Ослябя. Некоторое время боялись, что и сам великий князь Дмитрий сложил голову в бою. В конце концов его бездыханным нашли под деревом. Все же он оказался жив и даже не очень серьезно ранен, только контужен.

Первой заботой Дмитрия была возможная угроза литовских войск; вскоре, однако, его успокоило известие, что Ягайло со всем войском спешно возвращается домой. Великий князь Олег Рязанский тоже бежал в Литву, а оттуда позже начал переговоры. Дмитрий согласился на его возвращение при условии, что он признает себя вассалом московского князя.

Известие о победе вызвало на Руси великое ликование вместе с великой скорбью по погибшим. Сразу же после триумфального возвращения в Москву, князь Дмитрий Иванович снова совершил паломничество в Троицкий монастырь, где преподобный Сергий отслужил торжественную панихиду по всем русским воинам, потерявшим жизнь на Куликовом поле. Церковные власти затем ус-

тановили в субботу, в день или до, 26 октября (день Св. Дмитрия Салунского, покровителя великого князя Дмитрия) День памяти для отмечания каждый год, «пока стоит Русь». Авторитет Дмитрия достиг своего апогея. К нему стали обращаться как к «Донскому». Битва на Дону взволновала воображение русских, несмотря на то,что последующие события несколько умалили ее значение. Под названием «Задонщина» русским автором того времени (возможно, священником Софонием) была написана посвященная ей поэма. С литературной точки зрения это довольно бледная копия «Слова о полку Игореве» двенадцатого века[49]. В поздние своды русских летописей, такие, как Никоновский, вошло несколько связанных с битвой легенд; их также использовали в многочисленных сказаниях о сражении, обычно называемом «Мамаево побоище».

В Куликовской битве Восточная Русь сделала максимум того, на что была способна в то время. Если бы распри в Золотой Орде продолжились, то это сражение обеспечило бы Руси немедленную независимость. В действительности, однако, единство и сильная власть в Орде были восстановлены вскоре после поражения Мамая. Практически без передышки Русь оказалась перед новым и даже более тяжелым испытанием. И это испытание из-за тяжких потерь 1380 года она пройти не смогла.

3. Тохтамыш и Тамерлан

L

Поражение на Куликовом поле для монгольской власти было ударом тяжелым, но не смертельным. Мамай не терял времени, собирая новую армию для следующего похода против Москвы. В этот момент, однако, его поджидала куда более серьезная опасность: нападение конкурирующего монгольского вождя — Тохтамыша, вассала Тамерлана, правителя Сарая. Столкновение двух армий произошло в 1381 году на берегах реки Калки, недалеко от того места, где в 1223 году монголы нанесли русским первое поражение.

Вторая битва на Калке окончилась полной победой воинов Тохтамыша. После этого поражения большинство монгольских князей и темников, которые до сих пор признавали Мамая своим

вождем, перешли на сторону победителя. Мамай с немногими приверженцами скрылся в крымском порту Каффа, находящемся тогда под контролем генуэзцев. Ему удалось забрать с собой большую часть принадлежащего ему золота и драгоценностей, при помощи которых он, вероятно, намеревался нанять новую армию или, по крайней мере, обеспечить себе и своему окружению достойную жизнь. Генуэзцы приняли его, но вскоре убили и захватили его сокровища. Русский летописец прокомментировал философски: *«И так окончилось во зле зло Мамаевой жизни»*[50].

С победой над Мамаем Тохтамыш стал властелином и восточной и западной частей улуса Джучи — фактически одним из самых могущественных правителей того времени. Естественно, что он считал своим долгом восстановить власть Золотой Орды над Русью. Его первым шагом в этом направлении было подтвердить союз, заключенный Мамаем с Литвой. Тохтамыш отправил посла уведомить великого князя Ягайло о своем восшествии на престол. Как мы знаем, перед Куликовской битвой Ягайло признал себя вассалом хана. Хотя текст грамоты Тохтамыша к Ягайло от 1381 года не сохранился, из его более позднего ярлыка (1393 год) мы можем заключить, что он как хан Золотой Орды объявил свой сюзеренитет над великим князем литовским[51]. Тогда же Тохтамыш известил великого князя Дмитрия Московского, как и других русских великих и удельных князей, о своей победе над их общим врагом Мамаем. Ни Дмитрий Донской, ни другие русские князья не сочли необходимым нанести Тохтамышу личный визит; однако все они направили к новому хану киличей с поздравлениями и многочисленными подарками. Хотя эти действия можно было расценить как восстановление вассальной зависимости русских князей, Тохтамыш понял, что русские не намерены соблюдать прежние обязательства по отношению к Золотой Орде. Его следующим шагом поэтому стало направление в Москву чрезвычайного посланника для подтверждения своей власти. Посланник добрался только до Нижнего Новгорода, где ему не позволили продолжить путь дальше. Провал этой миссии убедил Тохтамыша, что единственным способом заставить Москву повиноваться является война. Он немедленно начал приготовления к нападению на Русь.

Тохтамыш ни в коем случае не преуменьшал силы русских.

Свой единственный шанс он видел в неожиданности и скорости. Поэтому он собрал войска — все конные — за Волгой и занял город Булгар, как сделал Бату, когда впервые напал на Русь. Затем он приказал захватывать на реке все русские торговые флотилии — ему нужны были суда для переправы войск через реку — и держать купцов под арестом, чтобы никто не смог сообщить русским князьям о приближающемся нападении. Между прочим, как справедливо замечает Якубовский, этот эпизод показывает, что в то время судоходство по Волге контролировалось русскими[52].

Когда армия Тохтамыша появилась на западном берегу средней Волги, русские были застигнуты абсолютно врасплох. И великий князь Олег Рязанский и великий князь Дмитрий Суздальский и Нижегородский оказались вынуждены избрать относительно захватчика политику доброжелательного нейтралитета, если не активного с ним сотрудничества. Великий князь Суздальский поспешил отправить в лагерь Тохтамыша двух своих сыновей Семена и Василия. Олег Рязанский предоставил монголам проводников на условии, что они пощадят его княжество.

Уныние и ужас охватили Москву, когда известие о приближении Тохтамыша достигло города[53]. Поскольку уже было слишком поздно собирать ополчение, многие князья и бояре предлагали немедленную капитуляцию как единственный способ избежать полного разрушения. Великий князь Дмитрий Донской пренебрег их советом. Он решил оставить Москву обороняться сколько возможно за ее каменными стенами, а в это время собрать новое войско в северных районах своих владений. Он сам отправился в Кострому, а своего двоюродного брата Владимира Серпуховского послал в Волоколамск защищать дорогу на Новгород. Многое зависело от поведения великого князя Михаила Тверского, но он хранил зловещее молчание.

Напомним, что великий князь Ольгерд Литовский дважды безуспешно пытался взять штурмом каменные стены Москвы. Возможно, Дмитрий Донской надеялся, что монголам тоже этого не удастся, особенно поскольку теперь московский гарнизон имел на вооружении огнестрельное оружие — пушки и ручные ружья. Ружья, очевидно, были того типа, о котором русские узнали от булгар в 1376 году. О том, что Дмитрий Донской был уверен в способности Москвы выдержать осаду монголов, можно заключить

из того факта, что он позволил своей жене — великой княгине Евдокии, митрополиту Киприану и некоторым из важных бояр оставаться в городе.

Однако, как только он покинул столицу, среди людей начались разногласия. Богатые желали последовать за князем в безопасное место. Простолюдины хотели остаться и оказать сопротивление захватчикам. Богатых, попытавшихся спастись, убили, а их имущество разграбили разъяренные простолюдины. Вече находилось под контролем народа. Ворота закрыли, не позволяя никому уехать из города. Исключение было сделано только для митрополита, великой княгини и их ближайшего окружения. Хотя те получили разрешение отправиться на север, им не позволили взять с собой их сокровища. Великая княгиня поспешила к мужу в Кострому. Митрополит, однако, предпочел поехать в Тверь. Не доверяя никому из местных бояр, вече выбрало воеводой московского войска литовского князя Остея, которого Никоновская летопись называет внуком Ольгерда. Ему удалось восстановить в городе порядок и начать спешные приготовления к обороне. На людей, по-видимому, произвели впечатление его умение и уверенность в себе: беженцы из окрестных городов и сельских районов заторопились в Москву.

23 августа 1382 года армия Тохтамыша появилась у стен города. Москвичи, казалось, теперь были едины в своем решении сражаться. Летописец, однако, отмечает разницу в отношении между «добрыми людьми», которые готовились к смерти, молясь Богу, и «плохими людьми», разоряющими погреба богачей и укрепляющими себя спиртным. Три дня и три ночи монголы яростно штурмовали город, но взять его так и не смогли. Тогда Тохтамыш решил действовать обманом и 26 августа предложил перемирие, запрашивая только «малые дары» за снятие осады. Два сопровождавших его суздальских князя поклялись в искренности этого предложения.

Москвичи оказались достаточно наивными, чтобы поверить им. Когда ворота открылись, и процессия московской знати во главе с князем Остеем вышла приветствовать хана, монголы напали на них и всех перебили. В это время другие отряды монголов ринулись в город. Последовала ужасная бойня и грабеж. Победители захватили великокняжескую казну и богатства, накопленные боярами и состоятельными купцами. В церквях были захвачены дра-

гоценные золотые сосуды и кресты, украшенные драгоценными камнями ткани и другие художественные ценности. Летописец с особой болью отметил потерю книг, объясняя, что множество книг свезли в московские церкви из окрестных городов и сел в попытке спасти их от захватчиков. Все книги были выброшены или сожжены татарами. Когда разграбление закончилось, город подожгли. *«До тех пор Москва была огромна и прекрасна,»* — повествует летописец — *«полна людей, богатства и славы ... а теперь в одно мгновение вся ее красота погибла, и слава обратилась в ничто. Остались только дым над руинами, голая земля и груды трупов»*[54].

Как только известие об этом бедствии достигло Твери, великий князь Михаил отправил к Тохтамышу посла с богатыми дарами. Хан милостиво принял их и выдал Михаилу свой ярлык на великое княжение тверское. Тем временем монголы рассыпались по всему княжеству московскому, разоряя и города, и села. Но когда они подошли к Волоколамску, князь Владимир контратаковал их и обратил в бегство. Тогда же разведчики Тохтамыша доложили, что великий князь Дмитрий собрал в Костроме значительные силы. Приняв во внимание эти доклады, Тохтамыш приказал отступать, имея все основания быть удовлетворенным уже достигнутыми результатами. На обратном пути монголы опустошили Рязанское княжество, во время войны соблюдавшее нейтралитет. Когда великий князь Дмитрий и князь Владимир возвратились к тому, что осталось от Москвы, вид пепелища вызвал у них слезы. Первым приказом Дмитрия Донского было предать земле все тела, еще не захороненные. Он платил один рубль за погребение восьмидесяти тел. Общий расход составил 300 рублей, из чего мы можем заключить, что похоронили тогда 24 000 человек. Следующим шагом Дмитрия стало наказание великого князя Олега Рязанского за предательство. Несчастное Рязанское княжество, которое только что пострадало от воинов Тохтамыша, теперь еще раз было разорено москвичами. Таким образом, попытка Олега сохранить нейтралитет принесла его народу только беды.

Хотя Дмитрий мог получить некоторое мрачное удовлетворение, наказав великого князя рязанского, он был не в состоянии восстановить над Рязанью свой сюзеренитет, как не мог он установить его и над Тверью. Все достижения его дипломатии 1370-х годов в отношениях между князьями превратились в ничто. Некото-

рое время казалось, что великий князь московский потерял даже поддержку церкви, которая до сих пор была одним из его главных козырей в конфликтах между князьями. В Тверь, а не во временную резиденцию Дмитрия в Костроме, отправился митрополит Киприан, когда покинул Москву накануне осады. Теперь Дмитрий послал в Тверь двух бояр, чтобы пригласить Киприана вернуться в Москву. Хотя Киприан и приехал, он, видимо, не желал обещать Дмитрию свою поддержку против Твери. Между великим князем и митрополитом возник острый конфликт, и в результате Киприан уехал в Киев, который номинально все еще оставался резиденцией митрополита. Он, таким образом, избежал необходимости занять твердую позицию в противостоянии Москвы с Тверью. Киевом, однако, управлял великий князь литовский, а политические последствия сотрудничества митрополита с Литвой могли быть более угрожающими для Москвы, чем его поддержка Твери.

Одним словом, тяжелые жертвы, принесенные русскими в сопротивлении монголам в 1370-ых годах, теперь казались напрасными. Политическая атмосфера на Руси в 1383 году напоминает атмосферу начального периода монгольского господства: большинство русских князей поспешили в Орду дать новому хану клятву покорности и получить от него ярлык. Среди них были великий князь Михаил Тверской с сыном Александром и князь Борис Городецкий, брат великого князя суздальского. Сын последнего, Василий, уже находился в Орде, будучи вынужден сопровождать Тохтамыша при отступлении хана от развалин Москвы. Сам Дмитрий Суздальский из-за болезни был не в состоянии ехать (он вскоре умер). Великий князь Дмитрий Московский лично появиться не смог, но послал представлять себя своего старшего сына Василия.

Как и можно было ожидать, великий князь Тверской заявил свои права на Великое княжество Владимирское. Если бы Тохтамыш признал его права, политическая ситуация на Руси стала бы подобной ситуации в начале четырнадцатого века, и Тверь получила бы еще один шанс попытаться установить свое верховенство над всей Восточной Русью. Однако Тохтамыш не намеревался заменить московское первенство на тверское. Он предпочитал сохранять Восточную Русь разделенной на несколько больших княжеств, будучи уверен в своей способности поддерживать между ними равновесие, особенно потому что теперь Москва казалась

обескровленной и униженной. Поэтому хан подтвердил Михаилу ярлык великого князя тверского, но ярлык на великое княжение владимирское выдал Дмитрию Московскому. Чтобы вынудить обоих повиноваться, он оставил в Орде в качестве заложников сына Михаила Александра и сына Дмитрия Василия. Поскольку Тохтамыш был вассалом Тамерлана, а Тамерлан вассалом китайского императора династии Мин, Москва теперь снова оказалась — по крайней мере юридически — под верховной властью Пекина, как она была во времена династии Юань.

От всех русских княжеств требовалось возобновить регулярные выплаты дани и других налогов по ставкам, установленным во время правления Джанибека, которые были значительно выше ставок периода великой смуты в Орде[55]. Народу Великого княжества Владимирского в 1384 году нужно было выплатить тяжелые контрибуции или золотом (тамга), или серебром (дань). Новгородцы были обложены Черным бором. Более того, Русь опять должна была поставлять воинские отряды в армию хана, когда бы он их не затребовал. Хотя в русских источниках нет определенного свидетельства о возобновлении воинской повинности, из персидских источников известно, что в 1388 году русские войска составляли часть великой армии Тохтамыша[56].

II

В 1383 году будущее Руси выглядело поистине мрачно. Одним ударом Тохтамыш восстановил контроль монголов над Русью, а Золотая Орда теперь казалась сильнее, чем когда-либо. Представлялось, что русские много лет должны будут оставаться в подчинении у монголов, пока смогут накопить новые силы. Понижение авторитета великого князя московского и владимирского, которое привело к уменьшению ранее достигнутого уровня национального единства, было другим неблагоприятным фактором этой ситуации.

На самом же деле, Русь сумела восстановить свою автономию и поддержать национальное объединение значительно быстрее, чем того можно было ожидать. То, что ход истории оказался для Руси более благоприятным, чем казался вначале, не было результатом (или, по крайней мере, не только) ее собственных усилий, а явилось следствием вмешательства третьей силы — среднеазиатской

империи Тамерлана (Тимура), следствием ее победы над Золотой Ордой и последующим возобновлением процесса дезинтеграции внутри самой Золотой Орды.

Открытый конфликт между Тохтамышем и Тимуром начался через четыре года после того, как Тохтамыш захватил Москву. Однако разногласия этих двух правителей стали очевидны с 1383 года. Конфликт имел два аспекта: личностный и геополитический. Психологически, хотя Тохтамыш был обязан Тимуру своими первыми успехами, после победы над Русью он стал, с собственной точки зрения, более могущественным властелином, чем его сюзерен, и повел себя как независимый хан. Еще в 1383 году он приказал отчеканить монеты со своим именем в Хорезме, который Тимур тоже считал под своим сюзеренитетом. Геополитически столкновение государства Тохтамыша и империи Тимура являлось возрождением старого антагонизма между Золотой Ордой и империей иль-ханов конца тринадцатого и четырнадцатого веков. Сходство дипломатических тенденций старой и новой борьбы ясно показывает попытка Тохтамыша заручиться поддержкой мамлюков. В 1385 году он отправил в Египет послов для подготовки пути к союзу точно так же, как это делали предыдущие Джучиды.

Двумя основными регионами, оспариваемыми Золотой Ордой и среднеазиатской империей, являлись Хорезм в Центральной Азии и Азербайджан в Закавказье. Оба были автономны, когда между Тимуром и Тохтамышем начался конфликт. Каждый управлялся местной династией: Хорезм — Суфисами, Азербайджан — Джелаиридами. В 1385 году Тимур совершил поход против Азербайджана. Хотя он и разбил войска Джелаирида у Султании, он не закончил завоевания страны, а скоро возвратился в Персию. Поход Тимура проявил слабость правителей Азербайджана, и Тохтамыш решил воспользоваться ситуацией. Зимой 1385-86 годов Тохтамыш захватил Тебриз тем же приемом, при помощи которого он тремя годами раньше обманул москвичей. Город был разграблен и разрушен так же тщательно, как Москва. Этот набег раскрыл Тимуру глаза на серьезность опасности, угрожающей ему со стороны Золотой Орды. Как только Тохтамыш ушел на север, Тимур с сильной армией появился в Азербайджане. Зимой 1386-87 годов в Дагестане передовые войска Тимура вступили в битву с армией Тохтамыша. Хотя исход сражения был неясен, Тохтамыш прика-

зал отступить.

Нет сомнений, что с самого начала схватки двух монгольских правителей русские князья, располагавшие полной информацией о происходящем в Золотой Орде, осознали значение зарождающегося конфликта для монголо-русских отношений. Любая проблема в Золотой Орде могла означать ослабление монгольского контроля над Русью. Первым, кто извлек выгоду из новой ситуации, был сын великого князя Дмитрия Василий Московский, которого держали в Орде в качестве заложника. Осенью 1386 года он бежал с помощью некоторых дружественно настроенных к нему монгольских чиновников. Сначала он ушел в Молдавию, а потом, немецким путем, в Литву, где попросил защиты у князя Витовта. Витовт в то время чувствовал себя ущемленным своим двоюродным братом, королем Польши Ягайло, и готовился восстать. В поисках союзников для будущей борьбы, он тайно вел переговоры с тевтонскими рыцарями. Теперь он решил использовать Василия для установления дружественных отношений с Москвой. Он пообещал Василию отдать ему в жены свою дочь Софию (тогда шестнадцати лет), когда для этого наступит благоприятный момент. Дав эту клятву, Витовт оказал Василию все возможные почести и помог вернуться в Москву через Полоцк. Василий появился в родном городе 19 января 1387 года, сопровождаемый несколькими литовскими князьями и боярами[57].

Если бы положение Тохтамыша было более надежным, он, возможно, потребовал бы наказать Василия за побег. Однако хан не мог себе позволить быть суровым с Москвой, так как находился на пороге нового похода против Тимура. На этот раз Тохтамыш повел войска не в Закавказье, а через реки Волгу и Яик в Центральную Азию. Его план был напасть на Мавераннахр, сердце владений Тимура. Он сумел достичь Бухары, но не смог ее взять. После того, как его войска разорили все вокруг, он повернул назад.

Тимур, в свою очередь, вторгся в Хорезм и уничтожил процветающий город Ургенч, центр центральноазиатской торговли. Следующий шаг в этой битве гигантов, которые в своей ярости сносили все на своем пути, сделал Тохтамыш. В 1388 году он собрал огромную армию, в которую, согласно персидскому историку Шарафу ад-Дину, призвал воинов из всех народов улуса Джучи, включая русских, булгар, черкесов и аланов[58]. Она, по-видимому, включала

соединения и московских и суздальских войск, первые под командованием князя Василия Московского, вторые — князя Бориса Суздальского и Нижегородского. Еще раз Тохтамыш глубоко вторгся в Центральную Азию. Не имеющий решающего значения бой произошел на берегах Сырдарьи ранней весной 1389 года; затем Тохтамыш повернул назад и отступил в Казахстан, чтобы реорганизовать армию. Двум сопровождавшим его русским князьям позволили вернуться домой.

Вскоре после возвращения Василия в Москву его отец — великий князь Дмитрий Донской — скончался (19 мая 1389 года). Три месяца спустя посол Тохтамыша князь Шихмат торжественно возвел Василия на престол Великого княжества Владимирского. Примерно в то же время три важных монгольских чиновника появились в Москве, выражая желание принять христианство и служить новому великому князю. Они, возможно, были старыми друзьями Василия, которые помогли ему бежать из Орды. Их окрестили в Москве при ликовании народа. Этот случай был весьма показательным. Он свидетельствовал, что многие представители монгольской знати чувствовали, что великий князь московский сидит в седле крепче, чем их собственный хан, и Москва более безопасное место для жизни, чем Сарай.

Авторитет Василия сильно укрепила женитьба на дочери Витовта Софии, а также возвращение в Москву митрополита Киприана. Оба этих события произошли в 1390 году. В это время Витовт находился в Пруссии для заключения союза с Тевтонскими рыцарями против Ягайло. Сближение с Василием было умелым дипломатическим ходом Витовта. Боясь оказаться между двух огней — Пруссией и Москвой — Ягайло был вынужден пересмотреть свое отношение к Витовту, и в 1392 году два двоюродных брата заключили соглашение, в котором Витовт признавался великим князем Литвы. После этого он немедленно разорвал отношения с рыцарями. Его отношения с Москвой, однако, некоторое время сохранялись дружественными.

III

В 1391 году борьба между Тохтамышем и Тимуром вступила в решающую стадию. Раздраженный опустошительными набега-

ми Тохтамыша на Мавераннахр, Тимур решил пойти за своим противником в его собственные владения. В феврале 1391 года после тщательной подготовки он сосредоточил армию (говорят, из 200 000 человек) на Сырдарье и собрал курултай, который одобрил его планы, и на котором его военачальники получили последние наставления. В апреле армия достигла Сары-Су в Казахстане, где было достаточно воды, и остановилась на отдых. Осознавая историческую важность своего похода, Тимур приказал выбить на ближайшей скале запись о его здесь пребывании (28 апреля 1391 года)[59].

Армия, которую Тимур вел в Казахстан, была страшной военной машиной[60]. Каждая деталь ее организации и вооружения основывалась или на лучших монгольских военных традициях, или на собственном предыдущем опыте Тимура. Хотя он следовал основным принципам десятичной системы военной организации и жесткой дисциплины, заложенными Чингисханом, Тимур ввел некоторые существенные новации и в стратегии, и в тактике. Среди прочего, он отвел важную роль пехоте. Чтобы его пешие воины могли выдерживать атаки конницы, он создал соединения опытных саперов. На поле битвы его пехота была хорошо защищена окопами, закрытыми огромными щитами. Вся армия делилась на семь соединений, два из которых составляли резерв, который главнокомандующий мог бросить в любом направлении в зависимости от хода сражения, чтобы поддержать или центр, или фланг. Центр теперь был много мощнее, чем в старых монгольских армиях, фактически мощнее, чем и в прежних собственных армиях Тимура.

В мае Тимур приказал своей армии организовать огромную охоту, частично чтобы пополнить запасы еды, частично чтобы дать своим офицерам и воинам последний урок. Охота была успешной и в том, и в другом отношении. Затем Тимур повел войско на север в район верхнего Тобола, где, по данным разведки, базировалась часть армии Тохтамыша. Однако к моменту, когда солдаты Тимура достигли Тобола, войска Тохтамыша отошли на запад к Яику. Было очевидно, что Тохтамыш так же желал избежать решительного сражения, как Тимур желал его дать. Пока Тимур поспешно следовал к Яику, Тохтамыш отступил еще раз; и только на средней Волге, в районе Самары, войска Тимура настигли основной лагерь своего врага. На сей раз организованное отступле-

ние для Тохтамыша было невозможно; он вынужден был принять сражение 18 июня 1391 года на берегах реки Кондурча, притока Соки (которая, в свою очередь, является восточным притоком Волги севернее современной Самары). Кровавая битва закончилась полным разгромом армии Тохтамыша. Сам Тохтамыш бежал с небольшой свитой. Победители захватили огромную добычу.

В отличие от принципов Чингисхана Тимур не пытался преследовать Тохтамыша за Волгой, по-видимому, больше не считая его опасным. Однако он согласился позволить двум значительным вождям из улуса Джучи, которые были с ним против Тохтамыша — князю Тимур-Кутлугу (внуку Урус-хана)[61] и эмиру Едигею — покинуть его и отправиться в Кипчак, вероятно рассчитывая на их противодействие Тохтамышу в случае его попытки возвратиться. К концу года Тимур с триумфом вернулся в свою столицу Самарканд. Исключив опасность набегов Тохтамыша, он согласился на восстановление города Ургенча в Хорезме, который он разрушил тремя годами раньше.

Скоро стало ясно, что Тимур недооценил личность и возможности Тохтамыша. Хотя он потерял всю восточную часть улуса Джучи (на восток от Яика), он еще контролировал его западную часть, собственно Золотую Орду. Большая часть золотоордынских князей и знати сохраняла верность своему хану. Мы ничего не знаем о деятельности в этот период Тимур-Кутлуга и Едигея. По всей видимости, они еще не осмеливались открыто выступать против Тохтамыша.

Многое зависело от отношения Москвы и Литвы к хану. Чтобы сохранить на своей стороне Москву, Тохтамыш был вынужден коренным образом изменить свою политику относительно Руси. Вместо поддержания равновесия между четырьмя русскими великими княжествами, теперь свой единственный шанс сохранить контроль над Восточной Русью он видел в уступках самому сильному княжеству — московскому. Великий князь Василий немедленно извлек выгоду из новой ситуации, испрашивая хана о позволении присоединить к Москве целое Великое княжество Нижегородское. Почва для этого требования была тщательно подготовлена московскими боярами, которые провели тайные переговоры с нижегородскими боярами за спиной их великого князя Бориса. Василий лично появился в лагере Тохтамыша и одарил как

хана, так и всю знать. Получив ярлык на нижегородский стол, он вернулся в Москву в сопровождении чрезвычайных послов хана, которых затем послали в Нижний Новгород с ведущими московскими боярами. Великого князя Бориса, покинутого единомышленниками, быстро захватили. Нижний Новгород вынужден был принять в качестве наместника сподвижника Василия. Василия затем снова пригласили в лагерь Тохтамыша и обращались с ним *«с великой честью, какой не видал еще ни один русский князь»*[62]. Кроме Нижнего Новгорода хан отдал ему уделы Городецкий, Мещерский и Тарусский. В ответ великий князь московский согласился продолжать считать Тохтамыша своим сюзереном. Москва, однако, была теперь сильнее, чем когда-либо, и важный шаг к объединению Восточной Руси был сделан, даже если и сомнительными, с точки зрения морали, средствами.

Теперь Тохтамыш обратил свое внимание на Литву и Польшу. Он направил послов к королю Польши Ягайло с требованием подтвердить свою лояльность и согласиться платить дань с Киева, Подолии и некоторых других западнорусских районов. Поскольку Витовт теперь являлся великим князем литовским, послы Тохтамыша должны были вести переговоры и с ним. Удовлетворяющее Тохтамыша соглашение было достигнуто, хотя детали его нам не известны. Он также возобновил отношения с мамлюками, в которых он еще надеялся найти союзников против Тимура.

Сильно воодушевившись своими дипломатическими достижениями и набрав и обучив новую армию, Тохтамыш решил продолжить ограниченное наступление на Тимура на Кавказе. Осенью 1394 года его войска миновали Дербент и появились в районе Ширвана, разоряя все на своем пути. Узнав об этом, Тимур отправил посла, требуя, чтобы Тохтамыш отвел войска и еще раз признал сюзеренитет Тимура. Тохтамыш отказался. Окончательная схватка между двумя правителями стала неизбежной.

IV

В феврале 1395 года Тимур выступил на север, из Закавказья в Дагестан по западному берегу Каспийского моря. В апреле его армия развернула укрепленный лагерь в долине реки Терек, откуда были видны основные силы Тохтамыша. Бой состоялся 15 ап-

реля. Долгое время исход сражения оставался неясным, но, наконец, в него вступили резервные соединения Тимура и смяли сопротивление противника. Как и в 1391 году, воины Тимура захватили в брошенном лагере Тохтамыша немыслимые богатства. Но на этот раз Тимур не отказался от попытки преследовать Тохтамыша, который, бежав с небольшой свитой через низовья Волги, искал спасения у булгар на средней Волге. Тимур тоже пересек Волгу, но скоро потерял след беглеца. Он приказал князю Кайричак-Оглану (сыну Урус-хана), которого он, судя по всему, намеревался возвести на золотоордынский престол как вассального правителя, установить порядок в районе нижней Волги.

Тимур вернулся на западный берег Волги и подавил отдельные выступления эмиров Тохтамыша на нижнем Дону. Затем, дав войскам непродолжительный отдых, он начал новую кампанию — на этот раз против Руси. Его армия пошла на север по течению Дона двумя колоннами, одна — степями восточнее реки, другая — по западной стороне. В июле обе колонны достигли южных районов Рязанского княжества. Западная колонна под личным командованием Тимура штурмом взяла Елец. Елецкий князь попал в плен, а жители города были убиты или уведены в рабство. После захвата Ельца Тимур развернул там свой лагерь, позволяя войскам грабить окрестные земли. По всей видимости, он заслал на север своих разведчиков и ждал их донесений.

Русские, прекрасно осведомленные о ходе предыдущей борьбы между Тимуром и Тохтамышем, были готовы к любой неожиданности. Армия Великого княжества Владимирского (которое теперь включало в себя бывшее Великое княжество Нижегородское) была собрана в июне и июле. В начале августа великий князь Василий сосредоточил главные силы в Коломне. В Москве оставался сильный гарнизон под командованием князя Владимира Серпуховского, героя битвы на Куликовом поле. Позволив этому одаренному и популярному князю руководить защитой Москвы, Василий, по-видимому, надеялся предотвратить повторение волнений городского населения, как было во время нашествия Тохтамыша.

Основной стратегический план Василия состоял, судя по всему, скорее в том, чтобы защитить фронт по реке Оке, а не перейти ее и продвинуться на юг, как сделал его отец Дмитрий Донской. Чтобы поднять дух своих воинов и подбодрить москвичей, Васи-

лий попросил митрополита Киприана перенести в Москву почитаемую икону Божьей Матери, которая с середины двенадцатого века находилась во Владимирском кафедральном соборе и считалась чудотворной. Согласно легенде ее написал Апостол Лука (по мнению историков искусства, в действительности эта работа принадлежит кисти византийского мастера одиннадцатого века)[63]. Киприан одобрил план Василия и послал духовных лиц во Владимир, чтобы доставить икону в Москву. Она была взята из собора 15 августа, в день Успения Богородицы. Торжественный кортеж духовенства и мирян сопровождал икону по пути в столицу. Процессия появилась перед Москвой 26 августа, в тринадцатую годовщину захвата города войсками Тохтамыша. Москвичи во главе с князем Владимиром, митрополитом Киприаном, священниками и боярами вышли навстречу. После торжественных литаний икона была доставлена в кафедральный собор и там установлена. Вся эта церемония, кажется, произвела на москвичей сильный ободряющий эффект. Без всякого сомнения, это было важное психологическое событие, которое помогло укрепить в русских религиозное чувство и желание дать врагам отпор.

Так случилось, что в тот день, когда икона Владимирской Божьей Матери достигла Москвы, Тимур объявил окончание похода и приказал отступать. Среди русских распространилось предание, что в тот день во сне Тимуру было видение, которое сильно его напугало. Он видел в небесах Богородицу в пурпурных одеждах, которая вела неисчислимое воинство защищать дорогу на Москву. Он проснулся, дрожа, и долго не мог объяснить своим приближенным, что с ним случилось[64].

На самом деле Тимур, по-видимому, к этому времени узнал о готовности русских защищаться, а также о силе и хорошей организации их армии. Он, несомненно, знал, что его соперник Тохтамыш сумел победить их тринадцатью годами ранее только благодаря тому, что захватил их врасплох. Тимур мог надеяться разбить русских, но он также, безусловно, понимал, что и его армия понесет тяжелые потери. Кроме того, продолжение похода отняло бы время и увело бы его слишком далеко от центра его империи.

Хотя Тимур не достиг Москвы, он, как мог, разрекламировал этот поход. Захват южных окраин Рязанского княжества был представлен как завоевание Руси. Истории подобного рода, рассказан-

ные участвовавшими в походе офицерами Тимура, использовал персидский историк Шараф ад-Дин, который жил при дворе сына Тимура Шаруха и завершил свою «Книгу побед» через двадцать лет после кончины Тимура. Описывая кампанию 1395 года, Шараф ад-Дин утверждает, что Тимур дошел до Москвы и захватил там богатую добычу[65]. Не только современники Шараф ад-Дина в Средней Азии, но и некоторые современные ориенталисты тоже приняли его рассказ за чистую монету. И Эдвард Г. Браун в его «Истории персидской литературы», и Л. Бувэ в «Империи Монголов» повторяют его утверждение[66]. Однако, даже если допустить, что этим двум исследователям было бы чересчур затруднительно просмотреть русскую литературу вопроса — «Slavica non leguntur» (Славянский не читается) — они легко могли справиться по Гиббону о правильной оценке ошибки Шараф ад-Дина[67].

По пути домой Тимур захватил и разграбил город Азак (современный Азов) в устье Дона и опустошил земли черкесов в западной части северного Кавказа. Оттуда он повернул зимой 1395-96 года в район нижней Волги и сжег два главных центра Золотой Орды — Астрахань и Новый Сарай, или Сарай-Берке. Полностью удовлетворенный результатами похода, Тимур вернулся в Самарканд и скоро приступил к разработке своей индийской кампании. Она состоялась в 1398-99 годах и принесла сказочные богатства.

4. Правление Едигея

I

Результаты походов Тимура против Золотой Орды были катастрофическими для нее как с экономической точки зрения, так и с военной. Благосостояние Орды зависело от международной торговли, особенно от торговли с Ближним Востоком. Великие караванные пути из Китая и Индии сходились в Ургенче, а оттуда дороги вели в Старый Сарай (чью роль примерно с 1360 года приняла на себя Астрахань) и Новый Сарай. Из Астрахани товары доставлялись в Азов (Тана), где итальянские купцы брали на себя ответственность за дальнейшую транспортировку морем. Все эти большие торговые центры — Ургенч, Астрахань, Сарай, Азов — были разрушены Ти-

муром во время войны с Тохтамышем. Тимур, по-видимому, стремился не только разбить армии соперника, но и подорвать коммерческую мощь Золотой Орды, перенеся маршрут китайской и индийской торговли с Западом из северных районов Каспия и Черного моря в Персию и Сирию. Он надеялся таким образом лишить Орду доходов от дальневосточной торговли и обеспечить все эти выгоды своей собственной империи. Он преуспел на этом поприще в значительной мере. Согласно венецианскому послу Джиосафато Барбаро, посетившему Золотую Орду в 1436 году, в Азове прежняя торговля шелком и специями полностью прекратилась и шла теперь через Сирию[68]. На крымских портах -Каффе и Солдайе — тоже сказалось перемещение восточной торговли. Они продолжали торговать с Золотой Ордой и Русью (до конца пятнадцатого века, когда венецианские и генуэзские фактории в Крыму закрыли оттоманские турки), но эта торговля была более ограниченной по объемам, чем дальневосточная.

Торговля была не единственной отраслью экономики Золотой Орды, подорванной Тимуром. Большие города, разбитые им, являлись центрами не только торговли, но и разного рода ремесел и производств. Все теперь было разрушено. Последствия походов Тимура на Золотую Орду были, таким образом, подобны последствиям похода Бату на Русь. В результате разгрома главных городов были уничтожены и ведущие культурные группы общества как в сфере экономики, так и в духовной жизни.

Воздействие войны с Тимуром на развитие Золотой Орды не могло не быть гибельным. Культурный уровень кипчакского государства понизился катастрофически. Тогда как ее предыдущее развитие базировалось на соединении номадизма и городской культуры, теперь кочевники располагали, временно по меньшей мере, только собственными ресурсами. Они все еще составляли мощную военную силу, но уже чувствовался недостаток преимуществ культурного лидерства городов. Кроме прочего, теперь они не имели необходимого военного арсенала. Это был период важного изменения в технике ведения войны — период быстрого распространения огнестрельного оружия. В то время как ее соседи, включая Московию и Литву, начали производить разные виды огнестрельного оружия, Золотая Орда не имела пока возможностей делать это. Правда, огнестрельное оружие еще находилось в стадии раз-

4. Россия около 1396 г.

работки и имело ограниченную сферу применения, но как характерный аспект общего технического прогресса оно было важно. Только на окраинах Золотой Орды — у булгар в бассейне средней Волги и в Крыму — городская культура продолжала процветать. Скоро, однако, эти два района проявили стремление к освобождению от кочевого ядра Орды, и, в конце концов, каждый из них составил основание местных ханств, Казанского и Крымского. Одним словом, нет никаких сомнений, что после нанесенных Тимуром ударов, экономическая и технологическая база Золотой Орды катастрофически сократилась. Политическое и военное возрождение Орды оказалось еще возможным, но на непродолжительное время, в связи с быстрым ростом соседних государств, таких как Оттоманская империя, Московия и Литва.

Как только Тимур удалился в Самарканд, упорный Тохтамыш устремился обратно в кипчакские степи и попытался восстановить свою державу. Сначала он направился в Крым, который, повидимому, решил сделать своей основной базой. Благодаря географическому положению, Крымский полуостров можно защитить даже от превосходящего врага. Во время разгрома 1395 года власть в Крыму захватили генуэзцы[69]. Тохтамыш атаковал силы генуэзцев и штурмом взял Каффу, где, вероятно, захватил значительные богатства. Он, безусловно, нуждался в деньгах, чтобы восстановить свою армию и государство. Сначала ему сопутствовал успех, и скоро он выпустил призыв ко всей монгольской знати и князьям, кто еще не возвратился к нему для этого дела. К 1398 году он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы восстановить свой контроль над Русью, и отправил посла к князю Олегу Рязанскому.

В этот момент, однако, в Золотой Орде опять началась смута. Соперники Тохтамыша, Тимур-Кутлуг и Едигей, наконец сумели организовать против него мятеж. Большая часть монгольской знати покинула своего суверена и объявила Тимур-Кутлуга новым ханом. Едигей стал соправителем. Оба направили послов к Тимуру, чтобы принести ему заверения в вассальной верности[70]. Тем временем Тохтамыш во главе нескольких тысяч воинов, сохранивших к нему лояльность, поскакал в Киев и попросил великого князя Витовта помочь ему сохранить трон. Тимур-Кутлуг тоже прислал туда послов с требованием выдать Тохтамыша. Витовт, таким образом, оказался перед серьезной проблемой.

После совещания с *паны-радой* Великого княжества он решил принять сторону Тохтамыша. По сути дела, последние несколько лет Витовт и его советники наблюдали за эволюцией монгольской политики со всевозрастающим интересом. Необходимо иметь в виду, что многие литовско-русские князья считали Золотую Орду главным врагом и были готовы поддержать любую попытку как Москвы, так и Литвы бороться против монголов. К этой группе принадлежали князь Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский и Дмитрий Боброк. Как известно, в 1370-тых годах, когда великий князь Дмитрий Московский возглавил русскую оппозицию монголам, все трое поддержали его и приняли активное участие в Куликовской битве. Когда князья Восточной Руси оказались вынуждены еще раз склонить головы перед ханом, князь Андрей возвратился в Полоцк, который тем временем захватил его брат Скиргайло. Тот схватил Андрея и заключил его в крепость в Польше (1386). Когда в 1393 году Андрею удалось бежать, он стал вассалом Витовта. Мы точно не знаем о времени перехода Дмитрия Боброка от великого князя московского к великому князю литовскому; в 1389 году он еще был в Москве и как свидетель подписал завещание Дмитрия Донского, в 1399 году он состоял в свите Витовта. Эти три князя с энтузиазмом отнеслись к антимонгольским планам Витовта.

Зимой 1397-98 годов Витовт повел свою армию вниз по Днепру и, говорят, достиг побережья Черного моря[71]. Местные татарские орды, встреченные им на своем пути, не оказали сколько-нибудь серьезного сопротивления. Весьма вероятно, что они не симпатизировали ханскому правительству (Тохтамыш еще оставался в то время ханом). Тысячи из них сдавались и их расселяли в районе Тракая. Главная цель похода была, кажется, нащупана. В то время Витовт вряд ли ожидал оказаться способным сокрушить монголов. Но гражданская война и просьба Тохтамыша о помощи изменили всю картину. Теперь Витовт мог надеяться, используя Тохтамыша как марионеточного хана, установить свой сюзеренитет над всей Золотой Ордой.

Приняв решение, Витовт начал тщательную подготовку к походу, который, он надеялся, закончится завоеванием Золотой Орды. Он обратился за помощью и к Польше, и к рыцарям Тевтонского ордена. Король Польши Ягайло согласился предоставить несколько

воинских соединений, но значительно меньше, чем Витовт ожидал. Чтобы получить поддержку рыцарей, Витовт уступил им часть территорий племени жмудь. Из этих соображений они согласились послать отборный и хорошо вооруженный отряд для участия в кампании[72]. Мы не располагаем информацией о переговорах Витовта с Москвой, но, в любом случае, Москва оставалась нейтральной. Великий князь Василий Московский имел, безусловно, серьезные основания относиться с подозрительностью к намерениям своего тестя. В 1395 году Витовт захватил Смоленск и заключил под стражу большинство удельных князей этого княжества. Поскольку Смоленск не подчинялся Москве, великий князь московский был обеспокоен усилением литовского контроля над ним. Еще более угрожающим являлось намерение Витовта установить свой сюзеренитет над Новгородом. В 1398 году он договорился с Тевтонским орденом о совместном походе против Пскова и Новгорода. В случае успеха рыцари получали Псков, а Витовт — Новгород. Теперь эти планы отменились из-за нового поворота в монгольских делах.

Основная часть сил Витовта в степной кампании 1399 года состояла из литовской и западнорусской армии и татар Тохтамыша. Литовско-русская армия была хорошо организована и имела на вооружении пушки. Правители Золотой Орды тоже хорошо подготовились к войне. Вместо того, чтобы ждать врага глубоко в степях, как это сделал Субэдэй в 1223 году, Тимур-Кутлуг и Едигей решили продвинуться к среднему течению Днепра в киевском направлении. В начале августа 1399 года две враждующие армии встретились на берегах Ворсклы (приток Днепра), вероятно, недалеко от того места, где однажды будет построен город Полтава, и Петр Великий в 1709 году разобьет шведов.

Согласно Никоновской летописи, хан Тимур-Кутлуг предлагал Витовту заключить соглашение, а не воевать. Витовт потребовал, чтобы хан признал себя его вассалом, и имя Витовта появилось на монетах Золотой Орды. Едигей от лица Тимур-Кутлуга отверг требования Витовта и, в свою очередь, потребовал, чтобы его тамгу (герб рода) чеканили на литовских монетах. Теперь единственным выходом стала война. Яростная битва свирепствовала несколько часов. Войска Витовта были, казалось, на пороге победы над монгольской армией под командованием Едигея, когда резервные

отряды Тимур-Кутлуга атаковали литовцев с тыла. Татары Тохтамыша первыми приняли бой, и скоро вся армия Витовта была смята. Тогда как самому Витовту с небольшой свитой удалось спастись, большое количество русско-литовских князей погибло в бою, среди них Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский и Дмитрий Корятович (Боброк-Волынский)[73]. *«И кто мог счесть всех литовцев и русских, и поляков, и германцев, павших в этот день?»* — горько замечает летописец.

Преследуя остатки побежденной армии Витовта, Тимур-Кутлуг дошел прямо до Киева и разбил перед городом свой лагерь. Отряды его армии рассеялись по всей Киевской земле и Подолии, грабя города и селения и захватывая тысячи пленников. Киев должен был уплатить 3 000 рублей выкупа. Бассейн нижнего Буга, завоеванный Ольгердом в 1363 году и дававший Литве выход к Черному морю, теперь снова был занят монголами и отведен под пастбища для части Ногайской Орды Едигея.

Даже после этой катастрофы Тохтамыш не оставил своих попыток вернуть власть в кипчакских степях. Витовт предложил воинам Тохтамыша земельные наделы в Литве, если они пойдут к нему на службу. Хотя многие из них приняли предложение, Тохтамыш вернулся в степи с небольшим отрядом верных единомышленников и начал против Едигея партизанскую войну. После поражений в нескольких столкновениях, он ушел на восток и нашел пристанище в Тюмени в западной Сибири [74]. Оттуда он отправил посла своему бывшему сюзерену Тимуру, еще раз испрашивая покровительства и предлагая союз против Едигея. Тимур милостиво принял посла Тохтамыша в городе Отрар в январе 1405 года. Тимур тогда стоял на пороге своего нового похода против Китая. Его, вне всякого сомнения, беспокоил быстрый подъем сил Едигея и, чтобы предотвратить возможность нападения Едигея на Центральную Азию во время его отсутствия, он был рад использовать Тохтамыша против Едигея, как он использовал Едигея против Тохтамыша десять лет назад. Ни Тимуру, ни Тохтамышу не суждено было воспользоваться плодами их нового союза. Тимур скончался в Отраре 18 февраля 1405 года. Тохтамыш, по-видимому, умер в Тюмени примерно в то же время или вскоре после того. В любом случае, его имя не упоминается после этой даты в доступным нам источниках.

II

Едигей принадлежал к древней монгольской семье рода Белых мангкытов (Ак-Мангкыт)[75]. Мангкыты, как мы знаем, составляли ядро Ногайской Орды. Их поддержка серьезно помогла Едигею при захвате власти в Золотой Орде — как и Ногаю примерно 130 лет назад. Однако положение Едигея было сложнее, чем положение Ногая, поскольку он не являлся Чингисидом. Правда, он объявлял себя потомком, через прародительницу, первого халифа Абу-Бакра[76]. Для мусульман это, по-видимому, было достаточно весомо. Но, хотя большая часть монгольских князей и знати к этому времени и приняла ислам, они не отказывались от всех своих монгольских традиций. Политически теперь, как и раньше, только за потомками Чингисхана признавалось право на трон Золотой Орды. Едигей, таким образом, находился в том же положении, что Мамай и Тамерлан. Единственным для него выходом было управлять через марионеточных ханов. Сам он вынужден был удовлетвориться титулом эмира. Тимур-Кутлуг, первый хан, которого он посадил на трон, был пьяницей и умер в 1400[77]. Затем с одобрения Едигея ханом избрали его двоюродного брата Шадибека[78]. Согласно персидскому историку Муин ад-дин Натанзи, Шадибек всю свою жизнь проводил в пирах и удовольствиях[79]. Сначала Едигей не испытывал никаких затруднений в управлении через него.

Разбив армию Витовта и отрезав Литву от Черного моря, Едигей сосредоточился на восстановлении порядка и дисциплины в Золотой Орде. Как формулирует Муин ад-дин, он установил *«изысканные обычаи и великие законы»*[80]. Под первыми он, вероятно, подразумевает строгие церемониальные формы повиновения знати хану; под вторыми Ясу со всеми ее дополнениями, включая жестокую систему налогообложения. Интересным аспектом политики Едигея была попытка прекратить торговлю рабами-тюрками. Еще до монгольского нашествия половецких детей продавали в Египет, где их готовили для отрядов мамлюков. Эта практика сохранялась в конце тринадцатого века и весь четырнадцатый. Теперь, согласно аль-Макризи, Едигей запретил «татарам» продавать своих детей в рабство за границу[81]. Под татарами Макризи, судя по всему, имеет в виду не только половцев, но и всех других тюркизованных

граждан Золотой Орды. Едигей, видимо, хотел предотвратить уменьшение численной силы тюрков как основы Золотой Орды. В результате этой политики количество рабов, поставляемых в Сирию и Египет из Золотой Орды, резко сократилось. Позже такая торговля возродилась, но продавали уже не тюркских детей, а черкесских[82]. Необходимо подчеркнуть, что политику Едигея в этом случае нельзя истолковывать как желание свернуть внешнюю торговлю вообще. Напротив, он прекрасно осознавал важность развития торговли в Золотой Орде, и, в особенности, восстановления торговых путей в Центральную Азию. Воспользовавшись смертью Тамерлана (1405 год), он в 1406 году захватил Хорезм[83].

После реорганизации своего государства Едигей почувствовал себя достаточно сильным, чтобы заняться русскими проблемами. По сути дела, Восточная Русь стала практически независимой с момента окончательного поражения, нанесенного Тохтамышу Тимуром. Только в 1400 году великий князь Иван Тверской (сын Михаила II) счел нужным направить Едигею своего посла. На него, по-видимому, произвела впечатление победа Едигея над Витовтом. Два года спустя князь Федор Рязанский (сын Олега) поехал в Орду и получил ярлык на рязанский стол (освободившийся после смерти Олега). Однако сразу после своего возвращения из Орды Федор заключил соглашение с великим князем Василием Московским, по которому он обязался не оказывать никакой помощи монголам и предупреждать Василия о любых угрожающих шагах Едигея[84]. Что же касается великого князя Василия, то под разными предлогами он прекратил посылать дань в Орду и не обращал никакого внимания на сетования по этому поводу ханских послов. Подобного отношения Едигей не мог выносить слишком долго.

В связи с этими обстоятельствами для Москвы было несчастьем, что в 1406 году начался конфликт между Василием и его тестем Витовтом. Причиной конфликта явилось возобновление давления Витовта на Смоленск, Псков и Новгород. Вдохновленная поражением Витовта на Ворскле в 1399 году, в Смоленске подняла голову антилитовская партия. В Смоленске, как в Твери и Новгороде, боярам нравилась аристократическая система правления Литвы, простые люди же, наоборот, выступали против нее. В 1401 году народ Смоленска взбунтовался, убил литовского наместника и снова призвал бывшего великого князя Юрия[85]. Витовт немед-

ленно бросился в Смоленск, но не смог его взять. Не смог он этого сделать и три года спустя. Только в 1405 году, когда он собрал сильное войско, имевшее на вооружении пушки, ему удалось штурмом взять город и восстановить над ним свою власть. Затем он вступил на земли Пскова (февраль 1406 года). Псковитяне обратились за помощью к великому князю московскому. Тем временем Витовт потребовал от Новгорода принять князем его двоюродного брата Люгвена (сына Ольгерда). Тогда князь Василий счел необходимым положить конец агрессии Витовта. Едигей был обрадован, когда услышал о надвигающейся войне между Московией и Литвой, поскольку она ослабила бы оба государства. Он с радостью предложил свою помощь Василию. Помощь приняли, и подразделения татарских войск присоединились к московской армии. Сражения, однако, не произошло, и скоро было достигнуто перемирие. В следующем году Новгород принял князя Люгвена, но ему не позволили расположиться в самом Новгороде, и он был вынужден жить в соседнем городке. Война между Василием и Витовтом разгорелась снова, но вскоре окончилась новым перемирием. В июле 1408 года ведущий литовский князь, Свидригайло (Švitrigaila) (сын Ольгерда), покинул Витовта и поступил на службу к Василию. В Москве ликовали. Для «кормления» Свидригайло получил город Владимир с прилегающими к нему районами: Переяславль, Волоколамск, Ржев и половину Коломны[86]. Обеспокоенный поступком Свидригайло, Витовт в третий раз повел свои войска на Москву. Как и в предыдущих войнах, серьезных боев не произошло, и в сентябре 1408 года было подписано перемирие.

Пока Витовт восстанавливал свой контроль над Смоленском и ставил литовского князя во главе новгородских войск, великий князь Василий пытался установить контроль над Тверью. Иван, великий князь тверской, не выказывал желания признать верховенство Василия, поэтому Василий решил помочь сопернику тверского князя Юрию Холмскому, получить ханский ярлык на тверской стол. В 1407 году Юрий прибыл в Москву и оттуда с благословения Василия, отправился в Орду. Как только великий князь Иван узнал об этом шаге, он тоже поспешил к ханскому двору[87]. Когда Иван прибыл в Орду, там начинались волнения. Раздраженный опекой Едигея, хан Шадибек пытался установить свою власть. На самом деле, в Орде росла оппозиция политике Едигея в

отношении централизации и повышения налогов. Особенно, по-видимому, негодовали работорговцы, сотрудничающие с Египтом. Шадибек попытался избавиться от Едигея, возглавив оппозиционное движение. В Орде началась короткая, но яростная гражданская война[88]. Едигей нанес противникам поражение и посадил на трон нового хана, Пулада (в русских летописях именуемого Булат-Салтаном)[89]. Шадибек бежал в Астрахань.

Как только порядок был восстановлен, ассамблея монгольской знати под председательством нового хана повелела подтвердить ярлык великого князя тверского Ивану. Претензии Юрия были отвергнуты. Неудовлетворенный решением, Юрий отправился в Астрахань и получил ярлык на кашинское княжество (самое важное из удельных тверских княжеств) от изгнанного князя Шадибека[90]. Иван, однако, отказался признать законность этого ярлыка. План Василия, таким образом, провалился, а его отношения с Иваном Тверским стали еще более натянутыми, чем прежде, к глубокому удовлетворению Едигея.

Следующим шагом Едигея стала замена великого князя рязанского Федора, которому он не доверял, на князя Ивана Пронского. Летом 1408 года Иван с помощью татарской армии занял Рязань. Федор обратился к Василию, который послал войско помочь свергнутому князю. Несмотря на это, армия Федора потерпела поражение от сил Ивана. Скоро, однако, по всей вероятности, при посредничестве Василия, соперники пришли к взаимному соглашению, и Федор вернулся в Рязань[91]. В этом случае Василий сумел ограничить вмешательство Едигея в русские дела. Едигей теперь решил, что пришло время ударить по самой Москве.

Как Тохтамыш во время своего похода на Москву, Едигей знал, что его единственный шанс на успех — в полной секретности подготовки этой кампании. Опасаясь, что некоторые друзья Москвы в Золотой Орде уведомят Василия о том, что он собирает сильную армию, Едигей послал в Москву гонца объяснить Василию, что хан Булат-Салтан намеревается вести войну против Литвы. Это произошло, по-видимому, в октябре 1408 года. К этому времени Василий подписал перемирие с Витовтом и распустил армию, принимавшую участие в литовской кампании. Армии обоих противников в этой войне были, судя по всему, небольшими.

Таким образом, москвичи оказались абсолютно неподго-

товленными, когда в ноябре Василий получил известие от дружественного татарского мурзы, что Едигей с сильной армией идет на Москву[92]. Для сколько-нибудь большой мобилизации уже не оставалось времени. Василий отправился в Кострому собирать силы северных районов своего государства, а князь Владимир Серпуховской снова стал воеводой московского ополчения.

Орда Едигея подошла к стенам Москвы 1 декабря. Первая попытка татар штурмом взять город успеха не имела. Тогда Едигей устроил свою ставку в нескольких верстах от Москвы и позволил войскам грабить окрестности. Тем временем он направил послов в Тверь с приказом великому князю Ивану доставить к Москве его артиллерию. Иван пообещал и сделал вид, что выступил на Москву, но скоро возвратился в Тверь. Вероятно, он не хотел испытывать судьбу и боялся мести со стороны великого князя московского. Едигей, без артиллерии, оставил надежду взять город штурмом и решил сделать это при помощи осады. Осада безуспешно продолжалась несколько недель и, в конце концов, Едигей предложил снять ее за 3 000 рублей отступного. Получив указанную сумму, он повел войска обратно в степи.

Хотя Едигей и не смог взять Москву, он преуспел в разорении значительной части княжества и, таким образом, серьезно сократил материальные ресурсы великого князя. Он также восстановил независимость нижегородского княжества, пожаловав его стол Даниилу, сыну Бориса, который, напомним, был свергнут в 1392 году[93]. И все-таки, несмотря на разорения и страдания, причиненные набегом Едигея, он не достиг своей главной цели: сила великого князя московского не была уничтожена. Василий не только продолжал игнорировать ханский сюзеренитет, но даже дал в Москве пристанище сыновьям Тохтамыша, чьи претензии на золотоордынский трон являлись для Едигея источником серьезного беспокойства. Эмир горько сетовал Василию на его враждебность в колком письме от 1409 года, но это было все, что он пока мог сделать[94].

Набег Едигея на Москву, однако, сильно повысил его авторитет в мусульманском мире. Когда его послы, вместе с послами Булат-Салтана, появились в 1409 году при дворе сына Тамерлана Шахруха в Герате, им был оказан великолепный прием. В том же году египетский султан направил своих послов Булат-Салтану[95]. Едигей, казалось, достиг зенита своей славы. И все-таки дни его власти были сочтены.

Силы оппозиции, побежденные в 1407 году, вскоре восстановились. Марионеточный хан Булат-Салтан умер в 1410 году, ему наследовал, с согласия Едигея, сын Тимур-Кутлуга Тимур-Хан. Чтобы упрочить свое влияние на нового хана, Едигей отдал ему в жены одну из своих дочерей. Но в течение нескольких месяцев Тимур-Хан повернулся против своего тестя. Едигей был побежден и бежал в Хорезм (1411 год). Тимур-Хан не получил, однако, выгоды от своей победы, поскольку его самого скоро сместил сын Тохтамыша Джалал ад-Дин.

Все теперь отвернулись от Едигея, включая сына Тамерлана Шахруха, чья армия в 1414 году заняла Ургенч (столицу Хорезма). Это, однако, не закончило карьеры Едигея. С небольшой свитой он вернулся в кипчакские степи и сумел создать собственное княжество, по-видимому, в Крыму. В 1416 году его жена совершила паломничество в Мекку с эскортом в 300 всадников[96]. В том же году, согласно польскому историку пятнадцатого века Яну Длугошу, Едигей учинил набег на Киев. Три года спустя он отправил послов Витовту, предлагая великому князю литовскому союз против сыновей Тохтамыша[97]. До того, как этот союз мог состояться, он был убит в столкновении с сыном Тохтамыша Кадыр-Берди.

Драматическая судьба Едигея сделала его любимым героем тюркской эпической поэзии, особенно эпоса его собственного народа, ногайцев[98]. Тогда как многие современники страдали от его жажды власти, ногайские поэты видели в нем доблестного князя степей и превозносили его за отвагу и рыцарство.

III

Тогда как у Едигея власть уменьшалась, у Витовта быстро росла. Именно Витовт извлек самую большую выгоду из набега Едигея на Москву в 1408 году. Действительно, хотя Едигей и нанес русским большой вред, он не сумел подчинить Московию. В то же время, однако, удар, нанесенный Москве, был достаточно серьезен, чтобы предотвратить какое-либо возобновление ее противодействия Литве. Это прекрасно понял Свидригайло, который в 1409 году оставил надежду на московскую поддержку его амбициозных планов и решил вернуться в Литву. Однако, когда он ступил на родную землю, его схватили и на девять лет бросили в тюрьму.

По освобождении он, при посредничестве императора Священ-

ной Римской империи Сигизмунда Люксембургского, получил в удел Новгород-Северский и Брянск. Чувствуя себя в безопасности со стороны Московии, Витовт теперь мог сосредоточиться на борьбе с Тевтонским орденом, действуя в тесном сотрудничестве с королем Ягайло, В 1410 году объединенные польская и литовско-русская армии разбили рыцарей в двойной битве при Грюнвальде и Таннеберге. Орден уже никогда не смог оправиться от этого удара.

Затем Витовт обратил свое внимание на татарские дела. При его содействии сыну Тохтамыша Джалал ад-Дину удалось воцариться в Золотой Орде. Последующие волнения в Орде не позволили Витовту не только продолжать вмешательство в степные дела, но и распространить свое влияние в районе нижнего Днепра. В 1412 году он построил несколько крепостей и торговых пунктов по правому берегу Днепра от Киева вниз до Черного моря[99]. Он продолжал эту политику до конца своего правления, преследуя две цели: предотвратить татарские набеги на киевские земли и Подолию, а также создать военную базу для дальнейшего продвижения в степи.

В это время ситуация в днепровских степях была неустойчивой. Никто из соперничающих ханов не мог полностью подчинить себе местных татарских князей. Несколько полузависимых татарских групп объединились и стали называть себя казаками[100]. Некоторых из них нанял Витовт для укрепления гарнизонов построенных им крепостей. Он также использовал сходные русские (украинские) группы в добавление к своим регулярным войскам. Эти живущие в пограничных районах украинцы тоже стали называться казаками[101]. Основная система пограничных поселений, созданных Витовтом, сосредотачивалась вокруг города Черкассы, расположенного примерно на половине пути между Киевом и Днепровскими порогами. Черкассы — древняя русская форма слова черкесы. Возможно, что группа черкесов была расселена в одиннадцатом веке князем Мстиславом Тмутараканским на противоположном берегу Днепра [102]. Однако нет свидетельств, что город Черкассы существовал ранее пятнадцатого столетия[103]. С конца 1400-х и впоследствии москвичи называли украинских казаков черкасами.

Другим важным аспектом политики Витовта в этот период был его интерес к делам Западнорусской церкви. Его подход был чисто политическим. Он хотел быть уверенным, что церковь не встанет на сторону великого князя московского в случае конфликта

между Московией и Литвой. Поэтому Витовт, как до него Ольгерд, настаивал на своем праве выбирать кандидата на митрополичью кафедру, когда бы она не освободилась. Митрополит Киприан, поддерживавший дружеские отношения с литовскими правителями, умер в 1406 году. Тогда Витовт послал в Константинополь епископа Феодосия Полоцкого, грека по происхождению, прося патриарха посвятить того в сан митрополита Руси. Византийские власти, однако, пренебрегли рекомендацией и в 1408 году избрали на эту должность другого грека, Фотия, который прибыл в Киев в 1409 году и затем отправился в Москву.

Скоро Витовт высказал свое недовольство политикой Фотия и в 1414 году запретил ему вмешиваться в дела Западнорусской церкви. Вслед за тем он испросил разрешения патриарха на избрание отдельного митрополита для Западной Руси. На этот пост он рекомендовал Григория Цамблака, образованного монаха румынского происхождения, родившегося в Тырново (Болгария) и являвшимся к тому же родственником митрополита Киприана [104]. Не получая ответа из Константинополя более года, Витовт созвал совет западнорусских епископов, и Григория избрали митрополитом (1416 год). Затем Витовт попытался улучшить отношения между двумя христианскими церквями внутри своего государства — греческой и римской. По его просьбе новый митрополит согласился посетить сессии Шестнадцатого церковного собора в Констанце. Григорий прибыл туда в феврале 1418 года, когда собор подходил к концу. Его миссия не принесла ощутимых результатов. Вскоре после возвращения в Киев он ушел по неясным причинам в отставку и удалился в Молдавию (1419 год). Церковная политика Витовта провалилась.

5. Золотая Орда, Литва и Московия, 1419-39 гг.

I

После ухода Едигея с исторической сцены процесс дезинтеграции Золотой Орды вступил в новую стадию, которая завершилась образованием внутри улуса Джучи нескольких орд, каждая из которых в конце концов получила независимость. Одна из них —

Ногайская Орда, твердо обосновалась в бассейне реки Яик. Пока монгольский род Мангкытов занимал среди ногайцев лидирующее положение, часть половцев и другие тюркские племена тоже входили в эту орду. Восточнее ногайцев, в Казахстане, формировались две других орды, Узбекская и Казахская (последнюю часто называют Киргизской)[105]. Обе представляли собой смешение монгольских родов с местными тюркскими племенами, которые сами являлись смесью тюрков и тюркизованных иранцев.

Название узбек идентично имени знаменитого золотоордынского хана четырнадцатого века Узбека. Существует ли историческая связь между народом и ханом — вопрос нерешенный[106]. С моей точки зрения, это неправдоподобно. Согласно Полю Пелио имя Узбек (Özbäg) значит «хозяин себя» (maître de [sa] personne)[107], то есть *«свободный человек»*. Узбек в качестве названия нации значило бы тогда *«нация свободных людей»*. Если так, то значение близко значению названия казах. Форма казах, теперь официально принятая в Советском Союзе, вариант слова казак, которое в нескольких тюркских диалектах означает *«свободный человек»*, *«свободный искатель приключений»*[108] и, отсюда, *«житель приграничной полосы»*. В его основном значении этим словом называли как группы татарских, украинских и русских поселенцев (казаки), так и целый среднеазиатский народ киргизов (казахов). Хотя значение термина казак давно хорошо установлено, его происхождение неясно. Я склонен думать, что его нужно связывать с этническим названием *кас*, которое составляет основу названия касог (или косог), под которым в ранних русских летописях упоминаются черкесы северного Кавказа. Примерно в середине пятнадцатого века русские начали называть этот народ Черкассы (в современном русском — черкесы), откуда, вероятно, возникла английская форма Circassians.

Название черкас является сокращением от Чахар-Кас[109]. Чахар по-персидски означает «четыре». Отсюда Чахар-Кас значит «четыре каса», или «четыре рода касов». Необходимо отметить, что черкесы, как и аланы, считались первоклассными воинами. Военные соединения этих двух народов монгольские ханы во многих случаях брали или нанимали в качестве собственной охраны. Черкесские солдаты, вероятно, не смешивались с монголами и тюрками в монгольских армиях, а формировали собственные самостоятельные сообщества, своего рода военные братства. Позже назва-

ние кас, по-видимому, стало также употребляться и в отношении подобных братств среди поселенцев приграничных зон тюркского, русского и украинского происхождения.

Узбекская Орда сформировалась в 1420–х годах; Казахскую Орду образовали тридцать лет спустя. Казахи оставались хозяевами степей на север и восток от Аральского моря, что дало название этому региону (Казахстан).

Тот же процесс распада старых империй и формирования новых местных ханств происходил тогда и в западной части улуса Джучи, то есть в собственно Золотой Орде. Он, в конце концов, привел к разделению Золотой Орды на три самостоятельных государства: Казанское ханство (образовано в 1445 году), Крымское (1449) и остатки основной орды в Сарае. После окончательного распада Золотой Орды в 1502 году, Астрахань попыталась перехватить у Сарая историческую роль центра Нижневолжского ханства.

II

В 1419 году золотоордынский трон перешел от детей Тохтамыша к потомку Тука-Тимура, Улуг-Махмеду (Большой Махмед, возможно, в смысле — Старший Махмед). Фактически его власть признала только западная часть Золотой Орды. Регион нижней Волги контролировал сын Тохтамыша Кепек (Kibäk). Да и в западной части кипчакских степей власть Улуг-Махмеда была непрочной; некоторые татарские князья отказывались ему подчиняться. В этих обстоятельствах понятно, что Улуг-Махмед обратился за помощью к великому князю Литвы. Витовт, таким образом, получил возможность продолжить свою политику вмешательства в дела Золотой Орды через дружественных ему ханов. Теперь он стал самым могущественным правителем Восточной Европы, а Великое княжество Литовское превратилось в важнейший фактор восточноевропейской политики. Влияние Витовта чувствовалось даже в центральноевропейских делах, главным в которых тогда было движение гуситов в Богемии. И гуситы, и император Сигизмунд пытались привлечь Витовта на свою сторону. В 1421 году посетившая Витовта чешская делегация предложила ему корону Богемии. Он, в принципе, согласился и послал в Богемию своего родственника Сигизмунда Корибутовича (сына Корибуты, внука

Ольгерда) с 5 000 подразделением литовско-русских войск[110]. Позже между гуситскими лидерами и Витовтом возникли разногласия, преимущественно из-за возражений короля Польши по поводу сотрудничества Литвы с Богемией. Под давлением Ягайло Витовт разорвал отношения с чехами, и Сигизмунд Корибутович из Богемии ушел. Весь план объединения Богемии с Литвой и Западной Русью, таким образом, провалился.

В Золотой Орде неустойчивое равновесие между местными ханами в 1422 году нарушило вторжение в регион нижней Волги хана Барака (внука Урус-хана) из Казахстана. За два года узбеки Барака разбили и Махмеда, и его соперника Кепека. Попытка двоюродного брата Улуг-Махмеда, Давлет-Берди, противостоять захватчику тоже ни к чему не привела. Все три побежденных хана вынуждены были уходить на запад. Кепек совершил набег на русские города Рязань и Одоев (1422 год), но не смог там закрепиться. Улуг-Махмед отправился в Литву просить Витовта о помощи. Давлет-Берди, воспользовавшись общим замешательством, захватил Крым (примерно 1425 год)[111].

Тем временем Барак, посеяв всю эту смуту, вернулся в Казахстан, отягощенный добычей (1425). Теперь он достаточно окреп, чтобы объявить себя независимым ханом — ханом узбеков. Внук Тамерлана Улуг-Бек, который правил в Самарканде и считал Барака своим вассалом, возмутился этим и два года спустя лично повел армию в Казахстан, чтобы вновь его завоевать. Барак победил Улуг-Бека (1427 год)[112]. Вскоре, однако, узбекские эмиры организовали против Барака заговор и сместили его (1428). Следующий избранный хан — Абуль-Хаир, потомок Шибана — правил с 1428 по 1468 год, сумел консолидировать узбекское государство и дал начало династии Шибанидов.

Что же касается положения в Крыму, то в 1426 году Давлет-Берди, стараясь укрепить свой контроль над Крымом, направил письмо султану Египта, информируя его о волнениях среди кипчаков и предлагая военный союз. Улуг-Махмед, однако, скоро вытеснил Давлет-Берди из Крыма и, с помощью местной татарской семьи Ширинов, создал там собственную ставку (1427 год). После этого имя Давлет-Берди из истории исчезло. Известно, однако, что примерно в 1428 году в Литву прибыл и обратился к Витовту за поддержкой хан Хаджи-Гирей. В.Д. Смирнов выдвигает вполне правдоподобное

предположение, что один хан мог иметь два имени, и был известен сначала под одним, а потом под другим[113].

Политический триумф Улуг-Махмеда омрачился эпидемией чумы, начавшейся на Западе, но не на Востоке. На Руси она сначала распространилась в Новгороде, затем проникла в Москву и, наконец, в половецкие степи. Первым дипломатическим шагом Улуг-Махмеда было установить дружественные отношения с оттоманским султаном Мурадом II[114]. Через год хан отправил в Каир посла провести переговоры о союзе с мамлюками. Тогда как свидетельств о том, что какая-либо из сторон извлекла выгоду из этих переговоров, нет, то прибытие кораблей из Крыма в то время, когда в половецких степях свирепствовала чума, оказалось для Египта несчастьем, поскольку принесло туда болезнь[115].

Хотя Улуг-Махмед считал еще преждевременным утверждать свою власть над Восточной Русью, он внимательно следил за московской политикой, и события в Москве приносили ему значительное удовлетворение, поскольку он мог ожидать получить подходящий предлог для вмешательства в русские дела в самом ближайшем будущем. Когда великий князь Василий I скончался в 1425 году, его сыну, тоже Василию[116], было только десять лет. В завещании Василий I назначил тестя Витовта, а также братьев Андрея и Петра и троюродных братьев Семена и Ярослава (сыновей Владимира Серпуховского) опекунами своих вдовы и сына[117]. Брат Василия I Юрий, следующий за ним по старшинству, был исключен из опекунского совета. Удел Юрия состоял из Звенигорода, городка на запад от Москвы, и богатого города Галича, северо-восточнее Костромы под Волгой[118]. Юрий был честолюбивым и богатым правителем, увлеченным строителем. Его правление принесло процветание его резиденции, Звенигороду. Город быстро рос, украшался новыми церквями и был защищен новыми мощными крепостными стенами[119]. Возможно, Василий I испытывал подозрения по поводу политических планов Юрия и не доверял ему. И действительно, Юрий отказался признать законность завещания Василия и заявил свои права на великокняжеский стол. Когда митрополит Фотий и бояре отклонили их, возмущенный Юрий отправился в Галич и начал собирать там армию. Это было началом длительного политического кризиса в Московии, фактически первый и единственный случай междоусобной войны между потомками Ивана Калиты.

Кризис был по форме династическим, а по содержанию политическим. Юрий обосновывал свои претензии старой идеей родового правления, по которой княжеский стол должен переходить к старшему всего великокняжеского рода в целом, а не по принципу наследования отцу сыном внутри одной семьи. Политически акция Юрия являлась протестом против подчинения всех князей московскому князю; он искал равенства князей. Другими словами, он предпочитал федеративную организацию Руси позднего киевского типа верховенству великого князя московского над всеми другими князьями.

Войска Москвы остановили армию Юрия. Затем митрополит Фотий лично отправился в Галич увещевать мятежного князя и молить его о единстве. Мир был восстановлен, и обе стороны согласились предоставить решение конфликта хану. Время обращения не было определено, и московское правительство фактически могло отложить принятие решения. Вдовствующая великая княгиня София поехала в Смоленск просить своего отца Витовта о помощи, которую тот ей обещал. В этих обстоятельствах Юрий предпочел не торопить событий и некоторое время соблюдал мир.

Хотя Витовт согласился поддерживать и направлять правление внука Великим княжеством Владимирским, он не упускал никакой возможности распространить, или попытаться распространить, свой прямой контроль над всеми частями Северной и Восточной Руси. В 1426 году он вел войну со Псковом при помощи вспомогательных татарских войск, посланных ему Улуг-Махмедом. Его попытка штурмовать город Опочку успеха, однако, не принесла. Тогда он заключил со Псковом мир после получения отступного в 1 450 рублей. В следующем году он воевал с Новгородом и в начале 1428 года достиг города Остров. Гордостью артиллерии Витовта была огромная пушка, отлитая немецким мастером Николасом ; она имела имя Галка, и ее тянули сорок лошадей. Первый залп пушки разнес главную башню крепости Острова, но и саму Галку тоже, убив Николаса, а также несколько литовцев, стоявших вокруг[120]. Новгород предложил мир, на который Витовт согласился за выкуп в 10 000 рублей.

Хотя Витовт и получил от этих двух войн значительную финансовую выгоду, он не сумел подчинить ни Новгород, ни Псков. С Тверью и Рязанью ему удалось много большее. В 1427 году он

заключил с Тверью союзный договор, по которому великий князь Борис Александрович Тверской признал Витовта своим господином; Витовт, однако, обещал не вмешиваться во внутренние дела Твери[121]. Двумя годами позже и великий князь Иван IV Рязанский, и великий князь Иван II Пронский признали себя вассалами Витовта. Каждый обращался к Витовту не только как к своему *господину*, но также и как к своему *господарю* (суверену)[122].

Укрепив, таким образом, свой контроль над Восточной Русью и пополнив казну деньгами Новгорода и Пскова, Витовт теперь чувствовал себя готовым к попытке решить назревшие международные проблемы, стоящие перед правителями Восточной и Центральной Европы. По его приглашению эти правители, а также их представители и советники, съехались в 1429 году на конгресс в Луцк, на Волыни. Среди присутствующих были Сигизмунд, император Священной Римской империи, и Ягайло, король Польши. Папа, византийский император Иоанн VIII, король Дании, Тевтонский орден и господарь Молдавии прислали своих представителей. Некоторые русские князья, включая великого князя тверского, тоже присутствовали на конгрессе[123]. Всем понравились щедрый прием и развлечения могущественного хозяина. Летописцы с благоговением записали количество еды и питья, предложенное гостям. В деловом отношении, однако, конгресс был не так успешен.

Главными пунктами повестки дня были турецко-византийская проблема, отношения Римской католической и Греческой православной церквей (которые были связаны с византийским вопросом); гуситский вопрос; отношения Польши с Литвой. Скоро стало ясно, что ко всем проблемам разные члены имеют различный подход; кроме того, некоторых интересовал только один конкретный пункт повестки, и они не были готовы обсуждать другие. Легко понять, почему не было достигнуто никаких решений.

Все согласились, что Византийская империя вот-вот падет под давлением оттоманских турок, если не получит помощи от европейских держав. Однако папа согласился объявить крестовый поход для спасения Константинополя, только если греческие еретики станут римскими католиками. Для Витовта этот вопрос, естественно, был весьма деликатным, поскольку большинство его подданных — русские — являлись такими еретиками. Император Си-

гизмунд тоже предпочитал сотрудничество двух церквей формальному подчинению Востока Западу. Как он сказал, наполовину шутя: *«Они [греческие православные] имеют такую же веру, как и мы, а отличаются от нас только бородами и женами их священников. Но никто не должен винить их за это, поскольку, тогда как греческий священник удовлетворяется одной женой, наши католические — каждый имеют десять или больше 'жен'»*[124].

Сигизмунд предложил, чтобы часть Тевтонского ордена отправилась в район Дуная и приняла на себя военное руководство борьбой европейцев против турок. И Польша, и Молдавия немедленно возразили. Польша имела достаточно проблем с тевтонскими рыцарями на севере своих владений, и вряд ли от нее можно было ожидать, что она станет помогать им перекрывать ей собственный выход к Дунаю. Поведение Польши в этом вопросе вызвало раздражение Сигизмунда, и он с еще большим расположением, чем раньше стал относиться к желанию Литвы достичь полной от нее независимости. Он предложил короновать Витовта королем Литвы. Поляки снова возразили. Сигизмунд, однако, не отказался от этого проекта и пообещал в следующем году прислать Витовту королевскую корону.

Когда этот год, 1430, наступил, в Вильно начались коронационные празднества. Все русские союзники и вассалы Витовта прибыли лично, включая великого князя Василия II Московского и великих князей тверского, рязанского и пронского. Митрополит Фотий тоже счел подобающим приехать поздравить Витовта, так как он хотел обсудить с ним определенные дела, касающиеся западнорусской церкви. Тевтонский орден и татары тоже прислали своих представителей[125]. К великому разочарованию Витовта и его гостей корону не доставили; поляки перехватили посланников императора Сигизмунда. Один за другим смущенные гости начали разъезжаться. Две недели спустя Витовт упал с лошади и умер в результате этого несчастного случая. Ему было тогда восемьдесят лет.

III

Со смертью Витовта и в Литве, и в Московии начался длительный политический кризис. Если бы Золотая Орда была единой и

сильной, татары легко могли бы воспользоваться ситуацией. Но они были разобщены и только время от времени усиливали неурядицы в литовских и московских делах.

Вскоре после смерти Витовта ассамблея литовских и западнорусских князей и бояр выбрала великим князем литовским его двоюродного брата Свидригайло. Эта акция без предварительного согласования с Польшей противоречила условиям соглашения в Гродно от 1413 года, поэтому поляки отказались признать выборы законными и предложили брата Витовта Сигизмунда. Его шансы сначала казались небольшими, но скоро он сумел сыграть на противоречиях между литовской и русской партиями Великого княжества[126].

Хотя Свидригайло являлся римским католиком, поначалу он был чрезвычайно популярен среди западнорусских князей и бояр, потому что не делал различий между римскими католиками и греческими православными при назначении членов своего совета и высших сановников. Но это вызывало большое возмущение у литовской знати, которая окрестила его прорусским. В 1432 году литовские бояре организовали против Свидригайло заговор. Ему удалось спастись, но в Вильно великим князем объявили Сигизмунда. Свидригайло удалился в русские провинции Великого княжества и сплотил своих сторонников. Сложилась опасная ситуация, которая могла окончиться разделением Великого княжества на литовскую и русскую половины. Даже самые отъявленные литовские националисты понимали необходимость компромисса с русскими. Поэтому Сигизмунд издал указ (*привилей*), которым аннулировал статью Гродненского соглашения, лишающую греческих православных политических прав. Несмотря на этот шаг, большинство русских князей продолжало поддерживать Свидригайло, но он скоро начал сомневаться в их верности и попытался улучшить свое положение, заключив соглашение с Тевтонскими рыцарями.

Он также начал переговоры с Римом об объединении западнорусской церкви с Римской. Хотя митрополит Герасим, казалось, был готов обсуждать вопрос о церковном объединении, Свидригайло схватил его, обвинив в предательстве (Герасим, возможно, вел переговоры с Сигизмундом). Намереваясь подавить все противодействие себе крутыми мерами, Свидригайло приказал сжечь Герасима на костре (июль 1435 года). Вместо того, чтобы устрашить русских, эта акция привела их в ярость. Лишенный русской поддержки, Свидригайло в

сентябре 1435 года потерпел поражение от своего соперника в битве у реки Свента. Ему, однако, оставили в удел Кременец и часть Волыни и Подолии. Контроль Сигизмунда над Великим княжеством теперь казался установленным твердо. Конечный результат этой междоусобицы был благоприятен для греческих православных, то есть русских, поскольку они теперь получили равные права с римскими католиками.

Необходимо отметить, что во время гражданской войны в Литве два татарских хана поднялись против Улуг-Махмеда, борясь за контроль над Золотой Ордой. Это были Саид-Ахмад, сын Тохтамыша[127], и Кучук-Махмед (Маленький или Молодой Махмед), внук Тимур-Кутлуга. Фактически Золотая Орда теперь разделилась на три орды. Двое из соперничающих ханов вмешались в дела Литвы: Улуг-Махмед поддерживал Сигизмунда, а Саид-Ахмад заключил соглашение со Свидригайло.

В это время в Московии снова разгорелся конфликт между Василием II и Юрием Галицким. Юрий решил воспользоваться тем, что со смертью Витовта Василий лишился своего самого могущественного опекуна. Более того, у Юрия были дружеские отношения со Свидригайло через Тверской дом (жена Свидригайло была тверской княжной). Вдохновленный изменившейся политической обстановкой в Литве, Юрий Галицкий снова предъявил претензии на Москву и потребовал, чтобы дело представили хану для вынесения решения. В результате в 1432 году и Юрий, и Василий предстали перед Верховным судом Золотой Орды. Юрий Галицкий был уверен в успехе, потому что имел в орде могущественного друга — крымского князя Тегин Ширина, который также являлся другом Свидригайло. Однако московский боярин Иван Всеволожский, в то время главный советник Василия II, сумел возбудить подозрения хана Улуг-Махмеда по поводу искренности намерений Ширина. Всеволожский подчеркивал, что тройной союз Ширина, Юрия Галицкого и Свидригайло может угрожать интересам хана [128]. Решение Высшего Суда, одобренное ханом, было в пользу Василия, который и получил великокняжеский ярлык. В качестве некоторой компенсации Юрию пожаловали Дмитров (городок на севере от Москвы), вдобавок к Звенигороду и Галичу[129].

Василий возвратился в Москву в сопровождении ханского посла, джучидского князя, который торжественно возвел его на великокняжеский трон. Впервые это событие произошло в Москве, а не во

Владимире. Москва, таким образом, стала официальной столицей великого княжества.

Юрий и не думал соглашаться с ханским вердиктом. Вернувшись в Галич, он сразу же начал собирать армию. Его весьма ободрило появление нового сторонника, его бывшего противника при дворе, боярина Всеволожского, который покинул Василия по личным причинам: Василий обещал Всеволожскому жениться на его дочери, но по возвращении из Орды он вместо этого взял в жены княжну Марию, дочь одного из его опекунов, князя Ярослава (сына Владимира Серпуховского). По-видимому, его мать настояла на том, чтобы он женился на княжне, а не на дочери простого боярина.

После ухода Всеволожского в Москве, судя по всему, не осталось людей, способных направлять молодого великого князя. Москвичи были застигнуты врасплох, когда в апреле 1433 года Юрий Галицкий подошел к городу. Василий сдался, и Юрий объявил себя великим князем, предоставив Василию в удел город Коломну. Это оказалось его ошибкой. Хотя москвичи активно не защищали Василия, их симпатии все-таки были на его стороне, и скоро большинство московской знати потянулось в Коломну. Будучи не в состоянии выдерживать психологическое напряжение этого пассивного противодействия, князь Юрий Дмитриевич возвратился в Галич.

Кризис казался преодоленным, но теперь Василий решил закрепить победу изгнанием Юрия из Галича. Однако Юрий с помощью дополнительных войск, присланных свободным городом Хлыновым (Вятка), разбил москвичей и снова занял Москву (1434 год). Василий бежал в Нижний Новгород и оттуда планировал обратиться к хану за поддержкой. Юрий теперь чувствовал себя более уверенно, чем во время первого захвата Москвы. Он поспешил заключить союзные договоры с можайскими князьями и великим князем Иваном Рязанским. У Юрия были дружеские отношения с тверскими князьями, он также мог рассчитывать на помощь Вятки и дипломатическую, по крайней мере, поддержку Свидригайло. Но Юрию Галицкому не суждено было воспользоваться преимуществами своего положения; 6 июня 1434 года он умер в возрасте шестидесяти лет.

Его старший сын, Василий, по прозвищу Косой, объявил себя великим князем. Он, бесспорно, не имел шансов удержать великокняжеский стол, и даже его собственные братья, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, не признали его, а призвали обратно Василия II. Мир, таким обра-

зом, был восстановлен, но не надолго. Василий Косой не отказался от своих претензий. В последовавшей войне его разбили, взяли в плен и, по приказу Василия II, ослепили. Этот жестокий поступок, которым великий князь надеялся сокрушить оппозицию своему правлению раз и навсегда, потряс Русь. Ослепление соперников-претендентов на трон являлось семейной практикой в Византии. На Руси был только один подобный случай, в двенадцатом столетии[130]. В скором будущем Василий II должен будет дорого заплатить за свою жестокость, но пока он торжествовал победу над своими соперниками. Первая стадия московской междоусобицы окончилась.

Тогда как Литва и Москва возвратились к определенной степени стабильности, в Золотой Орде смута продолжалась. В западной части борьба шла между Саид-Ахмадом и Улуг-Махмедом. Существовали также небольшие татарские группы, которые предпочитали признать сюзеренитет великого князя литовского, чем соперничающих ханов. Во главе одной такой группы стоял Еголдай (в польских источниках — Jeholday), который, примерно в 1438 году, создал вассальное княжество, носящее его имя, на юге района Курска[131]. Регион нижней Волги контролировал хан Улуг-Махмед. Он и Саид-Ахмад вынудили Улуг-Махмеда отойти на север с остатками своей орды. В 1437 году он занял город Белев на верхней Оке. Этот район, северная часть бывшей Северской земли, находилась тогда под литовским сюзеренитетом. Тем не менее, великий князь Василий II, обеспокоенный появлением татар вблизи московских границ, решил оттеснить их и послал войско под командованием двух Дмитриев, сыновей покойного Юрия Галицкого. Первая схватка окончилась в пользу русских, Улуг-Махмед запросил мира. Он выразил желание стать союзником Москвы и охранять русские рубежи от общих врагов. Русские отвергли его предложение и настаивали на его уходе из Белева. Война возобновилась, и на этот раз русские были разбиты[132].

Улуг-Махмед остался хозяином Белева. По поводу его следующих шагов в научной литературе существует значительная неопределенность. Большинство историков полагают, что вскоре после своей победы у Белева Улуг-Махмед, очевидно, повел свою орду в булгарский регион под средней Волгой и сел в Казани. Я не разделяю этой позиции. С моей точки зрения, Вельяминов-Зернов убедительно показал, что Казанское ханство основано сыном Улуг-Махмеда, Махмудеком, в 1445 году, а не в 1438[133]. Что определенно, так это то, что в

1439 году Улуг-Махмед появился у стен Москвы[134]. Но он явно пришел туда из Белева, а не из Казани. Московская армия была распущена после неудачного белевского похода, а Василий II по традиции, установленной его отцом и дедом, отправился в Кострому, как только до него дошло известие о приближении татар, чтобы под Волгой собрать войска. Во главе московского ополчения он оставил своего тестя, князя Юрия Патрикеевича (потомка Гедимина). Армия Улуг-Махмеда десять дней штурмовала город, но успеха не добилась. Тогда он отступил в Коломну, сжег ее и, судя по всему, вернулся в Белев. По пути татары опустошали страну и нанесли русским огромный ущерб, однако набег Улуг-Махмеда продемонстрировал, что сила татар идет на убыль.

Многие татарские князья теперь были готовы пойти на службу или в Литву, или в Московию. Как мы видели, до победы в Белеве и сам Улуг-Махмед предлагал использовать всю свою орду для защиты русских границ. Во время его набега на Москву, или скоро после того, один из Джучидских князей его орды, Бердидад, со своими сторонниками перешел к Василию. Другие татарские военачальники скоро будут вынуждены последовать его примеру.

6. Оттоманские турки, Византия и Москва

I

В то время как в середине пятнадцатого века Золотая Орда распадалась, другое мусульманское государство, государство османских турок (оттоманские турки), быстро росло. Во второй половине четырнадцатого столетия османские турки твердо обосновались на Балканском полуострове. Их успехи, как и успехи монголов в начальный период Монгольской империи, можно объяснить их мощной военной организацией, а также внутренней слабостью и недостатком единства у народов, которым они угрожали[135].

В прошлом османские турки, как сельджуки, вслед за которыми они пришли в Малую Азию, были конниками. В середине четырнадцатого века они провели важную военную реформу: создали пехотные соединения, известные под названием «новая армия» (*yeniçeri*) — грозных янычар[136]. Мы видели, что примерно в то же время центральноазиатский владыка Тимур использовал пехоту в

своих главных кампаниях, и это в условиях ведения военных действий в степи. В горных районах Балканского полуострова, куда оттоманские турки проникли в 1360-тых годах, пехота оказалась даже более полезной. Поскольку ни один уважающий себя турок не унизится до сражения пешим, янычары рекрутировались из завоеванных турками христианских народов. Квота христианских мальчиков, в возрасте от десяти до двадцати лет, набиралась через определенное время, или когда возникала необходимость, для обращения в ислам и получения серьезной военной подготовки. Им запрещалось жениться, поэтому их отряды (*осаки*) становились их домом. Согласно турецкой исторической традиции, войска янычар учредил Орхан (1326–59). В современных источниках о них впервые упоминается во второй половине четырнадцатого века. Первоначально они были небольшими, вряд ли больше 1 000 воинов. К 1450 году в них состояло 5 000 человек, а к 1550-му — 10 000. Хотя большинство «детей дани» насильственно вербовалось в янычары, некоторых из них также нанимали в военную и гражданскую администрации султана на самые высокие должности. В отличие от янычар, оттоманская конница (*сипахии*) состояла первоначально только из турок, в любом случае из свободных мусульман. Отряд конной гвардии примерно в 3 000 человек находился на постоянной службе при дворе султана. Другим конникам отводили ленные владения (*тимары*) на завоеванных землях и призывали при необходимости. Кроме этого, могли быть созваны ополченцы, как конные (*акынджы*), так и пешие (*azab*), но они были более искушенными в искусстве возделывания земли, чем в военном деле.

Внутренняя сила оттоманского удара держалась не только на материальных факторах. Большое значение имел духовный фактор. В период формирования оттоманского государства в Малой Азии в конце тринадцатого — начале четырнадцатого веков османы испытали сильное влияние братства ахиев, основанного на союзах ремесленников. Это братство внесло огромный вклад в духовное пробуждение городских классов Малой Азии и распространение там ислама среди христиан[137]. В целом религиозная политика султанов раннего периода Оттоманской империи отличалась терпимостью. Кроме рекрутирования детей, никакого насильственного обращения завоеванных народов в Ислам не проводилось.

Все немусульманские религиозные группы подданных султана находились в ведении глав их церквей. Однако положение немусульманского населения (*rayah*) оставалось рискованным, и было много случаев добровольного обращения в Ислам. После принятия Ислама бывший христианин становился полноправным членом оттоманского общества. В Малой Азии братство ахиев активно занималось привлечением к исламу представителей других вероисповеданий. К 1350 году ислам приняли многие греки Никеи, Бруссы и других городов Малой Азии. Впоследствии, на Балканах, мусульманами стали многие сербы, особенно в южной части Сербии и в Боснии, а также некоторые болгары (так называемые помаки).

Накануне оттоманского завоевания Балканского полуострова христианские державы там были слабыми. Византийскую империю — то, что от нее осталось — раздирали внутренние противоречия. Более того, экономически она была в руках венецианцев, а политически испытывала давление славян. Великий сербский правитель Стефан Душан пытался создать Славяно-греческую империю, добавить свежую кровь в вены увядающей Византии, и даже объявил себя царем сербов и греков. В империю Стефана входила значительная часть Болгарии. Однако эта империя оказалась недолговечной и быстро распалась после смерти Стефана (1355 год). Греки казались спасенными от славянского господства; болгары восстановили свою независимость; Македония стала отдельным царством, а собственно Сербия разделилась на две половины: Боснийское царство и княжество Северная Сербия. Город Белград захватили венгры.

Не чувствуя себя еще достаточно сильными, чтобы штурмовать Константинополь, османы обошли его с фланга, захватив Адрианополь, который сделали своей столицей, сократив его название до Эдирне (1361 год). Два года спустя турки оккупировали Филиппополь (Пловдив) на юго-востоке Болгарии. К концу шестидесятых годов четырнадцатого века царь Македонии Вукашин бросил вызов власти султана, сначала вполне успешно; но потом он был разбит и пал в сражении в 1377 году. Его сын Марко Кралевич (Королевич — сын короля), герой сербского эпоса, смог удержать Македонию только как вассал султана. Установив контроль над Фракией, юго-востоком Болгарии и Македонии, османы после

тщательной подготовки захватили район Средеца (София) на юго-западе Болгарии (1385)[138]. Следующим шагом султана Мурада I стало нападение на государство князя Лазаря, Северную Сербию. В решающем сражении на Косовом поле (поле черных дроздов) в 1389 году сербская армия была разбита. Четыре года спустя сын и преемник Мурада I, Баязид I, завершил завоевание Болгарии взятием Тырново, древней болгарской столицы.

Болгарию присоединили к Османской империи, и несколько сипахиев получили там владения. Македония до кончины Марко Кралевича сохраняла ограниченную автономию, и затем повторила судьбу Болгарии. У Сербии дела сложились лучше, ей была дарована широкая автономия, продлившаяся до 1459 года.

До турецкого завоевания и Болгария, и Сербия достигли значительного уровня культурного прогресса, нашедшего свое выражение в искусстве и литературе. Знаменитый свод законов (Законник) от 1349 года Стефана Душана представляет другую грань интеллектуальных достижений балканских славян в тот период. Религиозному и литературному расцвету в Болгарии способствовал патриарх Ефтимий, занимавший свой пост с 1375 года до завоевания турками Тырново[139]. Эта творческая духовность распространялась из Болгарии на Русь. И митрополит Киприан, и митрополит Григорий Цамблак были уроженцами Тырново. Другие болгары и сербы устремлялись на Русь в течение пятнадцатого столетия.

Турецкое завоевание положило конец процветанию болгарской мысли. Патриаршество было упразднено, и болгарская церковь поступила под греческий контроль и управление. В этом отношении, как и в административном управлении, Сербия находилась в лучшем положении, чем Болгария. Собственно говоря, османы сами в определенной степени испытывали влияние сербской культуры. Сербский язык, наряду с греческим, был принят при дворе султана, и на нем с конца четырнадцатого по шестнадцатый века составлялись многие официальные документы Оттоманской империи. Популярность сербского языка при дворе султана частично являлась результатом высокого положения сербских княжон в султанском гареме. Дочь князя Лазаря, Оливера (именуемая Милевой в сербских народных песнях), была любимой женой Баязита I, некоторые преемники Баязита тоже забирали в свои гаремы сербских девушек[140].

II

Продвижение османов на Балканах сильно беспокоило народы Центральной и Западной Европы, особенно венгров, которые оказались перед прямой угрозой турок. Король Венгрии Сигизмунд (будущий император Священной Римской империи) принадлежал к дому Люксембургов и через них имел тесные связи с большинством европейских королевских дворов. Его призывы к другим римско-католическим правителям привели к паневропейскому крестовому походу против турок, в котором английские, французские, польские, чешские, итальянские и немецкие рыцари шли рука об руку с венграми. По словам очевидца, немецкого солдата Шилтбергера, армия крестоносцев составляла 16 000 человек. Фердинанд Лот, проанализировав все доступные свидетельства, назвал значительно меньшее число, не более 9 000[141]. Турецкая армия вряд ли была более многочисленной, однако ею лучше управляли. Сербы при деспоте Стефане (сыне князя Лазаря)[142] в этой войне поддерживали своего сюзерена Баязита. Решающее сражение у Никополя закончилось полным разгромом крестоносцев (1396 год). По получении известий об этом сражении в европейских дворах распространились уныние и паника. Константинополь теперь считали потерянным, и сам Рим казался под угрозой. Однако через несколько лет внимание Баязита переместилось с Запада на Восток. Между ним и Тимуром произошел конфликт. В Малой Азии у Анкары османы и их союзники сербы потерпели поражение от испытанных воинов Тимура, а сам Баязит попал в плен (1402 год).

Эта катастрофа почти разрушила молодую Османскую империю. Прошло несколько лет пока один из сыновей Баязита, Мехмед I (1402-1421), сумел восстановить порядок и дисциплину. При его сыне и преемнике Мураде II (1421-1451) империя снова превратилась в грозную державу. Дни Константинополя, казалось, были сочтены. Единственной надеждой византийского правительства было получить помощь Запада. Скоро стало ясно, что этой помощи можно добиться только ценой объединения Византийской церкви с Римской под верховной властью папы. В своде христианских догматов о троичности Бога главным препятствием для объединения, с точки зрения греков, был «филиокский» член римского Символа веры. В

старом Никейско-Константинопольском Символе веры, одобренном II Вселенским собором (381), сформулирован догмат о том, что Бог-Святой Дух исходит от Бога-Отца[143]. На Западе в конце концов возобладало иное толкование взаимосвязи трех лиц Троицы: двойное исхождение Бога-Святого Духа и от Бога-Отца, и от Бога-Сына. Продолжение фразы «и Сына» (Филиока) одобрили несколько церковных соборов в Испании, Франции и Германии в конце восьмого — начале девятого веков[144]. Несколько греческих богословов, основываясь на философских доводах, выразили готовность учесть западную точку зрения. Выдающимся среди них был епископ Виссарион Никейский, опытный ученый, исполненный духа Возрождения. Большинство греческого духовенства, однако, оставались верными восточным традициям. В суровых обстоятельствах того времени вряд ли существовал шанс для свободной и спокойной теологической дискуссии по этой проблеме. Чувствуя себя под дамокловым мечом, византийский император побуждал духовенство пойти на все возможные уступки Римской церкви. Политика возобладала над религиозными чувствами.

Напомним, что вопрос о помощи Константинополю обсуждался на Международном конгрессе в Луцке на Волыни в 1429 году. Тогда не было принято решения. Обсуждение возобновилось на XVII Вселенском соборе, который открылся в Базеле в 1431 году. Положение стало еще более запутанным, когда между этим собором и папой Евгением IV сложилась конфликтная ситуация. В 1437 году папа приказал сессии в Базеле прекратить, а собор перенести в Феррару в Италии. Большинство членов отказалось подчиниться; они продолжили сессии в Базеле и избрали антипапу, Феликса V. Таким образом, теперь работали два собора, и каждый именовал себя XVII Вселенским. Тот, который начался в 1438 году в Ферраре, позже переместился во Флоренцию, и поэтому его обычно называют Феррaро-Флорентийским собором. В конце концов Евгению IV удалось восстановить свою власть в Центральной Европе, и при его преемнике Николае V Базельский собор принял решение о своем роспуске (1449 год). Феррaро-Флорентийский собор заседал с 1438 по 1443 год, затем переехал в Рим, где завершил свою работу в 1445 году[145]. Его решения получили силу для всей Римско-католической церкви.

Возвращаясь к началу конфликта между папой Евгением IV и Базельским собором, можно сказать, что каждая сторона объявляла,

что только она имеет право заниматься греческим вопросом. В конце концов византийский император принял приглашение папы и лично привез делегацию греческого духовенства в Феррару. Поскольку Русская церковь являлась частью византийской патриархии, ей тоже было положено быть представленной в Ферраре. Но в это время у нее были собственные проблемы. В 1431 году умер митрополит Фотий. Московское правительство и духовенство желали видеть его преемником восточнорусского епископа Иону Рязанского. Великий князь литовский Свидригайло поддерживал западнорусского епископа Герасима Смоленского, который отправился в Константинополь, и там был произведен в сан Митрополита Всея Руси (1434). Возможно, византийские власти полагали, что западнорусский епископ более благосклонно отнесется к идее церковного объединения, чем восточнорусский. Как мы знаем, в следующем году Герасима казнили в Витебске по приказу того же Свидригайло, который сначала его поддерживал. Митрополичья кафедра Руси снова оказалась вакантной. Теперь московское правительство послало в Константинополь епископа Иону и просило императора и патриарха признать его в качестве нового митрополита. Византийские власти отказались это сделать, а назначили грека (эллинизированного славянина), Исидора (уроженца Салоников). Исидор прибыл в Москву в 1437 году и, после некоторого колебания, его приняли там как митрополита. Вскоре он раскрыл свое намерение отправиться на собор в Феррару. И великий князь Василий II, и московское духовенство сначала с подозрительностью относились к переговорам с Римской церковью. В конце концов, однако, после того, как Исидор поклялся не предавать православие, московские власти разрешили ему ехать в Италию. Его сопровождали епископ Авраамий суздальский и примерно сто человек священников и мирян.

Несмотря на оппозицию греков старой школы любому изменению в Символе веры, большинство из них, под давлением императора Иоанна, пусть неохотно, но согласились с римской формулировкой, которую с греческой стороны поддерживали Виссарион Никейский и Исидор Русский. Главенство папы тоже было признано[146]. Единственным греческим прелатом, отказавшимся подписать декларацию о союзе, был епископ Марк Эфесский. Уния с греками была объявлена в папской булле («Laeterentur coeli») 6 июля 1439 года[147]. И Виссариона, и Исидора сделали затем кардиналами. Унию с армя-

нами провозгласили в ноябре 1439 года, а с якобитами — в 1441.

Сколь бы целесообразной ни была церковная уния для византийской дипломатии, она разрушила духовное единство греков и увеличила напряженность внутри империи. Тогда как император и некоторые служители церкви поддерживали объединение, большая часть духовенства и мирян были против него. Зловещим знаком деморализации, обусловленной религиозным конфликтом, было распространение среди православных греков тюркофильства и пораженчества. Характерное высказывание «человека с улицы», иллюстрирующее эту тенденцию, записано в хронике Дуки: *«Лучше попасть в руки турок, чем франков»*[148]. Многое зависело теперь от способности «франков» оказать необходимую помощь в защите от турок. Папа сдержал свое обещание, и в 1444 году был организован новый крестовый поход. На этот раз ни английские, ни французские рыцари не могли принять в нем участия, поскольку воевали друг с другом. Вызвались несколько немецких и чешских рыцарей, но в основном поход осуществляли два государства, Венгрия и Польша, с некоторой помощью со стороны Валахии[149]. Согласно представителю папы, Андреасу де Палацио, участвовавшему в походе, армия крестоносцев состояла из 16 000 всадников, не считая валахов. Современный французский историк Фердинанд Лот настаивает на значительно меньшем числе — 4 800[150]. В этом случае его цифра кажется порядком заниженной. Ядро турецкой армии — янычары и сипахская гвардия — состояло из 8 000 человек. Количество сипахиев, мобилизованных из провинции, неизвестно. В целом же турецкая армия вряд ли была более многочисленной, чем армия крестоносцев. В сражении при Варне турки опять победили (1444 год). Юный польский король Владислав III погиб на поле битвы.

Катастрофа при Варне предопределила судьбу Константинополя. Штурм «столицы империи» после тщательной подготовки предпринял сын и преемник Мурада II Мехмед II. Осада началась 5 апреля 1453 года. К этому времени Константинополь практически превратился в город-призрак. Из-за продолжительного экономического и политического кризиса его население, которое прежде достигало 500 000, или более, человек, теперь едва ли составляло десятую часть этого числа[151]. Кроме того, из-за религиозного раскола люди находились в состоянии душевного смятения. В 1451 году греческое духовенство сместило униатского патриарха Константинополя, и тот бе-

жал в Рим. В 1452 под давлением папы император Константин XI вынужден был принять кардинала Исидора как папского посла. 12 декабря 1452 года в Софийском соборе была совершена католическая месса. С этого дня народ избегал эту церковь.

Константинопольские укрепления все еще оставались мощными, но сама их протяженность — свыше восемнадцати километров по окружности — составляла проблему для немногочисленных защитников. Император Константин располагал менее чем 5 000 греческих солдат. Папа послал 200 солдат, и генуэзский кондотьер Джованни Джустиниани привел с собой 700 человек, из которых только 400 были соответствующим образом вооружены[152]. Величина турецкой армии в различных источниках оценивается от 80 000 до 400 000 человек. Даже 80 000, очевидно, является преувеличением, если не считать ополченцев. Кроме численного превосходства Мехмед II имел преимущество в мощной артиллерии, которой управляли иностранные специалисты (среди них упоминаются трансильванские и венгерские). При такой диспропорции сил защитникам не оставалось никаких шансов; то, что осада продолжалась почти семь недель, свидетельствует об их доблести. Константинополь в конце концов был взят штурмом 29 мая 1453 года. Большинство защитников, включая самого императора Константина, погибло в последнем бою. Кардинала Исидора турки взяли в плен. Как только грабеж был закончен, порядок восстановили, и Константинополь стал Оттоманской столицей. Софийский собор и несколько других христианских церквей преобразовали в мечети. Греческой церкви как институту не досаждали. Греков приглашали и поощряли к возвращению в город, а их церкви обещали защиту. Собор греческих епископов избрал Геннадия Сколярия новым патриархом. Хотя прежде он поддерживал соглашение с Римом, впоследствии, под влиянием Марка Эфесского, стал убежденным сторонником греческих традиций и противником церковной унии. Султан Мехмед II выразил желание возвести нового патриарха в сан в соответствии со старым византийским церемониалом. Султан лично вручил новому патриарху посох[153], заняв место византийских самодержцев, которые раньше делали это. Достаточно забавно, что поборник Ислама, Фатих Мехмед (Мехмед Завоеватель), теперь взял на себя роль защитника Греческой веры, роль, которую два последних византийских императора не могли играть должным образом.

III

И принятие греками церковной унии, и падение Константинополя глубоко отразились на течении истории Русской церкви, а также развитии русской политической мысли. По-видимому, митрополит Исидор не информировал московское правительство о развитии событий на Ферраро-Флорентийском соборе. В 1440 году Исидор, теперь кардинал и папский легат, вернулся на Русь. Сначала он направился в Киев, где провел зиму; князь Александр выдал ему грамоту, подтверждающую его власть над церковными владениями в Киевском регионе. В марте 1441 года Исидор появился в Москве. Он совершил торжественную мессу в главном соборе Москвы — соборе Успения Богородицы — взывая к имени папы. После богослужения он зачел флорентийскую декларацию о церковном союзе. Это вызвало сильные волнения москвичей. Исидору запретили проводить дальнейшие службы и заточили его в келье Чудова монастыря в Кремле[154], ожидая решения собора русских епископов, который собрался немедленно. В Никоновской летописи, так же как и в Степенной книге, инициатива противодействия Исидору приписывается великому князю Василию II. Обе эти исторические работы написаны во второй половине шестнадцатого века, во времена правления Ивана IV Грозного; обеим свойственна сильная монархическая тенденция. Как убедительно показал М.А. Дьяконов, именно русские епископы, а не великий князь, первыми сплотили москвичей против унии[155]. В любом случае, епископский собор отверг флорентийскую декларацию и отказался признавать Исидора митрополитом до тех пор, пока он не отречется. Исидор не желал изменять свою позицию. Русские власти позволили ему тихо покинуть Москву; позже было объяснено, что он «бежал»[156]. Он отправился в Тверь, где по приказу великого князя Бориса Александровича его арестовали и несколько месяцев держали в тюрьме. Освобожденный в начале 1442 года, Исидор поехал в Литву, ища защиты великого князя Казимира. Тот, однако, поддерживал Базельский церковный собор против папы Евгения и признал антипапу, Феликса V. Поэтому он отказался принять Исидора, и тому ничего не оставалось, как возвратиться в Рим.

Закончив это дело, русские находились в растерянности по поводу того, что же делать дальше. В тот момент они не имели намерения

окончательно порывать с Константинополем. Необходимо сказать, что в своих последующих шагах русские епископы, как и великий князь Василий II под их руководством, выказали немалую выдержку и осторожность. Вскоре после отклонения унии великий князь подписал письмо, адресованное византийским императору и патриарху, с изложением того, почему он и епископы не признали Исидора. Подчеркивая, что Исидора посвятили в сан митрополита без консультаций с русскими властями, Василий II просил императора и патриарха согласиться, учитывая тревожное международное положение, на выборы нового митрополита собором русских епископов, с последующим получением избранным прелатом патриаршего благословения[157]. Это письмо никогда не было отправлено, поскольку до Москвы дошли известия, что и император, и патриарх твердо приняли унию. Два года спустя был подготовлен новый вариант письма, но его тоже не отослали[158]. Русские ждали еще пять лет. Только после того, как они убедились, что византийские власти не намерены аннулировать унию, русские решили действовать. Власти Москвы провели консультации с великим князем Казимиром Литовским и князем Александром Киевским, чтобы выяснить, признают ли они московского кандидата на митрополичью кафедру, епископа рязанского Иону, если он будет избран на этот пост. После получения утвердительных ответов и от Казимира, и от Александра великий князь созвал собор епископов, и 5 декабря 1448 года Иону избрали Митрополитом Всея Руси[159].

Даже эта акция сначала не истолковывалась как отказ от власти патриарха константинопольского. В своих проповедях и посланиях митрополит Иона, *не жалея сил, объяснял, что принял избрание* только в виду особых обстоятельств, а в будущем, если византийские власти вернутся к Православию, русские всегда будут испрашивать благословения патриарха. На самом деле выход Русской церкви из-под власти патриарха был окончательным. Падение Константинополя, правда, положило конец церковной унии и восстановило там православие, но в то же время разрушило всю византийскую систему «гармонии» церкви н государства. Зависимость Греческой церкви от «неверного» правителя делала для русских психологически и политически трудным возобновление их подчиненности грекам, особенно поскольку сама Русь находилась на пороге освобождения от мусульманских ханов. В конечном итоге Русская церковь стала автокефаль-

ной скорее благодаря ходу международных событий, чем сознательным усилиям со своей стороны.

Политические последствия падения Константинополя были столь же серьезными, как и церковные. Великий князь московский оказался теперь ведущим независимым православным правителем — фактически почти единственным правителем подобного рода во всем Православном мире. Хотел он этого или нет, от него теперь ждали, что он будет действовать как защитник Греческой веры. Это послужило отправной точкой сложного течения в политической мысли, как внутри, так и за пределами Руси; среди основанных на нем построений была имеющая принципиальное значение идея о перемещении центра истинного Православия из Второго Рима (Константинополя) в Третий Рим — Святую Москву.

7. Московия, Литва и татары во второй половине княжения Василия III

I

В 1440 году великий князь Литвы Сигизмунд пал жертвой заговора литовской знати. Его обвинили в тирании и намерении подорвать в Литве власть аристократии. Судя по всему, после победы над Свидригайло в 1435 году Сигизмунд стал с подозрительностью относиться к своим сторонникам боярам и пытался править через служащих своего двора, назначив некоторых из них на ключевые посты в армии и администрации. Убийство Сигизмунда привело к новому политическому кризису в Великом княжестве, который на первых порах оказался даже более серьезным, чем кризис начала тридцатых годов пятнадцатого века[160]. Большинство литовских бояр или панов желали видеть на троне сына Ягайло Казимира. Ягайло умер в 1434 году, и его сын Владислав III (старший брат Казимира) стал теперь королем Польши. Владислав согласился позволить Казимиру ехать в Литву, но только как своему наместнику, а не как великому князю. Это потребовало новых переговоров и долгих отлагательств, а тем временем появились новые кандидаты на престол, среди них сын Сигизмунда Михаил и престарелый Свидригайло. В Смоленске произошло восстание, и еще одно — в Киеве. Народ Смоленска избрал своим правителем

князя Юрия Мстиславльского. Киев признал Михаила, которого также выбрал своим князем народ жмудь.

В этих трудных обстоятельствах литовская аристократия еще раз проявила свою целеустремленность, государственное мышление и силу. В это время ее предводителем был Ян Гаштовт, который стал главным советником молодого Казимира. Под его руководством Казимир (признанный литовцами великим князем) за два года сумел воссоединить большую часть отделившихся земель. Смоленск заставили покориться силой оружия, а затем умиротворили указом великого князя, гарантировавшим местную автономию. Киеву дали собственного вассального князя Александра (Олелько), сына Владимира. Напомним, что Владимир (сын Ольгерда) правил в Киеве до упразднения Витовтом удельных княжеств. Проблема жмуди была улажена посредством переговоров: жмудь признала Казимира в обмен на новые гарантии автономии. Наконец, в 1445 году, девяностолетний Свидригайло тоже принес клятву верности своему племяннику. Только Михаил продолжал партизанскую войну против Казимира, находя сторонников то в одном регионе, то в другом.

Новое затруднение возникло, когда король Польши Владислав III погиб в Варненском крестовом походе (1444). В следующем году польский Сейм выбрал Казимира королем. Литовцы, однако, не хотели позволять Казимиру принять польскую корону, опасаясь, что это приведет к подчинению Литвы Польше. Они пошли на это только после того, как Казимир подписал обязательство сохранить для Литвы отдельную администрацию. Хотя поляки отказались утверждать эти гарантии, Казимир издал новый указ, подтверждающий права и привилегии и литовских, и русских земель. Этот его привилей (1447 год) стал краеугольным камнем конституционного правительства Великого княжества[161]. Вскоре в Кракове Казимира короновали королем Польши. Таким образом, союз Польши и Литвы был восстановлен при одном правителе для обеих наций, но Литва фактически осталась отдельным государством.

Поляки должны были признать свершившийся факт, даже если отрицали его законность. Однако их отказ утвердить обязательство Казимира рождал сомнения в умах многих литовцев и западных русских в желательности для Великого княжества иметь общего правителя с Польшей. Эти чувства увеличивали шансы Ми-

хаила. В 1446 году Михаил в Молдавии заключил соглашение с ханом Саид-Ахмадом[162]. При помощи татар Михаил захватил несколько городов в Северском районе, включая Новгород-Северский и Брянск (1448-1449 годы). Но он не мог долго противостоять давлению армии Казимира, был вынужден оставить северские земли и бежать за границу, в конце концов найдя пристанище — и смерть — в Москве.

II

Именно тогда, когда Казимир выиграл первый раунд в своем сражении за власть в Литве (1445 год), в Московии возобновилась междоусобная война между Василием II и его противниками. Неблагоприятный поворот в борьбе русских с татарами вдохновил лидера оппозиции, князя Дмитрия Шемяку, на открытое выступление против Василия.

Зимой 1443-1444 годов сильный отряд татар под руководством джучидского князя Мустафы напал на Рязанскую землю. Этот отряд, судя по всему, принадлежал к Сарайской орде, управляемой ханом Кучук-Махмедом. Великий князь Василий поспешил послать на помощь Рязани соединение своих войск, усиленное мордовскими лыжниками. Этому войску, вместе с рязанскими казаками (тоже на лыжах), удалось разгромить всю татарскую армию. Мустафа и несколько татарских князей были убиты в бою, а остатки татарской армии попали в плен [163]. Между прочим, это первое упоминание о русских казаках в наших источниках. Скоро будут организованы и другие их отряды.

Вскоре возникла новая угроза, исходящая от другой татарской орды, орды Улуг-Махмеда. В 1444 году этот хан повел свою орду из Белева вниз по реке Оке и разбил свой лагерь, как говорят летописцы, в «Старом Новгороде Нижнем»[164]. Все историки, упоминающие об этом эпизоде, предполагают, что под этим названием имеется в виду старое месторасположение города Нижнего Новгорода (бывшей столицы одноименного великого княжества)[165]. Это вызывает у меня серьезные сомнения. Судя по всему, Улуг-Махмед расположился не на старом месте Нижнего Новгорода, а значительно выше по Оке, в месте старого расположения крепости Городец[166]. Городок Городец был разрушен монголами в 1376

году во время их набега на окрестности Нижнего Новгорода[167]; старую крепость после этого покинули, а новую построили примерно в 1 400 метрах выше по реке. Эту новую крепость стали тогда называть Новый Низовый Город[168]. Прилагательное низовый — синоним прилагательного нижний. Старое местоположение именно этого Новгорода Нижнего, я полагаю, и занял Улуг-Махмед в 1444 году. Русский гарнизон новой крепости был теперь осажден татарами. В этой связи необходимо отметить, что примерно восемь лет спустя великий князь Василий II пожаловал Городец сыну Улуг-Махмеда Касиму. Если в 1444 году Улуг-Махмед захватил Городец, возможно, что Касим мог претендовать на него, как на свою отчину.

Есть и еще один аргумент против идентификации занятого Улуг-Махмедом в 1444 году города как Нижнего Новгорода. Как мы сейчас увидим, в конце лета 1445 года Дмитрий Шемяка подписал договор с потомками Василия Кирдяпы (одного из последних независимых Суздальско-Нижегородских князей), в котором он согласился восстановить для них Нижегородское княжество и признать их там как князей. Это был один из шагов Шемяки, направленных против Василия II. В это время он надеялся получить от Улуг-Махмеда ярлык на московский стол. Шемяка едва ли посмел бы обещать Нижний Новгород суздальским князьям, если бы тот был занят Улуг-Махмедом. Поэтому я склонен полагать, в качестве рабочей гипотезы по крайней мере, что Улуг-Махмед в 1444 году остановился на старом месте Городца-на-Оке, а не на старом месте Нижнего Новгорода.

Следующим шагом Улуг-Махмеда зимой 1444-1445 года стало нападение на Муром (который находится на середине пути между Городцом и Нижним Новгородом). Эту атаку отразили московские войска под личным командованием Василия II. Великий князь был не в состоянии, однако, освободить русский гарнизон, осажденный в Городце. Поэтому русские оставили его, но перед уходом крепость подожгли. Теперь Улуг-Махмед мог отправить часть войска под командованием своих сыновей Махмудека и Якуба против Суздаля, куда Василий II ушел из Мурома. Однако, когда Василий II получил известие о новом татарском наступлении, он уже был в Москве. С небольшими силами он немедленно вернулся в Суздаль. Его вассал, татарский князь Бердидад, следовал за

ним на небольшом расстоянии. 7 июля 1445 года, не ожидая подхода дополнительных сил Бердидада, Василий II атаковал армию сыновей Улуг-Махмеда численностью 3 500 человек. Согласно летописям, под командованием великого князя было только 1 500 воинов. Татары в этот день победили, а раненый Василий II попал в плен[169]. Так случайное столкновение небольших сил — собственно, обыкновенная стычка — неожиданно оказалось событием большого исторического значения. Татарские князья сами не ожидали подобного успеха и просто не знали, что делать со своей победой. Они не попытались продолжить наступление и, после разорения Суздаля и его окрестностей, отступили в Муром, который к тому времени уже был захвачен их отцом. Улуг-Махмед тоже, кажется, был озадачен ситуацией и вместо похода на Москву повел свою орду и пленника в Курмыш, обойдя Нижний Новгород. Курмыш находится примерно на середине пути между Нижним Новгородом и Казанью. Возможно, Улуг-Махмед к этому времени решил обосноваться в Казани и двигался в этом направлении. Однако он на несколько месяцев остановился в Курмыше, чтобы определить судьбу великого князя московского.

Когда до Москвы дошло известие о пленении великого князя, народ охватила паника и ужас. При поспешной подготовке к нападению татар, которое считали неминуемым, начался страшный пожар, по-видимому, случайный. Вдовствующая великая княгиня София и великая княгиня Мария в сопровождении бояр уехали в Ростов. Предоставленные сами себе, простые люди взяли дело в собственные руки, как это было во время нашествия Тохтамыша в 1382 году. Поврежденные огнем укрепления восстановили; никому не позволяли покидать город; паника была ликвидирована, и городское ополчение было приведено в боевую готовность[170]. Тогда как простые москвичи, и до и после этого события, не играли активной роли в борьбе между Василием II и его двоюродными братьями, сейчас они первыми объединились против татарской угрозы. Очевидно, что с точки зрения их интересов не было большой разницы между тем или другим русским князем, а вот опасность порабощения иноземным захватчиком остро ощущалась всеми ими и служила стимулом для временного возрождения вечевой традиции.

Тем временем Дмитрий Шемяка пытался использовать политическую ситуацию в собственных целях. Как уже отмеча-

лось, он заключил соглашение с суздальскими князьями, по которому им возвращалось Суздальско-Нижегородское княжество[171]. Это соответствовало политической программе федерации его отца Юрия Галицкого. Хан Улуг-Махмед, в свою очередь, кажется, благоволил к идее посадить Дмитрия Шемяку на московский стол. Где-то в начале сентября хан отправил в Галич своего посла Бегича для предварительных переговоров с Дмитрием Юрьевичем. Дмитрий Шемяка, как того и следовало ожидать, принял его чрезвычайно сердечно и отправил домой в сопровождении доверенного лица, которому было поручено убедить хана не позволять Василию II возвратиться в Москву.

Великий князь, со своей стороны, продолжал убеждать хана отпустить его. Возможно в плену к нему присоединился кто-то из его придворных, кто был в состоянии привезти ему деньги для подарков хану и ханской семье. Кроме того, Василий II был готов обещать хану значительный выкуп, который он мог собрать по возвращении в Москву. В любом случае, ему удалось завоевать дружбу двух сыновей Улуг-Махмеда, Якуба и Касима, а также нескольких татарских князей и высокопоставленных лиц. По какой-то неизвестной причине, путешествие Бегича к Дмитрию Шемяке заняло больше времени, чем ожидалось. Друзья Василия II в Орде использовали долгое отсутствие посла, чтобы возбудить подозрения Улуг-Махмеда по поводу намерений Дмитрия Юрьевича. Распространились слухи, что Бегича по приказу Дмитрия Шемяки убили. Во всяком случае, 1 октября Улуг-Махмед объявил о своем решении в пользу Василия II.[172]

Великого князя освободили, и хан подтвердил его ярлык на московский стол. Хотя он был вынужден под клятвой пообещать уплатить выкуп в 25 000 рублей, согласно Псковской летописи[173], Новгородская летопись называет гораздо большую сумму — 200 000 рублей[174], но в нее, по-видимому, входит не только личный выкуп Василия, а все выплаты, причитающиеся с Руси. Судя по всему, кроме выкупа Василий II пообещал собрать и дань, и тамгу по установленным Тохтамышем высоким ставкам. Чтобы гарантировать сбор, несколько татарских князей и высших чиновников со своими свитами должны были сопровождать великого князя в Москву. Не теряя времени, Василий II послал вперед курьера, Андрея Плещеева, чтобы объявить о своем возвращении в Москву. По дороге Плещеев встре-

тил придворных Бегича, который в это время возвращался к хану (сам Бегич поднимался по Оке на лодке). Плещеев дал знать об этом ближайшему московскому военачальнику, князю Василию Оболенскому, который тут же схватил Бегича. Доверенному лицу Дмитрия Шемяки, сопровождавшему Бегича, удалось спастись.

Решение Улуг-Махмеда освободить Василия II сурово раскритиковал в наше время немецкий ученый Бертольд Спулер: «*Улуг-Махмед глупо упустил великолепный шанс полностью подчинить Великое московское княжество!*»[175]. На самом деле Улуг-Махмед, по-видимому, лучше понимал ситуацию, чем его советчик двадцатого века. Времена Тохтамыша закончились. С распадом Золотой Орды и ростом экономической мощи Руси баланс сил изменился в пользу русских. Орда Улуг-Махмеда, очевидно, была немногочисленной. Вряд ли он имел под своим командованием больше 10 000 воинов. Судя по всему, он осознавал, что победа его сыновей в Суздале была чистой случайностью. В этих обстоятельствах он не мог серьезно думать о покорении Руси силой оружия или об удержании ее в подчинении только силой. Его единственным шансом было использовать Василия II как своего представителя для сбора с Руси огромной контрибуции, при помощи которой он мог построить собственное ханство за пределами непосредственной досягаемости московских войск. Его решение было, может быть, самым выгодным, какое он мог принять. Единственное, что он упустил из виду, так это своего старшего сына Махмудека. Соблазнившись богатствами, которые должны быть собраны с Руси, Махмудек решил воспользоваться ими сам вместо того, чтобы позволить своему отцу использовать их. Он убил отца и повел орду в Казань, где осенью 1445 года объявил себя ханом. Возможно, он убил бы и своих братьев Якуба и Касима, но, по словам летописца, они сбежали в землю черкесов. Что он имеет в виду под названием черкесы, станет ясно из последующих событий. Некоторые другие князья и знатные люди тоже покинули Махмудека и перешли к хану Саид-Ахмаду.

III

Василий II вернулся в Москву 17 ноября. Он мог быть в определенной степени удовлетворен исходом событий. Он сохра-

нил свой стол и свое государство, не уступив хану никаких территорий. Более того, после убийства Улуг-Махмеда и отхода Махмудека в Казань непосредственная опасность миновала. Татарские князья, посланные Улуг-Махмедом для сбора контрибуции, не имели обязательств перед его сыном, и по крайней мере некоторых из них можно было склонить пойти на службу к Василию II, наградив деньгами, которые они собирали. Заманчивые условия, предлагаемые великим князем, привлекали теперь и других татарских князей и знатных людей, не пожелавших следовать за Махмудеком в Казань. Приход на Русь большого количества татарских чиновников было сначала естественным следствием поражения и плена Василия II. Однако процесс продолжился как результат целенаправленной политики великого князя. В использовании татарских вассалов он быстро увидел новый метод борьбы с татарскими ордами вокруг Московии; он нанял «верноподданных» татар сражаться с внешними татарами. Кроме того, Василий II давно осознал преимущество иметь новую группу верных приближенных, которых он мог использовать для подавления любой оппозиции своей внутренней политике со стороны русских подданных.

Такая оппозиция быстро крепла, и именно за щедрость Василия по отношению к татарам ухватились его враги как за наиболее удобный пункт в их пропаганде против него. Как и можно было ожидать, душой этой пропаганды стал Дмитрий Шемяка. Ему удалось получить полную поддержку князя Ивана Можайского, а вдвоем они уговорили великого князя тверского поддерживать в наступающей борьбе по крайней мере доброжелательный нейтралитет. Даже Никоновская летопись, которая отмечена монархическими традициями и в других случаях подчеркивает популярность Василия среди москвичей, признает, что на этот раз многие московские бояре, богатые купцы и даже некоторые монахи вошли в заговор против него[176]. Пропаганда, поддерживаемая Дмитрием Шемякой, кажется, произвела эффект.

Был распространен слух, что Василий II скрыл главное условие своего соглашения с Улуг-Махмедом. Утверждали, что якобы по этому условию Улуг-Махмед должен был стать московским царем, а Василий II — сесть в Твери как его вассальный князь[177]. Именно на этом основании легче всего объяснить происхождение эпитета «Темный», который закрепился за Василием в последние

годы его правления. Обычное значение этого слова (теперь в этом значении произносится «тёмный») — по цвету близкий к черному, не светлый. Как мы увидим, соперники в 1446 году ослепили Василия. Предполагается, что его звали Темный из-за слепоты. Ушаков в своем «Словаре русского языка» указывает, что в некоторых «местных» диалектах «темный» означает «слепой». Однако он не ссылается на какую-либо конкретную местность, а единственный приводимый им пример этого значения есть именно «Василий Темный», который он толкует как «Василий Слепой»[178]. С другой стороны, в «Словаре древнерусского языка» Срезневского у этого слова не зафиксировано такого значения. Но в древнерусском языке существовал омоним с абсолютно другим значением: темный — производное от тьма (10 000)[179]. Командира десяти тысяч в монгольской армии по-русски называли «темником»; прилагательное, относящееся к служащему или князю, назначенному таким командиром — «темный». В поздний период Золотой Орды большинство темников были татарскими князьями, по-русски — *«темные князья»*. Принимая во внимание вышеназванные слухи о тайном соглашении между Василием и Улуг-Махмедом, наиболее вероятным кажется, что для того, чтобы высмеять Василия, соперники прозвали его *«темным князем»*, подразумевая, что он стал простым вассальным князем хана и военачальником татарской армии. Отсюда Василий Темный (а не Тёмный).

В феврале 1446 года Василий II решил совершить паломничество в Троицкий монастырь. Заговорщики использовали его отсутствие в Москве для переворота. 12 февраля Дмитрий Шемяка и Иван Можайский подошли к Москве; ворота открыла их «пятая колонна» внутри города, и они вошли без сопротивления. Они захватили двух великих княгинь, а также несколько бояр и великокняжескую казну. Дмитрия Шемяку объявили великим князем московским. Затем победители отправили с отрядом одного из бояр нового великого князя в Троицкий монастырь, чтобы схватить Василия II, что и было сделано без каких-либо затруднений. Верным слугам удалось, однако, переправить в безопасное место двух сыновей Василия Темного, Ивана (будущего великого князя Ивана III) и Юрия, шести и пяти лет соответственно. Они нашли покровителя в князе Иване Ряполовском, который бежал с ними в Муром.

Василия II тотчас доставили в Москву и 16 февраля ослепили

по приказу Шемяки и князя Можайского (в некоторых летописях в этой связи упоминается также имя великого князя Бориса Александровича Тверского). На этот раз Василию II вменялось в вину следующее: он непомерно любил татар; он жаловал им для кормления русские города; он одаривал их золотом и серебром; он ослепил князя Василия Косого[180]. Василия Темного с женой затем выслали в Углич; его мать — в Чухлому, отдаленный городок на север от Галича. Его бояре — по крайней мере те, кто оказался в Москве — перешли на сторону Дмитрия Шемяки. Два князя из окружения Василия, Василий Серпуховской (брат его жены) и Семен Оболенский, бежали в Литву. С другой стороны, некоторые *«дети боярские»*, группа родовитых людей на великокняжеской службе, от которой можно было ожидать большей верности Василию, чем от бояр, поклялись в лояльности Шемяке. Однако, как покажут дальнейшие события, они как группа оказались более готовыми оказать поддержку Василию, чем какой-либо другой социальный класс. Тогда же только один из них, Федор Басенок, открыто выступил против Шемяки. Его моментально схватили, но ему удалось бежать, и, собрав несколько других верных Василию детей боярских, он скрылся с ними в Литве, где присоединился к князю Василию Серпуховскому. Того хорошо принял король Казимир IV, который пожаловал ему для кормления Брянск и некоторые другие северские города.

Следующим шагом Дмитрия Шемяки было заполучить сыновей Василия Темного, княжичей Ивана и Юрия. Поскольку их опекун Ряполовский отказывался передавать детей, Шемяка попросил епископа рязанского Иону (будущего митрополита) выступить посредником, обещая под присягой не вредить мальчикам никоим образом. Под гарантию Ионы князь Ряполовский согласился позволить ему забрать княжичей в Москву. Сначала Шемяка принял их с добротой и развлекал за обедом. Два дня спустя, однако, отправил их в Углич под стражу вместе с родителями. Князь Ряполовский, естественно, возмутился до глубины души и вместе с князем Иваном Стрига-Оболенским начал собирать отряд бывших приближенных Василия, большинство из которых, по-видимому, оставались верными свергнутому великому князю. Они планировали напасть на гарнизон Шемяки в Угличе и освободить Василия II со всей великокняжеской семьей. Шемяка, од-

нако, вовремя получил от лазутчика информацию о заговоре и послал против князя Ряполовского войска. После нескольких стычек Ряполовский и Стрига-Оболенский бежали в Литву к князю Василию Серпуховскому, который в это время был в Мстиславле.

Тем временем епископ Иона продолжал укорять Дмитрия Шемяку за заточение сыновей Василия II вопреки своему обещанию. Наконец, Шемяка согласился освободить не только юных княжичей, но и их отца. Он лично отправился в Углич и объявил о своем желании пожаловать Василию II в удел город Вологду, если тот даст клятву признавать его великим князем. Клятва была должным образом оформлена, и Шемяка угощал своих бывших узников щедрым обедом. Через несколько дней Василий Темный с семьей выехал в Вологду.

Даже если Василий II и собирался держать свою клятву не выступать против Шемяки, он едва ли мог сделать это из-за давления своих сторонников. Как только стало известно, что Василий Темный на свободе, психологическая реакция против правления Шемяки стала очевидной везде. Бывшие бояре Василия II, вынужденные пойти на службу к Шемяке, теперь покинули его и потянулись в Тверь, чтобы подождать дальнейшего развития событий на нейтральной территории. Несколько боярских детей не стали отягощаться поисками нейтральной земли, а бежали из Москвы в монастырь Св. Кирилла на Белоозере, куда Василий паломником поехал из Вологды. Настоятель монастыря Трифон освободил Василия II от его клятвы Шемяке как от данной по принуждению. Бояре Василия Темного в Твери вступили в важные переговоры с великим князем Борисом Александровичем, который, в конце концов, согласился пригласить Василия II в Тверь для личной встречи, где они достигли дружеского взаимопонимания, и дочь Бориса Мария была обручена с сыном Василия Иваном.

В это время те сторонники Василия, которые присоединились в Мстиславле к князю Василию Серпуховскому, выступили на Москву. В Ельне (что на юго-востоке от Смоленска) они столкнулнсь с сильным отрядом татар, которых сначала приняли за врагов и были готовы вызвать на бой. Однако эти татары оказались друзьями. Их вели сыновья Улуг-Махмеда Касим и Якуб, которые, услышав о несчастьях Василия II, решили ему помочь[181]. Как мы видели, эти два джучидских князя бежали после убийства их

отца в землю черкесов (черкасов). Обычно считается, что это значит в землю черкесов на северном Кавказе, но если так, то было бы трудно объяснить, как князья оказались в Ельне, так далеко на запад от Москвы. Обычный путь с северного Кавказа в Москву проходил вверх по Дону через Рязанскую землю. Поэтому куда более вероятно, что Касим и Якуб нашли пристанище не среди черкесов на Северном Кавказе, а в районе Черкасс в бассейне среднего Днепра, где, как мы знаем, обычно встречались татары с украинцами и формировалось ядро будущих украинских казаков. При этом предположении появление двух князей в Ельне становится до конца понятным.

Две группы приверженцев Василия, русские и татары, теперь объединили силы и поспешили в Москву. В это время Дмитрий Шемяка и Иван Можайский сосредоточили армию в Волоколамске, откуда они могли контролировать дороги и на Москву, и на Тверь. Несмотря на это, одному из бояр Василия II, Михаилу Плещееву, удалось проникнуть в Москву с небольшим отрядом. Военачальники Шемяки в Москве или бежали, или попали в плен, а народ получил приказ присягать Василию II. Позиция Волоколамска теперь стала невыгодной, и Шемяка с Можайским спешно отступили в Галич. Василий II решил преследовать их и повел свои войска в Ярославль, где к нему присоединись татары Касима и Якуба. Его силы теперь настолько превосходили силы его противников, что он мог рассчитывать на их уступчивость и послал к Шемяке боярина Василия Кутузова переговорить об освобождении его матери, великой княгини Софии, тогда все еще содержащейся в Чухломе. Не дожидаясь результатов миссии Кутузова, Василий II 17 февраля 1447 года вернулся в Москву, практически ровно через год после того, как его там ослепили.

Находясь на пороге полного поражения, Шемяка освободил великую княгиню, и вместе с Можайским обратился к князю Василию Серпуховскому с просьбой о посредничестве между ними и Василием II. В начале июля 1447 года два мятежных князя и Василий Серпуховской заключили предварительное соглашение о перемирии. При поддержке последнего Шемяка и Можайский согласились подать прошение великому князю Василию II позволить каждому из них сохранить свою отчину (исключая, что Шемяка отдаст Звенигород). Они, в свою очередь, обещали возвра-

тить великокняжеские драгоценности и другие ценности, увезенные из Москвы. Они также обещали не преследовать или никоим образом не вредить вассалам Василия — царевичам Касиму и Якубу, другим татарским князьям и их воинам[182]. Два месяца спустя Василий II и князь Иван Можайский подписали официальный мирный договор. Последний обращался к великому князю как к своему господину и признал себя его «младшим братом» (то есть вассалом)[183]. Шемяка, однако, выиграв столь нужное ему время, не спешил сдаваться. Вместо этого он послал своих представителей в Новгород и Вятку, чтобы убедить эти два свободных города помочь ему против Василия II. Он даже отправил посла к Махмудеку, хану Казани, побуждая его разорвать отношения с Василием II.[184]

IV

После своего возвращения к власти Василий правил пятнадцать лет. Этот сравнительно короткий промежуток времени можно считать важным периодом в русской истории. В это время были заложены основы, и идеологические и материальные, Московского царства. Как мы видели, избрание митрополита Ионы Собором русских епископов (1448 год) ознаменовало образование национальной Русской церкви. В области политики была почти закончена консолидация Великого княжества Московского. Большая часть уделов потомков Ивана Калиты теперь находилась в руках великого князя. Старая столица, Владимир, опустилась до статуса провинциального города. За пределами собственно Московии Великое княжество Рязанское стало вассальным государством Москвы (1447 год), а свободы Новгорода Великого были существенно ограничены (в 1456 году). Внутри Московии боярская дума дискредитировала себя недостатком единства и решимости своих членов во время предыдущего кризиса и, с точки зрения истории, потеряла возможность (если таковая когда-либо существовала) ограничить власть великого князя в свою пользу. Также в этот период Восточная Русь фактически, если еще не формально, освободилась от татарского владычества. Хотя московское правительство продолжало признавать высшую власть хана в принципе, оно никоим образом не позволяло номинальному сюзерену вме-

шиваться во внутренние дела Руси. И несмотря на то, что дань все еще продолжали собирать, до хана доходили только символические взносы, да и те выплачивались нерегулярно, если выплачивались вообще. Часть дани теперь уходила татарским вассалам Василия, но это представляло собой плату за предоставленные услуги и, в этом смысле, не являлось разбазариванием денег. Основная часть собранной дани оставалась в великокняжеской казне и стала одним из главных источников дохода государства.

Совершенно очевидно, что к концу правления Василия Темного Московия была много сильнее, чем в его начале. Однако честь такого успеха в политике Московии вряд ли принадлежит ему лично. Напомним, что в первой части своего правления Василий II, даже когда он достиг совершеннолетия, хотя и проявил в нескольких случаях личное мужество и решительность (а так же жестокость), никогда не выказывал особых способностей государственного деятеля или полководца. Во второй части своего правления его ограничивала слепота. Конструктивные достижения последней части его правления объясняются твердой поддержкой со стороны церкви, «служилых князей»[185], детей боярских и «верных» татар. Для судеб Москвы было счастьем, что в это время в разных группах сторонников Василия обнаружилось несколько одаренных государственных деятелей и военачальников. Истинно выдающимися среди них были глава русской церкви митрополит Иона, мудрый и деликатный старец, шурин великого князя Василий Серпуховской (которому Василий II отплатил черной неблагодарностью), князь литовского происхождения Иван Патрикеев (сын князя Юрия Патрикеевича); два князя из дома Рюрика на службе у Василия II — Василий Оболенский и его сын Иван Стрига-Оболенский; боярский сын Федор Басенок. Необходимо заметить, что, хотя члены нескольких боярских семей, таких как Кошкины, Кутузовы и Плещеевы, и обрели к концу правления Василия значительное влияние на государственные дела, никто из них в тот период не кажется равным по способностям упомянутым выше представителям других групп, исключая, возможно, Константина Беззубцева, внука Федора Кошки.

После возвращения Василия II к власти перед его администрацией стояли две первоочередных задачи: подавление возрождающегося сопротивления Шемяки и защита Московии от нападений

татарских орд. Чтобы успешно справиться с этими задачами, для Москвы было важно исключить любую возможность появления «третьего фронта» на западе. Поэтому одним из первых шагов правительства было организовать заключение с Литвой пакта о ненападении. Почву для подобного соглашения подготовило одобрение королем Казимиром IV кандидатуры Ионы на митрополичью кафедру. Иона, по-видимому, тоже принимал участие в последующих политических переговорах. Московско-литовский договор о дружбе и ненападении был подписан 31 августа 1449 года. Согласно его условиям великий князь Василий II и король Казимир IV дали клятву жить между собой в мире и не поддерживать врагов друг друга. В частности, Казимир обещал не помогать Шемяке, а Василий не давать убежища Михаилу (сыну Сигизмунда). Каждый правитель должен был способствовать другому в его борьбе против татар. Кроме того, было согласовано, что Великое княжество Тверское находится в сфере влияния Литвы[186]; великий князь Борис Александрович Тверской подписал соответственно специальный договор с королем Казимиром IV[187].

Особые условия московско-литовского договора скрупулезно не соблюдала ни одна из сторон, или, по меньшей мере, соблюдала недолго. В 1450 году в Москве дали пристанище Михаилу. (Его отравили в следующем году, очевидно, литовские агенты.) Четыре года спустя Казимир принял и пожаловал землями бывшего соратника Шемяки, князя Ивана Можайского, Москва посчиталась, пытаясь отторгнуть от Литвы Тверь, и примерно в 1456 году Василий II и Борис Тверской заключили договор о дружбе. Несмотря на эти взаимные нарушения, московско-литовский договор достиг своей главной цели, обезопасив Московию от нападения с запада в критический период ее истории. В целом, отношения между Василием II и Казимиром IV оставались дружескими до конца жизни Василия, и в своем завещании великий князь московский сделал «своего брата» короля Польши опекуном своей вдовы и сыновей.

С Шемякой московское правительство решило сначала попытаться действовать убеждением, а потом уже прибегать к силе оружия. 29 декабря 1447 года пять русских епископов, включая назначенного митрополитом Иону, подписали обращение к Шемяке с настоятельной просьбой прекратить междоусобную войну

и признать Василия II великим князем. Шемяка в своем послании новгородцам еще раз обвинил Василия в том, что он позволяет татарам управлять в нескольких русских городах. Епископы отвечали, что Шемяка сам несет ответственность за присутствие татар на русской земле, поскольку Василий II не может избавиться от них, пока на Руси идет замятня. Они гарантировали, что практика пожалования татарам русских городов для кормления будет прекращена, и татары поселятся на пределами Руси, как только Шемяка присягнет Василию[188].

Обращение епископов принесло результаты. Не будучи пока готов к войне, Шемяка торжественно поклялся признать себя вассалом Василия Темного и никогда не восставать против него. Почувствовав себя готовым продолжать борьбу, он тут же нарушил свое слово. В 1449 году он напал на Кострому, но потерпел поражение от московских войск под командованием князя Ивана Стриги-Оболенского и Федора Басенка. Через год Василий II послал на Галич сильную армию во главе с князем Василием Оболенским, которого поддерживали царевичи Касим и Якуб со своими татарами. Войска Шемяки были разбиты, а он сам бежал в Новгород. Однако даже тогда он не отступился и зимой 1451-1452 годов, собрав новую армию (увеличенную, без сомнения, новгородскими и вятскими добровольцами), осадил Устюг, важный торговый центр Северной Руси. Туда немедленно были посланы большие московские силы под командованием князя Василия Серпуховского, князя Семена Оболенского и Федора Басенка. В походе также принимал участие царевич Якуб. Еще раз Шемяка бежал в Новгород. В следующем году его отравили по приказу Москвы. Когда Василий II узнал о его смерти, он *«изъявил нескромную радость»*, как комментирует Карамзин[189]. Испугавшись, что ему уготована та же судьба, бывший соратник Шемяки, князь Иван Можайский, бежал в Литву (1454 год). Его удел, как и удел Шемяки, отошел к Москве. Возбудив свой аппетит этими приобретениями, Василий Темный теперь ждал предлога, чтобы захватить также Серпухов и Боровск. Эти города составляли удел его шурина Василия. В июле 1456 года тот был схвачен и заключен в угличскую тюрьму. Его обвинили в измене, но никаких особых доказательств вины никогда не было предъявлено[190]. Он умер в тюрьме в 1483 году.

Поддержка, оказанная Шемяке Новгородом и Вяткой, вызвала

ярость москвичей, и отношения между Василием II и двумя свободными городами обострились. В 1456 году Василий Темный объявил поход на Новгород. Московские войска под командованием князя Ивана Стриги-Оболенского и Федора Басенка штурмом, встретив лишь слабое сопротивление, взяли богатый город Старая Русса. Затем они разбили новгородскую армию, посланную для освобождения Руссы. Новгород запросил мира, который был предоставлен за 8 500 рублей отступного. Что еще хуже, Новгород был вынужден согласиться на суровые ограничения своих свобод. Два года спустя Василий II послал подразделение войск против Вятки, но этот поход провалился. Во время другой кампании против Вятской земли в 1460 году москвичи захватили два города и заставили жителей присягнуть великому князю.

Возвращаясь к татарским делам, напомним, что после убийства хана Улуг-Махмеда его сыном Махмудеком несколько татарских князей — военачальников орды Улуг-Махмеда перешли к хану Саид-Ахмаду, который контролировал Крым и степи на восток от Днепра. Московское правительство тоже признало Саид-Ахмада и сразу выплатило ему текущую часть дани[191]. Эта акция вызвала гнев Махмудека, который считал, что именно ему полагается получать дань с Руси после смерти отца. В ноябре 1447 года он послал на Московию сильную армию, но ее отбили. Вскоре отношения между Москвой и Саид-Ахмадом тоже обострились. Как мы видели, Саид-Ахмад в это время поддерживал Михаила в его притязаниях на литовский трон против Казимира IV. Казимир IV отплатил той же монетой, поддержав соперничающего джучидского князя, Хаджи-Гирея (он жил в Литве с 1428 года). В 1449 году Хаджи-Гирей захватил Крым и твердо закрепился там, основав Гирейскую династию, которая правила до конца восемнадцатого века[192].

Из-за сближения в этом году Литвы с Москвой, московское правительство теперь чувствовало, что может позволить себе более независимое отношение к Саид-Ахмаду. Выплаты дани, очевидно, были прекращены. Во всяком случае, Саид-Ахмад нашел необходимым послать на Москву подразделение своих мобильных войск. Эти силы дошли до берегов реки Пахра (примерно тридцать километров на юго-запад от Москвы), опустошая страну на своем пути и захватывая пленников (в их числе была и княгиня Оболенская — жена Василия Оболенского). Однако царевич Ка-

сим со своим войском (базировавшимся в это время в Звенигороде) быстро разбил захватчиков, освободил пленников и вернул награбленное (1449 год). В следующем году до Москвы дошли известия, что другая татарская армия, под предводительством князя Мелим-Берди, приближается к Рязанской земле с юга. Эта группа, по-видимому, принадлежала к орде Кучук-Махмеда, сосредоточенной вокруг Сарая. Чтобы остановить Мелик-Берди, Василий II послал глубоко в степь русско-татарскую армию под командованием боярина Константина Беззубцева и царевича Касима. Две армии встретились на берегах реки Битюг (восточный приток Дона). Войска Мелик-Берди потерпели поражение, и их остатки бежали на юг.

В 1451 году над самой Москвой нависла угроза орды Саид-Ахмада. При известии о ее приближении Василий II решил идти на север в район верхней Волги добрать войска. Он со старшим сыном Иваном (тогда одиннадцати лет) отправился в Кимры; жену с младшими детьми он отправил дальше вниз по Волге, в Углич. В Москве Василий оставил мать со вторым сыном Юрием, митрополита Иону, много бояр и детей боярских. Московский гарнизон был хорошо оснащен артиллерией и ручными ружьями. Татары подошли к Москве 2 июля и подожгли дома в пригороде за городскими стенами; попытка штурмовать крепость была отбита. Сражение продолжалось до вечера, а ночью татары поспешно отступили. На следующее утро их не было, к удивлению и радости москвичей, которые приписали их панику чудесному заступничеству Богородицы[193].

V

Мы видели, что в 1447 году пять русских епископов торжественно пообещали, что по окончании сопротивления Шемяки, верноподданные татары будут удалены из русских городов, предоставленных им для кормления. С уходом Шемяки из Устюга, в начале 1452 года, междоусобная война определенно завершилась, и настало время выполнять обещание. Один из епископов, Иона, стал теперь главой Русской церкви и, можно сказать, духовным лидером московского правительства. Иона был совестлив и честен, и мы можем быть уверены, что он настойчиво побуждал Василия

Темного положить конец пребыванию верных татар на Руси. Жители городов, подчиненных этим татарам, со своей стороны, безусловно, напоминали правительству об обещании епископов.

Высшие чиновники администрации Василия II, несомненно, подвергли эту проблему серьезному рассмотрению. Как только в принципе было решено, что татары должны жить за пределами Руси, встал вопрос, где их поселить. К этой проблеме подошли преимущественно со стратегической точки зрения. Хотя все татарские набеги в предыдущие годы удалось отразить, они были достаточно болезненными, и необходимо было найти средство затруднить татарам проникновение в глубь Руси. Лучшим решением казалось создать сеть передовых постов по южной границе Руси достаточно близко к контролируемым татарами степям так, чтобы русские военачальники могли и наблюдать за передвижениями татар и отражать их набеги. Как нам известно, в это время существовало три татарских орды, представляющих постоянную угрозу Руси: Казанское ханство, Сарайское и Днепровское. (Четвертое, Крымское, пока не составляло опасности для Москвы). Мы не знаем, какие меры в это время были приняты для усиления передовой защиты от Днепровской орды Саид-Ахмада, если таковые вообще были. Для отражения нападений Казанской и Сарайской орд в качестве места главного передового поста был избран Городец-на-Оке. И теперь две проблемы, удаление верных татар и усиление степной системы обороны, оказались связанными: было решено укомплектовать этими татарами главный передовой пост на юго-востоке. Царевич Касим — который, как мы помним, вероятно, мог считать Городец в некотором смысле своей отчиной — согласился возглавить эту группу. Таким образом, в конце 1452 года или в начале 1453 возникло новое татарское ханство под покровительством Москвы — ханство царевича Касима. Позже, после смерти Касима, Городец в его честь переименовали в Касимов (1471 год), и ханство (или царство, как называли его русские) тоже стал известно под этим именем[194]. Хотя Городец являлся древним русским городом, к середине пятнадцатого столетия русских там оставалось совсем немного. Окрестные земли населяли преимущественно мещеры и мордва, оба племени финского происхождения. Таким образом, никаких протестов по поводу образования нового ханства со стороны русских не ожидалось.

На самом деле, создание Касимовского царства удовлетворило и верных татар, и русских; внутри Руси оно ликвидировало главную причину оппозиции режиму Василия II и, безусловно, усилило русскую систему обороны против степных татар. Но оно имело даже более важное значение. Оно сразу же повысило престиж Москвы в татарском мире и психологически облегчило всевозрастающему числу внешних татар переход на службу к великому князю, и индивидуально, и группами. Более того, казанский хан приходился Касиму братом, и существовала возможность, что Касим, в конце концов, сможет заявить свои права на казанское ханство.

Информация о внутренней организации Касимовского царства в этот период скупа. Из более позднего документа, договора Ивана III с великим князем рязанским от 1483 года, мы знаем, что под властью Касима находилось несколько татарских князей; из административных чиновников упоминаются *казначеи* и *дороги* (инспектора мер и весов). Они собирали дань (*ясак*) и другие налоги (*оброки и пошлины*) с подданных царевича и мордовцев. Великий князь Рязанский, со своей стороны, был обязан ежегодно выплачивать Касиму определенную сумму. Все недоразумения между ними должны были выноситься на рассмотрение великого князя московского[195].

Создание вассального джучидского ханства под властью великого князя московского ознаменовало окончание эры монгольского владычества над Русью и начало новой эпохи — эпохи, когда Русь заявила себя лидером Евразийского мира. Монгольское иго было сброшено. На смертном одре Василий II, не колеблясь, завещал «свою отчину», Великое княжество Московское, старшему сыну без всяких ссылок на ханские прерогативы. Этому сыну, Ивану III, было оставлено формально объявить об освобождении Руси от остатков Золотой Орды, что он и сделал в 1480 году.

Глава V

ВЛИЯНИЕ МОНГОЛОВ НА РУСЬ

1. Предварительные замечания

I

Проблема роли монголов в русской истории обсуждалась многими историками в течение последних двух столетий, однако согласие не было достигнуто[1]. Из историков старшего поколения большое значение монгольскому воздействию на Русь придавали Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров и Ф.И. Леонтович. Карамзин является автором фразы: *«Москва обязана своим величием ханам»*; он также отметил пресечение политических свобод и ожесточение нравов, которые он считал результатом монгольского гнета[2]. Костомаров подчеркнул роль ханских ярлыков в укреплении власти московского великого князя внутри своего государства[3]. Леонтович провел специальное исследование ойратских (калмыцких) сводов законов, чтобы продемонстрировать влияние монгольского права на русское[4]. Напротив, С.М. Соловьев отрицал важность монгольского влияния на внутреннее развитие Руси и в своей «Истории Руси» практически проигнорировал монгольский элемент, кроме его разрушительных аспектов — набегов и войн. Хотя и упомянув кратко о зависимости русских князей от ханских ярлыков и сбора налогов, Соловьев высказал мнение, что *«у нас нет причины признавать сколько-нибудь значительное влияние (монголов) на (русскую) внутреннюю администрацию, поскольку мы не видим никаких его следов»*[5]. Бывший ученик Соловьева и

его преемник на кафедре русской истории Московского университета В.О. Ключевский сделал небольшие общие замечания о важности политики ханов в объединении Руси, но в других отношениях мало уделил внимания монголам[6]. Среди историков русского права и государства идеям Соловьева следовал М.А. Дьяконов, хотя он выражал свои взгляды более осторожно[7]. М.Ф. Владимирский-Буданов допускал лишь незначительное влияние монгольского права на русское[8]. С другой стороны, В.И. Сергеевич следовал аргументации Костомарова, как и, в определенной степени, П.Н. Милюков[9].

Четверть века назад роль монголов в русской истории еще раз рассмотрел филолог князь Николай Трубецкой[10]; он пришел к выводу, что истоки московского государства невозможно правильно понять, не принимая во внимание политические и нравственные принципы, на которых была построена Монгольская империя. Е. Хара-Даван, автор глубокой биографии Чингисхана, сделал точку зрения Трубецкого даже более категоричной[11]. С другой стороны, В.А. Рязановский и Б.Д. Греков вернулись к позиции Соловьева. В.А. Рязановский, как и Леонтович, тщательно исследовал монгольское право, но свел к минимуму его значение для Руси[12]. Греков сформулировал свою точку зрения следующим образом: *«Русское государство во главе с Москвой было создано не при помощи татар, а в процессе тяжелой борьбы русского народа против ига Золотой Орды»*[13]. Очевидно мы имеем здесь несколько иной аспект этой проблемы. Логически можно отрицать какое-либо позитивное влияние монгольских институтов на русские и, тем не менее, признавать значительность монгольского воздействия на развитие Руси, даже если оно было чисто негативным.

Проблема монгольского влияния на Русь, безусловно, многокомпонентна. Мы сталкиваемся здесь скорее с комплексом важных проблем, чем только с одним вопросом. Прежде всего мы должны рассмотреть непосредственный эффект монгольского нашествия — настоящее уничтожение городов и населения; затем последствия сознательной политики монгольских правителей для различных аспектов русской жизни. Кроме того, определенные важные изменения на Руси являлись непредвиденными результатами того или другого поворота в монгольской политике. Так, неспособность ханов остановить польские и литовские наступления, безусловно, была фактором разделения Восточной и Западной Руси. Далее, влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения пос-

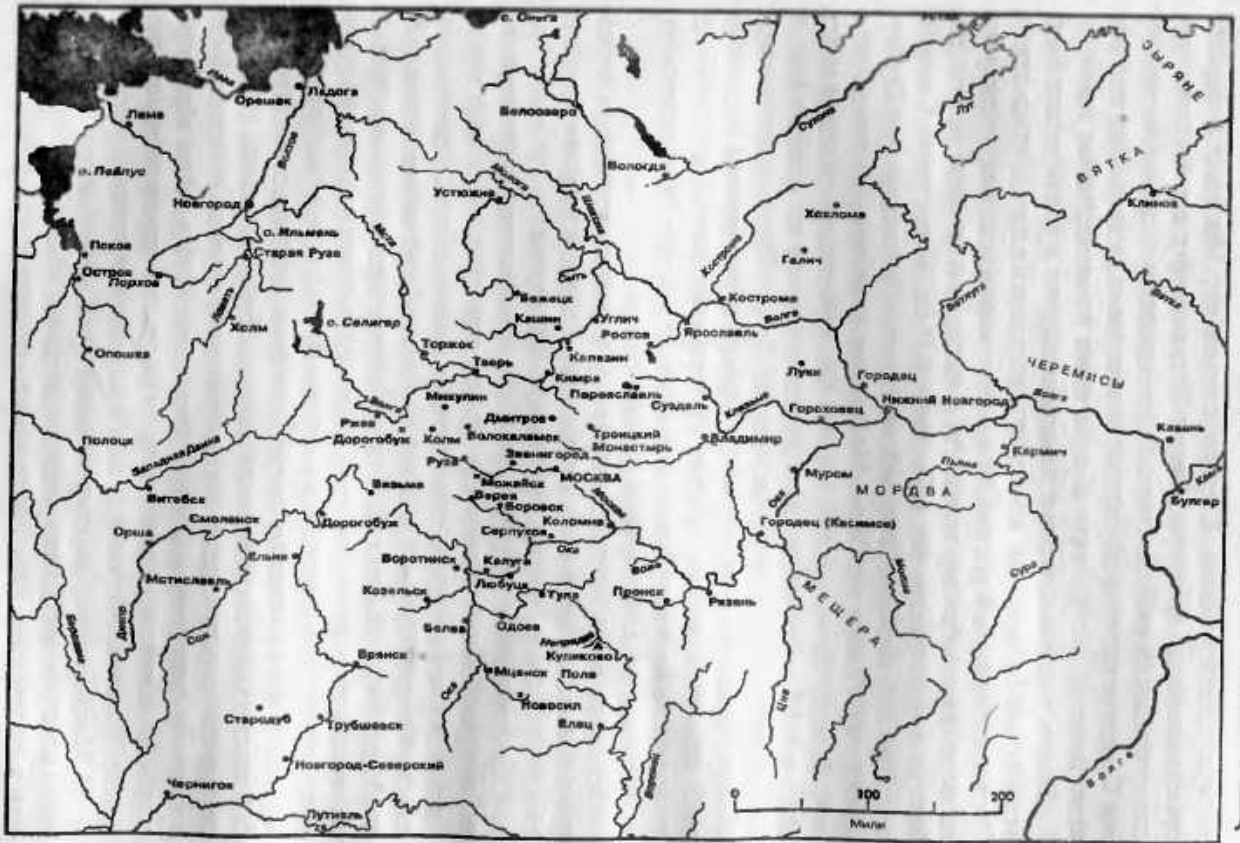
ледней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия. Более того, в некоторых отношениях прямое татарское влияние на русскую жизнь скорее возросло, чем уменьшилось, после освобождения Руси. Именно после падения Золотой Орды сонмы татар пошли на службу к московским правителям. И наконец, татарская угроза не исчезла с освобождением от Золотой Орды при Иване III . Еще почти три столетия Русь вынуждена была каждый год отправлять значительную часть своей армии на южную и юго-восточную границы; это отразилось на всей политической и социальной системе Московии.

II

Удобный метод измерения степени монгольского воздействия на Русь — сравнение русского государства и общества домонгольского периода и постмонгольской эры, а, в частности, сравнение духа и институтов Московской Руси и Руси Киевского периода.

Напомним, что политическая жизнь русской федерации киевского периода строилась на свободе. Три элемента власти — монархический, аристократический и демократический — уравновешивали друг друга, и народ имел голос в правительстве по всей стране[14]. Даже в Суздальской земле, где монархический элемент был наиболее сильным и бояре и городское собрание, или вече, имели право слова в делах. Типичный князь киевского периода, даже великий князь суздальский, был просто главой исполнительной ветви правительства, а не самодержцем.

Картина полностью изменилась после монгольского периода. Прежде всего, в шестнадцатом и начале семнадцатого веков вместо панрусской федерации, все члены которой имели сходные конституции, мы находим резкое разделение между Восточной Русью (Московией) и Западной Русью (включенной в Польско-Литовское Содружество); кроме того, на южных окраинах каждой из двух частей Руси появились военные государства нового типа — казачьи поселения. Они представляли собой древнюю русскую демократическую традицию, хотя теперь она приняла специфическую форму, форму военных братств. Аристократический элемент власти в Западной Руси не только сохранился, но даже усилился под влиянием Польши и стал основой политической жизни Западной Руси (Украины и Белоруссии). В Восточной же Руси поддерживался и развился до высокого уровня



5. Восточная Россия в V столетии

монархический элемент. Сказать, однако, что Московское царство просто следовало традиции Андрея Боголюбского и некоторых других суздальских князей, означало бы недооценить значение перемены. Со всеми их монархическими тенденциями суздальским князьям никогда не удавалось стать абсолютными правителями их земли.

Власть московского царя, и идеологическая и фактическая, была неизмеримо больше, чем власть его суздальских предшественников. Хотя шестнадцатый век наблюдал рост монархических институтов по всему европейскому континенту, нигде этот процесс не шел так быстро и так глубоко, как в Восточной Руси. Когда посол Священной Римской империи, австрийский барон Сигизмунд фон Герберштейн, в 1517 году прибыл в Москву, он почувствовал, что попал в другой мир в политическом смысле. Он отметил, что великий князь Василий III превосходил всех других монархов по степени власти над своими подданными[15]. Англичанин Джилс Флетчер, посетивший Москву через семьдесят лет после Герберштейна, пришел к заключению, что *«государство и форма его правления чисто тираническая, поскольку во всем исходит из интересов князя, при этом в совершенно откровенной и варварской манере»*[16].

Не менее резок контраст между до— и постмонгольскими периодами в области социальных отношений. Самые основы московского общества были не такими, как в киевский период.

Общество Киевской Руси можно, с определенными оговорками, назвать свободным обществом. Рабы существовали, но они считались отдельной группой, не входящей в состав нации. Ситуация была сходной с положением в древней Греции: рабство сосуществовало со свободой большей части общества. Правительство функционировало на основе сотрудничества свободных социальных классов: бояр, горожан и *«людей»* в сельских районах. Правда, существовала группа крестьян, так называемые *смерды*, которая находилась в сфере особой княжеской юрисдикции, но даже они были вольными. Была также группа полусвободных (так называемые *закупы*), чье положение в конце концов стало сходным с положением рабов, но их обращение в рабство являлось результатом долгов, то есть нерегулируемого взаимодействия экономических сил, а не действия правительства[17].

В Московском царстве шестнадцатого и семнадцатого веков мы обнаруживаем абсолютно новую концепцию общества и его отношения к государству. Все классы нации, от высших до низших, исклю-

чая рабов, были прикреплены к государственной службе. Достаточно странно, что рабы были единственной группой, освобожденной от правительственной регламентации. Эту московскую систему всеобщей государственной повинности Кирилл Зайцев метко назвал *крепостной устав* (закон об обязательной службе)[18]. И бывшие удельные князья, и бояре теперь становились постоянными слугами царя, как и более низкие слои, такие, как *дети боярские* и *дворяне* (придворные). Попытки сопротивления новому порядку со стороны князей и бояр сокрушил царь Иван IV во времена террора *опричнины*[19]. Через институт военных *поместий* цари контролировали и земельные владения служилых людей, и армию. Необходимость обеспечения поместий рабочей силой привела к установлению крепостного права, сначала только временного (1581 год). Это крепостное право крестьян было сделано постоянным и узаконено «Уложением» (Сводом законов) в 1649 году. Именно по статьям этого Уложения и городские жители (*посадские люди*) были в конце концов организованы во многочисленные закрытые общины, все члены которых были связаны круговой порукой по выплате налогов и исполнению специальных повинностей, наложенных на них. И вольные крестьяне на государственных землях, и крепостные, а также горожане считались низшим классом царских подданных, свободным от воинской или придворной службы, но обязанным платить тяжелые налоги и, в некоторых случаях выполнять обязательные работы (*тягло*). Таким образом, появилось различие между *служилыми людьми* (людьми, несущими «службу» в прямом смысле военной или придворной службы) и *тяглыми людьми* (людьми, несущими тягло). «Служба» (в вышеозначенном смысле) стала в конце концов характеристикой человека благородного происхождения, а «тягло» — простолюдина. Это различие превратилось в основную черту социального строя Московского царства в семнадцатом веке и приняло даже более острые формы в Санкт-Петербургской империи восемнадцатого столетия.

Из этого краткого сравнительного анализа характерных черт государства и общества Киевской и Московской Руси становится ясно, что пропасть между этими двумя режимами была поистине бездонной. Совершенно очевидно, что такая перемена не могла произойти за одну ночь. В самом деле, процесс трансформации свободного общества в общество обязательной повинности начался во время монгольского периода и продолжался до середины семнадцатого века.

Вопрос, который нам теперь необходимо обсудить, — роль в этом процессе монголов. Чтобы выяснить это, мы должны кратко рассмотреть изменения, которые произошли в русской национальной экономике, политике и социальной организации за монгольский период.

2. Воздействие монгольского завоевания на русскую национальную экономику

I

Массовое разграбление и уничтожение собственности и жизни на Руси во время монгольского нашествия 1237-1240 годов было ошеломляющим ударом, который оглушил русский народ и на время нарушил нормальное течение экономической и политической жизни. Трудно точно оценить потери русских, но, вне всяких сомнений, они были колоссальны, и, если мы включим в это число огромные толпы людей, и мужчин и женщин, уведенных монголами в рабство, они вряд ли составляли меньше 10 процентов от общего населения.

Больше всего в этой катастрофе пострадали города. Такие старые центры русской цивилизации, как Киев, Чернигов, Переславль, Рязань, Суздаль и несколько более молодой Владимир-Суздальский, а также некоторые другие города, были полностью разрушены, а первые три из перечисленных потеряли свое былое значение на несколько столетий. Только немногие важные города в Западной и Северной Руси, такие, как Смоленск, Новгород, Псков и Галич, избежали разорения в это время. Монгольская политика забирать искусных мастеров и квалифицированных ремесленников на службу к хану накладывала новое бремя даже на те города, которые не постигло физическое разрушение в первый период завоевания. К великому хану посылалась квота лучших русских ювелиров и ремесленников. Как мы видели, монах Иоанн де Плано Карпини встретил одного из них, золотых дел мастера Кузьму, в лагере Гуюка. Многие другие отправлялись к хану Золотой Орды для личных нужд, а также на строительство и украшение его столицы — Сарая. Ремесленники разного рода — кузнецы, оружейники, шорники и так далее — поступали также в распоряжение членов дома Джучи, а также высших военa-

чальников монгольских армий в Южной Руси.

Рассредоточение русских мастеров-ремесленников в монгольском мире сильно истощило на время источник опыта собственно Руси и не могло не прервать развития производственных традиций[20]. С закрытием в Киеве в 1240 году мастерских по изготовлению эмалей и убийством или пленением их мастеров исчезло и русское искусство перегородчатой эмали, достигшее в Киевской Руси столь высокого уровня. В течение четырнадцатого столетия было импортировано несколько лиможских эмалей, и в конце века в Москве делали выемчатую эмаль; в шестнадцатом веке московские мастера начали производить перегородчатые эмали, но они довольно грубы и не выдерживают никакого сравнения с киевскими изделиями[21]. Производство скани остановилось почти на столетие, после чего возобновилось под влиянием центральноазиатских образцов[22]. Из Центральной Азии в Москву привозили произведения ювелирного искусства, такие, как Шапка Мономаха[23], некоторым русским мастерам, работавшим с драгоценностями в Сарае (а, возможно, и в Ургенче), удалось вернуться на Русь в середине четырнадцатого века; когда позже Тимур разрушил и Сарай, и Ургенч, великий князь московский, судя по всему, пригласил к себе нескольких мастеров хорезмской школы, которым посчастливилось пережить эту катастрофу.

Техника чернения тоже вышла из употребления после монгольского нашествия и снова стала популярной только в шестнадцатом веке. Также нет свидетельств о производстве на Руси в конце тринадцатого и в четырнадцатом веках глазированной полихромной керамики, включая декоративные изразцы. Ее образцы вновь появляются в пятнадцатом столетии. Производство стеклянных браслетов, как и стеклянных, сердоликовых и бронзовых бус, а также некоторых других украшений тоже было полностью прекращено[24].

Другой серьезной утратой вследствие монгольского завоевания было искусство резьбы по камню. Последний шедевр этого рода — каменные рельефы на Георгиевском соборе Юрьева-Польского в Суздальской земле, которые были закончены незадолго до нападения монголов[25]. Вообще, строительные ремесла в Восточной Руси претерпели значительный регресс. Каменных зданий в первое столетие монгольского владычества было возведено меньше, чем за предыдущий век, а качество работ заметно ухудшилось.

Монгольское нашествие и политика монголов в отношении ремес-

ленников также сильно подорвали русское промышленное производство в целом. Даже Новгород был сначала затронут, но он быстро восстановился; там промышленная депрессия продолжалась примерно полвека. На большей же части Восточной Руси депрессия продолжалась целое столетие. Только в середине четырнадцатого века, когда контроль монголов над Русью значительно ослабел, стало заметно возрождение некоторых отраслей производства, особенно металлургии. В течение пятнадцатого века большинство городских ремесел быстро прогрессировало[26]. Не только Тверь и Москва, но и меньшие по размерам города, такие, как Звенигород, превратились в оживленные ремесленные центры[27].

Исчезновение городских ремесел в первый век монгольского господства проделало на время серьезную брешь в удовлетворении потребительского спроса. Сельские жители вынуждены были зависеть от того, что они могли произвести дома. Князья, бояре и монастыри не имели альтернативы развитию ремесел в собственных имениях. Они старались обучать своих рабов или арендаторов и привлекать квалифицированных мастеров в свои поместья для работы на них. Как мы знаем, жители церковных владений освобождались монголами от налогов и других сборов. Хотя княжеские поместья не имели подобных льгот, князь, если он был в хороших отношениях с ханом, часто мог договориться, даже в первые трудные десятилетия монгольского завоевания, что по меньшей мере некоторых из ремесленников в его владениях не будут призывать на ханскую службу. В конце концов князья и бояре сумели освободить некоторых из захваченных мастеров; а нескольким другим удалось бежать от монголов и вернуться на Русь. Таким образом, совсем немного кузнецов, гончаров, плотников, сапожников и портных жили в княжеских и церковных поместьях. Когда великокняжеский манор превращался в большой город, как в случае с Москвой, эти ремесленники и многие другие продолжали работать для великокняжеского дворца, а не на рынок. Этот рост манориальных ремесел являлся характерной чертой русской экономики четырнадцатого-шестнадцатого веков.

II

Сельское хозяйство было меньше затронуто монгольским нашествием, чем промышленные ремесла. В тех частях Южной Руси,

которые находились под непосредственным контролем монголов, те сами поощряли возделывание зерновых, таких, как просо и пшеница, для нужд своей армии и администрации[28]. В других частях Руси именно сельское население выплачивало основную часть дани, собираемой монголами или для монголов, поэтому они не были заинтересованы в снижении продуктивности сельского хозяйства. Та же ситуация была и в отношении охотничьего промысла и рыболовства. Выплавка железа и добыча соли (выпариванием) также не уменьшились, особенно поскольку большая часть поверхностных залежей железной руды (а в монгольский период на Руси разрабатывались только такие) и солеварен находились на новгородской территории; в северной части Великого княжества Владимирского они также располагались за пределами непосредственной досягаемости монголов.

Устойчивый рост сельского хозяйства в Восточной Руси в монгольский период привел к превращению его в главную отрасль национальной экономики. Развитие сельского хозяйства в центральной и северной частях страны являлось одним из следствий миграции населения в первый период монгольского господства в районы, казавшиеся наиболее безопасными от набегов, такие, как окрестности Москвы и Твери. Также быстро заселялись северо-восточные части Великого княжества Владимирского, преимущественно районы Костромы и Галича. С ростом населения все больше и больше лесов расчищались под пашню. В то время как на вновь расчищенных землях применялась техника *подсеки*[29], в центральных районах превалировала трехпольная система севооборота[30]. В этот период в Восточной Руси и Новгороде использовали три основных вида плуга: тяжелый плуг, усовершенствованную соху (деревянная соха с железным плужным лемехом) и легкую деревянную соху. «Плуг», по-видимому, использовался нечасто; легкая соха (которую тянула одна лошадь) была типичной для северных лесных районов. Вокруг Москвы усовершенствованная соха (ею пахали на трех лошадях), судя по всему, являлась стандартным орудием. Не так давно историк П.П. Смирнов высказал предположение, что во время правления Ивана I Калиты был изобретен совершенно новый тип сохи, давший большой толчок сельскому хозяйству Московии. Смирнов даже полагает, что это изобретение являлось одной из главных причин подъема Московского государства[31]. Теория остроумна, однако

нет достаточных свидетельств, ее подтверждающих[32].

Разведение лошадей и крупного рогатого скота имело лишь ограниченное значение в сельской экономике Восточной Руси, а методы ухода за скотом в целом оставались примитивными. Князья, однако, и особенно великие князья московские, были заинтересованы в выращивании скота и, в частности, лошадей. Смотритель конюшен (конюший), как мы знаем, являлся важным чиновником в великокняжеской администрации. В завещаниях великих князей московских часто упоминаются жеребцы, табуны кобыл, верховые и ездовые лошади[33]. Очевидно разведение лошадей было важной отраслью великокняжеского хозяйства. Великий князь нуждался в лошадях, прежде всего, для создания конных подразделений своей армии.

Теперь рассмотрим развитие торговли на Руси во время монгольского периода. Как мы знаем, контроль над торговыми путями был важным аспектом монгольской политики, а международная торговля являлась одной из основ Монгольской империи, так же как и Золотой Орды. Золотоордынские ханы, и особенно Менгу-Тимур, много делали для развития торговли и с Новгородом, и с итальянскими колониями в Крыму и на Азове. Региональные монгольские правители тоже покровительствовали торговле, как видно из истории Баскака Ахмада[34].

Отсюда можно было бы ожидать, что монгольское господство будет благоприятствовать развитию русской торговли. В целом так и было, но не весь период. В первые сто лет монгольского владычества русская внутренняя торговля сильно уменьшилась из-за разрушения городских ремесел, а вследствие этого — неспособности городов удовлетворять потребности сельских жителей. Что же касается внешней торговли, то во время правления Берке ее монополизировала могущественная корпорация мусульманских купцов центрально-азиатского происхождения. Только при Менгу-Тимуре русские купцы получили шанс — и они знали как его использовать. Как уже отмечалось, при Узбеке (1314-1341) в Сарае существовала большая русская колония, и купцы, несомненно, составляли ее ядро. Из рассказа о казни великого князя Михаила Тверского в лагере Узбека на Северном Кавказе известно, что там в это время жило какое-то количество русских купцов. По рассказу, они хотели положить тело Михаила в ближайшей церкви, но монголы не позволили им

этого сделать[35]. Как мы знаем из описания похода Тохтамыша (1382 год), к этому времени русские контролировали судоходство на Волге. Русские летописи того периода демонстрируют хорошее знание географии Золотой Орды и по разным поводам упоминают не только Сарай, но и другие торговые центры, такие, как Ургенч и Астрахань. Информацию о них, несомненно, поставляли купцы.

Русские также были хорошо знакомы с итальянскими колониями в Азовском регионе и в Крыму. Действительно, именно с городом Сурож русские купцы того периода вели самые выгодные дела. Эта группа стала известна как сурожане («торговцы с Сурожем»). Сурожане впервые упоминаются в Волынской летописи по случаю смерти князя Владимира, сына Василько, в городе Владимире-Волынском в 1288 году. Летописец повествует, что о его смерти сожалели не только родственники князя и жители Владимира, но и купцы, жившие тогда в городе, — немцы, сурожане, новгородцы и евреи[36]. В четырнадцатом веке сурожане играли важную роль в московской торговле. Фактически большая часть московских *гостей* — так называли членов высшего слоя московского купеческого класса[37] — были сурожанами[38].

Благодаря свободной торговой политике Менгу-Тимура и его преемников русская торговля с Западом за монгольский период тоже расширилась. Новгород поддерживал оживленную и выгодную торговлю с Ганзеей. Москва и Тверь торговали с Новгородом и Псковом, а также с Литвой и Польшей, а через них с Богемией и Германией. Поскольку главным предметом импорта на Русь с Запада являлась шерстяная ткань, московские купцы, ведущие дела с Западом, стали известны как *суконники*. Раньше, как мы знаем, Новгород получал ткани высокого качества из Ипра[39]. В четырнадцатом и пятнадцатом веках ткацкие производства развивались и в Центральной Европе, особенно в Саксонии, Богемии и Моравии. Именно из Богемии и Моравии поступала в Москву большая часть импортируемых тканей в шестнадцатом веке, однако у нас нет свидетельств подобного широкомасштабного экспорта из этих стран на Русь в пятнадцатом столетии[40]. Из Восточной Руси в Богемию в четырнадцатом и пятнадцатом веках экспортировались производимые в Твери замки[41].

3. Влияние на правительство и администрацию

I

Юридически говоря, в монгольский период Русь не имела независимого правительства. Великий хан Монголии и Китая считался сюзереном всех русских земель и, как мы знаем, временами действительно вмешивался в русские дела. В практических делах, однако, золотоордынский хан являлся высшим правителем Руси — ее «царем», как называют его русские летописи. Ни один русский князь не имел права управлять своей землей без необходимого ярлыка на власть от хана.

Таковы были юридические аспекты ситуации. Фактически же, как видно из истории русско-монгольских отношений, изложенной в двух предыдущих главах, внутренняя политическая жизнь Руси никогда не прекращалась, а только была ограничена и деформирована монгольским правлением. С распадом Монгольской империи и ослаблением самой Золотой Орды собственные политические силы Руси вышли из-под монгольской надстройки и начали набирать все больше и больше силы. Традиционные взаимоотношения этих сил, однако, были совершенно разрушены монгольским нашествием, а относительное значение и сама природа каждого из трех элементов власти претерпели коренные изменения. Здесь, как и в сфере национальной экономики, уменьшение роли городов являлось фактом первостепенной важности.

С политической точки зрения, разрушение в монгольский период большинства крупных городов Восточной Руси нанесло сокрушительный удар городским демократическим институтам, в киевский период процветавшим по всей Руси (и продолжавшим процветать в монгольский период в Новгороде и Пскове). Более того, только от населения городов, избежавших разрушения или восстановленных, исходила известная нам решительная оппозиция монгольскому правлению в течение его первого столетия. В то время как князьям и боярам удалось приспособиться к требованиям завоевателей и установить с ними modus vivendi, горожане, особенно ремесленники, жившие под постоянной угрозой призыва, вскипали негодованием при каждом очередном ограничении, вводимом новыми правителями. Поэтому монголы, со своей стороны, были полны решимости

подавить сопротивление городов и ликвидировать вече как политический институт. Для этого, как мы видели, они склонили к сотрудничеству русских князей, которые и сами опасались революционных тенденций вече в Ростове, а также и в некоторых других городах.

Совместными усилиями монголы и князья предотвратили общее распространение городских волнений во второй половине тринадцатого века и подавляли отдельные изолированные восстания, разгоравшиеся время от времени в Ростове и других городах. Власть вече, таким образом, резко сократилась, а к середине четырнадцатого века оно прекратило нормальную деятельность в большинстве городов Восточной Руси и не может рассматриваться как элемент правления. Когда в семидесятых годах четырнадцатого века русские князья начали оказывать монголам сопротивление, по крайней мере одна из причин трений с вече исчезла. Как в случае с арестом послов Мамая в Нижнем Новгороде в 1374 году, антимонгольские действия вече этого города одобрял местный князь. В целом, однако, и князья и бояре продолжали испытывать подозрения по поводу мятежного духа вече. Хотя они и просили горожан поддержать их в борьбе против монголов, но при этом имели в виду сохранить бразды правления в своих руках. Таким образом, вече как постоянный элемент управления было уничтожено. Как мы видели, князьям удалось даже избавиться от тысяцких, представляющих интересы народа в их администрациях; в 1375 году эта должность была ликвидирована. Однако искоренить вече было не так легко. Запрещенное в обычное время, оно снова собиралось, как только князья и бояре оказывались неспособными руководить. Временный захват власти населением Москвы во время нашествия Тохтамыша — типичный пример возрождения вече в кризисной ситуации, даже если это возрождение и не длилось долго в каждом конкретном случае.

Другим важным следствием упадка городов для социальной и политической жизни был рост относительного значения в русской политической структуре крупных земельных поместий. Даже в домонгольский период, как мы знаем, манор как социополитический институт имел большое значение[42]. В двенадцатом веке и князья, и бояре владели большими земельными поместьями, от которых они получали значительные доходы. Политическая жизнь, однако, все-таки концентрировалась вокруг городов, а большинство князей больше интересовались политикой, чем хозяйством. В монгольский пери-

од ситуация изменилась. С ограничением их политических прав монголами, князьям ничего не оставалось, как уделять больше времени руководству своими владениями. С упадком городов на первый план вышли сельское хозяйство и другие отрасли, использующие естественные ресурсы земли и лесов. В результате в Московии великокняжескне владения превратились в главную основу и экономической силы, и администрации великого князя. Земельные поместья не только являлись одним из основных источников его дохода, но также стали ядром его владений в административном смысле. Вся концепция княжеской власти была теперь изменена наследственными традициями.

Боярское землевладение в этот период тоже стабильно увеличивалось. В целом можно сказать, что в монгольский период бояре имели большее влияние на государственные дела, чем прежде. Раньше только галицким боярам удавалось выйти на доминирующие позиции в политической жизни; в первой половине четырнадцатого века их политические аппетиты скорее возросли, чем сократились, а, как мы знаем, конфликт бояр с последним галицким князем, Юрием II, ускорил его падение и открыл путь литовскому и вскоре польскому господству.

В отличие от Галиции, где бояре постоянно и сознательно находились в оппозиции к князю, боярство Восточной Руси было готово поддержать возвышение великого княжества, советниками правителя которого они являлись, особенно поскольку это возвышение было выгодно им самим и как классу, и как отдельным личностям. Когда стало ясно, что московские князья лидируют в борьбе за власть среди русских правителей, все больше бояр предлагало свои услуги князю московскому. Поддерживая возвышение Москвы, бояре, сознательно и не осознавая того, способствовали объединению Руси. Во многих случаях им удавалось убедить бояр из других княжеств признать главенство московского князя. В качестве стимула таким внешним сторонникам возвышения Москвы обещали места при дворе, что означало принятие в правящие круги московского боярства.

Как и в киевский период, говоря о боярском совете, нам необходимо различать общие собрания, созывавшиеся только по важнейшим поводам и в которых принимали участие все ведущие бояре, и узкий круг, или княжеский кабинет, который собирался регулярно. В монгольский период в великокняжеский кабинет входили главные

чиновники государственной и дворцовой администрации, среди них «великий наместник» Москвы, *окольничий* (главный церемониймейстер), бояре — главы административных управлений княжеских поместий — *бояре путные*. Другие высшие бояре — члены кабинета были известны как *большие бояре* или *бояре введенные* («бояре, допущенные [в княжеский дворец]»). До ликвидации института тысяцкого он тоже являлся постоянным членом этого совета.

Несмотря на все свое влияние на ход государственных дел и рост собственных земельных владений, московскому боярству не удалось за монгольский период точно определить свои политические права. Какие факторы помешали им создать твердые конституционные гарантии работы их совета? Главным из них, безусловно, было существование высшей монгольской власти. Поскольку власть русских князей, включая великого князя московского, исходила от ханского ярлыка, князь всегда мог обратиться к хану за помощью против внутренней оппозиции. Власть вече была ограничена общими усилиями хана и князей. Бояре, разумеется, хорошо знали, что в случае сколько-нибудь острого конфликта с ними от князя можно ожидать обращения к хану. Когда Золотая Орда была сильна, ханский ярлык был не просто листком бумаги, он был мандатом. Другим ограничителем потенциальных политических устремлений бояр Восточной Руси являлось отношение горожан, особенно низших слоев. Несмотря на упадок вече как института, горожане, тем не менее, оставались элементом в русской политике. И от них можно было ожидать яростного противодействия установлению аристократического строя любого рода. Хотя великий князь постоянно срывал их преждевременные попытки восстать против монголов, народ не выступал против княжеской власти в принципе, поскольку в великом князе как главе вооруженных сил они видели единственного лидера, способного в будущем возглавить успешную национальную борьбу с монголами. И напротив, простые люди с подозрительностью относились к боярам как группе и не доверяли им. Свидетельством этого являются антибоярские бунты в Москве в 1357 году[43]. В любом случае, с точки зрения народа князь представлял из себя меньшее зло, чем бояре, и те понимали, что в случае конфликта между ними и князем его поддержит не только хан, но и горожане.

Кроме того, психологически сама свобода, которой обладали бояре как класс, делала четкое определение их прав избыточным с точки

зрения большей части боярства. Как и в киевский период, любой боярин Восточной Руси, если он был неудовлетворен князем, мог прервать свои обязательства и пойти на службу к другому (исключая ситуацию, когда два князя воевали друг с другом). При этом боярин не лишался своих земельных поместий, поскольку они являлись не ленными владениями, а его вотчиной. Обычно этот принцип свободной службы работал на московского князя, потому что служба при его дворе сулила больше выгод, чем при любом другом русском правителе того времени. Принцип свободы бояр и их неограниченные права в собственных владениях были подтверждены в нескольких соглашениях между князьями в четырнадцатом и первой половине пятнадцатого века[44].

Будущим событиям суждено было принести горькое разочарование боярству Восточной Руси в их расчете на свою освященную традицией свободу. То, что они считали твердой почвой под ногами, к концу пятнадцатого столетия превратилось в песок. Эта свобода службы, которая являлась аспектом федеративного строя Киевской Руси, оказалась несовместимой с интересами растущей московской монархии. С изменениями в политической атмосфере нарушения великим князем принципа свободы службы стали практически неизбежными. Несколько нарушений подобного рода произошли в монгольский период. Первый известный прецедент — дело Ивана Вельяминова. Когда тот оставил Москву и перешел в 1374 году к тверскому князю, его имения конфисковали, а позже, когда москвичи его схватили, он был казнен[45]. Можно возразить, что это был момент острого политического конфликта и национальной необходимости, но, тем не менее, нарушение принципа отрицать невозможно. Другой подобный случай произошел в 1433 году, когда московский боярин Иван Всеволожский перешел к сопернику великого князя Василия II, Юрию Галицкому. Его имения тоже были конфискованы[46]. Это опять был период жесточайшего конфликта, гражданской войны, в которой обе стороны нарушали не только соглашения, но и нравственные заповеди. Однако в результате подобных неоднократных действий при московском дворе возникла тенденция отрицать право бояр уходить по своей воле при каких бы то ни было обстоятельствах. Тех бояр, которые пытались использовать свою свободу во время кризисов, теперь считали дезертирами или предателями. Новая точка зрения быстро за-

воевывала позиции, и к началу шестнадцатого века, когда Москва поглотила все удельные княжества, московские бояре обнаружили, что они прикреплены к великокняжеской службе. Кроме того, во время опричнины многие из них утеряли свои вотчинные владения, а взамен им были пожалованы ленные (*поместья*).

II

В монгольский период в Восточной Руси существовало два основных момента, способствовавших росту великокняжеской власти: усиление власти каждого великого князя внутри своего великого княжества и экспансия самого сильного великого княжества за счет своих соседей. В результате первого процесса великий князь московский в конце концов превратился в абсолютного суверена (*государя*) своего княжества или, мы можем сказать, в автократа, хотя русский термин *самодержец* (автократ) около 1500 года имел другое значение, а именно, *«правитель, независимый от иноземного сюзерена»*. Второй процесс вел к образованию национального государства и победе принципа *единодержавия*. Поскольку две тенденции слились, великий князь московский (позже царь) получил ту абсолютную власть, которая так поразила и Герберштейна, и Флетчера.

Объединение Восточной Руси было длительным процессом, продолжавшимся с подъемами и спадами весь монгольский период и завершившимся только в начале шестнадцатого века в правление Василия III. В исторической литературе часто утверждалось, что сам хан способствовал этому объединению, сделав великого князя московского главным ответственным за сбор дани. Из фактической истории монголо-русских отношений, изложенной в двух предыдущих главах, мы знаем, что эта оценка ошибочна или, по меньшей мере, преувеличена. Ханы прекрасно понимали опасность предоставления слишком большой власти одному русскому князю. Поэтому в первой половине четырнадцатого века хан санкционировал разделение Восточной Руси на четыре великих княжества и поручил каждому из четырех великих князей собирать налоги внутри своего княжества. Только в 1392 году хан Тохтамыш, находясь в отчаянной ситуации и нуждаясь в помощи Василия I Московского, позволил ему захватить нижегородское великое княжество. Два других великих княжества, Тверское и Рязанское, в то время оставались в неприкосновенности.

Кроме поддержания на Руси политической раздробленности, татары, когда они опасались возрастающей силы какого-либо русского князя, всегда старались посеять семена раздора между ним и его возможными противниками. Если конфликт происходил, то они имели возможность или предложить свое посредничество, и таким образом подтвердить свою власть, или наказать князя, по поводу которого испытывали подозрения. Русские князья великолепно знали об этой коварной уловке, и в нескольких межкняжеских договорах того периода мы обнаруживаем статью, по которой подписавшиеся обязуются не слушать, если татары будут пытаться настроить одного из них против другого. Но у русских не всегда хватало здравого смысла исполнять свои благие пожелания.

Напомним, что правитель Москвы был не единственным великим князем, стремившимся объединить страну. Великие князья тверские были не менее честолюбивы, хотя и менее удачливы, а скоро появился и новый претендент — великий князь литовский. Попытки объединить Восточную Русь со стороны этих ведущих великих князей нельзя объяснять единственно их личными амбициями. Суровая политическая ситуация требовала объединения усилий всей нации; без него задачу освобождения Руси от монгольского владычества решить было невозможно. Это хорошо понимали не только многие князья, но и большинство народа — бояре, а также простые люди. Они инстинктивно чувствовали, что только сильный правитель может привести их к победе, и они были готовы поддержать такого правителя. Когда стало ясно, что великий князь московский становится сильнее других, все больше бояр и простых людей, даже в других великих княжествах, уповали на его руководство. С этой точки зрения победа Дмитрия Донского на Куликовом поле, несмотря на то, что за ней последовал новый период унижения, явилась важным шагом в развитии национального самосознания.

Борьба за главенство между русскими великими и удельными князьями проходила различные стадии. Каждый великий князь сначала старался закрепить свою власть над удельными князьями своего собственного дома, а затем всеми средствами добивался лучшего положения в сообществе князей Восточной Руси в целом. Гамма политических взаимоотношений между великими и удельными князьями хорошо отражена в межкняжеских договорах того периода — многие оригиналы до сих пор хранятся в русских архивах. Политическое

равенство или подчиненность обычно выражались в этих договорах в терминах родства, даже если эти термины не соответствовали фактическим семейным отношениям подписывавших. Так, в договорах от 1367 и 1374 годов князь Владимир Серпуховской, двоюродный брат Дмитрия Донского, фигурирует как «младший брат» последнего, а в договоре от 1389 как «сын» Дмитрия. Оба термина использовались для обозначения вассальных связей; степень подчинения в 1389 году возросла. В 1375 году великий князь тверской признал себя «младшим братом» великого князя московского; в 1382 году то же самое сделал великий князь рязанский. С другой стороны, когда два или больше князей заключали договор на равных условиях, каждый называл другого «братом».

Более официальные термины вассальной зависимости ввел великий князь Витовт Литовский в своих договорах с князьями Восточной Руси. Так, в договоре от 1427 года великий князь Борис Тверской признал Витовта своим *господином*. Примерно два года спустя великий князь Рязани назвал Витовта и своим «господином», и «господарем» (сувереном). Первый из этих двух терминов быстро подхватил и использовал Василий II в договоре с Василием Серпуховским (1433 год). Последний должен был обращаться к своему московскому тезке как к *«господину, старшему брату и отцу»* — забавная смесь политических и родственных терминов. Через год можайские и верейские князья признали Василия II своим господином, опуская в этом случае родственные термины. С этого времени термин «господин» использовался в большинстве договоров Василия II с удельными князьями. В 1448 году (или в начале 1449) московская канцелярия попыталась сделать шаг вперед, определяя власть великого князя московского относительно удельных князей. В договоре с суздальским князем Василий II назывался его «господарем». Эта формулировка не повторилась, однако, ни в одном из последующих договоров Василия. Но сын Василия II, Василий III, использовал его в полной мере, требуя в 1478 году, чтобы новгородцы признали его своим государем (что является великорусским вариантом западнорусской формы «господарь»)[47]. Принятие термина новгородцами означало конец независимости Новгорода.

Теперь проследим усиление великокняжеской власти в Великом княжестве Владимирском и Московском, княжестве, которое сумело поглотить все остальные. С точки зрения монгольского права власть

великого князя московского, как и других русских великих и удельных князей, основывалась преимущественно на ханском ярлыке. Как нам известно, в киевский период только князья из дома Рюрика имели право занимать русские княжеские престолы. Монголы признали принцип исключительных прав Рюриковичей (потомков Рюрика) — в тех русских землях, которые не были поставлены под прямое правление хана. Поскольку монголы и сами управлялись Золотым Родом, русский принцип единственного правящего дома был близок их собственным представлениям. Можно заметить в этой связи, что, когда в четырнадцатом веке в Западной Руси признали династию Гедимина, монголы согласились иметь дело также и с некоторыми Гедиминовичами. В этом случае, однако, новые вассалы хана быстро освободились от монгольской власти, а «подчинение» Ягайло марионеточному хану Мамаю и затем Тохтамышу было по существу скорее союзом, чем вассалитетом.

Признание монголами прав династии Рюрика было мудрым шагом, который избавил их от множества проблем. Он также облегчил русским принятие монгольского сюзеренитета. Рюриковичи продолжали править Русью, — насколько им это позволяли — но теперь они правили на основе как своих генеалогических прав, так и ханской инвеституры. Старый принцип передачи столов по генеалогическому старшинству, который нарушался уже в конце Киевского периода, теперь стал еще менее действующим, и потому что ханы часто пренебрегали им при выдаче княжеских ярлыков, и потому что условия на Руси коренным образом изменились. Теперь во всех княжествах на первый план вышел наследственный принцип передачи власти от отца к сыну; нигде, однако, он не оказался столь жизненным, как в московском княжестве и, после фактического объединения Москвы с Владимиром, в Великом княжестве Владимирском и Московском. Наследственный принцип поэтому можно считать психологической основой власти дома Даниила Московского. Сначала применяя его к Московскому княжеству, они скоро распространили принцип на все Великое княжество Владимирское.

Как уже отмечалось, с практической точки зрения домены великого князя составляли одно из важных оснований его власти. Переплетение манориальных прав великого князя с его властью как правителя привело многих историков и юристов, таких, как Борис Чичерин, например, к разговору о полной победе частного права над

государственным и исчезновении всех понятий государственности в Московии этого периода. В доказательство своей теории Чичерин ссылается на завещания московских князей[48]. Теория на первый взгляд может казаться убедительной, но по существу является примером слишком упрощенного понимания исторической реальности. Нужно быть осторожным, используя абстрактные юридические модели при интерпретации средневековых понятий и терминологии. На самом деле власть князя не ограничивалась исключительно сферой его частных интересов. Ясное выражение постепенного развития государственной идеи можно найти в предпочтении, отданном каждым московским правителем своему старшему сыну. Тогда, как и позже, в русских сводах не существовало закона первородства в статьях о наследовании без завещания, и, таким образом, идея майората не оказала влияния на положения русского частного права. Земельные владения, неважно — княжеские или боярские — делились поровну между всеми сыновьями со специальными условиями для поддержания матери, вдовы или дочерей.

Этот закон, даже относительно государственных владений, превалировал в большинстве княжеств Восточной Руси монгольского периода, но не в Москве. Даже в Москве, конечно, семейная традиция обязывала каждого князя выделять удел всем его сыновьям, но, в отличие от других княжеств, он обычно делал долю старшего сына, наследника престола, больше доли остальных. Сначала материальное преимущество старшего сына было не очень заметным. Как принцип, однако, тенденция имела большую важность, поскольку любой последующий князь легко мог увеличить пропорцию в пользу своего старшего сына. По завещанию Дмитрия Донского, который оставил пять сыновей, доля старшего в выплате каждой 1,000 рублей монгольской дани (что является показателем дохода, который каждый получал со своей части земель) составляла 342 рубля (вместо 200 рублей, что было бы, если бы доли были равными). Внук Дмитрия, Василий II, оставил 14 городов своему старшему сыну, Ивану III, против 12, которые были распределены между четырьмя другими сыновьями. Иван III пошел в этом направлении еще дальше, оставив старшему сыну 66 городов, а четырем остальным вместе взятым только 30. Мотивом таких распоряжений было надежно гарантировать каждому последующему правителю господствующее положение в своем роду, если не полное единство княжеского правления. Поскольку

такие меры противоречили духу русского частного права, в них можно усматривать элементы государственного права.

Когда Золотая Орда ослабела, великий князь московский почувствовал себя достаточно уверенно не только чтобы завещать сыновьям разные доли своих владений, но и чтобы самому назначать преемника великокняжеского престола. Дмитрий Донской был первым, кто «благословил» своего старшего сына Василия I Великим княжеством Владимирским. Но Василий не взошел на стол без получения ханского ярлыка. Когда Василий I составлял свое завещание, он не посмел распорядиться великим княжеством. Как нам известно, его сын Василий II получил стол с большими трудностями при сопротивлении со стороны своего дяди Юрия. После этого он дважды терял стол и дважды возвращал его. Чтобы закрепить права своего старшего сына, Ивана III, Василий II объявил его великим князем и соправителем в конце 1447 или начале 1449 года. Из-за этого, а также вследствие укрепления его силы во второй половине его правления, Василий II без колебаний «благословил» Ивана III своей «отчиной», великим княжеством. Тот вступил на стол по этому благословению, не заботясь об утверждении хана[49].

III

В киевский период основными областями княжеского управления являлись судебная, военная и финансовая. Князь был верховным судьей и главнокомандующим армии, а его представители собирали налоги и судебные пошлины. После монгольского нашествия высшее управление всеми административными функциями принял на себя царь, монгольский хан. Власть русских князей резко сократилась. Теперь князья должны были подчиняться приказам хана, и административные полномочия князей в их собственных государствах строго ограничивались; они могли отправлять властные функции только внутри узкой сферы дел, оставленных в их компетенции монголами.

В судебной практике все русские князья находились теперь под властью хана и монгольского Верховного суда, и, как нам известно, некоторых из них казнили по приказу хана за реальные или мнимые государственные преступления. Хан также рассматривал большую часть главных судебных дел между русскими князьями. Русские, призванные в монгольскую армию, подчинялись монгольскому военному

праву.

Более того, все тяжбы между русскими и монголами подлежали рассмотрению в монгольском суде. Было, к примеру, дело потомков князя Бориса Ростовского против потомков царевича Петра Ордынского. Петр, как мы знаем, принял греческое православие, православными стали и его потомки. С точки зрения хана, однако, они оставались монголами, к тому же царской крови. Поэтому, когда потомки Бориса Ростовского попытались захватить земли, принадлежащие монастырю, основанному Петром, внук Петра обратился к хану. Монгольский суд поддержал права потомков Петра в этом деле, которое, можно добавить, было справедливым урегулированием правового спора. Хотя в этом деле затрагивались интересы монастыря, оно рассматривалось как гражданское. Обычно, однако, ханский ярлык защищал церковь от любых посягательств на ее права и привилегии. Нарушители, если они являлись монголами, подлежали монгольскому суду. Если они оказывались русскими, наказывать их, по всей видимости, должны были русские князья. В случае бездействия князя церковь, вне всякого сомнения, могла обратиться к хану.

Твердо установив свои судебные прерогативы на высшем уровне, хан не вмешивался в тяжбы между русскими боярами и простолюдинами, позволяя князю каждой данной местности продолжать отправлять его судебные функции. Вследствие подобной политики, из всех областей княжеской администрации судебная практика оказалась наименее затронутой монгольским правлением. И все-таки, когда русские познакомились с монгольским уголовным правом и монгольскими судами, они оказались готовыми принять некоторые модели монгольской юриспруденции. Даже Владимирский-Буданов, который в целом стремится минимизировать монгольское влияние на Русь, признает, что и смертная казнь (неизвестная «Русской Правде» — русскому своду законов киевского периода), и телесные наказания (в киевский период применявшиеся только к рабам) вошли в право Московии под монгольским влиянием[50]. Согласно статьям Двинской грамоты 1397 года, выпущенной великим князем Василием I Московским, каждый вор подлежал клеймению; за третью кражу следовало наказание смертной казнью через повешение[51]. Смертная казнь через отсечение головы была также установлена для изменников, как можно видеть из дела Вельяминова. В «Судебнике» (своде законов) Ивана III от 1497 года смертная казнь назначалась за следующие

категории преступлений[52]: призыв к мятежу, кражу церковного имущества; убийство; *подмет*, то есть подбрасывание вещей в дом человека с целью впоследствии обвинить его в краже[53]; поджог. Закоренелый убийца и разбойник, известный обществу в этом качестве (*ведомый лихой человек*) тоже мог быть казнен при подозрении в любом серьезном преступлении.

Необходимо заметить в этой связи, что в тот же самый период смертная казнь была введена и во Пскове. В этом случае, однако, образцом послужило не монгольское, а западное право. Благодаря своему географическому положению и оживленной торговле с западными городами, Новгород и Псков были гораздо больше открыты для западных влияний, чем Москва. На самом деле система наказаний Англии, Франции и Германии в позднем Средневековье и начале Новой эры была такой же суровой, или даже более суровой, чем монгольское уголовное право. И смертная казнь, и телесные наказания назначались за многие преступления. В Германии отсечение головы и повешение являлись обычными формами наказания преступника; использовались и многие другие способы лишения жизни: преступников сжигали на костре, заживо хоронили, топили, колесовали, четвертовали, сажали на кол[54]. Во Пскове смертная казнь назначалась за четыре рода преступлений, считавшихся наиболее опасными: кража в пределах Псковского кремля, конокрадство, шпионство и поджог[55]. Способ казни не упоминается в Псковской грамоте; по всей видимости, там либо отрубали головы, либо вешали, в зависимости от характера преступления. В Новгороде в тот же период предпочитаемой формой наказания было топить преступников в Волхове.

Также именно в монгольский период и, возможно, под влиянием татар, в уголовную процедуру Московии вошли пытки. Судебник 1497 года предписывает пытать подозреваемого без снисхождения и беспристрастно; главная цель пыток состояла, видимо, в получении как признания, так и информации о соучастниках. Ответственному лицу поручалось, однако, не позволять жертве делать порочащие заявления против невинных людей[56]. Нельзя не заметить, что пытки в тот период широко использовались на Западе. В четырнадцатом веке Римская католическая церковь рекомендовала использовать их в процессах над еретиками. В пятнадцатом веке привычным было и во Франции, и в Германии применять пытки во время допросов преступников. Во Франции тайна следствия и использование пыток были

легализованы указами от 1498 и 1539 годов[57]. В Германии император Карл V пытался ограничить применение пыток в своем Декрете об уголовном праве (Halsgerichtsordnung) (1532); но не смог остановить злоупотреблений. Псковичи в этом отношении не последовали новому образцу; Псковское право не санкционировало пытки.

Тогда как определенное влияние монгольского уголовного и процессуального права на право Московии едва ли можно отрицать, не существует положительных свидетельств о заимствовании русскими от монголов каких-либо значительных черт организации судопроизводства. Хотя мы должны заметить, что мелких чиновников местных судов Северной Руси в шестнадцатом и семнадцатом веках называли *ярыгами*, слово, очевидно, восходит к монгольскому *jargu* (*dzargu, yargu*), «судья»[58].

IV

В вопросах налогообложения и призыва на военную службу хан имел полную и прямую власть на Руси более чем полвека. Почтово-конную службу (ям), введенную монголами, они использовали для собственных нужд. Хан также оставил за собой право чеканить монету. В этих условиях, которые оставались в неприкосновенности до начала четырнадцатого века, русские великие и удельные князья сохранили только фрагменты своей былой власти в сферах военного и финансового управления. Каждому князю разрешалось содержать небольшой контингент войск — его свиту — и собирать некоторые второстепенные местные налоги, а также поместные сборы. Вряд ли можно говорить о независимой княжеской администрации в тот период. Ситуация изменилась, когда великим князьям поручили собирать монгольскую дань и тамгу в пределах их княжеств под их ответственность, хотя сначала и под наблюдением монгольского уполномоченного. По-видимому, великие князья также осуществляли надзор над призывом солдат в ханскую армию и почтовой службой. Основная система военного и финансового деления, тьмы, осталась в неприкосновенности, но теперь вместо монгольских баскаков дань собирали чиновники великого князя (даньщики). Призыв ремесленников, судя по всему, был прекращен. Великие князья не встретили трудностей при сборе налогов, поскольку за более чем 60 лет непосредственного монгольского контроля народ приучили к повинове-

нию и исполнению долга перед государством.

Хотя князья являлись только уполномоченными хана и постоянно находились под контролем монгольских чиновников, упразднение старой системы, тем не менее, принесло значительные результаты. Князьям снова позволили исполнять их административные функции, даже если они были обязаны следовать монгольской модели управления, изменить которую они не имели власти. В действительности, они скоро обнаружили, что новая система может быть для них финансово выгодной, поскольку после выплаты доли дани, полагающейся за каждую тьму, все, что оставалось, они могли направить в собственную казну. В связи с тем, что тем в Великом княжестве Владимирском было больше, чем в каком-либо другом великом княжестве, московские правители извлекали наибольшую выгоду из этой ситуации.

С выступлением Дмитрия Донского против Мамая, а в особенности после падения Тохтамыша, в русско-монгольских отношениях началась новая фаза: фаза значительной автономии русских земель. Великие и удельные князья продолжали признавать себя вассалами хана и выплачивать ему дань (не всегда регулярно), но они стали осуществлять внутреннее управление своими княжествами практически без вмешательства со стороны хана. Князья теперь начали чеканить собственные деньги с именем хана на них (в придачу к собственному), конечно[59]. Основы монгольской административной системы, однако, не изменились, поскольку великие князья нашли их удобными и действенными. Таким образом, именно на основе монгольских моделей развивалась великокняжеская система налогообложения и военной организации с конца четырнадцатого по шестнадцатый века.

Что касается системы налогообложения, то дань оставалась главным источником дохода, а соха — основной единицей при обложении налогами. Тамга теперь определенно приняла форму таможенных пошлин на импортируемые товары; кроме этого, существовали местные таможенные пошлины, или мыт. Платы и сборы разного рода — большей частью, вероятно, установленные монголами — тоже собирались на каждой стадии траспортирования товаров; также существовали налоги на продажу скота и лошадей, такие, как *привязное*, или сбор за привязывание скота, *роговое*, или налог на рога, *пятно* за клеймение лошадей.

Все собранные деньги хранились в великокняжеской казне и управлялись *казначеем*. Тот факт, что оба русских термина заимствованы из тюркского, ясно указывает на то, что сам институт был создан по монгольскому образцу.

Другим важным источником великокняжеского дохода были судебные пошлины. В судопроизводстве только наиболее важные дела рассматривались лично великим князем. Большинство преступлений и дел находились в компетенции его *наместников*. Важнейшим из них являлся *большой наместник* Москвы. Был также наместник в каждом значительном городе и *волостель* в каждом сельском районе. Все они имели помощников — иногда собственных рабов — известных как *тиуны* (судьи) и *доводчики* (докладчики). Человек, неудовлетворенный решением младших судей, мог обратиться к вышестоящим (*волостелям и наместникам*), а затем, если возникала необходимость, к великим князьям. В действительности последняя процедура была не из легких из-за расстояний и расходов, связанных с появлением при княжеском дворе.

Поскольку великокняжеская казна не располагала достаточными средствами, чтобы выплачивать жалованье всем вышеперечисленным чиновникам, великому князю ничего не оставалось, как позволить им «кормиться» с района, в который они были назначены. Корни этого *кормления* уходят в киевский период[60], но оно стало всеобщим только в монгольский период. Самих чиновников — наместников и волостелей — стали называть *кормленщиками*. Количество продуктов и всего другого, что население должно было им предоставлять, устанавливалось традицией, а впоследствии регулировалось законом. Обычно вновь назначенный наместник или волостель при принятии должности ждал определенный «вступительный взнос» (*въезжий корм*); потом он ждал снабжения (или вместо него денежные выплаты) трижды в год (на Рождество, Пасху и на день святых Петра и Павла [29 июня]). Кроме того, он был уполномочен собирать в своем районе таможенные и судебные пошлины и сборы за бракосочетания, немалую часть которых он оставлял себе.

Чаще всего кормленщики старались получить как можно больше продуктов и денег от людей, находящихся в их власти. Тогда народ жаловался великому князю, который мог отозвать слишком алчного кормленщика и заменить его другим. Но новый мог оказаться еще хуже своего предшественника. Именно по этой причине кормлен-

щиков обычно назначали на непродолжительный срок, самое большее на два или три года. Княжеские служащие, не занимавшие до сих пор доходного места, оказывали на великого князя постоянное давление с целью позволить им «кормиться»; и великий князь был вынужден применять в органах управления систему ротации, чтобы удовлетворить всех. Относительно высших наместников существовала и дополнительная причина для краткосрочных назначений: великий князь не хотел, чтобы кто-либо из его наместников стал слишком могущественным, и поэтому не желал предоставлять кому-либо постоянные должности или идти на риск, позволяя сделать должность наследственной.

Кроме судебных функций, наместники и волостели имели общую административную власть: первый — над горожанами, второй — над населением государственных земель. С другой стороны, великокняжеские владения, боярские поместья и церковные земли не входили в сферу их компетенции, ими руководили великокняжеские управляющие, бояре и церковные власти — соответственно. Таким образом, вся территория великого княжества фактически состояла из двух частей: одной управляли, так сказать, государственные чиновники, а другой — манориальная администрация. Поскольку великокняжеские домены в этот период составляли одну из основ его материальной силы, их администрация была столь же важной, как и общая государственная.

Вся система концентрировалась вокруг великокняжеского двора. Главным чиновником, ответственным за него, был *тиун дворский*, известный также просто как *дворский* (мажордом). Позже термин *дворецкий* (от дворец) использовался для обозначения этой должности. Функции дворского были разнообразны. Прежде всего, он являлся главой служащих великокняжеского двора: *слуг* и *дворян* (придворных)[61]. Он назначал каждому работу и заботился об их содержании. Многие из них на время службы получали земельные наделы. Во-вторых, дворский был судьей и управляющим крестьян, живущих в великокняжеских поместьях. В-третьих, он являлся казначеем доменов. Деньги, собранные с населения доменов, хранились отдельно от денег государственной казны (так называемого казначейства).

В связи с быстрым развитием великокняжеского хозяйства в доменах были созданы специальные отделения органов управления, извест-

ные как *пути* (множественное число от слова путь, буквально «дорога»), каждым руководил особый чиновник (*путник*), подчиненный не дворскому, а непосредственно великому князю. Таковыми были управления соколиной охоты, конюшен, овчарен, продовольствия[62]. Большая часть этих учреждений существовала и в киевский период. Каждый значительный князь киевской эры имел среди служащих своего двора управляющего конюшнями, овчарнями и так далее. Но в целом система управления княжескими владениями в киевский период была не такой развитой, каковой она стала в Московии в монгольский и, особенно, в постмонгольский периоды. Кроме того, эти конкретные чиновники княжеских владений не играли столь значительной роли в органах управления князя в киевскую эру, какую они приобрели в монгольскую.

Можно спросить: не были ли пути, поскольку их создали в течение монгольского периода, построены под определенным влиянием восточных образцов? Термин *путь* сам свидетельствует об этом, так как не существует свидетельств его употребления в этом значении («отделение княжеской администрации») до монгольского периода[63]. Не может ли он рассматриваться как русский эквивалент какого-либо восточного термина? В этой связи представляют интерес тюркские слова *türe* и *yol*. «Yol» является точным соответствием русскому «путь», его основное значение — «дорога». Но оно также может значить «способ», «традиция», «правило», «закон». «Türe» означает «традиция», а также «обычное право», «свод законов», «регулирование»[64]. В тюркском варианте персидской истории сельджуков («Сельджук-нама») мифический праотец огузских тюрков определяет türe как «пути и опоры» (*yol ve erkyan*), то есть институты и правила, и приказывает своим сыновьям следовать «по дороге» türe. Затем он определяет старшинство военачальников правой руки и левой руки и место каждого на торжествах. Он добавляет, что все административные должности должны распределяться между тюркскими родами согласно традиционному порядку[65]. Хотя термин yol не используется в процитированном выше тексте в специфическом значении русского «путь», общая психологическая основа терминологии представляется аналогичной. Соответствующий арабский термин (заимствованный и из персидского, и из османского турецкого) — taric («дорога», «способ», «иерархия», «последовательность чинов и повышений по службе»). Основное персидское слово, означающее «путь» — rah; оно также может означать «образец», «правило», «традиция»[66]. В варианте истории тюрков Рашид ад-Дина Огуз-хан утверждает, «что

путь [rah] правой руки выше» (чем левой). В этом случае rah несомненно означает «служебный ранг» или «последовательность чинов»[67].

Кроме своих административных функций, глава каждого пути имел также судебную власть над людьми, работающими в его отделении. По той же причине, что наместники и волостели, путники не получали жалованья из великокняжеской казны, но вознаграждались долей дохода, получаемого от каждого пути. В некоторых случаях доли путников составляли до 50 процентов сборов или деньгами, или натурой. В связи со значительными выгодами, которые можно было получить на должности путника, а также из-за важности роли путников в великокняжеском кабинете, совершенно естественно, что кандидаты на этот пост обычно выбирались среди бояр.

Теперь рассмотрим изменения, происшедшие в монгольский период в организации русской армии. Не может быть никаких сомнений, что русские — которые сначала встретились с монголами в качестве врагов, а потом на долгое время стали их вассалами — получили прекрасное представление о монгольской военной системе и не могли не поразиться ее эффективности. Напомним, что некоторые русские князья со своими войсками вынуждены были участвовать в различных кампаниях, предпринятых монгольскими ханами. Достаточно будет сослаться здесь на роль ростовских князей в экспедиции Менгу-Тимура против аланских горцев в 1277-78 годах и участие московских и суздальских князей в походе Тохтамыша против Тимура столетие спустя. Кроме того, многие тысячи русских призывались в монгольскую армию регулярно, если не ежегодно. Вряд ли кто-либо из тех, кого забрали в Китай и поселили там, когда-либо получил шанс вернуться на Русь, но некоторые из тех, кого золотоордынские ханы использовали в Южной Руси, как, например, в походе Тохтамыша против Ногая в 1298-99 годах, возможно, вернулись домой по окончании кампании и рассказали русским властям о том, что увидели.

Таким образом, русские неизбежно должны были ввести в своей армии некоторые монгольские порядки. Например, обычное деление вооруженных сил Московии в конце пятнадцатого и в шестнадцатом веках на пять больших подразделений определенно следовало монгольской структуре. Эти подразделения по-русски назывались *полками*[68]. Они были следующими: центральное (*большой полк*); подразделение правой руки (*правая рука*); подразделение левой руки (*левая рука*);

авангард (*передовой полк*) и арьергард (*сторожевой полк*). Словосочетания «правая рука» и «левая рука» соответствуют тюркским *ong kol* и *son kol*. Как и у монголов, подразделение правой руки в армии Московии считалось более важным, чем левой.

Русские хорошо познакомились с монгольской тактикой окружения врагов с обоих флангов (битва при Воже в 1378 году является прекрасным примером этого). Больше того, они ввели в своей армии некоторые монгольские доспехи и вооружения. Напомним, что еще в 1246 году войска Даниила Галицкого были экипированы в монгольском стиле. В войне против Рязани в 1361 году московиты вполне успешно использовали лассо. Экипировка московской армии шестнадцатого века тоже испытывает определенное монгольское влияние.

Русская армия киевского периода состояла из двух основных частей: княжеской *дружины* и городского ополчения под командованием тысяцкого. Сельское население не подлежало мобилизации и, как правило, не принимало никакого участия в военных походах. Монгольское нашествие изменило всю картину. Прежде всего, для нужд своих собственных вооруженных сил монголы установили строгую систему всеобщей воинской повинности, распространяя ее и на все сельское население. Во-вторых, разрушением или сокращением населения русских городов и ограничением власти вече они пошатнули основы системы городского ополчения; тысяцкий как военачальник теперь остался не у дел, и, как нам известно, сама эта должность была в конце концов упразднена.

Одновременно, хотя и не вследствие прямого монгольского давления, изменилась природа княжеской дружины. В киевский период дружина состояла из двух групп[69]. Старшие дружинники в конце концов составили основу боярского класса. Младшие дружинники в совокупности назывались *гридь*, термин варяжского происхождения (по-норвежски означает «дом»). Они занимали второстепенные позиции при княжеском дворе. Дружина в целом строилась на принципе свободного товарищества. Власть князя поддерживалась его популярностью среди ее членов, *дружинников*, а также его организаторскими способностями. Дружинники следовали за ним только до тех пор, пока они хотели того. Как военный институт дружина первоначально представляла собой единое образование, в котором старшие и младшие члены тесно сотрудничали. Во второй половине двенадцатого века начался процесс размежевания, и каждая из двух групп превратилась в отдельное подразделение

со своими особенностями. К этому времени все выдающиеся бояре (старшие члены дружины) создали собственные отряды. Теперь ядро княжеской свиты составляли младшие дружинники. В этом качестве они стали известны как княжеский двор. Процесс расхождения двух слоев дружины еще больше ускорился в монгольский период. Сам термин «дружина» устарел. Источники этого периода говорят о боярах и дворе как абсолютно разных группах. В военных походах бояре сопровождали князя (и, соответственно, их отряды), но главным источником княжеской силы в военном ее смысле теперь стал именно двор. В монгольский период, таким образом, краеугольным камнем организации русских вооруженных сил следует считать княжеский двор[70]. По существу, двор напоминал ordu Чингисидов. То, что русские того периода осознавали параллель между этими двумя институтами, можно видеть из записи в Никоновской летописи под 1426 годом. В том году, отвечая на просьбу великого князя Витовта помочь в его походе против Пскова, хан Улуг-Махмед послал ему свою орду; летописец переводит термин как «ханский двор»[71].

Хотя княжеский двор был в определенном смысле продолжением гриди киевского периода, он во многих отношениях отличался от своего прототипа. Дворяне не являлись товарищами князя, они были его слугами. И, в отличие от бояр, были привязаны к службе: кто-то на время, кто-то на всю жизнь.

В связи с упадком городского ополчения и развитием двора была учреждена новая должность, должность окольничего, чьи функции соответствовали функциям букаула в армии Золотой Орды. Окольничий впервые упоминается в Смоленске в 1284 году[72]. Это было в правление великого князя Федора, который, как мы знаем, много лет провел при ханском дворе, женился на монгольской царевне и в целом может быть назван «монголофилом». Возможно, он учредил должность окольничего по монгольскому образцу организации вооруженных сил. В Москве эта должность впервые упоминается в 1350-51 году[73]; в Рязани в 1356[74]. Необходимо добавить, что в шестнадцатом веке термин «окольничий» приобрел совершенно другое значение — «член Боярской Думы второго ранга».

После ослабления Золотой Орды московские великие князья получили возможность использовать при необходимости введенную монголами систему всеобщей воинской повинности. Именно на основе монгольской системы Дмитрий Донской сумел мобили-

зовать армию, с которой победил Мамая на Куликовом поле. Его сын Василий I еще раз использовал общий призыв в армию при подготовке к нашествию Тамерлана. В шестнадцатом веке призыв проводили несколько раз. К тому времени он стал известен как посоха, поскольку требуемая квота рекрутов устанавливалась посошно.

Несколько слов необходимо сказать здесь о введении на Руси огнестрельного оружия. Впервые русские познакомились с ним при осаде города Булгар в 1376 году. Взяв город, они, по всей видимости, изучили образцы захваченной булгарской артиллерии. Не удовлетворившись этим, они, вероятно, навели справки на Западе и получили несколько пушек западного образца для усиления обороноспособности Москвы. Во всяком случае, к моменту набега Тохтамыша на Москву в 1382 году гарнизон располагал и пушками, и ручными ружьями (*тюфяками*). Хотя впоследствии Тохтамыш и сумел обманом взять Москву, в пятнадцатом веке город успешно выдержал все атаки татар, и артиллерия, таким образом, подтвердила свою полезность. В придачу к пушкам и тюфякам появился новый тип легких пушек, известных как *пищали*. В Восточной Руси они впервые упоминаются в Твери (1408 год), а позже и в Москве (1451 год). Первоначальное московское ручное ружье (тюфяк) было, должно быть, восточного типа. Сам термин заимствован из тюркского (tüfek); тюркское слово было, в свою очередь, заимствовано из персидского. По-персидски tup значит «пушка», а *tupang* — «маленькая пушка»[75]. Собственно говоря, монгольские правители конца четырнадцатого века (даже Тамерлан) не оснащали свои армии огнестрельным оружием. По-видимому, Булгар, как и другие крупные города Центральной Азии, вооружился ружьями по своей собственной инициативе. В это время огнестрельное оружие использовали и Персия, и Индия[76], и Булгар легко мог получить его через Хорезм. В этой связи необходимо иметь в виду, что московские ручные ружья не могли быть импортированы с Запада, поскольку Западная Европа тогда еще только экспериментировала с ручным огнестрельным оружием, и оно использовалось очень редко. В Англии ручные ружья начали производить в небольших количествах примерно в 1375 году (термин «handgun» впервые появляется в английских источниках в 1386 году). В Германии «ручные пушки» упоминаются в Аугсбурге в 1381 году. Все они были очень тяжелыми. Только в 1420 году значительно улуч-

шенное ручное ружье (которое можно назвать предшественником мушкета) широко применяли чехи в гуситских войнах[77].

Пушка, в отличие от ружья, по всей видимости, была заимствована русскими с Запада. Русские слова «пушка» и «пищаль» (легкая пушка) оба заимствованы из чешского языка[78]. Тогда, вероятно, первая импортированная пушка пришла на Русь из Богемии, или, в любом случае, ее обслуживали чешские артиллеристы. В середине пятнадцатого века огнестрельное оружие производили в Восточной Руси, очевидно, и в Москве, и в Твери. В то время лучшие ружья, судя по всему, изготавливали в Твери. О тверском пушкаре Николае Решетникове говорили (около 1453 года), что такого искусного мастера нельзя найти даже среди немцев[79]. В 1475 году Иван III пригласил несколько первоклассных итальянских механиков и литейщиков, и московский оружейный завод был значительно расширен.

4. Социальные изменения

I

Перемены, которые произошли в Восточной Руси за монгольский период в положении социальных классов, были не столь радикальны, как изменения в правительстве и администрации, однако они были не менее важными. Можно сказать, что в течение монгольского периода основы старого социального порядка — свободного общества — постепенно и настойчиво разрушались, не задевая поначалу внешней стороны. К моменту, когда Иван III провозгласил освобождение Руси от монгольского владычества и покорил Новгород, основа новой структуры была готова, и новый порядок, порядок прикрепленного к службе общества, стал ясно просматриваться. Это особенно справедливо относительно положения старого высшего класса русского общества, бояр; как ни парадоксально это может показаться, но процесс их подчинения монарху завершился быстрее, чем строгая регламентация жизни и закрепощение низших классов.

Московское боярство состояло из разнообразных и разнородных элементов. Некоторые бояре четырнадцатого и пятнадцатого веков принадлежали к древним боярским родам Великого княжества Владимирского. Такие, как Бутурлины, Челяднины, Кутузовы (все три этих семьи первоначально заявляли о своем германском происхождении), Морозовы, Вельяминовы (эти имели варяжские корни) и

Воронцовы. Значительное количество московских боярских семей были западнорусского происхождения. К этой группе принадлежали Плещеевы и Квашнины. Кроме западных русских, на службу к великому князю московскому пошли некоторые литовцы и, позже, поляки. Необходимо иметь в виду, что когда наши источники относят семьи к «польскому и литовскому происхождению», они подразумевают, что те родом из Польши и Литвы, но их точное этническое происхождение не всегда ясно. Некоторые бояре являлись полонизированными западными русскими. Другие объявляли о «прусском» происхождении. Поскольку к концу тринадцатого века Пруссия, первоначально балтийская (литовская) территория, была совершенно германизирована, «прусское» происхождение в этом случае, судя по всему, означало германское. К этой группе принадлежали Хвостовы, Романовы (первоначально известные как Кошкины, а затем как Захарьины) и Шереметьевы[80]. Головины и Ховрины имели греческие корни. И наконец, некоторые из лучших московских боярских фамилий были «татарского» (монгольского или тюркского) происхождения. Выдающимися среди них были Вельяминовы-Зерновы (не путать с исконными Вельяминовыми). Сабуровы и Годуновы являлись ветвями этого рода. Арсеньевы и Бахметьевы поселились на Руси в конце четырнадцатого и в середине пятнадцатого веков соответственно.

К 1450 году положение боярства как класса серьезно подорвало появление новой аристократической группы, служилых князей, а также устойчивый рост низшей аристократии, дворян, которые собирались вокруг великокняжеского двора.

Формирование класса служилых князей было продолжительным историческим процессом, а сам по себе этот класс был так же разнороден, как и боярство. В течение четырнадцатого и пятнадцатого веков некоторые князья Восточной Руси, все потомки Рюрика, сочли удобным или необходимым передать или продать свои суверенные права великому князю московскому. Среди них были некоторые князья ростовского дома, а также нижегородского и суздальского. Кроме того, некоторые Рюриковичи, чьи уделы находились в Северской земле (в основном в бассейне верхней Оки), оказались на нейтральной территории между Московией и Литвой под угрозой обеих держав. Некоторые из них перешли в подданство к великому князю Литовскому, а другие, как, например, Оболенские, предпочли поступить на службу к великому князю московскому. Несколько литовс-

ких князей, потомков Гедимина (Гедиминовичи), по разным причинам неудовлетворенные положением дел в Литве, тоже перешли к Москве. Среди таких были князья Патрикеевы (потомки сына Гедимина Наримунта). Наконец, как нам известно, при Василии II некоторые джучидские князья пошли на русскую службу; этих называли царевичами и даже царями, если им до прихода в Москву случалось править под собственным именем в Казани или Сибири. В начале шестнадцатого века они занимали самое высокое положение среди князей, служащих московскому царю. В шестнадцатом и семнадцатом столетиях менее значительные татарские фамилии, такие, как князья Кудашевы и Енгалычевы, следуя за Джучидами, приехали в Москву; так же поступили некоторые представители черкесской и грузинской знати, такие, как князья Черкасские и Имеретинские.

После захвата последних княжеств при Иване III и Василии III все Рюриковичи Восточной Руси — и великие князья, и удельные — оказались перед альтернативой: либо эмигрировать, либо идти на службу к великому князю московскому. Большинство из них выбрали последнее. К 1550 году процесс формирования группы служилых князей полностью завершился. Выдающимися среди русских княжеских фамилий дома Рюрика, поселившимися в Москве, являлись князья Белозерские, Долгоруковы, Курбские, Щепины-Ростовские, Лобановы-Ростовские, Оболенские, Шаховские, Шуйские, Волконские и многие другие. Не менее высокую социальную позицию занимали Гедиминовичи, такие, как князья Голицыны, Куракины, Мстиславские, Трубецкие и некоторые другие.

Князья, поступившие на великокняжескую службу исполняли те же политические и военные обязанности, что и бояре. В конце концов они образовали высший слой боярского класса. Относительное положение княжеских и боярских фамилий на службе, а также и на социальной лестнице регулировалось в начале шестнадцатого века сложной системой, известной как *местничество* (порядок мест), которая основывалась на подготовленном для царя официальном генеалогическом указателе («Государеве родословце») и списках государственных и армейских должностей («Разрядной книге»)[81]. На основе этих двух регистров от царя ожидали выбора советников и назначения высших должностных лиц в армии и органах управления. Для установления соответствующего служебного положения вместе с генеалогическим старшинством учитывались и сведения о предыдущей службе членов боярских и княжеских фамилий. Никто

из них не согласился бы служить в чине меньшем, чем человек, которого они полагали ниже себя в социальном плане. В боярскую думу традиция также обязывала царя избирать новых членов из самых высших слоев боярского и княжеского класса. Внутри этой группы, однако, он имел большую свободу выбора для думы, чем для армии и органов управления. Прецедент, конечно, играл важную роль при решении каждого конкретного случая. Термин «боярин» теперь приобрел новое значение — член Думы первого чина (неважно, князь или боярин в старом смысле слова). Членами второго чина были окольничие.

Система местничества подтвердила привилегированное положение класса бояр и князей в правительстве и администрации Московии, а также предоставила определенные гарантии всей группе в целом. Даже учиненный Иваном IV террор опричнины, хотя и нанес боярству ужасный удар, не ликвидировал местничества. С другой стороны, прежняя свобода службы бояр была полностью уничтожена, поскольку все они теперь были обязаны служить царю. Как уже отмечалось, ограничения боярской свободы начались при Дмитрии Донском. Как мы видели, при старом порядке права бояр на их земельные владения никак не были связаны с их службой. Со времен Дмитрия Донского имение боярина могли конфисковать, если великий князь судил, что тот совершил измену. Как правило, однако, в первой половине пятнадцатого века прежний принцип боярской свободы еще признавался и подтверждался в договорах между князьями. В этом отношении между боярами и служилыми князьями существовала заметная разница.

Хотя князья на социальной лестнице стояли выше бояр, политически они были менее свободны. Князья должны были давать великому князю клятву в вечной верности и подписывать присягу о неотъезде. В случае нарушения обязательства они теряли свои владения. В договоре великого князя Василия II от 1428 года с его дядей Юрием Галицким мы обнаруживаем характерный пункт, в котором князь Юрий Дмитриевич обещает не принимать на службу великокняжеских служилых князей с их владениями[82]. Ограничение прав служилых князей послужило прецедентом для сокращения привилегий боярства. К концу правления Ивана III и бояре, и служилые князья оказались в одной лодке. В своем завещании (1504) Иван III повелел, что ни служилый князь, ни боярин не должен оставлять службы

его сыну и преемнику; и если кто оставлял, то терял свои владения[83].

Окинем теперь взглядом этнические корни и состав русской знати в целом (включая бояр и князей), какой она сложилась в семнадцатом веке. Согласно подсчетам Н.П. Загоскина, 229 русских аристократических фамилий были «западноевропейского» (включая немецкое) происхождения; 223 — польского и литовского; 156 — «татарского» и другого восточного. Против этих фамилий иноземного рода, 168 семей принадлежали к дому Рюрика; 42 были неутонченного «русского» происхождения и 97 фамилий — неопределенного[84]. Некоторые из фамилий так называемого польско-литовского происхождения, скорее всего, являлись западными русскими. Тем не менее, фамилии русского происхождения составляли очевидное меньшинство. Цифры Загоскина относятся к более позднему периоду. Необходимо иметь в виду, что наплыв «татарских» фамилий в русскую знать сильно увеличился после правления Василия II. Большинство русских аристократических фамилий западноевропейского и польского происхождения осели в Руси только в семнадцатом веке, а некоторые из них даже позже. Таким образом, пропорция фамилий русского происхождения в составе московского боярства в монгольский период была, безусловно, выше, чем впоследствии.

II

Аристократия Восточной Руси более низкого социального уровня в монгольский период состояла из двух групп: *слуги вольные* и прикрепленные к службе, которые находились под властью мажордома великокняжеского двора (*слуги под дворским*); позже они стали называться дворянами. Существовала также особая категория вольных слуг, известная как дети боярские — обедневшие линии боярских фамилий. Термин впервые появляется в Новгородской летописи под 1259 годом[85], но, по всей видимости, сама группа консолидировалась и приобрела значение только в первой половине пятнадцатого века. И слуги вольные, и дети боярские имели ту же свободу службы, что и бояре; и те и другие владели вотчинами, которые сохранялись за ними даже в случае ухода с княжеской службы. Их владения (особенно владения детей боярских) были, вероятно, много меньше боярских, а манориальные права менее всеобъемлющими. Большая часть слуг вольных, судя по всему, являлись второстепенными военачальни-

ками. Они потеряли свободу службы примерно в то же время, что и бояре.

Большая часть дворян («слуг под дворским») были свободными людьми, но некоторые из них первоначально являлись рабами великого князя. Все они были прикреплены к службе. Рабы, конечно, могли бежать, но они не могли легально оставить свою службу по собственному желанию. Свободные люди имели возможность оговаривать срок службы при найме. Многие из них, должно быть, служили всю жизнь. Некоторые служили в княжеской армии (двор в военном смысле). Другие исполняли различные обязанности при дворе и в управлении дворцовым хозяйством. На низшем уровне этой социальной группы находились служащие в княжеских владениях в качестве пчеловодов, садовников, псарей и так далее. Некоторые дворяне получали содержание от великого князя. Другим были пожалованы во временное владение небольшие земельные имения. Если они прекращали служить великому князю, они должны были оставить свои земли. Здесь мы находимся у истоков такого важного института московского периода, как военное поместье.

Как социальная группа, «слуги под дворским» монгольского периода заслуживают особого внимания историка не только из-за их важной роли в росте благосостояния и мощи московских великих князей, но и в связи с тем, что этот класс явился ядром русского дворянства и главной опорой царя в конфликте с боярами. Когда во второй половине шестнадцатого века царь Иван IV положил конец политической независимости бояр, статус дворян монгольского периода послужил образцом для последующих отношений между царем и знатью в целом. Важным источником силы московского царя был его контроль над земельными владениями военачальников через поместную систему[86]. И, как уже говорилось, именно в землевладении великокняжеских дворян монгольского периода находится, по крайней мере, часть корней поместной системы. Таким образом, хотя эта система приняла определенную форму только в постмонгольский период — в шестнадцатом веке, — монгольскую эру можно назвать ее инкубационным периодом. Возвышение *дворянства* стало очевидным к середине шестнадцатого века, когда царь учредил третий чин членства в Думе, чин *думного дворянина*, на который могли назначаться дворяне. Это предоставило дворянству право голоса в

высшем совете царства. В течение семнадцатого века положение высшего слоя дворян приблизилось к боярам. В восемнадцатом веке эти две группы слились, и в результате в императорской Руси термин «дворянин» приобрел значение «аристократ» , а «дворянство» — аристократия.

III

В то время как основной обязанностью знати и дворянства, а также основой их прикрепления к государству стала военная служба, горожане и крестьяне несли тягло. Их главными обязанностями было платить налоги и отбывать трудовые повинности, когда это требовалось государству. Консолидация тягловых социальных классов (которые количественно составляли основную часть нации) завершилась в течение семнадцатого века. Продолжительный процесс начался, однако, в монгольский период. Основным фактором на начальной стадии процесса являлась система всеобщего налогообложения и воинской обязанности, введенная на Руси монголами.

В киевский период жители крупных городов не платили налогов; они формировали собственное ополчение, в котором служили как свободные горожане, а не призванные солдаты. Призыв и налогообложение, введенные монголами, вместе с ограничением вече коренным образом изменили статус городского класса в Восточной Руси. (Новгород и Псков, напомним, сумели удержать свою автономию, и их жители сохраняли полные политические и личные права весь монгольский период.) Когда Восточная Русь освободилась от монголов, великий князь московский не отменил монгольскую систему налогообложения и воинской повинности, а использовал ее в интересах собственного правительства. Эта система теперь распространилась еще шире: на Новгород и Псков, которые были присоединены к Москве соответственно в 1478 и в 1510 г. Старые свободные институты этих двух городов были тогда упразднены.

С уничтожением политической свободы городов Восточной Руси, экономические различия между бедными и богатыми приобрели новое значение. Высший слой московских купцов, гости и суконники, превратились в привилегированное меньшинство, стоящее много выше основной части горожан. В течение шестнадцатого века этот высший слой был разделен на три группы: 1. гости, самые богатые оптовые

торговцы; 2. *гостинная сотня*, корпорация менее богатых гостей; 3. и *суконная сотня*, корпорация суконников. Все они освобождались от прямых налогов, а также от любых обязательных трудовых повинностей. За полученные привилегии купцы этих трех групп должны были помогать царю в финансовом управлении царством и сборе косвенных налогов.

Лишенная таким образом своего самого ценного элемента, тягловая масса горожан была разделена на две группы: *середние горожане*, такие, как розничные торговцы и ремесленники; и *молодшие* горожане, также известные под названием *черные люди*, то есть мелкие ремесленники и полуквалифицированные и неквалифицированные работники. Они сформировали так называемую *черную сотню*. Большая часть средних и младших горожан жила за пределами непосредственно города, в *посаде* (пригородах). К 1550 году они стали известны как *посадские люди* («горожане» в специфическом смысле тягловых среднего и низшего классов городского населения). Шкала компенсаций за бесчестье представителей различных классов, установленная в Судебнике Ивана IV, дает адекватное представление о различиях в социальном и экономическом положении разных городских групп[87]. Штраф за бесчестье гостя составлял 50 рублей; горожанина среднего класса — 5 рублей; за бесчестье «посадского» было достаточно 1 рубля.

В семнадцатом веке, после кризиса Смутного времени, московское правительство предприняло шаги к прикреплению горожан к их общинам. В 1613 году оно повелело посадских, бежавших из столицы во время смут, вернуть в Москву силой; в 1619 вышло общее постановление, приказывающее всем посадским, ранее переселившимся, вернуться в свои города по всей Руси[88]. По статьям Уложения от 1649 года община была окончательно оформлена как замкнутая группа, к которой все ее члены были прикреплены постоянно. Любой член, который оставлял общину без разрешения правительства, наказывался ссылкой в Сибирь[89]. В 1658 за переход из одного посада в другой установили смертную казнь[90].

Подобным же образом происходил и процесс регламентации и закрепощения крестьян Восточной Руси. Монгольская система налогообложения и воинской повинности являлась его начальным пунктом. Логические выводы были сделаны самим московским правительством. В киевский период, напомним, население сельских классов

обычно не подлежало призыву в армию. Мелкие землевладельцы (люди и *своеземцы*)[91] не облагались прямым налогом (данью)[92], а государственные крестьяне (смерды) облагались[93]. В монгольский период смерды как отдельная группа продолжали существовать только в Новгородской земле. В Западной Руси термин «смерды» постепенно вышел из употребления при литовском режиме. В Восточной Руси он вообще не использовался в монгольский период. По-видимому, многие бывшие западные и восточные русские смерды вошли в служилые общины, введенные монголами, такие, как «сотни» (в этом особом смысле) и «орды». Термин «люди» (в значении «мелкие землевладельцы») исчез из речи в монгольский период. Хотя мелкие землевладельцы в Восточной Руси[94] все еще существовали, их количество, должно быть, резко сократилось. Некоторые, судя по всему, вошли в княжеский двор; другие опустились до уровня крестьян. В Новгородских и Псковских землях, однако, класс мелких землевладельцев продолжал занимать заметную позицию весь монгольский период. В Новгороде их называли своеземцами, если каждый владел землей индивидуально; в случае коллективного владения они были известны под названием *шабры* (во Пскове — сябры)[95].

В Восточной Руси примерно с середины четырнадцатого века, сельских жителей называли просто «крестьяне» (или *христиане*)[96]. Согласно Петру Струве, новый термин ввела церковь[97]. И действительно, самый ранний восточнорусский документ, использующий слово «христиане» в значении «земледельцы», — грамота митрополита Киприана монастырю Св. Константина (1391 год). В ней он называет так арендаторов монастырских земель, желая, видимо, подчеркнуть их скорее духовную, чем официальную зависимость от монастыря. Термин повторяли как в этой форме, так и в форме «крестьяне» в разных церковных документах, и скоро он стал обычным в сфере отношений, связанных с церковными землями. Поскольку монастыри к этому времени владели значительной долей земель Восточной Руси, новый термин в конце концов стали применять также и к другим категориям земель[98]. Его использовали в Уложении 1497[99] и 1550[100] годов.

Кроме церковных и монастырских владений существовали три других категории земель, заселенных крестьянами: 1. «черные» земли, то есть облагаемые налогами государственные земли; 2. дворцовые земли; 3. владения служилых князей и бояр. В первом веке мон-

гольского владычества существовало важное различие в статусе крестьян, работавших на монастырских землях и землях других категорий. Как мы знаем, хан освободил церковь и ее владения от налогов и других повинностей. Поэтому крестьяне на монастырских землях несли только монастырские повинности, но не государственное тягло. Напротив, крестьяне на других землях и платили дань, и несли воинскую повинность. Как ни парадоксально это звучит, привилегии церкви резко сократились после распада Золотой Орды и укрепления власти великого князя московского. Церковь теперь должна была обращаться к великому князю за подтверждением своих льгот. Несколько великокняжеских грамот предоставили церкви административную неприкосновенность, но обложили крестьян церковных владений налогами ям и соха. В результате к 1500 году статус монастырских крестьян приблизился к статусу крестьян других категорий.

Несмотря на тягло, крестьяне всех категорий в монгольский период еще сохраняли личную свободу. Более того, крестьянин Восточной Руси того периода не являлся простым арендатором чьей-либо земли, а имел собственное право, *трудовое право* на землю, которую обрабатывал. Независимо от того, работал он на «черной», дворцовой или боярской земле, никто не мог законным путем согнать его с участка, и его права на эту землю признавались судом — до тех пор, пока он продолжал обрабатывать ее и платить налоги[101]. Разница между крестьянами, живущими на «черной» земле, и крестьянами в церковных или личных владениях заключалась в том, что первые должны были платить только государственные налоги, а последние платить еще и манориальные сборы или работать на землевладельца в соответствии с традицией. Чтобы уравнять положение двух групп, «черные» крестьяне платили налоги по более высоким ставкам, чем манориальные крестьяне. Каждый крестьянин имел право покинуть свой участок и переехать в другое владение после полного расчета по окончании сельскохозяйственного цикла, то есть поздней осенью. На черных землях от него обычно требовалось найти заместителя, который мог бы принять на себя его долю тягла. К середине пятнадцатого века подходящим днем для окончания срока крестьянских обязательств считали день Св. Юрия, 26 ноября. Уложения 1497 и 1550 годов легализовали эту дату.

Свобода передвижения крестьянина, разумеется, могла быть стеснена его личным долгом владельцу земли. В результате сельскохо-

зяйственного кризиса середины шестнадцатого века случаи таких задолженностей участились. Но не личные долги некоторых крестьян, однако, а новая политика государственного контроля над земельными владениями оказалась самой серьезной угрозой свободе крестьян. С широким введением поместной системы в середине шестнадцатого века правительство столкнулось с проблемой обеспечения *помещиков* (держателей поместий) работниками и не видело альтернативы прикреплению крестьян к поместным землям, сначала в качестве временной меры (1581). По статьям Уложения от 1649 года крепостное право было введено на всех видах земель, кроме черных, и сделано постоянным. Крестьяне черных земель сохраняли свой прежний статус, но были теперь прикреплены к их общинам.

5. Духовная жизнь

I

В средневековой Руси, как и на средневековом Западе, главную роль в духовной жизни нации играла христианская церковь. Таким образом, особенно после победы в Золотой Орде ислама, оставалось немного возможностей для прямого монгольского влияния на Руси в религиозной сфере. Косвенно, однако, монгольское завоевание влияло на развитие русской церкви и духовную культуру самыми разными путями. Первый удар монгольского нашествия был для церкви таким же болезненным, как и для других сторон русской жизни и культуры. Многие выдающиеся священники, включая самого митрополита, погибли в разрушенных городах; многие соборы, монастыри и церкви были сожжены или разграблены; множество прихожан убито или уведено в рабство. Город Киев, митрополия русской церкви, был так опустошен, что многие годы не мог служить центром церковной администрации. Из епархий больше всех пострадал Переславль, и епархию там закрыли.

Только после того как Менгу-Тимур выдал русским церковным властям охранную грамоту, церковь еще раз оказалась на твердой земле и могла постепенно реорганизовываться; по прошествии времени в некоторых отношениях она стала даже сильнее, чем до монгольского нашествия. И правда, руководимая греческими митрополитами или русскими митрополитами, посвященными в сан в Византии, защищенная ханской грамотой, церковь на Руси тогда меньше

зависела от княжеской власти, чем в какой-либо другой период русской истории. Фактически митрополит не раз служил арбитром в разногласиях между князьями. Это время было также периодом, когда русская церковь имела возможность создать мощную материальную базу для своей деятельности. Поскольку церковные земли были ограждены от вмешательства государственных властей, как монгольских, так и русских, они привлекали все больше крестьян, и доля их производства в общем сельскохозяйственном продукте постоянно росла. Это особенно справедливо в отношении монастырских владений. Уровень процветания, достигнутый церковью к концу первого века монгольского владычества, чрезвычайно помог в ее духовной деятельности.

Среди задач, стоявших перед церковью в монгольский период, первой была задача оказания моральной поддержки ожесточенным и озлобленным людям — от князей до простолюдинов. Связанной с первой была и более общая миссия — завершить христианизацию русского народа. В киевский период христианство утвердилось среди высших классов и горожан. Большая часть монастырей, основанных в то время, находилась в городах. В сельских районах христианский слой был довольно тонким, и пережитки язычества еще не были побеждены. Только в монгольский период сельское население Восточной Руси было более основательно христианизировано. Это было достигнуто как энергичными усилиями духовенства, так и ростом религиозного чувства среди духовной элиты самого народа. Большая часть митрополитов того периода проводило много времени, путешествуя по всей Руси в попытках исправить пороки церковной администрации и направить деятельность епископов и священников. Было организовано несколько новых епархий, четыре в Восточной Руси, две в Западной Руси и одна в Сарае. Количество церквей и монастырей постоянно увеличивалось, особенно после 1350 года, и в городах, и в сельских районах. Согласно Ключевскому, в первое столетие монгольского периода основали тридцать монастырей и примерно в пять раз больше — во второе[102]. Характерной чертой нового монастырского движения являлась инициатива молодых людей с горячим религиозным чувством, которые приняли монашеский сан, чтобы удалиться в «пустынь» — глубоко в леса — для тяжелой работы в простых условиях, для молитв и размышлений. Несчастья монгольского нашествия и княжеских усобиц, а также суровые условия жизни в

целом способствовали распространению подобных умонастроений.

Когда бывший приют отшельника превращался в большой, многолюдный и богатый монастырь, окруженный благополучными крестьянскими деревнями, бывшие отшельники, или новые монахи сходного духа, находили изменившуюся атмосферу удушающей и покидали монастырь, который основали или помогли расширить, чтобы устроить другой приют, глубже в лесу или дальше на север. Таким образом, каждый монастырь служил колыбелью нескольких других. Пионером и самым почитаемым главой этого движения был Св. Сергий Радонежский, основатель Троицкого монастыря примерно в 75 километрах на северо-восток от Москвы. Его святая личность вдохновляла даже тех, кто никогда не встречался с ним, и влияние дела его жизни на последующие поколения было огромным. Св. Сергий стал символом веры — важным фактором в религиозной жизни русского народа[103]. Среди других выдающихся руководителей русского иночества этой эры были Св. Кирилл Белозерский и Святые Зосима и Савватий, основатели Соловецкого монастыря на одноименном острове в Белом море. Между прочим, новые монастыри играли важную роль в колонизации северных районов Руси[104].

Несколько северных монастырей находились на территории финно-угорских племен, и эти народы теперь тоже приняли христианство. Миссия Св. Степана Пермского среди зырян (теперь называются коми) была особенно продуктивной в этом отношении. Одаренный филолог, Степан Пермский не только овладел зырянским языком, но даже создал специальный алфавит для него, который он использовал при распространении религиозной литературы среди аборигенов[105].

Другим важным аспектом религиозного возрождения в Восточной Руси в монгольскую эру было церковное искусство. Этот период был свидетелем расцвета русской религиозной живописи в форме и фресок, и икон[106]. Важную роль в этом художественном возрождении сыграл великий греческий живописец Феофан, который оставался на Руси примерно тридцать лет до конца своей жизни и карьеры. Феофан творил сначала в Новгороде, а потом в Москве. Хотя русские восхищались и шедеврами, и личностью Феофана, его нельзя назвать основателем ни новгородской, ни московской школ иконописи. Русские иконописцы широко применяли его технику свобод-

ного мазка, но они не старались подражать его индивидуальному и драматическому стилю. Самым великим русским иконописцем этого периода является Андрей Рублев, который провел свою юность в Троицком монастыре и позже написал для него свою знаменитую икону «Троица». Очарование рублевских творений кроется в чистом спокойствии композиции и гармонии нежных красок. Прослеживается определенное сходство между его произведениями и произведениями его современника, итальянского художника Фра Анжелико.

Менее ярким, но не менее значительным, по-видимому, было развитие в этот период церковного пения, о котором, к сожалению, нам мало известно. Большинство дошедших до нас рукописей диатонического *знаменного* распева относятся к постмонгольскому времени, от 1450 до 1650 года[107]. Прототип знаменного распева завезли на Русь в одиннадцатом веке византийские певцы. В постмонгольское время русский распев отличался во многих отношениях от византийского образца. Как указывает Альфред Сван, *«за время роста на русской почве и приспособления к русским условиям [знаменный распев] сблизился с русской народной песней»*[108]. По-видимому, монгольский период был инкубационным периодом финальной стадии знаменного распева. Также именно в конце монгольского периода появился другой распев, так называемый *демественный*. Он стал популярным в шестнадцатом веке[109].

В литературе церковный дух нашел выражение прежде всего в поучениях епископов и житиях святых, а также в биографиях некоторых русских князей, которые — это чувствовалось — настолько заслуживали канонизации, что их биографии писались в житийном стиле[110]. Основная идея большинства этих произведений заключалась в том, что монгольское иго — это кара Божья за грехи русского народа и что только истинная вера может вывести русских из этого тяжелого положения. Поучения епископа Серапиона Владимирского (1274-75 годы) типичны для этого подхода. Он винил за страдания русских преимущественно князей, которые истощили силы нации своими постоянными раздорами. Но он не останавливался на этом. Он упрекал простых людей за приверженность к пережиткам язычества и призывал каждого русского покаяться и стать христианином по духу, а не только по названию[111]. Среди князей первого столетия монгольского правления особый интерес представляют жития великого князя Ярослава Всеволодовича и его сына Алек-

сандра Невского. Биография Ярослава Всеволодовича сохранилась только в отрывках. Она была задумана как первый акт национальной трагедии, в которой великому князю досталась главная роль. Во вступлении с восторгом описывается счастливое прошлое русской земли. По всей видимости, за ним должно было следовать описание постигшей Русь катастрофы, но эта часть утеряна. Вступление сохранилось под отдельным названием — «Слово о погибели земли русской»[112]. Оно, возможно, является высшим достижением русской литературы раннего монгольского периода. В Житии Александра Невского ударение делается на его ратную доблесть, проявленную при защите греческого православия от римско-католического крестового похода[113].

Как и в киевский период, духовенство монгольского периода играло важную роль в составлении русских летописей. После монгольского нашествия вся работа остановилась. Единственной летописью, написанной между 1240 и 1260 годами, дошедшей до нас в отрывках, является Ростовская. Ее составителем был епископ этого города Кирилл. Как убедительно показал Д.С. Лихачев, Кириллу помогала княгиня Мария, дочь Михаила Черниговского и вдова Василько Ростовского. И ее отец, и ее муж погибли от руки монголов, и она посвятила себя благотворительности и литературному труду[114]. В 1305 году летопись составили в Твери. Она частично была переписана в 1377 году суздальским монахом Лаврентием (автором так называемого «Лаврентьевского списка»). В пятнадцатом веке в Москве появились исторические работы более широкого охвата, такие, как Троицкая летопись (начата под руководством Митрополита Киприана и завершена в 1409 году) и даже еще более значительный сборник летописей, собранный под редакцией митрополита Фотия примерно в 1428 году. Он послужил основой для дальнейшей работы, которая привела к созданию грандиозных сводов шестнадцатого века — Воскресенской и Никоновской летописей. Новгород в течение четырнадцатого столетия и до своего падения являлся центром ведения своих собственных исторических анналов. Необходимо отметить, что многие русские летописцы, и особенно составители Никоновской летописи, продемонстрировали великолепное знание не только русских событий, но также и татарских дел.

II

В русском светском творчестве монгольской эпохи, как письменном так и устном, можно заметить двойственное отношение к татарам. С одной стороны, — чувство неприятия и противостояния угнетателям, с другой, — подспудная притягательность поэзии степной жизни. Если мы вспомним страстное влечение к Кавказу ряда русских писателей XIX века, таких, как Пушкин, Лермонтов и Лев Толстой, то это поможет нам понять такой образ мысли.

Благодаря тенденции, связанной с неприязнью, былины домонгольского времени перерабатывались в соответствии с новой ситуацией, и название новых врагов — татар — заменило имя старых (половцев). Одновременно создавались новые былины, исторические легенды и песни, в которых речь шла о монгольском этапе борьбы Руси против степных народов. Разрушение Киева Батыем (Бату) и набеги Ногая на Русь служили темами для современного русского фольклора.[115] Притеснение татарами Твери и восстание тверичей в 1327 г. не только было вписано в летописи, но и со всей очевидностью составило основу отдельной исторической песни.[116] И, конечно же, как уже упоминалось, битва на Куликовом поле стала сюжетом для множества патриотических сказаний, фрагменты которых использовались летописцами, а позднее записывались полностью. Здесь мы имеем случай смешения устной и письменной форм в древней русской литературе. «Задонщина», тема которой относится к тому же циклу, безусловно является произведением письменной литературы.[117] Слагатели былин домонгольского периода чувствовали особую притягательную силу и поэзию степной жизни и военных походов. Та же поэтика чувствуется и в произведениях более позднего периода. Даже в патриотических сказаниях о поле Куликовом доблесть татарского витязя, вызов которого принял монах Пересвет, изображена с несомненным восхищением. В домонгольских русских былинах есть близкие параллели с иранскими и ранними тюркскими героическими песнями.[118] В монгольскую эпоху на русский фольклор также оказывали влияние «татарские» (монгольские и тюркские) поэтические образы и темы.[119] Посредниками в знакомстве русских с татарской героической поэзией были, возможно, русские солдаты, которых набирали в монгольские армии. Да и татары, осевшие на Руси, тоже

внесли свои национальные мотивы в русский фольклор.

Обогащение русского языка словами и понятиями, заимствованными из монгольского и тюркского языков, или из персидского и арабского (через тюркский), стало еще одним аспектом общечеловеческого культурного процесса. К 1450 г. татарский (тюркский) язык стал модным при дворе великого князя Василия II Московского, что вызвало сильное негодование со стороны многих его противников. Василия II обвиняли в чрезмерной любви к татарам и их языку («и речь их»).[120] Типичным для того периода было то, что многие русские дворяне в XV, XVI и XVII веках принимали татарские фамилии. Так, член семьи Вельяминовых стал известен под именем Аксак (что значит «хромой» по-тюркски), а его наследники стали Аксаковыми.[121] Точно так же, одного из князей Щепиных-Ростовских звали Бахтеяр (bakhtyar по-персидски значит «удачливый», «богатый»). Он стал основателем рода князей Бахтеяровых, который пресекся в XVIII веке.

Ряд тюркских слов вошел в русский язык до монгольского вторжения, но настоящий их приток начался в монгольскую эпоху и продолжался в XVI и XVII веках. Среди понятий, заимствованных из монгольского и тюркского языков (или, через тюркский, — из арабского и персидского языков), из сферы управления и финансов можно упомянуть такие слова, как деньги, казна, таможня. Еще одна группа заимствований связана с торговлей и купечеством: базар, балаган, бакалея, барыш, кумач и другие. Среди заимствований, обозначающих одежду, головные уборы и обувь, можно назвать следующие: армяк, башлык, башмак. Вполне естественно, что большая группа заимствований связана с лошадьми, их мастями и разведением: аргамак, буланый, табун. Много других русских слов, обозначающих домашнюю утварь, еду и питье, а также сельскохозяйственные культуры, металлы, драгоценные камни, также заимствованы из тюркского или других языков через тюркский.[122]

Фактор, который трудно переоценить в развитии русской интеллектуальной и духовной жизни — это роль живших на Руси и обращенных в христианство татар и их потомков. Уже упоминалась история царевича Петра Ордынского, основателя монастыря в Ростове. Были и другие подобные случаи. Выдающийся русский религиозный деятель XV века, тоже основавший монастырь, Св. Пафнутий Боровский, был внуком баскака. В XVI веке боярский сын татарского про-

исхождения по имени Булгак был посвящен в духовный сан, и после этого кто-либо из членов семьи всегда становился священником, вплоть до отца Сергия Булгакова, широко известного русского богослова XX века.[123] Были и другие выдающиеся русские интеллектуальные лидеры татарского происхождения, такие, как историк Н. М. Карамзин и философ Петр Чаадаев[124]. Чаадаев, вероятно, был монгольского происхождения, поскольку Чаадай является транскрипцией монгольского имени Джагатай (Чагатай). Возможно, Петр Чаадаев был потомком сына Чингисхана — Чагатая.[125] Одновременно парадоксально и типично, что в «плавильной печи» русской цивилизации с ее гетерогенными элементами «западник» Чаадаев был монгольского происхождения, а «славянофильская» семья Аксаковых имела своими предками варягов (ветвь Вельяминовых).

6. Последствия

I

Когда Восточная Русь освободилась из-под власти хана, она стала значительно сильнее, нежели до монгольского вторжения. Вся «Великая Русь» была теперь объединена под предводительством великого князя московского. Чтобы подчеркнуть свою независимость от иноземного правления, а также свои полномочия во внутренних делах страны, он присвоил себе титулы царя и самодержца. Иезуит Антонио Поссевино, один из самых тонких дипломатов второй половины XVI века, хорошо знакомый с восточноевропейскими делами, был, по всей вероятности, прав, когда говорил, что «высокомерие» московских правителей было результатом их освобождения от господства татар.[126] Оба титула — «царь» и «самодержец» — время от времени использовались в последние годы правления Ивана III и более часто — при Василии III.[127] Иван IV с одобрения церкви (1547 г.) был официально признан царем. В последующей полемике с князем Курбским Иван IV использовал слово «самодержец» в значении абсолютный верховный руководитель внутренними делами страны.

Следует вспомнить, что титул «царь» русские впервые применили по отношению к византийскому императору, а затем — и к монгольскому хану. Случилось так, что ко времени, когда Русь освобождалась уже от наполовину разбитых оков ханского правления, Византийская империя пала под натиском оттоманских турок. Иван III,

женившись на Софии Палеолог, племяннице последнего византийского императора, находившейся под опекой папы, смог претендовать на права византийских царей. Папа и венецианцы, рассчитывавшие получить от русских помощь для борьбы с османами, не теряли времени даром, всячески подчеркивая значимость такого брака для Ивана III. Сами русские прекрасно понимали истинные причины этой женитьбы, но не считали это событие столь уж значительным.[128] Однако они использовали византийские традиции во многих других случаях. Русская политическая мысль испытывала влияние византийских доктрин со времени обращения Руси в христианство. В киевский период русскими еще не была тщательно выстроена теория монархии, поскольку русская политическая почва того времени сильно отличалась от византийской. Затем условия изменились, в Московии возникло сильное централизованное государство, и русские образованные люди могли теперь обратиться за вдохновляющими идеями к тем течениям византийской мысли, которые они упускали из виду ранее. Нет сомнения в том, что московские монархические теории XVI века во многих отношениях отражали византийскую доктрину.[129]

Более того, москвичи теперь делали попытки найти исторические свидетельства для подтверждения прямой связи между византийской и русской монархиями. Среди множества выдвигавшихся полу— и псевдоисторических аргументов было и утверждение, что Владимир Святой во времена его обращения в христианство был коронован императором и патриархом Константинопольским. Еще одна популярная история рассказывала о том, что князь Владимир Мономах получил знаки царского отличия от византийского императора. На основе этой легенды царский венец московских правителей, украшенный драгоценными камнями и мехами, стал называться в XVI веке шапкой Мономаха. Герберштейн был первым из иностранных наблюдателей за русскими делами, который связал этот символ монаршей власти с именем Мономаха.[130] В завещании Ивана IV впервые в русских документах упоминается о шапке Мономаха.[131] Она хранилась в сокровищнице московских великих князей со времени правления Ивана I и упоминалась в их завещаниях, как Шапка Золотая.[132] Вероятно, ее подарил Ивану I хан Узбек. Царский венец русских монархов является шедевром центральноазиатского искусства конца XIII или начала XIV века.[133]

Трудно сказать, всерьез ли верили сами москвичи в истории о коро-

нованиях Владимира Святого и Владимира Мономаха. Во всяком случае, они не все ставили на византийскую карту, отдавая себе полный отчет в исторической связи между Московским царством и Золотой Ордой. И конечно, вполне естественным для московского правителя было принять титул его прежнего сюзерена. Более того, когда началось русское наступление на Восток, в ходе которого были завоеваны Казанское и Астраханское ханства (соответственно в 1552 и 1556 гг.), русский царь мог заявить права на царствование, по крайней мере, в двух наследственных золотоордынских государствах. Московская власть придавала особое значение глубинным целям этих завоевательных походов, способных обеспечить признание царского титула своего правителя королем Польши. В русской дипломатической ноте, врученной польскому и литовскому послам в 1556 г., утверждалось, в дополнение к византийскому доводу, изложенному нами выше, что кроме русской земли Господь дал Ивану IV царства Казанское и Астраханское, *«а трон Казанский и Астраханский был царским престолом с самого начала».*[134] Стоит добавить, что московский писатель XVII века Григорий Котошихин, очень хорошо знакомый с учреждениями и традициями своей страны, также считал завоевание Казани и Астрахани историческим фундаментом Московского царства.[135]

Важным аспектом продолжения монгольской традиции в московской монархии стало монгольское влияние на этикет дипломатических переговоров. Многие западные посланники в Московии жаловались на жесткие и нелепые формальности дипломатического ритуала. Между прочим, когда мы оглядываемся сейчас на те взаимные обиды, требования и встречные претензии по поводу этикета со стороны русских и западных дипломатов XVI и XVII веков, некоторые представления гостей кажутся нам столь же абсурдными, как и представления наших соотечественников. Причина взаимного непонимания — в разных системах правил, которым следовали западные и русские люди. Русский церемониал во многих отношениях являлся отражением монгольского образца.[136]

Основные понятия москвичей об обязанностях правительства по отношению к зарубежным послам и о правах послов по отношению к правительству той страны, в которой они пребывали, существенно отличались от западных представлений. Москвичи разделяли точку зрения монголов, что посол является гостем правителя. Правитель должен был снабжать его и его свиту едой и питьем, обеспечивать ночлег и

свободное передвижение и тщательно охранять его. Хотя западные посланники не возражали против бесплатного ночлега и питания, они часто протестовали по поводу избыточной заботы москвичей об их безопасности, нередко выливавшейся в назойливый присмотр. С другой стороны, русские послы возмущались, когда им приходилось платить — и подчас слишком много — за передвижение и средства к существованию. Как в монгольском, так и в московском дипломатическом церемониале большое внимание уделялось взаимным подаркам. Не только правители обменивались между собой подарками, — предполагалось, что и послы будут одаривать достойными подарками тех правителей, которым они наносят визит. Московское правило, следуя образцу монгольского этикета, запрещало кому-либо из иностранных послов быть при оружии во время аудиенции у царя. Многие западные послы возмущались, когда от них требовали расстаться со своим мечом перед тем, как войти в приемные покои, но вынуждены были мириться с этим правилом. Когда зарубежный посланник приезжал на Русь, на границе его встречал особый чиновник — пристав. Московский этикет (так же как и татарский) требовал, чтобы посланник и пристав одновременно спешились для приветствия друг друга от лица своих суверенов. После этого пристав должен был сопровождать посла по правую сторону от него. По причинам, которые довольно трудно понять, западные гости яростно противились этим двум правилам и пытались найти всевозможные способы, чтобы обойти их. Большинству, однако, приходилось подчиняться.[137]

Знакомство москвичей с монгольским способом ведения дипломатии очень помогало им в отношениях с восточными державами, особенно с государствами, ставшими преемниками Золотой Орды. В определенном смысле, Русь сама была таким государством-наследником, и после распада Золотой Орды представлялось, что правитель Руси имел право заявлять свои требования на лидерство в монголо-татарской сфере. Поскольку, как мы уже видели, так называемая Золотая Орда на самом деле являлась Белой Ордой, московский царь, как преемник ханов этой Орды, теперь стал именоваться «белым царем». Вплоть до XVIII и XIX веков русский император все еще оставался белым ханом (tsagan khan) для калмыков и бурятов.[138] Тот факт, что русский царь является преемником монгольских ханов, создавало благоприятную психологическую ситуацию для распространения царской власти на многие тюркские и монгольские

племена. И московские дипломаты сознательно или подсознательно пользовались этой ситуацией. Можно согласиться с мнением Николая Трубецкого, заметившего, что русские унаследовали свою империю от Чингисхана.

II

Освобождение Восточной Руси от монгольского правления было результатом совместных усилий московских великих князей, церкви, бояр, дворянства, простых людей — практически всего народа. Новая монархия, которая создавалась в процессе сложного движения к освобождению, основывалась на принципах, не свойственных русским в киевский период. Все классы восточнорусского общества теперь подчинялись государству. Можно было бы ожидать, что после достижения главной цели — обретения независимости, московское правление станет более мягким. Но случилось обратное. Неумолимо шло жесткое разделение общественных классов, которое достигло своего пика примерно к 1650 г., два века спустя после окончания монгольского правления.

Что стало причиной этого исторического парадокса? Ответ очевиден: непрочное положение московской монархии на международной сцене и постоянная угроза войны. На юго-востоке и на юге Московии все еще угрожали татары; на западе борьба за власть между Москвой и Литвой (после 1569 г. — между Москвой и Польшей) продолжалась, вспыхивая с почти регулярными интервалами; на северо-западе, после захвата Новгорода, московскому правительству пришлось взять на себя задачу, которую раньше выполняли новгородцы: сдерживать натиск ливонских рыцарей и Швеции на территориях, прилегающих к Финскому заливу, и в Карелии. Когда Москва отвергла господство хана Золотой Орды, все еще оставался ряд татарских государств-наследников, и татары продолжали осуществлять свои набеги на южные и восточные земли Московии почти каждый год, грабя и захватывая тысячи пленников. Таким образом, расходы русских ресурсов скорее увеличились, нежели уменьшились после освобождения великого князя московского от монгольского правления. В степях не существовало естественных границ между Московией и татарами, и русским приходилось постоянно охранять всю границу. Большую помощь в этом оказывали касимовские татары, а также приграничные жители и казаки, но все же приходилось каждый год мобилизовать вой-

ска регулярной армии. Была создана хорошо продуманная система оборонительных укреплений, но во многих случаях татарам удавалось преодолевать препятствия и вторгаться в страну. В таких обстоятельствах единственным путем решения этой проблемы представлялось установление прочного контроля русских над степями либо военным, либо дипломатическим путем. С геополитической точки зрения, прорыв Ивана IV вниз по Волге к Астрахани стал важным шагом, поскольку разделил степную зону на два сектора, о каждом из которых можно было позаботиться в отдельности. Но это явилось началом русских претензий на господство над степными народами. Этот процесс продолжался на протяжении XVII и XVIII веков, завершившись на юге завоеванием Крыма в 1783 г.

Борьба на западе, хотя и не столь затяжная и изнурительная, как процесс сдерживания татар, в целом требовала не меньших усилий, поскольку в периоды особо острых кризисов возникала необходимость в более сильной и лучше оснащенной армии и в значительных расходах на вооружение. Ситуация вовсе не благоприятствовала какому-либо ослаблению правительственного контроля. С другой стороны, требовались новые налоги, и система налогообложения скорее ужесточалась, нежели либерализировалась. Создание новой армии, основанной на поместной системе, подняло проблему обеспечения поместий рабочей силой, а это, как мы видели, вело к крепостничеству. В результате всего этого расслоение общественных классов, которое началось во время монгольского периода и имело первоначальной основой монгольские принципы управления, продолжалось и окончательно завершилось при московском правлении. Самодержавие и крепостное право стали той ценой, которую русский народ должен был заплатить за национальное выживание.

Примечания

Сокращения

Источники

Литература

Генеалогические таблицы

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I. МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

[1] Brown 3, p. 4.
[2]Предлагаю выдержку из письма императора Фридриха II королю Англии относительно появления монголов: «Таким образом, страх и трепет возникли среди нас, побуждаемые яростью этих стремительных захватчиков». См.: Matthew Paris, I, 343.
[3] Howorth, I, X.
[4] Idem, I, XI.
[5] Ibid.
[6] A. Zeki Validi [Togan], «Considérations sur la collaboration scientifique entre l'Orient islamique et l'Europe», REI (1935), p. 269.
[7] See Ancient Russia, chaps. 2-4.
[8] See Kievan Russia, pp. 224-225.
[9] Ab-ul-Faraj, p. 354.
[10] Gibbon, 2, 1203.
[11] Fulcher of Chartres, E. McGiuty, trans., University of Pennsylvania «Translations and Reprints», 3d ser., p. 69; Raymond of Argiles as quoted in A.C. Krey, The First Crusade (Princeton University Press, 1921), p. 261. Both excerpts cited by La Monte, p. 342.
[12] See H. Grégoire. «The 2 qestion of Diversion of the Fourth Crusade to Constantinople», Byzantion, 15 (1940-41), 158-166.
[13] Matthew Paris, I, 348.
[14] On the Khorezmian Empire see W. Barthold. «Kwarizm-shah», EI, 2, 913-914; idem, Turkestan, chap. 3; Толстов. По следам, с. 273-289; cf. Kievan Russia, p. 236. For a survey of the sources of Khorezmian history see Togan, pp. 206-207.
[15] О Селевкидах см. Гордлевский; cf. Kievan Russia, pp. 235-236, 361-362. For a survey of the sources of Seljuq history see Togan, pp. 204-206.
[16] On the Ismailites and Assassins see «Assassins», EI, I, 421-422; C. Huart. «Ismailiya», EI, 2, 549-552; W. Iwanow. Studies in the Early Persian Ismailism (Leyden, 1948); idem, The Alleged Founder of Ismailism (Bombay, 1946).
[17] Siyaset-nama; see also K.E. Schabinger. «Zur Geschichte des saldschuqen Reichskanzlers Nizamu'l Mulk», Historisches Jahrbuch, 62 (1949), 250-283.
[18] La Monte, pp. 335,413.
[19] В 1237 г. два ордена слились, и Тевтонский орден стал лидером; see Kievan Russia, p. 235.
[20] Об альбигойцах и катарах см.: La Monte, pp. 411, 413-416, 505; D. Obolensky. The Bogomils (Cambridge, Cambridge University Press, 1948), pp. 156, 157, 215, 216, 242-246, 286-289. Эти ереси представляли западное распространение манихейства. В качестве новейшего исследования манихейства см.: H.C. Puech. Le Manichéisme, son fondateur, sa doctrine (Paris, 1949).
[21] On the ikta see M. Sobernheim, «Ikta», EI, 2, 461-463; Siyaset-nama, chaps.5, 22,23,

and 27. Cf. M. Fuad Köprülü. «Le Féodalisme Turc-Musulman au Moyen-Age», Belleten, 5 (1941), 335-350; A.N. Poliak. Feudalism in Egypt, Syria, Palestine, and the Lebanon, 1250-1900 (London, The Royal Asiatic Society,1939); Minorsky. Tadhkirat; p. 27-28.

[22] О хорезмийских искусствах и производствах см.: В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана / Ленинград, 1927 /, с. 74-81; А.Ю. Якубовский. «Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV веках», Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Ленинград, 1933/, I, 4-9, 27-36; Толстов. По следам, с. 285-287.

[23] Kievan Russia, chaps. 5-8-10.

[24] О роли кочевников в истории см.: W. Kotwicz. «O role ludow koczowniczych w historji», Pamietnik IV Zjazdu historikow polskich W Poznaniu (1925); A.J. Toynbee. A Study of History (Oxford, Oxford University Press, 1934; 2d ed. 1935; 3d impression, 19450, 3, 393, 395, 399-402, 421, 431; G. Vernadsky. «The Eurasian Nomads and Their Art in the History of Civilization», Saeculum, I (1950), pp. 74-85; idem, «Sarmat. Hintergrund», pp. 340-392.

[25] M.I. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia (Oxford, Clarendon Press, 1922); Ancient Russia, chaps. 2 and 3. For burther references see G. Vernadsky. «Sarmat. Hintergrund, pp. 340-392.

[26] See Moravcsik; F. Altheim. Attila und die Hunnen (Baden-Baden, 1957); Ancient Russia, chaps.
4-6; Kievan Russia, pp. 224-225.

[27] See McGovern; W. Barthold, Turkestan; Wittfogel, especially appendix 5 (Qara-Khitay); W. Eberhard. «Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas, TP, 36, Suppl. (1942).

[28] Grum-Grzymailo, 2,25-27; Menges, p. 3. P. A. Boodberg's study; «Ting-ling and Turks», Sino-Altaica,2, [1]5 (Berkeley, Calif., 1934) has not been accessible to me.

[29] See M. Rostovtzeff. «The Sarmatae and the Parthians», CAH, 11,100; A.M. Tallgren. «Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures», ESA, 8 (1933), 174-210, especially p. 204. Ср.: А.П. Окладников. «Конь и знамя на ленских писанитсах», Тюркологический сборник (Москва и Ленинград, 1951), I, 143-154.

[30] О тождественности ас и аланов см.: Ancient Russia, pp. 105-106; H.W. Bailey «Asica», TPS (1945), pp. 1-2.

[31] See W. Kotwicz and A. Samoilovitch. «Le Monument turc d'Ikkekhuchotu en Mongolie centrale», RO,4 (1928), 15 (of the reprint); Bernshtam, p. 47.

[32] Владимирцов, с. 131.

[30] Согласно мнению П. Пеллио, татары принадлежали скорее к монгольской группе, нежели к тунгусской; See Grousset, p. 25.

[24] Согласно Пеллио, кераиты и найманы представляли смесь тюркских и монгольских элементов; See Grousset, p. 28. Относительно антропологии и этнологии племен западной Монголии см.: Grum-Grzymailo, 3, Pt. I, and chap. I. in Pt.2.

[35] Matthew Paris, I, 312.

[30] См. Владимирцов, с. 33-36.

[37] Об «онгоне» см. Рашид I с. 24,198; Владимирцов, с. 50; Д.К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири (Москва и Ленинград, 1936).
О древней религии тюрков, которая была близка монгольской, см. Schmidt. Смотри также Н. Веселовский. «О религии татар по русским летописям», ЖМНП, НС, 64 (1916), 81-101; Поппе. «Описание».

[30] О распространении несторианства в Центральной и Восточной Азии см.: W. Barthold. Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung (Tübingen and Leipzig, 1901); P.Y. Saeki. The Nestorian Documents and Relics in China (Tokyo, 1937); J. Dauvillier «Le Droit chaldéen (Paris, 1939; недоступна мне).

[30] Пеллио сомневается в аутентичности истории Аб-уль-Фараджа в этом случае; See Grousset, p. 29.

[40] См.: Владимирцов, с. 46-59.
[41] Относительно кости (ясун) см. также: W. Kotwicz. «Contributions á l'histoire de l'Asie centrale», RO, 15 (1939-49), 161, cf. Cleaves, Inscription III, p. 75.
[42] Rashid I, p. 8; Ср. Владимирцов, с. 46.
[43] См.: Владимирцов, с. 49-51.
[44] Русское слово курень (по-украински — куринь) производно от монгольского термина, хотя и несет иную коннотацию. В Запорожской сечи казарма общества козаков была известна как куринь. В современном русском языке курень означает дом (подобный строениям лесорубов или сторожей-садовников).
[45] Владимирцов, с. 70,118; аналогичный термин в Московской Руси (черные люди) см. ниже, гл. 5. Разд. 4. с. 375.
[46] Основными источниками биографии Темучина являются: «Тайная история монголов»; «Китайская история кампаний Чингисхана» и коллекция хроник Рашида ад-Дина. Относительно изданий и переводов этих работ см.: список источников. Биографии Чингисхана см. в библиографии. См. также монгольскую надпись 1362г., Cleaves, Inscription I, pp. 83-85.
[47] «Марал» (Cervus maral) — алтайский олень, который также населяет западную Монголию. См.: Grum-Grzymailo, I, 517-518.
[48] Относительно волка и оленя как тотемных животных среди северных иранцев (аланов) см.: Абаев, с. 49.
[49] Там же, с. 85.
[50] Осетинский язык рассматривается как производный от аланского.
[51] Абаев, с. 85.
[52] Там же, с. 45.
[50] Из контекста легенды неясно, были ли три сына Алан-Коа тройняшками или же родились один за другим.
[54] Рашид IA. с. 7, 9.
[55] Следует отметить, что, согласно Аммиану Марцелину, волосы аланов «часто светлые»; см.; Ancient Russia, p. 90. Некоторые из потомков осетин также блондины; см.: В. Миллер. «Осетины», ЭС, 43, 263.
[50] Рашид IA. с. 10.
[57] Козин, с. 81.
[50] E. Herzfeld. «Alongoa», Der Islam, 6 (1916), 317-327; cf. E. Blochet. «Les Inscriptions de Samarkand», RA 3d ser., 30 (1897), 67-77. Arnold J. Toynbee. A Study of History, 6, 268 and n. 4, принимает теорию Херцфельда.
[59] О Тимуре (Тамерлане) см. ниже, глава 4, разд. 2, с. 247-248.
[60] В этой форме история Алан-Коа повторена биографом Тимура Шарафом ад-Дином Али Язди в его «Зафар-нама»; см.: Blochet (as in n. 58), с. 202-221.
[61] Согласно Йуан-ши, лишь один из сыновей Алан-Коа был рожден сверхъестественным путем. See Krause. Cingis Han, p. 8; Иакинф, с. 2.
[62] Олконоуты были ветвью унгиратов, которые жили в восточной части Монголии. Интересный комментарий к этому эпизоду см.: L. Olschki. «Ölün's Chemise», JAOS, 67 (1947), 54-56.
[63] Рашид I F, с. 88; Grousset, p. 51.
[64] Krause, Cingis Han, p. 41; Иакинф, p. 137
[65] Krause, Cingis Han, p. 41. Следует отметить, что, согласно китайскому обычаю ребенок считается годовалым в день своего рождения; see Grousset, p. 51.
[60] О монгольской хронологии см.: W Kotwicz. «O chronologji mongolskiej», RO, 2 (1925); 220-250; 4 (1926), 108-166.
Монголы, в конечном счете, приняли тибетский шестидесятный цикл, о котором см. А. Позднеев. «Монгольская летопись Ерденини-ерихе» (Ст Петербург, 1833); P

Pelliot. «Le Cycle sexagénaire dans la chronologie tibetaine», JA (May — June 1913), pp. 633-667; Baron A. von Stael-Holstein. «On the Sexagenary Cycle of the Tibetans», MS, 1 (1935), 277-314. cf. George N. Roerich's introduction to Blue Annals, p. XXI.

[67] Рашид I A, с. 88-89; Хара-Даван, с. 17.

[68] Палладий. Китайское сказание, с. 195 и п. 5.

[69] Blue Annals, p. 58.

[70] See Grousset, p. 51; Cleaves, Inscription I, p. 99.

[71] Владимирцов, с. 48.

[72] Собольи меха имели большую ценность, в особенности в Китае. Согласно Марко Поло, «соболье одеяние, достаточно широкое, чтобы облегать мантию, стоило 2000 безантов золота или, по крайней мере, 1000, и этот тип шкур именовался татарами «королем мехов».MPYC, I, 405; MPMP, I, 232.

[73] Владимирцов, с. 83-86.

[74] Козин, с. 109.

[75] О титуле Гур-хана см. Wittfogel, p. 431.

[76] Козин, с. 144.

[77] Об уйгурской письменности см.: Бартольд. Туркестан, с. 387-391; G. Vernadsky. «Uigurs», p. 454; Wittfogel, pp. 243, 443, 670.

[78] После арабского завоевания Туркестана Трансоксания стала известна как Мавераннар («район над рекой»), по арабскому эквиваленту имени.

[79] О Кара-Кидан см.: Wittfogel, pp. 619-674.

[80] «Тайная история», разд. 202. Я следовал переводу Хэниша в данном случае.

[81] Мнение Крайдера состоит в том, что курултай 1206 г. был демократическим собранием; см. его рецензию на перевод «Тайной истории», осуществленный Хэнишем, I FOS, 70 (1950), 205.

[82] О монгольском знамени см.: Хара-Даван, с. 46; А.П. Окладников. «Конь и знамя» (как в н. 29), с. 148-153. Верили, что знамя Чингисхана было обителью его духа (сульде). См. Владимирцов, с. 145; Окладников, с. 151; ср. Поппе. «Описание», с. 171-172.

[83] Об использовании титула каган (кахан) среди Джу-Джан, начиная приблизительно с 50 г. н. э. см.: Gimpu Uchida. «A Study of the Jon-Jan Tribe», ASTH, pp. 4-5 (English summary).

Следует отметить, что, по мнению Пеллио, Чингис получил титул «хан», а не «каган»; See Cleaves, Inscription I, pp.98-99. Однако фактом является то, что в разд.123 «Тайной истории» Чингис именуется каганом (каан, см.: Козин, с. 230.); Haenisch, p. 33, переводит термин на немецкий как «чан»; его объяснение этого см.: Haenisch, p. 153.

[84] See Cleaves, Inscription I, p. 98; Хара-Даван, с. 33-35; O. Turan. «Cingiz adi hakkinda, Belleten, 5 (1941), 267-276.

[85] Haenisch, p. 153.

[86] Рашид IA, с. 65.

[87] Хара-Даван, с. 32.

[88] Там же, с. 34.

[89] Там же, с. 33-34.

[90] Перечень реформ и событий, связанных с их воплощением, предложенный далее, опирается на «Тайную историю», разд. 202-234.

[91] Следуя за Лиддел Харт в предложенной терминологии, я буду называть сотенные соединения эскадронами, тысячными батальонами и десятитысячными дивизиями.

[92] См. выше разд. 4.

[93] «Тайная история», разд. 242-343.

[94] В «Тайной истории», разд. 242, используется термин ирке. Козин, с. 566,

отождествляет его с ерке, семьей, и переводит как «юрта» (в этом смысле «Палатка», «семья»). Хэниш, и следуя за ним Ахмет Темир, турецкий автор перевода «Тайной истории», переводят этот термин ирке как «люди» («Leute», adamlar).

[95] Об орде (орду, ордо) как институте см. Wittfogel, p. 508-517.

[96] Относительно Великой Ясы см. ниже главу 2, разд.6.

[97] О роли беки в санкционировании власти кагана см.: Hirosato Iwai. «Chingis Qakhan's Enthronement and the Shamans», ASTH, PP.3-4 (English summary).

[98]Значение титула правители уйгуров, идикут, — «Священная Удача» (идук кут); See Thomsen, pp. 129-130. В Монгольской надписи 1362 г. идикут восхваляется за «следование Воле Небес», когда он подчинился Чингисхану; see Cleaves, Inscription I, P. 84.

[99] См. выше разд. 4.

[100] Козин, с. 178.

[101] Здесь и далее, если не дано иного варианта, места и провинции Китая даны в современном написании имен, дабы избежать ошибок.

[102] Владимирцов. Чингисхан, с. 98-99.

[103] Относительно китайской кампании см.: Владимирцов. Чингисхан, с. 102-113; Хара-Даван, гл. 8; Martin, chaps. 5-9.

[104] См.: Толстов. По следам, гл. 11.

[105] В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, с. 34.

[106] Относительно тюркского каганата см.: Ancient Russia, pp. 178-179, 182-184; о социальной организации тюрков ср. Бернштам, гл. 5-6.

[107] Толстов. По следам, с. 245.

[108] См. выше, разд. 2, с. 7.

[109] Роль турецких наемников в войсках Хорезма может быть сравнена с подъемом мамлюков в Египте.

[110] Толстов. По следам, с. 174-176; cf. Zambaur, p. 209.

[111] В «Киевской Руси» содержалась ссылка на кипчаков, как куманов (половцев), по форме имени, используемого в западных и византийских источниках. Русские называли куманов половцами. В восточных источниках они обычно упоминаются как кипчаки, а их страна как Кипчакия или Дешт-и-Кипчак. Кажется более правильным использовать это имя применительно к монгольскому периоду Восточные кипчаки часто имеиуются кангли. См.: Barthold, Turcs, pp. 88-91.

[112] О Ясе см. ниже, гл. 2, разд. 6, с. 99-110.

[113] О туркестанской кампании см.: Владимирцов. Чингисхан, с. 125-140.; Бартольд. Туркестан; C.C. Walker. Jenghis Khan (London, Luzac & Co., 1939), chaps. 4-6

[114] See Kievan Russia, pp.235-239.

[115] Толстов. По следам, с. 296-316.

[116] Bretschneider, I, 93-97; A. Waley. Travels of an Alchemist (London, G. Routledge & Sons, 1931), pp. 100-102, 111-120.

[117] Согласно некоторым источникам, Чингисхан был смертельно ранен стрелой. О его последней кампании и смерти см.: E. Haenisch. «Die letzte Feldzüge Cinggis Hans und sein Tod nach der ostasiatischen Überlieferung», AM, 9 (1933), 503-551.

[118] О похоронах монгольских ханов см.: Grum-Grzymailo, 2, 64-66.

[119] В монгольских надписях 1362 г. Чингисхан именуется «Суу Джали», что означает Ведущий дух; see Cleaves, Inscription I, p. 92 and p. 131, n. 259. Cf. Kotwicz. «Formules initiales», p. 131; Mostaert, p. 321; Поппе. «Описание», с. 171-172.

[120] D'Ohsson, I, Pt. I, 306; ср. Владимирцов. Чингисхан, с. 166.

[121] Radoslav A. Tsanoff. The Ways of Genius (New York, Harper & Brothers, 1949), c. 40-41; R.H. Codrington. The Melanesians (1891), p. 119, and R.R. Marett, The Threshold of Religion (2d ed. 1914), p. 105.

[122] Владимирцов, с. 9 и н. 2.
[123]Antoine Mostaert, «A propos de quelques portraits d'empereurs mongols», 147-156. В письме ко мне 3 мая 1951 г. отец Мостерт любезно предоставил мне некоторую дополнительную информацию относительно портретов. Он пишет: «Что касается этих портретов монгольских императоров и императриц, я их видел в старом имперском дворце в Пекине — я их не видел еще к моменту написания этой заметки, опубликованной в AM IV. Мое личное впечатление, что они датируются периодом Юань. Фотографии этих портретов появились в альбоме под названием «Portraits of Emperors and Empresses of China» (Shanghai, The Times Publishing Co., around 1927; мне он не доступен). Портреты могут быть также найдены в китайской публикации «Xu-kung, chou-k'an»(«Former Palace Weekly»), 1932, Nos, 131-138. (Я обязан этой справкой Фрэнсису В. Кливсу и Ричарду Л. Уокеру). Некоторые из портретов, включая портрет Чингисхана, были репродуцированы в статье отца Мостерта, цитированной выше. Портрет Чингисхана можно найти также в большинстве его биографий, опубликованных после 1928 г.; включая Хара-Давана и Х.Д. Мартина.
[124] Только они считались полноправными наследниками.
[125] Термин «улус» использовался в различных смыслах; он мог означать «надел», «государство», а также «народ» (государства или его части); см. Владимирцов, с. 59, 98-101.
[126] О царствовании Угэдэя см.: Иакинф, с. 148-287; Grousset, pp. 285-301.
[127] See Ratchnevsky, pp. VII-VIII.
[128] О монгольской кампании в Персии в правление Угэдэя см.: Spuler, Iran, pp.35-38.
[129] An-Nasawi. Histoire du Sultan Djelal el-Din Mankobirti, O. Houdas, trans. And ed., p.230; cf. Grum-Grzymailo, 2, 461.
[130] Halphen, p.415.
[131] См. Киевская Русь, с. 237-238.
[132] О кампании Бату в Руси см.: Карамзин, 3, 281-293 и 4, 9-15; Соловьев, 3, 171-176; Хара-Даван, с. 171-176; Spuler, pp. 16-20; ZO, pp. 207-217; Minorsky, Caucasica III.
[133] О Котяне см.: Киевская Русь, с. 237, 239.
[134] О миграции половцев в Венгрию см.: E. Csuday, Die Geschichte der Ungarn (2d ed. Budapest, 1900), I, 537-539. Об одновременной миграции аланов (ясиян) см.: Кулаковский. Аланы, с. 71-72; S. Szabo, Ungarisches Volk (Budapest und Leipzig, 1944), pp.41, 42.
[135] О ранней деятельности Даниила Галицкого см.: Киевская Русь, с. 226-227, 228-229, 230, 237-238, 240.
[136] Правобережная Украина — Украина к западу от реки Днепр.
[137] Об империи Аттилы см.: Ancient Russia, pp. 137-146; E.A. Thompson. History of Attila and the Hans (Oxford, Oxford University Press, 1948); F. Altheim, Attila mod die Hunnen (as above, n. 27).
[138] Moravcsik, I, 27-28, 58-64; L. Ligeti, ed., A Magyarság Östörténete (Budapest, 1943); cf. Kievan Russia, p. 319.
[139] В латинском варианте — «Gothia et Frisia», Matthaei Parisiensis Chronica Majora, H.R. Luard, ed. (London, Longman & Co., Trübner & Co.) 3 (1876), 488.
[140] Matthew Paris, I, 131
[141] See Kievan Russia, p. 121.
[142]Следует упомянуть в данном контексте, что в книге Матфея Парижского существует значительная неточность относительно имен Готия и Фрисия. Письмо императора Фридриха II, приведенное им (1,339), гласит, что татары «превратили в пустыню такие страны, как Фрисланд, Готланд, Польшу, Богемию и т.д.» Здесь, очевидно, Готия и Фрисия относятся к некоторым русским приграничным районам.

[143] Matthew Paris, I, 131
[144] Idem, I, 132.
[145] По поводу битвы на Неве см.: Карамзин, 4, 25-28; Соловьев, 3, 186-188.
[146] О западной кампании Бату см.: Grousset, pp. 298-300; Spuler, pp. 20-24; Harold T Cheshire. «The Great Tatar Invasion of Europe», Slavonic Review, 5 (1926-27), 89-105; Shinobu Iwamura. «Mongol Invasion of Poland in the Thirteenth Century», MTB, 10 (1938), 103-157.
Лучшее описание татарского движения в Богемии и Моравии принадлежит Вацлаву Новотны; в особенности см.: Novotný, I, Pt.3, 715-748.
[147] Матвей Меховский (Mathias de Miechov). Трактат о двух Сарматиях (Tractatus de duabus Sarmatiis) (Москва и Ленинград, 1936), с. 54, (русский перевод говорит о «десяти мешках») и с. 136 (латинский оригинал говорит о «девяти мешках» — novem saccos). Работа Меховского была впервые опубликована в 1517 г.
[148] Легенда о серьезных поражениях монголов в Моравии от чехов, ведомых моравским рыцарем Ярославом Штернбергом, была развеяна глубокой критикой Новотны. И все же миф был недавно повторен как Шпулером (с. 23), так и Грековым (30, с. 217); Х.Т. Чешир также упоминает победу Штернберга, но его исследование (упомянутое под н. 146) появилось до публикации книги Новотны.
[149] Matthew Paris, I, 341.
[150] Idem, I, 347.
[151] Idem, I, 348.
[152] О «Ледовом побоище» см.: Карамзин, 4, 30-32; Соловьев, 3, 189-190.
[153] Козин, с. 199.
[154] A. Mostaert, AM, 4, 147.
[155] Plano Carpini M, pp. 56-57.

Глава II. МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

[1] « Хатун» — означает благородная женщина, царская особа.
[2] О восточной политике папы Иннокентия IV см.: J. Uminski, Niebezpieczenstwo tatarskie w polowie XIII w.: papiez Innocenty IV (Lwów, 1922).
[3] Хорезмцы были остатками туркменских войск Джалал ад-Диана; см. выше гл. I, разд. 7, с.48.
[4] Греческая православная церковь не признает вселенским какой-либо церковный собор после второго Никейского (787г.).
[5] Сообщения епископа Петра были также использованы Матфеем Парижским. Следует отметить, что никакого епископа Петра не упоминается в хрониках русской церкви этого периода и его происхождение довольно загадочно. См.: Spuler, Iran, p. 479; Pelliot, p.18, n. 3.
[6] See Risch, pp. 43-45.
[7] Rockhill, p. 21, n.1 (на основе отчета св. Квентина в: Vincent of Beauvais' «Speculum historiale», BK.31, chap. 22.) О магическом значении войлока см.. L. Olschki, The Myth of Felt (Berkeley, University of California Press, 1949).
[8] В действительности Гуюку едва ли было за тридцать в это время.
[9] Rockhill, p.29.
[10] Idem, p.26.
[11] Idem, p.24.
[12] Idem, p.26.
[13] Idem, p. 29. Три других причины против совместного путешествия с монгольскими

посланниками перечислены в отчете монаха Иоанна. Idem, p. 29-30.
[14] Voegelin, pp. 386-387.
[15] Pelliot. «Mongols et papauté», Pt. 2, pp. 312-313.
[16] Согласно Грум-Гржимайло, 2, 467, Гуюк умер в апреле 1248 г.; Согласно Тизенхаузену, 2, 66, н.4 в 646 г. гиджры (26 апреля 1248 г. или 15 апреля 1249 г.).
[17] Об обстоятельствах смерти Гуюка см.: Tiesenhausen, 2, 66; E. Blochet. «La Mort du Khagan Kouyok», ROC, 23 (1922-23), 160-171.
[18] Voegelin, pp. 390-391.
[19] Jean Sire de Joinville, Histoire de Saint-Louis, N. de Wailly, ed. (Paris, 1868), p. 175; cf. Voegelin, p.381.
[20] Об обстоятельствах выбора Мункэ см.: Grousset, pp. 306-308; Tiesenhausen, 2, 66-67.
[21] Voegelin, p. 19.
[22] Rockhill, p. 250.
[23] Idem, p.172.
[24] О «черном кумысе» смотри ниже, глава 3, н. 22.
[25] Rockhill, 11, p. 174.
[26] Idem, pp. 175.
[27] Idem, pp. 176-177.
[28] Idem, pp. 207-208; см.: L. Olschki. Guillaume Boucher (Baltimore, Jchu Hepkins University Press, 1946).
[29] Voegelin, pp. 391 — 392.
[30] О компании Хулагу см.: Grousset, Histoire, pp. 99-102; Spuler, Iran, pp. 48-53.
[31] Grum-Grzymailo, 2, 474.
[32] Крымский. Персия, 3, 10. В. Минорский отмечает, что, уничтожив ассасинов, которые были смертельными врагами ортодоксального ислама, монголы неумышленно способствовали единству ислама. Minorsky. «Middle East», p. 431.
[33] О китайской кампании в правление Мункэ см.: Grum-Grzymailo, 2, 470-472; Grousset, pp.314-317.
[34] О дате смерти Бату см.: Pelliot, p. 29; о датах правления Сартака и Улагчи, pp. 34-35.
[35] Неясно, был ли Улагчи братом или сыном Сартака. Pelliot, pp. 35-44.
[36] О Берке см.: W. Barthold. «Berke», EI, I, 707-709; Pelliot, pp. 47-51.
[37] Смотри генеалогическую таблицу III.
[38] Grum-Grzymailo, 2, 481, n. 2; Grousset, pp. 323-324.
[39] Grousset. Histoire, p. 100.
[40] О роли тюркских войск в мамлюкском государстве см.: Poliak. «Caractére colonial», pp. 233-235.
[41] Об отношениях между ханами кипчаков и Хулагу и его наследниками см. ииже, гл. 3.
[42] See Grum-Grzymailo, 2, 487.
[43] Grousset, p. 325.
[44] О конфликте Кайду с Хубилаем см.: Grum-Grzymailo, 2, 480-482, 488-494; Grousset, pp. 325-331. О Кайду см. также Wassaf, pp. 126-146 (German trans.).
[45] Grousset, Histoire, p. 79; Cordier, 2, 337-338.
[46] О монгольской квадратной письменности см.: В. Владимирцов. «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и хакасского наречия», (Ленинград, 1929 г.), с. 22-23; A. Dragunov. «The hPhags-pa Script and Ancient Mandarin», OGN (1930), pp. 627-647, 755-797; M. Lewicki. «Les Inscriptions mongoles inédites en écriture carrée», CO, 12(1937); Н. Поппе «Квадратная письменность», (Москва и Ленинград, 1941 г.).

[47] Cordier. 2, 299-301; Grousset, Histoire, p. 71; Franke. Geschichte, pp. 439 — 442. Существует специальная монография относительно этого эпизода: N Yamada, Ghenko, The Mongol Invasion of Japan. (New Jork, Dutton, 1916).
[48] Титул «иль-хан» происходит от «иль» (эль), что означает «народ», «племя» в старотюркском; первоначальное значение — «хан народа» («улуса»), т.е. «хан региона». Cf. Grousset. Extrmme-Orien, 2, 458, n. 1.
[49] Spuler. Iran, p. 228.
[36] О роли несториан в религиозной жизни Ближнего и Дальнего Востока в этот период и их связей с Римом см.: A.C. Moule, Christians in China before the Year 1550 (London, Society for Premoting Christian Knowledge, 1930), chap. 4; K.S. Latourette. A History of the Expansion of Christianity (New Jork, Macmillan, 1932), pp. 61-77.
[51] MPYC, I, 356; MPMP, I, 204. По поводу портрета Хубилая см. Хара-Даван, с. 187; Mostaert, AM, 4, 149.
[52] О письмах иль-ханов западным властителям см.: Spuler, Iran, pp. 229-230; Kotwicz. «Letters» I, 2; E. Haenisch. «Zu den Briefen der mongelishen Il-Khane Argun und Öljeitu an den Koenig Philipp den Schönen von Frankreich», Oriens, 2 (1949), 216 — 235; Cleaves. «Chancellery». Nf. «Middle East», pp. 434-437.
[53] Escarra, p. 15
[54] See Otto Franke. «Kublai Khan und seine chinesischen Berater», Forschungen und Forschritte, 18 (1942), 283-285; also idem. Geschichte, pp. 470-471.
[55] Ratchnevsky, pp. X-XI.
[50] Krause, Geschichte, pp. 183-184. О системе монгольской администрации в Китае при династии Юань см.: Cordier, 2, 324 ff.; Ratchnevsky; Franke, Geld; Matsuo Otagi. «The Census of Northern China Taken by the Mongols in the Middle of the XIIIth Century», ASTH, pp. 9-10. (English summary).
[57] Krause. Geschichte, p. 184; see also Franke. Geschichte, pp. 470-490.
[50] See Franke, Geld, pp. 57-82. О бумажных деньгах в Китае при Хубилае см. также Marco Polo. MPMP, I, 238-240.
[59] Относительно свидетельств Рашида ад-Дина о строительстве Большого канала см.: J. Klaproth. «Description de la Chin sous le régne de la dynastie mongole», J.A, 2d ser., II (1833), 341-345; Cathay, 3, 115-116.
[60] MPYC, 1,356; MPMP, 1, 205. То, что старший сын первой жены рассматривался как очевидный наследник, было установлено Муль-Пеллио; согласно переводу Йуль-Гордье: «старший из сыновей от тех четырех жен».
[61] See Escarra, pp. 19. Среди монголов, как мы видели (глава 1, разд. 3), было противоречие между властью самого старшего сына как главы родового культа и самым младшим сыном как главой духовного начала семьи и наследником отцовского владения.
[82] MPYC, 1, 360; MPMP, 1, 206; Franke, Geld, p. 84. Монгольские и китайские титулы императоров Юань даны здесь и далее по A.C. Moule. «A Table of the Emperors of the Yüan Dynasty», JNCB (1914), p. 124. Я обязан Ричарду Л. Волкеру за то, что он обратил мое внимание на эту статью.
[63] D'Ohsson, 2, 646.
[64] Idem, 2, 645-646; cf. Cordier, 2, 342. Следует отметить, что Байян ие был Чингисидом и принадлежал к видному монгольскому роду Баарин.
[65] Насонов, с. 79-80.
[66] W. Kotwicz. «Mongols», p. 2; Grum-Grzymailo, 2, 504-505.
[67] Согласно A. Moule, Christians in China (как в н.50), p. 150, n. 17, количество китайцев, обращенных в христианство в течение монгольского периода, кажется малым. Cf. K.S. Latourette, A History of the Expansion of Christianity, 2, 239

[69] Grousset, Histoire, p. 93.
[70] О католической миссии в Китае см.: A.C. Moule (как и в и. 50 и 67), chap. 7; K.S. Latourette, A History of Christian Missions in China, chap. 5. Относительно писем и донесений монахов-миссионеров в Китае и Индии см.: Cathay, 3, 3-105.
[71] Spuler. Iran, p. 232.
[72] See Kotwicz. «Lettres», 2; Kotwicz. «Mongols», pp. 3-5; E. Haenisch. «Zu den Briefen der mongolischen Il-Khane Argun und Öljeitu an den König Philipp den Schönen von Frankreich», Oriens, 2 (1949), 216-235
[73] Spuler, Iran, p. 232.
[74] См. генеалогическую таблицу II.
[75] Grum-Grzymailo, 2, 506; Franke, Geld, pp. 83-84.
[76] Franke. Geld, pp. 85-93, 102.
[77] См. генеалогическую таблицу IV.
[78] Тизенхаузен, 2, 141-142.
[79] D'Ohsson, 2, 664.
[80] Cordier, 2, 345.
[81] J. Devéria, «Notes d'épigraphie mongole-chinoise», JA, 8 (1896), 396-398; Lewicki, «Les Inscriptions mongoles inédites» (êâê è 11.46, pp. 20-36). О монгольском законодательстве относительно религиозных общин см.: Ratchnevsky, pp. IXVIII-IXXXVI; E. Haenisch. «Steuergerechtsame der chineisischen Klöster unter der Mongolenherrschafb», BVSAW, 92, Pt. 2(1940), reviewed by H. Schurmann, HJAS, 14 (1951), 291-306. See also Shunjô Nogami. «The Hsüan-chìng-yüan of Mongol Dynasty of China», ASTH, p. 17 (English summary).
[82] Grum-Grzymailo, 2, 507, n. 2; cf. D'Ohsson, 2, 664.
[83] Ratchnevsky, pp. XVI-XVII.
[84] О монгольских именах (личном и храмовом имени) императора Вен-цуга см.: L. Ligeti. «Les Noms mongols de Wen-tsong des Ynan», TP, 27 (1930), 57-61; cf. Cleaves, Inscription II, p. n. 172.
[85] Küchirô Kanda. «The Attitude of Emperor Win-tsung of the Mongol Dynasty towards Chinese Culture», ASTH, p. 11 (English summary).
[86] Ratchnevsky, pp. XX-XXI; Franke, Geld, pp. 26-27.
[87] Воспроизведение этой карты см.: Bretschneider, 2.
[88] Дува-Тимур был младшим братом Есен-Буки.
[89] См. генеалогическую таблицу IV.
[90] Китайское имя для обозначения «Русь» — А-ло-ш происходит от монгольских и тюркских форм «Орус» или «Урус».
[91] Альмалик в районе реки Или был в это время столицей джагатаидского ханства в Центральной Азии; see Cathay, 3, 87, n. 1.
[92] Ibid, 3,89.
[93] ZO, pp. 151, 157; of. R.S. Lopez. «China Silk in Europe in the Yuan Period», JAOS, 72 (1952), 72-76.
[94] Об иностранных войсках в Китае при династии Юань см.: Chang Hsiang-lang, «The Rebellion of the Persian Garrison in Ch'üan-chon, A.D. 1357-1366», MS, 3(1938), 611-627; cf. Franke. «Europa», p.70. Об аланах в Китае см. также: Паллади. «Странные следы христианства в Китае». ВС, 1, 47-48; Bretschneider, 2, 84-90; Cathay, 3, 184 ff.
[95] Franke. «Europa», p. 70. cf. Паллади, ИС, I, 49-50; Bretschneider, 2, 80.
[96] Franke. «Europa», p. 71.
[97] Ibid.
[98] Ibid.
[99] Ibid.
[100] Ibid. Китайский титул, который Франке переводит как «принц имперского дома», передается им как шу-ванг. Вретшнейдер предполагает, что под принцем Чанг-ки

(Джанги) имеется в виду Джинкши из дома Чагатая. В монгольской надписи 1362 г. упоминается чиновник по имени Джангки (Чанг Чьи); однако его титул — герцог (куо-кунг — третий из восьми дворянских титулов), а не принц (чу-ванг). См.: Cleaves, Inscription, 1, pp. 30, 83, 85; p. 40, 14; p. 96, 13.

[100] См. ниже главу 3, разд. 6.

[101] Franke, «Europa», p. 72. Ср. Палладий, ВС, 1, 50; Bretschneider, 2, 81 (оба они относят назначение Байяна к 1334 г.).

[102] Согласно Кордье, 2, 351, Байян впал в немилость и был депортирован в Южный Китай.

[103] See Cathay, 2.

[104] Grousset, Histoire, p. 93; Cathay, 3, 213-214.

[105] Ratchnevsky, p. XXI.

[106] Krause, p. 189.

[107] Grum-Grzymailo, 2, 508.

[108] Ibid., Franke. Geld, p. 94; Eberhard, p. 268.

[109] Franke. Geld, p. 93-98, 103.

[110] Escarra, p. 77; cf. Latourette, 2, 27. Следует отметить, что схожие воззрения были распространены и в средневековой Руси; см. «Киевская Русь».

[111] MPYC, 1, 263.

[112] См.: Franke. Geld, p. 2, 1, где содержится ссылка на Meng Su-ming, Social Classes of the Yüan Dynasty (Peking, 1938)(in Chinese). Ср. рецензию Эберхарда на это исследование в Orientalische Literaturzeitung (1941), p. 540.

[113] Согласно некоторым источникам, Джанибек был убит сторонниками Бердибека; см. ниже, глава 3, разд. 6, с. 203.

[114] Spuler. Iran, p. 137.

[115] См. с. 245-246.

[116] Grousset, Histoire, pp. 261-262.

[117] Akanc, p. 291.

[118] ЗО, с. 228-229.

[119] Отличное обсуждение монгольских формул власти по монгольским и китайским источникам см.: Kotwicz. «Formules initiales».

[120] Voegelin, p. 288.

[121] Idem, 386; cf. Kotwicz. «Formules initiales», pp. 134-135.

[122] См. выше, глава I, разд. 5, с. 28.

[123] Хара-Даван, с. 33-35. Согласно А. де Смедту и А. Мостерту, Dictionnaire monguor — framçais (Pei-ping, 1933), p. 41, далай на монгольском диалекте — дале — означает «море». У А.Р. Рачина «Краткий монгольско-русский словарь» Москва, 1947, с. 63, даны два значения слова «далай»: 1) море; великое озеро и 2) универсальный, высший (второе значение характеризуется как «историческое»). Независимо от того, конкретное ли значение «море» или абстрактное («бесконечный», «универсальный») является первоначальным, очевидно — по крайней мере, с моей точки зрения, — что в письме Гуюка слово используется в абстрактном смысле. Можно добавить, что в «Тайной Истории» (разд. 280) Угэдэй именуется «Далай Каган». Хэниш переводит этот титул как «Правитель Мира» (Weltherrscher). Ф.В. Кливс комментирует, что здесь «слово »Welt» эквивалентно 'Oceanique' у Пеллио, и я бы сказал, что это более понятно читателю»; смотри рецензию Кливса на немецкий вариант «Тайной Истории» Хэниша, HJAS, 12 (1949), 533.

[124] Pelliot. «Mongols et papauté», Pt. 1, p. 15.

[125] Voegelin, p. 412.

[126] Текст реставрирован Вингэртом; перепечатан Фогелином, p. 391.

[127] Rockhill, pp. 248-249. Перевод слегка изменен мною.

[128] В то время как в латинском переводе писем хана, отредактированном христианами, он именуется «Сыном Бога», старомонгольская формула должна была быть «Данный Богом». Следует вспомнить, что в таблицах власти Чингисхана он именуется по-китайски «Тьен-тьце», и Тору Ханеда переводит это как «тот, кто дан Небом» или «Дарован небом» во французском варианте, MTB, 8, 87. В более поздний период с распространением ламаизма среди монголов Чингис был, конечно, называем монголами Сыном Неба. На церемониях «Открытия Печати» по монгольским культовым датам в обращениях к местным князьям обычно упоминали «несравненного сына Неба, могущественного суту Чингисхаиа». См.: A. Mostaert. «L'Ouverture du sceau», p. 321.

[129] Voegelin, p. 405.

[130] Vernadsky. «Yasa», p. 345.

[131] Voegelin, pp. 387-388.

[132] См. выше, глава 2, разд.4.

[133] Kotwicz. «Lettres» I, 11.

[134] See Kotwicz, Idem, 15; idem, «Formules initiales», pp. 1442147; P. Pelliot. «Les Documents mongols du Musée de Teheran», Athar-e Iran, I (1936), 37. Ñf. Cleaves, Inscription I, pp. 83, 85, 91; M. Lewicki. «Turcica et Mongolica», RO, 15 (1949), 239-269. Понятие сю связано с представленным во второй части титула правителей уйгуров (идикут), о котором см. главу 1, н. 98. О новых данных относительно монгольских писем в Национальном Архиве в Париже см.: Cleaves. «Chancellery», pp. 508-526.

[135] Kotwicz. «Mongols», pp. 3-4; idem, «Lettres» I, 34.

[136] Kanas üvigi, Moravcsik, 2, 277.

[137] Priscus, chap. 4, sec. 10 (Latyshev, Scythica et Caucasica, I, 839), cf. E.A. Thompson, A History of Attila and the Huns (Oxford, Clarendon Press, 1948), p. 89. История открытия меча в изложении Приска противоречива и полна предрассудков, но ее значение очевидно.

[138] Thomsen, p. 140; Бернштам, с. 106.

[139] Thomsen , pp. 144-145. Томсон усматривает здесь ссылку на двух каганов: Буймина и Истеми. Согласно В. Радлову, один каган имеет два имени; С.М.: Бернштам, с. 106.

[140] М. И. Ростовцев. «Представление о монархической власти в Скифии на Боспоре», АК, 49 (1913), 1-62.

[141] См.: Толстов. Хорезм, с. 173-187.

[142] Latourette, 2, 27; Escarra, с. 15, 128.

[143] Escarra, с. 128-129.

[144] Idem, с. 7.

[145] Idem, с. 123.

[146] Об обществе времен династии Хитан см. Витгофеля.

[147] Juwaini, Persian text, Mirza Muhammad, ed., pp. 17-18.

[148] Березин, с. 404 и далее.

[149] Minorsky. «Nasir al-Din», pp. 773, 775, 776.

[150] Sylvestre de Sacy. Chrestomatie arabe (1826), 2, 160-161.

[151] Akanc, pp. 289-291.

[152] Орел был эмблемой монаршей власти у скифов и сарматов. Согласно Рашиду ад-Дину, некоторые из тюркских родов почитали, как своего прародителя, орла, другие — сокола; см. Rashid I, pp. 25-28. По Алтану Тобчи, p. 124, сокол был прародителем монгольского клана Кият-Борджигин (к которому принадлежал Чингисхан). В легенде о смерти Чингисхана говорится, что он обратился в ястреба и улетел на небо, Altan-Tobči, p. 146. Ср. Козин, с. 68-69.

[153] Vernadsky. «Juwaini», p. 37.
[154] Idem, p. 38; Makrizi, Khitat (ed. 1270 A.H.), 2, 221, as quoted by Poliak. «Yasa», p. 862.
[155] Poliak. «Yasa», p. 863.
[156] Здесь и далее ссылки на разделы очерков Ясы Аб-уль-Фараджа следует английскому варианту Баджа (1, 354-355). Я также принимал во внимание латинские переводы Брунса и Кирша.
[157] Akanc, p. 291.
[158] Здесь и далее ссылки на разделы Ясы по версии Макризи следуют Рязановскому.
[159] Здесь и далее ссылки на разделы Ясы по версии Джувейни являются моим переводом.
[160] Cf. «Juwaini», sec. I, p. 39.
[161] Voegelin, p. 404.
[162] См. выше, главу 2, разд. 1-2.
[163] cf. «Juwaini», sec. 3, pp. 39-40.
[164] See Cleaves, Inscription III, pp. 27 and 36, n. 28.
[165] Детальное описание этого предписания см.: «Juwaini», sec. 4, pp. 39-40.
[160] Cf. «Juwaini», secs. 5-6, pp. 41-43.
[167] Кроме описания повинностей воинов, Яса должна была содержать и правила их участия в разделе военных трофеев. Согласно Насиру ад-Дину, гвардейцы (багатуры) обладали первым выбором; одна пятая того, что осталось, принадлежала Великому Хану; четыре пятых должны было делиться между воинами. See Minorsky. «Nasir al-Din», p. 774.
[168] См. выше, глава I, разд. 5, с. 28-29.
[168] О термине дархан (тархан) см. Владимирцов, с. 69, 93, 117, 164; R.N. Frye. «Tarxun-Türxün and Central Asian History», HJAS, 14(1951), 105-129; Menges, p. 54-57.
[170] Akanc, p. 291.
[171] О деталях уголовного законодательства и наказаний Ясы см.: Riasanovsky, pp. 31, 35-37, and Vernadsky. «Yasa», pp. 354-356.
[172] Poliak. «Yasa», p. 863.
[173] See V.F. Minorsky's note to Poliak «Yasa», p.875.
[174] Poliak. «Yasa», p. 863.
[175] Bilik (Maxims). Rashid ad-Din's version, art., Riasanovsky, p.86.
[176] Juwaini:. Persian text, p. 18.
[177] Ibn-Batuta, 3, 40-41.
[178] Березин, с. 404.
[179] Приселков, Ярлыки, с. 96; Григорьев, Ярлыки, с. 124.
[160] See Ratchnevsky, p. VII and n. 5.
[181] Poliak. «Yasa», p.863
[182] Тизенхаузен , I, XII; ср. Вернадский. «ЗОЕВ», с.82.
[183] Тизенхаузен, I, с. XI.
[184] Poliak. «Caractere colonial», pp. 235-236. Poliak, «Yasa» предполагает лингвистическую связь между терминами «As— Siyasa» и «Yasa», которая неприемлема.
[185] Poliak. «Caractere colonial», p. 233.
[168] Poliak, «Yasa», p. 862.
[167] See F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter (Halle a.d. Saale, 1947-48), I, 173 f.; 2, 28 f; ср. Толстов. Хорезм, с. 211 и далее.
[168] Vernadsky, «Sarmat. Hintergrund», с. 368-371.
[189] Хара-Даван, с. 166.
[168] В данной связи следует отметить, что до недавнего времени примитивный дикий

конь (Equus Przewalskii) все еще существовал в Монголии. См. Грум-Гржимайло, I, 507-509; там же. Описание путешествия в западный Китай (Ст. Петербург, 1896), I, 188-211. cf. J. Hillaby, «Tough Primitive Ancestor of Horse is «Biologically Resurrected» in Zoo», New York Times, November 20, 1952.

[191] Groot, 2, 12, 28, 110. cf. McGovern, pp. 143-151; F. Altheim, Weltgeschichte Asiens, 2, 127.

[192] See Wittfogel, pp. 214, 261.

[193] Хара-Даван, с. 77.

[194] ПСРЛ, 1, разд. 3(1928), кол. 514.

[195] Martin, pp. 19-20.

[196] Idem, p. 30; Oman, I, 136 ff; 2, 45-46; MPYC, I, 121-131 (notes).

[197] See Vernadsky. «Juwaini», sec. 4, 40-41. Персидский термин, который встречается в тексте Джувейни для обозначения круга (линии круга облавы), звучит как «нерге», о чем смотри: Steingass, p. 1395. Согласно В. Минорскому (замечания к «Ясе» Поляка, с. 876), он соответствует монгольскому термину «джерге», «линия»; об этом см.: Pelliot, Campagnes, p. 143. Cf. Minorsky, Caucasica III, p. 225, n. 3.

[198] См. выше, глава 1, разд. 5, с. 28-30 и глава 2, разд. 6, с. 105.

[199] Wittfogel, pp. 508-517.

[200] См. выше, глава 1, разд. 5, с. 30.

[201] Владимирцов, с. 109.

[202] Хара-Даван, с 66.

[203] Владимирцов, с. 104-106.

[204] Там же, с. 105-109.

[205] Хара-Даван, с. 72, н. 1.

[206] Plano Carpini M, pp. 27-32.

[207] MPYC, I, 260-263; MPMP, I, 172-175.

[208] М. Иванин. О военном искусстве монголов (Ст. Петербург, 1846).

[209] Его же. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов (Ст. Петербург, 1875). Эта работа была мне недоступна, обильные ссылки на нее содержатся в книге Хара-Давана.

[210] H. Morel, «Les Campagnes mongoles an XIII-me siècle», Revue militaire française, 92 (1922); as listed in Spuler, p. 504.

[211] B.H. Liddell Hart, Great Captains Unveiled (Edinburgh and London, W. Blackvood and Sons, 1927).

[212] Wittfogel, pp. 532-533.

[213] Martin, p. 326.

[214] Spuler, p. 503.

[215] Wittfogel, pp. 533.

[216] Liddell Hart, pp. 32-33.

[217] Plano-Carpini M, pp. 23; Risch, p. **142**.

[218] Rockhill, p. 21, n. I; Risch, p. 242.

[219] См. Владимирцов, с. 99

[220] Altan-Tobči, с. 129; Ср. Хара-Даван, с. 132.

[221] О китайской системе связи сторон света с цветами см.. Groot, I, 20; см. также: W Kotwicz, «Contributions a l'histoire de l'Asie centrale». RO, 15 (1949), 169.

[222] Следует отметить, что тибетский символизм пяти цветов (синего, красного, желтого, белого и черного) соответствует пяти элементам (дерево, огонь, земля, железо и вода). В шестидесятилетнем цикле период каждых двенадцати лет обозначался собственным цветом (или элементом). Позднее эта система была принята монголами через ламаизм. Однако при характеристике власти Чингисхана фраза «пять цветов» была, очевидно, использована в древнекитайском смысле сторон света.

[223] Rockhill, p. 22.
[224] Владимирцов, с. 99.
[225] Rockhill, p. 21, n. I; Risch, p. 242.
[226] Bilik, sec. 23; Riasanovsky, p. 89.
[227] Владимирцов, с. 100.
[228] По поводу инджю (инджe) см.: Владимирцов, с. 100, н. 3; W. Radloff. Uigurische *Sprachdenkmäler (Leningrad,* 1928); С. Е. Малов. «Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Олденбурга», ЗИВ, 1 (1932), 129-150; Vernadsky. «Uigurs», pp. 457-459. Значимы монгольские надписи 1335 г. и 1338 г.; See Cleaves. Inscription II, p. 75 (also pp. 54-55, n. 184) and Inscription III, pp. 13, 67, 69.
[228] Wittfogel, p. 517.
[230] Secret History, sec. 280; Haenisch, pp. 147-148.
[231] Risch, p. 142.
[232] Rashid, I, p. 23.
[233] Gy. László. «The Significance of the Hun Golden Bow», AA, I (1951), 91-104; J. Harmatta. «The Golden Bow of the Huns», AA, I, 105-149.
[234] Haenisch. p. 102; Козин, с. 167; cf. Harmatta (as in the preceding note), pp. 132-133.
[235] Tôru Haneda, «Une tablette du decret sacré de l'empereur Genghis», MTB, 8(1936), 85-91; Cf. Cleaves, Inscription II, p. 55, n. 188.
[236] Rashid, 3, pp. 277-278.
[237] MPYC, 1, 356-357; MPMP, 1, 203-204.
[236] Wittfogel, p. 515; see also pp. 55-56, 516.
[239] Бартольд говорит, что «тумен был наименьшей единицей административного деления и налогообложения», Е. 1б, 4б, 836. Это мнение может быть справедливым для некоторых территориальных делений в Центральной Азии более поздних периодов, но оно не годится для Монгольской империи и ее улусов. Сам Бартольд цитирует высказывание Ибн-Арабшаха, что тумен был территорией, которая давала десять тысяч бойцов, но довольно странно забывает об этом обстоятельстве в своем дальнейшем обсуждении проблемы. Бартольд ссылается на стр. 17 каирского издания Ибн-Арабшаха 1285 г. гиджры. В издании С. Х. Мангера — это 1,80 (арабский текст) и 81 (латинский перевод). В латинском переводе Мангера отрывок звучит следующим образом: «Taumana (т.е. tuman, tumen по-персидски) antem vulgo dicitur societas, quae educit decem milia militum».
[240] Согласно Марко Поло, расстояние между двумя почтово-конными станциями равнялось 40 километрам, MPMP, 1, 242.
[241] Козин, с. 198.
[242] MPYC, I, 436; MPMP, I, 247.
[243] Козин, с. 198; Ab-ul-Faraj, see. 8; cf. Pelliot. «sur yam on jam, 'relais postal'», TP, 27 (1930), 192-195; W. Kotwicz' study, «contributions aux études altaiques: les termes concernant la service des relais postaux», CO, 2 (1932) — статья была мне недоступна.
[244] Z O, с. 138-139; Rashid 3, p. 278.
[245] MPYC, I, 15, 16, 34; MPMP, I, 79, 80, 90.
[246] Philostratus, The Life of Appolonius of Tyana, Pt. 2, chap. I. Английский перевод, цитируемый здесь, осуществлен Е. Херцфельдом в книге «Зороастр и его мир» (Принстон, Принстон Юниверсити Пресс, 1947), I, 230. Ф.К. Конибеар) в издании Филострата в Лоеб Классикал Лайбрэри, I, 119 (говорит «цепь» (золотая) вместо «пластина». В греческом оригинале «псалион», что может означать «цепь», но как часть конской упряжи, подчеркивает целостность узды или связанные с ней украшения, подобные украшения щек; see Minns, p.75 and n. 4. В данном случае имеется в виду налобная повязка. Изображение налобной повязки скифского коня см.: Minns, p. 166, fig. 54 and 55; and p. 185, fig. 78.

[247] Козин, с. 198. О законодательстве на благо нуждающихся см. также трактат Назира ад-Дина Тузи, Minorsky. «Nasir al-Din, p. 771.
[248] Козин, с. 198-199.
[249] Там же, с. 198.
[250] Владимирцов, с. 164.
[251] О тамга смотри ниже, глава 3, разд. 8, с. 222-223.
[252] О копчур смотри: Minorsky. «Nasir al-Din«, pp. 783-785.
[253] О калан смотри ниже, глава 3, разд. 8, с. 222, 223, 227.
[254] Тизенхаузен, 2, 15; ср. 30, с. 71; Howorth, 2,P I, p. 172.
[255] Иакинф, с. 260; Grousset, p. 537
[250] См. Веселовский, с. 46.
[257] Владимирцов, с. 172-173.
[250] D'Ohsson, 2, 663.
[250] Wittfogel, p. 9.
[260] MPMP, I, 187.
[261] Cathay, 2, 234-237
[262] О бродниках см.. Kievan Russia, pp. 158, 237, 238.

Глава III. ЗОЛОТАЯ ОРДА

[1]ZO, cc. 295-296; Spuler, pp. 25, 275.
[2] Rockhill, p. 19.
[3] Khara-Davan, p.199.
[4] Spuler, p.25; 30, cc.261-262.
[5] Tiesenhausen, 2, 127 Бартольд отмечает некоторую путаницу в свидетельствах этого летописца; см. Barthold, Turcs, p.135.
[6] Tiesenhausen, 2, 4.
[7] Schiltberger, pp.7, 33, 34. Ср. примечания Хаммер-Пургшталя к изданному Ноиманном немецкому тексту Шильтбергера, P.39.
[8] The Istiugian Digest of Chronicles, p.94.
[9] Ibn-Batuta, 2, 383.
[10] Казанская летопись, ПСРЛ, 19; Г.З. Кунцевич, История о Казанском царстве (С -Петербург, 1905).
[11] Rockhill, p. 10.
[12] Idem, p.122.
[13] Idem, p.123.
[14] Карамзин, 4, пр.49; Notes, 4, 30.
[15] ZO, pp. 68-69.
[16] Pelliot, p. 106.
[17] Spuler, Horde, p. 30; Spuler, Iran, p. 45.
[10] В русских летописях — Куремса; о монгольском произношении этого имени см.. Cleaves, «Mongolian Names», pp. 433-435.
[19] См. выше: Гл.2, 1, с. 61.
[20] Карамзин, 4, 34-35;
[21] О предшествующих отношениях между Даниилом Галицким и Михаилом Черниговским см.. Киевская Русь, сс. 239-240.
[22] Ип., с. 185. Кумыс — это забродившее кобылье молоко; забродившее коровье молоко называется арьян. Из молока, арьяна и кумыса калмыки и другие монголы перегоняли молочный спирт, известный как архи (или арка). Согласно Хара-Давану,

арка готовилась для домашнего потребления и для угощения друзей, но никогда — на продажу. См.: Khara-Davan, p.78, n.2. Ср. MPYC, I, 259-260. Процесс перегонки молока был, по всей вероятности, открыт монголами в начале XIII века. Это тот напиток, который Вильгельм де Рубрук называл «кара-космос» (черный кумыс), а русский летописец — «черным молоком». В монгольском и тюркском языках прилагательное «черный» в отношении воды (или другой жидкости) означает «чистый», «прозрачный» (молочный спирт прозрачен).

[23] Ип., с. 185.

[24] Ростислав женился на венгерской княжне Анне, дочери короля Белы IV, и получил в качестве ленного владения княжество Мачва на Дунае. См.: Палаузов С. Ростислав Михайлович (С. -Петербург, 1851); В. Прокофьев, «Ростислав Михайлович, русский князь XIII века», Сборник Русского Археологического Общества (Белград, 1936), сс. 131 и ниже, что цитируется в кн.: G. Ostrogorsky, «Urum-Despotes», BZ, 44.

[25] Краткие сообщения об истории мученичества Михаила см. в Ип., с. 181; Лавр., 2, кол. 471; расширенная версия у Никона, 10, 130-133. См. также сообщение Джованни Плано Карпини, Risch, pp. 67-70; Серебрянский, Жития, сс. 110-111; Лихачев, с. 283. О причинах казни Михаила см.: Григорьев, Ярлыки, сс. 55-57.

[26] См.: Baumgarten, I, Table 4, No.64; Rog., p. 31.

[27] Risch, p.71.

[28] Об отношениях между Даниилом и Белой в связи с австрийскими делами см.: Флоровский, I, 212-223; Пашуто, сс. 255-256.

[29] Ип., с. 187. О византийской одежде для верховой езды (skaramangion) см.: N. Kondakov, «Les Costumes orientaux à la cour byzantine», Byzantion, I (1924), 7-49; его же, Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры (Прага, 1929), сс. 232-240.

[30] Женой Оттокара была австрийская принцесса. В 1276 г. Оттокар был вынужден уступить Австрию королю Рудольфу I Габсбургскому.

[31] HRM, I, No.63, cf. No.65; Пашуто, сс. 251-252.

[32] Rockhill, p. 32.

[33] Грушевский, 3, 68-73.; Флоровский, I, 233-240.

[34] Византийский патриарх переместился из Константинополя в Никею после образования Латинской империи в Константинополе в 1204 г.

[35] Переяславль-Суздальский, известный также как Переяславль-Залесский.

[36] Лавр., I, пол.2, кол.473; Никон, 10,139.

[37] Никон, 10, 138 (левая колонка).

[38] См.: Baumgarten, I, Table 11.

[39] Spuler, p.31. В Китае перепись была проведена в 1252 г.; см.: M. Otagi, ASTH, pp.9-10 (English summary).

[40] Никон, 10, 141.

[41] Новгород, сс. 310-311.

[42] Ostrogorsky, pp. 319-321; Lopez, pp. 208-213.

[43] Насонов, сс. 45-47; Макарий, 4, 109-110; Голубинский, 2, 60-61.

[44] ЗО, сс. 68-69.

[45] Киевская Русь, с. 231.

[46] О началах литовского государства см.: Любарский, гл. 2-3; K. Avisonis, Die Entstehung und Entwicklung des litauischen Adels bis zur litauischen-polisch Union, 1383 (Berlin, 1932).

[47] Ср. König, король в современном немецком.

[48] О религии литовцев см.: Древняя Русь, с. 233; A. Brückner, Dzieje kultury polskiej (Krakow, 1930), I, 643-645; Любарский, сс. 11-12.

[49] См.: Насонов, Русская земля, сс. 56-57.

[50] О названии «Черная Русь» см.: Moszycsky, 2, 1552.
[51] О кривичах см.: Древняя Русь, сс. 324-325.
[52] Киевская Русь, сс. 232-233.
[53] О Туровской земле см.: Киевская Русь, сс. 66, 68, 74, 97, 175; А. Грушевский, Очерки истории Туровского княжества (Киев, 1902).
[54] Древняя Русь, с. 233.
[55] HRM, I, 75 (No. 85).
[56] Грушевский, 3, 81-82; Пашуто, с. 281.
[57] HRM, I, 83 (No.93).; Грушевский, 3, 82.
[58] Хронология Галицкой летописи этого периода очень запутана. В большинстве случаев я пользуюсь датировкой Грушевского.
[59] Об имени Бороллай см.: Pelliot, pp. 63-64.
[60] Ип., сс. 197-200.
[61] В источниках нет прямых свидетельств того, что Бурундаем были организованы военные округа в Галиче и Волыни, однако, поскольку мы знаем, что подобные округа существовали позднее, они вполне могли быть созданы во время похода Бурундая.
[62] Насонов, с. 35.
[63] Лавр., 2, кол. 476; Троиц., с. 327.
[64] Лавр., 2, кол. 476; Троиц., с. 327
[65] Никон, 10, 143.
[66] Устюжская летопись, с. 48. Этот фрагмент летописи представляет собой романтическую историю татарского сборщика налогов и русской девушки, которую он сделал своей наложницей. Девушка обратила татарина в христианство, рассказав ему, что от князя Александра пришел приказ убивать всех татар. Он поверил ей, окрестился и женился на ней.
[67] Насонов, сс. 52-53.
[68] Там же, с. 51; Spuler, p. 333, n. 8.
[69] ср.: Franke, «Europa», p. 69, n. 11.
[70] Воскр., 7, 163; ср.: Насонов, с. 53, сн. 1.
[71] Соловьев, 3, 197.
[72] Текст Жития Александра Невского см.. **Серебрянский; Мансикка, Житие** Александра Невского (Москва, 1915). Ср.: Ключевский, **Жития, сс. 65-70, 238, 251,** 258; Лихачев, сс. 258-267.
[73] Голубинский, Канонизация, сс. 65, 100.
[74] Там же, с. 65.
[75] Древности Российского государства, 3, табл. 5-8.
[76] См. выше, Гл. 2, 3, сс. 72-73.
[77] См.: Веселовский, с. 20.
[78] Spuler, p.46.
[79] Рашид, 3, сс. 59-60.
[80] Тизенгаузен, 1, 75-76; Веселовский, сс. 4-5.
[81] Spuler, pp. 47-48; Никон, сс. 6-8.
[82] Spuler, p. 49.
[83] Тизенгаузен, 2, 76.
[84] Poliak, «Caractere colonial», p. 233.
[85] Idem, p.234.
[86] Тизенгаузен, 2, 57; Pelliot, pp. 52-54.
[87] О произношении этих имен см.: Pelliot, pp. 64-65.
[88] О мангкытах см.: Рашид, 1, сс. 48, 157, 186, 189-191.
[89] Река Яик сейчас называется Урал; это название было **изменено по приказу**

императрицы Екатерины II после восстания Пугачева.
[90] Веселовский, с. 10.
[91] Тизенгаузен, 2, 69.
[92] Q. Pachymeres, Bk, 5, chap, 4 (Bonn ed., I, 344); Русский пер. (С. -Петербург, 1862), 1, 316.
[93] Тизенгаузен, 1, 125, 353; Spuler, p. 53.
[94] Веселовский, с. 22.
[95] Тизенгаузен, 1, 359, 380; 30, с. 83.
[60] Ее также звали Ириной; см.: Spuler, p. 60.
[97] Троиц., с. 329.
[98] Лавр., 2, кол. 475.
[60] Перевод ярлыка Менгу-Тимура русской церкви на древнерусский язык см. в кн.: Григорьев, Ярлыки, сс. 124-126; Приселков, Ярлыки, сс. 94-98. В целом о ярлыках см.: Kurat.
[100] Ярлыки, выпущенные в пользу русской церкви, сохранились только в русском переводе. Характеристику этих переводов см.: Григорьев, Ярлыки, сс. 96-106.
[101] О ярлыках великих ханов в пользу религиозных общин в Китае см. выше, Гл. 2, 4, с. 84.
[162] Об удельном порядке на Руси см.: Ключевский, 1, 365-384; С. Ф. Платонов, Лекции по русской истории (6-е изд., С. -Петербург, 1909), сс. 111-119.
[103] См.: М. Любарский, Древняя русская история (Москва, 1918), сс. 152-153.
[104] О Константине Суздальском см.: Киевская Русь, с. 279. Константин был братом Великого князя Ярослава I.
[105] О княгине Марии Ростовской см.: Лихачев, сс. 282-285.
[100] Перевод жития Петра на современный русский у Буслаева, 1, 160-165.
[107] Там же, 1, 161.
[108] Ключевский, Жития, с. 40.
[100] Буслаев, 1, 162 и далее; Ключевский, Жития, с. 42.
[110] Голубинский, Канонизация, сс. 110-111.
[111] Насонов, сс. 59, 62.
[112] Киевская Русь, с. 346.
[113] Солдайя — это итальянское название города, прежде известного как Сугдея; по-древнерусски — Сурож; сейчас — Судак. Об этих названиях см. в перечне в кн.: Vasiliev, Goths.
[114] Bratianu, pp. 205-206. Ср. Vasiliev, Goths, p. 171; Lopez, p. 251.
[115] Bratianu, p. 205.
[116] См.: Киевская Русь, с. 197.
[117] СГГД, 1, №2; ГНП, №1.
[118] СГГД, 1, №1, ГНП, №2.
[119] Соловьев, Новгород, с. 104.
[120] ГНП, с. 11.
[121] Там же, №30, с. 57.
[122] Соловьев, Новгород, с. 106.
[123] Голубовский, сс. 304-309.
[124] Вероятно, Дзауджи-Кау (Владикавказ); см.: Minorsky, Caucasica III, p. 237.
[125] Никон, 10, 155; Кулаковский, Аланы, с. 60.
[126] О событиях в западной Руси и Литве в 1260-х и 1270-х гг см.: Грушевский, 3, 92-108; Пашуто, сс. 289-302; Paszkiewicz, pp. 100-142.
[127] Paszkiewicz, p. 109.
[126] Ип., с. 204.
[129] Никон, с. 13.
[130] Феогност был вторым епископом Сарая. Первый, Митрофан, умер в 1267 г

[131] Никон, 10, 157. Это была третья поездка Феогноста в Константинополь. Ср.: Вернадский «ЗОЕВ», с. 80.
[132] Spuler, p. 62.
[133] Golubovich, 2, 444 (A.D.1287); cf. Spuler, p.64.
[134] Веселовский, 1, 50, 51.
[135] См. выше, 4, с. 164.
[126] Веселовский, сс. 40-41.
[137] Там же, с. 41; Ников, сс. 19-21.
[138] M. Canard, «Le Traité de 1281 entre Michel Paléologue et le sultan Qalaun», Byzantion, 10 (1935), 669-680; Spuler, p. 63.
[139] Spuler, p. 63.
[140] Веселовский, с. 51.
[141] Тизенгаузен, 1, XI; Вернадский, «ЗОЕВ», сс. 81-82.
[142] Spuler, Iran, p. 78; Spuler, Horde, p. 68.
[143] Spuler, Horde, p. 68.
[144] Новгород, с. 324.
[145] Он получил Кострому после смерти великого князя Василия.
[146] Соловьев, 3, 240.
[147] Троиц., с. 340.
[148] Насонов, с. 71.
[149] Там же, с. 73.
[150] Там же, с. 72.
[151] См. жизнеописания князя Федора в «Степенной книге», ПСРЛ, 21, 308.
[152] О Джалале ад-Дине Руми см.: Browne, 2, pp.515-525, Krymsky, Turkey, pp. 5-6; K.A. Nicholson, Rumi, Poet and Mystyc (London, G. Allen & Unwin, 1950).
[153] См.: Древняя Русь, с. 133.
[154] Там же, сс. 133-134. В карте аланских поселений М.А. Миллера, которая до сих пор не опубликована и копию которой он любезно прислал мне, возле Ясс обозначено древнее аланское городище.
[155] Кулаковский, Аланы, с. 66.
[156] О бродниках см.: Киевская Русь, сс. 158, 237, 238.
[157] Воскр., 7, 240. см. также: Новгород, с. 475; Насонов, Русская земля, сс. 142-143.
[158] См.: Древняя Русь, с. 103; Киевская Русь, сс. 319-320. Дата проникновения румынов в Трансильванию представляет собой спорную проблему. Ряд историков считает, что румыны не могли появиться в Трансильвании ранее 1200 г. См.: Stadtmüller, pp. 207-208 и его карту 12 на p. 205.
[159] О Втором Болгарском Царстве см.: Ф. Успенский, Образование Второго Болгарского Царства (Одесса, 1879); Н.С. Державин, История Болгарии (Москва и Ленинград, 1946), 2, 128-133; Мутафчиев, 2, 30-97.
[160] См.: N. Jorga, Histoire les Roumains et leur civilisation (Paris, 1920), p.59.
[161] Idem, chap. 5.
[162] G. Pachymeres, Bk. 5, chap. 4 (Bonn ed., I, 344); Русск. пер., 1, 317; Веселовский, с. 23; Vasiliev, Goths, p. 172.
[103] См. выше: Гл. 1, 7.
[164] Spuler, pp. 67-68.
[165] О венгерских кампаниях Ногая и Теле-Буги см.: Веселовский, сс. 30-37.
[166] Михаэль де Фердинанди был очень любезен, предоставив мне свою оценку личности и исторической роли Ласло IV в письме ко мне от 6 марта 1952 г. О Ласло IV см.: Michael de Ferdinandy, «Das Ende der heidnischen Kultur in Ungarn», UJ, 15 (1935), 77; idem, mi Magyarok: Tiz tanulmani a Magyar történelemböl (Budâpest, 1941), pp. 164-175; idem, Az Istenkeresör: az Arpadhaz tortenete (Budapest, 1942), pp. 116-124; 220-239.

(Эти две последние работы неприемлемы для меня; я в долгу перед их автором за упоминание).

[167] О польской кампании Ногая и Тула-Буги см.. Веселовский, сс. 34-37.

[168] См.: Любавский, сс. 29-30.

[168] Ип., сс. 213-223.

[170] О значении термина «баскак» см. ниже, 8, с. 220.

[171] Лавр., 2, кол.481-482; Никон, 10, 162-165; О датировке этого эпизода см.: Насонов, с. 70.

[172] Оба этих князя принадлежали к черниговскому дому; см.. Baumgarten, I, 90. Рыльск и Липецк — это города на Курской земле.

[173] Spuler, Iran, p. 86; Spuler, Horde, 70.

[174] Насонов, с. 67.

[175] Тизенгаузен, 2, 69.

[176] Там же, 2, 69-70; Веселовский, сс. 37-38.

[177] Веселовский, с. 43.

[178] См. выше, Гл.2, 9, с. 133.

[179] Насонов, сс. 73-77; Н. Веселовский, «Заметки по истории Золотой Орды», АНЗИ, 21, Ч. 1(1916), 1-10.

[180] Никон, 10, 169.

[181] Тизенгаузен, 1, 109; Веселовский, с. 43.

[182] П. Ников, История на Видинското княжество до 1323 година (София, 1922), сс. 47-50.

[183] Ников, Татаро-булгарски отношения, с. 23 — относит это событие примерно к 1292 г.; Веселовский, с. 42 — примерно к 1296 г.

[184] О Генуэзско-Венецианской войне 1293-1299 гг. см.: MPYC, Introductory Note VI, I, 41-44; Bratianu, pp. 263-275; Cessi, I, 263-265.

[185] См. выше, 4, с. 170.

[186] Bratianu, p. 256.

[187] Idem, pp. 256-257.

[188] Manfroni, Storia della marina, 2, 103; A. Battistella, La Republica di Venezia (Venice, 1921), p. 165, цитировано Братяну, pp. 256-257.

[189] См.: G. Vernadsky, «La Geste d'Igor au point de vue historique», Annuaire, 8 (1948), 223.

[160] Тизенгаузен, 1, 110-111; Веселовский, с. 4; См. выше подглавку 1, с. 179 и сн. №153.

[191] MPMP, I, p. 486.

[192] Steingass, p. 1395.

[103] О Стене Траяна в Бессарабии см.: C. Schuchhardt, «Wälle und Chausseen im südlichen und östlichen Dacien», AEM, 9 (1885), 202-232; Â.Ï. Семенов, Русь, 14 (С. -Петербург, 1910), 134; C. Uhlig, «Die Wälle in Bessarabia, besonders die sogenannten Trajanswälle», Prähistorische Zeitschrift, 19 (1928), pp. 185-250.

[194] Веселовский, с. 46-47.

[195] Cessi, I, 265.

[196] По всей вероятности, Ногай родился между 1235 и 1240 гг.

[197] Подробнее об этой битве см.: Веселовский, сс. 48-49. Кагамлык — это маленькая река, впадающая в Днепр рядом с современным городом Кременчугом. См.: П.П. Семенов, географическо-статистический словарь Российской империи, 2 (С. -Петербург, 1865), 409; В.П. Семенов, Русь, 7 (С. -Петербург, 1903), 311, 415, 416. Согласно Ф.К. Брюну битва состоялась возле современного города Одессы (см.: Ников, Татаро-булгарскн отношения, с. 32), а согласно Шпулеру, p. 76, на реке Тереке на Северном Кавказе.

[198] Веселовский, с.49.
[199] Историю Чаки см.: Ников, сс. 32-49; ср.: Веселовский, сс. 55-57.
[200] См.: О. Йенсен (Р. Якобсон), «Собака Калин Царь», Славия, 17 (1939), 82-98.
[201] Тизенгаузен, 1, 436, 513; 30, с. 88.
[202] Тизенгаузен, 2, 141.
[203] Spuler, p. 79
[204] Ibid.
[205] Рашид, 3, сс. 180-181.
[206] Имена оттоманских султанов здесь и далее даются в соответствии с современным турецким произношением.
[207] Spuler, p. 81.
[208] См. выше, Гл.2, 4, с. 82.
[209] ЗО, с. 89.
[210] Троиц., с. 347.
[211] Там же, сс. 347-348.
[212] Там же, с. 350; Насонов, с. 80.
[213] 1303 г., согласно Экземплярскому.
[214] Троиц., с. 311.
[215] Насонов, с. 79.
[216] 1304 г., согласно Экземплярскому.
[217] Соловьев, 3, 269-270.
[218] Тизенгаузен, 2, 141.
[219] Кулаковский, Таврида, с. 111. Солхат сейчас называется Эски-Юрим по-турецки, а по-русски — Старый Крым.
[220] Spuler, p. 92.
[221] Jireèek, Bulgaria, p. 289.
[222] Шпулер (pp. 79, 216) отождествляет Байялун с Марией (византийской женой Тохты); он считает также, что ей позволено было остаться христианкой, но см.: Pelliot, pp. 84-85.
[223] Ibn-Batuta, 2, 411-412.
[224] Jireèek, Bulgaria, pp. 293-295; Jireèek, Serbia, pp. 361-363; Ostrogorsky, p. 361; Mutafchiev, 2, 184-187. Ср. Spuler, p. 92. общий очерк развития славянских государств на Балканах в XIV и XV веках см.: G. Stadtmüller, «Aufstieg und Untergang der balkanslawischen Staatenwelt», Festschrift für Hermann Aubin (1951), pp. 131-147.
[225] Ibn-Batuta, 2, 414-415.
[226] Idem, I, 28.
[227] Кулаковский, Таврида, сс. 106-107; ср.: Vasiliev, Goths, p. 174.
[228] Ibn-Batuta, 2, 415.
[229] Кулаковский, Таврида, сс. 105-106.
[230] Spuler, pp. 93-96; 30, сс. 92-93.
[231] Spuler, p. 93; Насонов, с. 106.
[232] Тизенгаузен, 1, 460; 30, с. 262.
[233] Ibn-Batuta, 2, 447-448.
[234] Idem, 2, 380.
[235] Анализ имени см.: Pelliot, pp. 101-105.
[236] Ibn-Batuta, 2, 390.
[237] Idem, 2, 383-384.
[238] Idem, 2, 402-410.
[239] Соловьев, 3, 275; Насонов, с. 84.
[240] Соловьев, 3, 276-279; Насонов, сс. 86-88.
[241] Насонов, сс. 107-108.

[242] Соловьев, 3, 287-289; Насонов, сс. 91-93. Тверское восстание 1327 г. послужило темой исторического сказания, «Повести о Щелкане» (т.е. Шевкале); см.: История русской литературы, 2 (Москва и Ленинград, 1946), 103-106.
[243] См. выше, Гл. 2, 4, с. 88.
[244] Насонов, с. 110.
[245] См. Симеонов. под датой 1328; Насонов, с. 111.
[246] О митрополите Петре см.: Макарий, 4, 15-21; Голубинский, 2, 98-114.
[247] Насонов, с. 100.
[248] Об истории Галича и Волыни в конце XIII и начале XIV веков см.: Грушевский, 3, 108-142; Paszkiewicz, Polityka ruska, pp. 1-45.
[249] См.: Антонович, Монографии, сс. 63-70.
[250] В течение долгого времени историки считали Юрия II сыном Андрея Галицкого, но недавно была твердо установлена его идентичность с Болеславом. См. Генеалогическую Таблицу VIII.
[251] Грушевский, 3, 139-140; 4, 13-14.
[252] Spuler, pp. 91, 97.
[253] Idem, p. 98; Насонов, с. 112.
[254] Грушевский, 3, 137-141; 4, 13-28; Paszkiewicz, Polityka ruska, pp. 47-48.
[255] Кулаковский, Таврида, с. 107.
[256] L.A. Mayer, Saracenic Heraldry (Oxford, Clarendon Press, 1933), p. 111; Poliak, «Caractére colonial», p. 234.
[257] Poliak, «Caractére colonial», pp. 231-232.
[258] Дата установлена в статье: G. Georgiades Arnakis, «Captivity of Gregory Palamas by the Turks and Related Documents as Historical Sources», Speculum, 26(1951), 111.
[259] Насонов, сс. 103-104.
[260] Spuler, pp. 105-106.
[261] Грушевский, 4, 28-36; Paszkiewicz, Polityka ruska, pp. 88-135.
[262] Макарий, 4, 41-47; Голубинский, 2, 179, 878.
[263] О митрополите Алексее см.: Макарий, 4, 33-63; Голубинский, 2.
[264] Соловьев, 3, 327.
[265] Киевская Русь, сс. 188-189.
[266] Соловьев, 3, 327.
[267] Тизенгаузен, 2, 128-129.
[268] ЗО, с. 100.
[269] Н. Поппе, «Золотоордынская рукопись на бересте», Советское Востоковедение, 2, (1941), 81-134; ср.: 30, с. 175.
[270] Schiltberger, p. 48.
[271] Веселовский, с. 51. На османском турецком языке этот глагол читается: gütürmek. См.: Redhouse, p. 1582.
[272] О «soyurghal» см.: V. Minorsky, «A Soyurghal of Qasim b. Jahangir Aqqoyunlu, BSOAS, 9(1939), 927-960; ZO, сс. 135-137.
[273] 30, с. 127. Термин «букаул» мог также обозначать и чиновника меньшего значения. См.: Радлов, с. 21; Kurat, pp. 64-65, 70-71.
[274] Радлов, с. 20. В своем переводе ярлыка на русский язык Радлов передает слова tümen atku bashlygh (в оригинальном тюркском тексте) как «множество хороших командиров» (а на с. 22 — «имея десять тысяч хороших командиров»), принимая слово tümen за числительное. Однако нет сомнения, что здесь tümen употребляется в значении «мириада», как военной и административной единицы (подразделения; по-русски — «тьма»). Со всей очевидностью, хан обращается здесь к командирам тьмы (темникам) См. для сравнения: Mengli-Geray's yarlyk, Kurat, pp .64-65, lines 5-6.
[275] См.: Pelliot, p. 72, n. 1.

[276] ЗО, сс. 128-129.
[277] Об этом термине см.: Смирнов, Крымское ханство, сс. 43-44.
[278] 30, сс. 185-186.
[278] Там же, с. 153.
[280] Там же, сс. 145-146; А. Якубовский, «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», ГА, 8, табл.2-3 (1931). См. Источники, Археология.
[281] Радлов, с. 21. О уртакчи см. также: Гордлевский, с. 65.
[282] ДДГ, с. 8.
[283] Веселовский, с. 33, сн. 1.
[284] См. выше, 7, с. 211, и Гл.2, 8, с. 127.
[285] В своей статье в Speculum, 26 (1951) я ошибочно утверждал, что численная характеристика каждого военного района соответствовала количеству зарегистрированных налогоплательщиков, так что каждая тьма включала в себя 10 000 налогоплательщиков; см.: Vernadsky, Royal Serjs, p. 262. Как я понимаю это сейчас, 10 000 относится к числу воинов, которое каждая тьма должна была предоставить.
[285] Новгород, с. 286.
[287] Чтобы быть более точным — 6,9; см.: П. Смирнов, «Движение населения московского государства» в кн.: М. Довнар-Запольский, Русская история в очерках и статьях, 2 (Москва, около 1910), 68.
[286] См.: Киевская Русь, с. 133.
[289] АЗР, 1, №6, 4-5. Перепечатано с копии, сохранившейся в архивах Великого княжества Литовского («Литовская метрика»).
[290] АЗР, 1, N 200, 363 (из «Литовской метрики»).
[281] По-видимому, центром Подольской тьмы была Винница.
[292] Об Эголдее см. ниже, Гл. 4, 5, с. 301. О тьме Эголдея см.: Kuczycski, pp. 78-80. Эта тьма была расположена в северо-восточной части прежнего княжества Переяславского. Вероятно, она заняла место первоначальной Переяславской тьмы.
[293] Упомянута только в письме Сигизмунда.
[294] Упомянута только в письме Сигизмунда. Название «Охура» можно сравнить с Хухра — деревня возле Ахтырки (около 50 миль к западу от современного Харькова). Название Хухра впервые встречается в документах начала XVIII века; см.: Д.И. Багалей, Очерки из истории колонизации степной окраины московского государства (Москва, 1887), с. 471.
[295] Следует отметить, что Полоцк никогда не находился под властью монголов. Эта тьма, вероятно, своим центром имела город Витебск, который первоначально был частью Полоцкого княжества.
[296] Рог., кол. 68; ср.: Насонов, с. 98.
297 См. так называемый «Хронограф» от 1512 г., ПСРЛ, 22, 423; ср.: Насонов, с. 98.
[298] «Пятетем», т.е. «пять тем», ДДГ, с. 119.
[298] Тверь была самым сильным русским княжеством после Москвы и не могла включать в себя меньше тем, чем Нижний Новгород.
[300] Не включая тьму Охура, о которой ничего не известно в ранний период монгольского владычества.
[301] См. ярлыки, выданные русскому духовенству: Григорьев, Ярлыки, с. 112; Приселков, Ярлыки, с. 92. В ярлыке Менгу-Тимура налоговый инспектор назван баскаком, а не даругой: Григорьев, с. 124; Приселков, с. 96.
[302] По видимости, «город» обозначает здесь маленький городок.
[303] Pelliot, pp. 72-73.
[304] Насонов, с. 20.
[305] См.: Иконников, 2, 863-864; а более подробно: Насонов, сс. 18-21.

[306] Новгород, с. 310.
[307] Akanc, p. 301.
[306] См. объяснение этого термина С.Л. Волиным, Тизенгаузен, 2, 304; см. также: Cleaves, «Mongolian Names», p. 442.
[306] См. замечания С.Е. Малова в кн.: V. Radlov, Uigurische Sprachdenkmäler, pp. 77, 300; Vernadsky, «Uigurs», p. 458. По-персидски tush обозначает «питание», «пища», «сила»; tusha обозначает «продовольственные запасы путешественника». См.: Redhouse, p. 610.
[310] ААЭ, 1, 24.
[311] Киевская Русь, сс. 190-191.
[312] Григорьев, Ярлыки, с. 124; Приселков, Ярлыки, с. 96.
[313] Березин, с. 475; Spuler, p. 335.
[314] См. ниже, подглавка III, сс. 223, 227.
[315] Березин, с. 477.
[316] Григорьев, Ярлыки, с. 124; Приселков, Ярлыки, сс. 96-97.
[317] Minorsky, Nasir-al-Din, pp. 773,781.
[318] О мыте см.: Киевская Русь, с. 191.
[319] Minorsky, Nasir-al-Din, p. 775.
[320] Новгород, с. 310.
[321] Н. Молчановский, Очерк о Подольской земле (Киев,1885), сс. 156-157.
[322] Ватман, предводитель ватаги, происходит от осетинского sätäg (предводитель). Vasmer, pp.31,172 выводит слова «ватаман» (атаман) и «ватага» из тюркского, что мне видится менее предпочтительным.
[323] Об этих социальных группах см.: И.А. Лининченко, Черты из истории сословий в юго-западной (галицкой) Руси XIV – XV веков (Москва, 1894); W. Hejnosz, Jus ruthenicale (Lwów, 1928); Z. Wojciechowski, L'Etat polonais an moyen-age (Paris, 1949), pp. 206-207; Vernadsky, «Royal Serfs».
[324] ДДГ, сс. 8, 10.
[325] О термине «орду» см. выше, Гл. I, 5, с. 30.
[320] Киевская Русь, с. 189.
[327] В этом пункте я должен скорректировать мое прежнее утверждение в «Royal Serfs», pp. 258, 264. n. 24.
[328] Ibid, p. 258.
[320] ДДГ, с. 20.
[330] Wassaf, p. 98 (персидский текст); перевод этого термина на немецкий язык непонятен: Hammer-Purgstall' German translation of this term, p. 94 (Eidam). См. также: Тизенгаузен, Гл. 2, 4, с. 88.
[331] См. выше, Гл. 2, 4, с. 88.
[332] См. ниже, Гл. 4, 2 и 3.
[333] См. выше, Гл. 3, 8, с. 199.
[334] Симеонов, с. 171; см.: Насонов, с. 105.
[335] Насонов, с. 105.
[336] Î kharaj ñì.: N.W. Juynbolle, «Kharaj», ES, 2, 902-903; E. Mardin, «Harâc», Islam ansiklopedisi, 4 (1949), 222-225. Согласно T.W. Juynbolle, термин kharaj происходит от византийского choregia. С другой стороны, kharaj близок к арабскому глаголу kharaja, «выходить». Согласно A. Cherbonneau, Dictionnaire arabe-français (Paris, 1876), I, 207, каузативная форма этого глагола (форма IV), akharaja, обозначает как «заставить выйти» (faire sortir), так и «заставить платить» (faire payer, percevoir un impôt). В письме ко мне от 2 декабря 1948 г. Nicholas N. Martinovitch обратил мое внимание на употребление слова kharaj в качестве междометия в значении «ну, пошел!». Во всяком случае, переводчики при дворе хана, должно быть объяснили термин kharaj

русским, как производное от глагола kharaja; отсюда и русский термин «выход».
[337] Тохтамыш в 1382 г. собирал налоги золотом и серебром. Вероятно, платежи золотом были тамгой.
[338] Татищев, 4, 47.
[339] Деревия на древнерусском языке первоначально обозначала: «поле, расчищенное от леса». См.: Preobrazhensky, p. 180; Vasmer, pp. 341-342.
[340] Никон, II, 210.
[341] ДДГ, с. 61.
[342] Там же, с. 197.
[343] ААЭ, I, 132, 24.
[344] Никон, 12, 184; см. также: Софийский временник (1821), 2, 194.
[345] С. Веселовский, Сошное письмо, I (Москва, 1915), 43.
[340] ДДГ, сс. 35-36.
[347] Там же, с. 31.
[340] Там же, с. 38.
[349] Там же, с. 44.
[350] Там же, с. 49.
[351] Там же, с. 74.
[352] Троицк., сс. 427-428; Никон., II, 85.
[353] Московская серебряная гривна (рубль) около 1400 г. весила 92 грамма; см.: Г. Б. Федоров, «Деньги Московского княжества», МИАС, 12 (1949), 157.
[354] Вероятно, это и есть значение цифры «5000 рублей», упоминавшейся в княжеских грамотах.
[355] О пятинах см.: Киевская Русь, с. 204; К.А. Неволин, «О пятинах и погостах новгородских», ЗРГО, 8(1853); Насонов, Русская земля, сс. 117-126.

Глава IV. РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУСИ.

[1] Spuler, pp. 116-117.
[2] Moszyński, 2, 1552. О создании Галицкой епархии см. Голубинский, 2, 100-101; Грушевский, 3, 112-113.
[3] Грушевский, 3, 137, № 2; Moszyński, 2, 1552.
[4] См. Moszyński, 2, 1551; N.P. Vakar, «The Name 'White Russia' », ASEER, 8 (1949), 201-213.
[5] О Белых Хорватах см. Древияя Русь, с. 167, 321; F. Dvornik, The Making of Central and Eastern Europe (London, Polish Research Center, 1949), pp. 266-267, 283-285, 291-292. Об аорсах см. Древияя Русь, стр. 82, 87-89.
[6] О названии Черная Русь см. Moszyński, 2, 1552; ср. выше, Глава 3, разд. 3.
[7] Vakar (см. выше, № 4), pp. 204-205.
[8] Moszyński, 2, 1552; Vakar, p. 210.
[9] Об экспансии викингов на юго-востоке Балтики см. T.J. Arne, La Suède et l'Orient (Upsala, 1914); B. Nerman, Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum (Stockholm, 1929); idem, «Swedish Viking Colonies on the Baltic», ESA, 9 (1934), 357-380; F Balodis, «Ein Denkmal der Wikinggerzeit aus Semgallen», ESA, 9, 399-404; H. Jänichen, Die Wikinger im Weichsel-und Odergebiet (Leipzig, 1938); O. Scheel, Die Wikinger (Stuttgart, 1938), 194-209; M. Vasmer, «Wikingerspuren bei den Westslaven», ZOG, 6 (1932), 1-16, idem, «Wikingerspuren in Russland», AWB, 24 (1931), 3-28.
[10] T.D. Kendrick, A History of the Vikings (London, Methuen & Co., 1930), p. 275.
[11] Мой интерес к Белым и Черным викингам был вызван лекцией Иоханна Бронстеда

«Викинги в Европе», прочитанной им 27 октября 1948 года в Йельской художественной галерее. Об изображении викинга с белым щитом см. Bjorn Hougen, «Osebergfunnets billedev», Viking, 4 (1940), 104. Я признателен Харольду Ингхольту, который обратил мое внимание на эту публикацию, и Александре Калмыковой за то, что она по моей просьбе изучила ее в библиотеке Колумбийского университета и заказала для меня фотостат соответствующей картины.

[12] РИБ, 6, Прилож. № 6, с. 30.

[13] См. A. Senn, « Notes on Religious Folklore in Lithuania», Slavic Studies, A Kaun and E.J. Simmons, eds. (Ithaca, Cornell University Press, 1943), pp. 164-165, 174-175.

[14] Любавский, с. 41.

[15] Dusburg, SSRP, 1, 162, 284, 287; Wigand, SSRP, 2, 454-455. Ср. Антонович, Монографии, с. 40-41.

[16] Глубокие характеристики Ольгерда и Кейстута см. Антонович, Монографии, с. 83-93.

[17] О Кревской унии см. O. Halecki, Dzieje unji jagiellonskiej (Kraków, 1919), I; Любавский, с. 45-53; И.И. Лаппо, Западная Русь и ее Соединение с Польшей (Прага, 1924), с. 100-106.

[18] Об истории города Москвы см. И.Е. Забелин, История города Москвы (Москва, 1905); Москва в ее прошлом и настоящем (Москва, 1910-12). В 12-ти томах; «Материалы и исследования по археологии Москвы», МИАС, 7 (1947) и 12 (1949).

[19] См. R.J. Kerner, The Urge to the Sea (Berkeley, University of California Press, 1943), pp. 35-38, 107-114.

[20] Ключевский, Курс, 2, 3-37.

[21] С. Ф. Платонов, Учебник русской истории (переизд. Прага, 1924), 1, 103-104.

[22] Ключевский, Курс, 2, 51 (несколькими строками ранее Ключевский в сходном контексте называет также Семена и Дмитрия).

[23] См. выше, Глава III, разд. 6.

[24] Никон, 10, 233.

[25] О Сугнаке см. ЗО, с. 305-310.

[26] О Тимуре (Тамерлане) см. Бартольд, Улугбек, с. 12-18; Bouvat, pp. 11-76; Grousset, Empire des steppes, pp. 486-534; W.J. Fischel, trans., Ibn-Khaldun and Tamerlan (Berkeley, University of California Press, 1952).

[27] E. Herzfeld, «Alongoa», Der Islam, 6 (1916), 317-318; ср. выше, Глава I, раздел 4.

[28] Ñi. L. Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie: Turcs et Mongols des origines à 1405 (Paris, 1896). О влиянии этой книги «на определенные шовинистические круги в Турции» см. Browne 3, 14-15.

[29] См. Крымский, Персия, 3, 21.

[30] Тизенгаузен, 2, 61. Согласно Муиз, Урус-хан тоже был потомком Тука-Тимура через другого его сына. Однако, по-видимому, ведение его родословной от Орды более надежно.

[31] Троиц., сс. 376-377.

[32] Об отношениях между Литвой, Тверью и Москвой в 1368-75 годах см. Соловьев, 3, 336-347; А.Е. Пресняков, Образование великорусского государства (Петроград, 1918), с. 298-306; Paszkiewicz, pp. 414-426; Насонов, сс. 127-134.

[33] Соловьев, 3, 341.

[34] Жену Боброк-Волынского разные авторы называют Любовь, Анна и Мария. Очевидно, все-таки, она была Любовь.

[35] ДДГ, с. 11.

[36] Соловьев, 3, 345.

[37] Текст договора см. в ДДГ, сс. 25-28.

[38] Русские летописцы везде используют название татары (а не монголы). После

крушения Монгольской империи тюркская (татарская)прослойка в Золотой Орде вышла на первые роли. Поэтому, начиная с этого момента, я буду использовать название татары иногда, а позже, в период после 1419 года, постоянно.

[30] Троица, сс. 396, 398.

[40] О роли «старцев» в русской религиозной жизни см.G. Vernadsky, A History of Russia (3d revised ed. New Haven, Yale University Press, 1951), p. 213; H. Iswolsky, The Soul of Russia (New York, Sheed & Ward, 1943), pp. 19-21, 33-34, 80-89; С.И. Четвериков, Оптина Пустынь (Париж, 1926).

[41] Никон, II, 212.

[42] Там же, 11, 25. В Никоновской летописи город Булар называется Казань, что является поздней вставкой.

[43] Там же, II, 45.

[44] Там же, II, 46-48.

[45] См. выше, Гл. 3, разд. 8.

[46] О Куликовской битве см. Троица, сс. 419-420; Никон, сс. 55-66; Карамзин, 5, 70-76; Соловьев, 3, 358-360; Насонов, сс. 134; ЗО, сс. 242-243, 292-294; Kolankowski, pp. 19-20.

[47] Необходимо заметить, что для средневековой Руси, в отличие от средневекового Запада, было абсолютно нехарактерным для духовенства лично принимать участие в сражениях. Случай с Пересветом и Ослябей, таким образом, является исключением. Знаменитое исключение последующего периода — активное участие монахов в защите Троице-Сергиевой лавры от поляков в 1608-10 годах.

[48] Согласно Никоновской летописи фронт битвы простирался на десять верст, одна верста равна примерно 2/3 мили (Г.В. Вернадский). 1 миля равна 1,61 километра, т.о. длина фронта составила около 11,5 километров (прим. ред.).

[49] Необходимо отметить, что, согласно французскому исследователю Андре Мэзону, «Слово о полку Игореве» следует считать подражанием «Задонщине», а не наоборот. Для меня теория Мэзона неприемлема. См. A. Mazon, le Slovo d'Igor (Paris, 1940); idem, «Le Slovo d'Igor», RES, 21 (1944), 5-45. Положения Мэзона опроверг Роман Якобсон; см. H. Grégoire, R. Jacobson, M. Szeftel, J.A. Jolie, «La Geste du Prince Igor», Annuaire, 8 (1948). Ответ Мэзона см. в SEER, 27 (1948-49), 515-535; недавнюю публикацию Якобсона по этой проблеме см. «The Puzzle of the Igor' Tale», Speculum, 27 (1952), 43-66.

[50] Никон, II, 69.

[51] Текст ярлыка от 1381 года не сохранился, но существует сноска на него в ярлыке 1393 года. Транскрипцию этого текста см. в Kurat, p. 147; рус. пер. см. Радлов, 6. Ср. ЗО, сс. 323-324.

[52] ЗО, с. 326.

[53] Основные русские описания нашествия Тохтамыша: Троица, сс. 422-425; Симеон., сс. 131-133; Никон., сс. 71-81.

[54] Никон, II, 78-79.

[55] Ставки иалогообложения Джанибека упоминаются в письме Едигея от 1409 года к Василию I, СГГД, 2, 16.

[56] ЗО, с. 338.

[57] Их называют «поляками» в Никон, II, 91.

[58] Тизенгаузен, 2, 156.

[58] ЗО, с. 357.

[60] Существует старое, но до сих пор полезное исследование организации армии Тимура — M. Charmoy, «Expédition de Timour-i-lenk ou Tamerlan contre Toqtamishe», Mémoures de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg, 6th ser., 3 (1836), 89-505. Необходимо отметить, однако, что кроме достоверных источников Чармоу принимал

во внимание и сомнительный трактат, так называемое «Уложение Тимура». Недавно, как ни странно, Фердинанд Лот полностью построил свое описание армии Тимура на его «Уложении» (Lot, 2, 353-370). Опубликован великолепный краткий очерк военной организации Тимура А.Ю. Якубовского в ЗО, сс. 339-354.

[61] См. Генеалогическую таблицу VI.

[62] Никон, II, 148.

[63] Об иконе Владимирской Божьей Матери см. А.И. Анисимов, Владимирская икона Божьей Матери (Прага, 1928).

[64] Никон, II, 160.

[65] Тизенгаузен, 2, 180.

[66] Browne, 3, 192; Bouvat, p. 50.

[67] Gibbon, 2, 1237.

[68] ЗО, с. 376.

[69] Там же, сс. 377-378.

[70] Тизенгаузен, 2, 125.

[71] См. А. Барбашев, Витовт I (С.-Петербург, 1885), 95; Kolankowski, pp. 70-71.

[72] Spuler, p. 138.

[73] Никон, II, 174-175.

[74] О последних годах Тохтамыша см. ЗО, сс. 383-384.

[75] Об Едигее см. Бартольд «Едигей»; П.М. Мелиоранский «Сказание об Едигее и Тохтамыше», ЗРГО, 19 (1905), Прилож., сс. 1-23 (Киргизский текст, сс. 1-39; ЗО, сс. 374-405).

[76] См. Б.С. Ижболдин «О роде Ижболдиных», Novik (мнмеограф. изд., 1945), сс. 35-36. Автор этого исследования, теперь преподаватель Сэнт-Льюисского университета — потомок Едигея.

[77] ЗО, с. 391.

[78] См. Генеалогическая таблица VI.

[79] Тизенгаузен, 2, 133.

[80] Та же страница.

[81] Там же, 1, 474; Бартольд «Едигей», с. 23.

[82] Poliak, «Caractere colonial,» pp. 241-242.

[83] ЗО, с. 392.

[84] ДДГ, сс. 52-53; Насонов, с. 141.

[85] Голубовский, сс. 332-333.

[86] Никон, II, 204.

[87] Там же, II, 198, 201.

[88] Там же, II, 201-202; Насонов, сс. 141-142; ЗО, сс. 391-392.

[89] Согласно Шараф ад-Дину Язди, Пулад был сыном Шадибека; Тизенгаузен, 2, 146. Ср. ЗО, с. 393.

[90] Насонов, с. 142. Шадибек вскоре умер.

[91] Никон, II, 203-204.

[92] Там же, II, 205.

[93] Насонов, с. 143.

[94] СГГД, 2, № 15; вариант в Никон, II, 209-210.

[95] ЗО, с. 396-397.

[96] Тизенгаузен, I, 442; ЗО, с. 404.

[97] ЗО, с. 403-404.

[98] См. Бартольд «Едигей», с. 18.

[99] Spuler, p. 149; cf. B. Spuler, «Mittelalterliche Grenzen in Osteuropa, I. Die Grenze des Grossfürstentums Litauen im Südosten gegen Türken und Tataren,» JGOE, 6 (1941), 157-158.

[100] См. ниже, раздел 5, дальнейшее объяснение термина.

[101] Украинские казаки впервые упоминаются под этим именем в источниках конца пятнадцатого века. О происхождении козаков на Украине см. Хрущевский, 7 (1909), 74-82; М. Любавский Областное деление и местное управление Литовско-русского Государства (Москва, 1892), сс. 531-532; Д. Дорошенко Нарис історії України (Варшава, 1932), 2, 144-160.

[102] См. Киевская Русь.

[103] В поздней западнорусской летописи Черкассы упоминаются в связи с мнимым захватом Киева Гедимином примерно в 1320 году, но достоверность этой истории подвергается сомнению. См. Антонович, Монографии, сс. 47-49; Kuczycski, сс. 48-307.

[104] О Григории Цамблаке см. Макарий, 4, 88-101; Барбашев, Витовт (как в № 71), сс. 131-135; Голубовский, 2, 377-388, 882; E. Turdeanu, «Grégoire Camblak», RES, 22 (1946), 46-81.

[105] Об образовании узбекского и казахского государств см. Бартольд Тюрки, сс. 185-188, 193-194; Grousset, Empire des steppes, pp. 556-563; М. Абдыкалыков и А. Панкратова, ред., История Казахской ССР (Алма-Ата, 1943), гл. 5, 7. Ср. Б.Г. Кафуров История таджикского народа (Москва, 1949), гл. 17, 18.

[106] См. ЗО, сс. 298-302.

[107] Pelliot, p. 92.

[108] Radlov, Versuch, 2, 363-365.

[109] Ñì. J. Marquart, «Über das Volkstum der Komanen», AWGA, N.S., 13, No. 1 (1914), 141.

[110] Флоровский, I, 285, 286, 296, 306.

[111] См. ЗО, сс. 410-412.

[112] Бартольд, Улугбек, сс. 85-86.

[113] Смирнов, Крымское ханство, сс. 229-234.

[114] Kurat, p. 9.

[115] Spuler, p. 159.

[116] Василий II был третьим сыном Василия I. Первые два умерли раньше своего отца. См. Baumgarten 2, Table 2.

[117] ДДГ, с. 62.

[118] Не путать с Галичем в Галиции.

[119] МИАС, 12, 125-133.

[120] Никон, 12, 8.

[121] ДДГ, сс. 62-63.

[122] Там же, сс. 67-69. Согласно редакторам договор был подписан «около 1430 года». Возможно, его заключили в 1429 году.

[123] О луцком конгрессе см. Барон М. Таубе «Международный конгресс на Волыни в XV столетии», Русский вестник, 255 (1898), 133-151; он же, «Etudes sur le développement historique du droit international dans l'Europe orientale, Académie de Droit International,» Recueil des cours, I (1926), 468-469; Хрущевский, 4, 134-135; Kolankowski, pp. 153-154; Флоровский, I, 294.

[124] Dlugosz, II, 515; цитируется Таубе, Русский вестник, 255, 147.

[123] Kolankowski, pp. 160-161.

[120] О политической борьбе в Литве после смерти Витовта см. Хрущевский, 4, 161-195; Kolankowski, pp. 164-211; Любавский, сс. 64-71; А.И. Вольдемар «Национальная борьба в Великом Княжестве Литовском в XV-XVI веках», АНОРИ, 14, Ч. 3 (1910), 162-170.

[127] Согласно ЗО, с. 414.

[120] Никон, 12, 15-16.

[120] Дмитровское удельное княжество вернулось к великому князю Владимирскому

при конфискации, когда князь Петр Дмитровский умер в 1428 году, не оставив сыновей.

[130] См. Киевская Русь.

[131] Kuczyński, p. 184; ср. Spuler, p. 160.

[132] Никон, 12, 24-25.

[133] Вельяминов-Зернов, I, 11-13. А.Н. Курат склоняется к дате 1438 год и считает Улуг-Махмеда первым ханом Казани, Kurat, p. 28.

[134] Воскр., 8, 7; Тверская летопись, ПСРЛ, 15, 491.

[135] Об истоках и формировании Османской империи, кроме широко известных старых историй Османской империи J. Hammer-Purgstall и J.W. Zinkeisen, а также более современных работ N. Iorga и H.A. Gibbons, см. Крымский, Турция, сс. 10-22; R.P. Blake and W.L. Langer, «The Rise of the Ottoman Turks and Its Historical Background,» AHR, 37 (1932), 468-505; M.F. Köprülü, Les Origines de l'Empire Ottoman (Paris, 1935); P. Wittek, The Rise of the Ottoman Empire (London, The Royal Asiatic Society, 1938); G.G. Arnakis, Oi Prwtoi 'Oqwmanoi (Athens, 1947), reviewed by R.L. Wolff in Speculum, 26 (1951), 483-488; Stadtmüller, chap. 18. Обзор восточных источников оттоманской истории см. Togan, pp. 223-228.

[136] О янычарах см. Zinkeisen, 1, 118, 124, 127, 132; C. Huart, «Janissaries,» EI, 2, 572-574; Oman, 2, 342-343, 357; J.K. Birge, The Bek-tashi Order of Dervishes (London, Luzac & Co., 1937), pp. 46-48, 66, 67, 74-75; N. Weissmann, Les Janissaires (Paris, 1938). О детях в качестве дани см. Zinkeisein, 3, 215-231 и 4, 166; J.H. Mordtmann, «Dewshirme,» EI, I, 952-953.

[137] О братстве ахиев см. Гордлевский, гл. 9; G.G. Arnakis, «Captivity of Gregory Palamas,» Speculum, 26 (1951), 113-114, 117-118.

[138] Датировано по F. Babinger, Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien (14-15 Jahrhundert) (Munich and Vienna, 1943), p. 78.

[139] О религиозных и литературных течениях в Болгарии в четырнадцатом веке см. Н.С. Державин История Болгарии (1946), 2, 133-153; E. Turdeanu, La Littérature bulgaire de XIV-me siecle et sa diffusion dans les pays romains (Paris, 1947); Mutafchiev, 2, 242-253.

[140] Крымский. Турция, сс. 15-18.

[141] Lot, 2, 222, 460.

[142] Деспот (гр. despotes повелитель) — старый византийский титул, использовавшийся некоторыми балканскими правителями.

[143] Denzinger, Enchiridion, p. 38. См. также A.E. Burn, «Creeds (Ecumenical),» Hastings' Encyclopedia of Religion and Ethics, 4, 239-240. Теологическую основу доктрины см. Г. Флоровский Восточные отцы IV века (Париж, 1931); он же, Византийские отцы V-VIII веков (Париж, 1933).

[144] Denzinger, Enchiridion, p. 38; A. Palmieri, Filioque, Dictionnaire de théologie catholique, 5, 2309-2343.

[145] Подробный отчет о работе Феррaро-флорентийского собора см. G. Hofmann, «Die Konzilsarbeit in Ferrara» (Florenz, Rom), OCP, 3 (1937), 110-140, 403-455; 4 (1938), 157-188, 372-422; 5 (1939), 151-185; 8 (1942), 5-39; 15 (1949), 71-84; 16 (1950), 358-376.

[146] Исследование более древней литературы о флорентийской унии см. Крымский Турция, сс. 4—42. Ср. Голубинский, 5, 519-521, 657-661; A.M. Amman, S.J., Storia della Chiesa Russa e dei paesi limitrofi (Torino, 1948), pp. 119-128; З.В. Удальцова «Борьба византийских партий на флорентийском соборе», Византийский временник, 3 (1950), 106-132.

[147] Латинский текст «Decretum pro Graecis» см. Denzinger, Enchiridon, pp. 235-236.

[148] Ducas, Historia Byzantina (Bonn ed.), p. 291.

[149] Обзор литературы о варненском крестовом походе см. Крымский Турция, сс. 50-56. См. также O. Halecki, The Crusade of Varna (New York, Polish Institute of Arts and Sciences, 1943), reviewed by J. Bromberg, Speculum, 20 (1945), 247-250.
[150] См. Lot, 2, 229-230.
[151] См. A.M. Schneider, »Die Bevölkerung Konstantinopels im xv Jahrhundert,» AWGN (1949), pp. 233-234; reviewed by H. Ritter, Oriens, 3 (1950), 147.
[152] Lot, 2, 233-234. Обзор литературы и источников по осаде и завоеванию Константинополя османами см. Крымский Турция, сс. 68-73.
[153] Phrantzes, Chronicon (Bonn ed.), pp. 305-307.
[154] Чудов монастырь был основан митрополитом Алексием в честь чуда Св. Михаила у Чоны. См. N.P. Kondakov, The Russian Icon, E.N. Minns, trans. (Oxford, Clarendon Press, 1927), p. 136.
[155] Дьяконов, Власть; сс. 55-57; В. Вальденберг, Древнерусские учения о переделах царской власти (Петроград, 1916), с. 171-173.
[156] Голубинский, 2, 457; Вальденберг, с. 171; Хрущевский, 5, 526.
[157] РИБ, 6, 526-535.
[158] Там же, 6, 529-530, I.
[159] Голубинский, 2, 484-485.
[160] См. Хрущевский, 4, 195-207; Любавский, сс. 72-81; Kolankowski, pp. 226-247; Вольдемар (см. выше, № 126), с. 171-174. См. также A. Lewicki, «Powstanie Swidrygielly,» Rozprawy Akademii Umiejetnosci (Historical and Philosophical Section), 29 (1892), недоступно для меня; O. Halecki, Ostatnie lata Swidrygielly i sprawa Wolynska (Krakyw, 1915).
[161] Текст привилея Казимира см. Владимирский-Буданов Христоматия, 2, 20-31. Дата, 1457 год, в издании Владимирского-Буданова относится к утверждению привилея; он был издан в 1447 году.
[162] Kolankowski, pp. 272-273.
[163] Никон, 12, 61-62.
[164] Там же, 12, 62-63.
[165] См. особенно Карамзин Примечания, 5, 226-227, № 322.
[166] Не путать с городом Городец-на-Волге. Городец — производное от слова город (поселение, укрепление).
[167] Об этом набеге см. выше, раздел 2.
[168] Вельяминов-Зернов, 1, 41; Д. Иловайский История Рязанского Княжества (Москва, 1858), с. 259.
[169] Никон, 12, 64-65.
[170] Там же, 12, 65.
[171] ДДГ, сс. 119-120.
[172] Никон, 12, 66.
[173] Первая Псковская летопись, с. 47.
[174] Новгород, с. 165.
[175] Spuler, p. 165.
[176] Никон, 12, 67.
[177] Там же.
[178] Д. Ушаков, Словарь русского языка, 4 (Москва, 1940), 647.
[179] Срезневский, 3, кол. 1085.
[180] Новгород IV, 443.
[181] Никон, 12, 72.
[182] ДДГ, № 46, сс. 140-142.
[183] Там же, № 48, сс. 146-148.
[184] АИ, 1, 80.

[185] Объяснение термина см. ниже, Глава 5, раздел 4.
[186] ДДГ, с. 161.
[187] Там же, сс. 163-164.
[188] АИ, 1, 79.
[189] Карамзин, 5, 342.
[190] Никон, 12, 112; Карамзин, 5, 346-347.
[191] АИ, 1, 80.
[192] Spuler, p. 168; Смирнов, Крымское ханство, с. 207.
[193] Никон, 12, 76-77.
[194] О создании Касимовского царства см. Вельяминов-Зернов, 1, гл. 1.
[195] ДДГ, № 76, с. 284.

Глава V. ВЛИЯНИЕ МОНГОЛОВ НА РУСЬ

[1] Краткие обзоры точек зрения на роль монголов в русской истории см. ЗО, сс. 249-258; Дьяконов, Очерки, сс. 193-196; Рязановский, сс. 261-278.
[2] Карамзин, 5, 365-384.
[3] Н.И. Костомаров, Начало единодержавия в древней Руси, Собрание сочинений (С.-Петербург, 1905), 5, 41-47.
[4] Ф.И. Леонтович, Древний ойратский устав взысканий (Одесса, 1879).
[5] Соловьев, 4, 179.
[6] Ключевский, 2, 18-22, 38-39, 44-45.
[7] Дьяконов, Очерки, сс. 148-149.
[8] Владимирский-Буданов, Обзор, сс. 101-103.
[9] Сергеевич, 2, 35-38, 252-256; Мнлюков Очерки, 1, 165-166.
[10] И.Р. [= князь Николай Трубецкой] Наследие Чингисхана (Берлии, 1925).
[11] Хара-Даван, сс. 198-226.
[12] Рязановский, сс. 261-278.
[13] ЗО, сс. 256.
[14] Киевская Русь, гл.7.
[15] Герберштейн, сс. 20.
[16] Fletcher, p. 26. Необходимо отметить, что Флетчер дал несколько искаженную картину московского правления и политической жизни конца шестнадцатого столетия. Он недооценил фактическую власть боярской думы, не обратил серьезного внимания на местное самоуправление в Северной Руси и не узнал о Земском Соборе — неотъемлемой части русского правления. См. С.М. Середонин, Сочинение Джилса Флетчера как исторический источник (С.-Петербург, 1891), сс. 217-244, 278-280, 283-287.
[17] Киевская Русь, гл. 6.
[18] К. Зайцев Лекции по административному праву (Прага, мимеограф. изд., 1923), 2, 154-155.
[19] Царь Иван IV установил режим опричнины в 1564 году созданием при дворе отряда специальной охраны или политической полиции для борьбы с изменой. Слово опричнина означает «отдельное» или «личное» хозяйство или двор. См. G. Vernadsky, A History of Russia (Yale University Press, 1951 ed.), pp. 67-69.
[20] Рыбаков, сс. 525-538.
[21] Там же, сс. 535-536.
[22] Там же, сс. 641-646.
[23] О Шапке Мономаха см. ниже, раздел 6.

[24] В Киевской Руси я сделал ошибочное утверждение, что « не существует достоверных свидетельств, что в Киевской Руси производили стекло». В то время я не был знаком с самыми последними результатами археологического исследования, которые с тех пор представил Б.А. Рыбаков.
[25] См. Киевская Русь.
[26] Рыбаков, с. 595 и следующие.
[27] О звенигородских ремеслах см. МИАС, 12 (1949), 127-131.
[28] См. Глава I, раздел 7; Глава 3, раздел 8.
[29] Подсека означает «вырубка». Урожайность участка земли была высокой в первые два-три года после вырубки деревьев и выжигания подлеска, но затем участок нужно было оставлять под паром на несколько лет. См. Киевская Русь.
[30] Н. Рожков, Обзор русской истории с социологической точки зрения, 2 (СП б, 1905), 137-138. См. также П.П. Смирнов «Образование русского централизованного государства в XIV-XVI веках», Вопросы истории (1946), Отд. выпуск 2-3, сс. 77-79.
[31] Смирнов (как в № 30), сс. 76-77.
[32] Критику теории П.П. Смирнова см. И.И. Смирнов, «О путях исследования русского централизованного государства», Вопросы истории (1946), Отд. выпуск 4, сс. 30-44; В. Мавродин, «Несколько замечаний по поводу статьи П.П. Смирнова», Вопросы истории (1946), Отд. выпуск 4, сс. 45-54; С. Юшков, «К вопросу об образовании русского государства в XIV-XVI веках», Вопросы истории1946), Отд. выпуск 4, сс. 55-67; К. Базилевич, «К вопросу об исторических условиях исследования русского государства», Вопросы истории (1946), Отд. выпуск 7, сс. 26-44.
[33] См. ДДГ, 8, 14, 16.
[34] См. выше, Глава 3, раздел 5.
[35] Никон, 10, 186.
[36] Ипат., с. 220.
[37] О термине гость см. Киевская Русь.
[38] См. В.Е. Сыроечковский, «Гости-Сурожане», ГА, 127 (1935).
[39] Киевская Русь.
[40] См. Флоровский, 2, 141-142; он же «Českomoravské a slezské soukenictvi a výhodoevropský trh,» ИИН, 46 (1940), 2-5.
[41] Рыбаков, с. 600; Флоровский, 2, 208-210.
[42] Киевская Русь.
[43] См. выше, Глава 3, раздел 6.
[44] См. ДДГ, сс. 40, 42, 52, 55.
[45] См. выше, Глава 4, раздел 2; ср. Дьяконов, Власть, сс. 175-176.
[46] См. Дьяконов, Власть, с. 177. Согласно Тверской летописи, когда москвичи позже захватили Всеволожского, по приказу Василия II он был ослеплен (ПСРЛ, 15, 290). В других летописях такой информации нет, и достоверность Тверской в этом случае может подвергаться сомнению.
[47] См. Преображенский, с. 153; Васмер, с. 300. Термин господарь происходит от старославянского господь, «господин» (в современном русском имеет также значение «Бог»). Преображенский, сс. 151-152; Васмер, сс. 299-300. Согласно Васмеру, корень второго слога в слове господь — индоевропейское potis (что по латыни означает «могущественный»).
[48] Б. Чичерин, «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», в его Опытах по истории русского права (М., 1858), см. особенно сс. 233-237, 242.
[49] Никон, 12, 115.
[50] Владимирский-Буданов, Обзор, сс. 361.
[51] Dvina Land Charter, art. 5, MRL, p. 58. К моему переводу ст. 5 следует добавить предложение «And each thief shall be branded»

[52] Судебник, 1497, ст. 9, Владимирский-Буданов, Хрестоматия, 2, 85.
[53] См. комментарий к этой статье Герберштейна, Герберштейн, сс. 83.
[54] R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte (4th ed. Leipzig, 1902), p. 756.
[55] См. комментарий к этой статье Герберштейна, Герберштейн, с. 83.
[56] Судебник, 1497, ст. 36, Владимирский-Буданов, Хрестоматия, 2, 94.
[57] A. Esmein, Cours élémentaire d'histoire du droit français (13th ed. Paris, 1920), pp. 851-853.
[58] О термине jargu см. выше: Глава 3, раздел 7; Смирнов, Крымское ханство, сс. 43-44.
[59] О русской чеканке позднего Монгольского периода см. Г.В. Федоров, «Деньги московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359-1425)», МИАС, 12 (1949), 144-185.
[60] О системе кормления см. Киевская Русь; Ключевский, 1, 376-377; 2, 356-361; Ключевский, Боярская Дума, сс. 110-119; Владимирский-Буданов, Обзор, сс. 192-194; С.В. Веселовский, Феодальное землевладение в северо-восточной Руси (М.-Л., 1947), 1, 263-280.
[61] Ключевский, Боярская Дума, сс. 101, 108-110; Сергеевич, 1, 466-477.
[62] Ключевский, Боярская Дума, сс. 102-108, 121-123.
[63] Срезневский, 2, 1738-1739.
[64] Redhouse, p. 608; Гордлевский, с. 53.
[65] M.T. Houtsma, ed., Recueil des textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, 3 (Leyden, 1902), 204-205; Ср. Гордлевский, с. 53.
[66] Redhouse, p. 1239; Steingass, p. 565.
[67] Рашид I, 23 (рус. пер.); ВОТ, 7 (1861), 29 (персидский текст).
[68] В современном русском языке полк тоже означает «военное подразделение».
[69] Киевская Русь.
[70] Военный аспект княжеского двора до сих пор упускался из виду в русской исторической литературе. См. глубокие замечания по этой проблеме Петра Струве, Струве, с. 35.
[71] Никон, 12, 7.
[72] Сергеевич, 1, 458.
[73] ДДГ, с. 13.
[74] АИ, 1, № 2.
[75] См. В. Мавродин, «О появлении огнестрельного оружия на Руси», ВЛУ (1946), № 7, 72.
[76] ЗО, с. 353.
[77] Oman, 2, 228-229.
[78] Флоровский, 2, 325. В современном чешском puška означает «ружье».
[79] Рыбаков, с. 603.
[80] Согласно А.И. Соболевскому, имя Шереметьев происходит от «сарматский».
[81] О местничестве см. Ключевский, 2, 149-166; А.И. Маркевич, О местничестве (Одесса, 1879).
[82] ДДГ, с. 65.
[83] Там же, сс. 356-357.
[84] Владимирский-Буданов, Обзор, с. 123, н. 1.
[85] Новгород, сс. 82, 310.
[60] Поместная система будет обсуждаться в 4 томе этой серии. О поместье см. К.А. Неволин, Полное собрание сочинений (С.-Петербург, 1857), 4, 191-261; Ключевский, 2, 23-242; Владимирский-Буданов, Обзор, сс. 566-574; С. В. Рождественский, Служилое землевладение в московском государстве XVI века (С.-Петербург, 1896); Веселовский, Феодальное землевладение (как выше, №60), сс. 281-313; Иляшевич,

1, 368-377; 2, 21-57.
[87] Судебник, 1550, ст. 26, Владимирский-Буданов, Хрестоматия, 2, 129-130.
[88] Владимирский-Буданов, Обзор, с. 129.
[89] Соборное Уложение царя Алексея Михайловича (Москва, 1907), гл. 19, см. особенно сс. 1-11, 13, 18-20.
[90] Владимирский-Буданов, Обзор, с. 130.
[91] О людях и своеземцах см. Киевская Русь.
[92] Там же, с. 191.
[93] О статусе смердов см. там же.
[94] О мелких землевладельцах в Восточной Руси Монгольского периода см. Эльяшевич, 1, 247.
[95] О термине сябры см. Киевская Русь.
[96] Русское слово христиане происходит от слова «Христос»; крестьяне от слова «крест». На древнерусском «крестьяне» первоначально значило «христиане»; в современном русском оно означает «земледелец».
[97] Струве, сс. 78-84.
[98] Эльяшевич, 1, 23.
[99] Ст. 57, Владимирский-Буданов, Хрестоматия, 2, 102 (христиане).
[100] Ст. 88, там же, 2 173 (крестьяне).
[101] Эльяшевич, 1, 59-65.
[102] В.О. Ключевский, Очерки и речи (Москва, примерно 1915), с. 210. Шире о роли монастырей в Монгольский период см. Ключевский, Курс, 2, 260-280.
[103] Ключевский, Очерки и речи, сс. 199-215.
[104] См. В.О. Ключевский, «Хозяйственная деятельность Соловецкого моиастыря», Опыты и исследования (2-е изд., Москва, примерно 1915), сс. 1-36.
[105] О Св. Стефане Пермском см. Макарий, 4, 138-139; 5, 236-240; Голубинский, 2, 262-296.
[106] О русской живописи монгольского периода см. M. Alpatov and N. Brunov, Geschichte der altrussischen Kunst (Augsburg, 1932), pp. 285-346; М. Алпатов, Андрей Рублев (М.-Л., 1943); N.P. Kondakov, The Russian Icon, E.H. Minns, trans. (Oxford, Clarendon Press, 1927); P.P. Muratov, Les Icones russes (Paris, 1927); D.T. Rice, Russian Icons (London and New York, King Penguin Books, 1947); L. Ouspensky and W. Lossky, Der Sinn der Iconen (Bern, Switzerland, 1952).
[107] О знаменном распеве см. В. Стасов, «Заметки о демественном и троестрохном пении», в его Собрании сочинений, 3. 107-128; Н. Финдейзен, Очерки по истории музыки в Руси (М.-Л., 1928), 1, 97-103; A.J. Swan, «The Znamenny Chant of the Russian Church», Musical Quarterly, 26 (1940), 232-243, 365-380, 529-545.
[108] Swan (как в № 107), p. 365.
[109] О демественном распеве см. Стасов (как в № 107); Финдейзен (как в № 107), сс. 247-251; М.С. Пекелис, ред., История русской музыки (М.-Л., 1940), 1, 85-86.
[110] О русской агиографической литературе монгольского периода см. И. Некрасов, Зарождение национальиой литературы в сeвериой Руси (Одесса, 1870); Ключевский, Жития; А.Р. Кадлубовский, Очерки по истории древнерусской литературы житии святых (Варшава, 1902); Н.П. Барсуков, Источники русской агиографии (С.-Петербург, 1882); Е.В. Петухов, Русская литература, древний период (Юрьев, 1912), сс. 93-95, 112-125; Г.П. Федотов, Святые древней Руси (Paris, YMCA Press, 1931).
[111] О Серапионе Владимирском см. Петухов (как в № 110), сс. 74-86; он же, Серапион Владимирский (Санкт-Петербург, 1888); M. Gorlin, «Sérapion de Vladimir, prédicateur de Kiev», RES, 24 (1948), 21-28.
[112] M. Gorlin, «Le Dit de la ruin de la Terre Russe et de la mort du Grand-Prince

Jaroslav», RES, 23 (1947), 1-33.
[113] См. выше, Глава 3, с. 72.
[114] Лихачев, с. 283.
[115] А.С. Орлов, Древняя русская литература XI-XVI веков (2-е изд., Москва и Ленинград, 1939 г.), сс. 141-145; Н.К. Гудзий, История древней русской литературы (2-е изд., Москва, 1941 г.), сс. 225-226; Р Якобсон, «Собака Калин Царь» (см. выше, Гл. 3, сн. 200); Д.С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси (Москва и Ленинград, 1945 г.), сс. 78-81
[116] См. выше, Гл. 3, сн. 242.
[117] См. выше, с. 262. Текст «Задонщины» см.. П. Симони, изд., «Задонщина», АНОРС, 100, N 2; J. Frcek, Zadonstina, (Prague, 1948).
[118] См. выше.: Киевская Русь, сс. 250-251.
[119] См. В.В. Стасов, Происхождение русских былин, в его Собрании сочинений (С.-Петербург, 1894), 3, 948-1260.
[120] Новгород IV, 125-126.
[121] Князь П. Долгоруков, Российская родословная книга, 4 (С.-Петербург, 1857), 44, 71.
[122] О русских словах восточного (татарского) происхождения см.: F Miklosich, «Die turkische Elemente in den sudost und osteuropeischen Sprachen», AWV (Viena, 1884-90), pp. 34, 35, 37, 38; L. Wanstrat, Beitrage zur Charakterictik der Russischen Wortschatzes (Leipzig, 1933), pp. 63-82, 97-98; Можно обратиться также к трудам Менгеса, Преображенского и Фасмера. Этимологическнй словарь восточных заимствований в древнем и современном русском языке готовиться в Калифорнийском университете Д.А. Будбергом и К.Г Менгесом (см.. Menges, p. 6).
[123] Отец Сергий Булгаков, Автобиографические заметки (Париж, JMCA Press, 1946), с. 15. Помимо священнической семьи Булгаковых, на Руси было еще две дворянские семьи Булгаковых, обе — тоже татарского происхождения, одна ведет свое начало с XIV века, а другая — с XVI.
[124] См.: M. Vasmer, «Der Name Caadajev», ZSP, 17(1941), 340.
[125] Vasmer (как и в сн. 124). pp. 340-341. О Чаадаеве см.: C. Quenet, Tchaadaev et ses Lettres philosophigues (Paris, 1931); A. Schelting, Russland und Europa (Bern, 1948); В.В. Зеньковский, История русской философии (Paris, JMCA Press, 1948), I, 157-159; N.O. Lossky, History of Russian Philosophy (New Jork, International Universities Press, 1951), pp. 47-51.
[126] В.О. Ключевский, Сказания иностранцев о московском государстве (2-е изд., Москва, 1918), с.83.
[127] Дьяконов, Власть, сс. 134-136.
[120] Лихачев, Национальное самосознание древней Руси (как и в сн. 115), с. 97
[129] Дьяконов, Власть; Вальденберг, О пределах царской власти (как и выше, Гл. 4, сн. 155).
[130] Герберштейн, с. 32.
[131] ДДГ, с. 433.
[132] Там же, с. 8.
[133] А.А. Спицын, «К вопросу о Мономаховой шапке», ОРСА, 8, Ч. 1, (С.-Петербург, 1906), 146-184; Рыбаков, сс. 642-643. Изображение шапки Мономаха см.. Древности Российского государства, 2, илл. 1, 2; J.S. Martin, A Picture History of Russia (New Jork, Crown Publishers, 1945), p. 25.
[134] Дьяконов, Власть, сс. 142-143.
[135] Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича (3-е изд.,С.-Петербург, 1884), с.I.
[136] Н.И. Веселовский, «Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории», Отчет Ст.Петербургского Университета за 1910 год (С.-

Петербург, 1911), прил., сс.1-19. Общий очерк московского дипломатического церемониала и способов ведения дипломатических дел см. в кн.: В.П. Потемкин, изд., История дипломатии, I (Москва, 1943), 235-250.

[137] Не лишним будет указать, что московский этикет в международных отношениях был отменен Петром Великим, и вместо этого им был введен кодекс западных правил. В XVIII и XIX веках русский дипломатический церемониал был идентичен западному.

[138] Хара-Даван, с.199.

* Отмеченные этим знаком публикации поступили в мое распоряжение слишком поздно, чтобы я мог принять их во внимание при подготовке этого тома.

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ	Акты Археологической Экспедиции.
Абаев	В.И .Абаев, Осетинский язык и фольклор, 1 (Москва-Ленинград, 1949).
АЗР	Акты западной Руси.
АИ	Акты исторические.
АК	Археологическая Комиссия, Известия.
АН	Академия Наук, Известия.
АНЗ	Академия Наук, Записки.
АНЗИ	Академия Наук, Записки по историко-филологическому отделению.
АНОРИ	Академия Наук, Отделение Русского Языка и Словесности, Известия.
АНОРС	Академия Наук, Отделение Русского Языка и Словесности, Сборник.
Антонович, Монографии	В.Б. Антонович, Монографии по истории западной и юго-западной Руси (Киев, 1885).
АЮЗР	Архив южной и западной Руси.
Березин	И.Н. Березин, Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева, ВОТ, 8 (1864).
Бернштам	А. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских Тюрок VI-VIII веков (Москва-Ленинград, 1946).
Буслаев	Ф.И. Буслаев, Сочинения, 1-2 (С.-Петербург, 1908-10).
Вельяминов -Зернов	В.В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах (С.-Петербург, 1863-87). В 4-х томах.
Вернадский, «ЗОЕВ»	Г. Вернадский, Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога, SK, 1 (1927), 73-84.
Веселовский	Н.И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время (Петроград, 1922).
Владимирский-Буданов, Обзор	М.Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права (7-е изд., С.-Петербург-Киев, 1915).
Владимирский-Буданов, Христоматия	М.Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия по истории русского права (С.-Петербург-Киев, 1908-15). В 3-х томах.
Владимирцов	Б.Я. Владимирцов, Общественный строй Монголов, (Ленинград, 1934).
Владимирцов, Чингисхан	Б.Я. Владимирцов, Чингисхан (Берлин-С.-Петербург-Москва, 1922).
ВЛУ	Вестник Ленинградского Университета.
ВОЗ	Русское Археологическое Общество, Восточное Отделение, Записки.
Воскр.	Воскресенская летопись.
ВОТ	Русское Археологическое Общество, Восточное Отделе-

	ние, Труды.
ВС	Восточный сборник (С.-Петербург, 1877).
ГА	Государственная Академия Истории Материальной Культуры, Известия.
ГНП	С.Н. Валък, ред., Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Москва-Ленинград, 1949).
Голубинский	Е. Голубинский, История русской церкви (Москва, 1900-17). В 2-х томах, каждый в двух частях.
Голубинский, Канонизация	Е. Голубинский, История канонизации святых в русской церкви (2-е изд., Москва, 1903).
Голубовский	П.В. Голубовский, История смоленской земли (Киев, 1895).
Гордлевский	В. Гордлевский, Государство Сельджуков Малой Азии (Москва-Ленинград, 1941).
Греков, Крестьяне	Б.Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века (Москва-Ленинград, 1946).
Григорьев, Ярлыки	В. Григорьев, О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству (Москва, 1842).
Грум-Гржимайло	Г.Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и урянхайский край (Ленинград, 1914-30), 1, 2, 3, Ч.1, Ч.2.
ДДГ	С.В. Бахрушин и Л.В. Черепнин, ред., Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков (Москва-Ленинград, 1950).
Древняя Русь	Г. Вернадский, Древняя Русь (.....).
Дьяконов, Власть	М.А. Дьяконов, Власть московских государей (С.-Петербург., 1889).
Дьяконов, Очерки	М.А. Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя древней Руси (4-е изд., С.-Петербург., 1912).
ЖМНП	Журиал Министерства Народного Просвещения.
ЗИВ	Записки Института Востоковедения.
ЗО	Б.Д. Греков и Я. Якубовский, Золотая Орда и ее падение (Москва-Ленинград, 1950).
ЗРГО	Записки Русского Географического Общества.
Иакинф	Иакинф (Бичурин), монах, пер., История первых четырех ханов из дома чингизова (С.-Петербург, 1829).
ИИМ	Академия Наук, Институт Истории Материальной культуры, Краткие сообщения.
Иконников	В.С. Иконников, Опыт русской историографии (Киев, 1891-1908). В 2-х томах.
ИМТ	Исторический Музей, Труды.
Ип.	Ипатьевский Свод (1-е изд. ПСРЛ, 2).
Карамзин	Н.М. Карамзин, История Государства Российского (6-е изд., С.-Петербург, А. Смирдин, 1852-53). В 12-ти томах.
Карамзин, Примечания	Примечания к истории Государства Российского (6-е изд., С.-Петербург, А. Смирдин, 1851-53). В 12-ти томах.
Киевская Русь	Г. Вернадский, Киевская Русь (...).
Ключевский	*или Ключевский, Курс* В.О. Ключевский, Курс русской истории (New Haven, Yale University Press, 1948).
Ключевский, Боярская Дума	В.О. Ключевский, Боярская Дума древней Руси (4-е изд., Москва, 1909).
Ключевский, Жития	В.О. Ключевский, Древнерусские жития святых как ис-

	торический источник (Москва, 1871).
Козин	С.А. Козин, ред. и пер., Сокровенное сказание, 1 (Москва-Ленинград, 1941).
Крымский, Персия	А. Крымский, История Персии, ее литературы и дервишской теософии (Москва, 1909-15). В 3-х томах.
Крымский, Турция	А. Крымский, История Туретчины (Киев, 1924).
Кулаковский, Аланы	Ю. Кулаковский, Аланы по сведениям классических и византийских писателей (Киев, 1890).
Кулаковский, Таврида	Ю. Кулаковский, Прошлое Тавриды (2-е изд., 1914).
КУО	Казань, Университет, Общество Археологии, Истории и Этнографии, Известия.
Лавр.	Лавреитьевский свод русских летописей.
Лихачев	Д.С. Лихачев, Русские летописи (Москва-Ленинград, 1947).
Любавский	М.К. Любавский, Очерк истории литовско-русского государства (2-е изд., Москва, 1915).
Макарий	Макарий (Булгаков), Митрополит, История русской церкви (С.-Петербург, 1888-91). В 12-ти томах.
МАР	Археологическая Комиссия, Материалы по археологии Руси.
МИАС	Академия Наук, Институт Истории Материальной Культуры, Материалы н исследования по археологии СССР.
Милюков, Очерки	П. Милюков, Очерки по истории русской культуры, 1 (7-е изд., Москва, 1918).
Насонов	А.Н. Насонов, Монголы н Русь (Москва-Ленинград, 1940).
Насонов, Русская земля	А.Н. Насонов, «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (Москва, 1951).
Ников	П. Ников, Татаро-булгарски отношения (София, 1921).
Никон	Патриаршая Никоновская летопись.
Новгород	Первая Новгородская летопись (1950 ред.).
Новгород	IV Четвертая Новгородская летопись.
НОРАО	Русское Археологическое Общество, Нумизматическое Отделение, Записки.
ОАК	Отчет Археологической Комиссни.
ОГН	Академия наук, Отделение Гуманитарных наук, Известия.
ОО	Одесса, Общество Историн и Древностей, Записки.
ОРСА	Русское Археологическое Общество, Отделение русской и славянской археологии, Записки.
Палладий, «Китайское сказание»	Палладнй (Кафаров), Архимандрит, пер., Старинное китайское сказание и Чингизхане, ВС, 1, (1877), 149-202.
Пашуто	В.Т. Пашуто, Очерки по истории галицко-волынской Руси (Москва, 1950).
Плано	Карпини М Иоанн де Плано Карпини, История Монголов, А.И. Малейн, пер. (С.-Петербург, 1911).
Поппе, «Описание»	Н. Поппе, Описание монгольских «шаманских» рукописей Института Востоковедения, ЗИВ, 1 (1932), 151-200.

ППС	Православный Палестинский Сборник.
Приселков, Ярлыки	М.Д. Приселков, Ханские ярлыки русским митрополитам (Петроград, 1916).
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
Радлов	В. Радлов, Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга, ВОЗ, 3 (1889), 1-40.
Рашид 1	Рашид ад-Дин, Сборник летописей, И.Н. Березин, пер., ВОТ, 5 (1858).
Рашид 1А	То же, ВОТ, 13 (1868).
Рашид 1Б	То же, ВОТ, 15 (1888).
Рашид 3	Рашид ад-Дин, Сборник летописей, 3, А.А. Ромаскевич, Е.Е. Бертельс, А.Ю. Якубовский, ред., А.К. Арендс, пер. (Москва-Ленинград, 1946).
РИБ	Русская историческая библиотека.
Рог.	Рогожская летопись (Рогожский летописец).
Рубаков	Б.А. Рубаков, Ремесло древней Руси (Москва, 1948).
СА	Советская археология.
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров (С.-Петербург, 1813-94). В 5-ти томах.
Сергеевич	В.И. Сергеевич, Древности русского права (С.-Петербург, 1908-11). В 3-х томах.
Серебрянский, Жития	Н. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития (Москва, 1915). Также в Чтения.
Симеонов.	Симеоновская летопись.
Сийясет-нама	Б.Н. Заходер, пер., Сийясет-нама, Книга о правлении визига XI столетия Низам аль-Мулька (Москва-Ленинград, 1949).
Смирнов, Крымское ханство	В.Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты (С.-Петербург, 1887).
Соловьев	С.М. Соловьев, История Руси с древнейших времен (1-е изд., Москва, 1851-79). В 29-ти томах.
Соловьев, Новгород	С.М. Соловьев, Об отношениях Новгорода к великим князьям (Москва, 1845).
Срезневский	И.И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка (С.-Петербург, 1893-1912). В 3-х томах.
Струве	П.Б. Струве, Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права Древней Руси, отдельный оттиск из Сборника Русского Института в Праге, 1 (Прага, 1929).
Тайная история.	См. Козин (русский пер.) и Haenisch (German trans.).
ТАС	Труды Археологических Съездов.
Татищев	В.Н. Татищев, История российская, 1-4 (С.-Петербург, 1768-84).
Тизенгаузен	В.Г. Тизенгаузен, ред. и пер., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, 1 (С.-Петербург, 1884); 2 (Москва-Ленинград, 1941).
ТО	Татищевское Общество Истории, Археологии и Этнографии (Симферополь), Известия.
Толстов, По следам	С.П. Толстов, По следам древнехорезмской цивилизации (Москва-Ленинград, 1948).

Толстов, Хорезм	С.П. Толстов, Древний Хорезм (Москва, 1948).
Троица	Троицкая летопись, реконструкция М. Приселкова.
Флоровский	или Флоровский, Чехи А. Флоровский, Чехи и восточные славяне (Прага, 1935-47), 1, 2.
Хара	*-Даван* Е. Хара-Даван, Чингисхан как полководец и его наследие (Белград, 1929).
Герберштейн	Барон С. Герберштейн, Записки о московитских делах, А.И. Малейн, пер. (С.-Петербург, 1908)
Грушевский	М. Грушевский , История Украиины-Руси (Киев-Львов, 1903-31). В 9-ти томах.
Чтения	Москва, Университет, Общество истории и Древностей, Чтения.
Экземплярский	А.В. Экземплярский, Великие и удельные князья северной Руси в татарский период (С.-Петербург, 1889-91). В 2-х томах.
Эльяшевич	В.Б. Эльяшевич, История права поземельной собственности в Руси, 1-2 (Париж, 1948-51).
ЭС	Брокгауз-Ефрон, Энциклопедический словарь.
AA	Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.
Ab-ul-Faraj	Gregory Ab-ul-Faraj, Chronographia, E.A.W Budge, trans. См. ИСТОЧНИКИ.
AEM	Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn.
AHR	American Historical Review.
AIK	Annales de l'Institut Kondakov
Akanc	Grigor of Akanc, History of the Nation of the Archers, R.P Blake and R.N. Frye, eds. and trans., HJAS, 12 (1949), 269-399.
Altan-Tobči	«Altan-Tobči», Galsan Gomboev, trans., VOT, 6 (1858).
AM	Asia Major.
Ancient Russia	G. Vernadsky, Ancient Russia (New Haven, Yale University Press, 1943).
Annuaire	Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves.
ASAW	Abhandlungen der Sächsischen Akademieder Wissenschaften zu Leipzig (Phill.-hist. Klasse).
ASEER	American Slavic and Est European Review
ASTH	Asiatic Studies in Honour of Tôru Haneda (Society of Oriental Research, Kyoto University, 1950).
AW	Ateneum Wilenskie.
AWB	Preussische Akademie der Wissenschaften, Berlin, Sitzungsberichte (Phill.-hist. Klasse).
AWGA	Akademie [fomerly: Gessellschaft] der Wissenschaften in Göttingen, Abhandlungen (Phil.-hist. Klasse).
AWGN	Akademie [fomerly: Gessellschaft] der Wissenschaften in Göttingen, Nachrichten (Phil.-hist. Klasse).
AWV	Akademie der Wissenschaften, Vienna, Denkschriften (Phil.-hist. Klasse).
Barthold, Turcs	W. Barthold, Histoire des Turcs de l'Asie centrale (Paris, 1945).
Barthold, Turkestan	W Barthold, Turkestan Down to the Mongol Invasion

	(London, 1928).
Baumgarten 1	N. de Baumgarten, Généalogies et marriages occidentaux des Rurikides russes du x-me au xiii-me siecle, OC, 35 (1927).
Baumgarten 2	N. de Baumgarten, Généalogies des branches régnantes des Rurikides du xiii-me au xvi-me siècle, OC, 94 (1934).
Belleten	Türk Tarih Kurumu, Belleten.
Blue Annals	G.N. Roerich, ed., The Blue Annals, Pt. 1 (Calcutta, 1949).
Bouvat	L. Bouvat, L'Empire mongol, 2-me phase (Paris, 1927).
Bratianu	G.I. Bratianu, Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIII-ME siècle (Paris, 1929).
Bretschneider	E. Bretschneider, Medival Researches from Eastern Asiatic Sources (London, 1888; 2d ed., 1910). 2 vols.
Browne 2	E.G. Browne, A Literary History of Persia from Firdawsi to Sa'di (London, T. Fisher Unwin, 1906; reprinted, Cambridge, Cambridge University Press, 1920).
Browne 3	E.G. Browne, A History of Persian Literature under Tartar Dominion (Cambridge, Cambridge University Press, 1920).
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Languages.
BVSAW	Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig (Phil.-hist. Klasse).
BZ	Byzantinische Zeitschrift.
CAH	Cambridge Ancient History.
Cathay	Colonel Sir Henry Yule, Cathay and the Way Thither, new edition by Henry Cordier (London, Hakluyt Society, 1914-16). 4 vols.
ČČH	Český Časopis Historický.
Cessi	R. Cessi, Storia della Republica di Venezia (Milano, 1944). 2 vols.
Cleaves, «Chancellery»	F.W. Cleaves, A Chancellery Practice of the Mongols, HJAS, 14 (1951), 493-526.
Cleaves, Inscription I	F.W. Cleaves, The Sino-Mongolian Inscription of 1362, HJAS, 12 (1949), 1-133.
Cleaves, Inscription II	F.W. Cleaves, The Sino-Mongolian Inscription of 1335, HJAS, 13 (1950), 1-131.
Cleaves, Inscription III	F.W. Cleaves, The Sino-Mongolian Inscription of 1338, HJAS, 14 (1951), 1-104.
Cleaves, «Mongolian Names»	F.W. Cleaves, The Mongolian Names and Terms in the History of the Nation of the Archers by Grigor of Akanc, HJAS, 12 (1949), 400-443.
CO	Collectanea Orientalia.
Cordier	H. Cordier, Histoire générale de la Chine (Paris, 1920). 4 vols.
Denzinger, Enchiridion	H. Denzinger and C. Bannwart, Enchiridion symbolorum (14th and 15th ed. Freiburg, 1922).
D'Ohsson	M. D'Ohsson, Histoire des Mongols (Paris, 1824). 2 vols. Мне было доступно только это (первое) издание.
Eberhard	W. Eberhard, Chinas Geschichte (Bern, 1948).
EI	Encyclopaedia of Islam.
ESA	Eurasia septentrionalis antiqua.
Escarra	J. Escarra, Le Droit chinois (Peking and Paris, 1836).
FEQ	Far Eastern Quarterly.

Fletcher	G. Fletcher, On the Russ Commonwealth (London, Hakluyt Society, 1856).
Franke, «Europa»	H. Franke, Europa in der ostasiatischen Geschichtsschreibung des 13. und 14. Jahrhunderts, Saeculum, 2 (1951), 65-75.
Franke, Geld	H. Franke, Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolen Herrschaft (Leipzig, 1949).
Franke, Geschichte	O. Franke, Geschichte des chinesischen Reiches, 4 (Berlin, 1948).
Gibbon	E. Gibbon, The Decline and Fall of the Roman Empire (New York, Modern Library, n.d.). 2 vols.
Golubovich	G. Golubovich, ed., Biblioteca Bio-bibliografica della Terra Santa e dell' Oriente Franciscano (Quaracchi, 1906-27). 5 vols.
Groot	J.J.M. de Groot, Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens (Berlin and Leipzig, 1921-26), 1-2.
Grousset	R. Grousset, L'Empire Mongol (Paris, 1941).
Grousset,	Empire des steppes R. Grousset, L'Empire des steppes (Paris, 1939).
Grousset,	Extrême-Orient R. Grousset, Histoire de l'Extrême-Orient (Paris, 1929). 2 vols.
Grousset, Histoire	R. Grousset, Histoire de l'Asie, 3 (Paris, 1922).
Haenisch	E. Haenisch, Die geheime Geschichte der Mongolen (Leipzig, 1948).
Halphen	L. Halphen, L'Essor de l'Europe, XI-XIII-me siecles (Paris, 1932; 3d ed. Paris, 1948).
HJAS	Harvard Journal of Asiatic Studies.
Hóman	B. Hóman and Gy. Szekfü, Magyar Történet, 1-2 (Budapest, 1941-42).
Howorth	H.H. Howorth, History of the Mongols (London, Longmans, Green & Co., 1876-1927). 4 vols.
HRM	Historica Russiae monumenta, A. Turgenev, ed.
Ibn-Batuta	C. Defrémery and B.R. Sanguinetti, eds. and trans., Voyages d'Ibn-Batoutah (Paris, 1853-58). 4 vols.
JA	Journal asiatique.
JAOS	Journal of the American Oriental Society.
JGOE	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.
Jireček, Bulgaria	H.Jireček, Geschichte der Bulgaren (Prague, 1876).
Jireček, Serbia	C. Jireček, Geschichte der Serben, 1 (Gotha, 1911).
JNČB	Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society.
JRCAS	Journal of the Royal Central Asian Society.
Kolankowski	L. Kolankowski, Dzieje Wielkiego Ksiêstwa Litewskiego za Jagiellonów (Warsaw, 1930), 1.
Kotwicz, «Formules initiales»	W Kotwicz, Formules initiales des documents mongol au XIII-me et XIV siècles, RO, 10 (1934), 131-157.
Kotwicz, «Lettres» 1.	W. Kotwicz, En marge des lettres des il-khans de Perse, CO, 4 (1933).
Kotwicz, «Lettres» 2.	W. Kotwicz, Quelques mots encore sur les lettres des il-khans de Perse, CO, 10 (1936).
Kotwicz, «Mongols»	W. Kotwicz, Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle

	au début du XIII-em siècles, La Pologne au VII-e Congres International des Sciences Historiques (Warsaw, 1933), pp. 1-6 (of the reprint).
Krause, Cingis Han	F.E.A. Krause, Cingis Han (Heidelberg, 1922).
Krause, Geschichte F.E.A.	Krause, Geschichte Ostasiens (Göttingen, 1925), 1.
Kuczyński	S.M. Kuczyński, Ziemie czernihowsko-siemierskie pod rzadami Litwy, TISU, 33 (1936).
Kurat	A.N. Kurat, Topkapi Sarayi Müzesi Arsivindeki Altin Ordu, Kirim ve Türkistan Hanlarina ait yarlik ve bitikler (Istanbul, 1940).
La Monte	J.L. La Monte, The World of the Middle Ages (New York, Appleton-Century-Crofts, 1949).
Latourette	K.S. Latourette, The Chinese, Their History and Culture (New York, Macmillan, 1934). 2 vols.
Lopez	R. Lopez, Storia delle colonie genovese nel Mediterraneo (Bologna, 1938).
Lot	F. Lot, L'Art militaire et les armées au Moyen Age en Europe et dans le Proche Orient. (Paris, 1946). 2 vols.
McGovern	W.M. McGovern, The Early Empires of Central Asia (Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1939).
Martin	H.D. Martin, The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China (Baltimore, Johns Hopkins Press, 1950).
Matthew	Paris См. Paris, Matthew.
Menges	K.H. Menges, The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor Tale. Preface by R. Jakobson. Supplement to Word, Monograph No. 1 (New York, 1951).
Minns	E.N. Minns, Scythians and Greeks (Cambridge, Cambridge University Press, 1913).
Minorsky, Caucasica III	V. Minorsky, Caucasica III, The Alan capital Magas and the Mongol campaigns, BSOAS, 14 (1952), 221-238.
Minorsky, «Midlle East»	V. Minorsky, The Middle East in Western Politics in the 13th, 15th, and 17th Centuries, JRCAS, 27 (1940), 427-461.
Minorsky, «Nasir al-Din»	M. Minovy and V. Minorsky, Nasir al-Din Tusi on Finance, BSOAS, 10 (1942), 755-789.
Minorsky, Tadhkirat	V. Minorsky, ed. and trans., Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (London, Luzac & Co., 1943).
Moravcsik	Gy. Moravcsik, Buzantinoturcica (Budapest, 1942-43). 2 vols.
Mostaert, «L'Ouverture du sceau»	A. Mostaert, «L'Ouverture du sceau» et les adresses chez les Ordos, MS, 1 (1935), 315-337.
Moszyński	K. Moszyński, Kultura ludowa Slowian, 2, Fasc. 1-2 (Kraków, 1934-39).
MPMP	Marco Polo, trans. Moule and Pelliot. См. ИСТОЧНИКИ.
MPYC	Marco Polo, trans. Yule and Cordier. См. ИСТОЧНИКИ.
MRL	G. Vernadsky, trans., Medieval Russian Laws (New York, Columbia University Press, 1947).
MS	Monumenta serica.
MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen (Berlin).
MTB	Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Tokyo).

Novotný	V. Novotný, České dijiny, I, Pt. 3. (Prague, 1928).
OC	Orientalia christiana.
OCP	Orientalia christiana periodica.
Oman	Ch. Oman, A History of the Art of War in the Middle Ages (2d ed. London, Methuen & Co., 1924). 2 vols.
Ostrogorsky	G. Ostrogorsky, Geschichte des byzantinischen Staates (Munich, 1940).
Paris, Matthew	Matthew Paris, English History, trans. from the Latin by J.A. Giles (London, H.C. Bohn, 1852-54). 3 vols.
Paszkiewicz	H. Paszkiewicz, Jagiellonowie a Moskwa, I (Warsaw, 1933).
Paszkiewicz, Polityka Ruska	H. Paszkiewicz, Polityka ruska Kazimierza Wielkiego (Warsaw, 1925).
Pelliot	P. Pelliot, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or (Paris, 1950).
Pelliot, Campagnes	P. Pelliot and L. Hambis, eds. and trans., Histoire des campagnes de Gengis Khan (Leyden, 1951), I.
Pelliot, «Mongols et papauté»	P. Pelliot, Les Mongols et la papauté, Pts. 1-2, ROC, 23 (1922-23), 24 (1924). Мне были доступны только эти две части.
Poliak, «Caractere colonial»	A.N. Poliak, Le Caractere colonial de L'Etat Mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or, REI, 1935, 231-248.
Poliak, «Yasa»	A.H. Poliak, The Influence of Chingis-Khan's Yasa upon the General Organisation of the Mameluk State, BSOAS, 10 (1942), 862-876.
Preobrazhensky	A. Preobrazhensky, Etymological Dictionary of the Russian Language (New York, Columbia University Press, 1951). Репродукция русского издания.
RA	Revue archéologique.
Radlov, Versuch	W. Radloff [V. Radlov], Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialekte (St. Petersburg, 1893-1911). 4 vols.
Ratchnevsky	P. Ratchnevsky, Un code des Yuan (Paris, 1937).
Redhouse	J.W. Redhouse, A Turkish and English Lexicon (new impression, Constantinople, 1921)
REI	Revue d'études islamique.
RES	Revue des études slaves.
Riasanovsky	V.A. Riasanovsky, Fundamental Principles of Mongol Law (Tientsin, 1937).
Risch	Johann de Plano Carpini, Geschichte der Mongolen und Reisebericht, F. Risch, trans. (Leipzig, 1930).
RO	Rocznik Orientalistyczny.
ROC	Revue de l'Orient chrétien.
Rockhill	W.W. Rockhill, ed. and trans., The Journey of William of Rubruck... with two accounts of the earlier journey of John of Pian de Carpine (London, Hakluyt Society, 1900).
Schiltberger	J. Buchan Telfer, ed. and trans., The Bondage and Travels of Johann Schiltberger (London, Hakluyt Society, 1879).
Schimdt	W. Schimdt, Der Ursprung der Gottesidee, 9, Die Asiatischen Hirtenvölker, die primären Hirtenvölker der Alt-Türken, der Altai— und der Abakan-Tataren (Münster and Freiburg, 1949).
SEER	The Slavonic and East European Revue (London).
SK	Seminarium Kondakovianum (Prague).
Spuler	èêè Spuler, Horde B. Spuler, Die goldene Horde (Leipzig, 1943).

Spuler, Iran	B. Spuler, Die Mongolen in Iran (Leipzig, 1939).
SSRP	Scriptores rerum prussicarum (Leipzig, 1861-63), 1-2.
Stadtmüller	G. Stadtmüller, Geschichte Südosteuropas (München, 1950).
Steingass	F. Steingass, A Comprehensive Persian-English Dictionary (London, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1892; 2d edition 1930).
Thomsen	V. Thomsen, Alttürkische Inschriften aus der Mongolei, ZDMG, 78 (1924), 121-175.
TISU	Travaux de l'Institut Scientifique Ukrainien (Warsaw).
Togan	A.Z.V. Togan, Tarihde usul (Istanbul, 1950).
TP	T'oung Pao.
TPS	Transactions of the Philological Society.
UJ	Ungarische Jahrbücher.
Vasiliev, Goths	A.A. Vasiliev, The Goths in the Crimea (Cambridge, Mass., Mediaeval Academy of America, 1936).
Vasmer	M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch (Heidelberg, 1950—). Íåçàêîí÷åíî.
Vernadsky, «Juwaini»	G. Vernadsky, Juwaini's Version of Chingis-Khan's Yasa, AIK, 11 (1939), 33-45.
Vernadsky, «Royal Serfs»	G. Vernadsky, The Royal Serfs (Servi Regales) of the «Ruthenian Law» and Their Origin, Speculum, 26 (1951), 255-264.
Vernadsky, «Sarmat. Hintergrund»	G. Vemadsky, Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung, Speculum, 2 (1951), 340-392.
Vernadsky, «Uigurs»	G. Vernadsky, Notes on the History of the Uigurs in the Late Middle Ages, JAOS, 56 (1936), 453-461.
Vernadsky, «Yasa»	G. Vernadsky, The Scope and the Contents of Chingis-Khan's Yasa, HJIAS, 3 (1938), 337-360.
Voegelin	E. Voegelin, The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245-1255, Byzantion, 15 (1941), 378-413.
Wassaf	Geschichte Wassaf's, J. Hammer-Purgstall, ed. and trans. (Vienna, 1856).
Wittfogel	K. Wittfogel and Feng Chia-sheng, History of Chinese Society: Liao (Philadelphia, American Philosophical Society, 1949).
Wyngaert	A. van den Wyngaert, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV (Quaracchi, 1929).
Zambaur	E. Zambaur, Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam (Hanovre, 1927). 2 parts and volume of tables.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft.
Zinkeisen	J.W. Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa (Hamburg, 1840-63). 7 vols.
ZOG	Zeitschrift für osteuropäische Geschichte.
ZSP	Zeitschrift für slavische Philologie.

ИСТОЧНИКИ *

I. НАДПИСИ

АКЧОКРАКЛИЙ, О., Старо-Крымские и отузские надписи XIII-XV веков, ТО, 1 (1927), 5-17.

Старо-Крымские надписи, ТО, 3 (1929), 152-159.

КЕМАЛ, Я., Надпись на портале «Мечети Узбека» в городе Старом Крыму, ТО, 1 (1927), 202-204.

КОТВИЧ, В., Монгольские надписи на Ердзени-дзу, Сборник Музея Антропологии и Этнографии, 5, Отдельный выпуск 1 (Петроград, 1918), 205-214.

ОРЛОВ, А.С., Библиография русских надписей XI-XV веков (Москва-Ленинград, 1936).

ПОНОМАРЕВ, А.И., Поправки к чтению надписи Тимура, Советское Востоковедение, 3 (1945), 222-224.

ПОППЕ, Н.Н., Карасакпайская надпись Тимура, Государственный Эрмитаж, Труды Отдела Востока, 2 (1940), 185-187.

РЫБАКОВ, Б.А., К библиографии русских надписей XI-XV веков, Исторические записки, 4 (1938), 250-256.

СПИЦЫН, А.А., Татарские байсы, АК, 29 (1909), 133-134.

BLOCHET, E., Les inscriptions de Samarkand, I. Le Gour-i-mir ou Tombeau de Tamerlan, RA, ser. 3, 30 (1897), 67-77, 202-231.

BONAPARTE, PRINCE ROLAND, Documents de l'époque mongole (Paris, 1895).

Недоступно для меня.

CHAVANNES, E., Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole, TP, 5 (1904), 357-447; 6 (1905), 1-42; 9 (1908), 297-425.

CLEAVES, F.W., Inscriptions I-III. См. СОКРАЩЕНИЯ.

*CLEAVES, F.W., The Sino-Mongolian Inscriptions of 1346, HJAS, 15 (1952), 1-123.

DEVÉRIA, G., Notes d'épigraphi mongole-chinoise, JA, ser. 9, 8 (1896), 94-128, 395-443.

HANEDA, T., Une tablette du décret sacré de l'empereur Genghis, MTB, 8 (1936), 85-91.

LEWICKI, M., Les Inscriptions mongoles inédites en écriture carrée, CO, 12 (1937).

MURAYAMA, S., Über die Inschrift auf den «Stein des Čingis,» Oriens, 3 (1950), 108-112 (tables 1-2).

II. МОНЕТЫ

1. Монгольские

ВАСМЕР, Р., О двух золотоордынских монетах, Записки Коллегии Востоковедов, 2 (1926), 109-112.

ГРИГОРЬЕВ, В.В., Монеты Джучидов, Генуэзцев и Гиреев, ОО, 1 (1844). Недо-

ступно для меня.

Несколько новых видов и вариантов джучидских монет, ВОТ, 8 (1864), 319-354.

Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая, Записки Санкт-Петербурского Археологическо-Нумизматического Общества, 2 (1850), 1-63.

ЛИХАЧЕВ, А.Ф., Новый клад джучидских монет, Русское Археологическое Общество, Известия, 8 (1877), 37-43.

МАРКОВ, А.К., Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа (С.-Петербург, 1896).

Серебряная монета династии Аргунидов, Нумизматический сборник, 2 (Москва, 1913), 319-320.

МАССОН, М.Е., Монетный клад XIV века из Термеза, Bulletin de l'Universitй de l'Asie Centrale, 18 (Ташкент, 1929), 53-66.

САВЕЛЬЕВ, П.С., Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, ВОТ, 3 (1858), 203-528.

Список золотоордынских монет из города Увека, КУО, 2 (1880), 171. Недоступно для меня.

ТИЗЕНГАУЗЕН, В.Г., Нумизматические новинки, ВОЗ, 6 (1892), 241-257

Восточные монеты Н.П. Линевича, ВОЗ, 4 (1889), 302-312.

BLAU, O., and STICKEL, J.G., Zur mohammedanischen Numismatik und Epigraphik, I. Über einige mohammedanische Münzen, ZDMG, 11 (1857), 443-459.

BLOCHET, E., Les Monnaies mongoles de la Collection Decourdemanche, ROC, 11 (1906), 5—59, 113-129.

DROUIN, E., Notice sur les monnaies mongoles faisant partie des documents de l'époque mongole publiés par le prince Bonaparte, JA, ser. 9, 7 (1896), 486-544.

FRÄHN, C.M. Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae (St. Petersburg, 1826).

Über die Münzen der Chane vom Ulus Dsñhutschis oder der Goldenen Horde (St. Petersburg, 1832).

LANE-POOLE, S., Cataloque of the Oriental Coins in the British Museum, 6: The Coins of the Mongols (London, 1881); additions to 6 in 10 (1890), 81-138.

SORET, F., Lettre à M. le professeur H. Brockhaus sur quelques monnaies Houlaguides, ZDMG, 16 (1862), 417-426.

Неизданные восточные монеты, ВОТ, 2 (1856), 68-112, 304-328; 4 (1859), 285-314

2. Русские

КАУФМАН, И.И., Русский вес, его происхождение и развитие, НОРАО, 1, Отдельный выпуск 1 (1906), 93-183.

Серебряный рубль в Руси, НОРАО, 2, Отдельный выпуск 1-2 (1910), 1-268.

МАРКОВ, А.К., О типах русских монет XV века, НОРАО, 1, Отдельный выпуск 4 (1910), 130-137.

ОРЕШНИКОВ, А.В., Русские монеты до 1547 года (Москва, 1896).

ТОЛСТОЙ, И.И., Деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского, НОРАО, 1, Отдельный выпуск 4 (1910), 139-154.

Монеты великого князя Василия Дмитриевича, НОРАО, 2, Отдельный выпуск 3-4 (1913), 1-84.

ФЕДОРОВ, Г.В., Деньги Московского Княжества времени Дмитрия Донского и Василия I, МИАС, 12 (1949), 144-185.

III. АРХЕОЛОГИЯ

1. Золотая Орда и Центральная Азия

БАЛЛОД, Ф., Приволжские Помпеи (Москва-Петроград, 1923).

Старый и Новый Сарай (Казань, 1923).

БАРТОЛЬД, В., Археологические работы в Самарканде летом 1924 года, ГА, 4 (1925), 119-132.

Новые данные о самаркандских памятниках, ВОЗ, 25 (1921), 83-88.

БАШКИРОВ, А.С. и БОДАНИНСКИЙ Ю., Памятники крымско-татарской старины, Новый восток, 8-9 (1925), 295-311.

БЕРНШТАМ, А.Н., Чуйская долина, МИАС, 14 (1950), 140-141 и вкладные иллюстрации 91-94.

БОДАНИНСКИЙ, Ю., Татарские мавзолеи «дурбе» в Крыму, ТО, 1 (1927), 195-201.

БОРОЗДИН, И.Н., Солхат, Новый восток, 13-14 (1927), 271-301.

ВЕСЕЛОВСКИЙ, Н.И., Надгробный памятник Тимура в Самарканде, ТАС, 7, Ч. 2 (1891), 67-72. Недоступно для меня.

Производство археологических раскопок. Кубанская область, ОАК (1905-6), сс. 69-75.

ВЯТКИН, В., Отчет о раскопках обсерватории Улуг-Бека в 1908 и 1909 годах, Известия Русского Комитета по Изучению Средней Азии, Сер. 2, № 1 (1912). Недоступно для меня.

ГОРОДЦОВ, В.А., Результаты археологических исследований на месте города Маджар, ТАС, 14, Ч. 3, 199. Недоступно для меня.

ДЕНИКЕ, Б., Живопись Ирана (Москва, 1938).

ЖУКОВСКИЙ,В.А., Древности Закаспийского Края, развалины Старого Мерва, МАР, 16 (1894).

МАРКЕВИЧ, А.И., Поездка в Старый Крым, Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии, 6 (1888).

Старо-Крымские древности, Известия Таврической Ученой Архивиой Комиссии, 17 (1892).

НЕВОСТРУЕВ, К.И., О городищах Волжско-Болгарского и Казаиского Царств, ТАС, 1 (1869). Недоступно для меня.

ПИЛЯВСКИЙ, В., Ургенч и Миздахан (Москва, 1948). Переработано Б. Никитиим, JA, 239 (1951), 255-256.

Самаркандские мечети, Отдельный выпуск 1, Мечеть Гур-Эмир (С.-Петербург, 1905).

СМИРНОВ, А.П., Баня XIV века в Великих Волгарах, ИИМ, 6 (1940), 82-88.

Исследование городища Сувар, СА, 4 (1937), 330-332.

Сувар, ИМТ, 16 (1941). Недоступно для меня.

СМИРНОВ, Я.И., ред., Восточное серебро (С.-Петербург, 1905). О монгольском периоде следующие страницы издания: 173-180, 194-198, 220-225, 227-240, 242, 244,

245, 297, 300, 321, 322.

СПИЦЫН, А.А., К вопросу о Мономаховой шапке, ОРСА, 8, Ч. 1 (1906), 146-184.

Татарские курганы, ТО, 1 (1927), 149-153.

СТАСОВ, В.В., Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских (С.-Петербург, 1902).

ТАЛИЦКИЙ, М.В., Верхнее Прикамье в X-XIV веках, МИАС, 22 (1951), 33-96.

[ТИЗЕНГАУЗЕН, В.Г.] Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг В.Г. Тизенгаузена, К.А. Иностранцев и Я.И. Смирнов, ред., ВОЗ, 16 (1906), 079-0145, 0213-0416.

ТОЛСТОВ, По следам (см. СОКРАЩЕНИЯ), сс. 274-295.

ТОЛСТОВ, Хорезм, (см. СОКРАЩЕНИЯ), сс. 154-170.

ЯКУБОВСКИЙ, А.Ю., Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды Сарай Берке (Ленинград, 1932).

Развалины Сугнака, Государственная Академия Истории Материальной Культуры, Сообщения, 2 (1930), 123-159.

Развалины Ургенча, ГА, 6, Отдельный выпуск 2 (1930).

BLOCHET, E., Musulman Painting XIITH-XVIITH Century, C.M. Binyon, trans. (from the French), with an introduction by Sir E. Denison Ross (London, Methuen & Co., 1929.

ELISSÉEV, S., and others, Histoire universelle des arts.

Arts musulmans-Extrême Orient (Paris, 1939). Pt.: Les Arts musulmans, by Georges Salles, pp. 54-62: «L'Art mongol et l'art timouride.» Pt.: L'Art de la Chine, by S. Eliséev, pp. 351-356: «L'Epoque Yuan.»

SMOLIK, J., Die timuridischen Baudenkmäler in Samarkand aus der Zeit Tamerlans (Vienna, 1929). Недоступно для меня.

2. Русь

АРЦИХОВСКИЙ, А.В., ред., Материалы и исследования по археологии Москвы, Ч. 1-2, МИАС, 7 (1947); 12 (1949).

и РЫБАКОВ, Б.А., Раскопки на Славне в Новгороде Великом, СА, 3 (1937), 179-193.

ВОРОНИН, Н.Н., Древнерусские города (Москва-Ленинград, 1945)

Очерки по истории русского зодчества (Москва, 1934). Недоступно для меня.

ГРАБАРЬ, И., История русского искусства (Москва, без даты, приблизительно 1912), 1, 205-302, 322-330; 6, 151-262.

КАРГЕР, М.К., Археологические исследования Киева (Киев, 1951).

НЕКРАСОВ, А.И., Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII веков (Москва, 1936).

ПОРФИРИДОВ, Н.Г., Древний Новгород (Москва-Ленинград, 1947).

РЫБАКОВ. См. СОКРАЩЕНИЯ.

СОЛНЦЕВ, Ф.Г., иллюстратор, Древности российского государства (Москва, 1849-53). В 6-ти томах.

СТРОКОВ, А.А., Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 году, Новгородский исторический сборник, В.Д. Греков, ред., 7 (1940), 19-31. Это единственный сборник НИС доступный для меня.

Раскопки в Новгороде в 1940 году, ИИМ, 11 (1945), 65-73.

и БОГУСЕВИЧ, В.А., Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 году, Новгородский исторический сборник, 7, 3-18.

ТАРАКАНОВА, С.А., К вопросу о крепостных стенах Пскова, ИИМ, 13 (1946), 77-80.

ALPATOV, M., and BRUNOV, N., Geschichte der altrussischen Kunst (Augsburg, 1932). Plates in a separate volume.

IV. ДОКУМЕНТЫ

А. Документы Монгольской империи и отдельных Ханств

1. ВЕЛИКАЯ ЯСА ЧИНГИСХАНА

Полный аутентичный текст не сохранился.

Частичное изложение содержания смотрите в следующих публикациях:

AB-UL-FARAJ, Латин. пер. Bruns and Kirst, 1, 449-451.
Англ. пер. Budge, 1, 354-355.

JUWAINI, Персидский текст, Mirza Muhammad, ed., pp. 16-25; Англ. пер. см. Vernadsky, «Juwaini.«

MAKRIZI, AL-, Excerpt on the Yasa, Silvestre de Sacy, ed. and trans., Chrestomatie arabe, 2 (1826), 160-164.
Русский пер., Березин (см. СОКРАЩЕНИЯ), сс. 409-413.
Англ. пер., Riasanovsky (см. СОКРАЩЕНИЯ), pp. 83-85.

RASHID AD-DIN, см. ниже.

2. БИЛИКИ ЧИНГИСХАНА

RASHID 1B, pp. 120-131; Англ. пер. Riasanovsky, pp. 86-91. См. также Березин (как в СОКРАЩЕНИЯХ), сс. 484-487.

3. ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ХАНОВ

ABEL-RÉMUZAT, M., Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens, et particulierement des rois de France, avec les empereurs mongols, Mémoires de l'Institut Royal de France, 6-7 (1822-24).

*CLEAVES, F.W., The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran (в ближайшее время выходит в HJAS).

HAENISCH, E., Zu den Briefen der mongolischen Il-Khane Argun und Öljeitu an den König Philipp den Schönen von Frankreich, Oriens, 2 (1949), 216-235.

KOTWICZ, «Lettres» 1, 2. См. СОКРАЩЕНИЯ.

*MOSTAERT, A., and CLEAVES, F W., Trois documents mongols des Archives Secretes Vaticanes (на выходе в HJAS).

PELLIOT, P., Les Documents mongols du Musée de Teheran, Athar-e Iran, 1 (1936), 31-44.

Mongols et papauté (см. СОКРАЩЕНИЯ), 1, 15-16.

voegelin. См. СОКРАЩЕНИЯ.

4. ЯРЛЫКИ ХАНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

БЕРЕЗИН, И.Н., Ханские Ярлыки (Казань, 1850-51). В 3-х томах. Недоступно для

меня.

Тарханные ярлыки Крымских Ханов, ОО, 8 (1872). Недоступно для меня.

Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея, ОО, 8 (1872). Недоступно для меня.

ГРИГОРЬЕВ, Ярлыки. См. СОКРАЩЕНИЯ.

ГРИГОРЬЕВ, В.В., и ЯРЦОВ, И.О., Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея, ОО, 1 (1844). Недоступно для меня.

ОБОЛЕНСКИЙ, КНЯЗЬ М.А., ред., Ярлык Хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392-1393 г. (Казань, 1850). Недоступно для меня.

ПРИСЕЛКОВ, Ярлыки. См. СОКРАЩЕНИЯ.

РАДЛОВ. См. СОКРАЩЕНИЯ.

САМОЙЛОВИЧ, А.Н., Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана, ТО, 1 (1927), 141-144.

Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, АН, 1918, сс. 1109-1122.

KURAT. См. СОКРАЩЕНИЯ.

Б. Документы Русских Земель и Великого княжества Литовского

1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ДОГОВОРЫ; КНЯЖЕСКИЕ УКАЗЫ

БАХРУШИН, С.В., ред., Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных (Москва, 1909).

и ЧЕРЕПНИН, Л.В., ред., Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков (Москва-Ленинград, 1950).

Собрание государственных грамот и договоров, 1-2 (Москва, 1813-19).

GOETZ, L. K., ed., Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters (Hamburg, 1916).

2. ЗАКОНЫ

Грамота Двинской Земли (1397). Древнерусский текст, ААЭ, 1, № 13; переиздано, Владимирский-Буданов, Христоматия, 1, 121-126. Англ. пер., MRL, сс. 57-60.

Псковская Судная Грамота (1397-1467). Репринтное издание MS, Псковская Судиая Грамота (С.-Петербург, 1914); первое издание, Н.Н. Мурзакевич, ред. (Одесса, 1847; переиздано, 1868); переиздано, Владимирский-Буданов, Христоматия, 1, 128-162; соврем. русский пер. Л.В. Черепнии, А.И. Яковлев, Исторические записки, 6 (1940), 237-299. Англ. пер., MRL, pp. 61-82.

3. ДОКУМЕНТЫ НОВГОРОДА И ПСКОВА

БАХРУШИН,С.В., ред., Памятники Великого Новгорода (Москва, 1909).

ВАЛЬК, С.Н., ред., Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Москва-Ленинград, 1949).

4. ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ, М.В., Акты литовско-русского государства, Чтения (1899), Ч. 4.

ЛИТОВСКАЯ МЕТРИКА. Большая часть документов в этих собраниях принадлежит к постмонгольскому периоду.

Акты литовской метрики, Ф.И. Леонтович, ред. (Варшава, 1896-97). В 2-х томах.

Литовская метрика, РИБ, 20 (1903), 27 (1910), 30 (1914).

ЛЮБАВСКИЙ (см. СОКРАЩЕНИЯ), сс. 297-376.

DANILOWICZ, I., Skarbiec Dyplomatow (Wilnø, 1860-62). 2 vols.

PASZKIEWICZ, H., ed., Regesta Lithuaniae, 1 (Warsaw, 1930). Недоступно для меня.

PROCHASKA, A., Codex epistolaris Vitoldi, Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, 6 (1882).

Volumina Legum, 1 (St. Peterburg, 1859). Недоступно для меня.

5. ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ПАВЛОВ, А.С., ред., Памятники древнерусского канонического права, РИБ, 6 (1880).

ПРИСЕЛКОВ, М.Д. И ВАСМЕР, М. Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века, АНОРИ, 21, Ч. 1 (1916), 48-70.

6. СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ МОНГОЛЬСКОГО И ПОСТ-МОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДОВ.

Акты исторические (С.-Петербург, 1841-42). В 5-ти томах.

Акты, относящиеся к истории южной и западной Руси (С.-Петербург, 1863-92). В 15-ти томах.

Акты, относящиеся к истории западной Руси (С.-Петербург, 1846-53). В 5-ти томах.

Акты, собранные Археологической Экспедицией (С.-Петербург, 1836). В 3-х томах.

Акты юридические (С.-Петербург, 1838).

Архив юго-западной Руси (Киев). Сер. 1, 1-9 (1859-93); Сер. 2, 1 (1861); Сер. 3, 1-3 и 5 (1863-1902); Сер. 6, 1, 2, 4, 6 (1876-1911; Сер. 7, 1-2 (1886-90).

Русская Историческая библиотека (С.-Петербург, 1872-1927). В 39-ти томах.

Historica Russiae monumenta, A.I. Turgenev, ed., 1 (St. Peterburg, 1841).

V. ХРОНИКИ

A. Монгольские и Тибетские

1. Тайная история монголов (Monghol-un Niuča Tobča'an; Китайское изложение: Yüan Ch'ao Pi Shi). Монгольский текст под редакцией E. Haenisch, Mangchol un Niutscha Tobtscha'an (Leipzig, 1935-39) 2 vols; под редакцией С.А. Козина (см. ниже), сс. 203-302; под редакцией P. Pelliot (см. ниже), pp. 5-120.

Русский пер.: П. Кафаров, Старинное монгольское сказание о Чингисхане, Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине, 4 (1866), 23-160; С.А. Козин, Сокровенное сказание, 1 (Москва-Ленинград, 1941), 79-199.

Нем. пер.: E. Haenisch, Die geheime Geschichte der Mongolen (Leipzig, 1948).

Франц. пер.: (sects. 1-185) P. Pelliot, Histoire secrete des Mongols (Paris, 1949), pp. 121-196.

Турец. пер.: A. Temir, Moğollarin Gizli Tarihi (Ankara, 1948).

2. The Blue Annals [Tibetan], Pt. 1, G.N. Roerich, ed. and trans. (Royal Asiatic Society of Bengal, Monograph Ser., No. 7, Calcutta, 1949).

3. Altan Tobči

Редакция и рус. пер.: Галсан Гомбоев, ВОТ, 6 (1858), сс. 1-16 (Монгольский текст) и сс. 117-197 (рус. пер.)

*Edited by F.W. Cleaves, preface by A. Mostaert (Cambridge, Harvard University Press, 1952).

4. SANANG-SECEN, History of the East Mongols. Редакция и нем. пер.: I.J. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen (St. Peterburg, 1829).

Б. Китайские

1. История военных походов Чингисхана (Wu Ch'in Cheng Lu). Рус. пер.: П. Кафаров, Старинное китайское сказание о Чингисхане, ВС, 1 (1877), 149-202. Франц. пер.: P. Pelliot and L. Hambis, Histoire des campagnes de Gengis Khan, 1 (Leyden, 1951).

2. История династии Юань (Yüan Shi). Частичный рус. пер.: Иакинф Бичурин, История первых четырех ханов из дома Чингисова (С.-Петербург, 1829); частичный нем. пер.; F.E.A. Krause, Cingis Han (Heidelberg, 1922).

В. Арабские и персидские

1. IBN AL-ATHIR, Chronicon, C.J. Tornberg, ed., 12 (Leyden, 1853).

Частичный рус. пер.: А.А. Куник, Выписка из Ибн-эл-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны с 1220 по 1224 год, Ученые Записки Императорской Академии Наук по I и III отделению, 2, Отд. выпуск 4 (1854), 636-668.

2. AN-NASAWI, MUHAMMAD. Histoire du Sultan Djelal ed-Din Mankobirti, prince du Kharezm, O. Houdas, ed. and trans., Publications de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes, ser. 3, 9 (1891),

арабский текст; и 10 (1895), франц. пер.

3. Juwaini, Ala ad-Din Ata Malik, Tarikh-i Jahan Gusha (История покорителя мира), Mirza Muhammad, ed. (Leyden and London, Gibb Memorial Series, 1912).

Глава о Великой Ясе: рус. пер. В.Ф. Минорский, Дополнение I к: Г. Вернадский, О составе Великой Ясы Чингис Хана (Брюссель, 1939), сс. 40-50; англ. пер.: G. Vernadsky, AIK, 11 (1939), 33-45.

Пер. частей о монгольских походах на Запад: J.A. Boyle, Minorsky, Caucasica III, pp. 222-223.

4. Рашид ад-Дин, Фадла'ллах, Джами ат-Таварих (Собрание хроник).

Т. 1. Введение и История Чингисхана.

Персидский текст: И.Н. Березин, ред., Сборник летописей, история Монголов, ВОТ, 7, 13, 15 (1861-88).

Рус. пер.: И.Н. Березин, ВОТ, 5, 13, 15.

*Соврем. рус. пер.: А.А. Семенов, ред. Ч. 1, А.А. Хетагуров, пер.; Ч. 2, О.И. Смирнова, пер. (Москва-Ленинград, 1952).

Англ. пер. частей о Западных походах: V.F. Minorsky, Caucasica III, pp.224-228.

Т. 2. История преемников Чингисхана.

Персидский текст, E. Blochet, ed., Djami el-Tévarikh (London, Gibb Memorial Series, 1911).

Частичный франц. пер., H.J. Klaproth, JA, ser. 2, 11 (1833), 335-358 и 447-470.

Англ. пер. вышеназванного, Cathay (см. СОКРАЩЕНИЯ), 3, 105-133.

Т. 3. История Монголов в Персии.

Персидский текст, M. Quatremere, ed., Histoire des Mongols de Perse, 1 (Paris, 1836); K. Jahn, ed., Tarih-i-mubarak-i Gazani des Rašid al-Din. Geschichte der Ilhane Abaga bis Gaihatu (Prague, 1941); K. Jahn, ed., Geschichte Gazan-Hans (London, Gibb Memorial Serues, 1940).

Франц. пер., M. Quatremère (как выше).

Рус. пер., А.К. Аренде. См. СОКРАЩЕНИЯ.

5. WASSAF. См. СОКРАЩЕНИЯ.

6. NIZAM AD-DIN SHAMI, Zafar-nama (Книга побед).

Tauer, F., ed., Histoire des conquêtes de Tamerlan, intitulé Zafarnamah (Prague, Oriental Institute, 1937).

Выдержки в рус. пер.: Тизенгаузен, 2, 105-125; Материалы по истории туркмен (см. № 11, ниже), 1, 511-124.

7. Sharaf ad-Din Ali Yazdi, Zafar-nama (Книга Побед).

Персидский текст, Mawlawi Muhammad Ilahdad, ed., The Zafarnamah (Calcutta, 1885-88). 2 vols.

Франц. пер., Petis de la Croix, F., L'Histoire du Timur-Bec connu sous le nom du Grand Tamerlan (Paris, 1722).

Англ. пер. (с французского), The History of Timur-Bec, known by the name of Tamerlain the Great, Emperor of the Monguls and Tatars (London, 1723). 2 vols.

Главы о походе Тимура против Тохтамыша в 1391 году, франц. пер.: M. Charmoy, Expédition de Timour-i-lenk ou Tamerlan contre Toqtamiche, Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Peterbourg, ser. 6, 3 (1836), 172-243.

8. IBN-ARABSHAH, AHMAD, Life and Deeds of Timur.

S.H. Manger, ed. and trans. (латин. пер.), Ahmed Arabsiadae vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia (Leeuwarden, 1767-72).

Англ. пер., J.H. Sanders, Tamerlane or Timur the Great Amir (London, 1937). Недоступно для меня.

Франц. пер. главы 8 (Поход Тимура против Тохтамыша в 1391 году): Charmoy (см № 7, выше), pp. 419-421.

9. Ibn-Khaldun, Autobiography.

Глава о встрече Ибн-Хальдуна с Тимуром в 1401 году: W.J. Fischel, ed. and trans., Ibn-Khaldun and Tamerlane (Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1952).

10.Тизенгаузен, В.Г., ред. и пер., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: 1, Арабские источники (С.-Петербург, 1884); 2, Персидские источни-

ки, Ромаскевич и С.Л. Волин, ред. (Москва-Ленинград, 1941).

Избранные выдержки из перечисленных выше и других арабских и персидских авторов с рус. пер.

11.Волин, С.Л., Ромаскевич, А.А., Якубовский, А.Ю., ред., Материалы по истории Туркмен и Туркмении, 1 (Москва-Ленинград, 1939), 469-541.

Собраиие арабских и персидских источников по истории Центральной Азии Монгольского периода в русском переводе.

12.HAYDAR DUGHLAT, MIRZA MUHAMMAD, Tarikh-i-Rashidi.

Англ. версия. N. Elias, ed., E.D. Ross, trans., A History of the Monghuls of Central Asia (London, S. Low, Marston & Co., 1895, re-issue, 1898).

Г. Армянские, грузинские, греческие и сирийские

1. АРМЯНСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ

[ВАРДАН] Всеобщая история Вардана Великого, Н. Емин, пер. (Москва, 1861).

ПАТКАНОВ, К., История Монголов по армянским источникам (С.-Петербург, 1873-74). В 2-х томах.

BROSSET, M.F., Histoire de la Géorgie, 1 (St. Peterburg, 1849).

DULAURIER, E., Les Mongols d'après les historiens armeniens, JA, ser. 5, 11 (1858).

GRIGOR OF AKANC, History of the Nation of the Archers, R.P. Blake and R.N. Frye, eds. and trans., HJAS, 12 (1949), 269-399.

Рус. пер. К. Патканов, пер., История Монголов инока Магакия (С.-Петербург, 1871).

2. ГРЕЧЕСКИЕ

CHALCOCONDYLES, L., Historiarum demonstrationes. I. Bekker, ed. (Bonn, 1843); E. Darky, ed. (Budapest, 1922-27). 2 vols.

DUKAS (DUCAS), Historia byzantina, I. Bekker, ed. (Bonn, 1834).

GREGORAS, NIKEPHOROS, Historia romana, L. Schopen and I. Bekker, eds. (Bonn, 1829, 1830, 1855). 3 vols.

Рус. пер., П. Шалфеев Римская история Никифора Григория 1 (С.-Петербург, 1862).

PACHYMERES, GEORGIOS, De Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII. I. Bekker, ed.)Bonn, 1835). 2 vols.

Рус. пер.: В.Н. Карпов, ред., Георгия Пахимера история о Михаиле и Аидронике Палеологах, 1 (С.-Петербург, 1862).

PHRANTZES, GEORGIOS, Chronicon. I. Bekker, ed. (Bonn, 1838); J.B. Papandopoulos, ed. 1 (Leipzig, 1935).

3. СИРИЙСКИЕ

AB-UL-FARAJ, GREGORY (Bar Hebraeus), Chronographia.

Латин. пер.: P. Bruns and G.G. Kirsch, eds. and trans. (Leipzig, 1788).

Англ. пер.: E.A.W. Budge, ed. and trans. (London, 1932).

Д. Русские

Воскресенская летопись, ПСРЛ, 7-8 (1856-59).

Галицко-Волынская летопись. См. Ипатьевский свод.

Густынская летопись. Опубликована как Приложение к Ипатьевскому своду, ПСРЛ, 2 (1843), 233-373.

Ермолинская летопись, ПСРЛ, 23 (1910).

Западнорусские летописи, ПСРЛ, 17 (1907).

Ипатьевский свод. Содержит Повесть временных лет (см. Киевская Русь), Киевскую и Галицко-Волынскую летописи. Опубликован в ПСРЛ и отдельно. ПСРЛ, 2, 1-е изд. 1843 (не включает Повесть временных лет); 2-е изд. 1871; Отд. выпуск 1, 3-е изд. 1923. Отдельно, А. Шахматов, ред. (1908).

Казанский летописец, ПСРЛ, 19 (1903).

Лаврентьевский свод. Содержит Повесть временных лет и Суздальскую летопись. Опубликован в ПСРЛ, 1, 1-е изд. 1846; 2-е изд. Отд. выпуск 1: Повесть времеиных лет (1926); Отд. выпуск 2: Суздальская летопись (1927); Отд. выпуск 3: Продолжение Суздальской летописи (1928).

Львовская летопись, ПСРЛ, 20, Ч. 1-2 (1910-14).

Никоновская или Патриаршая летопись, ПСРЛ, 9-13 (1861-1906).

Новгородские летописи.

Первая новгородская летопись, ПСРЛ, 3 (1841); отдельно, Новгородская летопись по синодальному харатейному списку (С.-Петербург, 1888); Новгородская первая летопись, А.Н. Насонов, ред. (Москва-Леиинград, 1950).

Англ. пер., R. Mitchell and N. Forbes, вступительная статья C.R. Beasly, in Camden Third Series, 25 (London, 1914).

Латин. пер. частей Первой Новгородской летописи, повествующих о Четвертом Крестовом походе 1204 года [1950 изд., сс. 46-49; вариант, сс. 240-246], C. Horf, ed., Chroniques greco-romanes inédites ou peu connues (Berlin, 1873), pp. 93-98. Недоступно для меня.

Исп. пер. с латинского: Sara Isabel de Mundo, La Cuarta Cruzada segun el cronista Novgorodense, Anales de historia antiqua y medieval, 1950 (Buenos Aires, 1951), pp. 135-141.

Вторая новгородская летопись, ПСРЛ, 3 (1841); 2-е изд. А.Ф. Бушков, Новгородские летописи (С.-Петербург, 1879).

Третья новгородская летопись, Бушков, цит. раб.

Четвертая новгородская летопись, ПСРЛ, 4 (1848); 2-е изд. Отд. выпуски 1-3 (1915-29).

Псковские летописи, 1. Псковская первая летопись, А.Н. Насоиов, ред. (Москва-Ленинград, 1941).

Рогожский летописец, ПСРЛ, 15 (2-е изд.), Отд. выпуск 1 (1922).

Симеоновская летопись, ПСРЛ, 18 (1913).

Софийский Временник, П.М. Строев, ред. (С.-Петербург, 1820). В 2-х томах.

Суздальская летопись. См. Лаврентьевский свод.

Тверская летопись, ПСРЛ, 15 (1863).

Типографская летопись, ПСРЛ, 24 (1921).

Троицкая летопись. Реконструкция текста, М.Д. Приселков, Троицкая летопись (Москва-Ленинград, 1950).

Устюжский летописный свод, К.Н. Сербина, ред. (Москва-Ленинград, 1950).

Хронограф 1512 года, ПСРЛ, 22, Отд. выпуск 1 (1911).

VI. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

АВРААМИЙ, Епископ Суздальский, Отрывки (Фрагменты из путешествия во Флоренцию), А. Попов, Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латиняи (Москва, 1875), сс. 400-406. Недоступно для меня.

АГРЕФЕНИЙ, АРХИМАНДРИТ, Хождение (Паломничество в Иерусалим), Архимандрит Леонид, ред., ППС, 48 (1896).

ВАРСОНОФИЙ, ИЕРОМОНАХ, Хождение к святому граду Иерусалиму (Паломничество в Иерусалим), С.О. Долгов, ред., ППС, 45 (1896).

ЕПИФАНИЙ, Монах, Сказание о пути к Иерусалиму (Описание путешествия в Иерусалим), Архимандрит Леонид, ред., ППС, 15 (1887).

ЗОСИМА, ИЕРОДИАКОН, Ксенос сиречь Странник, Х.М. Лопарев, ред., ППС, 24 (1889).

ИГНАТИЙ СМОЛЕНСКИЙ, Диакон, Хождение (Паломничество в Иерусалим), С.В. Арсеньев, ред., ППС, 12 (1887).

МИХАИЛ, Епископ Смоленский, и СЕРГИЙ, АРХИМАНДРИТ, Хождение Пиминово в Ханград (Путешествие епископа Пимина в Константинополь), ПСРЛ, 11, 95-104.

СИМЕОН СУЗДАЛЬСКИЙ, ИЕРОМОНАХ, Исидоров Собор и хождение его (Поездка на собор во Флоренцию), А. Попов, Обзор (см. Авраамий, выше), сс. 344-359. Недоступно для меня. Ср. ПСРЛ, 8, 100-106.

[BARBARO, GOISAFAT], Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini, W Thomas, trans., Lord Stanley of Alderley, ed. (London, Hakluyt Society, 1873).

BATUTA, IBN, Travels. См. Ibn-Batuta (СОКРАЩЕНИЯ).

BENEDICT THE POLE, Frier, Relation of Journey to Mongolia.

Латинский текст: Wyngaert, pp. 134-143.

Англ. пер.: Rockhill. См. СОКРАЩЕНИЯ.

Монах Бенедикт был членом миссии Иоанна де Плано Карпини.

GONZÁLEZ DE CLAVIJO, R., Embajada a Tamorlan, F. López Estrada, ed. (Madrid, 1943).

Рус. пер.: И.И. Срезневский, ред., Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 годах, АНОРС, 28 (1881).

Англ. пер.: C.R. Markham, Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales de Clavijo to the Court of Timur (London, Hakluyt Society, 1859).

JOHN OF PLANO CARPINI, History of the Mongols and Journey to Mongolia.

Латинский текст: Wyngaert, pp. 27-130

Англ. пер. (только Journey): Rockhill. См. СОКРАЩЕНИЯ.

Нем. пер.: Risch. См. СОКРАЩЕНИЯ.

Рус. пер.: Д. Языков Собрание путешествий к Татарам (С.-Петербург, 1825), сс. 7-63; А.И. Малеин Иоанн де Плано Карпини, История Монголов;

Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны (С.-Петербург, 1911), сс. 1-62.

JULIAN, FRIAR, and Other Hungarian Missionaries, Journey to Great Hungary.

Bendefy, L., ed., Fontes authentici itinera fr. Iulianii (1235-38) illustrantes, Archivum Europae Centro-Orientalis, 3 (1937), 1-52. Cf. J. Bromberg, Zur Geographie der Reisen des Dominikaners Julian, Finnischugrische Forschungen, 26 (1940), Anzeiger, pp. 60-73.

Аннинский, С.А., ред. и пер. (на русский), Известия Венгерских миссионеров XIII-XIV веков о Татарах и восточной Европе, Исторический архив, 3 (1940), 95-112; Рус. пер., сс. 77-94.

*Sinor, D., Un voyageur du treizieme siecle, le Dominicain Julien de Hongrie, BSOAS, 14 (1952), 589-602.

LANNOY, GHILLEBERT DE, Oeuvres, Ch. Potvin and J. Ch. Houzeau, eds. (Louvin, 1878), pp. 9-72.

ODORIC OF PORDENONE, Travels.

Латинский текст, Wyngaert, pp. 413-495.

Англ. пер.: H. Yule and H. Cordier, Cathay (см. СОКРАЩЕНИЯ), 2.

POLO, MARCO, Travels.

The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, Colonel Sir Henry Yule, trans., 3d ed. revised by H. Cordier (London, J. Murray, 1903). 2 vols.

The Description of the World, trans. and annotated by A.C. Moule and P. Pelliot (London, G. Routledge & Sons), 1 (1938).

SCHILTBERGER, HANS, Travels.

Немецкие издания: (1) K.F. Neumann, ed., Fallmerayer and Hammer-Purgstall, commentators, Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427 (München, 1859); (2) V. Langmantel, ed., Hans Schiltbergers Reisebuch (Tübingen, 1885).

Англ. пер.: Commander J. Buchan Telfer, The Bondage and Travels of Johann Schiltberger (London, Hakluyt Society, 1879).

Рус. пер.: Ф. Брюн, Путешествие Ивана Шилтбергера, Записки Новороссийского Университета, 1 (Одесса, 1867). Недоступно для меня.

WILLIAM OF RUBRUCK, FRIAR, Journey to Mongolia.

Латинский текст: Wyngaert, pp. 164-332.

Англ. пер.: См. Rockhill (СОКРАЩЕНИЯ).

Нем. пер.: F. Risch, Неизданные восточные монеты, BOT, 2 (1856), 68-112, 304-328; 4 (1859), 285-314. Wilhelm von Rubruck: Reise zu den Mongolen 1253-1255 (Leipzig, 1934).

Рус. пер.: А.И. Малеин (см. John of Plano Carpini), сс. 65-178.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Birge, J.K., A Guide to Turkish Area Study (Washington, D.C., American Council of Learned Societies, 1949).

Encyclopaedia of Islam (London, Luzac & Co., 1913-36). 4 vols. Turkish ed., revised and enlarged, Islam ansiklopedisi, 1—(Istanbul, 1940—). Незакончена. Статьи по турецким вопросам переписаны турецкими специалистами и значительно расширены.

Philips, C.H., Handbook of Oriental History (London, Royal Asiatic Society, 1951).

Strakhovsky, L., ed., A Handbook of Slavic Studies (Cambridge, Harvard University Press, 1949).

Togan, A. Zeki Velidi, Tarihde usul (Istanbul, 1950).

II. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ОБЗОРЫ

Библиография Востока. 1, История (1917-1925), Д.Н. Егоров, ред. (Москва, 1928).

Franke, H., Neuere Gesamtdarstellungen der Geschichte Chinas, Saeculum, 1 (1950), 318-323.

Glazer, S.S., Bibliography of Periodical Literature on the Near and Middle East (reprinted from The Middle East Journal). 1 (1947)

Grousset, R., Histoire de l'Extrême-Orient, 2, Eléments de bibliographie, chap. 3, Les Mongols, 672-677.

Kerner, R.J., Northeastern Asia, a Selected Bibliography (Berkeley, University of California Press, 1939). 2 vols.

— Slavic Europe: A Bibliography (Cambridge, Harvard University Press, 1918).

Krause, F. E. A., Die Epoche der Mongolen, MSOS, 26-27 (1924), 46-49.

Library of Congress, Monthly List of Russian Accessions (Washington D.C.), 1 (1948)

— Loewenthal, R., A Bibliography of Near and Middle Eastern Studies published in the Soviet Union from 1937 to 1947, Oriens, 4 (1951), 328-344.

— Works on the Far East and Central Asia published in U.S.S.R., 1937-47, FEQ, 8 (1948-49), 172-183.

Poppe, N., Russische Arbeiten auf dem Gebiet der Mongolistik 1914-24, AM, 1 (1924), 676-681.

Spuler (см. Сокращения), pp. 455-525: Verzeichnis des Schrifttums.

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Аристов, Н.А., Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, Живая старина, 1896, 3-4. Рец. В. Бартольд, ВОЗ, 11 (1899), 341-356.

Базилевич, К.В., ред., Атлас истории СССР, 1 (Москва, 1950).

Бартольд, В., История изучения Востока в Европе и Руси (С.-Петербург, 1911; 2-е изд. Ленинград, 1925).

Нем. изд., Ramberg-Figulla, E., trans., Die geographische und historische Erforschung des Orient (Leipzig, 1913).

Франц. изд., La Découverte de l'Asie, B. Nikitine, trans. and annotator (Paris, 1927).

Orta Asya Türk tarihi hakkinda dersler (Istanbul, 1927).

Нем. изд., 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens, Th. Menzel, trans. (Berlin, 1935).

Франц. изд., Histoire des Turcs d'Asie centrale, M. Donskis, trans., (Paris, 1945).

Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века, Известия Туркестанского отдела Русского Географического общества, 4 (1902).

Нем. изд., H. von Foth, trans., Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-Darja von den ältesten Zeiten bis zum XVII Jahrhundert (Leipzig, 1910).

Turks, Historical and Ethnografic Survey, EI, 4, 900-908.

Бернштам. См. СОКРАЩЕНИЯ.

Владимирцов. См. СОКРАЩЕНИЯ.

Франц. изд., M. Garsow, Le Régime social des Mongols; le féodalisme nomade (Paris, 1948). Preface by R. Grousset.

Грум-Гржимайло. См. СОКРАЩЕНИЯ.

Замысловский, Е., Учебный атлас по русской истории (2-е изд. С.-Петербург, 1887).

Катанов, Н.Ф., Этнографический обзор турецко-татарских племен (Казань, 1894). Недоступно для меня.

Козлов, П.К., Монголия и Амбо и мертвый город Хара-Хото (Москва-Петроград, 1923).

Монголия и Кам (С.-Петербург, 1905-7). В 5-ти томах.

Кузнецов, С.К., Русская историческая география (Москва, 1910).

Любавский, М.К., Образование основной государственной территории великорусской народности (Ленинград, 1929).

Насонов, А.Н., «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (Москва, 1951).

Пыпин, А.Н., История русской этнографии (С.-Петербург, 1890-92). В 4-х томах.

Середонин, С.М., Русская историческая география (Петроград, 1916).

Ahmad, N., Muslim Contribution to Geography (Lahore, 1947).

Beazley, C.R., The Dawn of Modern Geography (London, J. Murray), 3 (1906).

Castren, M.A., Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker (St. Petersburg 1857).

Curtin, J., A Journey in Southern Siberia, the Mongols, Their Religion and Their Myths. (Boston, Little, Brown & Co., 1909).

Czaplicka, M., The Turks of Central Asia in History and at the Present Day (Oxford, Clarendon Press, 1918). Рец. В. Бартольд, Записки коллегии востоковедов, 1, 506-511.

Halecki, O., Geografja polityczna ziem ruskich, Polski i Litwy 1340-1569, Sprawozdania Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1-2 (1917).

Hazard, H.W., compiler, Atlas of Islamic History (Princeton, Princeton University Press, 1951).

Hennig, R., Terrae incognitae, 3-4 (Leyden, 1938-39).

Herrmann, A., Historical and Commercial Atlas of China (Cambridge, Mass., Harvard

University Press, 1935).
Ivanovsky, A.A., Zur Anthropologie der Mongolen, Archiv für Anthropologie, 24 (1896).
Kerner, R.J., The Urge to the Sea: The Course of Russian History (Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1942).
Kervyn, L.M., Moeurs et coutumes mongoles, (Gembloux, 1949).
Kuczyński, См. Сокращения.
Marquart (Markwart), J., Über das Volkstum der Komanen, AWGA, N.S., 13, ¹1 (1914), 25-238.
Moravcsik, См. Сокращения.
Pallas, P.S., Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften (St. Petersburg, 1776-1801). 2 vols.
Pelliot, P., A propos des Comans, JA, 11th ser., 15 (1920), 125-185.
Radloff, W. (Radlov, V.), Etnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei (Leipzig, 1883). Недоступно для меня.
Riasanovsky, V.A., Customary Law of the Mongol Tribes (Harbin, 1929).
Spuler, B., Mittelalterliche Grenzen in Osteuropa, I.
Die Grenze des Grossfürstentums Litauen im Südosten gegen Türken und Tataren, JGOE, 6 (1941), 152-170.
Vambery, H., Das Türkenvolk (Leipzig, 1885).
Zelenin, D., Russische (ostslavische) Volkskunde (Berlin and Leipzig, 1927).

IV. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

1. Монгольские и тибетские источники

Владимирцов (см. СОКРАЩЕНИЯ), сс. 5-26.
Cleaves, F.W. Chancellery. См. Сокращения.
The Expression Dur-a Qočarulčaju in the Letter of Ilkhan Öljeitü to Philippe le Bel, HJAS, 11 (1948), 441-455.
The Expression Jöb Ese Bol in the Secret History of the Mongols, HJAS, 11 (1948), 311-320.
Haenisch, E., Der Stand der Yüan-pi-schi-Forschung, ZDMG, 98, (1944).
Untersuchungen über das Yüan-ch'ao pi-shi, ASAW, 41, ¹4 (1931).
Kotwicz, Formules initiales. См. Сокращения.
Laufer, B., Skizze der mongolischen Literatur, Keleti Szemle, 8 (1907)., 165-261. 2-е изд. на русском языке, под редакцией Б.Я. Владимирцова, Очерк Монгольской литературы (Ленинград, 1927). Недоступно для меня.
Mostaert, A., A propos du mot širolga de l'Histoire secréte des Mongols, HJAS, 12 (1949), 470-476.
Sur quelques passages de l'Histoire secréte des Mongols, HJAS, 13 (1950), 285-361; 14 (1951), 329-403. Продолжение следует.
Pelliot. См. Сокращения.
Roerich, G.N., The Author of the Hor-chos-hbyun, Journal of the Royal Asiatic Society (1946), 192-196.
The Blue Annals, 1, i-xxi.
Kun-mkhyen Chos-kyi hod-zer and the Origin of the Mongol Alphabet, Journal of the

Royal Asiatic Society of Bengal. Letters (1945), 52-57.
Notes on Central Asia, Greater India Society, Journal, 13 (1946), 73-76.

2. Арабские и персидские источники

Бартольд, В., Иран (Ташкент, 1926).
Мусульманский мир (Петроград, 1922).
Туркестан. См. СОКРАЩЕНИЯ.
Крымский, Персия (см. СОКРАЩЕНИЯ), 3, 33-80.
Blochet, E., Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din (London, Gibb Memorial Series, 1910).
Brockelmann, C., Geschichte der arabischen Literatur (2d ed. Leyden, E. J. Brill, 1943-49). 2 vols.
Browne 3. См. Сокращения.
Martinovitch, N., Die verlorene Handschrift von Rašid ad-Din, Artibus Asiae, 5 (1935), 213-220.
Storey, Ch. A., Persian literature, a Bio-Bibliographical Survey (London, Luzac & Co., 1927-39). 2 vols., vol. 2 in three parts.
Wüstenfeld, F., Die Geschichtsschreiber der Araber, AWGA, 28-29 (1882-83).

3. Русские источники

Бережков, Н., Литовская метрика как исторический источник, 1 (Москва-Ленинград, 1946).
Вальк, С.Н., Советская археография (Москва-Ленинград, 1948)
Иконников, В.С., Опыт русской историографии (Киев, 1891-1908). В 2-х томах, каждый в двух частях.
Кочин, Г.Е., Материалы для терминологического словаря древней Руси (Москва-Ленинград, 1937). Недоступно для меня.
Леонтович, Ф.И., Источники литовско-русского права, Варшава, Университет, Известия, 1894, Отд. выпуск. Недоступно для меня.
Лихачев, Д.С., Русские летописи (Москва-Ленинград, 1947).
Насонов, А.Н., Летописные памятники тверского княжества, ОГН, 1930, 709-738, 739-772.
Приселков, М.Д., История русского летописания XI-XV веков (Ленинград, 1940).
Тихомиров, М.Н., Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века (Москва, 1940).
Черепнин, Л.В., Русские феодальные архивы XIV-XV веков (Москва, 1948-51). В 2-х томах.
Шахматов, А.А., Разыскания о составе древнейших летописных сводов (С.-Петербург, 1908).
Ясинский, М.Н., Уставные земские грамоты литовско-русского государства (Киев, 1889).

V. ГЕНЕАЛОГИЯ И БИОГРАФИКА

1.Монгольская

ГЕНЕАЛОГИИ

Lane-Pool, S., The Mohammedan Dynasties (Westminster, A. Constable & Co., 1894). Русское изд., В. Бартольд, пер. и аннот., Мусульманские династии (С.-Петербург, 1899).

Muizz al-Ansab fi Shajarat Salatin Moghul (Апология генеалогий монгольских султанов). См. Storey, 2, 298, и Тизенгаузен, 2, 29.

Выдержки в рус. пер., Тизенгаузен, 2, 41-63.

Zambaur, E., Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam (Hanovre, 1927). 2 vols. and a volume of tables.

БИОГРАФИИ

Чингисхан Бартольд, В., Чингисхан, EI, 1, 856-862.

Владимирцов, Б.Я., Чингисхан (Берлин, Петроград и Москва, 1922).

Англ. изд., Prince D. S. Mirsky, trans., The Life of Chingis-Khan (Boston and New York, Houghton Mifflin & Co., 1930).

Erdmann, F., Temudschin der Unerschütterliche (Leipzig, 1862).

Fox, R., Genghis Khan (New York, Harcourt, Brace & Co., 1936).

Grenard, F., Gengis-Khan (Paris, 1935).

Grousset, R., Le Conquérant du monde (Paris, 1944).

Lamb, H., Genghis Khan, the Emperor of All Men (New York, R.M. McBride & Co., 1927). Martin, H.D., The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China (Baltimore, Johns Hopkins Press, 1950).

Prawdin, M., Tschingis-Chan und sein Erbe (Stuttgart and Berlin, 1938). Walker, C.C., Jenghiz Khan (London, Luzac & Co., 1939).

Ногай

Веселовский. См. СОКРАЩЕНИЯ.

Тимур (Тамерлан)

Bouvat, L., Timur Lang (Tamerlane), EI, 4, 777-779.

Ibn-Arabschah. См. источники.

Lamb, H., Tamerlane the Earth Shaker (New York, R.M. McBride & Co., 1928).

Улугбек

Бартольд, В., Улугбек и его время (Петроград, 1918).

Turkish ed. [Kurat], A. Nimet, trans., Uluğ-Bey ve zamani (Istanbul, 1930).

2. Русская и литовская

Барсуков, А.П., Обзор источников и литературы русского родословня, АНЗ, 54 (1887), Приложение.

Долгоруков, Князь П.В., Российская родословная книга (С.-Петербург, 1855-57). В 4-х томах.

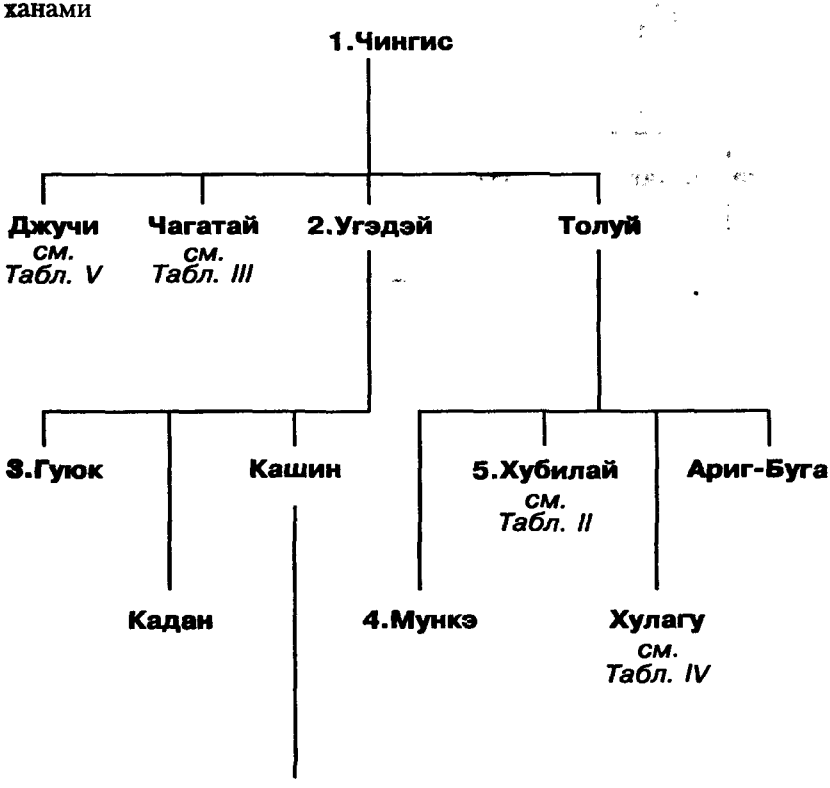
Зотов, Р.В., О князьях черниговских по любецкому синодику (С.-Петербург, 1892).
Лобанов-Ростовский, Князь А.Б., Русская родословная книга (2-е изд., С.-Петербург, 1895). В 2-х томах.
Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (М., 1787). В 2-х томах Содержит так называемую Бархатную книгу.
Русский биографический словарь (С.-Петербург, 1896-1918). В 25-ти томах. Незавершен.
Экземплярский. См. СОКРАЩЕНИЯ.
Baumgarten 1, 2. См. СОКРАЩЕНИЯ.
Benz, E., ed., Russische Heiligenlegenden (Zurich, 1953).
Koneczny, F., Jagiello i Witold, Przewodnik naukowy i literacki, 20 (1892).
Prochaska, A., Król Wladyslaw Jagiello (Kraków, 1908).
Puzyna, J., Korjat i Korjatowicze, AW, 7 (1930), 425-454.
Puzyna, J., Korjat i Korjatowicze oraz sprawa podolska, AW, 11 (1936), 61-97.
Smolka, S., Kiejstut i Jagiello, Pamiktnik Akademii Umiejktnosci (Phil. and Hist. Sec.), 7 (1889).
Stadnicki, K., Bracia Wladyslawa Jagielly (Lwyw, 1867).
Olgierd i Kiejstut (Lwyw, 1870).
Synowie Gedymina (Lwyw, 1881).
Витовт, биографии
Барбашев, А., Витовт (С.-Петербург., 1885-91). В 2 томах. Том 2 недоступен для меня. Pfitzner, J., Grossfürst Witold von Litauen als Staatsmann (Prague, 1930).
Wolff, J., Kniaziowie Litewsko-ruscy od końca czternastego wieku (Warsaw, 1895).
Ród Gedymina (Kraków, 1986). Недоступен для меня.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Цель предлагаемых таблиц заключается не в том, чтобы предоставить полную генеалогию каждого правящего дома, а в том, чтобы помочь читателю идентифицировать правителей, упоминаемых в этом томе.

I. ДОМ ЧИНГИСХАНА

Цифры обозначают порядок наследования престола **великими ханами**

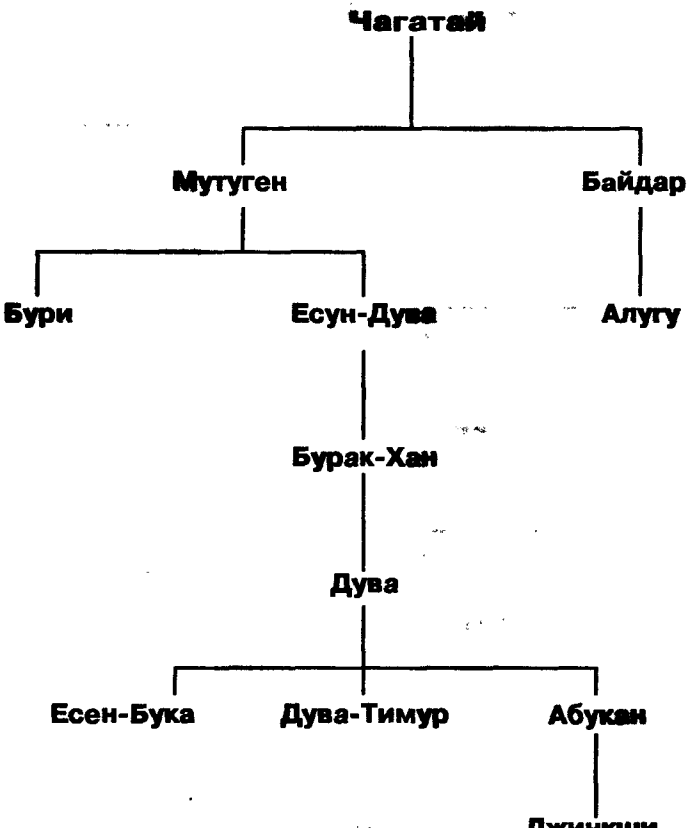


II. ДОМ ХУБИЛАЯ

Цифры обозначают порядок наследования престола великими ханами

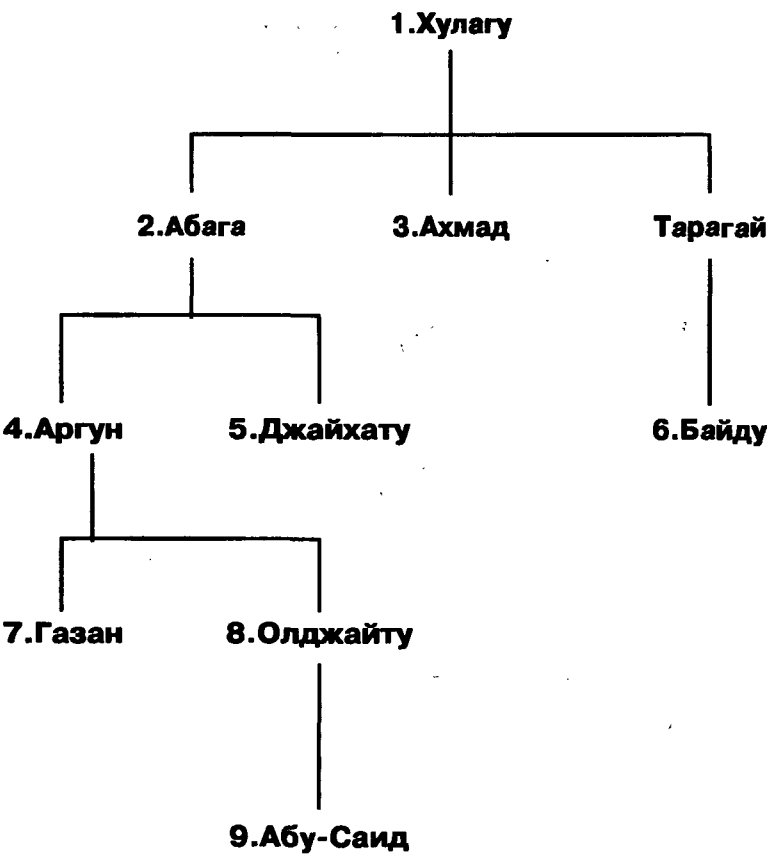
* Согласно Замбауру, Камала был сыном Чингисхана

III. ДОМ ЧАГАТАЯ



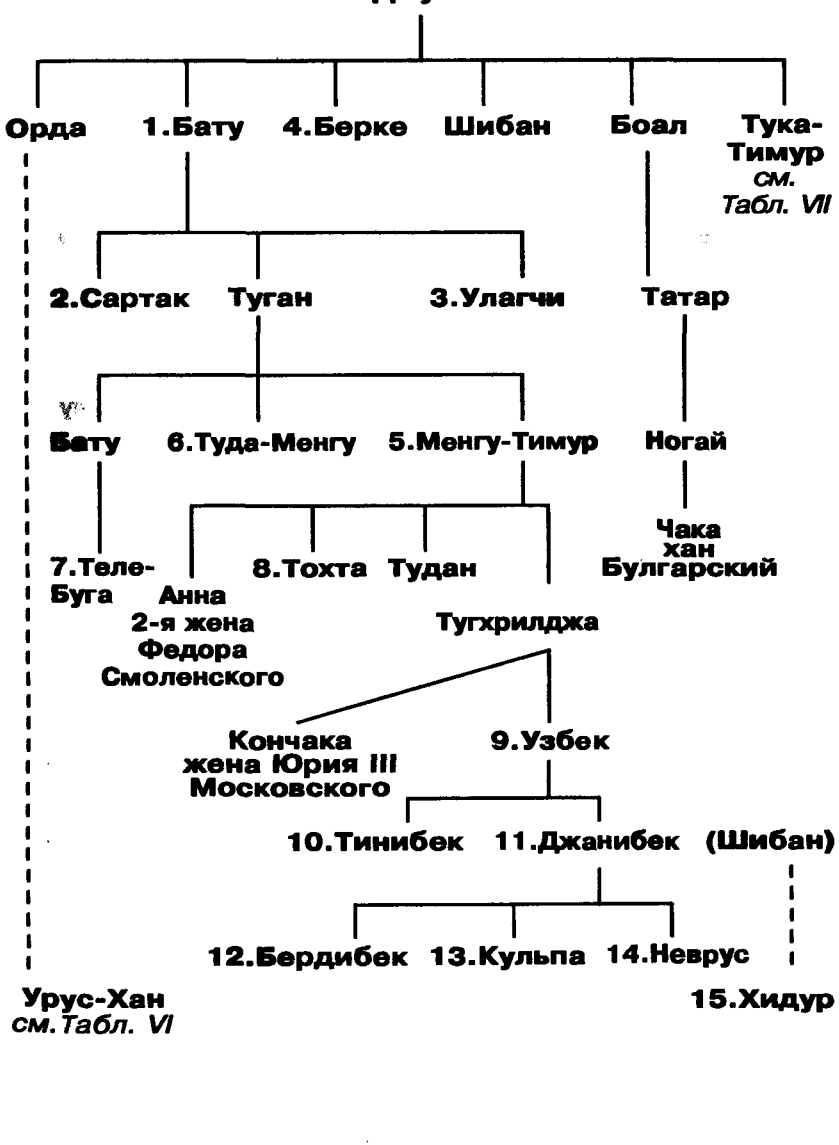
IV. ИЛЬ-ХАНЫ ПЕРСИИ

Цифры указывают порядок престолонаследия

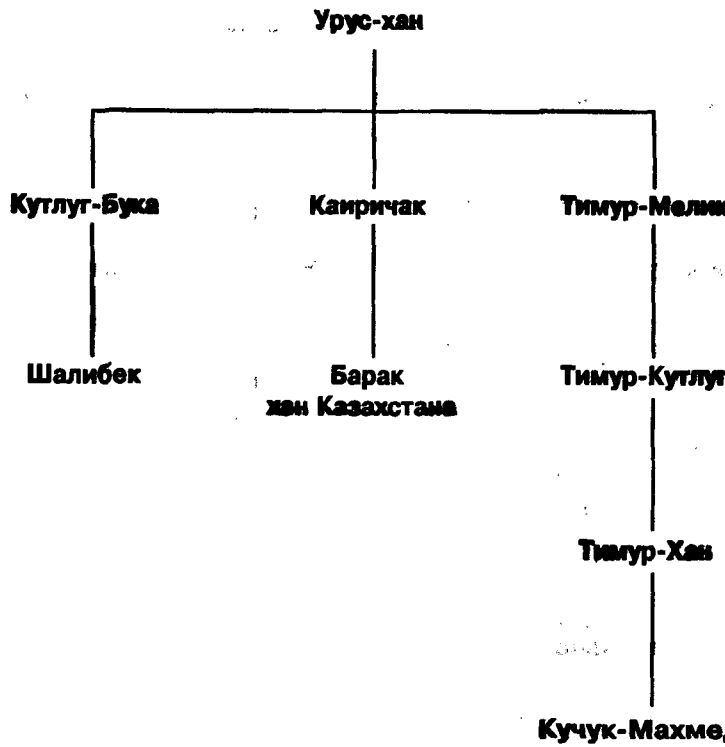


V. ДОМ ДЖУЧИ

Цифры показывают порядок наследования престола ханами Золотой Орды

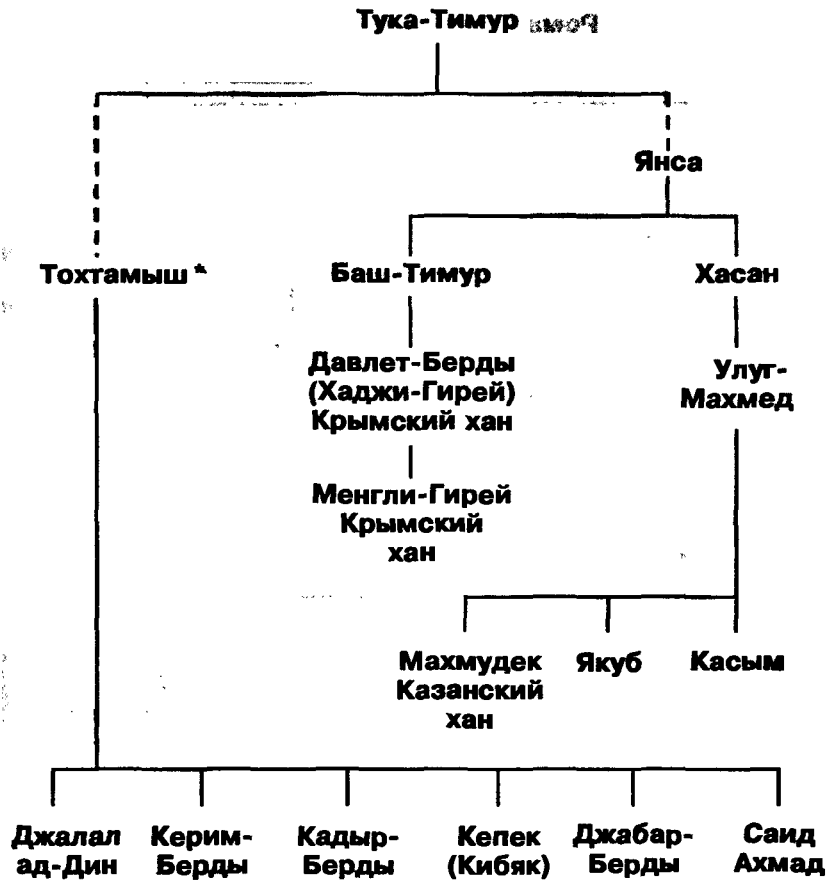


VI. ДОМ УРУС-ХАНА*



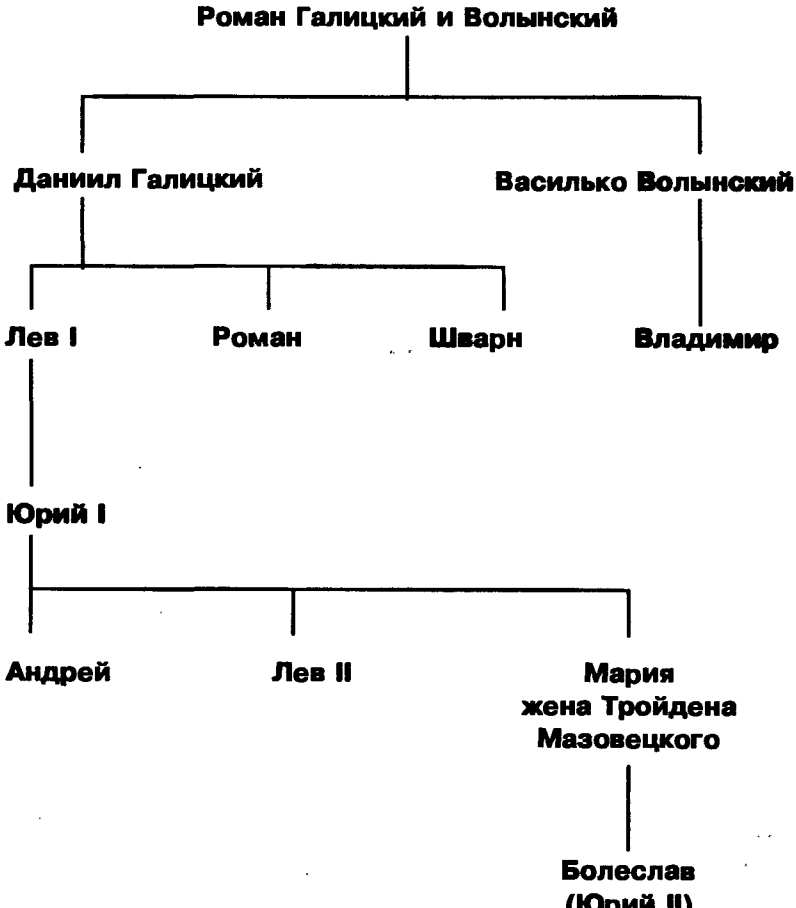
* Замбаур считает Урус-хана потомком Орды, *Muizz* — потомком Тука-Тимура

VII. ДОМ ТУКА-ТИМУРА

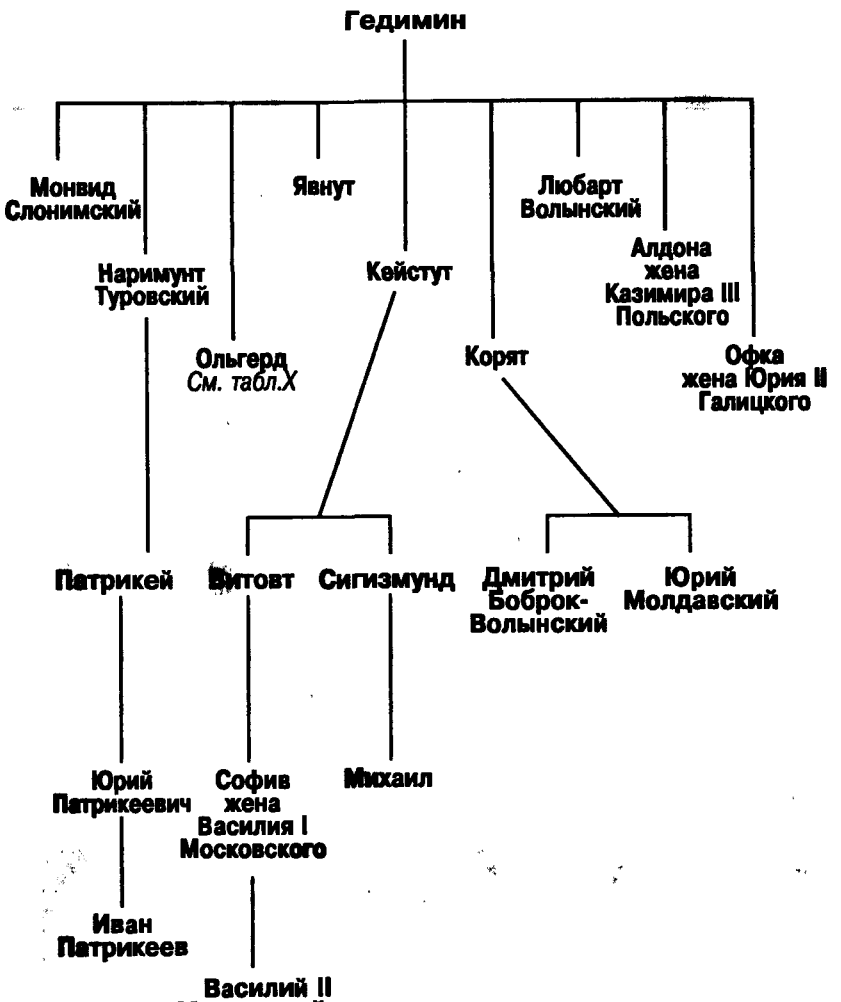


* Согласно Muizz Тохтамыш являлся потомком Тука-Тимура; согласно Замбауру - потомком Орды.

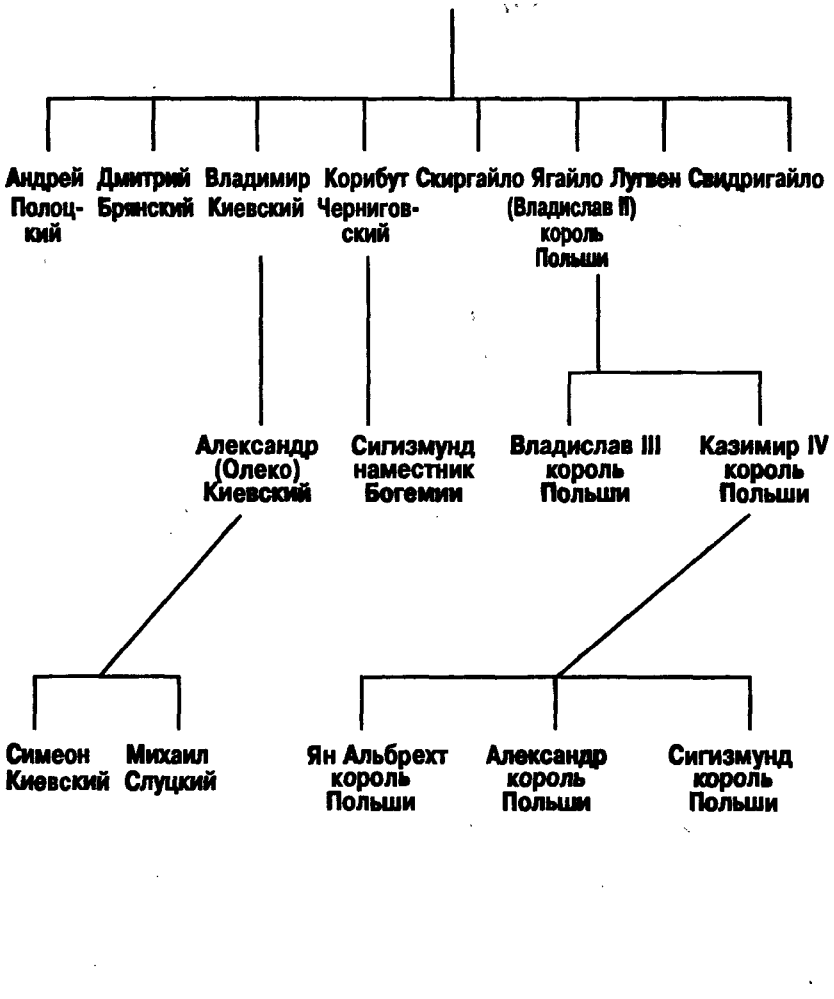
VIII. ДОМ ГАЛИЦКИЙ И ВОЛЫНСКИЙ



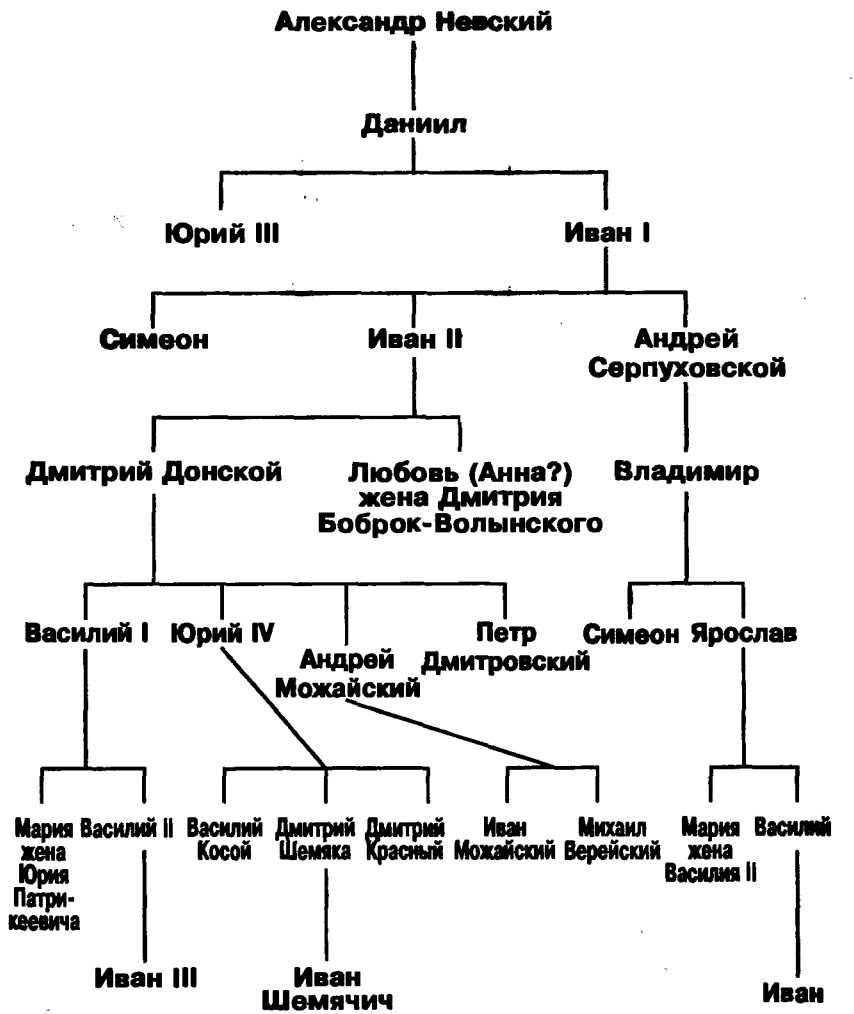
IX. ДОМ ГЕДИМИНА ЛИТОВСКОГО



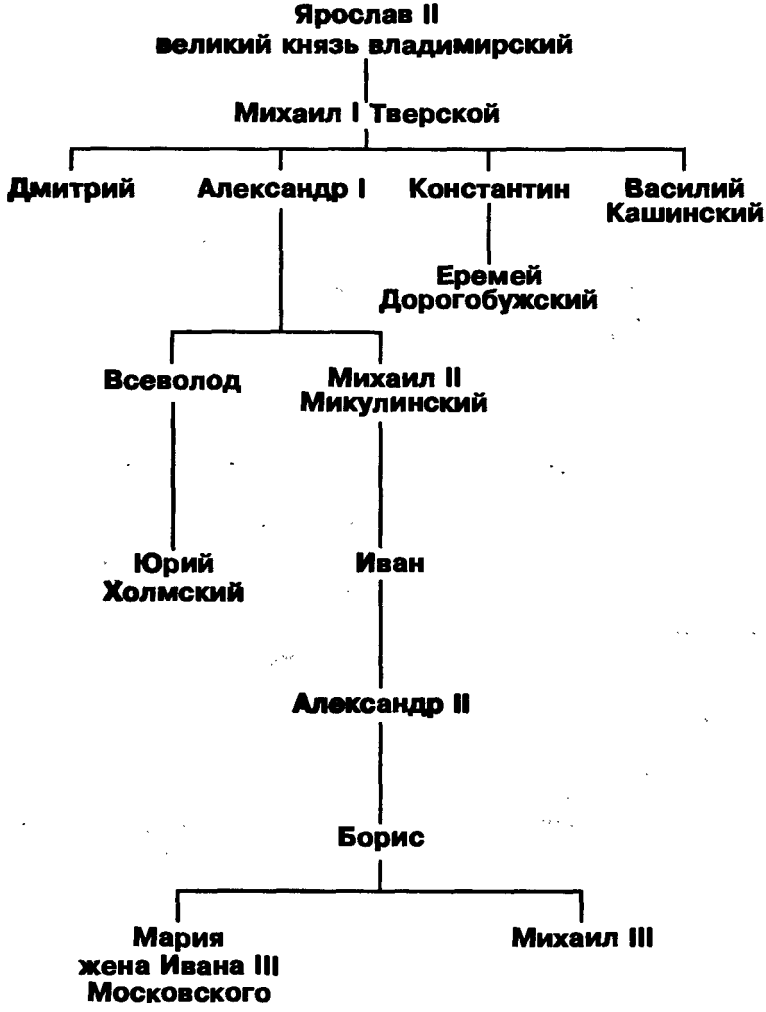
X. ДОМ ОЛЬГЕРДА ЛИТОВСКОГО



XI. МОСКОВСКИЙ ДОМ



XII. ТВЕРСКОЙ ДОМ



СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ... 5
Глава I. МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ... 9
1. Всемирно значимые моменты монгольской экспансии. ... 9
2. Мусульманский и христианский миры накануне нападения монголов. ... 14
3. Монгольские племена в конце XII столетия. ... 18
4. Подъем Темучина. ... 24
5. Основание Монгольской империи. ... 35
6. Монгольская экспансия в правление Чингисхана. ... 40
7. Монгольская экспансия в правление Угэдэя. ... 52
Глава II МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ ... 66
1. Правление Гуюка ... 66
2. Правление Мункэ. ... 73
3. Правление Хубилая ... 78
4. Династия Юань после Хубилая ... 88
5. Монгольская имперская идея. ... 99
6. Великая Яса ... 106
7. Монгольская армия и военное искусство ... 116
8. Монгольское правительство и администрация ... 126
9. Внутренние противоречия Монгольской империи ... 135
Глава III ЗОЛОТАЯ ОРДА ... 144
1. Улус Джучи ... 144
2. Правление Бату и его сыновей ... 147
3. Правление Берке ... 158
4. Правление Менгу-Тимура ... 170
5. Двойное правительство в Золотой Орде: Ногай как соправитель 181
6. Золотая Орда в первой половине XIV века ... 195
7. Государство и общество в Золотой Орде ... 215
8. Монгольская администрация на Руси ... 221
Глава IV РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУСИ ... 239
1. Две Руси ... 239
2. Великая смута в Золотой Орде и восстание московитов ... 250
3. Тохтамыш и Тамерлан ... 268
4. Правление Едигея ... 283
5. Золотая Орда, Литва и Московия, 1419-39 гг. ... 297
6. Оттоманские турки, Византия и Москва ... 309
7. Московия, Литва и татары во второй половине княжения Василия III . 320
Глава V ВЛИЯНИЕ МОНГОЛОВ НА РУСЬ ... 340
1. Предварительные замечания ... 340
2. Воздействие монгольского завоевания на русскую национальную экономику ... 346
3. Влияние на правительство и администрацию ... 352
4. Социальные изменения ... 374
5. Духовная жизнь ... 384
6. Последствия ... 391
ПРИМЕЧАНИЯ ... 398
СОКРАЩЕНИЯ ... 436
ИСТОЧНИКИ ... 446
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ... 459
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ... 465

Вернадский Г.В.

В35 Монголы и Русь. Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. — Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1997, 480 с.

«Монголы и Русь» - третья книга «Истории России» Г.В. Вернадского, посвященная периоду монголо-татарского нашествия, анализу его влияния на дальнейшие судьбы развития России. На основе обширного спектра источииков автор предлагает читателю собственное видение социокультурных последствий вторжеиия монголов в Россию.

Книга предназначена для широкого круга читателей. На русском языке издается впервые.